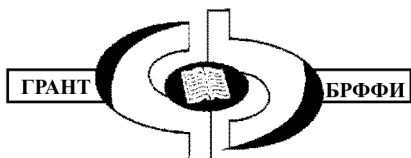

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

СЛОВО И СЛОВАРЬ VOCABULUM ET VOCABULARIUM

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Гродно
ГрГУ им. Я. Купалы
2013

УДК 801'374 (08)
ББК 81.04
С48

Рекомендовано Редакционно-издательским советом ГрГУ им. Я. Купалы.

Редакционная коллегия:

Рычкова Л. В., кандидат филологических наук, доцент;
Дубичинский В. В., доктор филологических наук, профессор;
Ройтер Т., доктор филологических наук, профессор;
Чепикова И. А., кандидат филологических наук.

Рецензенты:

Копылов И. Л., заведующий отделом лексикологии и лексикографии филиала «Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы» Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы, кандидат филологических наук;
Середа Л. М., кандидат филологических наук, доцент;
Пивоварчик Т. А., кандидат филологических наук.

С48 **Слово и словарь= Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр.** / ГрГУ им. Я. Купалы; Редкол.: Л. В. Рычкова (гл. ред.), В. В. Дубичинский, Т. Ройтер [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2013. – 203 с.
ISBN 978-985-515-628-5

Представлены результаты исследований по различным аспектам теории и практики лексикографии и терминографии. Рассматриваются проблемы исторической, переводной и учебной лексикографии, лексикографирования отдельных разрядов языковых единиц, социокультурные аспекты лексикографии. Отдельный раздел посвящен проблеме отражения специальной лексики в общепилологических словарях белорусского и русского языков. Адресовано широкому кругу филологов, лексикографов и терминоведов, студентам, магистрантам и аспирантам филологических специальностей. Аннотации даны на русском языке для расширения читательской аудитории.

УДК 81'374(08)
ББК 81. 04

ISBN 978-985-515-628-5

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, 2013

РАЗДЕЛ I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'374

М. М. Беридзе

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В КОРПУСЕ
(ГРУЗИНСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ КОРПУС)

Грузинский диалектный корпус является частью большого проекта «Лингвистический портрет Грузии». Представленный в корпусе словарный материал опирается на три основных компонента: диалектные тексты; диалектные словари; энциклопедические отраслевые материалы, собранные в различных регионах Грузии. Текстовая и лексикографическая база корпуса организованы таким образом, чтобы в совершенном виде представить грузинскую региональную лингвокультурную модель. Вместе с тем корпус послужит надежным источником для создания мультидиалектного словаря.

На сегодняшний день параллельно развиваются технологии создания больших текстовых корпусов и документирования малых языков. Вместе с тем становится все более ясным, что полноценное документирование языка или какой-нибудь из его подсистем, создание совершенной коммуникативной модели, мониторинг и исследование языковых процессов, проведение различных превенциальных, нормативных или реабилитационных мероприятий возможны только при корпусном подходе.

Проект «Лингвистический портрет Грузии» ставит целью широкомасштабное компьютерное документирование лингвистического многообразия Грузии. Для осуществления этого проекта мы выбрали корпусную стратегию документирования языка.

Грузинский диалектный корпус создается как один из значительных сегментов грузинской национальной коммуникативной модели. Нам он представляется как субкорпус «большого грузинского корпуса», который будет объектом широкого междисциплинарного использования [1, с. 25].

Сегодня при корпусном представлении диалектного материала выявляются два направления. Цель одного из них – создание фрагментарного корпуса общего характера, в котором в основном представлены иллюстрации и который больше нацелен на создание представления о многообразии подсистем языка, чем на представление полных лингвистических знаний. Такой подход проводится в русском национальном корпусе [1, с. 215; 2, с. 15]. Существует и совершенно иной подход, подразумевающий представление диалектного материала в качестве научного источника нового типа для документирования и изучения не только языковых особенностей диалектов, но и региональной коммуникативно-языковой модели в целом [3; 4]. Корпусы первого типа в основном имеют функцию иллюстрации и популяризации. Корпусы второго типа совмещают много других функций, в том числе функцию ревитализации языка.

Идея нашего корпуса с самого начала была ориентирована на второй подход.

Каждый диалект (или какая-либо другая подсистема языка) представлен в корпусе в качестве отдельного субкорпуса.

На сегодняшний день в корпусе интегрированы тексты приблизительно двадцати диалектов грузинского языка (в том числе данные диалектов, распространенных на территории Ирана, Турции и Азербайджана), проводится интенсивная работа по разработке текстовой коллекции лазского языка.

Для достижения главной «корпусной» цели – создать как можно более совершенную модель грузинского языкового и культурного пространства – необходимо разрешение проблемы репрезентативности в корпусе, что станет возможным при обеспечении максимального отражения в нем диалектного словесного материала. Заранее мотивированного нарративного материала недостаточно для исчерпывающего представления словесного фонда диалекта. Разрешить эту проблему мы попытались путем интегрирования в корпусе «внетекстовой» лексики (словарей и словников), а также энциклопедического материала.

Текстовая база грузинского диалектного корпуса (ГДК) создавалась на основе текстов, собранных в разное время (опубликованных или записанных нами во время полевых работ).

Редактор добавления текста состоит из нескольких информационных блоков: персональная информация (имя информатора, имя записывающего лица, информация о научном авторе текстов); географическая информация (место записи, место рождения и жительства информатора, миграционные данные); языковая информация (язык, диалект, говор); хронологическая информация (время записи, издания текста или протекания описываемых в тексте событий); тематическая информация и т. д.

Все эти блоки сохраняются в корпусе в виде базы данных, и метарезметка каждого текста производится в редакторе добавления текста по принципу выбора метаданных.

Лексикографическая база. С самого начала в концепции нашего корпуса была выделена идея активизации диалектных словарей с особой функцией.

При составлении современных корпусов лексикографический компонент, как часть текстовой

(языковой) базы, как правило, не учитывается. Считаем, что он может использоваться в качестве исходного материала корпуса в силу своей «текстовой ценности», культурной и лингвистической информативности [5, с. 92]. Наиболее актуальным считаем включение словарного материала в диалектный корпус, поскольку в таком корпусе сложно обеспечить необходимое для полноты корпуса жанровое разнообразие языкового материала.

Таким образом, в качестве текстовой базы ГДК были использованы оцифрованные тексты «бумажных» словарей, составленных на материале диалектов грузинского языка. Словари в корпусе интегрируются с помощью специального редактора. В структуре лексикографического редактора учтены редакционные особенности словарей: он располагает возможностями добавления значений, иллюстраций, комментариев, ссылок; вместе с тем редактор позволяет отметить, заимствовано либо нет то или иное слово, и в случае необходимости указать источник заимствования. Словарь, интегрированный таким образом, доступен для пользователя корпуса как обычный электронный словарь, и в то же время его словарь представлен в общем конкордансе корпуса. Словарная статья «распределяется» в конкордансе следующим образом: заглавная форма дается в ряду словоформ, а иллюстрация в конкордансе выносится как контекст. В то же время иллюстративный материал представлен в корпусе в виде текстового фрагмента, каждой словоформе которого тоже отведено свое место в конкордансе [5, с. 96].

Второй важной функцией словаря является активизация функций первичной морфологической и семантической разметки. «Левая часть» используется для лемматизации и частеречного аннотирования. Словоформы из диалектных текстов, которые совпадают с главной формой диалектного словаря, можно с достаточной точностью описать первичными морфологическими маркерами.

Энциклопедический компонент в корпусе.

И словарь, и энциклопедия могут рассматриваться как результат корпусного осмысления «текстовых знаний». Если словарь – это «мир, представленный в алфавитном порядке» (Анатоль Франс), то смело можно утверждать, что энциклопедия – это знания об этом же мире, представленные в алфавитном порядке. Как уже отмечалось выше, словарь в корпусе может служить обеспечению возможности совершенствования и грамматической разметки языкового материала. Что же касается энциклопедии, ее можно рассматривать в качестве особой текстовой жанровой (стилистической) разновидности, которую необходимо учитывать при сбалансировании корпуса. Возможно, в корпусах будущего энциклопедический дискурс займет соответствующее место в виде отдельного субкорпуса. Необходимость внесения в наш корпус подобного типа материала мотивирована несколькими перечисленными ниже причинами.

1. Диалектология уже на самом первом этапе сбора эмпирического материала неразрывно связана с лексикологическими и энциклопедическими методами: сбор материала ведется по лексикологическим и тематическим вопросам. Последние

мотивируют нарративы, которые содержат энциклопедические знания о той или иной хозяйственной отрасли, исторических событиях или традициях и обычаях. Соответственно, в самом текстовом массиве в достаточном объеме представлен энциклопедический материал.

2. Фиксирование энциклопедических знаний связано со сравнительно систематизированной регистрацией терминов, понятий, явлений, личностей и географических объектов.

3. Текст энциклопедического характера выявляет типичные коллокации терминов, понятий и т. д.

4. Энциклопедический «нарратив» представляет глагольную форму в большинстве случаев формой первого или третьего лица множественного числа; почти всегда в такого рода текстах лексические единицы фиксируются заглавной словарной формой: представлен именительный падеж имени или начальная форма глагола (масдар). Последняя в простом диалектном нарративе встречается довольно редко.

Все это облегчает процесс лемматизации словоформ и дает возможность использовать не «виртуальную» лемму, восстановленную на основе конкретной текстоформы, как это происходит, например, в Саратовском диалектном корпусе, а реально зафиксированную [6, с. 7].

Таким образом, если словарь в корпусе служит для представления полного реестра лексических единиц и разметки первичной грамматической информации, то энциклопедия, помимо возможности обогащения корпуса лексическими единицами (терминами), дает возможность отражения полной грамматической парадигмы.

Когда мы говорим об энциклопедических диалектных текстах, мы имеем в виду материалы уникальной междисциплинарной экспедиции, осуществленной в 1935 году. На протяжении двух месяцев по всей Грузии и среди этнических грузин Азербайджана (Саингило) члены экспедиции собирали этнографический материал, который был позднее распечатан и представлен в пяти томах под общим названием «Материалы к истории кустарного производства и мелкого ремесла в Грузии». В силу ограниченных дисциплинарных целей лингвистические особенности текста не рассматривались. В Институте языкознания им. А. Чикобава сохранились копии рукописей материалов экспедиции. Эти материалы были оцифрованы (свыше 25-и рукописных томов) и после унификации и специальной обработки постепенно интегрируются в корпус. Значение материала уникально как с точки зрения тезаурусного моделирования национальных этнографических реалий, так и с точки зрения соответствующего отражения энциклопедического дискурса при построении общей коммуникативно-культурной модели языка.

Указанные материалы интегрируются в корпус с помощью редактора добавления текста, хотя принципы описания текста и его филологической разработки несколько отличаются от обработки типичных диалектных текстов. Это обусловлено неоднородностью принципов сбора и подготовки к изданию материала, характерной для взглядов группы исследователей, работавших над этой проблемой

в 1935 году. В одной части текстов максимально сохранены диалектные особенности речи информаторов, в другой части лишь энциклопедическая информация по той или иной теме передается в точности, текст же представляет собой адаптированное автором и целиком литературное повествование, и только термины зафиксированы в диалектной форме. С тем чтобы, с одной стороны, не потерять ни одного диалектного нюанса, а с другой, – сохранить информативный характер текста, в качестве одного из этапов лингвистической обработки было предусмотрено дифференцирование текстов информаторов и ученых, проводивших записи. Таким образом, в текстовом редакторе интегрируется уже обработанный текст. В поле словоформы корпусного конкорданса представлена только диалектная форма, но ее контекстуальное окружение «выявит» не интересный с диалектной точки зрения, но важный по содержащейся в нем информации фрагмент текста.

Мы выше коснулись вопроса о текстовом значении словарей, а также их возможной роли при первичной разметке корпуса. Все это касалось «готовых» диалектных словарей, интеграция которых начата в корпусе. Ниже кратко опишем еще один лексикографический инструмент корпуса, – редактор создания новых словарей. Созданный в редакторе словарь не повторяет представленные в корпусе словари, а представляет собой новый словарь, созданный на базе корпуса. В таком словаре интегрируются все лексические знания, почерпнутые из «обычных» и энциклопедических текстов, а также «бумажных» (печатных) словарей. На этом «перекрестке» «разветвляется» и корпусная работа: обогащение текстового массива продолжается, и параллельно создается новый словарь, базирующийся на мультисистемном тезаурусе. Затем эта работа вновь становится единой в базе разметки, где каждая заглавная лексическая форма из заново разработанной словарной статьи переходит в общий конкорданс корпуса, «унося с собой» первичную грамматическую информацию, и таким образом продолжается процесс грамматической разметки корпуса.

Интегрирование лексикографического и энциклопедического компонентов в корпусе вместе с текстовым материалом дает не только возможность в полном объеме представить лингвокультуру

турную картину Грузии, но и перспективу создания новых универсальных диалектных словарей, опирающихся на корпус.

Список литературы

1. Беридзе, М. М. The Corpus of Georgian Dialects / М. М. Беридзе, Д. В. Надараи // NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research: Proceedings of fifth International Conference. Slovakia. – Tribun, 2009. – С. 25–35.
2. Летучий, А. Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы / А. Б. Летучий // Национальный корпус русского языка: 2003–2005 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. Акад. наук. – М.: Индрик, 2005. – С. 215–232.
3. Рахилина, Е. В. Корпус как творческий проект / Е. В. Рахилина // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плуныя. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 7–26.
4. Крючкова, О. Ю. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). – Вып. 7 (14). – М.: РГГУ, 2008. – С. 268–274.
5. Беридзе, М. М. Словарь как текстовый компонент корпуса (Корпус грузинских диалектов) / М. М. Беридзе, Д. В. Надараи // «Корпусная лингвистика-2011»: труды Междунар. науч. конф. (27–29 июня 2011, Санкт-Петербург, Россия). – СПб., 2011. – С. 92–97.
6. Крючкова, О. Ю. Мультимедийный диалектологический корпус – важнейший ресурс сохранения и изучения народно-речевой культуры / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Всероссийский конкурс интеллектуальных проектов [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа www.fondedin.ru/redirectlink181.php. – Дата доступа: 13.10.2012.

Беридзе Марина Михайловна, старший научный сотрудник Института языкознания им. А. Чикобава Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, заведующий отделом компьютерной обработки языковых данных, кандидат филологических наук (Тбилиси, Грузия).

The Georgian Dialect Corpus presents lexical data based on three significant components: dialect texts (data from up to twenty dialects); dialect dictionaries; sectoral encyclopedic data, collected in dialects. The paper provides a detailed description of the editors of the addition of textual and lexicographic data into the corpus; it will also demonstrate how a lexicographic component is used as a tool for the grammatical marking of a textual vocabulary, and how a lexicographic base is established for the creation of a new, multi-dialect dictionary and an encyclopedic reference of dialect terms by means of parallel processing of a text massive and of integrating of dictionaries of individual dialects and sectoral terms.

УДК 811.161.2'374

Н. Г. Гордієнко

ПЕРЕДМОВА ТА ІНСТРУКЦІЯ З КОРИСТУВАННЯ СЛОВНИКОМ ЯК ОКРЕМІ СКЛАДНИКИ МАКРОСТРУКТУРИ

Затрагується проблема вычленения предисловия и инструкции по использованию словаря как отдельных компонентов макроструктуры, проанализированы их структурные особенности. Предложены критерии, на основе которых могут быть разработаны текстовый корпус предисловия, а также основные элементы в инструкции. Подчеркнуто, что унификация лексикографической интерпретации отдельных составляющих макроструктуры способствует стандартизации практических принципов лексикографии.

У сучасній лексикографії макроструктуру зазвичай розуміють як добір лексики, обсяг і характер словника, принципи розташування матеріалу. Подеколи макроструктура словника синтезує за-

гальні проблеми лексикографічної праці, виокремлюючи її як самостійну систему з внутрішніми зв'язками та багатоплановою організацією. Зокрема, В. В. Дубічинський зазначає, що неодмінним склад-

ником макроструктури є «синонімічні, антонімічні, омонімічні, паронімічні відношення мовних одиниць, зовнішні зв'язки семантичних полів, тематичні та лексико-семантичні групи, принципи розміщення мовних одиниць у словнику» [1, с. 37]. Також до макроструктури автор зараховує передмову, перелік словникових матеріалів, індексів (алфавітні покажчики). Називаючи складники макроструктури словника, О. М. Демська має на увазі: передмову, інструкцію, граматичну інформацію, власне словник, додатки, літературу тощо [2, с. 24].

Нерідко в українському словникарстві спостерігаємо тенденцію до так званого «межування» параметрів. Зокрема, найчастіше не зовсім коректно репрезентовано контексти передмови та інструкції з користування словником. Таке поєднання різних складників макроструктури недоцільне, оскільки кожен з них містить індивідуальні змістові елементи, а лексикографічна практика ХХІ ст. вже давно потребує розроблення стандартизованого теоретичного підґрунтя. Досить часто спостерігаємо тенденцію до скорочення передмови, наприклад, у таких працях, як «Новітній російсько-український словник» [3], де текст подано скорочено у невеликому абзаці, що розкриває основну мету словника.

Вирішення цих питань вбачаємо в розв'язанні таких завдань: 1) виокремлення особливостей передмови та інструкції з користування у сучасних словниках; 2) аналіз та розмежування основних змістових складників зазначених параметрів; 3) вироблення загальних критеріїв для створення передмови та інструкції, які в перспективі стануть основою лексикографічної моделі з розроблення основних складників словника.

Результати здійсненого аналізу можна відобразити у таблиці, вказавши типи сучасних лінгвістичних словників та наявних (знак +) складників у передмові.

Припущення про те, що «останнім часом постала тенденція вступну частину скорочувати, бо серед словників поширилася думка, що її ніхто не читає» [4, с. 151] є не зовсім коректним, оскільки професійно репрезентований текст передмови подає лаконічний аналіз лексикографічного продукту, експлікуючи при цьому найважливішу загальну інформацію. Інакше кажучи, передмова в кожному словнику є його історичним документом.

За даними, наведеними в таблиці 1, обов'язковими складниками **передмови**, незалежно від типу словника, є:

а) характеристика реєстру (кількість одиниць, лексичний склад, групи лексики, що залишилися поза словником, критерії добору реєстрових одиниць). Наприклад, у передмові до «Глумачного словника української мови» (1999) [5] наголошено, що до реєстру не введено числівників, займенників, дієприкметників, дієприслівників, службових слів, слів із суфіксом пестливості, зменшення чи збільшення, прикметників вищого й найвищого ступенів і т. ін. Слід зазначити, що кількісний показник реєстру введено не до всіх словників, здебільшого укладачі подають таку інформацію в анотації. Натомість для більшості сучасних лексикографічних джерел характерне фіксування кількісного складу словника в самій назві: «Глумачний словник української мови: близько 20 000 слів і словосполучень» [6] та ін.;

б) новизна праці (має бути зазначено дату видання і/або перевидання словника). У назвах значної кількості словників використано прикметники на кшталт *новий, сучасний, найновіший, новітній*. Тому виходимо з позиції, згідно з якою в передмові має бути обов'язкове аргументування оригінальності, актуальності укладеної праці, визначення окремих елементів словникової структури, як новітніх, так і

Таблиця 1 – Складники передмови в сучасних лінгвістичних словниках

Типи словників	Лексичний склад реєстру	Кількісний показник реєстру	З історії мови	Новизна праці	Призначення словника	Джерельна база	Обсяг виконаних робіт авторами	Наукова термінологія	Історія укладання словника	Територія дослідження	Відповідність правовисній нормі
глумачний	+	+	+	+	+	+					
перекладний	+	+		+	+						
орфографічний	+	+	+	+		+	+				+
фразеологічний	+	+	+	+	+	+		+			
діалектний	+								+	+	
антропонімний	+		+	+						+	+
жаргонної лексики	+	+		+	+	+		+			
етимологічний	+		+				+		+		
міжслівних зв'язків	+	+		+	+	+		+			

частково осучаснених. Так, у «Сучасному тлумачному словнику української мови» [7] наголошено на основному принципі словника – тлумаченні реєстрового слова синонімами, які з'ясовують найтонші його значення, а у «Тлумачному словнику української мови» (2008) [8] увагу зосереджено насамперед на використанні етимологічних довідок. Особливість «Тлумачного словника української мови» (2005) [9] полягає у спеціальному виокремленні антонімів, а у «Російсько-українському словнику-довіднику» [10] інформацію акцентовано на відображенні сучасних соціально-політичних і культурних реалій пострадянського періоду розвитку Росії та України, фіксування змін у лексичному складі;

в) призначення лексикографічної праці (окреслення кола користувачів та завдань, які вона допомагає розв'язати).

Натомість інформація, що містить факультативний матеріал, може поєднувати такі елементи:

а) відомості енциклопедичного характеру (про історію мови, становлення правописної норми тощо). Зазначимо, що подеколи зміст передмови характеризується надмірною публіцистичністю (пор. «Тлумачний словник-мінімум української мови» [11] та «Тлумачний словник-мінімум української мови» [12]). Інформація в передмові має подаватися лаконічно і бути лише елементом контексту, а не характеризувати передмову в цілому;

б) наукову термінологію. Спеціальні словники фразеологізмів, жаргонної лексики, міжслівних зв'язків, потребують додаткової інформації про терміни, що стали предметом лексикографічної інтерпретації. Так, наприклад, доцільно подати тлумачення термінів *фразеологізм, синонім, антонім, омонім, сленг, жаргон, аргю* та ін.;

в) джерельна база. Такий елемент доречний у тих випадках, коли за основу укладання того чи того словника взято один чи декілька ґрунтовних словників. Наприклад, укладання середніх за обсягом тлумачних джерел на основі академічного «Словника української мови» в 11-ти томах [13];

г) історія укладання словника. Найхарактернішою така інформація є для діалектних словників;

г) територія збирання матеріалів. Зазвичай репрезентовано в діалектних словниках та у словниках власних назв;

д) відповідність правописній нормі (прескриптивний (нормативний) / дескриптивний (описовий) словник);

е) обсяг виконаних робіт кожного з авторів (наприклад, академічний «Словник фразеологізмів української мови» [14]).

Практика укладання сучасних лексикографічних кодексів доводить, що з розвитком словникарства макро- та мікроструктура набувають нових параметрів, які потребують індивідуальних підходів до лексикографування і своєрідного висвітлення в інструкції з користування словником. Система параметрів в інструкції у сучасних словниках, особливо в працях нового типу, формувалася поступово. Наприклад, у «Словнику жаргону злочинців» [15], інструкцію поєднано зі змістовим блоком передмови, насамперед було введено граматичну інформацію, специфіку багатозначності, варіантності, синонімічності та інформацію про показник. Поступово складники на макроструктурному рівні

набули логічного структурування. «Словник сучасного українського сленгу» [16] репрезентує інструкцію композиційно, з виокремленням в окремі підпункти таких елементів: основних властивостей заголовного слова, граматичної, функціональної та експресивно-стилістичної характеристики, тлумачення, ілюстративного матеріалу, паспортизації.

У лексикографічних працях за редакцією Л. О. Ставицької текстовий матеріал структуровано відповідно до будови словникової статті. Наприклад, у «Короткому словнику жаргонної лексики української мови» [17] виокремлено 8 параметрів: заголовне слово, словозмінні маркери, ремарки, тлумачення, ілюстрації та посилання, ідіоматична зона, історико-етимологічний коментар. У праці «Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників» [18] інструкція з користування охоплює 18 компонентів, об'єднаних у 9 блоків: структура словникової статті; граматична кваліфікація реєстрового слова; функціональна, стилістична, регіональна характеристика; тлумачення; історико-етимологічний коментар; ілюстрації; стійкі словосполучення; синоніми; нестандартне вживання обсценного й еротичного лексикону.

Аналіз сучасних лінгвістичних словників дав змогу розмежувати 4 основні типи **інструкції з користування**:

1) комбінаторний (поєднує елементи макро- та мікроструктури) – тлумачні словники; 2) диференційований (розмежування інформації про макро- та мікроструктуру у різних підпунктах / параграфах) – тлумачні, орфографічні, фразеологічні, діалектні, антропонімі, словники міжслівних зв'язків; 3) однокомпонентний (макро- чи мікроструктура) – словники жаргонної лексики, діалектні; 4) технічне оформлення – перекладні. Як зразок можна розглядати динаміку диференційованого типу, в якому макро- та мікроструктуру аналізують окремо за їхньою параметричною будовою.

Головним принципом укладання інструкції з користування є, по-перше, чітке виокремлення параметрів макро- та мікроструктури, по-друге, структурування кожного з їхніх елементів. Наприклад, у «Словаре русско-украинских фамилий тюркского происхождения» [19] інструкція з користування є багатоконпонентною: макро- та мікроструктуру репрезентовано в 4 блоках відповідно до порядку розроблення у словникової статті: блок реєстрової одиниці, блок словотвірної структури, блок тлумачення, блок ремарок. У перекладних «Англо-українському фразеологічному словнику» [20] та «Українсько-французькому і французько-українському фразеологічному словнику» [21] будова інструкції передбачає, окрім основних складників будови словника, одночасне зазначення специфіки вживання артиклів, алфавітний принцип розташування прислів'їв, приказок, скорочених форм тощо. Важливим елементом є вказівка на способи добирання еквівалентів вихідної мови.

Поza типологією залишилися окремі праці, в яких інструкція репрезентована дуже обмежено. Подеколи укладачі не зважають на ієрархізацію складників, не виправдано надаючи факультативній інформації першочергового значення. Зокрема, у «Новому українсько-російському і російсько-українському словнику (2009) [22] та «Новому українсько-російському і російсько-українському словнику» (1998) [23] введено

довідку про технічне оформлення (умовні скорочення, цифрове позначення полісемії). З-поміж зазначених критеріїв, що стосуються інструкції макро- чи мікроструктур, у цих джерелах репрезентовано небагато: способи подання реєстрових одиниць, омонімів, умови введення фразеологізмів.

Проте зауважимо, що під час опрацювання структурних складників варто дотримуватися раціональних принципів розмежування. Так, наприклад, не варто подрібнювати акцентуаційний параметр (перекладні словники) чи розмежовувати ремарки за блоками залежно від їхньої частиномовної належності (діалектні словники). Зокрема, у «Наддністрянському регіональному словнику» [24] репрезентовано 10 основних складників мікроструктурного рівня: 1) стилістичні та граматичні характеристики іменників, прикметників; 2) відмінювання іменників; 3) граматичний рід іменників; 4) репрезентація відмінюваних і невідмінюваних іменників у фразеологізмах; 5) специфіка невідмінюваних прикметників у фразеологізмах; 6) особові форми дієслова; 7) зазначення виду дієслова; 8) ремарки при невідмінюваних частинах мови; 9) стилістичні позначки; 10) ремаркування термінологічної лексики. Уважаємо за необхідне зазначити, що в цьому прикладі структуру словникової статті можна подати з меншою кількістю елементів, об'єднавши 1 та 8–10 пункти в один структурний блок – ремаркування та стилізація реєстрових одиниць, а 2–7 пункти – у блок граматичної характеристики.

Отже, диференціювання передмови та інструкції з користування уможливило структурування загального складу словника, вироблення чітких критеріїв у металексикографії, уявляючи метамову кожного з параметрів макроструктури лексикографічної праці, у невеликому за обсягом форматі репрезентує макро- та мікроструктури словника. До позитивних і перспективних принципів розроблення передмови та інструкції належать: 1. Розмежування передмови та інструкції в кожній окремій лексикографічній праці. 2. Виокремлення усіх наявних складників загальної будови словника та словникової статті з відповідною нумерацією та назвою. 3. Об'єднання невеликих за обсягом складників в узагальнювальні тематичні блоки.

Список літератури

1. Дубичинский, В. В. Теоретическая и практическая лексикография / В. В. Дубичинский. – Вена–Харьков: Харьковское лексикографическое общество, 1998. – 147 с.
2. Демська, О. М. Вступ до лексикографії / О. М. Демська. – Київ: Видавничий дім «Кисво-Могилянська академія», 2010. – 266 с.

3. Новітній українсько-російський словник / уклад.: О. І. Артюх [та ін.]; за ред.: Л. М. Пелепейченко. – Харків: Прапор, 2006. – 1085 с.
4. Лендау, Сидні. І. Словники: мистецтво та ремесло лексикографії / Сидні. І. Лендау; пер. з англ. – Київ: К.І.С., 2012. – 480 с.
5. Тлумачний словник української мови: близько 7 000 слів / уклад.: Д. Г. Гринчишин [та ін.]; за ред. Д. Г. Гринчишина. – 3-є вид., перероб. і доп. – Київ: Освіта, 1999. – 303 с.
6. Тлумачний словник української мови: близько 20 000 слів і словосполучень / уклад.: Н. Д. Кусайкіна [та ін.]; за ред. В. В. Дубичинського. – Харків: Клуб Сімейного Дозвілля, 2010. – 608 с.
7. Сучасний тлумачний словник української мови / уклад. А. М. Яковлєва, Т. М. Афонська. – Харків: Торсінг плюс, 2007. – 672 с.
8. Тлумачний словник української мови / уклад. А. О. Івченко. – Харків: Фолио, 2008. – 540 с.
9. Тлумачний словник української мови / уклад.: Т. В. Ковальова, Л. П. Коврига. – Харків: Синтекс, 2005. – 672 с.
10. Російсько-український словник-довідник / уклад.: О. І. Скопченко, Т. В. Цимбалюк. – Київ: Довіра, 2007. – 415 с.
11. Тлумачний словник-мінімум української мови. – Київ: Довіра, 1999. – 447 с.
12. Тлумачний словник-мінімум української мови / уклад.: Л. О. Ващенко, О. М. Єфімов. – Київ: Довіра, 2004. – 607 с.
13. Словник української мови: у 11 т. / І. К. Білодід (гол. ред.) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1970–1980. – 11 т.
14. Словник фразеологізмів української мови / уклад.: В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк [та ін.]. – Київ: Наукова думка, 2008. – 1104 с.
15. Словник жаргону злочинців / уклад. О. І. Поповченко. – Київ: Оверіг, 1996. – 144 с.
16. Словник сучасного українського сленгу / уклад. Т. М. Кондратюк. – Харків: Фолио, 2006. – 352 с.
17. Короткий словник жаргонної лексики української мови / уклад. Л. О. Ставицька. – Київ: Критика, 2003. – 336 с.
18. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників / уклад. Л. О. Ставицька. – Київ: Критика, 2008. – 455 с.
19. Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения / сост. В. Ф. Ибрагимова. – Симферополь, 2009. – 116 с.
20. Англо-український фразеологічний словник / уклад. К. Т. Баранцев. – Київ: Знання, 2005. – 1056 с.
21. Українсько-французький і французько-український фразеологічний словник / уклад.: М. А. Венгренівська, Г. Ф. Венгренівська, Т. Б. Оратовський. – Київ: Генеза, 2000. – 276 с.
22. Новий українсько-російський і російсько-український словник / уклад. А. Ю. Петраковський. – Харків: Див, 2009. – 576 с.
23. Новий українсько-російський і російсько-український словник – Київ: Аконті, 2006. – 575 с.
24. Наддністрянський регіональний словник / уклад. Г. Ф. Шило; за ред. Л. М. Полюги, Н. В. Хобзей. – Львів–Нью-Йорк, 2008. – 288 с.

Гордієнко Наталія Григорівна, молодший науковий співробітник Інституту української мови НАН України, кандидат філологічних наук (Київ, Україна).

The article deals with the problem of separation of foreword and manual as independent parts of a dictionary's macrostructure and provides the analysis of their structural peculiarities. It suggests basic criteria for developing foreword textual corpus as well as the main issues in the manual. It is stressed that unifying the ways of lexicographical representation of separate macrostructural elements is an effective means of standardizing practical principles of lexicography.

С. В. Гринев-Гриневич, А. Н. Лаврова

СЛОВАРИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Рассматриваются возможности использования современных словарей в исследованиях лексической картины мира, анализируются типичные достоинства и недостатки словарей.

Одним из наиболее любопытных направлений в современной когнитивной лингвистике, да и в лингвистике в целом стали исследования языковой картины мира. Наиболее ярко особенности языковой

картины мира проявляются на уровне лексики языка. Наряду с национальной лексической картиной мира, являющейся в известной мере объективированной системой представлений, мы предлагаем различать

различные степени видения мира (особенности представлений об окружающем мире) – от субъективных представлений до групповых, зафиксированные в существующих словарях.

Изучение исторического развития языковой картины мира может послужить основой реконструкции эволюции ментальности человека. Однако такой проект трудно реализуем в связи с исключительной трудоемкостью такой работы – словарь современных развитых языков насчитывает сотни тысяч лексем. Эта проблема может быть решена разбиением общей лексической картины мира на отдельные фрагменты, которые могут быть представлены в виде семантических полей.

Проблемой лексикологических исследований семантических полей является трудоемкость сбора материала. В 1990-е годы сбор лексикографического предметных областей для дипломных и кандидатских исследований, проводимых в Московском педагогическом университете, осуществлялся путем сплошного просмотра словарей, что было весьма трудоемкой и долгой работой. В начале XXI века в рамках лексических и антропологических исследований в России и Польше для скорейшего сбора лексического материала курсовых, дипломных, бакалаврских и магистерских исследований тематических групп лексики был разработан метод комплексного анализа синонимических семантических полей. Это дает возможность использования в качестве источника английских словарей синонимов и значительно сокращает трудоемкость работы.

В ходе отбора материала был обнаружен ряд типичных недостатков современных английских словарей. В современной англоязычной лексикографии бросается в глаза парадоксальная ситуация: при упорном игнорировании лексики как самостоятельного уровня языка и практическом отсутствии лексикологии как области знания наблюдается расцвет словарного дела – ежегодно рядом ведущих издательств выпускается большое число словарей различного типа (переводных, толковых, синонимов и т. д.).

В результате этого, например, в 14-томной лингвистической энциклопедии «Encyclopedia of Language and Linguistics» [1] объемом свыше 11 000 страниц статья «Лексикология» занимает только 5 страниц. Энциклопедия английского языка известного английского лингвиста Дэвида Кристалла – «The Cambridge Encyclopedia of the English Language» [2] – содержит только 123 термина лексикологии из 838, имеющих в немецких и российских учебниках по английской лексикологии. В наиболее полном словаре английских лингвистических терминов – «The Oxford Companion to the English Language» [3] – статья «Lexicology» занимает только один абзац; статья, посвященная лексикографии, несколько больше – 2 страницы.

В то же время наблюдается постоянный рост числа словарей, выпускаемых ведущими издательствами. Опыт использования словарей в лексикологических, терминологических и антропологических исследованиях за последний десяток лет показывает ряд несоответствий между заявляемыми качествами словарей и реальным состоянием, причем ряд недостатков носит всеобщий и постоянный характер.

Так, многие словари не приводят всех синонимов заглавных слов. Например, словарь известного своим качеством издательства Chambers – «Chambers Super-Mini Thesaurus» [4] – в статье *look* v. приводит 17 синонимов, тогда как проверка полноты представления синонимов данного слова в словаре по статьям его синонимов позволила найти в этом же словаре еще 34 синонима – в два раза больше, включая такие достаточно употребительные слова, как *peer*, *peek*, *eye*, *consider*, *ogle*, *descry*, *admire*.

В других словарях размер группы синонимов этого же глагола варьируется от 7 до 66 следующим образом:

- «The Oxford Thesaurus» [5] – 20 синонимов;
- «Chambers Thesaurus» [6] – 42 синонима;
- «Longman Synonym Dictionary» [7] – 66 синонимов;
- «Webster's New Dictionary of Synonyms» [8] – 7 синонимов;
- «Webster's Thesaurus» [9] – 22 синонима;
- «The New Roget's Thesaurus» [10] – 33 синонима.

При этом общее число обнаруженных синонимов равно 80 [11]. Существуют все основания полагать, что различия в наполнении семантических полей, а также сравнительные достоинства и недостатки отдельных словарей отражают индивидуальные особенности авторского видения мира. Выявленные синонимы можно свести в обобщенное семантическое поле, которое объективирует состав лексем, в совокупности представляющих коллективное видение данного фрагмента мира.

Отсутствие всех синонимов заглавного слова (неполнота представления синонимов) в большинстве статей является наиболее типичным недостатком почти всех англоязычных словарей синонимов. Для обеспечения полноты сбора лексического материала исследователь вынужден дополнительно анализировать статьи синонимов исходного слова. В одном из наиболее полных словарей синонимов – «Oxford Paperback Thesaurus» [12] – при отборе синонимов слова *inclination* в статье данного слова было представлено 20 синонимов. Однако после анализа статей этих синонимов в поле было дополнительно включено еще 23 синонима. Интересно, что среди них не было слова *mind* в значении *inclination*, хотя такое значение в словаре представлено [13].

Еще одним недостатком синонимических словарей является разрыв двустороннего характера синонимии – не всегда у синонимов есть обратные ссылки. Например, в упоминавшемся выше словаре «Chambers Super-Mini Thesaurus» [4] в статье глагола *eye* приводятся синонимы *watch*, *regard*, *observe*, однако в статьях этих слов среди синонимов нет слова *eye*.

Аналогичная ситуация несовпадения мнений авторов словарей наблюдается при пользовании толковыми словарями. Слово *mind* в одном словаре – «Oxford Advanced Learners Dictionary» [14] – имеет 8 значений, в другом – «Merriam-Webster Collegiate Dictionary» [15] – 10 значений, в третьем – «Longman Active Study Dictionary» [16] – только одно [13].

Различия в числе значений многозначных слов и толковании значений разными авторами толковых и синонимических словарей создает впечатление,

что описывается не определенный (британский) вариант английского языка определенного отрезка времени издательствами, часто расположенными на расстоянии нескольких десятков километров друг от друга, а исторически разные состояния отдаленных вариантов языка.

В ряде случаев качество толкований оставляет желать лучшего. При проведении компонентного анализа оказывалось, что во многих толкованиях не указывалось существенных признаков. Так, в одном из словарей в толковании слова *sea* (море) был не указан признак солености воды. Практика показала, что для тщательного описания семантической структуры значений собранной лексики ни один из используемых толковых словарей не пригоден – приходится пользоваться несколькими словарями; зачастую и этого недостаточно и приходится составлять свои определения, дополняя их пропущенными авторами признаками.

Иногда среди синонимов попадают не совсем синонимичные слова – в достаточно добротном словаре «Oxford Paperback Thesaurus» [12] в статье *home* (дом) наряду с синонимами *residence, house, flat, apartment, bungalow, cottage, accommodation, quarters, lodgings, dwelling, habitation*, имеющими значение ‘жилище’, в качестве синонима приводится слово *property* (имущество), значение которого не соответствует тематике статьи.

Еще одним недостатком практически всех английских словарей синонимов является то, что некоторые синонимы заглавного слова не имеют своих собственных статей в том же словаре. Например, в «Oxford Dictionary & Thesaurus» [17] для слова *art* есть синоним *artistry*, который не имеет собственной статьи в словаре [18].

Даже наиболее полный словарь синонимов – «Longman Synonym Dictionary» [7] – имеет ряд недостатков, в числе которых:

- отсутствие статей ряда имеющихся в словаре синонимов без каких-либо объяснений;
- отсутствие исходного слова в статьях его синонимов (нарушение взаимности синонимии);
- нелогичность в порядке представления синонимов [19].

Сравнение современных словарей синонимов разных языков показало значительную разницу в их подготовке. Если большинство английских словарей, при всех их недостатках, дает сравнительно полную информацию о лексических средствах английского языка, то польские и русские словари страдают неполнотой и непоследовательностью в представлении информации. Самое низкое качество можно отметить у русских словарей.

Например, статья *монарх* в «Словаре синонимов русского языка» [20] содержит, кроме синонима *государь*, описательные обороты – *высочайшая особа, коронованная особа, Его величество*, устарелые и уже не употребляемые слова – *венценосец, порфиноносец и помазанник божий*, но в ней нет слов *король, царь, император*, которые должны здесь быть; нет их вообще в словаре. При этом в словаре присутствуют родственные слова, например: *царев* (см. царский), *царедворец* (см. придворный), *царение* (см. правление), *царизм* (см. самодержавие), *царить, царский, царственно, царственность, царственный, царство, царствование, царство-*

вать; есть *королева* (ферзь). Отдельно есть статья *самодержец* с синонимами *автократ* (книжн.) и *единодержец* (устар.).

В этом словаре многие привычные слова отсутствуют, но много жаргонных (квалифицированных как просторечные) и устарелых слов, что создает превратное представление о русском языке, как бедном по сравнению с английским и даже польским. В «Оксфордском тезаурусе» [12] содержится информация о 325 тысячах синонимов (хотя реально в 2–3 раза меньше, поскольку многие синонимы повторяются), в польском словаре «Słownik synonimów» [21] представлено 53 тысячи синонимов, в русском – загадочные 11 тысяч рядов, по выборочному сравнению – в два раза меньше, чем в польском.

Составители русского словаря пошли по наиболее легкому пути: синонимы группируются в ряды и полноценными статьями является только статья ведущего синонима, остальные даются в отсылочных статьях, что придает словарю нормативный характер. Такое представление материала, независимо от источников, ставит автора в положение истины в последней инстанции и не только создает превратное представление о русском языке, но и опосредованно насильственно внедряет в умы пользователей точку зрения автора о предпочтительности употребления и составе синонимов в русском языке. Особенно плохо отсутствие альтернативы немногим существующим российским словарям синонимов.

В области переводной лексикографии значительной нерешенной проблемой остается представление в словарях эквивалентных терминов [22]. Если бы в переводном словаре каждому иноязычному термину соответствовал только один эквивалент, задача переводчика существенно упростилась бы, и одновременно был бы сделан огромный шаг в разработке промышленных систем машинного перевода [23].

Анализ ряда переводных технических словарей показывает большое число избыточных эквивалентов. Часто в качестве эквивалентов предлагаются абсолютные синонимы, например: *Porzellan – porcelain, china* [24] или варианты термина – графические варианты: *capital – Kapital, Kapitell* [25]; словообразовательные варианты: *agitator – Ruhrwerk, Ruhrer; park – Park, Parkanlage* [25]; *abbreviation – Abkurzung, Kurzung, Kurzzeichen* [26; 27]; *ventilation – Ventilation, Luftung, Belufung, Heiberluftung* [25]. Даже в случаях, когда любой перевод будет правильным, мы не знаем, какой вариант является предпочтительным в языке перевода.

Ситуация становится значительно сложнее, когда наряду с абсолютными эквивалентами и вариантами без разбора приводятся частичные эквиваленты. Это особенно заметно в случаях множественности предлагаемых вариантов перевода. Например, в [25] можно встретить случаи, подобные следующему:

support (onopa) – Auflage, Stutze, Abfangung, Unterlage, Trager, Saule, Stutzpfeiler, Pfosten, Unterstutzung, Stander.

Большинство предлагаемых переводов в действительности представляют собой разновидности переводимого термина: вертикальные опоры – *Stutze, Saule, Stutzpfeiler, Pfosten, Stander*; горизонтальные опоры – *Trager*; плоскостные опоры – *Unterlage*.

В заключение следует сказать, что, несмотря на недостатки, англоязычные словари дают более

полную и многообразную картину современного английского языка. Остается только надеяться, что и скоро появятся подобные русскоязычные словари синонимов, подобные английским, способные более полно отражать многоаспектный характер синонимии русского языка.

Список литературы

1. Encyclopedia of Language and Linguistics: in 14 vol. – Amsterdam: Elsevier Ltd., 2006. – 14 v.
2. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – London, New York, Sydney, Toronto: Cambridge University Press, 1995. – 489 p.
3. The Oxford Companion to the English Language: ed. by McArthur. – New York: Oxford University Press, 1992. – 1184 p.
4. Chambers Super-Mini Thesaurus. – Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd, 1998. – 602 p.
5. The Oxford Thesaurus: an A-Z Dictionary of Synonyms. – Oxford University Press, 1991. – 2062 p.
6. Chambers Thesaurus. – Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd, 1991. – 1200 p.
7. Longman Synonym Dictionary. – Longman Publishing, 1992. – 1364 p.
8. Webster's New Dictionary of Synonyms: a Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and Analogous and Contrasted Words. – Merriam-Webster: Incorporated, 1978. – 942 p.
9. Webster's Thesaurus for Students. – Merriam-Webster: Incorporated, 1990. – 894 p.
10. The New Roget's Thesaurus. – Harper Collins Publishers, 1961. – 1194 p.
11. Huk, A. Semantic Phenomena in the Group of Synonyms of the Verb «Look» / A. Huk. – Bialystok: UwB, 2003. – 81 p.
12. Oxford Paperback Thesaurus. – New York: Oxford University Press, 2001. – 968 p.
13. Ignaczak, R. Diachronic Analysis of the Semantic Field *Mind* / R. Ignaczak. – Bialystok: WSFiZ w Białymstoku, 2012. – 72 p.
14. Oxford Advanced Learners Dictionary: 8th Edition. – New York: Oxford University Press, 2000. – 783 p.
15. Merriam-Webster Collegiate Dictionary: 11th Edition. – Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster Incorporated, 2004. – 1109 p.
16. Longman Active Study Dictionary. – Longman Publishing, 2000. – 1000 p.

17. Oxford Dictionary & Thesaurus. – New York: Oxford University Press, 2001. – 1891p.
18. Wiercinski, K. Semantic and Diachronic Analysis of the Semantic Field *Art* / K. Wiercinski. – Bialystok: UwB, 2009. – 87 p.
19. Krzywicki, B. Anthropological Investigation of the Synonymic Field *Ghost* / B. Krzywicki. – Bialystok: UwB, 2012. – 65 p.
20. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М.: Рус. яз., 2003. – 568 с.
21. Dabrowka, A. Słownik Synonimów / A. Dabrowka, E. Geller, R. Turczyn. – Warszawa: Swiat Ksiazki, 1996. – 490 s.
22. Марчук, Ю. Н. Основы терминографии / Ю. Н. Марчук. – М., 1992. – 76 с.
23. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь: учеб. пособ. / С. В. Гринев-Гриневиц. – 3-е изд., доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 234 с.
24. Harrap's praktisches Wörterbuch: engl.-dt., dt.-engl. / ed. by Robin Sawers. – Munchen: Hueber; London: Harrap, 1983. – 627 p.
25. Junge, H. Civil Engineering and Architecture: English-German; Deutsch-Englisch. Bauwesen und Architektur / H. Junge, D. Lukhaup. – Berlin: Ernst, 1991. – 467 p.
26. Wörterbuch des Technik: Deutch-Englisch. – Essen: Girardet, 1979. – 1046 s.
27. Wörterbuch des Technik: Englisch-Deutch. – Essen: Girardet, 1979. – 1248 s.

Гринев-Гриневиц Сергей Викторович, ординарный профессор кафедры нефилологии Университета Белостока, профессор кафедры англистики и межкультурных коммуникаций Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук, профессор (Белосток, Республика Польша; Москва, Российская Федерация).

Лаврова Александра Николаевна, профессор кафедры иностранных языков машиностроительных специальностей Нижегородского государственного технического университета им. Алексеева, доктор филологических наук, профессор (Нижний Новгород, Российская Федерация).

Possibilities of using dictionaries in investigation of lexical picture of the world are considered alongside with typical faults and merits of some modern English dictionaries.

УДК 808.3-083-55

Є. А. Карпіловська

СЛОВНИК АКТИВНИХ РЕСУРСІВ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ НОМІНАЦІЇ

Изложена концепция словаря активных ресурсов современной украинской номинации, создаваемого в Институте украинского языка НАН Украины. Для моделирования инноваций в словаре использован идеографический подход, позволяющий отразить направление и способы вербализации новых понятий или новых аспектов известных понятий, их оценки носителями современного украинского языка. Особое внимание уделено конкуренции ресурсов номинации и типов инноваций (новых производных, заимствований, неосемантизмов, неографизмов). Основным показателем степени стабилизации инноваций считаем их функциональный потенциал, представляющий собой сумму парадигматических, синтагматических и эпидигматических отношений номинаций в системе языка и в тексте. Опираясь на него, определяем различные типы активности ресурсов современной украинской номинации: стабильную, возрастающую, убывающую и утраченную.

Стрімкий ритм сучасного суспільного життя України, державний статус української мови стимулюють активне оновлення її лексикону. Українські словники, які побачили світ після 1991 р. в незалежній Україні, дають змогу хоча б приблизно встановити кількість інновацій різних типів, передусім лексичних і словотвірних. Як нову розглядаємо лексику, не засвідчену в таких формі, значенні або функціонуванні в словниках української мови, виданих до 1991 р. Порівняно з реєстром академічного тлумачного «Словника української мови» в 11 томах (1970–1980), який налічує близько 135 тис. слів, в словни-

ках періоду незалежності засвідчено до 40 тис. нових номінацій: новотворів, новозапозичень, неосемантизмів та неографізмів. Цю лексику вже осмислено на першому етапі її опрацювання в загальнономовних і спеціальних неологічних словниках. Проте необхідність з'ясувати її номінативну й комунікативну значущість, конкурентоздатність питомих та запозичених ресурсів номінації для вербалізації нових понять або нових аспектів уже відомих понять зумовлює доцільність другого етапу моделювання нової лексики у словниках інтегрального, ідеографічного типу. Саме такі словники уможливають встановлення

спектру функціонування та активності тих чи інших ресурсів номінації в українській мові в сучасних суспільно-політичних обставинах її функціонування [1; 2].

Концепцію «Словника активних ресурсів сучасної української номінації» (далі – Словник) розробив і втілює колектив авторів відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України [3]. Джерельну базу Словника становить сформований цим колективом комп'ютерний фонд інновацій у сучасній українській мові (далі – КФІ), до складу якого входять підфонд їх діагностичних мікроконтекстів (близько 20 тис. одиниць) та підфонд нових номінацій, описаних за формальними, семантичними та функціональними параметрами. Зібраний матеріал дає можливість відстежити тенденції входження нової лексики в український лексикон та її стабілізації у ньому за останні понад 20 років.

Словник інтегрального типу з ідеографічним способом організації лексики подає не окремі слова, а лексичні об'єднання, що «розробляють» певне поняття. За визначенням А. О. Білецького, такі об'єднання становлять лексичні схеми, або фігури для втілення певного поняття. Залежно від того, мають такі лексеми спільну форму (ексформу), передусім спільний корінь, чи не мають, учений виділяв гомогенні та гетерогенні лексичні фігури [4, с. 110]. Напрямок і спосіб вербалізації спільного поняття зумовлює структуру таких об'єднань нової лексики в Словнику. Її аналіз за матеріалами КФІ здійснено за всім обсягом показників оновлення форми, семантики та спектру функціонування. Завдяки цьому встановлено функціональний потенціал інновацій у системі мови і в тексті. Його показником є сума виявлених парадигматичних, синтагматичних і епідигматичних (дериваційних) відношень інновацій.

До реєстру Словника відібрано слова (*інтернет*, *поле*, *держжава*, *коридор*, *зелений*, *сірий* тощо) та їх частини – основи, префікси та суфікси на зразок *поза-*, *довкола-*, *навколо-*, *коло-*, *біля-*, що в обстежених текстах виявили високий і стабільний функціональний потенціал і становлять активні ресурси сучасної української номінації. Передбачено в корпусі Словника описати близько 100 таких базових одиниць, на базі яких створено понад 5 000 нових номінацій. Усі номінації, подані в статтях, впорядковано в алфавітний покажчик із зазначенням відповідної одиниці реєстру-заголовка статті. Він слугує путівником у корпусі Словника, який полегшує пошук окремих інновацій.

Оскільки одним із завдань Словника є виявлення конкурентних номінацій спільного поняття та з'ясування перспектив такої конкуренції, до реєстру включено варіанти слів, їх лексичні та словотвірні синоніми. Так, новозапозичення *Інтернет*, *інтернет* у Словнику опрацьовано не лише зі своїми варіантами в різних написаннях *Інет*, *інет*, *І-нет*, *і-нет* та *нет*, а й із синонімами *Мережа*, *мережа*, *Міжмережжя*, *міжмережжя*, *МіжМережжя*, *Всемережжя*. Аналіз номінацій-конкурентів дає змогу встановити характер перебігу їх взаємодії в сучасному українському лексиконі та її наслідки: 1) витіснення одного з конкурентів з активного

вжитку; їх 2) співіснування, можливо, з різними рейтингами вживаності чи стилістичним потенціалом та 3) розходження, закріплення за різними розрядами номінацій або сферами функціонування мови.

Виділено два типи нових номінацій за характером їх новизни: 1) абсолютні інновації, або номінації з цілком новими формою, семантикою та функціями (новозапозичення *інтернет*, *піар*, *слоган*); 2) часткові інновації, або номінації, а) з частково новими формою та значенням (новотвір *податківець* 'працівник податкової служби', пор. з відомим раніше *податник* 'платник податків'), б) лише з новим значенням (неосемантизм *прозорий* 'законний, чесний'), в) лише з новою формою (новотвори *мітингувальник*, *мітингар* на заміну субстантивованого дієприкметника *мітингуочий*, блокованого сучасною словотвірною нормою української мови). Неосемантизми спричинюють і зміну функційних властивостей уже відомих слів, пор.: відоме раніше *структура* 'властивість чогось' (*структура влади*) з неосемантизмом *структура* 'щось з певною властивістю' (*владна структура*, *бізнес-структура*).

Для моделювання функціонального потенціалу нових номінацій у Словнику розроблено спеціальний формат його статті, в окремих полях якого й вміщено відомості про форму, семантику та функції інновацій, а також властиві їм системні та текстові відношення. Міра та характер заповнення полів цього формату дають змогу судити про тенденції розширення когнітивного простору сучасної української мови за рахунок описуваних активних ресурсів її номінації.

Потужний функціональний потенціал інновації доводить її номінативну та комунікативну значущість у сучасній українській мові, унаслідок ступінь її стабілізації у ній. Наприклад, згадана вище абсолютна інновація-новозапозичення *інтернет* формує з частковою інновацією-неосемантизмом *мережа* нове гіперо-гіпонімічне об'єднання, де лексема *мережа* виступає в ролі гіпероніма. У свою чергу, неолексема *інтернет* стає гіперонімом для співгіпонімів-найменувань різновидів комп'ютерних мереж в такій глобальній мережі: *Фринет*, *Хоумнет*, *Рунет*, *Українет*, *Сітінет*, *Ботнет*, *Інтранет* тощо. Сформовані гіперо-гіпонімічні угруповання започатковують нові об'єднання синонімів, пор.: *інтранет* і *інтрамережа*, *внутрішньокорпоративна мережа*, *внутрішньокорпоративний Інтернет*. Ця інновація демонструє й широкий спектр словосполук: субстантивних (*вихід в інтернет*, *користувач Інтернету*, *спілкування через Інтернет*), вербальних (*знайти в інтернеті*, *використовувати Інтернет для...*, *здійснювати за допомогою Інтернету*, *Інтернет чинить*), атрибутивних (*безлімітний*, *високошвидкісний*, *мобільний*, *ранній*, *текстовий Інтернет* / *інтернет*).

Активно зростає й її словотвірний потенціал, реалізуючись у простих афіксальних (*інтернетник*, *інтернетівець*, *інтернетний*, *інтернетівський*, *інтернетизуватися*) і складних номінаціях (*інтернет-ЗМІ*, *інтернетоман*, *інтернетзалежний*). Похідні лексеми за різними ознаками своїх форми та семантики утворюють підполя у межах окресленого загального поля реалізації поняття, названого новозапозиченням *Інтернет* / *інтернет*. Наприклад, новий прикметник *інтернетний* формує антонімічну пару з прикметни-

ком *нейнтернетний*, а композит *інтернет-видання* входить до складу нового синонімічного ряду разом з інноваціями *мережні ЗМІ, онлайніві ЗМІ, цифрові ЗМІ, електронні ЗМІ*.

Зіставлення формату статті до лексеми *Інтернет, інтернет* з форматами статей до її варіантів *Інет, інет і нет* дає можливість довести безперечний пріоритет першого з цих вербалізаторів у такому новому для української мови концептуальному полі, а також виявити специфіку функціонування в ньому кожного з таких ресурсів номінації. Так, лексема *нет* виявляє активність у формуванні композитів не лише в початковій позиції конкретизатора поняття (*нетвер, нетбук, нетоман, нетофоб*), а й у кінцевій позиції його категоризатора (*Укрнет, ботнет, інтранет*), що не властиво основі *інтернет- / -Інтернет*.

Аналіз функціонального потенціалу інновацій уможлиблює й з'ясування типу їх активності. Розуміємо її як здатність ресурсу мови створювати нові номінації [5]. Залежно від кількості нових назв активність виявлено, як стабільну, набуту (активізація), втрачену (пасивізація) та втрачену. Першу демонструють ресурси, що належать до стабільного ядра словотвірної системи української мови, підтримують типологічні риси української словотвірної номінації. Таку активність має, зокрема, суфікс *-льник* зі значенням 'виконавець дії', активність якого нині помічаємо в творенні віддієслівних іменників на заміну субстантивованих активних дієприкметників або запозичень-англізмів з кінцевою основою *-мейкер*, пор.: *пикетувальник* замість *пикетуючий* або *клонувальник* і *клонмейкер*. Набуту активність можуть виявляти як уже відомі, так і нові форманти. Наприклад, спостерігаємо нині активне творення прикметників з уже відомим раніше префіксом *поза-* (*позаблоковий, позапарламентський*) та новим префіксоїдом *біля-* (*білявладний, білянауковий*), сформованим на базі відповідного прийменника. Такий же тип активності доводять нові основи на кшталт вищеподаної *інтернет-* та вже відомі переосмислені типу основи *мереж-* у складі неосемантизма *мережа* стосовно комп'ютерів. Така активність виявляється як у творенні нових похідних слів, так і в появі нових словосполук, парадигматичних лексичних об'єднань різної будови. Наприклад, на базі нового значення слова *мережа* постали нові для української мови прикметники *мережний* і *мережевий*, багатозначні вже іменники *мережник* і *мережевик* (стосовно особи, фахівця-програміста і звичайного користувача, а також закладу в мережі (виробництва, магазину тощо), низка нових словосполук (*мешканець, Громадянин Мережі, доступ до мережі, викладати в мережі*), синонімічних рядів та пар антонімів на зразок *інтернет-спільнота, мережна спільнота, мережне співтовариство, мережна аудиторія* чи *традиційні ЗМІ – мережні (мережеві) ЗМІ*.

Ресурсам номінації, блокованим сучасною нормою словотворення, властива втрачена активність. Її виявляють форманти в складі номінацій-кальок на зразок суфіксів *-уч(ий)/-юч(ий)* активних дієприкметників (*ростучий* у складі композитів *густо-, дикоростучий* і пор. нормативне нині *густо-, дикорослий*), суфіксів іменників-назв особи *-чик/-щик* (*комп'ютерник* на заміну *комп'ютерщик*), складених суфіксів відіменникових прикметників *-очн(ий)/-*

ечн(ий) (*виставковий, пачковий* замість *виставочний, пачечний*), префікса *обез-* (*знеболити* замість *обезболити*), основи-префіксоїда *внутри-* (*внутришньовенний* замість *внутривенний*) та ін. Така ж втрата активності властива й численним основам слів, що позначають реалії та поняття, зниклі з життя сучасного українського суспільства, на взір *комсомол-, лєнін-, стаханов-, ЕОМ-*. У сучасній українськомовній практиці їх уживають з виразним експресивно-оцінним ореолом або ж вони стосуються відповідного часового проміжку. У статтях Словника спеціальними обмежувальними ремарками також позначено не рекомендовані для вживання варіанти нових номінацій.

З метою якомога повнішого врахування спектру функціонування інновацій у текстах, до джерельної бази Словника залучено не лише матеріали сучасних українських ЗМІ (паперових та електронних), текстові ресурси Укрнету, які найоперативніше відображають сучасну мовну практику, а й сучасну українську публіцистику, науково-популярну й художню літературу, офіційно-ділові папери.

Словник фіксує наслідки мовної діяльності суспільства в складі активно поповнюваних концептуальних полів і має прескриптивний характер. Він подає ресурси української номінації зі стабільною та набутою активністю, які становлять матеріал для оновлення українських словників, теоретичних і практичних граматик та для підготовки нової редакції українського правопису.

Список літератури

1. Клименко, Н. Ф. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк. – Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2008. – 336 с.
2. Струганець, Л. В. Динаміка лексичних норм української літературної мови ХХ століття / Л. В. Струганець. – Тернопіль: Астон, 2002. – 352 с.
3. Карпіловська, Є. А. Динаміка сучасної української мови в словниках нового покоління (проект серії словників нової української лексики) / Є. А. Карпіловська // Українська мова. – 2004. – № 3. – С. 3–29.
4. Белецкий, А. А. Из наблюдений над морской лексикой венгерского языка / А. А. Белецкий // Slavica. – Debrecen, 1970. – Т. X. – С. 109–113.
5. Клименко, Н. Ф. Морфемі активність / Н. Ф. Клименко // Українська мова: Енциклопедія. – Київ: Українська енциклопедія, 2007. – Вид. 3-є. – С. 392.

Карпиловская Евгения Анатольевна, заведующий отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка НАН Украины, доктор филологических наук, профессор (Київ, Україна).

In article the conception of the dictionary of active resources of the Modern Ukrainian nomination created at the Institute of Ukrainian language at the NAS of Ukraine is presented. Ideographic approach is used in this dictionary for the modelling of innovations. It gives the opportunity to reflect the direction and ways of verbalisation of new concepts or new aspects of known concepts, their estimations by native speakers of Modern Ukrainian. The special attention is given to competition of resources of nomination and types of innovations (new derivatives, loans, new meanings of words, their new writings). Their functional potential representing the sum of paradigmatic, syntagmatic and epigrammatic relations of nominations in system of language and in the text is considered as the basic exponent of their stabilisation in language. Also it is the base for definition of various types of activity for the resources of Modern Ukrainian nomination: stable, increasing, decreasing and lost.

УДК 811. 161.3 '374

І. Я. Лепешаў

ПРА АКАДЭМІЧНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ (2012)

Аналізуецца изданный в 2012 г. «Слоўнік беларускай мовы». Показаны яго положительныя якасці, а таксама недастаткі. К апошнім, у асабліва, аднесены: адсутнасць у слоўніку некаторых агульнавядомых лексічных адзінак, існуючых у мове, так і многіх слоў, з'явіўшыхся ў апошнія дзесяцігоддзі; недакладнасць у асобных выпадках кодэфікацыі і рэальна існуючай мовнай нормы; неточныя звесткі аб колькасці паданых у слоўніку адзінак. Разглядаецца таксама апісанне фразеалагічных адзінак.

На пачатку 1999 года быў апублікаваны акадэмічны праект новай рэдакцыі «Правілаў беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» [1]. А ў кастрычніку гэтага ж года «Настаўніцкая газета» змясціла інтэрв'ю з дырэктарам Інстытута мовазнаўства акадэмікам А. І. Падлужным, пад кіраўніцтвам якога ажыццяўляўся праект новага правапісу. Аляксандр Іосіфавіч выказаў спадзяванне, што да сярэдзіны 2000 года будзе адпаведная ўрадавая пастанова аб увядзенні ў дзеянне абноўленага правапісу, а да канца года плануецца перавыдаць папраўлены і дапоўнены акадэмічны «Слоўнік беларускай мовы». Але толькі праз 10 гадоў, з 1-га верасня 2010 года, уступіў у сілу Закон «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» [2], а памянёны вышэй «Слоўнік» толькі зусім нядаўна, у траўні 2012 г., паступіў у продаж. Ужо гэты факт такога стаўлення да беларускай мовы на дзяржаўным узроўні пра многае гаворыць сам за сябе.

«Слоўнік беларускай мовы» [3] (далей – СБМ-12) з'яўляецца нарматыўным даведнікам і разлічаны на ўсіх, хто практычна карыстаецца беларускай пісьмовай мовай. Ён значна адрозніваецца ад свайго папярэдняга, які выйшаў у 1987 г. [4] (далей – СБМ-87) і змяшчаў 118 тысяч слоў. У новым выданні, як пазначана ў «Прадмове», каля 150 тысяч лексічных адзінак¹ з неабходнымі звесткамі пра іх напісанне, месца націску, формы скланення і спражэння, напрыклад:

бунта́р -ра́, -ру́, -ро́ў

глядзе́ць *незак.*, -джу́, -дзі́ш, -дзі́ць, -дзі́м, гледзі́це, глядзі́ць

У папярэднім слоўніку (1987 г.) падаваліся нормы не толькі арфаграфічныя, акцэнтацыйныя, словазмяняльныя, але і арфаэпічныя (вымаўленчыя);

¹ У штотыднёвіку «Наша слова» (2012, № 32) быў змешчаны артыкул Ю. Пацюпы і К. Пучынскай «Льжка мёду і бочка дзёгцю: Зноў пра «Вялікі слоўнік беларускай мовы» Ф. Піскунова». Аўтары мімаходам, але дарэчы з'яўляюцца і «Слоўнік беларускай мовы» (2012), пішуць, што ў ім «беспрэцэдэнтнае, больш чым на 30 тысяч слоў, перабольшанне заяўленага абсягу рэестру», што слоў у ім «меней чым у заяўленым папярэднім СБМ-87, які ўтрымлівае больш за 118 тысяч слоў». Пра гэтым аўтары спасылваюцца на правярэнне «з дапамогай праграмы «Літара» (электронны тэкст СБМ нядаўна быў выкладзены ў сеціве)».

Прайшло нямала часу, але навуковыя рэдактары СБМ-12 чамусьці ніяк не зрагавалі ў друку на гэтую досыць істотную заўвагу. Я ж, лічачы і сябе вінаватым у тым, што паўтарыў лічбу «150 тысяч», выкарыстаў вельмі прымітыўны на сённяшні дзень спосаб праверкі: колькі ж слоў у СБМ-12? Падлічыў словы, змешчаныя на с. 100–120, вызначыў сярэдняе арыфметычнае лік, памножыў на агульную колькасць слоўнікавых старонак (без «Прадмовы»). Атрымалася 128 700 слоў. Гэта, канечне, не «150 тысяч», але і не «меней чым у СБМ-87».

скажам, для прыметніка *гарадскі* паказвалася ў квадратных дужках вымаўленне той часткі гэтага слова, якая адрозніваецца ад напісання: [цк]; або: *цвет* [цвье], *мазгі* [з выбухным з], *вакзал* [гз – з выбухным з]. На жаль, у новым выданні (2012 г.) не падаюць інфармацыю аб вымаўленні і матывуюць гэта тым, што «асноўнай задачай слоўніка з'яўляецца захаванне адзінства пісьмовай беларускай мовы».

Новае выданне не толькі папоўнілася больш як многімі тысячамі слоў, але ў яго ўнесены і шматлікія змены ў нормы пэўных слоў або спалучэнняў. Напрыклад, трохзначны акалічнасны выраз *на дзіва* цяпер рэкамендуецца пісаць не як прыслоўе (*надзіва*), а ў два словы (як у рускай і ўкраінскай мовах). Нормай для назоўніка *дыялог* у родным склоне адзіночнага ліку цяпер узаконены канчаток *-у* (*дыялогу*). Месца націску ў словах *неапраўданы*, *габляваны* замацоўваецца на суфіксе *-ан-* (замест ранейшых варыянтаў: *неапраўданы*, *неапраўданы*, *габлёваны*, *габляваны*).

Лічыцца, што назоўнік *водар* прыйшоў да нас з польскай мовы (*odór*), куды ён трапіў з лацінскай мовы (*odor*). Адбыліся і семантычныя змены: у лацінскай мове ён абазначаў проста «пах», у польскай – «непрыемны пах, смурод», у беларускай – «прыемны пах, духмянасць». Акадэмічны «Беларуска-рускі слоўнік» [5] і «Арфаграфічны слоўнік» [6] М. Лобана і М. Судніка рэкамендавалі пісаць гэты назоўнік і вытворны ад яго прыметнік *водарны* праз «а» пасля «д». У некаторых іншых сучасных слоўніках дапускаецца дваякае напісанне і вымаўленне: *водар* і *водыр*, *водарны* і *водырны*. Думаецца, варта вярнуцца да адзінай нормы гэтых слоў, бо ў сучасным друку яны, як правіла, пішуцца праз «а» пасля «д». Улічваючы сучасную маўленчую практыку, трэба было б уніфікаваць і такія дваякія напісанні, як *мачаха* і *мачыха*, *зарава* і *зарыва* – на карысць першага варыянта ў гэтых парах.

Але ўся бяда ў тым, што складальнікі «Слоўніка беларускай мовы» не мелі пад рукамі абноўленай і папоўненай шматмільённай фундаментальнай картатэкі – як крайне неабходнай матэрыяльнай асновы даведніка. Сорамна і прыкра казаць пра гэта, але мусіш: пачынаючы з сярэдзіны 80-х гадоў, пасля таго як закончылася выданне пяцітомнага «Глумачальнага слоўніка беларускай мовы» [7] (далей – ТСБМ), у акадэмічным Інстытуце мовазнаўства перасталі папаўняць картатэку. З таго часу ні фронтальнага, ні выбарачнага распісвання сучаснай беларускай літаратуры не робіцца.

Таму даводзіцца здзіўляцца, на якой падставе ў новым «Слоўніку» асобныя словы даюцца неяк інакш, чым было ў выданні 1987 г. Да прыкладу, у СБМ-87 падаваліся як тры варыянты аднаго слова:

*іржаны і ржаны, часцей аржаны. У СБМ-12 на сваіх алфавітных месцах змешчаны не як варыянты, а як самастойныя словы аржаны, іржаны, а ржаны зусім адсутнічае. Гэтак жа, не як варыянты, а як асобныя лексічныя адзінкі, пададзены, напрыклад, такія словы: *загарадка, загародка; заплэснець, запляснёць; завербаваны, завярбаваны; зацэнены, зацянёны; пòгаласка, пагалòска; мы́шленне, мыслéнне*. З другога боку, у абодвух слоўніках аднолькава даюцца, скажам, тры варыянты аднаго назоўніка: *ка́мфара, камфо́ра, камфа́ра*; або: *су́тарга і су́дарга*.*

Значная колькасць новых слоў, якія не адлюстроўваліся ў ранейшых слоўніках і якімі папоўніўся новы СБМ-12, узяты, зразумела, не з картатэкі, а, як сказана ў «Прадмове», з «Граматычнага слоўніка дзеяслова» (2007) [8], «Граматычнага слоўніка назоўніка» (2008) [9], «Граматычнага слоўніка прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя» (2009) [10], «Слоўніка новых слоў беларускай мовы» (2009) [11].

Шмат якія новыя словы, змешчаныя ў даведніку, належаць да спецыяльнай лексікі, г. зн. ужываюцца толькі ў пэўных галінах навукі, тэхнікі, мастацтва. Напрыклад, асноўнай часткай каля 30 слоў выступае *інтэрнэт (інтэрнэт-адрес, інтэрнэт-партал, інтэрнэт-сайт і г. д.)*, больш як 180 слоў пачынаецца прыстаўкай *анты-* (*антывірус, антыдопінг і інш.*), больш за 200 слоў – часткай *аўта* (*аўтабан, аўтадызайн і г. д.*). Пераважная большасць гэтых і падобных слоў – вузкаспецыяльныя тэрміналогізмы. Няхай сабе і яны будуць у «Слоўніку беларускай мовы». Але шкада, што ў яго не трапілі сотні іншых слоў, якія ўзніклі ў апошнія дзесяцігоддзі, сталі агульнанароднымі, шырокаўжывальнымі і апісваліся ў асобных публікацыях некаторых мовазнаўцаў або нават у тым ці іншым слоўніку апошніх гадоў.

Так, у акадэмічным «Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы» (1996) [12] ёсць словы *спадар, спадарыня, спадарства*. Пра гэтыя спрадвечна беларускія словы Р. Барадулін казаў: «Яны абсалютна арганічныя! Сваёй даўнінай, паважлівым гучаннем проста цешаць слых!» Па сутнасці, сэнна слова *спадар* – адзіная форма ветлівасці і афіцыйнага звароту ці ўпамінання – пры прозвішчы, імені або званні асобы. Аднак названых трох слоў у СБМ-12 чамусьці няма².

А. Каўрус на старонках часопіса «Роднае слова» ў 1998–2005 гг. пад загалоўкам «Словы без прапіскі: пазаслоўнікавая лексіка беларускай мовы» апісаў каля 3 000 слоў, якія «не трапілі ў вялікія акадэмічныя слоўнікі». Яны сабраныя аўтарам на працягу чагырох дзесяцігоддзяў з розных крыніц беларускай літаратурнай мовы. Публікацыя гэтых некадыфікаваных слоў, як пісаў аўтар, можа паспрыяць больш актыўнаму іх увядзенню ў навуковы ўжытак, у штодзённую моўную практыку. Кожнае апісанае слова праілюстравана некалькімі пашпартызаванымі ўжываннямі. Наўрад ці складальнікі СБМ-12 прымалі пад увагу гэтыя словы, бо ў даведніку няма, напрыклад, апісанага А. Каўрусам слова *паўстала* («які паўстаў,

узнік, вырас, склаўся»), праілюстраванага шасцю прыкладамі, у тым ліку і з Я. Купалы.

Няма ў СБМ-12 і, скажам, такога шырокаўжывальнага сэнна слова, як *перадусім*, сінанімічнага са словам *найперш*. У дадатак да ілюстрацый, прыведзеных А. Каўрусам, тут можна было б падаць яшчэ шэраг ужыванняў гэтага слова ў творах У. Дубоўкі, М. Танка, У. Калесніка, М. Мушынскага, Н. Гілевіча.

Прыкладзём яшчэ толькі некалькі «слоў без прапіскі», якія так і не трапілі ў СБМ-12: *дасканаліць* (тое, што і ў *дасканальваць*), *журбаваць* («журыцца, сумаваць»), *замежнік* («іншаземец, іншакраінец»), *наспаліты* («звычайны, просты»), *пошар* («сухі корм жывёле»), *сму́тлівы* («журботны, маркотны»), *фазэнда* («дача, лецішча»).

На сумежжы двух тысячагоддзяў і я таксама апублікаваў каля 200 новых слоў – у часопісах «Маладосць», «Роднае слова», у кніжках «У слоўнікавую скарбонку», «Чаму мы так гаворым». Абсалютная большасць гэтых слоў не трапіла ў СБМ-12.

Тады ў маёй картатэцы было 14 ужыванняў прыслоўя *прылюдна*, што значыць «у прысутнасці людзей», – у творах Н. Гілевіча, Г. Далідовіча, І. Шамякіна, М. Воранава, Л. Галубовіча і інш. А, відаць, самае ранняе ўжыванне належыць В. Ластоўскаму, які ў 1913 г. пісаў: «... я прылюдна на ўвесь свет крычу...» Ёсць слова *прылюдна* і ва ўкраінскай мове. Як бачым, месца гэтага прыслоўя ў тлумачальных і іншых слоўніках беларускай літаратурнай мовы – неаспрэчнае. Павінен падавацца ў слоўніках і прыметнік *прылюдны*, утвораны на аснове прыслоўя. Амаль тое самае варта сказаць пра прыслоўе *прынародна* і прыметнік *прынародны*.

У СБМ-12 падаюцца толькі два словы, утвораныя ад назоўніка *бомж*: *бомжаваць, бомжатнік*. На самай справе іх значна больш: *бомжыха, бомжык, бомжатня, бомжоўства, бомжоў* (прыметнік), *бомжацкі, бомжоўскі, бомжаваты, забамжаваць*.

У паэме Я. Купалы «Курган» сустракаем слова *пакрыёма*: «Толькі модлы раслі небу ў сэрцах людзей і пракляцце расло пакрыёма». Паэт стварыў яго на аснове польскага спалучэння *po kryjomu*, якое абазначае «ўпотаі, непрыкметна для іншых». Гэта слова апошнім часам стала актыўна ўжывацца ў літаратурнай мове і варта таго, каб трапіць у нарматыўныя слоўнікі. У адной публікацыі я прыводзіў 9 прыкладаў яго выкарыстання іншымі аўтарамі (Н. Гілевіч, С. Яновіч, У. Арлоў, П. Місько, К. Жук і інш.). Ёсць і прыметнік *пакрыёмны*.

Няма ў СБМ-12 і назоўніка *перакінчык* («той, хто перакінуўся на бок праціўніка, стаў яго прыхільнікам ці хаўруснікам; здраднік»). Часам у друку лічаць гэта слова наватворам Я. Купалы, які выкарыстаў яго ў артыкуле «А ўсё ж такі мы жы-вём!» (1914). Але гэта не так. Яшчэ раней, у 1911 г., В. Ластоўскі пісаў: «Бадай толькі адны перакінчыкі-беларусы крыва глядзелі на беларушчыну». Неаднойчы ўжылі гэта слова Я. Лёсік, А. Гарун, ужываюць і некаторыя сучасныя аўтары. Несумненна, гэты назоўнік варта ўвагі лексікографаў, тым больш што ён не страціў сваёй актуальнасці. А паходзіць ён з украінскай мовы (*перекинчик*), дзе фіксуецца ў слоўніках як звычайнае нарматыўнае слова, праўда, з памятай «размоўнае».

² Няўжо рэдактары СБМ-12 яшчэ спадзяюцца, што мы вернемся да ленынска-сталінскага, наскрозь фальшывага, крывадушнага, фарысейскага «таварыш»?!

У СБМ-12 даюцца словы *накшталт* і *кшталтам*. А між тым у друку апошніх дзесяцігоддзяў вельмі актывізавалася слова *кшталту*, якое выкарыстоўваецца ў трох розных значэннях. Папершае, са значэннем прыназоўніка *накшталт*: «Цяперашні саюз пісьменнікаў – нешта кшталту арцелі з малымі правамі і абавязкамі» (Р. Барадулін). Па-другое, як назоўнік у форме роднага склону са значэннем ‘тыпу, узору’: «Арганізацыя такога кшталту так і не з’явілася» («ЛіМ»). Па-трэцяе, як назоўнік у сэнсе ‘ўзроўню’: «Паэзія тут самага высокага мастакоўскага кшталту» (А. Марціновіч).

Далей прывядзём толькі некалькі з сотняў нядаўна ўзніклых і сёння шырокаўжывальных слоў, якія па невядомых прычынах не падаюцца ў СБМ-12: *аб’ягорыць, адрознасць, атрымоўвацца, атрымоўваць, вальтануць, вялікодніцаць, вертыкальчык, вялікодзень, выказ, гамон, грабавыя, дземянцееўка* (тое самае, што *трасянка*), *дэмакратызатар, дэбель, дэбельскі, зацёмка, землятрус, майно, манкурцтва, мент, мянтоўскі, накірунак, напрыканцы, нататнік, параза, прыавесць, прыхватызаваць, савок* (‘чалавек, выхаваны ва ўмовах савецкага таталітарызму’), *саўковы, саўковасць, сексот, сексоцкі, стукацтва, стукач, стукачка, суразмоўца, сярэднявечны, сярэднявечча, тамсама, тамтэйшы, узаемны, хваласпеў, хваласпеўны, хмарачос, хрушчоўка, хунвэйбін, членавоз* (‘браніраваны легкавы аўтамабіль, якім карыстаюцца найвышэйшыя кіраўнічыя асобы’), *шараговы, шараговец*.

Часам у СБМ-12 не знойдзеш не толькі якога-небудзь не так даўно ўзніклага слова, але і спрадвечнага. Так, няма слоў *шэсцьдзясят, біблейзм*. Няма назоўніка *воран*, хоць гэта слова – агульнаславянскае, ужываецца ва ўсіх славянскіх мовах, апісваецца ў «Гістарычным слоўніку беларускай мовы». Выкарыстанне гэтага слова ў беларускай літаратурнай мове можна пацвердзіць болей як 30 прыкладамі з твораў К. Крапівы, М. Танка, М. Лужаніна, У. Караткевіча, У. Паўлава, Г. Бураўкіна, Р. Барадуліна, А. Вялюгіна, Я. Сіпакова, Л. Геніюш, С. Гаўрусёва і інш. Ёсць гэта слова ў складзе прыказкі *Воран ворану вока не выклюе* (яе ў такой форме выкарысталі В. Дунін-Марцінкевіч, А. Якімовіч, В. Быкаў, У. Казбярुक, С. Александровіч), у складзе фразеалагізма *чорны воран* (ёсць у творах В. Быкава, І. Новікава, В. Хомчанкі, І. Шамякіна і г. д.).

З другога боку, іншы раз у СБМ-12 змяшчаюцца словы, якіх насамрэч няма ў нашай мове. На с. 900 ёсць слова *шутка*, якое ў ТСБМ [7, т. 5, кн. 2, с. 414] растлумачана як ‘тое, што і *жарт*’ і праілюстравана прыкладамі з твораў Я. Коласа, М. Танка, Ц. Гартнага. Але, як паказаў А. Каўрус у кнізе «Да свайго слова» [13, с. 286–288], у цытаце з Я. Коласа слова *шуткі* ўжыта ў значэнні ‘авечкі’, а ў арыгінале цытават з М. Танка і Ц. Гартнага было не *шутка*, а *штука*. А. Каўрус піша: «Ніхто не застрахаваны ад памылак. Ды ўсё ж цяжка знайсці апраўданне такім сур’ёзным хібам, якія дапусцілі мовазнаўцы».

Яшчэ прыклад. У СБМ-12 [3, с. 129] памылкова даецца прыметнік *бязлобы*, перанесены з ТСБМ [7, т. 1, с. 439]. Пра тое, што такога прыметніка няма ў нашай мове, як і ў іншых мовах, а ў адзінай ілюстрацыі, узятай з апавядання Я. Брыля «Галія»,

ён на сваім месцы і яго ўжыванне там матываванае, апраўданае, – гл. падрабязна ў маёй кнізе «Лінгвістычны аналіз тэксту» [14, с. 68].

У СБМ-12 [3, с. 873] даецца слова *хутчэй* з паметай «прыслоўе». Такое ўжыванне слова *хутчэй* (як вышэйшай ступені да слова *хутка*) можна пацвердзіць прыкладамі: «Хацелася хутчэй падзяліцца з ёй навінамі» (П. Місько); «Дзе ты? Хутчэй адгукніся!» (М. Шабановіч). Але ж у нашай мове ёсць яшчэ адно *хутчэй* – мадальнае слова, якое ўжываецца толькі ў ролі пабочнага кампанента са значэннем ‘найбольш верагодна’: «Сітуацыя ўзята для ваенных часоў не выключная, а, хутчэй, будзённа-простая» (Д. Бугаёў). Паміж гэтымі словамі існуюць аманімічныя адносіны. *Хутчэй¹* і *хутчэй²* – поўныя лексіка-граматычныя амонімы, г. зн. словы, якія адносяцца да розных часцін мовы і супадаюць ў адзіна мажлівай для іх форме. *Хутчэй²*, як і іншыя пабочныя словы, можа быць у пачатку або ў сярэдзіне сказа і аддзяляецца ці выдзяляецца ў яго структуры пры дапамозе коскі: «Міфы прыемна ўраджаюць, але наўрад ці наталяюць. Хутчэй, спустошваюць» (В. Быкаў); «Я выбірала, хутчэй, разважала, дзе жыць» (Н. Маеўская).

Існаванне ў мове гэтых двух амонімаў, несумненна, павінна адлюстроўвацца ў нарматыўных слоўніках.

На с. 849 у СБМ-12 чытаем: *усярэдзіне прысл., прыназ.* Аналагічныя звесткі знаходзім і ў некаторых іншых беларускіх слоўніках. Выходзіць, што, паводле слоўнікаў, трэба заўсёды пісаць *усярэдзіне* разам, як адно слова. Але неяк рука не падымаецца напісаць, напрыклад, «*усярэдзіне лета*», «*усярэдзіне сказа*», бо тут сярэдзіна выразна ўспрымаецца як назоўнік, гэтак жа, як, скажам, у аналагічных прыкладах: *у пачатку лета, у канцы лета, у пачатку сказа, у канцы сказа*.

Складальнікі СБМ-12 узаконьваюць напісанне ўсярэдзіне разам, а ў «Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (2008), якія распрацоўваліся супрацоўнікамі гэтага ж акадэмічнага Інстытута мовазнаўства, чытаем і здзіўляемся: *у сярэдзіне слова* [3, с. 20], *у сярэдзіне запазычаных слоў* [3, с. 21], *у пачатку, у сярэдзіне і ў канцы сказа* [3, с. 103], *у сярэдзіне або ў канцы сказа* [3, с. 104].

Няма прыназоўніка *ўсярэдзіне*. Ёсць назоўнік *сярэдзіна* і прыназоўнік *у*. ТСБМ падрабязнаму лексікаграфічнаму апісанню гэтага прыназоўніка адводзіць 6 старонак [7, т. 5, кн. 1, с. 586–591]. З яго дапамогай перадаюцца 57 семантычных адносін і яшчэ вялікае мноства адцненняў. Адно з яго граматычных значэнняў – гэта выражэнне прасторавых адносін. Ужываючыся з месным склонам, ён указвае на прастору або месца, у межах якіх хто-, што-небудзь знаходзіцца або што-небудзь адбываецца. Менавіта гэтыя семантычныя адносіны і бачым у спалучэнні ў *сярэдзіне* (*лесу, хаты, пакоя, слова, сказа* і г. д.).

У часопісе «Роднае слова» (2002, № 11) я апублікаваў артыкул «*Усярэдзіне – прыслоўе і прыназоўнік?*» Тут больш-менш падрабязна разгледжана гэта пытанне. Гаворыцца і пра тое, адкуль з’явілася ў слоўніках гэтае прыназоўнікавае значэнне. Хутчэй за ўсё, у выніку перакладу рускіх

посреди, посредине, якія сапраўды выступаюць то як прыслоўе, то як прыназоўнік. «Руска-беларускі слоўнік» дае такія адпаведнікі згаданых слоў: прыслоўе *пасярэдзіне* і прыназоўнікі з родным склонам *сярод* (каго-чаго), *пасярод* (каго-чаго), *пасярэдзіне* (каго-чаго). А ў «Беларуска-рускім слоўніку» адпаведнікам рускіх *посреди, посредине, внутри* ўжо выступае *ўсярэдзіне* (як прыслоўе і як прыназоўнік з родным склонам). Пасля гэтага нібыта двухзначнае *ўсярэдзіне* перайшло і ў іншыя акадэмічныя слоўнікі.

Коротка пра падачу фразеалагізмаў у СБМ-12.

У нашай мове, як і ў іншых, ёсць шэраг фразеалагізмаў з кампанентам, які толькі і жыве ў складзе пэўнага выразу і па-за яго межамі не ўжываецца. Такі кампанент не мае самастойнага лексічнага значэння і, як прынята ў лексікаграфічнай практыцы, даецца на сваім алфавітным месцы – з двукроп’ем на канцы, пасля чаго прыводзіцца пэўны выраз з гэтым словам-кампанентам.

Так, у СБМ-12 знаходзім такія словы-кампаненты і выразы пры іх: *аўгіеў*: аўгіевы стайні; *ахілесаву*: ахілесавы пяты; *гордзіеў*: гордзіеў вузел; *дыхт*: даць дыхту; *лататы*: даць (задаць) лататы; *лынды*: біць лынды; *спуд*: пад спудам, з-пад спуду.

У СБМ-87 такіх слоў-кампанентаў з выразамі пры іх было значна больш. Незразумела, чаму яны не даюцца ў СБМ-12: *варфаламееўскі*: варфаламееўская ноч; *мафусаілаў*: мафусаілаў век; *пракрустаў*: пракрустава ложа; *танталаў*: танталавы мукі; *ходыр*: хадзіць ходырам; *храпака*: даць храпака. Праўда, і ў выданні 1987 г. прыводзіліся не ўсе словы-кампаненты, неўжывальныя за межамі фразеалагізмаў. Напрыклад, не даваліся *дамоклаў*: дамоклаў меч; *бурыданаў*: бурыданаў асёл; *блізір*: для блізіру; *панталык*: збіць з панталыку; *понт*: браць на понт, з понтам, дзеля понту.

Слова *цугундар*, неўжывальнае па-за фразеалагізмам *браць на цугундар* (каго), узнікла, паводле М. І. Міхельсона, шляхам зрашчэння двух нямецкіх слоў: *zu+hundert* (к+сотня), успрынятых ад немцаў як частка каманды-загаду даць каму-небудзь сто ўдараў (палак, розгаў, шпіцрутэнаў). Этымалагічная невыразнасць, немагчымасць гэтага выразу спараджае яго арфаграфічную няўстойлівасць: *браць на цугундар* (*цугундры, цугундзер, цыгундар*). Думаецца, што нормай гэтага фразеалагізма павінна быць *браць на цугундар* (каго), а не *браць на цыгундар*, як даецца ў СБМ-87 (у СБМ-12 не фіксуецца). Параўн., дарэчы, у рускай мове: *браць на цугундер* (кого); ва ўкраінскай мове: *брати на цугундер* (кого).

Як у СБМ-87, так і ў СБМ-12 назоўнік *мір* у значэнні ‘сельская грамада’ пададзены з паметай «устарэлы» і канчаткам *-а* ў родным склоне адзіночнага ліку. Гэты ўстарэлы назоўнік у сучаснай літаратурнай мове выкарыстоўваецца толькі ў складзе дзвюх прыказак: *З міру на нітцы – голаму сарочка* і *Што будзе міру, тое і бабінаму сыну*, а таксама ў складзе трох фразеалагізмаў: *з міру на нітцы*, што значыць ‘ад усіх патрох’, *у міру* (‘у кампаніі з іншымі людзьмі’), *усім мірам* (‘супольна, усе разам’). Як паказваюць шматлікія прыклады ўжывання ў пісьмовых літаратурных крыніцах прыказкі *З міру на нітцы – голаму сарочка* і фразеалагізма *з міру*

на нітцы, кампанент *міру* рэалізуецца толькі з канчаткам *-у* (але не *-а*). І гэта варта лічыць нормай. Зрэшты, тое самае ў рускай і ўкраінскай мовах.

І яшчэ пра адзін выраз. Ёсць сінанімічны рад фразеалагізмаў: *на д’ябла, на ліха, на халеру, на хваробу, на чорта*. Адзін з іх – *на ліха* – чамусьці даецца ў СБМ-12 як прыслоўе са злітным напісаннем (*наліха*).

Амаль усе мы прывыклі ставіцца з вялікай пашанай да філалагічных слоўнікаў як да нашых сяброў і надзейных памочнікаў. Але, як было паказана вышэй, часам можа надарыцца, што яны не заўсёды садзейнічаюць культуры маўлення.

Спіс літаратуры

1. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі: Праект новай рэд. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 1999. – 159 с.
2. Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі: Закон Рэспублікі Беларусь: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2008 г.; адобраны Саветам Рэспублікі 28 чэрвеня 2008 г.: зацверджана 23.07.08 № 420-3. – Мінск: Белорусский Дом печати, 2008. – 115 с.
3. Слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі: Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Н. П. Еўсіевіч [і інш.]; навук. рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 916 с.
4. Слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, арфаэпія, акцэнтацыя, словазмяненне / Г. У. Арашонкава [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл. імя П. Броўкі, 1987. – 902 с.
5. Беларуская-рускі слоўнік: каля 90 000 слоў / Акад. навук БССР, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа. – М.: Дзярж. выд-ва замежных і нацыян. слоўнікаў, 1962. – 1048 с.
6. Арфаграфічны слоўнік / М. Р. Суднік, М. П. Лобан. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1948. – 262 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
8. Граматычны слоўнік дзеяслова / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 1252 с.
9. Граматычны слоўнік назоўніка: А–Я / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 1379 с.
10. Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя: А–Я / Нацыян. акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 1176 с.
11. Слоўнік новых слоў беларускай мовы: [каля 4 500 слоў і выказаў] / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск: ТетраСистемс, 2009. – 444 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 1996. – 783 с.
13. Каўрус, А. А. Да свайго слова: пытанні культуры мовы / А. А. Каўрус; пад рэд. У. І. Куліковіча. – Мінск: РІВШ, 2011. – 344 с.
14. Лепешаў, І. Я. Лінгвістычны аналіз тэксту: вучэб. дапам. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Выш. шк., 2009. – 287 с.

Лепешаў Іван Якаўлевіч, прафесар кафедры беларускай мовы ГрДУ імя Я. Купалы, доктар філалагічных навук (Гродна, Беларусь).

«The Belorussian Language Dictionary», published in 2012, is analyzed in this article. Both the positive and negative features of this dictionary are depicted in the research. The following peculiarities of the analyzed dictionary are referred to the negative features: the absence of both the generally – known lexical units which exist in the language for centuries, and those words which appeared in the language recently; non-adequacy of the codification and the existing language norm in some cases; non-exact data about the quality of the lexical units given in the dictionary. The description of the phrasological units is researched in the article.

УДК 81'373+82+008+398(043.2+043.3)

Н. Б. Мечковская

МОЖЕТ ЛИ ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ ПРЕОДОЛЕТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИИ?

Инструментарий лексикографа, представляемый намеками и без достаточной лингвистической терминологии во вводных (к словарю) статьях о том, как пользоваться словарем, а также в перечнях сокращений, позволяет различать основные релевантные для фразеологии оппозиции классов фразем (т. е. воспроизводимых неоднословных номинативных единиц): 1) идиомы и неидиомы; 2) идиомы полные и идиомы образно мотивированные; 3) (высоко)устойчивые фраземы и обороты хотя и воспроизводимые, но неустойчивые. В зависимости от лексикографического качества (полноты и дифференцированности) представления языковых свойств фразем синхронные словари (не историко-этимологические) образуют следующую градацию: 1) одноязычные общие; 2) двуязычные общие; 3) одноязычные фразеологические; 4) двуязычные фразеологические.

1. О фразеологических поисках и «рыночности» фразеологии. В книжном деле издание словарей – один из самых доходных бизнесов, по норме прибыли уступающий только изданию учебников (однако не учебных пособий). Тиражи словарей, по сравнению с советским и/или докомпьютерным временем, упали, но они по-прежнему выше тиражей несловарных лингвистических изданий. В силу «рыночности» современной лексикографии в сочетании с демократическими и просветительскими традициями академических толковых словарей, лексикографы по-прежнему работают для широкого круга пользователей – отнюдь не только филологов. Отсюда терминологическая осторожность вступительных статей «Как пользоваться словарем»: в терминах они не выходят за пределы средней школы (см. (МАС; ТСБМ; Кузн.), толковые словари семейства Webster, Duden и подобные фундаментальные издания; список сокращений словарей см. в конце статьи).

В традициях академической толковой (одноязычной) лексикографии находятся и главные двуязычные (переводные) словари. Для современной русскоязычной культуры это словари, на чьих титульных листах стоят такие славные имена, как В. К. Мюллер, Л. В. Щерба, И. Р. Гальперин, О. И. Москальская, Э. М. Медникова, Ю. Д. Апресян. Словари, производные от академических толковых и фундаментальных двуязычных словарей, т. е. вторичная лексикографическая продукция, – это издания в разной мере и по-разному редуцированные, а в жанре школьных словарей и в чем-то дополненные по отношению к первоисточникам.

Лексикографическое представление фразеологии осуществляется в словарях двух жанровых классов: 1) общие словари, т. е. словари лексики и фразеологии (толковые и переводные); 2) фразеологические словари (толковые или переводные). Общие словари (по сути, это словари лексико-фразеологические) дают более полную и лингвистически более тонкую и отчетливую картину фразеологических средств номинации; при этом дополнительная для понимания природы фразеологии ценность общих словарей состоит в том, что в них средства фраземной номинации соотношены с возможностями номинации с помощью слов.

В разных общих словарях дифференцированная подача фразем разных классов осуществляется в значительной, но разной мере. В наиболее продвинутом случае («Большой толковый словарь

русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (Кузн.) средствами лексикографии различены следующие классы фразем: 1) высокоустойчивые фраземы (фразеологические сочетания, по терминологии В. В. Виноградова [1, с. 51], или фраземы со свойством устойчивости, в терминах И. А. Мельчука [2]) vs менее устойчивые фраземы; 2) идиомы без признака устойчивости (как немотивированные, так и образно мотивированные) vs неидиоматические неустойчивые фраземы (фразеологические выражения, в терминологии Н. М. Шанского [3, с. 202]); 3) полные идиомы vs образно мотивированные идиомы (сращения vs единства, по В. В. Виноградову); 4) неидиоматические и неустойчивые обороты (фразеологические выражения, по Н. М. Шанскому) vs свободные сочетания лексем; 5) «настоящие» идиомы (сращения и единства) vs полу-идиомы (термин И. А. Мельчука, англ. *semiprasemes* [4, с. 179]). В зависимости от лексикографического качества представления семантики фразем рассматриваемые четыре жанра словарей образуют следующую градацию: 1) одноязычные общие; 2) двуязычные общие; 3) одноязычные фразеологические; 4) двуязычные фразеологические.

2. На какие запросы фразеолога могут ответить общие словари, одноязычные (толковые) и двуязычные (переводные)? Общие словари, т. е. словари лексем и фразем, давно отказались от голубой мечты первых (лексикографических) европейских академий (XVI–XVIII вв.) – собрать все сокровища языка, отсеяв обветшалое и не допуская слишком низкого. Современные словари включают в свои словники далеко не всё из наблюдаемого; для них важна репрезентативность словаря при заведомо лимитированном объеме как словника (200–300 тыс. словарных статей, без ссылочных), так и количества томов (4–5 книг). Поэтому в общих словарях варианты и слов и фразем номинативных единиц, а также диалектизмы, архаизмы, историзмы, окказионализмы представлены скупо.

2.1. Как словари отличают высокоустойчивые фраземы от менее устойчивых фразеологизмов? Названный класс составляют две подгруппы фразеологических оборотов (ФО): 1) фразеологические сочетания (*щекотливый вопрос, мертвецки пьян*) и 2) фразеологические сращения с некротизмами (*притча во языцех, турысы на колесах*). В общих словарях подобные ФО пред-

ставлены в тех словарных статьях, заглавное слово которых не толкуется как самостоятельная единица, но дано только в составе словосочетания, при этом толкуется именно словосочетание с данным словом, ср.: *вскружить*. \diamond *вскружить голову кому* (МАС, т. I, с. 232); бел. *казеліць*. У выразе: *казеліць вочы* (ТСБМ, т. II, с. 576), *бікфордаў*. У выразе: *бікфордаў шнур* (ТСБМ, I, с. 374); нем. *gang: es ist ~ und gäbe* 'так водится, так принято' (Моск., т. I, с. 512).

Что касается фразеологических словарей, то они иногда включают подобные ФО (особенно сращения), но при этом практически не отмечают их сверхустойчивость; ср. бел. *браць (узяць) на цугундар* (Леп., т. I, с. 126), рус. *охулки на руку не класть* (Млтк., с. 199), нем. *Bihei machen* (Duden, с. 146) 'производить много шума, суесть вокруг чего-л.', с фразеологически связанным компонентом *Bihei*, синтагматическая замкнутость которого, однако, в словарной статье не сигнализирована.

2.2. Как словари отличают неустойчивые идиомы от неидиоматических фразем (фразеологических выражений, в терминологии Н. М. Шанского)? Класс неустойчивых идиом состоит из двух разрядов ФО: 1) немногочисленные сращения (т. е. полностью немотивированные идиомы), состоящие, однако, из понятных слов: *грудная жаба*, *собаку съест в чём-л.*, *царская водка*; по отсутствию мотивированности к сращениям примыкают некоторые компаративные обороты: *врет как сивый мерин*, *глуп как пробка*. (О специфике идиоматичности применительно к фразеологическим сравнениям см. [5, с. 78–79; 6]); 2) многочисленные в любом языке фразеологические единства (*держат камень за пазухой*, *сидеть на чемоданах*, *язык без костей*). В словарях идиомы обычно маркируются ромбиком; в словарях восточнославянских языков идиоматика помещается в конце словарной статьи, в ее «заромбовой» зоне; в немецких и английских словарях отдельная идиома помещается «под тем значением многозначного слова, к которому тяготеет опорное слово фразеологической единицы» (Моск., т. I, с. 9).

2.3. Можно ли лексикографически маркировать «фразеологические выражения» (в терминах Н. М. Шанского)? Большинство общих словарей не «замечает» неидиоматические и неустойчивые, но воспроизводимые обороты в качестве явлений фразеологии. Трудность можно понять, т. к. именно здесь проходит одна из границ между фраземами и свободными сочетаниями лексем. Вся фразеологичность «фразеологических выражений» состоит в их воспроизводимости. Это свойство, представляя собой единственное обязательное отличие всех фразем от свободных сочетаний слов, важно, т. к. позволяет видеть генезис многочисленных фразем-терминов. МАС помещает многие фразеологические выражения (например, *басовый ключ* (МАС, т. I, с. 64), *литературный язык* (МАС, т. II, с. 188), *логическое ударение* (МАС, т. II, с. 196), *уголовный розыск* (МАС, т. III, с. 728)) «за ромбом», т. е. смешивая идиомы и неидиомы.

Однако в новейшем толковом словаре (Кузн.) найдено логичное решение: фразеологические выражения даны в одной зоне с типичными сво-

бодными сочетаниями (в состав которых входит толкуемая в данной словарной статье лексема); свободные сочетания лексем, естественно, не толкуются, но стоящие рядом фраземы получают толкование. Согласно этому принципу, свободные сочетания *басовая партия*, *басовая струна*, *басовый регистр* не толкуются – именно потому, что они свободны, но стоящее рядом сочетание *басовый ключ* имеет определение 'нотный ключ низкого регистра; ключ фа' (Кузн., с. 61), и наличие дефиниции указывает на фразеологичность сочетания. См. аналогичные решения в (Кузн.) относительно фразеологических выражений *литературный язык*, *логическое ударение*, *уголовное право*, *червячная передача* и мн. др.

3. Как лексикографически различить полные идиомы и образно мотивированные идиомы (в терминах В. В. Виноградова, сращения vs единства)? В лексико-фразеологических словарях это разделение не проводится, хотя оно важно и легко осуществимо. Для этого достаточно сращения (*собаку съест в чём-л.*; *остаться с носом*) помещать в отдельной словарной статье (по алфавиту первого неслужебного слова), что могло бы подчеркнуть отсутствие семантической связи между ФО и его словными компонентами. Образные идиомы (*нос не дорос*, *носом землю роет*), напротив, целесообразно помещать в словарной статье того неслужебного слова, с которого начинается фразема. (О явлениях пограничных между сращениями и единствами см. [7, с. 160–162]).

4. Экономическая успешность и лингвистические проблемы фразеологических словарей. Фразеология, в которой наиболее заметны экспрессивно-образные обороты, с игрой и загадкой внутри, привлекает и изучающих языки, и исследователей. Поэтому фразеологический словарь – это всегда бестселлер, особенно двуязычный и особенно небольшой. В толковом словаре фразем потребитель хотел бы видеть репрезентативную картину фразеологических богатств национального языка, а в переводном – ключ к полному пониманию иноязычной фраземы.

4.1. Репрезентативный фразеологический словарь vs словарь отдельных классов. Недостаточная репрезентативность словарей фразеологии, как одноязычных (Млтк., Леп., Duden, Тих., Телия), так и больших двуязычных (Кун., Бин/Гр., Mat., Квес.) связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, фразеологические словари, в отличие от общих словарей, не дифференцируют описание фразем в зависимости от их фразеологических свойств (степени устойчивости и идиоматичности); во-вторых, словник ряда фразеологических словарей сознательно ограничен идиомами (Млтк., Леп., Телия, Pavl., Vqba и др.), это ясно из предисловий, в которых составители перечисляют группы воспроизводимых оборотов, которые они по разным соображениям не включают. Особенно часто не везет фраземам-терминам: ср. (Млтк., с. 16; Леп., с. 6–7). Таким образом, в фразеологии до сих пор остаются не ясны границы фразеологии и состав фразеологических классов, принадлежность к которым целесообразно маркировать лексикографически.

4.2. О браконьерстве во фразеографии. В двуязычных словарях фразеологии (Кун., Добр., Квес., Сем.) для пользователя опаснее всего ситуация, когда вместо толкования фраземы дан близкий оборот на выходном языке. Такой «перевод» всегда приблизителен; он не раскрывает ни узуального значения, ни мотивированности толкуемой фраземы. Ограничусь двумя примерами: (1) *das Heft in der Hand haben/behalten* – (книжн.) ‘держать бразды правления (в своих руках)’ (Добр., с. 88). Далее следует немецкая иллюстрация и ее русский перевод. Между тем дословная семантизация фраземы ‘держать в руке рукоятку/тетрадь’ может оказаться не всем по силам: школьники знают *das Heft* как ‘тетрадь’, так что воспримут «картинку» иначе: может возникнуть представление, что в немецкой культуре письмо и грамотность связаны с властью; (2) *die Zunge im Zaum halten* в (Сем., с. 251) переводится как *держат язык за зубами*, однако *im Zaum* означает ‘в узде’, а читатель поймет *im Zaum* как ‘в рту, в ротовой полости’. Между тем для образных идиом важно эксплицировать «картинку», которая мотивирует значение ФО, т. е. передать (словами) тот наглядный образ, который и создает «двойное прочтение» семантики оборота – ту «игру» дословного и узуального значений оборота, которая привлекает во фразеологии.

5. Качество фразеографии и книжный рынок. Филологи могут скептически смотреть на массовые словарные издания, предпочитая академические, но на вопрос о том, насколько доходность изданий пропорциональна их раскупаемости, издатели находят свои ответы. По-видимому, издатели улавливают нужный баланс между тиражами дорогих крупноформатных словарей и карманных словариков. Можно ли в таком случае говорить о какой-то роли вузовского и школьного филолога в игре рыночных стихий? Думаю, можно. Эта роль связана с воспитанием читательских запросов к лингвистической информативности изданий. Когда на занятиях по лексикологии уяснение внутренней формы слов и фразем станет таким же обязательным делом, как уяснение их значений, тогда этот потребительский запрос войдет в стандарт издательских требований к словарному представлению фразеологии.

Список сокращений

Бин/Тр. – Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1975. – 656 с.
 Добр. – Добровольский, Д. О. Немецко-русский словарь живых идиом / Д. О. Добровольский. – М.: Метатекст, 1997. – 201 с.
 Квес. – Квеселевич, Д. И. Русско-английский фразеологический словарь: около 7000 фразеологических единиц / Д. И. Квеселевич. – М.: Рус. яз., 1998. – 704 с.
 Кузн. – Большой толковый словарь русского языка / редкол.: С. А. Кузнецов (гл. ред.) [и др.]. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
 Кун. – Англо-русский фразеологический словарь: около 25 000 фразеологических единиц / сост. А. В. Кунин. – 3-е изд., испр. – М.: Сов. Энциклопедия, 1967. – 1264 с.
 Леп. – Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 1993. – 2 т.
 МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: А. П. Евгеньев (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981. – 4 т.
 Млтк. – Фразеологический словарь русского языка: около 4 000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. – 6-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 2006. – 544 с.
 Моск. – Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / под ред. О. И. Москальской. – 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1980. – 2 т.

Мюл. – Мюллер, В. К. Большой англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 4-е изд. – М.: Цитадель-трейд: Лада: Рипол Классик, 2006. – 832 с.

Сем. – Семенова, О. А. 2 000 русских и 2 000 немецких идиом, фразеологических и устойчивых словосочетаний. – Минск: ООО «Попурри», 2003. – 256 с.

Телия – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол. В. Н. Телия (гл. ред.). – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 782 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. [шасці кнігах] / пад агульн. рэд. акад. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). – Мінск: Бел. Энциклапедыя, 1977–1984. – 5 т.

ґаба – ґаба, S. Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego / S. ґаба, G. Dziamska, J. Liberek. – Warszawa: PWN, 1995, 2000. – 776 с.

Duden – Redenwendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mehr als 10 000 feste Wendungen, Sprichwörtliche Redensarten und Sprichwörter. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2002. – В. XI. – 955 s.

Mat. – Petermann, J. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch / J. Petermann, R. Hansen-Kokoruš, T. Bill; hrsg. von J. Matešić. – Leipzig etc, 1995. – Т. XXVIII. – 946 s.

Pav. – Frazeološki slovar v petih jezikih. Rječnik slovenačkih, hrvatskosrpskih, latinskih, njemačkih, francuskih i engleskih fraza / sest. J. Pavlica. – Ljubljana 1960. – 688 s.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 140–161.
2. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.
3. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.
4. Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics / I. Mel'čuk // Everaert, M. et al. (eds.), Idioms: Structural and Psychological Perspectives. – Hillsdale (NJ); Hove, 1995. – P. 167–232.
5. Мечковская, Н. Б. Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии / Н. Б. Мечковская // Jachnow, H. etc. Kognition, Sprache und phraseologische / parämiologische Graduierung / red. H. Jachnow etc. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2005. – S. 58–153.
6. Мечковская, Н. Б. Семантическое своеобразие фразеологических сравнений: тема-рематическая неидиоматичность и градуальная мотивированность их внутренней формы / Н. Б. Мечковская // Пятое Жуковские чтения «Литературная и диалектная фразеология: история и развитие»: материалы Междунар. научн. симпозиума: в 2 т. – Великий Новгород: НовГУ, 2011. – Т. 1. – С. 28–33.
7. Мечковская, Н. Б. Классы идиом и их корреляты в механизмах диахронической фразеологии (на материале восточнославянских, словенского и польского языков) / Н. Б. Мечковская // Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIV Міжнародны з'езд славістаў, Охрыд, 2008: Доклады беларускай дэлегацыі. – Мінск: Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, 2008. – С. 149–172.

Мечковская Нина Борисовна, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, доктор филологических наук, профессор (Минск, Беларусь).

The unresolved a number of significant problems of phraseology (from the one of the phraseological boundaries and location of the phrasemes in dictionaries of different genres and to differences in the ways of opening sentence semantics and pragmatics of different phraseme bits) are put in connection firstly with a variety of research, didactic, and publishing tasks of lexicography, and secondly, with unresolved issues in determining tier boundaries of phraseology, its classes and their place in the nominative resources of the language, as well as in connection with the insufficient knowledge of the correlations between the phraseme properties and properties of its components.

УДК 811.161.3

А. А. Марозава

ЛЕКСІЧНЫЯ ВАРЫЯНТЫ Ў РЭСТРЫ «ТЛУМАЧАЛЬНАГА СЛОЎНІКА БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ»

Некоторые лексические единицы на определенном этапе развития языка функционируют в нескольких (преимущественно двух) вариантах – разновидностях, тождественных в смысловом, стилистическом, синтагматическом отношении, взаимозаменяемых в контексте. Варианты слов не всегда получают полное и объективное лексикографическое описание, поскольку в белорусском языкознании не существует единого взгляда на природу вариантности слов и типы вариантов. Исследование посвящено анализу лексических вариантов, выбранных из реестра Толкового словаря белорусского языка. Рассматриваются принципы их подачи, аппарат репрезентации (в частности, ссылки на вариант, которому отдается предпочтение). Уделяется внимание вопросам соотношения реально существующих в речевом узусе лексических вариантов и их фиксации в нормативном Толковом словаре белорусского языка.

Беларуская мова з’яўляецца высокаразвітай мовай з багатым слоўніковым складам, які з дастаўковай ступенню паўнаты здольны паспяхова служыць для перадачы навуковых ведаў і абслугоўваць усе камунікатыўныя патрэбы сучаснага грамадства. Інструментам апісання прадметаў і з’яў рэчаіснасці з’яўляецца слова – асноўная намінацыйная адзінка мовы.

Адначасова з гэтым слова само выступае ў якасці аб’екта апісання ў спецыяльных крыніцах – лінгвістычных слоўніках. Паколькі слова можа быць ахарактарызавана з самых розных бакоў (з боку акцэнтацыі, словаўтварэння, паходжання, граматыкі, стылістычнай аднесенасці, частотнасці ўжывання і інш.), існуюць шматлікія тыпы слоўнікаў, што служаць для дэталёвага навуковага апісання слова як аб’екта даследавання ў канкрэтнай галіне мовазнаўства.

Побач з імі вызначальнае месца ў нацыянальнай лексікаграфіі займае даведнік камбінаванага тыпу – тлумачальны слоўнік, які з’яўляецца паказчыкам агульнага моўнага развіцця. Па-першае, у тлумачальным слоўніку адлюстраваны (з большай ці меншай паўнатой) слоўнікавы склад пэўнай літаратурнай мовы на пэўным этапе яе развіцця; па-другое, у дадзеным слоўніку падаецца тлумачэнне лексічнага значэння кожнай адзінкі.

Самым поўным (паводле аб’ёму і кампетэнтнага каментарыя кожнага рэестравага слова) камбінаваным лексікаграфічным даведнікам, у якім адлюстраваны багацце і асаблівасці агульнаўжывальнай лексікі беларускай мовы ХХ ст., з’яўляецца «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984) [1]. У ім апісаны не толькі лексічныя значэнні слоў, але і «паказваецца сфера выкарыстання, даюцца граматычныя, акцэнтацыйныя і правапісныя характарыстыкі слоў, вызначаюцца нормы спалучальнасці слоў, фіксуюцца ўстойлівыя словаспалучэнні тэрміналагічнага і фразеалагічнага характару, паказваецца паходжанне іншамоўных слоў» [2, с. 148]. У слоўніку адлюстраваны з’явы лексічнай полісеміі і аманіміі, а таксама найбольш паслядоўна прадстаўлены ўсе фармальныя ўвасабленні слова – варыянтная лексіка.

Вар’іраванне слова часта абумоўлена аб’ектыўнымі прычынамі: перавага артыкуляцыйнай базы роднай мовы, адсутнасць у носьбітаў мовы разумення генетычнай прыналежнасці іншамоўнага слова, уплыў дыялекта ці мясцовай гаворкі, няведанне нормаў літаратурнай формы нацыянальнай мовы. Гэта значыць, што ў выпадках, калі «семантычна тоесныя і аднолькавыя паводле марфемнага скла-

ду лексемы маюць неаднолькавае графічнае, фанетыка-арфаграфічнае, марфалагічнае, граматычнае, сінтаксічнае афармленне», мы маем справу з фармальнай варыянтнасцю, пры якой «вар’іраванню падпадаюць толькі сродкі знешняга афармлення слова (розныя формы слова) у параметры трох узроўняў моўнай структуры (фанетыкі, арфаграфіі і марфалогіі)» [3, с. 34].

Фармальныя варыянтнасць базіруецца на супрацьпастаўленні матэрыяльнага элемента, які адрознівае адзін варыянт ад другога, а самі варыянты даследуюцца ў напрамку вывучэння характару суадносінаў першапачатковай і мадыфікаванай структурнай абалонкі. Такім чынам, фармальныя варыянты слова – «гэта відазмяненні, якія адрозніваюцца паміж сабой у якіх-небудзь адносінах пры захаванні тоеснага марфемнага складу» [4, с. 45]. У выпадку, калі варыянтнасць базіруецца не на супрацьпастаўленні аднаго пэўнага элемента, а назіраецца на ўзроўні ўсяго слова (пры захаванні яго значэння), мы маем справу з яшчэ адным тыпам моўнага вар’іравання – *лексічнай варыянтнасцю*.

Лексічныя варыянты ствараюць апазіцыю фармальнаму тыпу вар’іравання, паколькі першы складаюць семантычна тоесныя адзінкі з нязначнай з пункту гледжання семасіялогіі мадыфікацыйнай матэрыяльнай абалонкі, а прырода лексічнай варыянтнасці не супярэчыць магчымасці разнастайных спосабаў перадачы аднаго і таго ж лексічнага значэння. Гэта тлумачыцца наступнымі прычынамі: 1) лексічныя варыянты не ўніфікаваныя адной і той жа мадэллю ўтварэння; 2) яны ствараюць багатую карціну з’яў ўзабачаюцца новымі словамі-сінонімамі» [6, с. 40]. Лексічныя варыянты ўзнікаюць ў сувязі з імкненнем нацыянальна арыентаваных носьбітаў мовы павольна абазначыць камунікатыўна-значныя з’явы (звычайна гэта сацыяльна значныя, ключавыя паняцці, што сведчаць пра карэнныя пераўтварэнні ва ўсіх сферах грамадства), для называння якіх у мове ўжо склаліся адпаведныя сродкі намінацыі.

Спецыфічнай рысай лексічных варыянтаў з’яўляецца тое, што іх з’яўленне выклікана не неабходнасцю назваць новае паняцце, а «асаблівасцямі развіцця самой лексікі як сістэмы, калі на змену адным намінацыям прыходзяць новыя або калі мова ўзбагачаецца новымі словамі-сінонімамі» [6, с. 40]. Лексічныя варыянты ўзнікаюць ў сувязі з імкненнем нацыянальна арыентаваных носьбітаў мовы павольна абазначыць камунікатыўна-значныя з’явы (звычайна гэта сацыяльна значныя, ключавыя паняцці, што сведчаць пра карэнныя пераўтварэнні ва ўсіх сферах грамадства), для называння якіх у мове ўжо склаліся адпаведныя сродкі намінацыі.

Тэндэнцыя да актуалізацыі нацыянальных асаблівасцей слова і паслаблення відавочнай блізкасці часткі агульнага слоўнікавага фонду бе-

ларускай і рускай моў вызначае крыніцы лексічнай варыянтнасці ў сучаснай беларускай мове: рэсурсы архаічнай лексікі, якая вяртаецца з пасіўнага запасу да актыўнага выкарыстання (*асадка* – *ручка*, *атрамонт* – *чарніла*, *вакацыі* – *канікулы*, *адсотак* – *працэнт*, *мана* – *карта*, *амбасадар* – *пасол* і *амбасада* – *пасольства*, *электарат* – *выбаршчыкі*, *гарбата* – *чай*, *кава* – *кофе*, *цытрына* – *лімон*), рэсурсы дыялектнай мовы (*валіза* – *чамадан*, *ровар* – *веласіпед*, *імбрычак* – *чайнік*, *травень* – *май*, *майткі* – *трусы*, *лецішча* – *дача*), рэсурсы запазычанай лексікі (*тынэйджар* – *падлетак*, *плецак* – *рукзак*), лексічныя неалагізмы (*складанка* – *зборнік*).

З гэтага вынікае, што на дадзеным этапе варыянтныя пары складаюцца з ужо вядомых у мове традыцыйных найменняў і найменняў, актыўнае функцыянаванне якіх выклікана працяканнем працэсу вар’іравання: дзве самастойныя лексемы рэалізуюць індывідуальнае лексічнае значэнне, тоеснае ў кожнай з адзінак пары. Таму ў адносінах да варыянтаў лексічнага ўзроўню дзейнічае функцыянальна-стылістычны аспект вывучэння (стылістычная афарбоўка і характар суадносінаў з нейтральнымі агульнаўжывальнымі словамі).

Тлумачальны слоўнік адлюстроўвае такія тыпы фармальных варыянтаў, як акцэнталагічныя (*найміт* – *найміт*, *воўка* – *ваўка*, *выпадак* – *выпадак*, *католік* – *каталік*, *гайсіць* – *гойсаць*, *футравы* – *футровы*, *навокал* – *навакол*, *вопратка* – *апратка*); фанетычныя (*ігруша* – *груша*, *елка* – *ёлка*, *кмен* – *кмін*); граматычныя (*груд* – *груда*, *давер* – *давер’е*, *дамешак* – *дамешка*, *дрыготка* – *дрыжыкі*); словаўтваральныя (*добрасць* – *дабрата*, *дуэліст* – *дуэлянт*, *закуць* – *закаваць*, *гуд* – *гудзенне*, *дагадка* – *здагадка*, *гартоўка* – *загартоўка*, *зімовы* – *зімні*).

Лексічныя варыянты прадстаўлены ў «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы», аднак іх колькасць склад у параўнанні з варыянтамі іншых тыпаў адносна невялікі, а апарат рэпрэзентацыі не бездакорны. Першае выклікана тым фактам, што пад фармальнае вар’іраванне падпадаюць адзінкі рознай часцінамоўнай прыналежнасці: напрыклад, у II томе слоўніка (літары Г–К) адлюстраваны 680 варыянтных пар, сярод якіх 320 складаюць назоўнікі, 190 – дзеясловы, 130 – прыметнікі, 9 – прыслоўі, 1 – займеннікі. Асобна мы вылучылі 30 варыянтных пар спецыяльнай лексікі (тэрміны і тэрміналагічныя спалучэнні). Вар’іраванне на лексічным узроўні адбываецца толькі ў межах назоўніка: з 320 варыянтных пар гэтай часткі мовы рэалізуюць лексічны тып вар’іравання 14. Акрамя гэтага, адсутнасць пэўнай часткі лексічных варыянтаў у слоўніку тлумачыцца тым, што з часу яго складання прайшло 30 гадоў: моўны склад значна папоўніўся новымі адзінкамі, частка ўстарэлай лексікі змяніла свой статус і вярнулася да актыўнага функцыянавання, у некаторых адзінках развілася новае лексічнае значэнне. У выніку на сённяшні дзень слоўнік не адпавядае цалкам сучаснаму лексічнаму саставу і не адлюстроўвае ў поўнай меры жывы тэндэнцыі развіцця сучаснай беларускай мовы. Некаторыя новыя або актуалізаваныя адзінкі, што з’яўляюцца кампанентамі лексічных варыянтных пар, зафіксаваны ў «Слоўніку новых слоў беларускай мовы» [7] і «Слоўніку сучаснай беларускай мовы» [8].

Наўніфікаванасць падачы варыянтнай лексікі назіраецца ў адносінах да кожнага з тыпаў вар’іравання, што звязана з агульнай тэарэтычнай нераспрацаванасцю праблемы варыянтнасці (адсутнасць строга акрэсленага паняцця варыянт, праблемы класіфікацыі варыянтаў і вызначэння мяжы вар’іравання). Так, у «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» выяўляецца непаслядоўнасць пры перадачы варыянтаў націску, граматычных варыянтаў роду, у выключэнні некаторых словаўтваральных фактаў з сістэмы варыянтных адносін, ілюстраванне аднаго з двух членаў варыянтнай пары або наогул адсутнасць ілюстрацыйных прыкладаў [5, с. 172].

Сістэма спасылчых памет зводзіцца да трох спосабаў падачы варыянтаў (*i*; *гл.*; *тое, што i*). Першы спосаб дае разуменне, што ў межах аднаго слоўнікавага артыкула аб’яднаны варыянты адносна раўнапраўнага ўжывання, спасылка *гл.* паказвае на перавагу ўжывання аднаго з варыянтаў, а спасылка *тое, што i* ўказвае на функцыянальную нераўнапраўнасць суадносных варыянтаў. Варыянты лексічнага ўзроўню падаюцца пераважна пры дапамозе трэцяга спосабу, аднак у некаторых выпадках рэпрэзентацыя не адпавядае спасылчым памецам:

1. Звязка *тое, што i* падкрэслівае сэнсавую тоеснасць рээстравага слова з іншым словам, якое ставіцца на першае месца паводле ўжывання. Напрыклад, з варыянтнай пары *канікулы* – *вакацыі* ў слоўніку на першае месца ставіцца слова *канікулы*, а слова *вакацыі* падаецца як яго ўстарэлы варыянт. Аднак у апошнія дзесяцігоддзі пачало актыўна ўжывацца і варыянтнае слова *вакацыі*: *Гэта было яшчэ летам і ўсе гомельскія апазыцыянеры былі на вакацыях* (Наша Ніва. 22.01.2007); *Абласны этап рэспубліканскага конкурсу самадзейнай мастацкай творчасці навучэнцаў прафесійна-тэхнічных і сярэднеспецыяльных навучальных устаноў «АРТ-вакацыі» раскрыў шмат новых талентаў* (Народнае слова. 12.05.2009). Абедзве лексемы з’яўляюцца запазычанямі з лацінскай мовы (*caniculae* і *vacatio*) і абазначаюць перапынак у працы або ў занятках, які даецца навучэнцам для адпачынку.

З варыянтнай пары *поезд* – *цягнік* у слоўніках на першае месца ўмоўна ставіцца слова *поезд*, якое мае значэнне ‘састаў счэпленых чыгуначных вагонаў, якія прыводзяцца ў рух лакаматывам’ [1, т. 3, с. 483]. Слова *цягнік* тлумачыцца наступным чынам: *тое, што i* поезд. Словы цалкам супадаюць па значэнні і з’яўляюцца лексічнымі варыянтамі: *У апазданні «Поезд ішоў з Сімферопаля» ехала ў тым цягніку жанчына з хлопчыкам* (Наша вера. 2003. № 2); *Яны бадзёра выскоквалі з вагонаў пезда «Кіеў-Мінск» і ўліваліся ў адтуліны падземнага перахода* (Звязда. 12.10.2011); *Быў пачатак ліпеня, каля пятай раніцы, я ледзьве дачакаўся на мокрай адрасы прывакзальнай траве цягніка...* (Arche. 2000. № 8). Ілюстрацыйны матэрыял не выяўляе сэнсавага, стылёвага, словаспалучальнага адрознення слоў *поезд* і *цягнік*.

2. Недакладнасць падачы некаторых варыянтных пар выклікана магчымасцю стылёвай ці словаспалучальнай дыферэнцыяцыі лексем. «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» падае лексемы *сцяг* і *флаг* (маюць блізкае, але не тоеснае значэнне) як раўназначныя для абазначэння аднаго паняц-

ця – дзяржаўнага сімвалу краіны. Ужыванне слоў павінна залежаць ад функцыянальнага прызначэння рэчы, якую яны называюць. Слова *сцяг* належыць выкарыстоўваць у тых выпадках, калі размова ідзе пра сімвал на ўзроўні дзяржавы, міністэрства, арганізацыі: *На старых чорна-белых фотаздымках сцягі не маюць колераў. Так, цёмная гарызантальная паласа на светлым фоне...* (Arche. 2007. № 4); *Адно з самых яркіх уражанняў: у вялікай зале ... вісіць сцяг – вялікі сімвал з выявай сонца і нейкіх жывёл, і напісана: «Дзіцячай кнізе Швецыі 400 гадоў»* (Звязда. 17.01.2011). Сфера выкарыстання слова *флаг* – спартыўныя спаборніцтвы (*застаўца за флагам*), паляванне, сігнальная разметка (*флажковая сігналізацыя*), апазнавальныя знакі (*флажкі на карце*), упрыгожанне (*ёлачныя флажкі*). Акрамя таго, у мове ёсць шэраг складаных слоў, блізкіх да тэрміналагічных, першай часткай якіх з'яўляецца *флаг*–: *флаг-ад'ютант, флаг-афіцэр, флаг-капітан, флаг-лейтэнант, флаг-антэна, флаг-сігнал, флажток*.

У кожным з разгледжаных выпадкаў праблема падачы ўласна лексічных варыянтаў суправаджаецца дадатковымі пытаннямі: змена статусу некаторых слоў архаічнай лексікі і вяртанне іх у актыўны ўжытак, наяўнасць варыянтаў, абумоўленых беларуска-рускім двухмоўем, і іх месца ў сучаснай беларускай мове, неправамернае поўнае атаясамліванне слоў без уліку іх лексічнага аб'ёму і стылістычнай дыферэнцыяцы.

Тлумачальны слоўнік прызваны садзейнічаць нармалізацыі мовы, а лексічныя варыянты ствараюць рэзерв, які забяспечвае мове функцыянальную разнастайнасць, спрыяльныя ўмовы для рэалізацыі ўсіх яе матэрыяльных рэсурсаў і вобразнага патэнцыялу. Першы вопыт укладання тлумачальнага слоўніка беларускай мовы засведчыў здабыткі ў галіне лексікалогіі і заклаў асновы фіксацыі варыянтнасці як лексіка-граматычнага феномена. Аднак аналіз варыянтаў, прадстаўленых у слоўніку, паказвае, што перад даследчыкамі стаіць задача сучасных пошукаў удасканалення структуры і зместу слоўніка, глыбока-

га і праніклівага вывучэння прыроды, тыпаў і функцый варыянтаў, іх аб'ектыўнага лексікаграфічнага апісання.

Спіс літаратуры

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). – Мінск: БелСЭ, 1977 – 1983. – 5 т.
2. Сцяцко, П. У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк. – Мінск: Выш. шк., 1990. – 222 с.
3. Мова «Нашай Нівы», (1906–1915). Варыянтнасць. Сінанімія / В. П. Лемшогова [і інш.]. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 303 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
5. Шкраба, І. Р. Варыянтнасць у сучаснай беларускай мове / І. Р. Шкраба. – Мінск: ТАА «Асар», 2004. – 240 с.
6. Красней, В. П. Актыўная і пасіўная лексіка: матэрыял да курса на выбар «Лексіка і фразеалогія беларускай мовы» / В. П. Красней // Беларуская мова і літаратура. – 2007. – № 10. – С. 38–41.
7. Уласевіч, В. І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск: ТетраСистемс, 2009. – 444 с.
8. Завальнюк, У. М. Слоўнік сучаснай беларускай мовы / У. М. Завальнюк, М. Р. Прыгодзіч, В. К. Раманцэвіч; пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча, У. М. Завальнюка. – Мінск: Нар. асвета, 2009. – 399 с.

Марозава Анастасія Андрэўна, малодшы навуковы супрацоўнік аддзела лексікалогіі і лексікаграфіі ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі» (Мінск, Беларусь).

In certain stage of Belarusian language development's some lexical units function as a few (mainly two) variants – two varieties which are identical in semantic, stylistic, syntagmatic relation and which are interchangeable in the context. Sometime word's variants don't receive the complete and objective lexicographical description, because isn't one opinion about nature of variant words and types of variants in Belarusian linguistics. The report is devoted to analysis of lexical variants from the register of the «Explanatory dictionary of the Belarusian language». In the report principles and apparatus of presenting (reference notes to variant, which is preferable) have been shown. The questions of the correlation between lexical variants which really existence in vocal practice and lexical variants in the normative «Explanatory dictionary of the Belarusian language».

УДК 81'32, 811.512.1

О. А. Невзорова, А. М. Галиева, А. Р. Гатиатуллин, Д. Д. Якубова

МОДЕЛИ АННОТАЦИЙ РУССКО-ТАТАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ¹

Описаны модели и методы представления лингвистической информации в разработанной русско-татарской лексикографической базе данных, отличительными чертами которой являются ориентация на компьютерные системы обработки текстов, а также глубокая детализация и взаимная интеграция лингвистических сведений. Созданная лексикографическая база впервые использует семантико-грамматические аннотации татарских лексем, построенные с учетом типологических особенностей тюркских языков, и в перспективе может быть использована в многоязычных компьютерных приложениях.

1. Введение

Электронные аннотированные лексикографические ресурсы являются ценным информацион-

ным источником и эффективным инструментом для научных исследований и различных лингвистических приложений (автоматическая обработка текста, машинный перевод, информационный поиск). К настоящему времени разработаны компьютерные лингвистические модели и ресурсы для тюркских языков [1–4], однако актуальными являются разработки специализированных лексикографических ресурсов, ориентированных

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Разработка моделей грамматической и семантической аннотации для русско-татарской лексикографической базы данных»), проект № 11-14-16024а/В.

на решение теоретических и прикладных задач компьютерной обработки текстов.

Разработанная русско-татарская лексикографическая база данных (ЛБД) характеризуется большой степенью детализации лингвистической аннотации и моделирует как отношения внутри лексических систем русского и татарского языков, так и отношения между двумя лексическими системами [5]. База данных состоит из взаимосвязанных русской (R-) и татарской (T-) компоненты, которые имеют независимую структуру, обусловленную языковой спецификой, и объединяются на уровне лексических эквивалентов. Каждая языковая компонента представляется грамматической и семантической моделью.

Лексический состав грамматической модели R-компоненты строится на базовом множестве словаря А. А. Зализняка [6] с терминологическими расширениями из различных предметных областей. Схема грамматического описания R-компоненты представляется в форме таблицы, в которой объектом описания является словоформа, заданная набором определенных атрибутов. Семантическая часть R-компоненты задается набором семантических признаков лексемы, основу которого составляет семантическая классификация, принятая в Национальном корпусе русского языка [7]. Для T-компоненты разработаны новые модели аннотирования лексических единиц на грамматическом и семантическом уровнях. Для доступа к данным ЛБД реализованы функции прямого и обратного поиска. В статье основное внимание будет уделено рассмотрению грамматической и семантической аннотаций T-компоненты ЛБД, поскольку для их построения были предложены оригинальные решения, ставящие целью максимально полно описать лексику татарского языка в форматах, ориентированных на компьютерную обработку.

2. Грамматическая аннотация T-компоненты

В структуре описания T-компоненты выделяются два взаимосвязанных словаря: словарь основ и словарь окончаний. Запись словаря основ включает словарную форму, семантический код, морфологический тип и признаки модификации основы. Все лексемы татарского языка подразделяются на четыре морфологических типа в зависимости от характера присоединяемых аффиксов (таблица 1).

Таблица 1 – Описание морфонологических типов татарских лексем

№	Обозначение	Описание
1.	Тип N	Основы, к которым присоединяются аффиксы существительных
2.	Тип V	Основы, к которым присоединяются глагольные аффиксы
3.	Тип A	Основы, к которым присоединяются аффиксы степени сравнения и аффиксы существительных
4.	Тип S	Основы, к которым присоединяются только модальные аффиксы (-дыр, -мы, -млин)

Конкретный морфонологический тип основы определяет набор присоединяемых алломорфов аффиксальных морфем и характеризуется такими признаками, как ряд гласных (сингармонизм), конечный символ основы, признаки модификации основы при присоединении алломорфов [8]. Для описания данных выделено 84 морфонологических типа ос-

нов. Словарь окончаний содержит потенциальные наборы окончаний (цепочки алломорфов) татарских словоформ для каждого морфонологического типа. Теоретически цепочки словоизменяющих аффиксов в агглютинативном татарском языке могут иметь бесконечную длину, однако в базе данных хранятся максимальные аффиксальные цепочки длины 5. Грамматическая модель T-компоненты содержит также словообразовательную составляющую. В структуре словаря основ представлен деривационный способ словообразования путем добавления специальных полей описания.

Связь лексем в R- и T-компонентах словаря осуществляется с помощью единого семантического кода.

3. Семантическая аннотация T-компоненты

Грамматическая аннотация использует строго фиксированный набор грамматических категорий, а количество семантических признаков зависит от степени семантической генерализации, которая определяется целями и задачами классификации. К значительным трудностям при семантическом описании лексики приводят отсутствие во многих случаях ясной границы между таксонами, необходимость оперировать огромными множествами признаков и свойств, сложности разграничения компонентов значения в лексической единице и часто невозможность однозначного определения их характера.

При семантическом аннотировании необходимо сохранить баланс между степенью детализированности разметки и ее простотой и прозрачностью, удобством для разработчика и пользователя. Важным преимуществом корпусно-ориентированной аннотации, которую трудно реализовать в печатных идеографических словарях, является реальная возможность учитывать пересекаемость классов слов, когда лексема наделяется различными, не привязанными друг к другу пометами.

Принятый подход к семантической разметке лексикографической базы данных использует семантическую разметку Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с рядом важных дополнений, учитывающих специфику лексической и словообразовательной системы татарского языка.

При семантической разметке лексем в НКРЯ указываются лексико-грамматические разряды слов, их собственно лексико-семантические и деривационные характеристики, что также используется для описания татарской лексики. По аналогии с НКРЯ, при аннотировании татарских слов выделяются основные и дополнительные значения. Разграничение основного и дополнительных значений не всегда является простой задачей и осуществляется при помощи семного анализа с опорой на дефиниции, закрепленные в словарях. Например, для лексемы *айкалыи* в строке «Семантика основная» даются пометы *g:abstr, t:weather*, выражающие значение «сильное волнение (моря, водной поверхности)», а в строке «семантика

дополнительная» – пометы *t:abstr*, *t:psych*, *sc:hum*, соответствующие переносному значению лексемы «переполох (людской массы)». Важен и порядок представления помет: от более общего (часть речи, разряд) к более конкретному, в результате чего иерархическая структура, положенная в основу классификации, проявляет себя на всех уровнях представления информации.

Для предметных имен определяется таксономия, мереология, топология и оценочность. Столь разностороннее рассмотрение предопределяет тот факт, что одна лексема может быть описана с помощью значительного количества (до 10) помет [9]. Для непредметных имен описывается таксономия, мереология и оценка, а для имен собственных осуществляется только тематическая классификация.

При разметке глаголов указывается каузативность, для фазовых и служебных глаголов глаголов используются специальные обозначения.

В таксономии глаголов указываются различные семантические признаки:

t:move – движение (*чабу* – бежать);

t:move:body – изменение положения тела, части тела (*утыру* – сесть, садиться);

t:put – помещение объекта (*төяү* – грузить, *кую* – класть, ставить);

t:impact – физическое воздействие (*сугу* – ударить).

Наряду с системой лексико-семантических помет разметки НКРЯ для описания татарской лексики используются различные конкретизирующие пометы, отсутствующие в НКРЯ, например:

t:impact:tool – воздействие при помощи орудия/инструмента (*борулау* – сверлить).

Посессивная сфера (*t:poss*) конкретизируется за счет использования помет, указывающих на направление и характер отношения обладания:

t:poss:acquire – приобретение (*табу* – находить, *кораллану* – вооружаться)

t:poss:deprive – лишение (*югалту* – терять, *коралсызландыру* – обезоружить).

При описании семантики производного глагола могут быть использованы пометы, представленные при описании семантики производящих слов, так как принцип системности предполагает использование одних и тех же помет для слов разных грамматических классов со сходным значением. В следующих примерах для глаголов с семантикой изменения в качестве уточняющих используются пометы, являющиеся основными при описании значений производящих прилагательных:

t:change:size – изменение размера (*зураю* – увеличиваться в размерах);

t:change:color – изменение цвета (*саргаю* – желтеть);

t:change:humq – изменение свойства человека (*явызлану* – озлобиться).

Мы считаем, что при аннотировании всех знаменательных частей речи татарского языка в ЛБД следует по возможности придерживаться единых принципов и системы обозначений.

В настоящее время для семантического аннотирования лексикографической базы татарского языка используется около 180 помет.

4. Функции поиска в русско-татарской лексикографической базе данных

Лексикографическая база данных поддерживает различные типы поисковых запросов. На проектирование потенциальных функций поиска существенно влияет принятая система аннотаций, а также структура базы данных. В процессе разработки функций поиска была решена нетривиальная задача трансформации основных исследовательских, прикладных и справочных запросов в стандартизированные логические формы. Реализация поисковых функций в ЛБД учитывает существующий опыт в данной области [7; 10]. Наиболее типовыми запросами являются запросы о грамматических признаках заданной лексемы (словоформы) в виде основы и цепочки морфем или набора грамматических категорий (прямые запросы). Другой разновидностью являются обратные запросы, которые при задании грамматических признаков позволяют получать либо соответствующие выборки словоформ, либо варианты набора грамматических признаков по заданному набору аффиксальных морфем. Реализация множества таких запросов к базе данных позволяет моделировать работу морфологического анализатора или генератора словоформ. Грамматические условия запроса задаются логической формулой (используется конъюнктивная нормальная форма).

5. Заключение

Предложенные модели грамматической и семантической аннотации татарской лексики используются для аннотирования русско-татарской лексикографической базы данных. В настоящее время аннотирована экспериментальная выборка татарской лексики, реализованы функции прямого и обратного поиска к лексикографической базе данных.

В число первоочередных задач входит расширение базовой выборки лексем, уточнение и усовершенствование концептуальной модели лексикографического ресурса, расширение словообразовательной информации за счет других способов словообразования, усиление горизонтальной интеграции на разных языковых уровнях.

Семантическое аннотирование Т-компоненты выполнено на основе классификации, принятой в Национальном корпусе русского языка. Произведена адаптация данной системы для описания татарской лексики. Размеченный ресурс позволяет осуществлять сопоставительные исследования семантики русских и татарских лексем, что является важным инструментом для лингвистических задач.

Предложенный подход к организации информационного поиска в русско-татарской лексикографической базе данных учитывает особенности агглютинативной морфологии тюркских языков. По мере развития лексикографической базы данных ее функциональность будет дополнена возможностями поиска по семантическим и словообразовательным признакам.

Список литературы

1. Türk Dil Kurumu [Электронный ресурс] / TDK. – Режим доступа: <http://tdk.org.tr>. – Дата доступа: 10.09.2012.
2. Казанский лингвографический фонд [Электронный ресурс] / Казанский федеральный университет. – Режим доступа: <http://klf.ksu.ru>. – Дата доступа: 12.09.2012.

3. Машинный фонд башкирского языка [Электронный ресурс] / Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Режим доступа: <http://mfbl.ru>. – Дата доступа: 15.09.2012.
4. Русско-татарский словарь / под ред. Ф. А. Ганиева. – М.: ИНСАН, 1997. – 718 с.
5. Невзорова, О. А. Проект создания двуязычного лексикографического ресурса для задач автоматической обработки текстов / О. А. Невзорова, Б. Э. Хахимов [и др.] // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. – Казань, 2011. – С. 169–172.
6. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. – М.: Рус. яз., 1977. – 880 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 15.09.2012.
8. Сулейманов, Д. Ш. Двухуровневое описание морфологии татарского языка / Д. Ш. Сулейманов, Р. А. Гильмуллин // Тезисы Междунар. науч. конференции «Языковая семантика и образ мира»: в 2 ч. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1997. – Ч. 2. – С. 65–67.
9. Сулейманова, Д. Д. Особенности семантической классификации имен существительных с конкретным значением в русском и татарском языках / Д. Д. Сулейманова // Труды Казанской школы-семинара по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL'2012. – Казань: ФЭн, 2012. – С. 168–174.
10. Восточноармянский национальный корпус [Электронный ресурс] / Corpus Technologies. – Режим доступа: <http://eanc.net>. – Дата доступа: 15.09.2012.

Невзорова Ольга Авериловна, заместитель директора НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ, кандидат технических наук, доцент (Казань, Россия).

Гатиатуллин Айрат Рафизович, заведующий отделом НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ, кандидат технических наук (Казань, Россия).

УДК 811.161.2'374

Н. В. Сніжко

ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ ІНТЕГРАЛЬНОЇ ЛЕКСИКОГРАФІЇ

Рассматриваются методологические и лингвистические проблемы создания многофункциональной лексикографической системы «Украинская лексика: история, структура, функционирование», в которой сосредоточивается информация о развитии лексического состава языка конца XVIII – начала XXI в., представленная словарями разных жанров и эпох. Разрабатывается методика классификации семантических, грамматических, функционально-стилистических данных, позволяющая моделировать динамику лексики и языковых норм, а также способствовать созданию словарей нового поколения (сводных, толковых, идеографических, грамматических).

Сьогодні інтегральна лексикографія є основою словникарської справи та мовознавства в цілому. Вона забезпечує формування синтетичних словників та систематизує знання про лексико-граматичну будову мови, історію її розвитку та функціонування.

У зв'язку з активним поповненням українського лексикону новими словами та значеннями, а також оновленням лексики та поверненням забутих слів інтегральна лексикографія переходить на якісно новий рівень розвитку. **Актуальною** нині є проблема створення загальномовного тезауруса, який повинен відобразити структуру та динаміку лексичної системи у значних хронологічних межах. Проектування тезауруса передбачає комплексне вирішення наступних завдань: 1) формування генерального реєстру лексичного складу мови кінця XVIII – поч. XXI ст.; 2) укладання словників нового покоління (тлумачних, зведених, граматичних, ідеографічних та ін.); 3) вироблення наукових засад формування реєстру сучасних словників залежно від їх призначення та традицій національного мовотворення та словникарства; 4) моделювання динаміки лексики

Галиева Альфия Макаримовна, доцент Казанського (Приволжського) федерального університета, кандидат філософських наук (Казань, Росія).

Якубова Дилара Джавдетовна, асистент Казанського (Приволжського) федерального університета, кандидат філологічних наук (Казань, Росія).

This article describes a model of grammatical and semantic annotations which are used in the Russian-Tatar lexicographic database. The distinctive features of the resource are the deep detail of linguistic information and a focus on applications in the field of automatic text processing. Lexicographical database consists of two interrelated components: the Russian and Tatar (hereinafter R-component and the T-component). Both components have an independent language structures which are joined at the level of lexical equivalents. The scheme of grammatical description R-components is given as a table of word forms. Each word form is described by a set of attributes: the identifier word forms, a set of constant parameters of grammar, a set of variable parameters of grammatical, morphological class of word forms. The semantic classification of Russian National Corpus is used for the semantic annotating of the R-component.

Grammatical annotations of the T-component use two inter-related dictionaries: stem dictionary and ending dictionary. Semantic annotation of T-components is built on the semantic classification of the Russian National Corpus and uses specific features of the Tatar language. Experimental lexicographic database is built on a set of word from the Russian frequency dictionary and their Tatar equivalents.

та мовної норми; 5) всебічне вивчення мови як природної системи, призначеної для комунікації, пізнання дійсності та збереження знань, здобутих людством протягом віків; 6) з'ясування системотворчих властивостей слова як центральної одиниці мови та комплексне вивчення його парадигматичних, синтагматичних, словотвірних та етнокультурних характеристик; 7) моделювання мовного простору у вигляді сукупності поняттєвих полів, що відображають закономірності мовомислення; 8) побудова мовної та концептуальної картин світу на основі лексикографічних параметрів тлумачних словників.

Для вирішення перелічених завдань необхідне формування **поліфункціональних лексикографічних середовищ**, здатних накопичувати та систематизувати значні обсяги інформації про динаміку лексико-граматичної будови мови та мовної норми, які відображені у словниках різних типів та епох. Опрацювання комплексу словників у єдиній інтегральній системі дозволяє разом зі створенням потужної бази даних досліджувати багатий досвід учених-лексикографів. Отже, визначальною рисою

інтегральної лексикографії має бути органічне поєднання науково-дослідницької та лексикографічної діяльності, спрямованої на систематизацію лексичного складу мови з метою його всебічного вивчення та відображення у словниках різних типів.

Сучасна інтегральна лексикографія представлена рядом синтетичних словників або їх проектів та узагальнюючими працями Ю. Д. Апресяна [1], В. В. Дубчинського [2], Ю. М. Караулова [3], М. М. Пешак [4], Н. Ю. Шведової [5] та ін. учених, які порушують проблеми складної будови мовної системи та необхідності вивчення слова як центральної системотворчої одиниці. Досвід укладання ідеографічних словників П. М. Роже [6], Ю. М. Караулова [7], Н. Ю. Шведової [8] та ін. підкреслив важливість та необхідність поєднання в одному лексикографічному проекті різноаспектних даних, що стосуються структури та функціонування мови. У Кореневому гніздовому словнику української мови С. А. Карпіловська показала можливості системно-структурного відображення кореневих морфем в усій складності їх омонімічних відношень. Інтегральними, або синтетичними дослідниця вважає такі словники, «в яких, на відміну від словників диференційних, або словників аналітичного типу, за об'єкти опису й пояснення править не окрема мовна одиниця, а сукупність мовних одиниць, об'єднаних спільними ознаками форми, змісту або вживання у мовленні» [9, с. 5].

Вагомим чинником розвитку сучасної інтегральної лексикографії є методологія формалізованого аналізу метамови тлумачних словників, у яких мовна система відображена найбільш повно та деталізовано [3; 10]. Дослідження лексикографічних параметрів, якими укладачі тлумачних словників відтворюють структуру та функціонування мови, стало основою розвитку комп'ютерної лексикографії [4, 9, 10]. Нині нормативно-довідкова база 11-томного СУМ забезпечує моделювання динаміки лексики і мовної норми, а також системне вивчення історії мови [11].

Тлумачний словник є підґрунтям для укладання ідеографічного словника, а це, в свою чергу, прокладає шлях до інтегрального вивчення структури поняттєвих класів та функціонування їх компонентів. У межах певного поняттєвого поля виразніше виявляються усі складні моменти семантичного та фонетико-граматичного варіювання слів. «Ідеологічні словники, – зазначав Л. В. Щерба, – повинні дати матеріал для побудови історії мислення, відображеного в мові» [12, с. 295]. У таких словниках «з'ясуються причини мовних змін, котрих сьогодні ми не бачимо... На базі хороших етимологічних та історичних словників можна буде написати нові захопливі книги, котрі, виходячи з понять, будуть розповідати, чому те чи інше поняття отримало нову форму вираження, як народжувалися поняття і як відмирили старі і т. ін.» [12, с. 295].

Метою нашого дослідження є створення інтегральної лексикографічної системи «Українська лексика: історія, структура, функціонування», здатної на основі комплексу лексикографічних параметрів (граматичних, семантичних, функціонально-стилістичних та ін.), вилучених з багатьох лексикографічних праць ХІХ–ХХІ ст., забезпечити всебічне вивчення динаміки лексики та мовної норми, а також сприяти укладанню словників нового покоління.

Інтегральна система формується на основі орфографічних, тлумачних, історичних, енциклопедичних та інших типів словників. Комбіноване та диференційне опрацювання різноаспектних даних цих словників дозволяє моделювати ядро та периферію лексичної системи, розвиток її частини-мовної категоризації тощо. Так, на масиві слів, які починаються літерою *З*, з'ясуємо, що у БН зафіксовано 227 іменників, у Гр – 1491, у СУМ – 2702, у ВТС – 4291. Прикметників у БН – 60, у Гр – 489, у СУМ – 1445, у ВТС – 1937 і т. д. Найбільш стійкою ділянкою лексики є 264 слова (під буквою *З*), які зафіксовані у чотирьох тлумачних словниках (БН, Гр, СУМ, ВТС): *забажати, завіт, заводити, задосить, закон, залізний, залицятися, заміж, запашиий, запис, зброя, звичайний, згуба, зоря, зрада, зранку, зробити, зуб, зуміти, зустріч* та ін. Окремо виділяються лексеми, які не були зареєстровані в 11-томному СУМ: *збірослов, збіросвіт, замелюха, загинайко, звірогляд, зазнайбіда, зробок, злохитрий, змерзло, зрізна, зневажець, злюбини, заміття* та ін.

Найважливішою проблемою інтегрального лексикографічного моделювання є створення бази даних, визначення архітекtonіки системи та її функцій. Для вирішення цих питань використовуємо принципи та досвід формування машинних фондів мов, зокрема прийоми каталогізації інформації [4; 10; 13] та методику зонного упорядкування різноаспектних даних [14]. Комплексами граматичних, семантичних, функціонально-стилістичних даних та індексами супроводжуємо кожне значення слова (лексеми), корелюючи його з типом класифікаційного підрозділу. Конкретне значення слова (лексеми) співвідносимо з відповідною лексемою та ідеографічним розрядом. Дотримуємося класичного визначення лексеми: «Лексема – слово як сукупність усіх його форм і значень, як структурний елемент мови – на відміну від слова в його конкретних реалізаціях (словоформах, слововживаннях, «словозначеннях») – окремих значеннях полісемічного слова» [15, с. 293]. За такого підходу будова інтегральної системи постає як модель мовної системи, що відповідає розумінню мови як природної системи комунікативних знаків і правил їх функціонування [3; 16]. Комплексна параметризація кожного ЛСВ забезпечує відображення структури полісемантів та розведення омонімів, що є однією з найскладніших проблем лексикографії.

За такою методикою створений електронний ідеографічний тезаурус українських іменників, у якому представлена їх поняттєва структура та особливості функціонування [17]. Синоптична схема тезауруса нині є основою **перспективного** вивчення динаміки лексики за матеріалами трьох словників: Гр–СУМ–ВТС. Стилістична та хронологічна параметризація лексики, здійснена за матеріалами СУМ, може застосовуватися для кодифікування лексики у сучасних словниках. Так, за статистичними даними ідеографічного тезауруса з'ясуємо, що укладачі 11-томного СУМ на масиві 54 тисяч іменників позначили ремаркою *розм.* – 10% слів, ремаркою *заст.* – 6%, *рідко* – 5%, а комплексом *розм. і рідко* – 1% іменників. Сучасні словникарі не включають до реєстру нормативних словників значну частину слів, позначених цими ремарками. Поза реєстром Орф-09 знаходяться такі реєстрові одиниці СУМ:

знакомство, охват, побігашки, поворот, посидінки, поціновка, пранка, розовір, розказ, звощик, право-від, учльот, фабзавучник, нюхар, писарша, королиха та ін. Отже, інтегральна система дає можливість простежити закономірності пасивізації лексики та основні напрямки її кодифікування.

Зведення воєдино даних про фонетико-граматичне варіювання слів за багатьма індексами забезпечує сучасне словникарство об'єктивними даними про глибину та типи змін зовнішньої форми слова, що відбулися, а в деяких словах і нині відбуваються. До розряду слів, які зазнали змін у ході історичного розвитку, належать переважно запозичені та звуконаслідувальні слова. Нижче вказуємо джерела фіксації варіантів: СУМ: *завжди*; БН: *завжди, завди, завди*; Гр: *завжде*; СУМ: *задалегідь*, БН: *задалегідь*; Гр: *завдалегідь, задалегіди*, Гр, Ж: *задалегіди*; СУМ: *зідзрісний*, БН: *зідзросний, зідзрослівий*, Гр: *зідзрівий*, Ж: *зідзріслівий*; СУМ: *зідзрість*, БН: *зідзрость, зідзрість*, Я: *зідзрість*; СУМ: *збіжжя*, БН: *збіже*, Гр: *збіжжя, збіжілля*, Ж: *збіже, збіжа*; СУМ: *зовіця*, БН: *зовиця*, Ж: *зовиця*; СУМ: *зоуля*, Гр: *зизуля, зузуля*, Ж: *зауля, зезуля*; СУМ: *зрадник*, БН: *здрайця*, Гр: *зрадок*, Ж: *зрадець* та ін. Групу слів, що не зазнали змін, складають прості за будовою слова з відкритими складами: *заволати, загубити, залізо, замовляння, заручити, злюка* та ін.

Особливу увагу звертаємо на семантичні зміни у словах, адже у процесі розвитку можливе розширення або звуження семантики, втрата первинного значення тощо. У БН, наприклад, лексема *залізняк* зафіксована з двома значеннями: 'торговець залізом' та 'цегла' (БН, с. 145). У наступних словниках (Гр, СУМ, ВТС) вона подана із сімома значеннями: «1. Мінерал, що містить у собі залізо. 2. Добре випалена цегла. 3. Трав'яниста <...> рослина. 4. Річковий сірий рак із широкими клішнями. 5. *розм., заст.* Торговець залізними виробами. 6. *заст.* Ливарник. 7. *діал.* Казан» (ВТС, с. 402). В орфоепічному словнику виділено два омоніми: *залізняк¹*, -а, (торговець залізом; ливарник; рак) та *залізняк²*, -у (мінерал; цегла; рослина). В Орф-09 омонімічні форми не подаються, але зберігається розмежування закінчень родового відмінка. Лексема *завада* у БН має два значення ('перешкода' та 'нудота'), а в наступних словниках фіксується з одним значенням 'перешкода'. У різних словниках зафіксовано різний семантичний обсяг слова *завзятий*. У БН подане значення, найближче до вихідного: 'Сварливий, вздорний, задорний, привязчивий; неуступчивий' (БН, с. 142). Укладачі ЕСУМ зазначають, що слово *завзятий* є запозиченням з польської мови і пов'язане зі словом *взяти* (ЕСУМ, т. 2, с. 217). У Словнику Б. Грінченка воно тлумачиться так: «Стойкий в преследовании своей цели, упорный, неуступчивый; ожесточенный, неукротимый, злобный» (Гр, т. 2, с. 15). Етимологічне значення 'запеклий, жорстокий' у СУМ та ВТС не відображається, тобто з часом лексема втрачає зв'язок з вихідною семантикою. Укладачі СУМ та ВТС першим значення лексеми *завзятий* подають так: «Дуже діяльний, енергійний, який наполегливо переборює труднощі, невідступно домагається здійснення поставленої мети» (СУМ, т. 3, с. 44).

Отже, системне опрацювання різнопланової інформації в єдиному лексикографічному середовищі дозволяє виявляти, аналізувати та упорядковувати

складні моменти семантичного та фонетико-граматичного варіювання слів. Інтегральна лексикографічна система «Українська лексика: історія, структура, функціонування» постає ефективним засобом всебічного вивчення динаміки лексики і мовної норми та розбудови теорії загальномовного тезауруса.

Список скорочень

- БН – Білецький-Носенко П. П. Словник української мови / підгот. до вид. В. В. Німчук. – К.: Наукова думка, 1966. – 423 с.
 ВТС – Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ, Ірпінь: ВТФ «Перун», 2009. – 1736 с.
 Гр – Словарь української мови: в 4 т. / за ред. Б. Д. Грінченка. – Київ, 1907–1909. – 4 т.
 ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: в 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. – Київ: Наукова думка, 1992–2012. – 7 т.
 Ж – Желеховський, Є. Малоруско-німецький словар: в 2 т. / Є. Желеховський, С. Недільський – Львів, 1886. – Т. 1. – 598 с.
 Орф-09 – Український орфографічний словник / уклали: В. В. Чумак [та ін.]; за ред. В. Г. Складенка. – Київ: Довіра, 2009. – 1011 с. – (Словники України).
 СУМ – Словник української мови: в 11 т. – Київ: Наукова думка, 1970–1980.
 Я – Яворницький, Д. І. Словник української мови / Д. І. Яворницький – Катеринослав, 1920. – Т. 1. – 408 с.

Список літератури

- Апресян, Ю. Д. Основания системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 31–60.
- Дубичинский, В. В. Теоретическая и практическая лексикография / В. В. Дубичинский. – Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. – 160 с.
- Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
- Пешак, М. М. Украинский семантический словарь. Проспект / М. М. Пешак, Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская; отв. ред. М. М. Пешак. – Киев: Наукова думка, 1990. – 264 с.
- Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–17.
- Roget, P. M. Roget's thesaurus of English words and phrases / P. M. Roget. – Harmondsworth, 1978. – 712 p.
- Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / сост.: Ю. Н. Караулов [и др.]. – М.: Наука, 1983. – 566 с.
- Русский семантический словарь: в 6 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 2007. – 4 т.
- Карпиловська, Є. А. Кореневий гніздовий словник української мови / Є. А. Карпиловська. – Київ: Українська енциклопедія імені М. П. Бажана, 2002. – 912 с.
- Пешак, М. М. Нариси з комп'ютерної лінгвістики: монографія / М. М. Пешак. – Ужгород: Закарпаття, 1999. – 200 с.
- Сніжко, Н. В. Актуальні проблеми системного дослідження лексики / Н. В. Сніжко // Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія. – Київ: Ін-т української мови НАН України, 2011. – С. 532–543.
- Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
- Пешак, М. М. Система ведення інтегрованого каталога в Машинном фонде українського мови / М. М. Пешак, Н. Д. Снежко // Матеріали 3 Всесоюз. конф. по створенню Машинного фонду російського мови: в 2 ч. – М.: Ін-т рус. яз., 1989. – Ч. 2. – С. 145–146.
- Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 1. – 800 с.
- Тараненко, О. О. Лексема / О. О. Тараненко // Українська мова: Енциклопедія. – Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 293–294.
- Кочерган, М. П. Загальне мовознавство: підручник / М. П. Кочерган. – Київ: Академія, 2006. – 464 с.
- Сніжко, Н. В. «Ідеографічний тезаурус» як інформаційно-довідкова система при вивченні закономірностей структурно-функціональної організації лексики / Н. В. Сніжко, М. Д. Сніжко // Мовознавство. – 1996. – № 6. – С. 23–28.

Сніжко Наталія Володимирівна, старший науковий співробітник відділу лексикології та лексикографії Інституту української мови НАН України, кандидат філологічних наук (Київ, Україна).

The methodological and linguistic problems of creating a multifunctional lexicographic system «Ukrainian vocabulary: the history, structure, functioning» which focuses on the

development of lexis of the Ukrainian language late XVIII – early XXI centuries, represented in Ukrainian dictionaries of different genres and periods, are discussed. The technique of classification of the data (semantic, grammatical, functional-stylistic, etc.) is described. It allows modeling the dynamics of lexis and rules of language in order to support the creation of a new generation of dictionaries (explanatory, summary word index, ideographic, grammar types of dictionary).

УДК 81'1

Э. А. Сорокина

КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ И СЛОВАРЬ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Консубстанциональность лексем присутствует в каждом языке. Причина проявления консубстанциональности – развитие общественного национального мышления. Консубстанциональность – явление, затрудняющее лексикографическое описание слов конкретного языка. Консубстанциональность – это причина появления в языке омонимии и полисемии.

Значение лексикографической науки с каждым годом значительно повышается, поскольку в ее результатах заинтересован не только специалист, но и рядовой носитель языка. Одной из насущных проблем лексикографии является вопрос о фиксации значений полисемантов и лексем, вступающих в омонимичные отношения. Неоднозначность лексических единиц является одним из основных проблемных вопросов лексикографии, поскольку в совокупность смысловых компонентов, образующих семантическую структуру слова, могут входить такие, которые способны диктовать жесткие правила и определенные условия функционирования слова в речевой ситуации.

В лексике любого языка имеется ряд слов, которые, не меняя своего внешнего облика, одновременно существуют в разных сферах речевого общения. Так, например, в русском языке лексема *судно* используется в кораблестроении (*морское судно, речное судно*), самолетостроении (*воздушное судно*) и в медицинской терминологии; лексема *новообразование* в качестве специальной лексической единицы используется в грамматической (словообразовательной) терминологии и в медицинской терминологии; общеупотребительные слова *пальто, башмак, рукав, голова* используются не только в бытовом языке, но и как термины присутствуют в географической, автомобильной, железнодорожной терминологиях.

Явление, при котором одна и та же лексема способна использоваться в разных функциональных сферах, получило название *консубстанциональности*. Консубстанциональность – сосуществование одной и той же лексической единицы в разных сферах языкового употребления. Явление консубстанциональности слов, широко представленное в лексической системе языка, по причине своей многогранности – достаточно сложное для изучения, поскольку в нем сошлись разные процессы, связанные как с интралингвистическими (или внутриязыковыми), так и экстралингвистическими (или внеязыковыми) факторами. Вопрос о том, как отражена консубстанциональность в словаре, не имеет однозначного ответа.

Известно, что в русском языке слово *лицо*, являясь консубстанциональным, обладает достаточно большим объемом своей семантической структуры. В

«Большом толковом словаре русского языка» описание данного слова представлено следующим образом: «Лицо – 1. Передняя часть головы человека. 2. Характерный облик кого-, чего-л., отличающий его от аналогичных предметов, явлений и т. п.; отличительная черта, особенность, составляющая сущность кого-, чего-л. *Лицо газеты. Лицо театра*. 3. Отдельный человек, индивидуум. *Историческое лицо*. 4. Передняя сторона дома, строения, сооружения и т. п.; фасад. 5. Обращенная наружу (лицевая) сторона чего-л. (ткани, одежды и т. п.; противоположное: изнанка). 6. *грамм.* Грамматическая категория, показывающая отношение действия к говорящему и выражаемая изменением глаголов в соответствующих формах спряжения, а также особой группой местоимений» [1, с. 501]. Не трудно заметить, что словарь отразил те смыслы слова *лицо*, которые наиболее часто используются в общебытовом словоупотреблении. Но данное слово обладает еще одним смыслом (*одна из сторон, заключающих сделку*), который в современных речевых ситуациях используется достаточно часто: *физическое лицо, юридическое лицо*. В «Универсальном словаре по русскому языку» семантическая структура данного слова представлена описанием пяти смысловых компонентов: «Лицо – 1. Передняя часть головы человека. 2. *перен.* Индивидуальный облик, отличительные черты. 3. Человек, личность. 4. Наружная, передняя, верхняя сторона предмета. 5. В грамматике: категория, показывающая отношение к говорящему (*первое л.*), к собеседнику (*второе л.*) или к тому, кто не является ни говорящим, ни собеседником (*третье л.*)» [2, с. 832–833]. Можно отметить, что «Универсальный словарь по русскому языку» так же, как и многие другие словари русского языка, не включает в описание данного слова его юридическое специализированное значение. Следовательно, семантическая структура консубстанционального слова *лицо* представлена в словарях в сокращенном виде.

Консубстанциональность появляется как результат осмысленной работы мышления человека, увидевшего у двух и более объектов наличие определенных сходств и осознавшего эту определенную связь объектов. Прежде всего причиной появления консубстанциональности является желание использовать уже существующую в языке лексическую единицу, а не создавать новую. Здесь можно увидеть

явление, обозначенное в языке как *экономия языковых средств*. Человеческое мышление оперирует теми лексическими единицами, которые уже существуют в языке как определенные знаки определенных понятий. Фантазия человека находится в пределах определенной лексической системы языка, поскольку человек, наблюдая за окружающим миром, выражает (вербализует, номинирует) свои мысли средствами, имеющимися в той языковой картине мира, в условиях которой человек вынужден жить. Следует согласиться со словами С. Г. Тер-Минасовой: «Все мы созданы языком и заложены в нем культурой, доставшейся нам от многих поколений предков. Мы не выбираем ни родной язык, ни родную культуру, ни место, ни время рождения. Мы входим в мир людей, и язык немедленно начинает свою работу, навязывая нам представление о мире (картину мира), о людях, о системе ценностей, способах выживания. У нас по-прежнему нет выбора. Мы пленники своего языка. Сопротивление бесполезно, язык – умелый и опытный мастер, «инженер человеческих душ» – уже сотворил миллионы своих подданных и творит новых» [3, с. 259].

Человеческое мышление, с одной стороны, ограничено понятиями, свойственными окружающей человека действительности, с другой – ограничено лексическими и грамматическими средствами того языка, в условиях которого вынужден жить человек. Именно по этим причинам человек избирает уже существующую лексему в качестве номинирования нового понятия и заставляет таким образом функционировать языковую единицу в другой языковой сфере в новом значении. Консубстанциональность как явление, при котором лексическая единица начинает функционировать в новом для нее смысле, наиболее явственно проявляется при формировании новой понятийной системы либо как нового фрагмента определенной сформировавшейся отрасли знания, либо как новой, формирующейся отрасли знания. На наших глазах становятся консубстанциональными такие русские слова, как *картина* (используется в искусствоведении и в языкознании: *языковая картина мира, научная картина мира*), *поле* (используется в сельскохозяйственной терминологии и в языкознании: *семантическое поле, фразеосемантическое поле*). Но следует указать и на то, что консубстанциональность своим влиянием охватывает и заимствованные русским языком слова. Так, в настоящее время консубстанциональными становятся чужезычные для русского языка лексемы *парадигма, концепт, матрица, икона, дискурс* и многие другие, по воле научного мышления получающие новые значения. И проблема в том, что словари не успевают фиксировать новые значения, появляющиеся у уже существующих в языке слов. Так, согласно сведениям Интернет-ресурса Википедия, слово *концепт* используется: в филологии и лингвистике, обозначая «*содержание понятия, смысловое значение имени (знака), отличаясь от самого знака и от его предметного значения (денотата, объема понятия) и отождествляясь с понятием и сигнификатом*»; в филологии эта лексема обозначает «*устойчивую языковую или авторскую идею, имеющую традиционное выражение, то же, что мотив*»; в концепто-ориентированном программировании данная лексема обозначает «*кон-*

струкцию, состоящую из одного класса объектов и одного класса ссылок»; в искусствоведении данная лексема используется для номинирования «*произведения концептуального искусства, для направления в искусстве, призванного отражать только идею, а не форму или внешние атрибуты*»; в культурологии рассматриваемая лексема, являясь компонентом словосочетания *социальный концепт* (синоним: *социальный конструкт*), используется в качестве составной единицы, номинирующей «*порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определенным условным правилам*» [4]. Следует заметить, что Википедия не указывает на язык рекламы, в котором анализируемая лексема уже давно и широко представлена в качестве специальной лексической единицы.

Высокая степень употребительности лексемы *концепт*, наблюдающаяся в настоящее время в разных сферах функционирования русского языка, приводит к неоднозначности в понимании ее смысла. Поэтому каждый исследователь, вынужденный использовать данную лексему в своей работе, считает своим долгом объяснить, в каком из значений он ее употребляет. В лингвистических работах ситуация с описываемой лексемой осложняется тем, что слово *концепт* является еще и одним из средств метаязыка науки.

Употребление слова *концепт* в языке рекламы (*концептуальная мебель, концептуальный автомобиль, концепт-кар – это прототип будущего автомобиля, концептуальное белье, концептуальные спальни*), рассчитанном на восприятие общенародного мышления, следует расценивать как проникновение термина в общеупотребительный язык, его детерминологизацию.

Анализ развития смысловой структуры слова *концепт* позволяет говорить о следующем. Во-первых, наблюдаются одновременно два взаимопоставленных явления: с одной стороны, наблюдается превращение термина в общеупотребительное слово, поскольку лексема *концепт* уже активно используется в общеупотребительном бытовом языке и в языке рекламы. С другой стороны, лексема *концепт* приобретает специальные профессиональные значения в разных отраслях научного знания. В настоящее время термин *концепт* активно используется в мировой и отечественной философии, в культурологии, в когнитологии, в автомобилестроении и в мебельной промышленности, в искусствоведении, в общем языкознании и в его частных и междисциплинарных разделах (таких, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика). Во-вторых, активное включение лексемы *концепт* в язык для специальных целей свидетельствует о том, что мышление использует те языковые средства, которые в данный момент популярны, употребительны, актуальны и любимы обществом.

Подобная картина складывается в настоящее время и с употреблением слова *дискурс*. Следует считать справедливыми слова Е. В. Сидорова: «Кажется, сегодня у лингвиста термин «дискурс» больше других способен вызвать раздражение. В последние десятилетия столько написано и столько сказано о

дискурсе! Иногда создается впечатление, что с каждой новой публикацией о дискурсе понимание того, в чем состоит его природа, не очень ясное с самого начала, только еще более запутывается» [5, с. 6]. В качестве продолжения высказывания Е. В. Сидорова можно добавить то, что обращение к словарям не облегчает ситуацию этим и со многими другими консубстанциональными словами. Исследования показали, что в лексике русского языка имеются слова, способные одновременно функционировать в качестве термина в трех-восьми терминологиях (например, слово *корень* присутствует в биологии, в ботанике, в стоматологии, в математике, в философии, в траволечении), слово *род* – в лингвистике, в литературоведении, в биологии, в искусствоведении, в философии, в генетике, в акушерстве и гинекологии, слово *частица* – в грамматике, в физике, в астрономии, слово *кисть* – в анатомии, в искусствоведении, в ботанике, в зоологии.

Консубстанциональные слова – явление, заслуживающее особого внимания не только лексикологов, лексикографов, психолингвистов, но и теоретиков перевода, поскольку консубстанциональные слова и консубстанциональные термины являются одной из основных проблем перевода. В теории перевода явлениям омонимии и полисемии отводится одно из центральных мест. А слова-омонимы и слова-полисеманты вошли в так называемый список «ложных друзей переводчика», требующих от переводчика особого внимания в процессе перевода как художественного, так и научно-технического текстов. Переводчик должен учитывать то, что консубстанциональность слова в одном языке вовсе не предполагает обязательной консубстанциональности его иноязычного эквивалента (эквивалентов) в другом (других) языке (языках).

Пристальное внимание к лексике отраслевых терминологий, наблюдающееся в настоящее время, объясняется многими причинами, в числе которых:

и стремительное развитие научно-технического прогресса; и все расширяющиеся многообразные международные и межгосударственные контакты, требующие наличие унифицированных с позиций адекватности и эквивалентности терминов; и, наконец, создание специализированных толковых и переводных словарей, в которых так остро нуждается каждая научно-техническая отрасль знания. Стремительное развитие лексических систем современных языков приводит к значительному повышению спроса на лексикографические издания.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2008. – 1535 с.
2. Универсальный словарь по русскому языку. – СПб.: ИГ, Весь, 2009. – 1184 с.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 262 с.
4. Интернет-ресурс Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/концепт. – Дата доступа: 27.11.2012.
5. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.

Сорокина Эльвира Анатольевна, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (МГОУ), доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия).

Consubstantiveness is considered to be a coexistence of the same lexical unit in different spheres of a language usage. Consubstantiveness appears as a result of conscious thinking activity of a human who supposes two and more things have definite likeness and realizes these things connection. Consubstantial words as a phenomenon are of great interest to such specialists as lexicologists, lexicographers, psycholinguists, translators. Consubstantial words presence in the language makes lexicographers to create specialized glossaries and dictionaries to satisfy every scientific and technical field needs.

УДК 81'06 : 81'26 : 81'373

Л. В. Струганець

ПАРАМЕТРИЗАЦІЯ СЕМАНТИЧНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ СЛОВНИКОВОГО СКЛАДУ ЛІТЕРАТУРНОЇ МОВИ НА БАЗІ МЕТОДУ ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ЗРІВІВ

В дослідженні словари умовно розглядаємо як хронологічні срізи стану лексико-семантичної системи в певний проміжок часу. На основі декількох лексикографічних срізів моделюємо динаміку лексических норм. Сопоставлення семантизації слів в лексикографічних роботах різних періодів послужило основою для виділення п'яти основних типів семантичної трансформації слова, таких як: семантичні зміни в словах з однаковим кількістю значень; розширення семантичної структури слова; звуження семантичної структури слова; процеси утворення і зникнення омонімії; комплексні модифікації значення слова. Репрезентації динаміки змін в літературній мові на певному лексикографічному срізі сприяє розроблена нами система формул, моделей і схем трансформації семантичної структури слів.

Кожне нове явище вимагає певної номінації. Для цього може бути створене нове слово, використана діалектна чи запозичена іншомовна лексема. Усі зазначені способи номінації нових предметів чи явищ реалізуються тільки тоді, коли ці денотати потребують нового форматива. Але буває так, що денотати входять у зону семантичної дії слів, що вже існують у мові. Тоді слово відповідно до нових вимог розширює семантику

похідної основи і функціональне поле. Змінюється кількість предметів і явищ, які ним позначаються. Такий спосіб оновлення й поповнення лексичного складу української мови називається лексико-семантичною деривацією слів. В українській лінгвістиці є чимало класифікацій змін у семантичній структурі слова. Найбільш відомі А. Білецького [1] й О. Тараненка [2]. Проте класифікації досить різні. Тому вважаємо, що

проблема систематизації змін у семантичній структурі лексичних одиниць не втрачає актуальності. У нашій розвідці представимо особливості систематизації змін семантичної структури слів української літературної мови на базі методу лексикографічних зрізів.

Як відомо, словники тлумачного типу відображають семантичну структуру лексичної одиниці на певному етапі розвитку літературної мови і слугують базою для формулювання нових значень, для уточнення чи перебудови семантичної структури слів у подальшій кодифікаційній практиці. Загальномовні словники умовно розглядаємо як хронологічні (чи синхронні) зрізи стану лексико-семантичної системи у певний проміжок часу. Зіставляючи семантичну структуру слів на кількох лексикографічних зрізах, моделюємо динаміку лексичних норм, описуємо історію окремих лінгвальних явищ, еволюцію мовних фактів (чи, навпаки, їх регрес).

За нашими спостереженнями, семантична структура більшості лексичних одиниць української мови нестійка. Порівняння тлумачення слів у лексикографічних працях різних часових зрізів послужило підставою для виокремлення п'яти основних типів змін семантичної структури слова, таких як: 1) семантичні зміни у словах, кількість значень яких залишається однаковою; 2) розширення семантичної структури слова; 3) звуження семантичної структури слова; 4) процеси утворення і зникнення омонімії; 5) комплексні якісні модифікації значення слова.

Зміни семантичної структури лексичної одиниці бувають однотипні та різнотипні. Наприклад, якщо до семантичного комплексу слова додається новий лексико-семантичний варіант (далі ЛСВ) чи кілька нових ЛСВ, такі зміни кваліфікуємо як однотипні. До однотипних зараховуємо процеси, які протікають у «чистому вигляді»: лише утворення нових ЛСВ чи лише аутування певних ЛСВ та ін. Загальне зменшення кількості значень слова може постати у результаті взаємодії діаметрально протилежних процесів – аутування (вилучення) та інтродукції (уведення) певних ЛСВ. Такі зрушення значеннєвого обсягу трактуватимемо як різнотипні.

Зауважимо, що нові ЛСВ, введені в семантичну структуру слова і кодифіковані у словниках, називаємо, використовуючи термінологію сучасних лексикологічних досліджень [3], семантичними інтродуктивами; застарілі значення функціонально активних слів – семантичними архаїзмами; архаїзовані ЛСВ, які вилучені із семантичної структури слова і, відповідно, уже не представлені у словниках, – семантичними елімінантами. Наявності у виразненні кількісних і якісних змін у значеннєвому наповненні словникового складу сучасної української літературної мови сприяє запропонована нами система формул, моделей і схем трансформації семантичної структури слів.

У випадках, коли **лексична одиниця не змінює загальної кількості значень** або ж залишається моносемічною, у семантичній структурі слова чи окремого ЛСВ простежили **кілька видів модифікацій**.

• Поглиблення тлумачення:

емблема 'эмблема' (СГ, т. 1, с. 464) → *емблема* 'умовне, символічне зображення якого-небудь поняття, ідеї' (СУМ, т. 2, с. 476); *сани* 'сани' (СГ, т. 4, с. 102) → *сани* 'зимовий віз на полозах' (СУМ, т. 9,

с. 52), *сенатор* 'сенаторъ' (СГ, т. 4, с. 114) → *сенатор* 'член сенату; звання члена сенату' (СУМ, т. 9, с. 124).

• Узагальнення значення:

куртка 'короткое мужское одѣяние: родъ кафтана или родъ казакина съ тальєю и узкимъ стоячимъ воротникомъ; возлѣ Львова – полотняная одежда только до пояса' (СГ, т. 2, с. 331) → *куртка* 'короткий верхній одяг, що наглухо застібається' (СУМ, т. 4, с. 413). Відбувся перехід від видового поняття до родового шляхом відкидання виокремленої ознаки.

• Модифікація значення.

Слово *грудень* з архісемою 'назва місяця' зберегло родові значення, а змінило видові. У СГ маніфестоване зі значенням 'ноябрь' (СГ, т. 1, с. 332). У словниковій дефініції зауважується, що воно «употребляється вь этомъ значеніи издавна». Уживання лексеми підтверджується цитатою із «Повісті минулих літ». З аналогічним семантичним наповненням слово зафіксоване і в інших лексикографічних працях, таких як «Словарь російсько-український» М. Уманця та А. Спілки, «Русско-малороссийский словарь» Е. Тимченка; у календарях «Рідного Краю» на 1907 рік, «Просвіти» на 1908 рік. Лише наприкінці словникової статті СГ вказано, що у галицьких календарях *грудень* – це 'декабрь'. У ХХ столітті утвердилося узвичаєне для наших сучасників значення. СУМ подає таку семантизацію слова *грудень*: 'Назва дванадцятого місяця календарного року' (СУМ, т. 2, с. 179).

• Зміна позиції трактування значення у словниковій статті.

Висунення інших значень на роль основного.

Зіставлення семантичної структури слова *краля* у СГ та СУМі свідчить про тотожний значеннєвий обсяг слова на різних лексикографічних зрізах. Проте спостерігаємо перекомпонування значень у структурі словникової статті. Так, домінуючий ЛСВ *краля* зі СГ '1) Королева. . . *Король і краля не знали, як шанувати Колумба*' (СГ, т. 2, с. 298) у СУМі переходить на другу позицію і супроводжується позначкою *заст.* А першу займає ЛСВ *краля* '1. Те саме, що красуня 1 – 2' (СУМ, т. 4, с. 322) (рисунок 1).

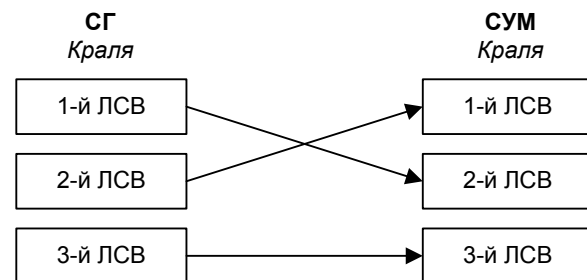

Рисунок 1 – Схема трансформації семантичної структури слова *краля*

У лексикографічній практиці **розширення значеннєвого обсягу** слова маніфестоване введенням нових ЛСВ у його структуру. Нарощення значення може відбуватися лише шляхом семантичної інтродукції (такі семантичні трансформації кваліфікуємо як однотипні) або ж супроводжуватись іншими змінами, зокрема елімінацією окремих ЛСВ (такі семантичні перебудови характеризуємо як різнотипні). Розглянемо, для прикладу, семантичні трансформації, яких зазнало слово халат. У СГ моносемант халат тлумачиться таким чи-

ном: 'верхняя длинная женская одежда с пелериною' (СГ, т. 4, с. 384). Безперечно, сучасний халат як вид жіночого одягу (і чоловічого також) не відповідає описаному диференційним ознакам (не обов'язково довгий і з пелериною). Відповідно відбулась і модифікація цього ЛСВ. СУМ кодифікує слово халат із трьома значеннями: '1. Довгополий просторий верхній одяг (перев. без застібок) у деяких азіатських народів... // Просторий хатній одяг вільного крою... 2. Легкий просторий робочий одяг, який надягають поверх звичайного одягу... // Верхній одяг арештанта, в'язня... // Верхній маскувальний одяг у воїнів... 3. Старовинний довгополий верхній чоловічий одяг, каптан...' (СУМ, т. 11, с. 13). Зміна семантичної структури слова пройшла шляхом інтродукції двох ЛСВ за моделлю «1 ЛСВ (СГ) → 3 ЛСВ (СУМ)» і за формулою «1 ЛСВ + 2 ЛСВ = 3 ЛСВ» з одночасною модифікацією одного ЛСВ.

Звуження семантичної структури слова в основному відбувається шляхом семантичної елімінації (втрати значення). Наприклад, порівняння семантичної структури слова *караван* у досить широкому діахронічному діапазоні – на лексикографічних зрізах СГ / СУМ / СІС-2000-П – демонструє результати однотипних змін його змістового наповнення. Відбувається архаїзація різних значень і вилучення відповідних ЛСВ зі словникових статей. Модель «7 ЛСВ (СГ) → 3 ЛСВ (СУМ) → 2 ЛСВ (СІС-2000-П)» і формула «7 ЛСВ – 4 ЛСВ – 1 ЛСВ = 2 ЛСВ» представляють динамічні риси лексико-семантичних процесів. До семантичних елімінантів спочатку відійшли такі значення слова *караван*: '1) Большая повозка, фургонь', '2) Траурная дроги', '5) Толпа людей, ищущих работы', '6) Отдельная конская табуна изъ одного жеребца и нескольких кобыль' (СГ, т. 2, с. 220), а згодом '3. заст. Гураляня, винниця' (СУМ, т. 4, с. 99). Корелюють між собою різні ЛСВ: 4-ий ЛСВ (СГ) ↔ 1-ий ЛСВ (СУМ) ↔ 1-ий ЛСВ 'група в'ючних тварин (верблюдов, мулів, віслюків), які перевозять у степу і пустелі вантажі та людей' (СІС, с. 503); 7-ий ЛСВ (СГ) ↔ 2-ий ЛСВ (СУМ) ↔ 2-ий ЛСВ 'кілька суден, які пливають одне за одним' (СІС, с. 503) (рисунк 2).

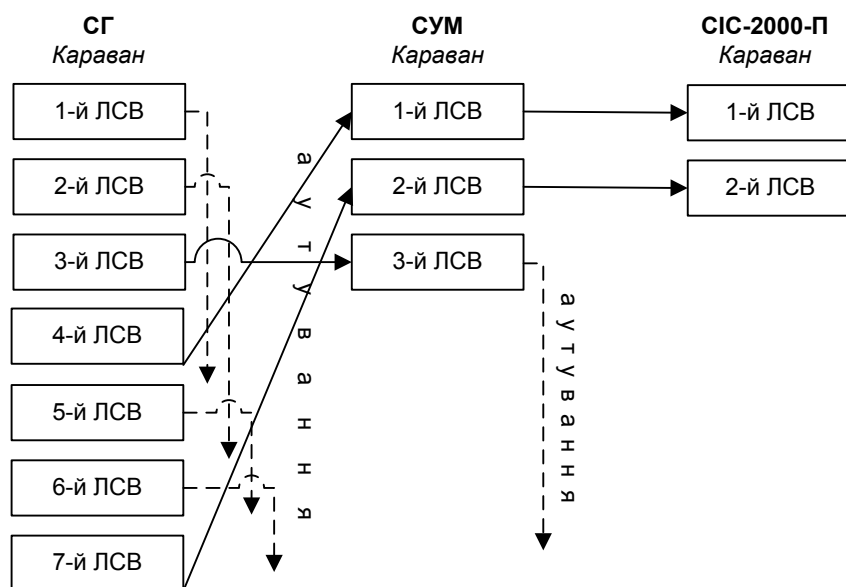

Рисунок 2 – Схема трансформації семантичної структури слова *караван*

Одним із виявів динаміки словникового складу є **процеси утворення і зникнення омонімії**. Омонімія найчастіше виникає двома способами: шляхом трансформації семантичної структури уже наявного слова і внаслідок утворення нових слів. Зникнення омонімії також відбувається здебільшого за двома напрямками. Перший із них полягає у приєднанні нового семантичного компонента чи компонентів раніше омонімічного слова до семантичної структури певного слова. Суть другого способу зникнення омонімії пояснюється вилученням із лексикографічних реєстрів одного, уже архаїзованого омоніма.

Семантичний розвиток словникового складу нерозривно пов'язаний зі стилістичними процесами. Поєднання семантичної трансформації та стилістичної транспозиції є **комплексним виявом якісних модифікацій** у лексико-семантичній системі сучасної української літературної мови. Розглянемо таку взаємодію на прикладі зміни значеннєвого наповнення прикметника *тінювий*. Лексема раніше функціонувала зі "скромним" значенням відносності: '1. Прикм. до тінь 1; який є тінню... 2. Стос. до тині (у 2 зач.); від якого утворюється густа тінь... // Який знаходиться в тині, не освітлений сонцем... // Який добре росте, розвивається в затінених місцях; який не любить сонця (про рослини)...' (СУМ, т. 10, с. 144). СУМ фіксує і фразеологічні одиниці з цим словом, як-от: *тінюва сторона*, *тінювий бік* 'зворотний, негативний бік якого-небудь явища' (СУМ, т. 10, с. 144). Розвиток семантики слова відбувся у руслі негативної конотації. Новоутворений ЛСВ сформульовано таким чином: *тінювий* '3. розм. Що існує, діє незаконно; що ухильється від податків' (ВТС, с. 1454). Словники початку ХХІ століття фіксують і фразеологізовану сполуку: *тінюва економіка* 'протиправні, не враховані державою види економічної діяльності' (ВТС, с. 1454). Лексема *тінювий* активно розширила діапазон сполучуваності: *тінювий капітал*, *тінювий бізнес*, *тінювий ринок* та ін.

Загалом констатуємо, що словниковий склад мови перебуває у стані постійного розвитку. Метод лексикографічних зрізів дає змогу детально вивчати поетапність

лексико-семантичної деривації слів. Чітка параметризація динаміки семантичної структури слова слугуватиме основою для формування принципово нового лексикографічного продукту – бази даних з лексикографічною історією слів.

Список скорочень

ВТС – Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ, Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.

СГ – Словарь української мови: у 4 т. / за ред. Б. Грінченка. – Київ: Довіра – Рідна мова, 1996. – 4 т.

СІС – Словник іншомовних слів / уклад. Л. О. Пустовіт [та ін.]. – Київ: Довіра, 2000. – 1018 с.

СУМ – Словник української мови: у 11 т. / І. К. Білодід (гол. ред.) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1970–1980. – 11 т.

Список літератури

1. Білецький, А. О. Про мову і мовознавство / А. О. Білецький. – Київ: АртЕк, 1997. – 224 с.

2. Тараненко, О. О. Зміни значення / О. О. Тараненко // Українська мова. Енциклопедія / редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк [та ін.]. – Київ: Українська енциклопедія, 2000. – С. 190–191.

3. Хруцька, Н. В. Динаміка стилістичної маркованості лексики російської мови (на матеріалі російської лексикографії 50-х – 80-х років ХХ сторіччя): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / Н. В. Хруцька. – Київ, 1998. – 20 с.

Струганець Любов Василівна, завідувач кафедри методики викладання української мови і культури мовлення Тернопільського національного педагогічного університету імені В. Гнатюка, доктор філологічних наук, професор (Тернопіль, Україна).

In the article we consider dictionaries as a chronological layers of the state of the lexical-semantic system during the definite period of time. We reconstruct the dynamics of lexical norms on the basis of some lexicographic layers. Comparison of words interpretation in lexicographic works of various time periods gives grounds for distinguishing of 5 main types of the semantic transformation, in particular: semantic transformations according to qualitative identity of words meanings; broadening of semantic structure of a word; narrowing of semantic structure of a word; process of homonyms formation and disappearance; complex modifications of semantic word. The author's system of formulas, models and schemes transformation of semantic structure of words are contributed to representation of dynamics changes in literary language on the definite lexicographic layer.

УДК 658.012.011.56

В. А. Широков, И. В. Остапова, Н. Н. Сидорчук, К. Н. Якименко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОРПУСЫ И ВИРТУАЛЬНЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ

Формирование современных цифровых лексикографических систем предполагает основательную опору на большие текстовые массивы, служащие источником и верификатором семантических, грамматических и прагматических предположений. Из этого следует необходимость создания интегрированных средств, объединяющих на единой концептуальной и системной платформе лексикографические инструменты и соответствующие лингвистические корпусы. Излагается опыт Украинского языково-информационного фонда, где инструмент такого рода функционирует в форме виртуальной лексикографической лаборатории «Словарь украинского языка», сопряженной с Украинским лингвистическим корпусом.

В начале XXI века лексикография оформилась как направление человеческой деятельности, переосмыслившее многовековой опыт теоретических достижений лингвистики, а также практического лексикографирования и получившее новые перспективы развития, связанные с применением компьютерных технологий. Происходит неуклонный рост социальной значимости словарной продукции. Современная наука стремится воплотить в лексикографической форме все аспекты полученных знаний – словари не только фиксируют совокупность определенных знаний, но и служат надежным инструментом научного освоения действительности. Словарная форма как тип социальной коммуникации становится все более привлекательной для специалистов различных предметных областей.

Отвечая на потребности времени, появляются новые разделы лексикографии, которые дают примеры далеко идущих обобщений понятия словаря, а интенсификация информационных процессов побуждает к ускорению разработки различных методов формализации языка, а также создания все более совершенных методов лексикографирования явлений предметного мира.

Пути, которыми идет сегодня лексикография, во многом определяются внешними по отношению к собственным задачам лингвистики факторами, среди которых на первом месте стоит расширение масштабов научно-технической революции в области информационных систем и компьютерных коммуникаций, глобализация, становление индустрии знаний и вызванная этим потребность в интеллектуальных средствах экстракции знаний (knowledge mining), способных в реальном времени обрабатывать исключительно большие массивы естественной языковой информации. В результате словарное дело сегодня

переживает особый этап своего развития, находясь под большим влиянием новых общественных потребностей и новых методов обработки информации, используя возможности применения компьютерных технологий при описании и представлении как собственно лингвистической, так и экстралингвистической информации.

Итак, можно констатировать, что компьютерная лексикография в наше время является многоаспектной отраслью, представляющей собою:

а) прикладную научную дисциплину на границе языкознания и информатики, изучающую способы и приемы применения методов информационной науки и технологии в теории и практике создания широкого спектра лексикографических систем;

б) отрасль компьютерной индустрии, которая быстро развивается главным образом из-за того, что лексикографирование знаний является одним из эффективных способов их репрезентации и распространения.

Авторы, однако, понимают, что даже сам термин «компьютерная лексикография» несет в себе рефлексии переходного периода развития лингвистики, когда новые информационные технологии еще не стали универсальным инструментом языкознания, а лингвистические данные (тексты, лексикографические структуры и т. д.) функционируют параллельно в обеих формах – как традиционной, так и цифровой. По-видимому, со временем вся лексикография станет компьютерной и потребность в отдельном термине, отличающем ее от обычной, отпадет.

Поскольку компьютерная лексикография (как и любая компьютерно-ориентированная отрасль знания) требует максимальной формализации своего объекта, возникла потребность в углублении содержания и формализации самого понятия словаря как

специфического информационно-культурного объекта, в который «стремится» воплотиться языковая субстанция в процессе развертывания фундаментальных для языка отношений «субъект-объект» и «форма-содержание». Ответом на эту потребность стала разработка одним из авторов данной статьи теории лексикографических систем [1], которая на основе достаточно общих предположений и положений теории информации и, базируясь на, опять-таки, общих свойствах вышеупомянутых системообразующих для языка отношений, пояснила внутренние механизмы, побуждающие к обретению естественной языковой (и не только) информации словарной формы.

Обсуждая современную лексикографическую проблематику, нельзя не упомянуть по крайней мере четыре важные проблемы, которые особенно актуализировались в наше время.

Первой из них является проблема обновления фундаментальных лексиконов. Ведь большие словари, как правило, являются образцовыми лексикографическими объектами, созданными значительными коллективами высококвалифицированных специалистов. Они представляют яркие примеры лингвистической мысли определенного исторического периода и несут большое количество явно и неявно выраженных рефлексий той или иной эпохи, в них «впечатана» историческая память народа и его языковое сознание в данный период. Наряду с этим, такие лексикографические произведения обладают и непреходящей ценностью, выраженной в их лексикографических структурах, и дают новым поколениям лексикографов нетленные образцы способов лексикографирования тех или иных семантических явлений, примеры решения лексикографическими средствами тех или иных когнитивно-лингвистических задач. Разумеется, такие лексикографические произведения при завершении определенной эпохи не стоит сдавать в архив, но целесообразно в полной мере использовать наиболее ценное из того, что они содержат. Такой взгляд приводит к задаче обновления фундаментальных лексикографических трудов, модификации их содержания и структуры и приведения их в соответствие с новыми реалиями. И здесь возникает целый ряд конкретных задач – начиная от определения лингвистических и когнитивных принципов составления нового лексикона «поверх» старого и заканчивая технологией и организацией выполнения соответствующего лексикографического проекта. При этом технологические проблемы все острее передвигаются на передний план актуальности, что связано, прежде всего, со значительным сокращением сроков, отводимых на модернизацию лексикона и необходимостью представления конечного результата выполненной работы в различных, «неизоморфных» между собой формах (традиционной книжной, в виде лазерного диска, сайта в Интернете, резидентного словаря в компьютерных системах обработки текстов, электронного семантического анализатора и т. п.).

Вторая проблема связана с необходимостью перевода лексикографического наследия человечества в цифровую форму с целью накопления общекультурного потенциала, а также для использования в системах автоматической обработки информации. Для этого совершенно недостаточно просто отсканировать тексты соответствующих словарей. Хотя и это не такая

простая задача, как может показаться с первого взгляда, поскольку метаязык многих словарей содержит целый ряд нестандартных символов, которые плохо поддаются идентификации. Кроме того, существующие программы оптического распознавания текстов далеко небезупречны и делают немало ошибок в процессе их применения. Наконец, работа со словарями, переведенными в компьютерные текстовые форматы, очень неэффективна и требует их конвертирования (желательно автоматического) в форматы лексикографических баз данных, что является особым заданием, не известным классической лексикографии.

Третья проблема касается применения словарей в формировании лингвистических компонент концептографических систем представления знаний (типа онтологий) и использовании их в средствах knowledge mining. Это требует не только больших словарных массивов, но и стимулирует поиски скрытых семантических структур в традиционных словарных текстах. С другой стороны, онто- и концептографическая проблематика побуждает к более активной и содержательной интеграции лексикографии в современную индустрию знаний.

Наконец, четвертая связана с преодолением так называемого «вавилонского синдрома», то есть решением проблемы многоязычия, которая особенно обострилась в эпоху глобализации и все настойчивее требует мощных и гибких лексикографических средств. Среди последних особо отметим инструментальные средства лексикографии, ориентированные на компьютерно-технологическую поддержку процессов многоязычного лексикографирования в различных режимах, включая и отдаленный, который обеспечивает творческое взаимодействие территориально распределенных интернациональных коллективов лексикографов.

Понятно, что отмеченная проблематика требует от представителей компьютерной лексикографии определенной суммы знаний и умений, нетипичных и необычных для предыдущего периода развития лексикографической науки и практики. Среди таковых отметим способность к формализации языкового материала, доведению его до формализмов моделей данных, склонность к системно-структурному мышлению, хотя бы элементарные знания строения компьютера, умение работать с базами данных, программирование (хотя бы на уровне формирования SQL-запросов) и т. д.

Суммируя сказанное, отметим, что современная лексикография настойчиво требует создания и широкого применения новых лексикографических инструментов, адекватных новым проблемам, задачам и практическим потребностям. Данная статья посвящена двум инструментальным средствам, которые являются базовыми при выполнении ряда фундаментальных лексикографических проектов, предпринятых Украинским языково-информационным фондом Национальной академии наук Украины. Ими являются лингвистические корпуса и виртуальные лексикографические лаборатории.

В общем понимании лингвистический корпус – это представленный в электронном виде, большой по объему, унифицированный, структурированный, размеченный и филологически компетентный массив текстов на естественном языке, дополненный

системой управления – универсальными (в той или иной степени) программными средствами для поиска и обработки различной лингвистической информации.

В Украинском языково-информационном фонде НАН Украины в рамках работ по развитию Национальной словарной базы Украины создан Украинский национальный лингвистический корпус (УНЛК). Основные результаты теоретических исследований и обзор практических наработок в области лингвистических корпусов подробно представлены в коллективной монографии [2].

Основные направления УНЛК:

- предоставление текстовой информации по определенным критериям;

- создание входных потоков лингвистической информации для разнообразных исследовательских систем;

- интеграция разноплановых лингвистически-программных средств обработки текстов в единой среде.

УНЛК разработан на базе созданной в Украинском языково-информационном фонде платформы ULISS (Ukrainian Lingua-Information Semantic Search). Особенностью данной платформы является возможность интеграции информационных и лингвистических сервисов в единой среде и поддержка режима виртуальных лабораторий. Сервис УНЛК аккумулирует функциональные возможности сервисов других информационно-лексикографических систем, а именно – электронной библиотеки, грамматического словаря, интегрированной лексикографической системы «Словари Украины», а также функций полнотекстового поиска. Ко всем перечисленным системам разработаны отдельные клиентские программы, которые обеспечивают интерфейсы работы с ними. УНЛК предоставляет единый интерфейс ко всем этим сервисам, создавая эффект работы с единой системой. Каждый указанный сервис отвечает за функциональность определенной лексикографической системы отдельно, а взаимодействие этих сервисов вместе в программном комплексе УНЛК создает необходимую среду обработки и хранения информационных ресурсов.

В системе УНЛК выделяют две основные функциональные подсистемы: библиографическую и полнотекстовую. Библиографическая часть представляет собой электронную библиотеку – коллекцию электронных ресурсов, которая является основой для разработки любого корпуса. Поэтому библиографическая подсистема служит инструментом для сбора, хранения, моделирования и использования естественной языковой информации в цифровом виде и составляет неотъемлемую часть УНЛК.

Вторая возможность доступа к объектам – это полнотекстовый поиск. Пользователь вводит поисковую фразу, задает максимально желаемое количество

слов между поисковыми и выбирает дополнительные параметры полнотекстового поиска, а именно:

- учет порядка слов;
- поиск в определенном подмножестве объектов;
- использование процедуры лемматизации;
- использование синонимической лексикографической базы данных;
- использование определенных синонимических рядов;
- выбор грамматических параметров для каждого слова, входящего в поисковый фрагмент.

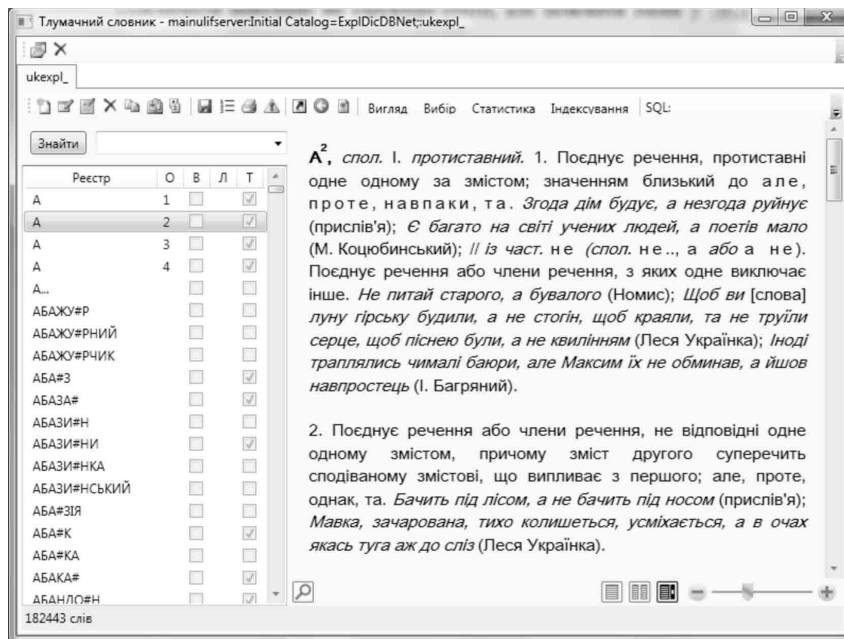

Рисунок 1 – Окно полнотекстового поиска

Результатом полнотекстового поиска является список библиографических описаний. Но в отличие от поиска по библиографии пользователь получает прямой доступ к каждой локализации поискового фрагмента в тексте, то есть ко всем контекстам, содержащим поисковый фрагмент. Выбрав источник, пользователь может просматривать контексты, где поисковый фрагмент выделен красным цветом. Размер (длину) контекста можно изменять. Каждое слово из контекста (не только поисковое) соединено со словарями: грамматическим, толковым и словарем синонимов. Для дальнейшей обработки все контексты или контексты определенного источника могут быть записаны в HTML-файл с указанием источника контекста, времени создания и поисковой фразы.

На сегодня УНЛК состоит из двух частей: «Общий корпус» и «Юридический корпус», которые вместе содержат более 10 тысяч объектов хранения (источников) объемом 1,29 Гб, насчитывающих более 100 млн. словоупотреблений.

Система лингвистического корпуса является многоплановой и может иметь множество разнообразных применений. В Украинском языково-информационном фонде она, прежде всего, используется как база источников лингвистической информации для создания фундаментальной академической многотомной лексикографической

системы «Словарь украинского языка» (СУМ), которая реализована в виде виртуальной лексикографической лаборатории.

Понятие виртуальных лексикографических лабораторий (ВЛЛ) впервые введено в монографии [1] и определено следующим образом. В процессе функционирования агрегированных лексикографических систем в реальных социотехнических средах может происходить и их виртуализация. В том случае, когда предметная область X – носитель суперсистемы лексикографических систем – приобретает распределенные системные характеристики и параметризуется определенным структурированным множеством системных сетевых адресов (например, таких, которые приняты в Интернете), каждый элемент $x \in X$ становится функцией от определенного кортежа адресов:

$$x = f(a_1, a_2, \dots, a_n).$$

То есть лексикографическая система $LS[x]$, полученная путем лексикографирования x , превращается в виртуальный объект, распределенный в физическом пространстве, который изображается точкой (a_1, a_2, \dots, a_n) в пространстве сетевых адресов. Такая виртуальная лексикографическая система, оборудованная соответствующими пользовательскими интерфейсами и инструментальными средствами, может быть использована как ВЛЛ, предоставляющая средства для выполнения общих лексикографических проектов специалистами различных территориально распределенных институтов и даже разных стран.

Существующая коммуникационная инфраструктура Интернета вполне способна обеспечить необходимую пропускную способность и нормальную работу ВЛЛ в пределах ее запланированных функций. Это может достигаться с помощью различных программно-технологических инструментов, в частности путем применения системотехники так называемой сервис-ориентированной архитектуры (Service-Oriented Architecture – SOA) [3].

Основным принципом для построения ВЛЛ принята технология Web-сервисов (кратко WS) – одна из реализаций SOA-приложений, которая позиционируется как универсальная технология объединения существенно разнородных систем. В основе технологии лежит несколько стандартов: XML для описания данных [4], SOAP для передачи информации из одних систем в другие, WSDL для описания сервисов [5] и UDDI для сохранения и предоставления WSDL-описаний по запросам.

ВЛЛ «СУМ», построенная на основе вышеизложенных принципов, реализована в среде разработки Microsoft Visual C# 2008 /2010 Professional Edition. Она работает под управлением операционной системы Microsoft Windows XP / 2003 / Vista / 7 в среде Microsoft.NET Framework версии 4.0. Веб-сервисы ВЛЛ реализованы на основе технологии создания распределенных сервис-

ориентированных систем Windows Communication Foundation (WCF).

Программный комплекс ВЛЛ имеет многоуровневую архитектуру: сервер баз данных отвечает за связь с лексикографической базой данных (ЛБД) и функции обработки данных; веб-сервис устанавливает сеансы работы для отдельных пользователей, их привилегии и уровни доступа; клиентская программа предоставляет интерфейс, который позволяет выполнять лексикографическую и редакционную работу, а также ряд других функций.

ВЛЛ «СУМ» в локальном и удаленном режимах обеспечивает выполнение следующих функций:

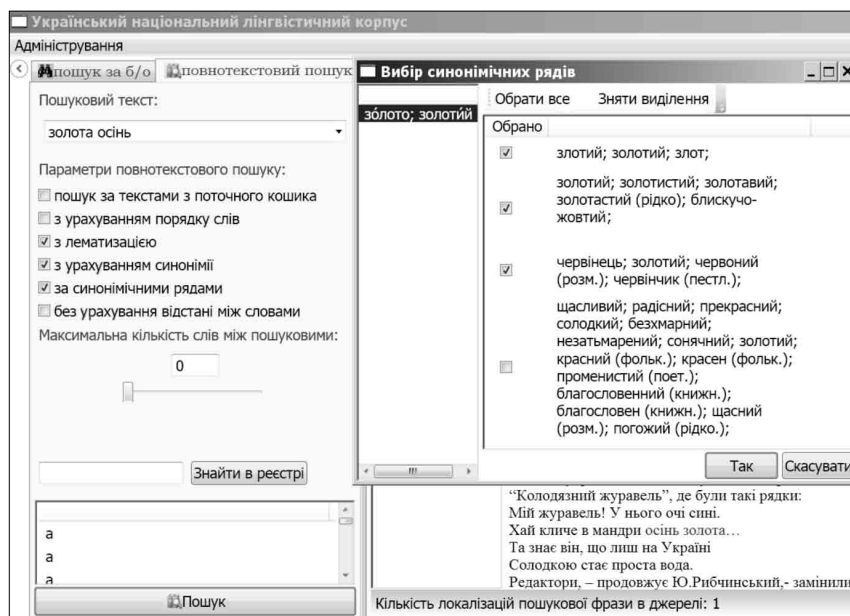

Рисунок 2 – Главное окно редактирования лексикографической информации ВЛЛ «СУМ»

- аутентификация и авторизация пользователей;
- внесение новой словарной статьи в ЛБД «СУМ»;
- удаление словарной статьи из ЛБД «СУМ»;
- редактирование словарной статьи в ЛБД «СУМ»;
- обеспечение модификации структуры словарной статьи определенной лексикографической системы ВЛЛ и создание новых лексикографических систем;
- динамическое формирование словарных статей ЛБД «СУМ» в печатном формате;
- выполнение различного рода выборок и создание подсистем на их основе;
- анализ данных ЛБД «СУМ»;
- добавление нового пользователя в ВЛЛ «СУМ»;
- удаление пользователя из ВЛЛ «СУМ»;
- управление правами доступа пользователей ВЛЛ «СУМ».

Использование инструментального комплекса «СУМ» в форме ВЛЛ продемонстрировало высокую эффективность в процессе создания 20-томного Словаря украинского языка, позволив сформировать корпус словаря за относительно короткое время и предоставив возможность непрерывного его развития и совершенствования путем мониторинга языковой динамики украинского языка.

Список литературы

1. Широков, В. А. Інформаційна теорія лексикографічних систем / В. А. Широков. – Київ: Довіра, 1998. – 331 с.
2. Широков, В. А. Корпусна лінгвістика / В. А. Широков. [та ін.]. – Київ: Довіра, 2005. – 471 с.
3. SOAP Version 1.2 Part 0: Primer (Second Edition) // W3C Recommendation 27 April 2007 [Electronic resource] / W3C. – Mode of access: <http://www.w3.org/TR/2007/REC-soap12-part0-20070427/>. – Date of access: 21.09.2012.
4. Extensible Markup Language (XML) 1.0 (Fifth Edition) // W3C Recommendation 26 November 2008 [Electronic resource] / W3C. – Mode of access: <http://www.w3.org/TR/2008/REC-xml-20081126/>. – Date of access: 21.09.2012.
5. Web Services Description Language (WSDL) Version 2.0 Part 1: Core Language // W3C Recommendation 26 June 2007 [Electronic resource] / W3C. – Mode of access: <http://www.w3.org/TR/2007/REC-wsdl20-20070626/>. – Date of access: 21.09.2012.

Широков Владимир Анатольевич, директор Украинского языково-информационного фонда НАН Украины, академик НАН Украины (Київ, Україна).

Остапова Ирина Вадимовна, научный сотрудник Украинского языково-информационного фонда НАН Украины, кандидат технических наук (Київ, Україна).

Сидорчук Надежда Николаевна, старший научный сотрудник Украинского языково-информационного фонда НАН Украины, кандидат технических наук (Київ, Україна).

Якименко Константин Николаевич, старший научный сотрудник Украинского языково-информационного фонда НАН Украины, кандидат технических наук (Київ, Україна).

The formation of modern digital lexicographical systems requires a thorough base in the large text arrays serving as the source and verifier of semantic, grammatical and pragmatic assumptions. This implies the need in the integrated tools combining lexicographical instruments and related linguistic corporas in the unified conceptual system platform. The experience of Ukrainian Lingua-Information Fund is described operating such a tool in the form of Virtual lexicographical laboratory «Dictionary of the Ukrainian language» conjugated with the Ukrainian linguistic corpora.

УДК 81'374-13

В. К. Щербин

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОГНОСТИКА: МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Рассматриваются возможности использования практических (количественных) и теоретических (качественных) подходов при подготовке лексикографических прогнозов. Делается вывод о необходимости формирования из указанных выше подходов комплексной методологической системы, которая позволит сформировать научно обоснованные предположения относительно перспектив развития того или иного словарного жанра.

В составе теоретической лексикографии сегодня выделяется более двух десятков самостоятельных разделов, каждый из которых имеет свои специфические функции и соответствующие методы исследования [1]. В числе таких структурных составляющих металексикографии – 8 основных разделов (общая теория лексикографии, словарная типология, словарная лексикология, лексикографическая параметрия, организация словарной работы, лексикографическая критика, методология лексикографии, история лексикографии), а также целый ряд вспомогательных разделов (лингвистика словаря, психология словаря, семиотика словаря, социология словаря, исследование словарного использования, исследование статуса словаря, маркетинг словаря, теория лексикографических исследований языка, текстологическая теория словарных текстов, прагматика словаря, идеология словаря, лексикографическая стилистика, словарная этика, экономика словаря, статистика словаря, лексикографическая археология, лексикографическая просопография, социология спроса на словари и др.).

Тем не менее, несмотря на все богатство и разнообразие сложившейся к настоящему моменту архитектоники мировой металексикографии, процесс ее институционализации нельзя считать завершенным до тех пор, пока в ее составе не появится такой специализированный раздел, как лексикографическая прогностика. Здесь уместно будет привести мнение А. А. Кретьова о том, что именно «наличие прогностики в составе той или иной науки является свидетельством ее теоретической завершенности» [2, с. 3]. В этом смысле современные экономическая, социологическая, политическая и техническая науки, а также многие междисциплинарные области знаний (науковедение, экология, инноватика и др.) могут

считаться, по сравнению с металексикографией, теоретически более продвинутыми дисциплинами, поскольку в их составах уже сформированы мощные дисциплинарные прогностики [3–7].

Ради справедливости необходимо сказать о том, что исследования в области лексикографического прогнозирования тоже ведутся достаточно давно. Можно назвать в качестве примера футурологические статьи В. П. Беркова [8], Л. Згусты [9], других известных металексикографов [10; 11; 12, с. 73–79]. Тем не менее, сегодня у нас еще нет веских оснований для утверждений о том, что такой теоретический раздел словарного дела, как лексикографическая прогностика, уже существует в действительности. На наш взгляд, о реальном существовании подобного раздела можно будет говорить только тогда, когда будут разработаны или заимствованы у других, более продвинутых в этом отношении научных дисциплин соответствующие методы формирования научных прогнозов о будущем развитии лексикографии и на их основе будет сформирована комплексная методологическая система прогнозирования, аналогичная тем, которые сложились в рамках других дисциплин [13–16].

Потребность в формировании лексикографической прогностики все больше осознается среди словарников разных стран. Фактически каждый лексикограф, начиная работу по составлению словаря того или иного типа, хотел бы знать заранее, какова вероятность того, что создаваемый им словарь будет широко востребован читателями. Однако составление научно обоснованных лексикографических прогнозов является достаточно сложным делом, объединяющим в своих рамках самые разные практические и теоретические подходы к решению указанной задачи.

В частности, для целей лексикографического прогнозирования уже используются, с одной стороны, ряд практических (главным образом количественных) подходов, а с другой стороны, ряд теоретических (качественных) подходов. Так, к числу первых (практических) подходов сегодня можно отнести следующие аналитические методы и методики:

1) **проведение анкетирования читателейских интересов наиболее активных пользователей словарей** в рамках так называемой социологии спроса на словари [17, с. 219–220]. К сожалению, в странах Восточной Славии указанная отрасль социологической науки только формируется, и к массовым опросам пользователей словарей она приступит не скоро. Поэтому возможности данного метода еще долго будут оставаться не востребованными в рамках лексикографической прогнозистики;

2) **проведение библиометрического анализа всего массива ранее опубликованных словарей разных типов** с экстраполяцией результатов такого анализа на будущее развитие словарного дела. При этом, как показывает опыт более развитого экономического прогнозирования, простая линейная экстраполяция выявленных количественных данных о каком-либо явлении на его будущее развитие нередко приводит к курьезам [18, с. 111]. Наш собственный опыт проведения библиометрических исследований на материале белорусской терминографии XX столетия показывает, что линейные статистические показатели выпуска терминологических словарей очень сильно зависят от экстралингвистических по своей природе явлений (от характера языковой политики, проводимой государством в тот или иной период; от уровня развития электронно-вычислительной техники в стране и т. п.) [19, с. 49]. Поэтому следует согласиться с выводом Л. Г. Новиковой о том, что простая линейная «экстраполяция по самой своей сути не может указать на будущие качественные изменения прогнозируемого объекта, ибо представляет собой механическое распространение современных тенденций и динамики развития на будущее в виде кривых количественного роста» [20, с. 75];

3) **трендовый анализ**, определяемый в справочной литературе как «сбор и обработка данных за различные периоды времени и сравнение каждой позиции отчетности с рядом предшествующих периодов с целью определения основной тенденции динамики показателя (тренда)» [21, с. 520];

4) **метод моделирования временных рядов**. От трендового анализа он отличается тем, что в модель временного ряда, помимо тренда (основной тенденции развития), включаются также и другие компоненты: конъюнктурная волна, сезонные колебания, случайные отклонения [22, с. 83];

5) **лексико-статистическая обработка материалов больших (академических) словарных картотек**. О потенциальных возможностях использования последних при формировании лексикографических прогнозов написано много хорошего [23, с. 15]. Однако, отдавая дань уважения первичности и репрезентативности таких картотек, следует все же отметить, что доступ к их ресурсам в силу ряда объективных причин (пространственная локализация картотек, их ведомственный характер и т. п.) является достаточно ограниченным для многих лексикографов, работающих вдали от при-

знанных научных центров (Москва, Санкт-Петербург, Киев, Минск и др.), а потому рассматриваемый метод не может сейчас получить широкого распространения в процессе подготовки лексикографических прогнозов;

б) **разработанный компанией Google аналитико-поисковый инструмент Ngram Viewer** [24], в основе использования которого лежит огромная электронная библиотека: «За семилетний период было оцифровано более 5 млн книг (15 млн томов), что составило около 4% всех книг... Основная масса оцифрованных книг лежит в интервале с 1520 г. по 2008 г. ... Из всего корпуса книг было получено около 500 млрд словосочетаний, которые названы «n-grams»... Для каждого года и каждого «n-gram» определяются перечень и страницы книг, в которых это словосочетание обнаружено, а также его встречаемость» [25, с. 27]. Причем указанный n-gram-анализ можно вести в оцифрованных текстах на семи языках (китайском, английском, французском, немецком, иврите, русском и испанском) [24, с. 190]. Указанные параметры n-gram-анализа позволили В. М. Московкину сделать вывод о том, «какие уникальные возможности открываются перед гуманитариями в исследовании различных культурологических трендов на достаточно длинных промежутках времени» [25, с. 34].

В свою очередь, к числу теоретических (качественных) подходов к составлению лексикографических прогнозов сегодня можно отнести следующие аналитические методы и методики:

1) **метод экспертных оценок**, использование которого позволяет учесть коллективный языковой опыт квалифицированных специалистов в процессе определения степени нормативности тех или иных лексических единиц, включаемых в реестр словаря;

2) **метод сценарного прогнозирования**, в основе которого лежит разработка нескольких альтернативных прогнозных сценариев [26, с. 142–155];

3) **метод программно-целевого прогнозирования**, сущность которого составляет «прогнозирование от конечной цели. Алгоритм программно-целевого прогнозирования включает четыре взаимосвязанных этапа: прогноз, формирование программ, планирование и реализацию программ» [27, с. 423];

4) **форсайт-анализ**, который отличается от приведенных выше инструментов научного предвидения тем, что не только предполагает участие многих заинтересованных социальных слоев в формировании прогноза, но и побуждает участников такого прогноза активно осуществлять ими же предсказанные изменения [28, с. 36];

5) **проведение гипертекстового и контент-анализа общественно-политической, научной и прочей литературы с целью выявления словарных микротенденций и формулирования на их основе лексикографических макротенденций или мегатрендов**. Особенности использования данного аналитического инструмента в процессе лексикографического прогнозирования описывались нами ранее [29];

б) **максимальный учет всех опубликованных проявлений того дара предвидения, которым обладают крупнейшие металексикографы прошлого и настоящего** (такие как Л. В. Щерба, Л. Згуста, П. Н. Денисов, В. В. Морковкин, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак и др.). Известный французский социолог П. Бурдьё так оценивал дар предвидения ключевых игроков в науч-

ном поле: «Одним из факторов, определяющих самые явные различия в научных карьерах, ... является тот дар предвосхищения тенденций, который, как замечают, всюду тесно связан с высоким социальным происхождением и хорошим образованием и который позволяет завладеть в нужный момент выгодными темами, хорошими местами публикаций и т. п.» [30, с. 57].

Представленный выше обзор существующих практических (количественных) и теоретических (качественных) подходов, используемых в рамках современной лексикографической прогностики, позволяет сделать следующие выводы:

1. Отечественными и зарубежными исследователями, работающими в рамках самых разных научных дисциплин, «наработано» большой по объему и весьма разнообразный по содержанию методологический арсенал прогностических средств.

2. Значительная часть указанных методологических средств может быть использована в процессе подготовки лексикографических прогнозов.

3. По ряду объективных причин на данном этапе развития лексикографической прогностики при разработке словарных прогнозов предпочтение пока отдается теоретическим (качественным) методам, хотя быстрое развитие корпусной лингвистики и современных информационных технологий, опирающихся на безграничные возможности электронных библиотек, уже в самом ближайшем времени изменит данное предпочтение в пользу практических (количественных) методов прогнозирования. Вместе с тем, не следует бросаться из одной крайности в другую. На наш взгляд, только взятые в совокупности, данные практические и теоретические подходы смогут составить основу той комплексной методологической системы, которая позволит сформировать научно обоснованные предположения относительно перспектив развития того или иного словарного жанра, а также всей национальной лексикографической традиции в целом.

Список литературы

- Щербин, В. К. Роль теоретического знания в структуре современной лексикографии / В. К. Щербин // Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы: материалы VIII междунар. школы-семинара (Иваново, 10–12 сент. 2009 г.). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. – С. 282–286.
- Кретов, А. А. Основы лексико-семантической прогностики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Кретов. – М.: Офсетная лаборатория ВГУ, 1994. – 35 с.
- Янч, Э. Прогнозирование научно-технического прогресса / Э. Янч; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1974. – 585 с.
- Прогнозирование и оценка научно-технических нововведений. – Київ: Наукова думка, 1989. – 280 с.
- Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 787 с.
- Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование: учебник для студентов вузов / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2000. – 352 с.
- Кузык, Б. Н. Прогнозирование и стратегическое планирование социально-экономического развития: учебник для вузов / Б. Н. Кузык, В. И. Кушлин, Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2006. – 427 с.
- Берков, В. П. О словарях XXI века: из лексикографической футурологии / В. П. Берков // Мир русского слова. – 2000. – № 3. – С. 65–66.
- Згуста, Л. Пути развития лексикографии будущего / Л. Згуста; пер. с англ. // Русская историческая лексикография на современном этапе. К 25-летию издания СлРЯ XI–XVII вв. / под ред. М. И. Чернышевой. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2000. – С. 188–197.
- Bailey, R. W. Dictionaries of the next century / R. W. Bailey // Lexicography: An emerging international profession / Ed. by R. Ilson. – Manchester: Manchester University Press; London: The Fulbright Commission, 1986. – P. 123–137.
- Kay, M. The Dictionary of the Future and the Future of the Dictionary / M. Kay // The Possibilities and Limits of the Computer in Producing and Publishing of Dictionaries: Proceedings of the European Science Foundation Workshop, Pisa '81 / Ed. by A. Zampolli and A. Capelli. – Pisa: Giardini Editori, 1983. – P. 161–174.
- Щербин, В. К. Вселенная в алфавитном порядке: Словари – вчера, сегодня, завтра / В. К. Щербин. – Минск: Нар. асвета, 1987. – 80 с.
- Янч, Э. Методы, применяемые в технологическом прогнозировании / Э. Янч // Прогнозирование научно-технического прогресса / Э. Янч; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1974. – С. 131–311.
- Кияк, Б. Р. Методи, алгоритми та моделі інформаційних технологій наукового прогнозування (гранти і пріоритети для фундаментальних досліджень) / Б. Р. Кияк. – Київ: УкрІНТЕІ, 2001. – 171 с.
- Кретов, А. А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. – Воронеж: ВГУ, 2006. – 390 с.
- Щербин, В. К. Комплексное науковедческое прогнозирование как инструмент государственной научно-технической политики / В. К. Щербин // Наука та наукознавство. – 2006. – № 3. – С. 65–67.
- Щербин, В. К. Агляд сацыялінгвістычнай праблематыкі беларускай лексікаграфіі / В. К. Щербін // Язык и социум: материалы V междунар. науч. конф., Минск, 6–7 дек. 2002 г.: в 2 ч. – Ч. 2. – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – С. 216–220.
- Яковец, Ю. Искусство научного предвидения: доктрины, технологии, сценарии / Ю. Яковец // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 4. – С. 108–114.
- Щербин, В. К. Белорусская и литовская терминологии: сравнительный аспект / В. К. Щербин // Terminologija (Vilnius). – 2009. – № 15. – P. 43–55.
- Новикова, Л. Г. Социология как судьба: избранное / Л. Г. Новикова. Воспоминания коллег / отв. ред. А. Н. Данилов. – Минск: Беларусь. наука, 2012. – 448 с.
- Кандыбович, Л. А. Менеджмент знаний. Терминологический словарь-справочник / Л. А. Кандыбович, А. В. Мудрик. – Минск: Харвест, 2010. – 752 с.
- Малая российская энциклопедия прогностики. – М.: Ин-т эконом. стратегий, 2007. – 328 с.
- Котелова, Н. З. Текстовые лексико-фразеологические материалы как лингвистический источник / Н. З. Котелова // Национальные лексико-фразеологические фонды / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1995. – С. 11–18.
- Hayes, B. Bit Lit: With digitized text from five million books, one is never at a loss for words / B. Hayes // American Scientist. – 2011. – Vol. 99. – № 3. – P. 190–194.
- Московкин, В. М. Google Books и «культурологические тренды» / В. М. Московкин // НТИ. Сер. Организация и методика информационной работы. – 2012. – № 7. – С. 27–34.
- Кузык, Б. Н. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – 2-е изд. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. – 624 с.
- Глухов, В. В. Экономика знаний: учеб. пособие / В. В. Глухов, С. Б. Коробко, Т. В. Маринина. – СПб.: Питер, 2003. – 528 с.
- Козлов, В. А. Состояние форсайт-исследований в России / В. А. Козлов, В. П. Третьяк // Экономические стратегии. – 2012. – № 4. – С. 30–41.
- Щербин, В. К. О методологии выявления лексикографических метатрендов / В. К. Щербин // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии: сб. науч. ст. – Брянск: Курсив, 2011. – С. 339–346.
- Бурдьё, П. Клиническая социология поля науки / П. Бурдьё // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 49–95.

Щербин Вячеслав Константинович, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, кандидат филологических наук (Минск, Беларусь).

Possibilities of using practical (quantitative) and theoretical (qualitative) approaches in preparing lexicographic prognosis are considered in the article. The conclusion is substantiated about the necessity of forming a complex methodological system based on the above mentioned approaches, which will allow to form scientifically based prognosis regarding the perspectives of development of different lexicographic genres.

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81'374

Л. Д. Бакурадзе

ГРУЗИНСКИЕ СЛОВАРИ ИТАЛЬЯНСКИХ МИССИОНЕРОВ

Первое появление и деятельность итальянских миссионеров в Грузию в XVII в. совпало с возрождением филологической мысли. Во время миссионерской деятельности они создали грамматики грузинского языка и двуязычные словари: грузинско-итальянский и итальянско-грузинский. Это оказало большое влияние на развитие грузинской грамматической мысли и формирование лексикографических принципов. С этой точки зрения особого внимания заслуживает первый период их деятельности. А когда грузинским лексикографом Сулхан-Саба Орбелиани был создан «Словарь грузинского языка» и Антоном Первым – «Грамматика грузинского языка», то стал заметен противоположный процесс – влияние грузинской мысли на работы итальянских миссионеров.

XVII в. считается эпохой возрождения грузинской культуры и науки. После паузы, затянувшейся вследствие исторических перипетий на несколько веков, в стране вновь возник интерес к разным областям знания, опирающийся на наследие грузинской науки XI–XII вв. Эта тенденция оказала влияние и на развитие лексикографической мысли.

Первым образцом древнейшего грузинского словаря можно считать толкования слов в переводах Ефрема Мцире «Псалтыри» и работ Петра Иверского (XI в.). Его лексикографические замечания касаются вопросов нормализации языка, грамматической терминологии.

Ефрем Мцире вместе с Иоанном Петрици и Арсеном Икалтоели заложил основы эллинофильского направления в грузинской письменности. А научные процессы эпохи Возрождения развивались уже на фоне взаимоотношений с Европой. Параллельно с эллинофильским направлением наблюдается значительное влияние принципов европейской науки на словари и грамматики, созданные на грузинском языке.

Один из основных этапов развития истории лексикографии в Грузии относится к эпохе деятельности итальянских миссионеров. Наряду с миссионерской деятельностью они были заняты научной работой, что имело целью создание грузинских грамматик и двуязычных словарей. Эти словари и грамматики предназначались для тех монахов-итальянцев, которые готовились к миссионерской деятельности в Грузии или уже начали ее.

Распространение католичества в Грузии насчитывает многовековую историю. Согласно имеющимся данным, она начинается с 20-х годов XIII в. и заканчивается в 1845 году. В 1622 году в Риме была создана конгрегация «Пропаганда фиде», после чего в Грузию стали приезжать миссионеры – в основном представители ордена театинцев. Начиная с 1661 года распространением католичества в Грузии занимались капуцины [1, с. 8]. Деятельность итальянцев-миссионеров в Грузии специально изучил известный грузинский ученый Михаил Тамарашвили. Он собрал огромное количество документального материала и в 1902 году издал работу «Распространение католичества среди грузин», имевшую огромное значение.

Миссионеры занимались деятельностью почти на всей территории Грузии. Главной целью миссионеров было распространение католичества в восточных странах. Для преодоления языкового барьера при общении с населением многие монахи, еще будучи в Италии, изучали грузинский язык. Монахи, занимавшиеся деятельностью в Грузии, создавали грамматики и грузинские словники, а впоследствии уже на их основе составлялись грузинско-итальянские и итальянско-грузинские словари.

Среди итальянских миссионеров в Грузии были Антонио Джардина, Франческо Мария Маджо, Бернардо Мария Неапольский, Христофор де Кастелли и многие другие.

Научную деятельность миссионеров условно можно разделить на два периода: XVII в. – середина XVIII в. (до создания грузинской грамматики Антоном Католикосом (Первым) и окончания словаря Сулхан-Саба Орбелиани); со второй половины XVIII в. (когда в разысканиях итальянских мыслителей чувствуется влияние Антона Первого и в словарях – следы исследований Сулхан-Саба Орбелиани) [2, с. 28]. Сравнительно с первым периодом новые словари более усовершенствованы, здесь меньше ошибок.

Основной целью нашего исследования является попытка показать процессы, важные с научной точки зрения: какое влияние оказывала в первый период деятельность итальянцев на научные процессы в Грузии того времени; каким образом были подвержены влиянию грузинской филологической мысли грамматики и словари, созданные итальянцами во второй период.

Источниками для этих словарей послужили как письменные памятники, так и живая речь. Из первого периода деятельности миссионеров известны: грузинско-итальянский словарь Стефано Паоллини и Никифора Ирбаха (Ирубакидзе) – 1629 год, итальянско-грузинский и грузинско-итальянский словари Бернардо Мария Неапольского – 70-е годы XVII в., итальянско-грузинский словарь, составленный анонимным автором, – прибл. 1724 год.

Словари, составленные Бернардо Мария Неапольским и анонимным автором, не издавались и сохранились в рукописном виде, в связи с этим

засвидетельствованный в них материал неизвестен широкому кругу ученых. Следует отметить, что грузинско-итальянский словарь Стефано Паолини и Никифора Ирбаха является первой печатной грузинской книгой. Она была издана в Риме в 1629 году.

Говоря о деятельности итальянцев той эпохи в Грузии, нельзя обойти стороной грамматику грузинского языка Франческо Мария Маджо. Эта книга была издана в Италии в 1643 году, а в 1670 году появилось ее второе издание. Известно, что учебник для изучения грузинского языка создал также Антонио Джардина. Большое значение имеет также «Грузинская грамматика» – учебник для миссионеров, который относится ко II периоду деятельности миссионеров и в котором чувствуется влияние грамматики Антона Католикоса. Автором этой грамматики считается Джироламо да Норча [3, с. 282]. Согласно последним данным, в Риме была обнаружена рукопись грузинско-итальянского словаря, которая предположительно датируется второй половиной XVII в.

Особое внимание мы хотим уделить первому периоду деятельности итальянцев, так как его значение не переоценимо для развития грамматической мысли в Грузии.

Грузинско-итальянский словарь Стефано Паолини и Никифора Ирбаха. Этот словарь, как уже отмечалось, издан в Риме в 1629 году. Цель создания этого словаря – помочь деятельности миссионеров-итальянцев в Грузии. Стефано Паолини никогда не был в Грузии. Ему помогал посол царя Грузии Теймураза I в Италии Никифор Ирубакидзе. В этом словаре 3084 слова. К грузинским значениям приписаны транскрипции, чтобы миссионерам-итальянцам не было трудно произносить их. Правила транслитерации составлены квалифицированно [2, с. 32]. Несмотря на то что Паолини помогал направленный царем Теймуразом I в Италию посол Никифор Ирубакидзе, в написании грузинских слов и соответствующих транскрипций имеется много ошибок. Предположительно, в последний период создания словаря Никифор Ирбах не находился в Италии и соответственно не мог отредактировать словарь. В некоторых местах словаря на месте грузинских слов встречаются греческие слова, многие из которых читаются по-гречески. Причина этого, очевидно, в том, что Никифор Ирбах и Стефано Паолини создавали грузинско-итальянский словарь на основе греческого словника [4, с. 28].

Следует отметить, что в грузинско-итальянском словаре Паолини и Ирбаха есть несколько таких лексических единиц, которые отличаются несвойственным грузинскому языку грамматическим родом. Здесь засвидетельствована только одна форма женского рода с суффиксом *-а*. В остальных случаях женский род обозначается распространенной формой родительного падежа. Подобная попытка выражения рода, наверное, принадлежала Н. Ирбаху, так как для грузинского языка естественным является выражение формой родительного падежа принадлежности мужу, его фамилии [5, с. 227].

Благодаря этому словарю и грамматике Франческо Мария Маджо Бернардо Мария Неапольский изучил грузинский язык.

Грузинско-итальянский и итальянско-грузинский словаря Бернардо Мария Неапольского. Бернардо Мария Неапольский принадлежал к ордену капуцинов (1629–1707). Он с благословения Папы Римского дважды приезжал в Грузию с миссионерской деятельностью. Будучи в Грузии, он составил два словаря (грузинско-итальянский и итальянско-грузинский), которые больше называют набросками. Рукописи словарей хранятся в Национальной библиотеке Неаполя.

В грузинско-итальянском словаре 628 страниц, а в итальянско-грузинском – 360.

Впервые информацию об этом словаре опубликовали Гуго Шухардт и Михаил Тамарашвили, которые независимо друг от друга описали хранящиеся в Неапольском музее рукописи.

При сравнении итальянско-грузинского и грузинско-итальянского рукописных словарей выяснилось, что с точки зрения материала они не являются идентичными [6, с. 35].

Эти словари интересны как богатством лексического материала и его многообразием, так и представлением именных и глагольных парадигм. Несмотря на множество фонетических ошибок и неточности передачи значений, допущенных иностранцем, приводимый в нем материал уникален с точки зрения изучения грузинской лексики эпохи средневековья.

Более интересную картину дает итальянско-грузинский словарь при изучении стилистических особенностей грузинской лексики: миссионер-итальянец к итальянским лексическим единицам подбирает для объяснения несколько грузинских толкований. Они являются синонимичными парами, которые ныне в современном грузинском литературном языке отличаются друг от друга как архаичная и разговорная формы, как литературная и диалектная. В некоторых случаях все формы диалектные. Из двух толкований одно характерно для лексики Восточной Грузии, другое – для лексики Западной Грузии. Иногда толкования неточные, нарушена синонимия, из двух синонимов, приводимых в качестве толкований, значение одного изменилось в современном грузинском языке.

Анализ лексического материала показал, что эти словари позволяют сделать выводы, важные с точки зрения диалектной стратификации. Даже поверхностный анализ материала убеждает в том, что диалектный ландшафт этого словаря довольно широк. Таким образом, эти словари дают важный материал при изучении грузинских диалектов эпохи средневековья.

Бернардо Мария Неапольский служил при дворе царя Вахтанга (Шахнаваза), поэтому он был хорошо знаком с царевичами Георгием, Арчилем и Леваном, а также с их двоюродным братом Сулхан-Саба Орбелиани, создавшим первый грузинский толковый словарь энциклопедического характера. В словаре Сулхан-Саба Орбелиани заметно влияние Бернардо Мария Неапольского.

Итальянско-грузинский словарь анонимного автора. Рукопись этого словаря хранится в Грузии в городе Гори (в этой рукописи содержится также грамматическая часть, и поэтому ее иногда упоминают как Горийскую грамматику). Ее

автор – неизвестный итальянец-миссионер. В начале рукописи указывается 1724 год, что принято считать датой ее создания. Однако, по мнению некоторых ученых, этот словарь был создан значительно раньше, так как он используется в одном из приложений словаря Сулхан-Саба Орбелиани, датированном 1715–1716 гг.

Данный словарь составлен по принципу итальянско-грузинского словаря Бернардо Мария Неапольского. Разница лишь в том, что здесь дается более полная грамматическая характеристика слов [7, с. 149]. Лексические единицы представлены по гнездовому и семантическому принципам.

«Толковый словарь» Сулхан-Саба Орбелиани по своей структуре похож на словари, составленные итальянскими миссионерами в Грузии. Подобно словарям итальянцев, рядом с заглавным словом часто помещаются личные формы. Толкования глаголов и имен часто сопровождаются грамматическими характеристиками. В словарь включены итальянские грамматические термины. Сулхан-Саба Орбелиани искусственно создает грамматические формы рода и выделяет родовые словообразовательные аффиксы (следует отметить и то, что попытки использовать родовые словообразовательные аффиксы имелись и у древнегрузинских ученых под влиянием древнегреческого языка); Сулхан-Саба Орбелиани был знаком с глагольными парадигмами Бернардо Мария Неапольского, что заметно в его словаре при расуждении о функциях артронов.

Лексикографические принципы Сулхан-Саба Орбелиани, с одной стороны, опираются на лексикографический опыт итальянцев, а с другой стороны – древнегрузинскую научную мысль. Сулхан-Саба Орбелиани хорошо знал переведенную в XII в. на грузинский язык «Диалектику» Иоанна Дамаскина, которая при работе над словарем стала для ученого не только источником научной терминологии, а в определенной степени помогла в выработке принципов семантической группировки лексем в словаре.

С помощью словаря Сулхан-Саба Орбелиани итальянцы в начале XVII в. принялись разрабатывать нормы литературного языка. Этот противоположный

процесс передачи филологического опыта отразился в работах итальянских миссионеров II периода, что требует особого исследования.

Список литературы

1. Гиоргадзе, Б. Н. Относительно альбомов и сведений де Каstellи / Б. Н. Гиоргадзе // Кристофоро де Каstellи: Сведения и альбом о Грузии. – Тбилиси: Месниереба, 1976. – 948 с.
2. Утургаидзе, Т. Г. История изучения грузинского языка / Т. Г. Утургаидзе. – Тбилиси: Картули ена, 1999. – 303 с.
3. Магаротто, Л. Неопубликованная «Грамматика грузинского языка», составленная итальянским автором (XVIII в.) / Л. Магаротто, И. Л. Табагуа // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. – 1979 – № 6. – С. 281–289.
4. Чикобава, А. С. О первых грузинских лексикографическом и грамматическом трудах / А. С. Чикобава // Д. И. Ватенишвили, А. С. Чикобава. Первые грузинские печатные издания. – Тбилиси: Месниереба, – 1983. – С. 91–118.
5. Заридзе, Н. Г. Попытка выражения грамматического рода в грузинско-итальянском словаре XVII века / Н. Г. Заридзе // Лингвистические разыскания. – Тбилиси: Картули ена, 1996. – № 5. – С. 227–229.
6. Орловская, Н. К. Грузинские словари Бернардо Неаполитанского / Н. К. Орловская // Литературные взаимоотношения. – 1972. – № 3. – С. 27–39.
7. Орловская, Н. К. Анонимная грузинская грамматика XVIII в. на итальянском языке / Н. К. Орловская // Труды ТГУ. – 1959. – № 75. – С. 145–155.

Бакурадзе Лия Давыдовна, старший научный сотрудник Института языкознания им. А. Чикобава Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, кандидат филологических наук (Тбилиси, Грузия).

Georgian-Italian and Italian-Georgian dictionaries, compiled by Italian missionaries based on both written sources and oral speech, have played a great role in the history of the development of Georgian lexicography.

They are the following: Georgian-Italian Dictionary by Stefano Paolini and Niceforo Irbachi (1629);

Georgian-Italian and Italian-Georgian dictionaries by Bernardo Maria Neapolitano (the 1670s); Italian-Georgian Dictionary by an anonymous author from Gori (presumably 1724).

The latter two dictionaries have not been published, being preserved as manuscripts. Hence, the data, provided in them, are not familiar to a wide audience of scholars.

The paper discusses the peculiarities and the role of the dictionaries from the standpoint of both Georgian and general lexicography.

УДК 81'374

А. В. Волынская

«ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»: ПРОБЛЕМЫ ВАРИАТИВНОСТИ

Рассматривается проблема представления вариантов в сводном реестре лексики русского языка XVIII века, составляемом на основе Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» и новых источников (грант РГНФ № 11-04-00080 – «Лексический фонд русского языка XVIII века»): выделение, разграничение и способы подачи вариативных единиц.

Проблема вариативности языковых единиц в настоящее время является одной из активно обсуждаемых. Вариативность свойственна любому языку, проявляясь на всех уровнях его функционирования: фонетическом, лексическом и грамматическом. При этом употребляемые в современных работах термины – «вариативность», «варьирование», «вариантность», «вариант» – используются недифференцированно, обозначая различные понятия [1]. Не вступая

в теоретические споры по лингвистической терминологии, мы используем термин «вариативность» по отношению к формальным вариантам одних и тех же лингвистических единиц. Согласно общепринятым дефинициям, варианты определяются как формально различающиеся модификации лингвистических единиц при тождественности основного лингвистического значения и как «образования, выполняющие в языкознании одну и ту же функцию, различающиеся

между собой по их распределению в социальном и географическом пространстве» [2, с. 35]. Следует добавить, что в отношении к диахронным исследованиям варианты часто различаются также и по времени их употребления.

При работе над реестром лексики русского языка XVIII века (проект «Лексический фонд русского языка XVIII века»¹) проблема представления вариантов слова оказалась для составителей, пожалуй, самой сложной. С одной стороны, основной задачей реестра является регистрация лексемы (безотносительно форм ее бытования). С другой стороны, специфика русской лексики XVIII века такова, что отказ от показа вариантов способен лишить ее ярчайших специфических черт. Особенно это важно, когда речь идет о новых заимствованиях, которые проходят разные этапы адаптации в языке-рецепторе, отражающиеся в источниках в качестве вариантов слова. Современная сопоставительная лингвистика вообще говорит о вариантности как об «универсальной закономерности освоения иноязычной лексики» [3, с. 10]. На данном этапе работы принято решение давать при слове максимально полную информацию с показом его вариантов и дублетных образований, отражающих, например, процессы адаптации новых заимствований. При этом исключается система отсылок, что, с одной стороны, сохранит единую картину представления слова, с другой – сократит объем и поможет избежать излишней громоздкости реестра.

У слова *кобальт*, например, в XVIII в. были варианты *хобольт*, *кобольть*, *кобалт* и *кабалдум*. Если показывать каждый вариант на своем алфавитном месте, то должно быть 4 алфавитных строки с отсылкой к *кобальт*. Слово *тмин* имело вариант *кмин*, слово *кнот* («жгут») – вариант *гнот*; *павиан* – *бавин*, *пафиан* и *павиан* и т. д. В реестре варианты данных слов показываются в одной строке, отсылочные строки не даются.

В создаваемом реестре представляются все фонетические и орфографические варианты слова, если речь идет о новых заимствованиях, например, слово *коллегия* представлено в Картоотеке «Словаря русского языка XVIII века» (далее – СРЯ XVIII) следующими вариантами и дублетами: *коллегия*, *колегия*, *коллегиа*; *коллегий*; *коллегиум*, *колегиум*; *коллежие*, *колижие*. В самом Словаре варианты показаны варьирующимися фрагментами, грамматические дублеты (*коллегий*, *коллегиум*, *коллежие*) даны в одной строке с заголовочным словом *коллегия* (СРЯ XVIII, вып. 10, с. 96–97). В реестре варианты слова даются полностью в следующем за заголовочным словом столбце, в следующем столбце приводятся дублетные образования, например, *лабиринт* – *лабиринф*, *лабиринт*, *лабиринф*, *лабиринт* – *лабиринтус*; *кольраби* – *кольрабия*, *кольрибен*; *контраба* – *контрбас*, *контра-бас*, *контра бас* и мн. др.

Говоря о грамматических дублетах (*анализ* – *анализис*, *катет* – *катетус*, *параллак* – *параллакис* – *параллакса*, *пенсия* – *пенсион*, *рефракция* – *рефракция*, *функция* – *функцио* и под.) [4, с. 222–240],

мы имеем в виду образования (в Проекте Словаря они названы этимолого-словообразовательными вариантами), отражающие разнообразные процессы морфологической адаптации иноязычной лексики, проходившие на протяжении всего XVIII столетия: «иноязычная лексика с суффиксами общего происхождения в разной национальной модификации» [5, с. 47]. В реестре, как уже сказано, подобные дублетные образования показываются при заголовочном слове: *лабиринт* – *лабиринтус*; *капитуляция* – *капитуляцион*, *капитуляцио*; *лаборатория* – *лабораториум*, *лабораторий*; *консилия*, *консилиий*, *консилие*, *консилиум* и др. Многие дублеты представляют собой родовые варианты без мены суффиксов: *гардероб* – *гардероба*; *конduit* – *кондуита*; *конкет* – *конкета*; *контора* – *кантор*; *пагода* – *пагод* и др.

Показ родовых дублетов в одной строке принят и для исконно русской лексики при сохранении лексико-семантического единства слов, например, *опахало* и *опахал*, *опенок* и *опенка*, *ставень* и *ставня* и др.

В целом же для исконной лексики не показывается большая часть фонетических и орфографических вариантов (например, отражение аканья, еканья, процессов ассимиляции, диссимиляции и т. п.). Представляются лишь фонематические варианты, например, *каждый* – *кождый*, *камешек* – *камушек* – *камышек*.

В СРЯ XVIII словообразовательные варианты, как правило, указываются в одной словарной статье. Например: *павлинов*, *павлиновый*, *павлиный*, *павлиний* (СРЯ XVIII, вып. 18, с. 169) или *падалице*, *падаль*, *падло*, *падальщина* (СРЯ XVIII, вып. 18, с. 170–171). В реестре же такие слова даются на своих алфавитных местах: *безбожничанье* – *безбожничество*; *бомбардирский* – *бомбардирный*; *вообразительный* – *воображательный*; *канцеляринный*, *канцелярийский*, *канцелярийный*; *каперский* – *каперсовый*; *обжигальный* – *обжигательный*; *разбойничанье* – *разбойничество* и др.

У составителей реестра, как и у составителей Словаря, при наличии у слова множества вариантов возникает вопрос о выборе главного из них (в современном языкознании – инварианта, который представляет норму языка). Однако «норма – регулирующий момент в функционировании и историческом движении вариантов – для XVIII в. категория складывающаяся. Словари и грамматики XVIII в. оценивают с нормативной точки зрения только часть лексического состава» [5, с. 39]. Поэтому последовательная оценка вариантов для XVIII в. может осуществляться только на основании узуса. В результате оценки вариантов в вариантном ряду выдвигается **форма-репрезентант**. Например, слово *чабрец* зафиксировано в XVIII в. только в вариантах *чабер* (*чобер*, *чебер*, *чабр*), на основании анализа употребительности слов, в реестре репрезентантом выбран первый вариант названия.

В реестре (для удобства пользования) в качестве основного варианта, как правило, выбирается форма современного русского языка. Например, в Словаре Академии Российской (1789–1794) (САР¹, ч. III, с. 397) для слова *колбаса* в качестве нормативного выбран вариант с начальным *ка-*. Анализ примеров употребления слова показывает, что в источниках варианты *колбаса* и *калбаса* употреблялись примерно одинаковое количество раз. Кроме того,

¹ Выполняется при поддержке гранта РГНФ (проект «Лексический фонд русского языка XVIII века», № 11-04-00080).

отмечены и морфологические варианты *колбас* и *калбас*. В реестре, как и в Словаре, репрезентантом выбрано слово *колбаса* (СРЯ XVIII, вып. 10, с. 87), все остальные варианты приведены в одной строке, в соответствующей графе (это, к тому же, один из примеров представления в реестре вариантов слова, отражающих «аканье», что связано с его фиксацией в САР¹). Следует подчеркнуть, что в выборе заголовочного слова составители реестра опираются на принципы составителей СРЯ XVIII.

Реконструкция применяется и с целью сохранить в реестре словообразовательные связи слов. Часто в зафиксированном слове, его варианте и в производных словах отмечается разный фонемный состав. Например, Картотека СРЯ XVIII фиксирует слова *конфузия*, *конфузный*, *конфузно*, *конфузиться*, форма же невозвратного глагола отмечена только в фонетическом варианте *комфузить*. В реестре реконструируется *<конфузить>*, чтобы представить слово в окружении однокоренных лексем. Голландское заимствование *кнот* имеет вариант *гнот*, а уменьшительное образование зафиксировано только с начальным *г*: *гнотик*. Представляя эту лексему в реестре, реконструируем его в форме *<кнотик>*, чтобы не «отрывать» производное слово от производящего.

Иногда возникает необходимость реконструировать и исконно русские слова. Связано это, как правило, со случаями фонетического письма, достаточно распространенного в XVIII веке. «Соотношение между воспроизведением реального звучания и фонематическим воспроизведением речи создает обширные ряды соответствий, в которых фонема противопоставляется ее реальным манифестациям, связанным с общими законами звукового строя русского языка» [5, с. 37]. Обычно случаи такого несоответствия не фиксируются ни Словарем, ни реестром. Однако подчас слово подтверждается в Картотеке лишь 1-м примером, отражающим в написании тот или иной фонетический процесс. Тогда, чтобы сохранить связь слова с производящим корнем, дается его реконструкция. Например, *<колотуша>* (отмечено только *калатуша*), *<колдобина>* (в Картотеке только

калдобина), *<казносчет>* (*казнощот*), *<желобоватость>* (*желобоватость*) и др.

Таким образом, авторы проекта «Лексический фонд русского языка XVIII века» планируют отразить в своем реестре все многообразие лексического состава русского языка XVIII в., представляя различные варианты слов так, чтобы создаваемый реестр оказался полным и информативным источником для лингвистов, изучающих различные процессы, происходившие в лексике русского языка этого периода.

Список сокращений

САР¹ – Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб., 1789–1794. – 6 ч.
СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. – Л., СПб.: Наука, 1984–2012.

Список литературы

1. Кауфова, Л. А. Вариантность и вариативность / Л. А. Кауфова // Университетские чтения – 2008: материалы науч. метод. чтений ПГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pg.u.gu/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00047.pdf. – Дата доступа: 12.11.2011.
2. Ахманова, О. С. К вопросу о правильности речи / О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 35–42.
3. Агеева, А. В. Иноязычная лексика французского происхождения в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Агеева. – Казань, 2008. – 27 с.
4. Биржакова, Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Л., 1972. – 432 с.
5. Словарь русского языка XVIII века. Проект. – М.–Л., 1977. – 164 с.

Вольнская Анна Владимировна, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия).

Post dedicated to discussing the problem of representing options Consolidated Register of Russian vocabulary of XVIII century, drawn up on the basis of File cabinets «Dictionary of Russian language of XVIII century» and new sources (grant RFH № 11-04-00080 – «Lexical fund of Russian language of XVIII century»): isolation, separation and methods of presenting variant units.

УДК 801.3

В. Н. Калиновская, О. А. Старовойтова

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ НОВОГО ТИПА: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ¹

В основе построения исторической лексикологии лежит тезис об изменчивости словарного состава языка. «Словарь русского языка XIX в.» – словарь дифференциального типа: не представляя лексическую систему XIX в. в полном объеме, он призван отразить языковую динамику в пределах века, показать, какие звенья системы подвержены изменениям. Рассматривается ряд проблем, связанных с дифференциальным описанием лексической системы языка XIX века, и приводятся отдельные достигнутые результаты.

В ряду существующих на сегодняшний день исторических словарей, описывающих развитие словарного состава русского языка от первых письменных па-

мятников до настоящего времени, долгое время оставалась незаполненной ниша, охватывающая важнейший период развития русского литературного языка, – XIX век. Эту нишу предстоит заполнить «Словарю русского языка XIX века» – исследовательскому проекту, реализуемому коллективом группы «Историческая лексикология и лексикография» Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

¹ Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №11-04-0056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.»».

«Словарь русского языка XIX века» хронологически и логически является продолжением «Словаря русского языка XVIII века», отчасти – преемником его методики составления исторических словарей «нового времени», в основу которой положен принцип динамического изменения лексики как системы (Ю. С. Сорокин). Однако перед ним стоят новые исследовательские задачи. В самом общем виде они были изложены в докладах и статьях Ю. С. Сорокина и Л. Л. Кутиной [1–3], авторов концепции, и получили развитие в Проекте Словаря и ряде публикаций авторов Проекта [4].

Подводя некоторые итоги первого десятилетия работы над «Словарем русского языка XIX века» (после выхода Проекта в 2002 г.), кратко представим те проблемы, над решением которых работали и продолжают работать составители, и те результаты, которых удалось достичь.

1. Проблемы.

1.1. Хронологические границы словаря.

Споры относительно границ Словаря велись в момент рождения концепции Словаря и продолжают до настоящего времени. Нижняя граница Словаря, заданная историческим словарем предшествующего периода, всегда оставалась более или менее определенной – язык А. С. Пушкина и его эпохи как начальный этап для описания в Словаре. Тем не менее в эмпирической базе Словаря оставались лакуны (поздний Карамзин, Батюшков, Жуковский, Крылов и др.). Вопрос о верхней границе до сих пор вызывает вопросы не только у составителей, но и у коллег-лексикографов. На сегодняшний день очевидно на необходимость пристального изучения текстов первого десятилетия XX века с целью «обозначить» перспективу лексико-семантических процессов, которые определились в последнее десятилетие XIX века. Общеизвестно, что лексикографическая фиксация, как правило, запаздывает по отношению к реальной практике словоупотребления (так, первая фиксация новообразований XVIII века отражена в словаре 1847 г. [5], а XIX века – соответственно в словаре Д. Н. Ушакова [6]).

1.2. Эмпирическая база словаря.

Историко-культурная значимость проекта по составлению словаря языка XIX века предполагает наличие обширной и научно выверенной эмпирической базы в виде картотеки. В настоящий момент даже такой авторитетный фонд, как Большая картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), не может вполне удовлетворить составителей Словаря. Разрозненность лексикографических коллективов и отдельных авторов-составителей, разрабатывающих словари отдельных авторов, произведений XIX века, не позволяет эффективно использовать уже полученные результаты.

1.3. Формирование словника.

Десятилетие работы над Словарем убедительно показало невозможность механического, пусть даже осмысленного, составления словарных статей. Новационный принцип составления Словаря потребовал научно-исследовательской разработки проблемы словника: дифференциальный отбор лексики с учетом обогащения словарного состава, затухания и выхода из употребления лексем

и значений, углубления или сокращения семантики, изменения и перестройки связей слов и их стилистических характеристик. Работа показала бесперспективность споров по поводу характера лексикографической работы, самой постановки вопроса о сугубо практическом и прикладном характере этого вида деятельности. Только учитывая и систематизируя уже существующие научные факты, а также исследуя новые материалы с применением современных технологий словарной работы, можно было добиться объективно значимых результатов по формированию словника будущего словаря.

2. Результаты.

Работа с разнообразными источниками позволила существенно пополнить материалы Словаря. Так, творчество писателей 1-й трети XIX века дало примеры реализации в русском языке продуктивной префиксальной и конфиксальной модели: *бессовестница* (П. А. Вяземский 1819), *бестучный* (Д. В. Веневитинов 1823), *бесприютство* (Н. Полевой 1832 и мн. др.), тексты И. Т. Кокорева дали замечательные примеры разговорной лексики середины XIX в., например: *Ахтителный ... у нас в Замоскворечье приютный сад называется просто без затей – ахтителным* (И. Т. Кокорев. Очерки и рассказы. 1858); творчество А. В. Амфитеатрова (1862–1938) рубежа веков убедительно свидетельствует об определенной направленности динамических процессов – *Беллетристка в К. В. <Капитолине Валерьевне> пропала несомненно очень хорошая. Даже при проклятых условиях made in Germany, ея романы, написанные красиво, осмысленно, без вычур декадентства, в мягких акварельных тонах, читались среднюю публикою не только с занимательностью, но и с пользой.* (А. В. Амфитеатров. Женское настроение. 1905).

В формировании словника решающим является принцип динамического изменения лексики как системы, что проявляется, в частности, во включении той части окказиональной лексики, которая отражает проявление системности в языке XIX века. Образование сложных прилагательных – одна из самых ярких черт лексико-семантической динамики, что выражается в пополнении разностилевых рядов прилагательных с концептуально-значимым компонентом как в первой части сложения: *бессмертно-молодой* (А. Дельвиг 1821), *бессмертно-юный* (Н. Гнедич 1824), *бесплодно-задумчивый* (И. Тургенев 1840); *казенно-литературный* (Н. С. Лесков 1895), *казенно-общий* («Эпоха» 1854), *казенно-патриотический* (Н. Данилевский 1869), – так и во второй части сложения: *зло-умно-многоглагольный* (А. Фет 1859), *свободно-бездипломный* (Н. М. Языков 1829), *студентски-забубенный* (Н. М. Языков 1833), *эффектно-адвокатский* (Ап. Майков 1881).

Выборка словарного материала из текстов осуществляется целенаправленно, например, путем заполнения «лакун» в словообразовательных гнездах. Так, в состав словника вошли незафиксированные в словарях лексемы *акварельно*, *акварный*, *акклиматизировываться*, *акклиматизование*, *акклиматизованность*, *кабачествовать*, *карательно* и мн. др.: *Где люди без земли от холода-голода издыхают, а мы без воды погибам. Где аграрный (у нас выговаривают «аграрный»), а у нас акварный вопрос. Воды – во!.. Куда ни глянь – всюду ловить можно. Везде рыба*

есть, а стеснение такое, что на хлебе сидишь, а с голоду брюхо подводит: чужое – руку протянул, значит украл, а украл – в тюрьму, семья в разор. Нет, уж коли земля народу, так и воду ему-же (Рыболов. О «вольных ловцах». Наш путь. Сборник статей. 1907).

III. Одно из направлений деятельности группы Словаря заключается в консолидации усилий лексикологов, занимающихся проблемами истории слов и лексических групп. С этой целью был организован ряд конференций с общим заголовком «Русский язык XIX века», посвященных кругу проблем, наиболее актуальных для исторической лексикологии «нового времени»: «Русский язык XIX века: проблемы изучения и лексикографического описания» (2004), «Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI» (2006), «Русский язык XIX века: динамика языковых процессов» (2008), «Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе» (2011).

Список литературы

1. Сорокин, Ю. С. К замыслу «Словаря русского литературного языка первой половины XIX века» / Ю. С. Сорокин // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1985. – Т. 44. – № 2. – С. 147–152.
2. Сорокин, Ю. С. Задачи создания исторических словарей рус-

ского языка нового времени / Ю. С. Сорокин // Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы. – СПб.: Наука, 2003. – С. 3–7.

3. Кутина, Л. Л. Словарь русского языка XIX в. и его источники / Л. Л. Кутина, Ю. С. Сорокин // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. – М., 1995. – С. 78–85.

4. Словарь русского языка XIX века: Проект / отв. ред. З. М. Петрова. – СПб.: Наука, 2002. – 209 с.

5. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т., сост. Вторым отд. Академии Наук. – СПб., 1847. – 4 т.

6. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М., 1934–1940. – 4 т.

Калиновская Валентина Николаевна, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия).

Старовойтова Ольга Альбертовна, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия).

The paper focuses on the relevant issue of historical lexicology – its dynamic character. The authors write about the main problems provoked by the work on The Dictionary of the 19th Century Russian and some achieved results.

УДК 81'374

К. И. Коваленко

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ АЗБУКОВНИКА 1596 ГОДА¹

Рассматривается влияние первых лексикографических сводов XIII–XVI вв. (ономастиконов, приточников и словарей славяно-русских соответствий) и «Толкования именам по алфавиту» Максима Грека на Азбуковник 1596 г. Используя материалы предшествующих словарных компиляций и принципы описания лексики, составитель Азбуковника дополнил словарные статьи новой информацией о толкуемых реалиях, вариантами перевода, ссылками на литературные источники. Расхождения в толковании реалий свидетельствуют о том, что в некоторых случаях составитель опирался на другие источники, по-видимому, являющиеся для него более авторитетными.

Азбуковник как лексикографический жанр Московской Руси сложился к середине XVI в. Подобные лексикографические своды появлялись в это время в разных странах, и все они отражали одну общую тенденцию – стремление собрать максимальное количество иноязычных слов и дать им истолкование [1, с. 49–60]. На Руси этому способствовало большое количество переводной литературы, которая содержала много лексических единиц, обозначающих инокультурные реалии и привнесенных вместе с христианством богословских понятий. Небольшие словарики, так называемые ономастиконы и приточники, объясняющие значение имен библейских персонажей, географических названий и некоторых иноязычных выражений из Библии, дошли до нас уже с XIII в. Позднее, в XIV в., появляются списки славяно-русских соответствий, созданных на основе древнего перевода «Лествицы» Иоанна Синайского, а в XVI в. – «Толкование именам по

алфавиту» Максима Грека, содержащее перевод иноязычных имен собственных на русский язык.

Лексикографические своды XIII–XVI вв. активно использовались составителями азбуковников. В данной статье предполагается рассмотреть, какое влияние они оказали на Азбуковник, созданный в 1596 г. в Новгороде (он сохранился в списке начала XVII в. и в настоящее время находится в РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1642). Этот азбуковник включает в себя объяснение более 6 000 иноязычных слов и выражений из греческого, латинского, древнееврейского, старославянского, польского и некоторых других языков. Лексический материал упорядочен по алфавиту – по первой букве заголовочного слова и следующей гласной. В статье, кроме заголовочного слова и толкования, как правило, указывается язык, из которого предположительно пришло иноязычное слово, и литературный источник, послуживший основой при создании статьи Азбуковника.

Итак, наиболее древними из дошедших до наших дней лексикографическими сводами, которые включались в азбуковники, являются ономастиконы: «Рѣчь жидовского языка», «А се имена жидовская русьскы тълкована» и «О именьхъ и ꙗꙗемыхъ жидовскимъ ъазыкъмъ...». Они возникли не позднее XIII в., при этом в их основе, как показали исследования, лежат еще более ранние компиляции, некоторые

¹ Выполнено при грантовой поддержке научно-исследовательских работ аспирантов и молодых научно-педагогических работников РГПУ им. А. И. Герцена в рамках Программы стратегического развития университета (проект «Лексикографические своды Московской Руси XIII–XV вв.»).

из которых переведены с греческого [2, с. XXVI; 3, с. 146–152]. Часть статей ономастиконов, объясняющих символику Псалтири, со временем вошла в приточки – «Толкъ о неразумныхъ словесѣхъ» и «Се же приточнѣ речеса». Неоднократная перекомпоновка лексического материала привела к многочисленным повторам статей, причем не только в разных словариках (так, толкование слова *Сион* приводится в первых четырех из указанных компиляций), но и внутри них (к примеру, имя *Нафталимъ* объясняется в «О именех...» трижды). Поэтому для анализа их влияния на азбуковники разделять ономастиконы и приточки представляется нецелесообразным. В общей сложности в имеющихся списках оказалось немногим более 400 статей, которые объясняют языковые единицы из еврейского, арамейского и греческого языка. В большинстве своем толкуется одно слово, которому дается однословный эквивалент, реже – словосочетание. В исключительных случаях дается перевод фразы, например, *елои елои зававфтаниш бе бе мои въскоую ма юси вставиль*. Некоторые статьи словариков упорядочены по алфавитному или тематическому принципу.

В рассматриваемом Азбуковнике 1596 г. встречается более 200 статей, которые совпадают в своей заголовочной части со статьями из ономастиконов и приточников. При этом одни статьи совпадают полностью, а другие содержат изменения в толковой части.

К незначительным изменениям в толковании некоторых слов относится использование другой грамматической формы или части речи (ср. *Ваанергѣсь. ѿна громова* в «Речи жидовского языка» и «О именех...» и *Воанергѣсь {e}, ѿнъ грѣмовъ {ма^р. вѣ}*² в Азбуковнике) или употребление лексического синонима (*Неключно. ненадобъ* в «Речи жидовского языка» и *Неключно, непотребно* в Азбуковнике).

В некоторых статьях в толковании указан не один, а несколько вариантов перевода, при этом составитель Азбуковника мог почерпнуть их даже из одного лексического свода. Так, например, в статью Азбуковника *Ї ѱси^р {ж}, приложѣніе. илѣ одѣжда наготѣ ни/цаго. илѣ цвѣтъ трисѣланныи* вошло сразу две статьи из «Речи жидовского языка»: *Иосифъ. предложѣніе* и *Исифъ. цвѣтъ тростыни* (в некоторых списках *тросианныи*).

Значительное число статей расширено за счет введения информации энциклопедического характера, где приводятся подробные сведения о том или ином библейском персонаже, месте, событии; при этом материал из древних словарей может быть включен – без изменения или с незначительными изменениями, не влияющими на смысл (ср. *Иорданъ (т) съшьды* в «О именех...» и *Їорда^н {г}, (т) схо/дл. илѣ сшеды свѣше; Їорда^н рѣка ѿ іерли^с ма^р. / в не ѱ же Гъ крѣтисл. мѣсто то ѿ поприць. // широтѣ еѣ ѿ ко бы изъ лука стрѣлѣти. едіною {цлѣ^н ргѣ}* в Азбуковнике).

Лишь в редких случаях в Азбуковнике отсутствует часть информации о слове, приведенной в более ранней компиляции. Так, в статье Азбуковника *Еверъ*

{ж^с}, *преходник* указан только один вариант перевода, в то время как в «О именех...» их два: *Еверъ (т) Рazoумъ или преходли*. Это может объясняться тем, что первоначальные лексикографические списки, как уже было указано, не сохранились в «чистом» виде, а уже подвергались переработке. Возможно, что лексический вариант был добавлен позже.

Примерно половина статей содержит указание на литературный источник. Как правило, это книги Священного Писания, богословские или исторические сочинения.

Некоторые статьи повторяются в Азбуковнике дважды: *Малахїа {евре^с}, ирь* и *Малахїа {елл}, слѣзы малыа; Їермїа {жс} вознесен* и *Їермїа {ел^с} ѱскудѣніе; Куѣстер {ел} казнáчи и Ки ѣстръ, {ел} казнáчи; Валѣкъ, раздѣлѣніе* и *Фалекъ {жс}, / раздѣлѣніе*. Это свидетельствует о том, что составитель пользовался несколькими источниками и, возможно, большой объем материала и особенности рукописного текста не позволили ему всегда объединять сходные статьи в одну или избежать повторения одинаковых статей.

Около сорока статей из более двухсот, объясняя одни и те же лексемы, значительно расходятся в толковании. Большинство из них содержит указание на литературный источник, который, по всей вероятности, и послужил основой для статьи Азбуковника. Сюда же относятся явные описки и пропуски. Так, например, в Азб. 1642 статья *Легев^н {ма^р ри. ма^р / ѱї}* содержит только заголовочное слово и ссылку на литературный источник (в «Толкъ о неразумныхъ словесѣхъ» имеется статья *Легев^н и зограднии рáтницы*.), а в «Рѣчи жидовского языка» толкование для словосочетания *Нарда пѣстикыа. многоцвѣтна* даже не предусмотрено (в таком виде оно встречается во всех списках, иногда дважды), в то время как в Азбуковнике подробно разъясняются оба слова: *Нардо пѣстики. (т) / масти вѣрны. нардо нарицае^н мѣрв; // а пѣстики то вѣрно оустроено, е^н ѣсть бе^н по^н/мѣсу {ѣѡа еѡ^н / ма^р гѣг}*.

Другим источником, материалы которого включены в Азбуковник 1596 г., является «Толкование неудобъ познаваемомъ рѣчемъ». Оно было составлено как пояснение к тексту Лествицы не позднее XIV в. и встречается как в рукописях, содержащих сочинение Иоанна Синайского, так и в сборниках различных богословских произведений [3, с. 226]. «Толкование...» объясняет непонятные древнерусскому читателю слова, встречающиеся в наиболее раннем – Преславском – переводе Лествицы. Некоторые из поясняемых слов имели очень узкий ареал и затрудняли восприятие текста древнерусскими читателями, в частности, к «преславизмам» относятся слова *бѣхма* и *васнь* [4, с. 52]. Менее значительная часть лексикографического свода посвящена объяснению богословских терминов и отвлеченных понятий.

Выделяются две редакции «Толкования»: ранняя, составленная в XIV в., – более краткая, включающая 47 статей, и более поздняя, составленная в XV в., которая насчитывает до 60–62 статей [3, с. 228]. В Азбуковнике 1596 г. присутствуют статьи, относящиеся как к обеим редакциям, так и содержащиеся исключительно во второй редакции. При наличии лексических различий между первой и второй редакциями статьи Азбуковника также

² В фигурных скобках указываются ссылки на язык-источник или литературный источник, расположенные в рукописи над толкуемым словом или на полях.

более близки ко второй редакции «Толкования», причем в большинстве случаев наблюдается полное соответствие. Это могло бы дать основание считать «Толкование...» источником Азбуковника. Однако, если обратить внимание на указания литературного источника в статьях, заимствованных из «Толкования...», то окажется, что лишь одиннадцать ссылок указывают на Лествицу (семь из них содержат номер главы), а семь – на другие литературные произведения: Деяния Апостолов, Послание к Коринфянам, Апокалипсис, Слова Григория Богослова, Богословие и Небеса Иоанна Дамаскина; половина статей указаний на источник не содержит. В то же время в Азбуковнике содержится еще целый ряд слов, не встречающихся в «Толковании...», но имеющих ссылки на Лествицу. Исходя из этого, можно предположить, что источником для статей Азбуковника явилась, скорее, правка текста, а не сам словарь. По наблюдениям Л. С. Ковтун, именно на «Толкование...» опирался справщик перевода «Лествицы», что подтверждается совпадением статей «Толкования...» и лексических замен в новой редакции текста [3, с. 249–250]. Возможно, «Толкование...» являлось пособием по правке и других текстов. Использованием текста Лествицы, а не словарика к нему можно объяснить некоторые несовпадения в объяснении одинаковых слов в «Толковании...» и Азбуковнике, так как справщик текста не всегда мог следовать за толкованием словаря, иногда контекстным, а руководствоваться другими источниками. Так, статья «Толкования...» *Опашь. конецъ дѣянїа* предлагает контекстное толкование слова – ср. в Лествице *«мнѣ же обькъшо нико/лиже скрываети змиа. въ гнѣздѣ срѣднѣ/мѣ. но врачу за опашь сего юмъ обличихъ. / опашь же мѣню конецъ дѣду»* [5, л. 30], в русском переводе: «Но как я привык никогда не таить змия в недре сердца, то и сего змия, схватив за хвост (под чем разумею я конец или оставление дела), показал врачу» [6, с. 53]; а статья Азбуковника *О'пашь, хвѣсть {лѣѣ, д.}* дает эквивалентный перевод, раскрывая значение слова более точно.

Таким образом, словарь к Лествице, по всей вероятности, не являлся непосредственным источником Азбуковника, а оказал влияние опосредованно – через правку текста самого литературного произведения.

Предшественником азбуковников является также лексикографический свод Максима Грека «Толкование именам по алфавиту», составленный в XVI в. и сохранившийся в трех редакциях, две из которых авторские [7, с. 124–125]. Он содержит перевод имен собственных преимущественно греческого происхождения. Техника оформления лексикографического материала в нем заметно усовершенствована: статьи организованы по первой букве заголовочного слова, указывается язык-источник (в том случае, если слово не греческого происхождения), уделяется большее внимание значению слова (например, в статье *Иринархъ, миру начальникъ, миръ же здѣ разумѣи. смирение, союзъ любовны* указывается, какой из омонимов имеется в виду).

Сопоставление текста «Толкования именам...» и Азбуковника 1596 г. показало, что в Азбуковник вошло около двухсот статей Максима Грека, ко-

торые составляют 60 % так называемого раздела «Имена человеческие». Подавляющее большинство статей практически полностью совпадает. При этом составителем Азбуковника учитывалась и языковая помета. Так, статьи, не имеющие указание на язык-источник, имеют в Азбуковнике помету *г* или *елл* (греческое), если же в статье есть специальное указание на язык – соответствующая помета появляется над заголовочным словом в Азбуковнике, ср. *Пѣтръ. камень – Петръ {г}, камень; Корнїлїе, римски рогать – Корнїлїе {р'"}, рогаты/и.*

В некоторых случаях составитель Азбуковника компилирует материал из разных лексикографических источников. Так, в статье *Иаковъ {ж}, запинатель, илї / лѣст* он соединил статьи из «Речи жидовского языка» *Иаковъ лѣст* и из «Толкования именам...» Максима Грека *И'аковъ 'еврѣйска послѣ/вица 'а толкуетсѣ птер/нїстисъ, 'ѣже 'ѣсть по руски запинатель.*

Таким образом, в Азбуковнике 1596 г. было использовано 40 % статей из первых лексикографических сводов – ономастиконов и приточников, 50 % из словаря славяно-русских соответствий и 75 % из словаря «Толкование именам по алфавиту» Максима Грека, что составляет 3 % и 0,5 % и 3 % статей Азбуковника соответственно. При этом толкование многих статей было значительно расширено за счет включения вариантов перевода, информации энциклопедического характера. Изменилась и техника представления лексического материала: в первых словарных компиляциях практически отсутствовала какая-либо организация лексики, в «Толковании именам по алфавиту» Максима Грека она упорядочена по первой букве, а в Азбуковнике 1596 г. основная часть лексики организована по первой букве и следующей гласной, а антропонимы выделены в особый раздел. Расхождения между статьями Азбуковника и компиляций XIII–XVI вв. свидетельствуют о том, что составитель Азбуковника не в полной мере опирался на материалы предшествующих лексикографических сводов, а пользовался также другими источниками, которые в некоторых случаях считал более авторитетными.

Список источников

Азбуковник, РНБ, собр. Погодина, № 1642, нач. XVII в., в 4°, полуустав. – 175 л.

«А се имена жидовская рускыи тълкована» (по списку XIII в.) // Русская лексикография эпохи Средневековья / Л. С. Ковтун. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 398–399.

[О именихъ и племехъ жидовскимъ языкомъ. сказано. и предложено неразумное на разум] // Никольский Н. К. Рѣчь тонкословія греческаго: Русско-греческие разговоры XV–XVI вѣка. Сообщ. Николая Никольскаго / Н. К. Никольский. – [Санкт-Петербург]: О[-во] Л[юбителей] Д[ревней] П[исьменности], 1896. – С. 69–77.

«Рѣчь жидовского языка» (по спискам XIII–XVII вв.) // Русская лексикография эпохи Средневековья / Л. С. Ковтун. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 399–418.

«Толкование именамъ по алфавиту» Максима Грека (две авторские редакции) // Лексикография в Московской Руси XVI–начала XVII в. / Л. С. Ковтун. – Л.: Наука, 1975. – С. 313–349.

«Толкование неудобъ познаваемомъ рѣчемъ» (по спискам XIV–XVII вв.) // Русская лексикография эпохи Средневековья / Л. С. Ковтун. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 421–431.

«Толкъ о неразумныхъ словесѣхъ» (по спискам XVI–XVII вв.) // Русская лексикография эпохи Средневековья / Л. С. Ковтун. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 432–435.

Список литературы

1. Алексеев, М. П. Словари иностранных языков в русском Азбуковнике XVII в. / М. П. Алексеев. – Л.: Наука, 1968. – 156 с.
2. Никольский, Н. К. Рѣчь тонкословія греческаго: русско-греческие разговоры XV–XVI вѣка. Сообщ. Николая Никольского / Никольский Н. К. – [Санкт-Петербург]: О[-во] Л[юбителей] Д[ревней] П[исьменности], 1896. – 81 с.
3. Ковтун, Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья / Л. С. Ковтун. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 445 с.
4. Попова, Т. Г. Лексические особенности первого славянского перевода Лествицы Иоанна Синайского / Т. Г. Попова // Вест. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 52–57.
5. Иоанна Лествичника Лествица, ГПБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 10 (2028), 1334 года, в четверть, 216 листов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stsl.ru>. – Дата доступа: 10.09.2012.
6. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы Лествица, или Скрижали духовные в русском переводе с алфавитным указателем. – Ростов-н/Д.: Донской издательский дом, 1999. – 249 с.

7. Ковтун, Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. / Л. С. Ковтун. – Л.: Наука, 1975. – 351 с.

Коваленко Кура Иосифовна, младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, магистр (Санкт-Петербург, Россия).

In the article the influence of the first lexicographical compilations of the 13-16th centuries (onomasticons, the dictionaries of Psalter's symbols and of Slavonic-Russian corresponding words) and Maximus the Greek's «Explanations for proper names alphabetically» on the Azbukovnik of the 1596 is investigated. Having used the previous lexicographical materials and the principles of lexical units' describing, the compiler supplied the entries with new information about words, variants of translation, and notes to literary sources. The cases of the discrepancy between definitions reveal that the compiler sometimes used other, more authoritative sources.

УДК 81'374

И. Е. Кузнецова

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ¹

Интеграция России в европейскую науку и культуру в начале XVIII века рождает массовую потребность в изучении живых европейских языков и, как следствие, потребность в соответствующих пособиях, к которым относились и словари. Работа посвящена становлению учебной лексикографии в России в связи с западноевропейской традицией. Рассматриваются двуязычные и многоязычные словари, использовавшиеся в качестве пособий для изучения живых европейских языков: латинско-русско-немецкий и латинско-русско-голландский Номенклаторы, изданные в Амстердаме И. Копиевским (Копиевичем), словари, входящие в грамматики М. Шванвица, И. Горлицкого, М. Агентова, В. Теплова, шестизычный словарь Г. Полетики.

Интеграция России в европейскую науку и культуру в начале XVIII века рождает массовую потребность в изучении живых европейских языков и, как следствие, потребность в соответствующих пособиях, к которым относились и словари. Сложившаяся в России к концу XVII века традиция создания словарей непонятных слов не отвечала этой новой потребности, а существующие единичные учебные словари включали в себя практически только классические языки. Поэтому первые словари, изданные в XVIII веке и ориентированные на изучение живых европейских языков, следовали западным образцам.

Первыми изданиями подобного рода явились два тематических триязычных лексикона, опубликованных в 1701 году в Амстердаме Ильей Копиевским (Копиевичем)²: латинско-русско-немецкий,

названный самим Копиевским «*Номенклаторъ, на латинскомъ, рускомъ и немѣцкомъ ѱазыкъ*» [2], и латинско-русско-голландский, по аналогии называемый «*Номенклатор на латинском, русском и голландском языке*».

Номенклаторами в Европе называли дву- или многоязычные тематические словари, издававшиеся с конца XV в. [3]. Целью создания таких словарей было начальное обучение иностранным языкам. Самым популярным форматом этих изданий был формат в восьмую долю листа, и издавались они, как правило, в простых переплетах, что говорит об использовании этих лексиконов не только в классах, но и во время путешествий. Практически все издаваемые в Европе тематические словари обязательно включали латинский язык, который был важен не

¹ Исследование словарей проводится в рамках проекта «Лексический фонд русского языка XVIII века», который осуществляется при поддержке гранта РФНФ (проект № 11-04-00080).

² О биографии Ильи Копиевского (Копиевича) известно очень мало, причем сведения о нем часто черпаются из его собственных обращений к читателям, предваряющих ряд изданных им книг. Распространенной является точка зрения, что издательская и переводческая деятельность Копиевского началась в Амстердаме в середине 1698 году после прибытия туда Великого посольства Петра I. Однако еще в 1882 году выдающимся русским библиографом и библиологом П. Строевым была найдена рукопись перевода «Книги о дѣлѣ воинственномъ Лва Миротворца», датированная июлем 1696 года. Это открытие Строева доказало, что еще до прибытия Петра Великого

в Амстердам в середине августа 1697 года, Копиевский занимался переводом книг, представляющих интерес с точки зрения реформаторской деятельности Петра I. В. С. Сопиков даже утверждал, что Копиевский был специально направлен царем в Голландию для перевода и издания книг на русском языке. З. Новак предположил, что Копиевский, будучи известен в России в силу своего шестилетнего пребывания там, еще до прибытия Петра в Голландию получил из России сведения об издательских планах царя. В 1699–1700 годах Копиевский компилировал и переводил книги, выходявшие в типографии Яна Тессинга, но уже в 1700 году он открыл собственную типографию, которая, однако, просуществовала недолго. В 1708 году Копиевский приехал в Москву, где и скончался в сентябре 1714 года. Наиболее подробная биография Копиевского написана Збигневом Новаком [1].

только сам по себе, но и как язык-посредник для изучения других национальных языков.

Последовательность расположения языков в таких словарях могла быть случайной, но, как правило, латинский язык занимал левую позицию, далее следовали романские языки, а в правой части располагались немецкий, английский или славянские языки.

Круг тематических групп, включаемых в подобный словарь, варьировался, но их основной набор неизбежно повторялся. При этом одинаковые тематические группы, иногда имеющие сходные или совпадающие названия, а также содержащие некоторое количество совпадающих лексем, могли располагаться в разной последовательности, и внутри тематической группы последовательность расположения слов также могла быть различной. Во многих случаях основу вновь создаваемого тематического словаря составлял какой-либо из уже существующих.

Латинско-русско-немецкий словарь Копиевского содержит 46 тематических групп слов, которые имеют номер и заглавие на латинском, русском и немецком языках (*w b̄zъ и дустъхъ; w миръ стихіах и небеси; w временъхъ и праздниках; w водахъ; w мѣстѣхъ и землѣхъ; w члѣку и w егв частѣхъ; w болъзнехъ, немощахъ; w брашине, ествѣ; w питіи; w животныхъ четвероногих; w птицахъ; w червѣхъ и мухахъ и смѣлѣхъ; w рыбахъ; w древѣхъ; w овоцахъ что послѣ вбѣда и оужины настоль даютъ; w житяхъ и пиеницахъ и селіи огородномъ; w частѣхъ древесъ, купинъ и плодовъ; w селіи и цвѣтахъ; w ариматахъ или w кореніи и селіи мнѣцѣнномъ; w деревни, полю, и селѣ; w сосудѣхъ деревенскихъ; w градѣ, w городѣ; . имена странъ и нарѣдовъ; w дѣмѣхъ; w избѣхъ и вѣщахъ къ столу прилежащихъ; w поварни; w ложниціи w спални; w конюшни; w мылни, или баини; w школѣ и w книгахъ; w цркви и w вѣщахъ и людѣхъ црковныхъ; w судовыхъ дѣлѣхъ; w началѣхъ политычныхъ или мирскихъ; w израдныхъ мастерахъ; w художникахъ или рукодѣльникахъ; w женитвѣ и w брацѣхъ и сроднитвѣ; w сроднствѣхъ; w прадивѣ; w одѣянїи, или платїи; w краскахъ; w брани ввинскои; wкорабли; w изранїи, или игралїи; w рудахъ, w жемчугахъ, и драгоцѣнномъ каменїи; w денгахъ; имена градовъ). Группы различны по объему – от 222 до 6 латинских слов с переводом на русский и немецкий язык. В общей сложности основная часть словаря включает 1896 латинских слов.*

Кроме того, в словарь входят две группы слов, объединенных по грамматическим признакам: *QUÆDAM ADJECTIVA нѣкотораѣ прилагателнѣ* – 49 латинских прилагательных с русскими и немецкими соответствиями – и *QUÆDAM EXEMPLA CONIUGATIONUM нѣкоторыѣ парадѣгмата спряженїѣ* – 69 латинских глаголов, разделенных на 4 группы по спряжениям, с русскими и немецкими соответствиями.

«Номенклатор» Копиевского не является оригинальным произведением [4]. Его латинская и немецкая части заимствованы из тематического латинско-немецко-польского словаря Петра Артомиуша (Piotr Artomiusz (Artomius) Krzesichleb), носящего название *Nomenclator selectissimas rerum appellationes tribus linguis, Latina, Germanica, Polonica explicatas indicans*. Этот лексикон был впервые издан в 1591 году и переиздавался семь

раз [5, с. 169–170]. Словарь Артомиуша также не был полностью оригинальным, его основу составил латинско-немецкий «Номенклатор» Иоганна Бибера, дополненный Мартином Милюсом [6].

Последнее издание словаря Артомиуша вышло в 1684 году [7]. Можно предположить, что именно оно легло в основу словаря Копиевского. Не меняя в целом структуру словаря Артомиуша, Копиевский несомненно сокращает количество слов в ряде тематических групп и заменяет польскую часть русской.

Изданный Копиевским латинско-русско-голландский словарь в целом повторяет латинско-русско-немецкий по структуре, количеству разделов, составу словника и расположению материала. Однако, помимо замены немецкой части словаря на голландскую, в этом словаре имеются и другие отличия от «Номенклатора на латинском, русском и немецком языках». В русской части этого словаря был исправлен ряд опечаток и ошибок, допущенных в латинско-русско-немецком словаре, например, *пѣсочные часы* (вместо *пѣсочные часы*), *бѣлка* (вместо *бѣка*), *пользимы* (вместо *пользимы*), уточняются толкования: *среднїи персть* (вместо *среднїи*); *плать костиранїю поту утиралник* (вместо *плать костиранїю поту*), *басна прича* (вместо *басна*); *лѣто, годѣ* (вместо *лѣто, годѣ, рокѣ*); *цока* (вместо *ланита*), *красныѣ* (вместо *чермныи*) и т. п.

Латинско-русско-немецкий словарь Копиевского был известен и востребован больше, чем латинско-русско-голландский. Об этом говорит тот факт, что этот словарь трижды переиздавался после смерти самого Копиевского: в 1718 и 1720 годах под названием «*Вокабулы и речи на славенском, немецком и латинском языках*», в 1732 году под заглавием «*Латїно-Россїйская и нѣмецкая словесная книга*».

Еще один тематический словарь приложен к вышедшей в 1755 году в Санкт-Петербурге «*Французской грамматике собранной из разныхъ авторов г. Ресто, а на россїйский языкъ переведенной Васильемъ Тепловымъ*»³. Ресто был автором многократно переиздававшихся французских грамматик, чрезвычайно популярных в Европе и ставших в дальнейшем популярными в России. Тепловым был сделан перевод немецкого издания [9], основанного не только на грамматике Ресто, но и на грамматиках других авторов. Издание 1755 года включало в себя «*Собранїе словъ Французскихъ и Россїйскихъ*» из грамматике Пеплие [10, с. 30–31], представляющее собой тематический словарь, в котором слова были объединены в 63 тематических группы, имеющие заглавия. Темы, представленные в словаре, охватывают все сферы человеческой жизни, от *О божествѣ, и о вѣщахъ, касающихся до закона до Дѣйствїя ручныѣ, Игры, Что на заѣдки ставится* и *Что находится в погребѣ*. Последний раздел включает *Слова, кото-*

³ Василий Теплов перевел грамматику Ресто еще будучи студентом, о чем свидетельствует рапорт от 26 ноября 1750: «Сего 1750 году іюня 11 числа ... адъюнктъ Модерахъ подаль при репортѣ студента, что нынѣ переводчикъ, Василья Теплова переводу съ нѣмецкаго языка грамматику, называемую-жѣ Ресто, которая того-жѣ іюня 12 и 25 чисель отсылана была къ профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову при ордерахъ, о которой оба оные профессора объявили, что оная переведена изрядно и напечатанїя достойна» [8].

рья въ письмѣ иногда не совѣтъ пишутся (например: *M. Mr читай Monsieur; государь*).

Во втором издании 1762 года, вместо «Собрания словъ Французскихъ и Россійскихъ», содержится «Собрание словъ Французскихъ, Россійскихъ и Нѣмецкихъ», включающее перевод и на немецкий язык. Кроме того, это издание содержит «Собрание Употребительныхъ прилагательныхъ Имянъ», представляющее собой небольшую по объему словарь французских прилагательных с переводом на русский и немецкий языки, и «Прибавление содержащее разныя французскія пословицы», в котором приводятся французские пословицы с русскими толкованиями: *Monsieur, alles vous pas mes on parlerre? Обыкновенная у трактирщиковъ пословица, когда они въ постное время опасаются сказать, что у нихъ имѣется скоромное кушаніе, а значит она, Изволители постное или скоромное кушать?*

Словарь Теплова примечателен тем, что в нем многие слова не просто переведены на русский язык, но и сами понятия, обозначаемые этими словами, часто адаптированы к русской действительности. Так, например, слово *Penates*, переводимое И. Копиевским, а также Ф. Поликарповым в его «Кратком собрании имен» как *домовыя бози*, Теплов передает как *дѣдушка домовой*.

В 1763 г. в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук опубликован «Словарь на шести языкахъ: Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англискомъ изданный въ пользу учащагося Россійскаго юношества», представляющий собой перевод на русский, французский и немецкий словаря известного английского натуралиста и лексикографа Джона Рея (J. Ray) «*Nomenclator classicus, Dictionariolum trilingue: Secundum Locos Communes, Nominibus usitatoribus Anglicis, Latinis, Graecis, Ordine Parallelos dispositis...*». Автором перевода этого словаря является Григорий Андреевич Полетика.

Словарь включает 31 тематическую группу слов (*О Небѣ; О стихіяхъ и явленіяхъ воздушныхъ; О камняхъ и рудахъ; О частяхъ растѣній; О травахъ; О деревьяхъ и кустяхъ; О частяхъ животныхъ; О четвероногихъ; О птицахъ; О рыбахъ; О несѣкомыхъ; О частяхъ тѣла человѣческаго; О нѣкоторыхъ тѣла приключеніяхъ; О болѣзняхъ; О пищѣ; О питіи; О одѣжнѣ; О зданіяхъ; О Богѣ; О духахъ созданныхъ; О силахъ и качествахъ душевныхъ; О добродѣтеляхъ и порокахъ; О родствѣ и свойствахъ; О рухляди, или домашнемъ уборѣ; О училищѣ; О церкви и дѣлахъ церковныхъ; О земледѣліи и дѣлахъ къ оному принадлежащихъ; О дѣлахъ воинскихъ; О мореплаваніи; О наукахъ свободныхъ, художествахъ и рукодѣльяхъ; О времени и мѣрахъ онаго*) и одну группу слов, объединенных по грамматическому принципу: *О числѣ*.

Этот словарь, несмотря на традиционность его устройства, достаточно необычен. Обращает на себя внимание то, что из 31 тематической группы первые 14 связаны с естественными науками. Эти группы слов и самые обширные. Так, группа *о травахъ* включает в себя 206 наименований, причем во многих случаях автор приводит для одного наименования по несколько синонимов: *чертова борода, громовой корень, спаржа, подчесь, мать и мачиха, жеребьячая копыто, бѣлокопытникъ; переступень, параличная*

трава; фійлка, веселые глазки, троичная трава и т. п. Группа *о болѣзняхъ* содержит 107 наименований, *о птицахъ* – 87. Вместе с тем, тематическая группа *о богѣ*, традиционно располагаемая в подобных словарях первой или в числе первых, здесь является девятнадцатой и стоит после главы *о зданіяхъ*. Она включает всего 53 слова. Шестизычный лексикон наглядно демонстрирует, что тематический словарь, рисуя определенную картину мира, может выполнять не только дидактические, но и воспитательные функции.

Второй тип словарей, использовавшихся наряду с тематическими на начальных этапах изучения иностранного языка, – это словари сходно звучащих слов.

В 1730 году в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук печатается «*Нѣмецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и Россійскою юности въ пользу издана отъ учителя нѣмецкаго языка при Санктъ Петербургской Гимназіи*»⁴ Мартина Шванвица⁵. В разделе *Особливыя примѣчанія о орфографіи* этой грамматики есть словарь, предваряющийся следующим замечанием: «*Понеже орфографія многіе равногласныя слова раздѣляетъ, то надлежитъ тѣмъ, которые нѣмецкаго языка учить начинаютъ, роспись такимъ словамъ для пріисканія оныхъ при семь приложити*». Этот словарь включает в себя расположенные в соответствии с немецким алфавитом пары немецких омофонов:

*oder / или, die Otter / выдра,
der Ofen / печь, offen / открыто,
der Orden / орденъ, den Orten / мѣстамъ.*

В издании 1730 года в левой части листа эти слова приводятся с переводом на латинский язык, в правой – с переводом на русский, а в изданиях 1745 и 1762 годов перевод на латинский язык уже отсутствует.

⁴ В других изданиях: «*Нѣмецкая грамматика собранная изъ разныхъ авторовъ и въ пользу Санктпетербургской гимназіи вторымъ тисненіемъ изданная*» (1734), «*Нѣмецкая грамматика собранная прежде изъ разныхъ авторовъ, а нынѣ для употребленія санктпетербургской гимназіи вновь пересмотрѣнная и во многихъ мѣстахъ исправленная*» (1745 и 1762).

⁵ Имя автора в издании не указывается. Оно было установлено при составлении «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» на основании записки преподавателя и ректора гимназии при Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге М. Шванвица от 18 января 1734 года, в которой он, перечисляя свои заслуги перед Академией наук, в числе прочего сообщает, что для наставления российского юношества издал в свет грамматику немецкого языка.

Мартин Шванвиц, или Шванвич (Martin Schwanwitz) приехал в Россию в 1718 году из Польши и был сначала учителем, а потом директором гимназии при Императорской академии наук. Г.-Ф. Миллер отзывался о нем как о человеке недостаточно образованном (Scwanewitz, eine preusse, der nicht studiert hatte [11, с. 170]), а о немецкой грамматике – как об издании, содержащем большое число ошибок. Однако, поскольку малое число пособий для изучения немецкого языка вынуждало совершенствоваться уже имеющиеся, Якобу фон Штаелину, профессору элоквенции и поэтики, поручается отредактировать грамматику 1730 года [11, с. 540–541]. Редактор знал немецкий, латинский, греческий, хорошо был знаком с правилами стихосложения, преподавал. В 1762 году издание 1745 года было повторено без изменений.

В 1762 году этот словарь из грамматики Шванвица был с некоторыми изменениями повторен в Краткой немецкой грамматике Михаила Агентового [12].

В 1730 году в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук выходит «Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена с малым лексиконом ради удобства сообщества». Как было установлено В. П. Вомперским, это издание представляет собой не грамматику французского языка, а грамматику русского языка, написанную по-французски предположительно И. С. Горлицким [13]. Эта грамматика содержит небольшой словарь близко звучащих русских слов с переводом на французский язык. Примечательно, что автор приводит французские слова в левом столбце, а русские – в правом:

le monde мѣръ
la paix миръ
onguent муръ.

В конце грамматики есть словарь, включающий 100 французских глаголов с переводом на русский язык и 100 слов других частей речи (преимущественно существительных), большинство из которых представляют собой названия продуктов, столовых приборов, мебели и одежды, и выражений такого рода: «*извоиць погъжай суды*», «*дъвица ли или замужна*». Последним выражением, приводимым в этом словаре, является следующее остроумное замечание: «*когда ты эту граматку будешь знать увидишь потомъ и лексиконъ*».

Большинство словарей, издаваемых в первой половине XVIII века, уже в своем названии имели указание на возможность их применения при изучении языков, но, несмотря на название, адресат подобных изданий мог быть шире, чем просто обучающиеся языкам. Словари, имевшие алфавитно-гнездовой порядок расположения материала, в целом могли отвечать общим нуждам перевода. К таким изданиям относятся так называемые «целларии» или «целлариусы» – словари, создаваемые по образцу Целлариева Лексикона, образцового европейского этимологического словаря.

Первым из подобных изданий стал собственно «Христофора Целларія краткой Латинской Лексиконъ съ Россійскимъ и Нѣмецкимъ переводомъ для употребленія санктпетербургской гимназій», впервые опубликованный в 1746 году в Санкт-Петербурге. Этот словарь является переводом на русский язык «*Latinitatis probatae et exercitae liber memorialis*» Христофора Целлариуса (Christoph Cellarius). Автор перевода не назван, но в указе Елизаветы от 19 августа 1743 года читаем, что «*лексиконъ де Целларіевъ съ латинскаго на російскій діалект между другими дѣлами переводилъ бывшій при академіи переводчикъ Иванъ Ильинской*» [14, с. 841].

Лексикон представляет собой латинско-русско-немецкий словарь, объемом около 9000 слов, организованный по алфавитно-гнездовому принципу, где заголовочные латинские слова располагаются в соответствии с латинским алфавитом. В гнезде слова организованы по этимологическому принципу и располагаются также, как правило, в соответствии с латинским алфавитом. Полисемия не выделяется, различные значения слова приводятся в одной строке: «*Сапо пою, востъваю; играю на чель. Ich sienge spiele. Conçino влѣсть пою, согласуюся. Sienge*

zusammen, stimme überein. В русской части широко используются как эквиваленты, так и развернутые определения: *Invulnerabilis Которой ранень быть не можетъ, неуязвимый, неуязвляемый. Siccitas Суша, Сухая погода. Sidus Констеллація, нѣсколько звѣздъ подь однимъ именемъ. Copus Конусъ, кѣгель, то есть: Столпчикъ островатый*; приводятся варианты: *лисей, или лисий, лиска, лисичка*.

В конце словаря Целларию имеется часть, озаглавленная по-латыни *Appendix vocum craecarum sed latini* и по-русски *Прибавленіе греческихъ рѣчей* и представляющая собой словарь употребляемых в латинском языке греческих слов. Русский перевод включает в себя также *Реэстръ Россійскіхъ словъ из краткого Целларіева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный и Прибавленіе греческихъ рѣчей употребляемыхъ въ Латинскомъ языкѣ*, которое также представляет собой алфавитный перечень русских слов, используемых в качестве толкований в *Appendix vocum craecarum sed latini*. Автором Реестра называют библиотекаря Императорской академии наук Андрея Богданова. Реестр позволял использовать данный словарь для перевода с русского языка на немецкий, однако его нельзя было использовать как немецко-русский.

Позднее по образцу лексикона Целларию Ф. Гельтергофом были созданы оригинальные немецкий (1765), французский (1769) и русский (1771) Целлариусы.

Все три типа словарей (тематические лексиконы, словари сходно звучащих слов и организованные по этимологическому принципу «целларии») отвечали наиболее прогрессивным для того времени европейским традициям обучения иностранным языкам, которые исключали бездумное заучивание материала и были ориентированы на его осмысленное восприятие учащимися. Эти пособия послужили образцом для создания других, оригинальных словарей и оказали заметное влияние на развитие лексикографии в России.

Список литературы

1. Nowak, Z. Eliaz Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia / Z. Nowak // Libri Gedanensis. – Gdańsk. – 1968 / 1969. – № 2–3. – С. 35–88.
2. РГАДА. – Фонд 9. – Оп. II. – 363 л.
3. Hüllen, W. Englisch dictionaries 800-1700. The Topical Tradition / W. Hüllen. – Oxford University Press, 2006. – 525 с.
4. Кузнецова, И. Е. Об источнике «Номенклатора на русском, латинском и немецком языке» Ильи Копиевского / И. Е. Кузнецова // Индоевропейское языкознание и классическая филология: материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. – СПб., 2009. – С. 319–326.
5. Bibliografia polska Karola Estreichera ogólnego zbioru / K. Estreicher. – Kraków, 1910. – Т. XXIII.
6. Byberus, I. Nomenclatura in usum scholae Gorlicensis / I. Byberus, M Mylius. – Gorlicii [Görlitz], 1572.
7. Nomenclator selectissimas Rerum Appellationes tribus Linguis, Latinâ, Germanicâ, Polonicâ, explicatas indicans septima editio sextæ conformis. in usum scholarum Borusicarum & Polonicarum: maxime verò Gymnasii Thoruniensis. – Dantisci, 1684.
8. Материалы для истории Императорской академии наук. – Т. 10. – СПб., 1900. – С. 644.
9. Restaut, P. Nouvelle et parfaite Grammaire Française. Neue und vollstaendige Franzoesische Grammatic, in Frag und Antwort abgefasset. Aus dem Franzoesischen des Herrn Restaut und andern Anmerkungen der besten Franzoesischen Sprachlehrer zusammen getragen / P. Restaut. – Mainz und Frankfurt am Mayn, bei Franz Warrenttrapp, 1749.
10. Вомперский, В. П. Словари XVIII века / В. П. Вомперский. – М.: Наука, 1986. – 136 с.
11. Материалы для истории Императорской академии наук. – Т. 6. – СПб., 1890. – 608 с.
12. Краткая нѣмецкая грамматика, собранная из Разныхъ Авто-

ровь, в пользу российского юношества, переводчиком Михайлом Агентовым, обучающим в Гимназии Императорского Московского университета Немецкой Синтаксической классы. – М.: Унив. тип., чрез фактора Гоера, 1762.

13. Вомперский, В. П. Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г. / В. П. Вомперский // Вопросы языкознания. – 1969. – № 3. – 125–131.

14. Материалы для истории Императорской академии наук. – СПб., 1889. – Т 5. – 1067 с.

Кузнецова Ирина Евгеньевна, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Russia's integration into European science and culture in the early XVIII century gave rise to massive demand for the study of living European languages and, consequently, the need of the benefits, which include dictionaries. The report focuses on the establishment of educational lexicography in Russia in connection with the Western tradition. This paper deals with bilingual and multilingual dictionaries used as tools to study living European languages: Latin-Russian-German and Latin-Russian-Dutch Nomenclatores, published in Amsterdam by I. Kopevskiy (Kopevich), dictionaries, included in grammar books by M. Shvanvits, I. Gorlitskiy, M. Agentov, V. Teplov, Six-Language dictionary by G. Poletika.

УДК 81'374.721

И. А. Малышева

«ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»: СОСТАВ СЛОВНИКА

Рассматривается один из аспектов создания общего реестра русской лексики XVIII века (проект «Лексический фонд русского языка XVIII века»): определение параметров отбора лексических единиц. Рассматриваются, с одной стороны, возможности расширения словника (по сравнению со «Словарем русского языка XVIII века»), с другой – необходимость ограниченного ввода или исключения отдельных групп лексики.

Одной из форм представления лексического богатства русского языка XVIII века, сложного и наполненного лексическими процессами периода в истории русского языка, может стать создание общего реестра (словника) лексических единиц. Над проектом «Лексический фонд русского языка XVIII века»¹ в настоящее время работает Группа исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований РАН [1].

Лексический фонд – это, с одной стороны, ресурс, запас лексики, с другой – хранилище словарного материала. Собственно таким хранилищем (в рукописном виде) является Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (далее – КС XVIII), которая содержит максимально полный систематизированный лексический материал русского языка в важнейший период его истории – период становления литературного языка на национальной основе. КС XVIII создается на протяжении более 50 лет, источниками ее выступают около 2 000 печатных и рукописных источников разных жанров [2]; см. также дополнительные списки источников в нечетных выпусках Словаря), в настоящее время Картотека содержит около 2 300 000 карточек-цитат и является уникальным и богатейшим собранием лексического материала XVIII века. В основу составляемого реестра положен заголовочный состав КС XVIII.

Картотека создавалась на основе сплошной, полной (исчерпывающей) или частичной (специальной) выборки из большого круга источников, однако при разработке концепции «Словаря русского языка XVIII века» (далее – СРЯ XVIII), определении принципов формирования словника, главным из которых стал принцип по возможности полного («в пределах своем – тезаурусного» [3, с. 16]) охвата слов, все же были сделаны отдельные отступления (значительно ограничены собственные имена; ограничены произ-

водные от географических названий; новообразования, встречающиеся в переводной или толкуемой части дву- и многоязычных словарей, терминологические и номенклатурные наименования, областные слова и др.) [3, с. 15–27], и таким образом словник КС XVIII оказался шире, чем это представлено в заголовочной части Словаря. Отдельные источники используются только выборочно при подготовке выпусков Словаря, в частности, из «Аналогических таблиц», представляющих собой предварительный словник для создававшегося «Словаря Академии Российской» (1789–1794 г.) (далее – САР¹), в СРЯ XVIII включается небольшой процент слов (из невошедших в САР¹): берутся преимущественно глагольные формы (видовые пары и причастия).

Одним из главных вопросов любого лексикографического проекта является вопрос объема и состава словника. Реестр лексики русского языка XVIII века предполагает максимально полное включение зафиксированных в письменных памятниках данного периода лексических единиц. Задача реестра – показать по возможности объективную картину русской лексики XVIII века, в связи с этим в реестровом представлении лексики XVIII века, с одной стороны, снимается часть ограничений, которые были установлены для Словаря, расширяется состав вводимых в реестр слов, с другой – устанавливаются свои ограничения. Однако главным руководством при определении условий включения слова в реестр служат базовые принципы, разработанные для словника СРЯ XVIII.

Если для включения слова в исторический словарь играют роль разные факторы (помимо собственно лингвистических важны культурные, исторические, литературные, этнографические и др. критерии выбора и описания слова), то критерием включения слова в лексический реестр выступает исключительно фактор лингвистический. Например, в реестр не включаются библейские и мифологические имена, фиксация которых в СРЯ XVIII мотивирована их популярностью в литературной традиции этого времени и их ролью в формирова-

¹ Выполняется при поддержке гранта РГНФ (№ 11-04-00080 «Лексический фонд русского языка XVIII века»), рук. проекта доктор филологических наук И. А. Малышева.

нии типических образов в поэтике классицизма и предромантизма; не включаются имена и фамилии исторических лиц, которые внесены в Словарь в силу их образно-символического употребления в литературе XVIII в. [3, с. 17–18], с другой стороны, в реестр более широко вносятся лексические новообразования XVIII в., областная лексика, терминологические наименования и др.

В реестр включается апеллятивная лексика, зафиксированная в текстах XVIII века. Безусловным аргументом включения слова в реестр является фиксация его в «Словаре русского языка XVIII века» (за оговоренными ниже исключениями). Слова располагаются в алфавитном порядке.

В дополнение к заголовочному составу Словаря в реестр включаются:

1) материалы из картотеки новых поступленийⁱⁱ, например, в опубликованные выпуски Словаря не вошли слова *абль, аблевый, дабинной, двойнолистный, десятичисный, додекадр, долгомърие, дымокуреник, каждоосенно, калмус, калмусовый, кармелинный, магничевание, магокабалистический, мазарет, макрида, макридный, малье, малосходный, междувремие, мирозрительный* и др. (список новых слов значителен);

2) материалы, извлеченные из новых источников (опубликованные и рукописные региональные памятники делового письма XVIII в. [4; 5], печатные тексты XVIII в., не включенные ранее в список источников Словаря), например: *акулый, безоправный, белогрудый, бракосочетать, бритоусый, вершиковский, вириевый, водоосвященный, всебратственно, всекрайний, вышезатисной, гладколицый, двуриходный, домообзаводство, душепретительно, желобастый, желтокосовый, заборчик, заведывание, замшевый, измолотиться, иконостав, испытация, истиха* (нареч.), *книгопереплетчик, кожушок, обесчеловечить, обмолитвоование, однопалечный, малоростный, молитвить, молитвоглашенный, молитвословить, нижеименуемый, нетельца, одноприходный, оказатель, позументовый, пришадровитый, пустозатейный, светло-васильковый, темно-лазоревоый, темно-малиновый* и др. (список новых слов значителен);

3) слова, извлеченные из региональных исторических словарей [6–9], например: *заботаться, задок, зайчиный, заклока, заколотка, закосок, затыл* [6, с. 43, 45, 46, 49], *заимодавно, заучать, захватка, межстружье, мировольство, миротворие* [7, с. 88, 96, 97, 133, 140], *азартиться, брыловатый, мазево, маканье, махавка, медведковый, междудворный, набоекка, назвице, напромышлять* [9, с. 27, 54, 231, 234, 235, 345, 248] и др. Слова, взятые из исторических словарей, помечаются звездочкой (например, *напогребник**, *недополнка**), поскольку региональные исторические словари не входят в круг источников КС XVIII и СРЯ XVIII;

4) слова, имеющие единичную фиксацию в лексикографических собраниях XVIII века: например, *занеможение* (ЛГ), *застргъл, затыкало* (РГЛ), *мазный, макроскопиум* (ВЛ), *закрутный* (РЦ), *зацълье, медноватый, медовня, медособирание* (Ад.) и др.;

5) слова, извлеченные из словарных собраний XVIII века, не расписанных для КС XVIII (РЛ, РЦ, Нрд., Сл. Шмидта), например, из словаря Шмидта введены в реестр слова *арбузовый* (в СРЯ XVIII зафиксировано *арбузный* (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 86)), *въстничий, горбатъть, годовальщик, голичек* (от *голик* ‘веник’), *картичик, картеник, кумуха, лебедчик* (Сл. Шмидта, с. 4, 44, 55, 59, 61, 62) и др.;

6) слова из «Аналогических таблиц»: например, *забълять, заблеклый, завътривать, завътшание, завивка, завидя, завидец, завоживать, задълиться, миропреступно, магнитно, мазня, майски, маление* и др.;

7) библеизмы и славянизмы, вошедшие в СРЯ¹, но не включенные в «Словарь русского языка XVIII века»: например: *архимагир, асарон, асида, весленик, мазильница, маловъчный, мирование, мироварение, мироварный, мировонный, мироточец, мироточивый* и др.

8) слова, производные от топонимов, не включенные в СРЯ XVIII: *азовский, алжирский, архангелогородский, афонский, балтийский, зарейнский, зауральский, мальдивский* и др.

Ограниченно включаются:

1) номенклатурные наименования, связанные с обозначениями реалий животного и растительного мира других стран (например, *маноби* «плод бразильского растения», *мансфени* «американская птица», *мапурита* «вьючный зверь», *марабатрон* «лист индийского дерева», *махалав* «египетская лечебная вода из цветков дерева калаф» и т. п.), вводятся в следующих случаях: а) если они вошли в СРЯ XVIII, б) зафиксированы в СРЯ¹, в) отмечены в нескольких источниках (например, слово *мехоакан* «корень молочной и слабящий» употреблено в Геогр. ген. (1718 г.) и Сл. нат. ист. (1788 г.), г) если есть производные слова, д) если цитатный материал говорит о том, что в русском быту использовались изделия из тех или иных экзотических пород деревьев, были известны данные экзотические растения и фрукты, например: *Уже вмѣсто сдѣланных из простаго дерева мебель стали не инья употребляться* <при Анне Иоановне> *как аглинския, сдѣланныя из краснаго дерева мезагеня* (Щрб. Повр. нр. 1788, с. 44);

2) сохраняется правило СРЯ XVIII включать в словник иноязычные слова, называющие реалии иной культуры, если они употребительны в текстах XVIII в. и имеют дальнейшую судьбу в русском языке [3, с. 22], например: *архонт, байрам, башлык* ‘татарская монета’, *коран, намаз* и др.;

3) включаются катойконимы, связанные только с названиями губернских и крупных уездных городов, например: *архангелогородец, болховитин, вологжанин, калужанин, курченин, новгородец, пскович, суздаец, туленин, устюжанин, яренчанин* и под. (по правилам СРЯ XVIII подобная лексика в него не вносится);

4) слова, зафиксированные в СРЯ¹, но имеющие помету *старин.*, вводятся в реестр только в том

ⁱⁱ Картотека новых поступлений стала составляться параллельно основной Картотеке «Словаря русского языка XVIII века» после выхода первых выпусков СРЯ XVIII, в нее входит материал, извлеченный из различных источников и не вошедший в опубликованные выпуски. В настоящее время картотека содержит около 40 000 лексических единиц.

случае, если их употребление в XVIII в. подтверждается текстами; например, слово *пригородок*, имеющее в САР¹ помету *Стар.* (САР¹, ч. 2, с. 300), зафиксировано в других лексикографических собраниях XVIII в. (ЛП, ЛВ¹, Ад.) и имеет в КС XVIII 15 карточек-цитат, хронологически охватывающих все столетие, кроме того, отмечено прилагательное *пригородочный*. Слова же, имеющие данную помету и отмеченные исключительно в САР¹, в реестр не включаются, например: *голка* «молва, шум», *градо-сиделец*, *милостник* и др.;

5) не включаются личные имена (в том числе библейские и мифологические), но вводятся производные от них, например: *адамов*, *адамлев*, *адамлий*, *аполлонов*, *аполлов*, *зевесов*, *диогенов*, *дионисов*, *каинов*, *минервин*, *палладин* и др.; производные от русских и славянских имен вносятся в том случае, если они отмечены в составе устойчивых сочетаний, например: *антонов* (*антонов огонь*), *марьин* (*марьин корень*) и др.

Не включаются:

1) слова, называющие понятия и явления чуждой действительности (экзотизмы), принадлежащие иной языковой системе, имеющие единичное употребление и зафиксированные в текстах определенных жанров (путешествия, исторические описания и под.), например: *зурга* 'суд', *дархан-зюрюхту* 'советник', *майлебаши*, *мипы* 'названия нагайских орд', *межява* 'старшая невестка', *махва* 'название одежды у камчадалов' и др.; подобная лексика не извлекается и из указанных региональных исторических словарей, например: *аргыс* 'пища якутов', *бурюмы* 'обувь якутов', *уйки* 'рыба мойва' [9, с. 31, 56, 488];

2) транслитерированные слова, например: *мет-вурст* (нем. Mettwurst); слова, которые в источниках комментируются как факты другого языка, например: *травада* (*Навигаторы нарицают их <ветры> травадами, речением португалским*. Геогр. ген. 356) и др.;

3) катойконимы, связанные с названиями небольших населенных пунктов;

4) слова из САР², отсутствующие в САР¹ и КС XVIII, даже в том случае, если они вошли в СРЯ XVIII;

5) имена собственные: личные имена, географические наименования, названия планет и созвездий, имена персонажей художественных произведений (даже если они приобретают значение нарицательных имен).

Особенностью составляемого реестра является то, что он не предшествует созданию словаря, не служит подготовительным этапом в лексикографической работе, а является самостоятельной научной задачей, сопоставленной, с одной стороны, на параллельное сосуществование со «Словарем русского языка XVIII века», дополняя его, с другой – служащей для дальнейшей работы с источниками по формированию словника последующих выпусков Словаря.

Список сокращений

Ад. – Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматико-критического словаря г. Аделунга составленный ... : в 2 ч. – СПб., 1798. – 2 ч.

ВЛ – Вейсман, Э. Немецко-латинский и русский лексикон ... – СПб., 1731.

Геогр. ген. – Варений, Б. География генеральная Небесный и земноводный круги ... – М., 1718.

КС XVIII – Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН).

ЛВ¹ – Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на русском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова: в 2 ч. – СПб., 1755–1764. – 2 ч.

ЛГ – Полной латинской Геснеров лексикон с российским переводом ... Ч. 1–3. – М., 1796–1798.

ЛП – Поликарпов, Ф. П. Лексикон трехязычный. – М., 1704.

Нрд. – Российский, с немецким и французским переводами, словарь, соч. Иваном Нордстетом: в 2 ч. – СПб., 1780–1782. – 2 ч.

РГЛ – Брюс, Я. В. Книга лексикон, или Собрание речей по алфавиту с русского на голландский язык. – СПб., 1717.

РЛ – Рукописный лексикон первой половины XVIII в. / подгот. к печати и вступит. ст. А. П. Аверьяновой. – Л.: ЛГУ, 1964. – 402 с.

РЦ – Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон, ... изд. м[агистром] Франциском Гелтергофом. – М., 1771.

САР¹ – Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб., 1789–1794. – 6 ч.

САР² – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. – СПб., 1806–1822. – 6 ч.

Сл. нат. ист. – Леклерк де Монлино, Ш. А. Словарь ручной натуральной истории: в 2 ч. – М., 1788. – 2 ч.

Сл. Шмидта – Christoph. Schmidt. Kurzes russisch-teutsches und deutsch-russisches Wörterbuch. [1770-е гг.]. – Halle, 1978. – 549 p.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. – Л., СПб.: Наука, 1984–2012.

Шрб. Повр. нр. – О повреждении нравов в России. Записки кн. М. М. Щербатова // Русская старина. – СПб., 1870. – Т. 2. – С. 4–62.

Список литературы

1. Малышева, И. А. О проекте «Лексический фонд русского языка XVIII века» / И. А. Малышева // Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія. Лариси Григорівні Скрипник. – Київ: Ін-т українського мовознавства НАН України, 2011. – С. 456–464.
2. Кутина, Л. Л. Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем: Указатель источников / Л. Л. Кутина, О. Е. Березина, А. А. Алексеев; общ. ред. Ю. С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – С. 58–141.
3. Словарь русского языка XVIII века. Проект. – Л.: Наука, 1977. – 164 с.
4. Малышева, И. А. Новые источники «Словаря русского языка XVIII века» / И. А. Малышева // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: сб. ст. памяти З. М. Петровой. – СПб.: Наука, 2007. – С. 261–275.
5. Малышева, И. А. Региональные памятники деловой письменности XVIII века как новые источники «Словаря русского языка XVIII века» / И. А. Малышева // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 86–98.
6. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 181 с.
7. Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края). – Смоленск, 2000. – 367 с.
8. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В. В. Палагиной. – Томск: ТГУ, 2002. – 334 с.
9. Майоров, А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье / А. П. Майоров. – М.: Азбуковник, 2011. – 584 с.

Малышева Ирина Алексеевна, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия).

Due to the creation of the general register of the Russian vocabulary of the 18th century (the project «Russian lexical fund of the 18th century») possibilities of the word-list expansion (in comparison with «The Russian dictionary of the 18th century»), on the one hand, and necessity of a limited input or exclusion of separate vocabulary groups, on the other hand, are considered.

УДК 81'374

Р. Мисевича-Триллица

КАРТИНА МИРА В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКО-ЛАТЫШСКИХ СЛОВАРЕЙ XVII–XIX ВЕКОВ)¹

Рассматривается проблема исследования картины мира в двуязычных словарях. Способ представления лексики в польско-латышских словарях XVII–XIX веков неразрывно связан с экстралингвистической ситуацией в Польских Инфлянтах, что проявляется на уровне содержания словаря, в способах передачи значения лексических единиц и подбора эквивалентов. Составители словарей – католические духовные лица – предлагают собственные методы переноса значений с польского на латышский язык, таким образом создавая картину мира словаря, соответствующую определенной эпохе и географической территории.

Среди множества функций, которые выполняют переводные словари, есть также функция отображения знаний и представлений конкретного этноса о мире. Особенно отчетливо это проявляется в словарях прежних исторических эпох, когда двуязычный словарь был и дидактическим пособием, и способом закрепления языковой нормы, и нередко единственным посредником в коммуникации представителей двух языковых культур. Каждый словарь как текст, имеющий своего автора и адресата, посредством выбора лексических единиц, включенных в словарь, и эквивалентов к ним интерпретирует языковую реальность и предлагает свое видение мира.

Появление первых переводных словарей, содержащих польский и латышский материал, было обусловлено историческими и культурными процессами в той части Латвии, которая получила название Польских Инфлянт (совр. Латгалия). Польские Инфлянты сформировались и получили свое название в 1660 году после окончания второй Северной войны (1655–1660), когда Польша отказалась от большей части Ливонии, оставив в своем владении только ее южно-восточную часть. Инфлянты находились под сильным влиянием Польши, обусловленным колонизацией немецкого духовенства, прежде всего иезуитов, с другой. Латгалия находилась во владениях Польши до 1772 года, после чего перешла к Российской империи как часть Витебской губернии. Тем не менее, влияние польской культуры в регионе сохранилось на долгие десятилетия [1; 2].

До наших дней дошли три словаря, содержащие польский и латышский материал, с польским как входным языком: польско-латинско-латышский словарь иезуита, лектора Даугавпилсской иезуитской коллегии Георга Элгера (1683), рукописный анонимный польско-латышский словарь, авторство которого приписывается миссионеру-иезуиту Яну Каригеру (ок. 1717–1726) и польско-латинско-латышский словарь викария Краславского прихода Яна Курмина (1858). Целью создания словарей было обучение будущих священников языку прихожан и облегчение коммуникации между миссионерами и жителями Инфлянт [3; 4]. Польско-латышские словари в своей польской части не являются оригиналь-

ными: автор первого из них, Георг Элгер, перенял лексику из третьего издания польско-латинско-литовского словаря Константина Сирвидаса (1642), который, в свою очередь, использовал словарь Гжегожа Кнапского *Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae* (1621). Последующие авторы польско-латышских словарей использовали в качестве основы словарь Элгера. Ян Каригер наиболее сильно повлиял на вокабулярный словарь, исключив из него больше половины словарных статей (ср. Элгер – ок. 14 000, Курмин – ок. 13 000, Каригер – 6 290 словарных статей). В свою очередь латышская часть словарей отличается большим разнообразием и оригинальностью. Существенным различием между словарем Элгера и работами его последователей является то, что Ян Каригер частично, а Ян Курмин в полной мере используют в качестве эквивалентов язык жителей Инфлянт – верхнелатышский диалект (сегодняшний латгальский). На примере отбора лексики для словаря, способов передачи семантики отдельных лексических единиц и подбора эквивалентов можно проследить специфику определенных фрагментов картины мира в словарях, понимаемой как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений о действительности на определенном этапе развития народа» [5, с. 6]. В качестве материала для анализа выбрана лексика со значением наименований человека, так как она отражает основные сферы жизнедеятельности и взаимоотношений людей и вписывается в общую антропоцентрическую концепцию современной лингвистики. Непосредственно для анализа было выделено 323 лексические единицы, обозначающие наименование человека из вокабулярия словаря Элгера (далее – DICT), 288 лексем из словаря Курмина (далее – SPL) и 138 – из словаря Каригера (далее – SPL), причем лексем SPL и SPLL почти полностью покрываются с вокабулярием DICT. На основании общих семантических признаков в двух макросферах – *Человек по отношению к себе* и *Человек по отношению к миру* – были выделены четыре основных семантических поля, а в пределах семантических полей наименования человека распределены по тематическим группам, где в качестве дифференциальных признаков использовались экстралингвистические факторы. В итоге классификация макросфер *Человек по отношению к себе* и *Человек по отношению к миру* и их наполнение в статистическом плане представляется следующим образом:

¹ Исследование выполнено при содействии Европейского социального фонда в рамках проекта «Поддержка развития докторантуры ЛУ».

Таблица 1 – Идеографическая классификация номинаций человека в польско-латышских словарях

КАТЕГОРИЯ	DICT	SPLL	SPL	ПРИМЕРЫ (польск., орфография DICT) ²
А. Человек по отношению к себе				
1. Человек как физическое существо				
1.1. Возраст	11	11	2	młodzieniaszek / młodzieniec ³ / młokos / wyrostek, młodził wczym niewprawny, iunak, patryarcha
1.2. Внешний вид	6	6	0	kaleka, karzeł, pierśista niewiasta, podagryk, szczyrbaty człowiek
2. Человек как психическое существо				
–	11	11	1	dziwak , fantastyk, kłamca, mędrzec, nikczemnik, serca małego człowiek, serca wielkiego człowiek, smieszek, zmindak
Б. Человек по отношению к миру				
3. Человек по отношению к сверхъестественному				
–	9	9	6	cudotworca Boski , czarnoksiężnik, czarownik, urzekacz , wroźka , wieszczek
4. Человек по отношению к другим				
4.1. Общество				
4.1.1. Иерархия	9	8	3	cesarz, cesarżowa, chłop , dworzanin , kmiotka
4.1.2. Географическая и национальная принадлежность	21	17	9	cygan, czech, litwin , moskwićin, ormianin, polak , rusin , slezak, słowak, szwab, szwed , turczyn , węgryzn, włoszka, zmudzin , murzyn
4.1.3. Мораль	47	44	27	cudzołożnik , drapieżca, figlarz , głownik, hultaj , kłamca , łotr niecnota, łupieżca, mężoboyca, morderca , nałożnik , nierządnik, okrutnik, oszukiwacz, rozpustnik, rozboynik , zdrayca, złodziey , niedowiarek, obrazoborca odszczępieniec od kościoła
4.2. Семья				
–	41	40	31	ciotka po matce , ciotka po oycu , corka , dziad oycow abo matczyn oćiec , dziewierz , dziewosłab , macocha , matka / mać , oyćiec , pan młody, pani młoda, pasierb , pasierbica , półbrat , rodzicielka, siostra , slubna żona, stryienka , szwagier , wuy
4.3. Род занятий				
4.3.1. Ремесло	89	86	43	cegielnik , ciestelczyk, cieśla , cyrulik , czapnik , drukarz, farbierz , garnczarz , haftarz , hutarz, piekarz, piwowar , płatnerz, plewiarka / plewiarz
4.3.2. Костел	15	11	7	auditor biskupi, kapłan / ksiądz, kardynał, kaznodzieia , kteryk, metropolit, mnich , panna, pop ruski, spowiednik, zakonnik, władyka
4.3.3. Военное дело	17	8	1	dzieśiątnik, halabartnik, hetman, hetman polny, połkownik, rotmistrz, setnik, zołnierz
4.3.4. Наука и искусство	20	19	3	cytrista, filozof, gramatyk, harfista, historyk , minucyaryz, mistrz szkolny, muzyk, muzyk, na stronach, pedagog, teolog
4.3.5. Администрация	27	18	5	kanclerz, kasztelan, marszałek koronny, podkomorzy królewski, podkomorzy ziemski, podskarbi , rayca / radny pan, senator, stolnik królewski, urzędnik , wojewoda, woyt w miastach, woyt na wsi

Группы, касающиеся человека как такового, во всех словарях представлены немногочисленными лексемами, в отличие от групп макросферы *Человек по отношению к миру*. Наиболее обширными во

² Все примеры в тексте даны в оригинальном написании.

³ Выделенные примеры зафиксированы во всех трех словарях.

всех трех словарях являются тематические группы, связанные с семейными отношениями и ремеслом. В этих же группах наблюдается наибольшее количество общих лексем. Вокабуляр SPL последовательно уменьшен за счет лексем групп *Военное дело*, *Администрация*, *Наука и искусство*. В группе *Географическая и национальная принадлежность* SPL, в отличие от DICT и SPLL, находятся только те наименования, которые могли быть непосредственно

связаны с жизнью Инфлянт (*rusin, polak, litwin, inf-lantczyk, zmuzydzin*), или те, которые имели непосредственное отношение к политической ситуации Речи Посполитой вообще, например, в связи с войнами XVII века (*szwed, turczyn*). SPL, а частично также SPLL исключают из своего словаря те лексические единицы, которые не являются релевантными для культуры Инфлянт их времени. Приведем примеры:

Podkomorzy ‘подкоморий’ – престижная должность в Королевстве Польском и в Великом Княжестве Литовском. *Podkomorzy ziemski* разрешал споры о собственности, а *podkomorzy nadworny* отвечал за покой короля [6], (ср. в словаре польского языка XVI века: *podkomorzy* – 1. ‘земский служащий, разрешающий споры о границах собственности’; 2. ‘управляющий двором правителя или магната’ [7], пер. Р. М.-Т.). В DICT находим лексемы *podkomorzy królewski* – *keninga kamber wyrfneks* и *podkomorzy ziemski* – *robiesz wyrfneks*, соответствующие обоим значениям слова. SPL и SPLL не фиксируют лексическую единицу *podkomorzy*.

Marszałek ‘придворный маршал’ – высокая должность в Речи Посполитой, управляющий королевской службой [6], (ср. в словаре польского языка XVI века: *marszałek* – ‘...королевское должностное лицо, важность и компетенция которого росли по мере исторического развития: первоначально управлявший всем двором (административные дела, ведение домашнего хозяйства, этикет, управление придворной службой), получает впоследствии все большие права, становясь государственным служащим’ [7], пер. Р. М.-Т.). В DICT и SPLL появляется несколько статей, посвященных лексеме *marszałek*, с определениями, конкретизирующими семантику употребления слова и соответствующими дефиниции слова в словаре XVI века: *marszałek powszechnie* – *marfalks*, *marszałek koronny* – *polu marfalks*, *marszałek nadworny* – *muzye / marfalks*, *marszałek pogrzebny* – *myrronie marfalks*, *marszałek taneczny / rey wodzący* – *praekszan dancotnys*, *marszałek weselny / bieśiadny* – *barriba fargs* (DICT). SPL не фиксирует лексической единицы *marszałek*.

Żołnierz ‘солдат’ – DICT вслед за Сирвидасом несколько словарных статей посвящает лексеме *żołnierz* с различными определениями, касающимися конкретных аспектов экстралингвистической действительности: *żołnierz* – *karjuwyrz zaldats*, *żołnierz lekki / kozak* – *zaldats / kaianeks*, *żołnierz nowotny* – *iauns kariu wyrz*, *żołnierz osadzony na zamku* – *pylfa zaldāts*, *żołnierz pieniężny* – *kariu wyrz / kam makfa*, *żołnierz wytrąbiony* – *istrompets kariu wyrz*. SPLL и SPL ограничиваются одной общей статьей: *żołnierz* – *karawejrs*, *zaldats* (SPLL); *żołnierz* – *karria weyrs*, *zaldats* (SPL). SPL последовательно исключает из своего словаря такие лексические единицы, как *woiewoda*, *hetman*, *margraf*, *senator*, *kanclerz*, *kasztelan*, связанные с реалиями административной жизни Речи Посполитой.

Можно предположить, что включенные в словарь лексемы соответствовали понятиям, которые входили в обыденные, фоновые знания как авторов, так и потенциальных пользователей. Тем не менее, лексикографы осознавали, что не каждое слово имеет свой однозначный эквивалент в латышском языке. Недостаточно разработанная

терминология латышского языка в некоторых сферах (например, религиозная лексика) также заставляла задуматься над способами передачи значений, уже укрепившихся в польском языке. Для передачи чуждых культуре Инфлянт явлений, а также для более точного перевода лексики авторов словарей использовали свои стратегии, среди которых можно выделить следующие:

1. Описательный перевод значения слова – «семантизация фоновой части номинативной языковой единицы» [8, с. 197]. В тех случаях, когда DICT передает значение одним словом, SPLL описывает значение слова при помощи синонимов и дополнительной информации, что напоминает дефиниции толковых словарей, ср.: *falszerz testamentow* – *ne tēfigs* (DICT), *natajsnigs pormejtoisz nabasznika wordu*, *wajroktu ku atsaceja miedams*, *kam* (SPLL); *anotomik* – *loceklu izdalitaisz* (DICT), *anatomijas mejsters*, *wiersiniks v. sunaria grajzejtois*, *kotrym zynoma ira sunarius kaj grajzet* (SPLL); *filozof* – *wismodrigrs* (DICT), *izdumniks*, *izdumoszonas ceretoisz*, *gurdys pasaula* (SPLL); *setnik* – *rotmerszen* (DICT), *symtiniks*, *rotmejestres*, *kotrys tur zam waldes sowas symtu laužu* (SPLL); *cyrulik* – *balwers* (DICT), *cyruliks asznia tajdejsz*, *wasalu darejtoisz* (SPLL).

2. Использование ключевых слов в описании значений. При отсутствии специализированной лексики или в качестве синонимов составители словарей используют одно общее понятие для передачи значения. Таким образом, происходит расширение значения лексической единицы, что делает перевод менее конкретным, ср.: лексема *baznickungs* ‘католический духовный’ выступает в качестве эквивалента польских лексем *kaplan / ksiądz* ‘ксендз’ (DICT, SPLL, SPL), *kaznodzieja* ‘проповедник’ (DICT), *spowiednik* ‘исповедник’ (DICT, SPLL), а также *biskup* ‘епископ’ (SPL) с определением *lets* ‘большой, великий’. Слово *viltinieks* ‘обманщик’ выступает в качестве эквивалента для таких лексических единиц, как *zdrajca* ‘предатель’ (DICT, SPLL), *szalbierz* ‘мошеник’ (DICT, SPLL, SPL), *oszukiwacz* ‘обманщик’ (DICT, SPLL), *polityk zły* ‘плохой политик’ (DICT, SPLL), *falszerz monety* ‘фальшивомонетчик’ – *monejtoisz wiltiniks* (SPLL).

3. Перевод реалии при помощи заимствования. Подобный способ перевода польских слов широко используется в SPLL. Можно выделить а) заимствования, употребившиеся на территории Инфлянт и встречающиеся во всех трех словарях (*gaspaza*, *kums*, *konowals*) и б) заимствования, которые встречаются только в SPLL (*zakoniks*, ср. пол. *zakonnik* – ‘монах’, *kylbasniks* – ср. пол. *kielbasa* ‘колбаса’). Нередко заимствования сопровождаются дополнительным комментарием (описательный перевод значения слова): *konowal* – *zyrgu wasalu daritois kanawals*, *zyrgu leczejtoisz tarpynotoisz* (SPLL).

4. Описание реалии культуры входного языка посредством реалии исходного языка: *cytrysta* – *kokleneks* (DICT, SPLL), *muzyk na strunach* – *kokleneks* (DICT), *kukliniks*, *cymbalniks* (SPLL). На основании общей семы «играющий на струнном инструменте» значение слова *cytrysta* было передано словом *koklenieks* ‘играющий на кокле’ (‘кокле – ‘латышский народный струнный инструмент’).

Картина мира, проявляющаяся в словарях, не является отражением ни объективной, ни языковой реальности по причине сложных взаимоотношений между объективным (лексическим составом данного языка) и субъективным (личность лексикографа) началом. Она представляет собой «реальность» конкретного словаря, которая, тем не менее, связана с определенной исторической эпохой. Анализ макро-структуры словарей на основании идеографического подхода позволил определить, какие категории реальности нашли наиболее полное отражение в словарях и, соответственно, имели наибольшее значение для их составителей. На примере сопоставления номинаций человека удалось не только определить основные стратегии передачи реалий и понятий одной культуры на языке другой, но и выявить тенденцию к упрощению картины мира, попытку сделать ее наиболее приемлемой для той географической территории, где использовался словарь.

Список сокращений

DICT – DICTIONARIUM | Polono-Latino-Lottaicum | Opus posthumum. | R. P. GEORGII ELGER Soc. IESU. | In gratiam Studiosae Iuuentutis | In lucem datum. | – Vilnae | Typis Academicis Soc. IESU. A. D. 1683.
 SPL – Lenkiškai-latviška žodynas. Отдел манускриптов Библиотеки Вильнюсского Университета, шифр F1-D11.
 SPLL – Słownik polsko łacińsko łotewski ułożony i napisany przez księdza Jana Kurmina. – Wilno: W drukarni M. Zymelowicza Typografa, 1858.

Список литературы

1. Kolbuszewski, J. Polacy na Łotwie. Historia i współczesność. Zarys problematyki / J. Kolbuszewski // Mniejszości polskie i Polonia w ZSRR. Red. H. Kubiak i in. – Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1992. – S. 331–345.
2. Jēkabsons, E. Poļi Latvijā / E. Jēkabsons. – Rīga: Latve, 1996. – 166 s.
3. Zemzare, D. Latviešu vārduņicas (līdz 1900. gadam). – Rīga: Latvijas PSR Zinātnu akadēmijas izdevniecība, 1961. – 559 s.
4. Kolbuszewski, S. Jana Karigera Słownik polsko-łotewski na tle leksykografii b. Inflant polskich. Studium z historii języka łotewskiego i dziejów kultury b. Inflant polskich / S. Kolbuszewski. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1977. – 267 s.
5. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
6. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – 4 t.

УДК 8.801.82

Н. Ч. Очирова

КАЛМЫЦКО-НЕМЕЦКИЕ И КАЛМЫЦКО-РУССКИЕ СЛОВАРИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается одна из недостаточно разработанных проблем лексикографии – анализ «ранних» словарей как лексикографических памятников и как источников изучения развития лексической системы калмыцкого языка. Работа основана на материале ряда оцифрованных словарей для Словарного модуля в корпусе калмыцкого языка. Сравнительное исследование ранних лексикографических источников позволит проследить истоки и этапы эволюции, определить хронологические рамки развития тех или иных языковых явлений в калмыцком языке.

Как известно, ойратский язык относится к монгольской языковой семье. С XV в. ойраты населяли Джунгарию – территорию, находящуюся на стыке северо-западных районов современных КНР и Монголии. В начале XII в. около четверти миллиона ойратов в поисках новых пастбищ откочевали

7. Bąk, S. Słownik polszczyzny XVI wieku: w 36 t. / S. Bąk, M.R. Maýenowa, F. Peplowski (red.) – Wrocław, Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, PAN, 1956. – ... – 36 t.
8. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

Мисевича-Триллица Ренате, лектор отделения русистики и славистики факультета гуманитарных наук Латвийского университета, магистр, докторант (Рига, Латвия).

Научный руководитель – **П. Ванэгс**, профессор кафедры балтийского языкознания отделения латвистики и балтистики факультета гуманитарных наук Латвийского университета, профессор (Рига, Латвия).

One of the numerous functions of the bilingual dictionary is the function of the display of the knowledge and notions of a certain ethnos about the world. It is displayed in particular vividly in the dictionaries of the previous historical eras, when the dictionary served both as a didactic manual and as the means of fixing of the language norm, and quite frequently it was the only intermediary between the representatives of two language cultures. Although it was not the primary task and decision about the portrayal of the picture of the world by the bilingual dictionaries, every dictionary as a text with its own author and addressee, by means of the choice of lexical units, included in the dictionary, interprets the language reality and offers own vision of the world. The picture of the world, displayed in the dictionary, is neither considered to be objective reality, nor the language reality, but a «reality» of a particular dictionary, which, however, is connected with a particular historic era. The emergence of the first bilingual dictionaries, containing Polish and Latvian material, was due to historic and cultural processes in the part of Latvia, which was called Polish Inflants (today Latgale, southeastern part of Latvia). The analysis of macrostructure based on ideographic method allows determining the categories of reality, which have the most complete reflection in the dictionaries and, consequently, were the most important for the compilers. The selection of equivalents is of particular interest, as well as the means of transfer of reality of one culture and lexis of one language by means of another language in the bilingual dictionaries of XVII–XIX centuries. All abovementioned allows making conclusions about the language picture of the world of certain dictionaries with Polish and Latvian material, about the interrelations between them, about the differences and similarities in the perceptions of the world of their authors.

к Волге, осели в низовьях Волги и Дона, вошли в состав России и стали называться калмыками. До середины XVII в. ойраты, как и другие монгольские народы, пользовались старописьменным монгольским языком – *худма бичиг*, заимствованным монголами у уйгуров в XIII в. Ойратский язык по-

явился после того, как выдающийся религиозный, политический и общественный деятель, ученый, просветитель XVII в. Зая-пандита Намкай Джамцо (1599–1662) [1] разработал в 1628 г. ойратский алфавит *тодо бичиг* «ясное письмо». Новая письменность имела широкое распространение у калмыков, по этой причине ойратский литературный язык часто называют старокалмыцким или калмыцким письменным языком. Калмыки пользовались им вплоть до 1924 г., пока не был введен алфавит, основанный на кириллице, который в 1931 г. был заменен латиницей, но вновь восстанавливается в 1938 г. Ойратское письмо, как и старомонгольское, имеет вертикальное направление, буквы в слове и слова пишутся сверху вниз. Слова в столбцах разделяются пробелами, столбцы располагаются слева направо. Большинство букв имеет три различных написания для начала, середины и конца слова [2, с. 10–16]. Каждая графема этого алфавита получила единственное фонетическое значение, при этом составитель практически не изобретал новых графем, а несколько видоизменил старые буквы и ввел новые диакритические знаки [3, с. 26].

Словарный состав, лексическое своеобразие и богатство языка до сих пор является наиболее очевидным объектом лингвистического изучения. На современном этапе развития монголоведения ученые внесли большой вклад в исследование письменного наследия Зая-пандиты. Так, Б. В. Бадмаевым проведен лингвотекстологический анализ биографии Зая-пандиты [4], письменные памятники на *тодо бичиг* с позиции современного ойратского языкознания рассмотрены С. Намжавином [5], Н. С. Яхонтовой подготовлена публикация ойратской рукописи словаря поэтических выражений, автором которого является Зая-пандита [6], Д. Н. Музраевой описаны буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках, сохранившиеся в коллекциях Калмыкии [7] и т. д.

Собственно словарный состав ойратского языка сложился на основе старописьменного монгольского языка. Через уйгурский язык и другие тюркские языки к калмыкам попали слова санскритского, иранского, арабского и греческого происхождения. Кроме того, встречается немало тибетско-санскритских заимствований, так как в то время буддизм, как религия имела весьма широкое распространение. Основную часть тибетско-санскритских заимствований составляют религиозно-обрядовые слова: *маань* ‘молитва’; *адс* ‘благословение’; *буйн* ‘добродетель’; *гелц* ‘гелюнг’ (духовная степень буддийского монаха); *лам* ‘лама, буддийский монах’ (высокий сан духовного лица); *манж* ‘ученик в буддийском монастыре’ и др.

Ранние лексикографические источники калмыцкого языка связаны с именами таких классиков отечественной монголистики, как Г. А. Цвик, Я. И. Шмидт, К. Ф. Голстунский, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, А. М. Позднеев, М. Львовский, Г. И. Рамсдетт и др. Первые записи слов калмыцкого языка в путевых записках русских путешественников были зафиксированы примерно в XVIII в. К подобным «ранним» словарям относится «Краткий русско-калмыцкий словарь», который в 1856 г. по разрешению Казанского Комитета духовной цензуры, Цензора Казанской Духовной Академии архимандрита Федора был опубликован в типографии Казанского универси-

тета. Составителем его является малоизвестный для широкого круга читателей русский священник, миссионер, член Петровского общества по изучению Астраханской губернии, учитель калмыцкого языка Пармен Смирнов (1824–1886) [8, с. 3].

Анализ лексики, зафиксированной в словарях, создаваемых на протяжении нескольких столетий, важен не только для изучения истории калмыцкого языка, но и для более точной характеристики изменений, происходящих в общественно-политической и социальной жизни калмыцкого народа. Особенно ценным источником для историко-лингвистических исследований являются двуязычные словари (калмыцко-русские, русско-калмыцкие, калмыцко-немецкие и др.). На основании комплексного изучения подобных словарей можно судить о важных тенденциях развития соответствующих языков. Привлечение подобных источников может содействовать решению ряда проблем в области истории языка: 1) выявление степени участия живой народно-разговорной речи в формировании национального языка; 2) уточнение процессов образования литературного языка; 3) рассмотрение вопросов, касающихся статуса языка (особенно в условиях реальной угрозы исчезновения калмыцкого языка); 4) изучение диалектной дифференциации калмыцкого языка в «ранний» период его становления и др. Кроме того, изучение лексикографических памятников письменности XVIII в. приближает перспективу воссоздания наиболее полного словарного состава языка в определенные периоды его развития.

В русле данных лингвистических исследований в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН ведется работа по созданию «Лингвистически аннотированного корпуса калмыцкого языка», одним из направлений которого является разработка подкорпуса «ранних» текстов, а также создание «Словарного модуля калмыцкого языка», который представляет собой электронную лексикографическую базу данных (на основе лексикографических источников XVIII и первой половины XX вв.).

Необходимость создания Словарного модуля в Национальном корпусе калмыцкого языка заключается в важности сохранения, исследования и развития родного языка в современных условиях. Сохранившиеся до настоящего времени словари на *тодо бичиг* являются свидетельством бытования в языке целого пласта лексики, утраченного в силу разных причин в современном калмыцком языке. В ряде случаев примеры из подобных лексикографических источников, наряду с другими сохранившимися старописьменными памятниками, могут оказаться единственными [9, с. 180]. В связи с этим исследование ранних лексикографических источников является актуальным и научно обоснованным. В качестве первых лексикографических источников для работы взяты следующие словари калмыцкого языка: «Русско-калмыцкий словарь анонимного автора» (XVIII в.); «Краткий русско-калмыцкий словарь» П. Смирнова (1857 г.); «Handbuch der Westmongolischen Sprache» Г. А. Цвика (1853 г.); «Русско-калмыцкий словарь» К. Ф. Голстунского (1860 г.); «Калмыцко-русский словарь»

М. Львовского (1893 г.); «Калмыцко-русский словарь» А. М. Позднеева (1911 г.); «Kalmückisches Wörterbuch» Г. И. Рамстедта (1935 г.) [10–16].

Поскольку «ранние» словари калмыцкого языка написаны на старописьменном языке *тодо бичиг*, их обработка в цифровой формат и разметка в HTML затрудняются, к примеру, «Русско-калмыцкий словарь анонимного автора» (XVIII в.) и «Краткий русско-калмыцкий словарь» П. Смирнова (1857 г.), обработка которых строится на следующих принципах:

1) изображение слова на старописьменном калмыцком языке;

2) транслитерация на латиницу и кириллицу в соответствии с UNICODE, при этом их написание полностью соответствует написанию на *тодо бичиг*; современное написание лексических единиц (в соответствии с современной калмыцкой орфографией, т. е. без обозначения «неясных» гласных, долгих гласных и т. п. Слова, которые отсутствуют (именно в том значении, которое дается в источнике) в современном калмыцко-русском словаре под ред. Б. Д. Муниева [17], помечаются специальным знаком «*». Например: *tabtay* – *табтай* – *тафта** – приятный; *xubiŋ* – *хубиң* – *хувң** – рукомойник; *anjisun* – *анжисун* – *анжисн** – соха; *töŋgün usun* – *мөңгүн усун* – *мөңгн усн** – ртуть; *oroltu* – *оролту* – *орлт** – странник, пришелец и т. д.;

3) написание авторского перевода П. Смирнова (с нашими уточнениями, для внесения ясности в некоторые значения слов);

4) разметка текста словаря в HTML-формате (формат предоставляет целый ряд преимуществ в использовании, упрощает справочно-поисковую систему так, что любому пользователю будет доступна вся информация из словарной статьи).

В рассматриваемых словарях размечаются следующие зоны:

1) заголовочное слово на современном калмыцком языке (в этом случае информация будет доступна для всех, в том числе и для тех, кто не владеет старописьменным калмыцким языком, к тому же в «ранних» словарях отсутствует единообразие в графическом оформлении слов) – `<title>...</title>`;

2) написание на тодо бичиг – `...`;

3) написание на латинице – `...`;

4) написание на кириллице – `...`;

5) переводной эквивалент – `...`;

6) ссылки на другие статьи – `...`, `...`.

Разметка словарной статьи в HTML-формате будет варьироваться в зависимости от словаря и поставленных задач. Конечной целью создания Словарного модуля является объединение всех словарей в одну большую лексикографическую базу данных по калмыцкому языку, а также переиздание лексикографических источников XVIII – нач. XX вв., что обеспечивает эффективный доступ к памятникам культурного наследия и их сохранность. По мнению А. Ю. Филиппович, наряду с решением проблемы доступности электронная

форма публикаций позволяет повысить надежность хранения и удобство распространения. Включение различных программных компонентов и баз данных в состав современных электронных изданий позволяет эффективно осуществлять работу с материалом, представленным в издании, проводить научные исследования, поиск и обработку информации. В то же время печатные издания традиционны, а, следовательно, привычны и удобны в использовании для большого количества людей, поэтому печатная форма не может быть исключена, таким образом современное переиздание должно содержать печатную и электронную форму [18, с. 4].

Однако, как отмечают калмыцкие исследователи, работе по созданию электронных коллекций старокалмыцких письменных памятников сопутствует ряд проблем: 1) отсутствие до настоящего времени символов *тодо бичиг* в соответствии со стандартами UNICODE, распознающей программы; 2) отсутствие базы данных лексического ядра или словаря ранних текстов, необходимого для правильного распознавания линейного потока; 3) интерпретация плохо сохранившегося графического знака; 4) адекватная передача графических особенностей памятника (например, необычной лигатуры); 5) нечеткое начертание «диакритики»; 6) отсутствие унификации и др. Если символы монгольского письма *худма бичиг* уже получили кодировку UNICODE и уже создан пакет программ с использованием этого письма (Windows, Microsoft Office), то для *тодо бичиг* отсутствует кодировка некоторых символов в соответствии с вышеупомянутыми стандартами. Еще не разработан принцип вертикального письма как для *тодо бичиг*, так и для *худма бичиг*. Другой проблемой является фонетический принцип написания слов, т. е. слова фиксировались в ранних памятниках так, как произносились. С одной стороны, это отражает ту речь, которая бытовала в обществе (в особенности это важно для лингвистов), для программистов же этот аспект является проблемным при разработке на словарной основе распознающей программы, поскольку это создает большое количество вариативного написания того или иного слова [19].

Калмыцко-немецкие и калмыцко-русские словари XVIII – начала XX вв. рассматриваются нами как единый историко-культурный феномен. Данные изучаемых нами лексикографических источников предоставляют ценную информацию о структурировании калмыцкого языка XVIII в. Анализируемые словари позволяют исследователям зафиксировать начальные значения многих слов калмыцкого языка в период его формирования как национального. Все вышесказанное позволяет оценить лексикографические памятники, написанные на старописьменном калмыцком языке, как высокоинформативный источник сравнительно-исторической лексикологии.

Таким образом, выявление особенностей этих лексикографических памятников, научное описание принципов их составления, интерпретация содержания включенных в них словарных единиц и т. д. поможет реконструировать важнейшие процессы в развитии словарного состава калмыцкого языка.

Список литературы

1. Бадмаев, А. В. Зая–Пандита (списки калмыцкой рукописи «Биография Зая–Пандиты») / А. В. Бадмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. – 132 с.
2. Яхонтова, Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. Из серии «Языки народов Азии и Африки» / Н. С. Яхонтова. – М.: Вост. лит., 1996. – 152 с.
3. Бадмаев, А. В. Практический самоучитель старокалмыцкой письменности / А. В. Бадмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. – 100 с.
4. Бадмаев, Б. В. «Сарын герел» – памятник ойратской письменности XVII в. (текстолого-лингвистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. В. Бадмаев. – М., 2001. – 24 с.
5. Намжавмин, С. Тод үсгийн цагаан толгойтой холбогдох дурсгал бичгүд хийгээд ойрдын хэлшинжлэлийн уламжал / С. Намжавмин // Монголоведение. – 2002. – № 1. – С. 50–58.
6. Яхонтова, Н. С. Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения / Н. С. Яхонтова. – М.: Вост. лит., 2010. – 615 с.
7. Музраева, Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / Д. Н. Музраева. – Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2012. – 224 с.
8. Смирнов, П. Путевые записки по калмыцким степям Астраханской губернии (Серия «Наше наследие») / под ред. А. Б. Лиджиева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 248 с.
9. Очирова, Н. Ч. «Ранние» словари калмыцкого языка и современные информационные технологии / Н. Ч. Очирова // Участие калмыков в укреплении российской государственности: материалы рег. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории в России. – Элиста: КИГИ РАН, 2012. – С. 178–181.
10. Русско-калмыцкий словарь анонимного автора. XVIII в. – 104 с.
11. Смирнов, П. Краткий русско-калмыцкий словарь / П. Смирнов. – Казань: Тип. Университета, 1857. – 127 с.
12. Цвик, Г. А. Handbuch der Westmongolischen Sprache / Г. А. Цвик. – Donaueschingen, 1853. – 481 с.
13. Голстунский, К. Ф. Русско-калмыцкий словарь / К. Ф. Голстунский. – СПб.: Тип. Академии наук, 1860. – 136 с.
14. Львовский, М. Калмыцко-русский словарь / М. Львовский. – Казань: Тип. Университета, 1893. – 287 с.
15. Позднеев, А. М. Калмыцко-русский словарь / А. М. Позднеев. – СПб.: Тип. Академии наук, 1911. – 306 с.
16. Рамстедт, Г. И. Kalmückisches Wörterbuch / Г. И. Рамстедт. – Helsinki, 1935. – 560 с.
17. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Рус. яз., 1977. – 768 с.
18. Филлипович, А. Ю. Автоматизированная технология переиздания лексикографических источников XVIII – нач. XIX вв.: на материале Словаря Академии Российской 1789–1794 гг.: автореф. дис. ... канд. тех. наук / А. Ю. Филлипович. – М., 2007. – 23 с.
19. Бембеев, Е. В. Коллекции рукописей на старокалмыцком (ойратском) языке XVII–XIX вв. в свете компьютерной обработки: постановка проблемы / Е. В. Бембеев // Информационные технологии и письменное наследие: материалы Междунар. науч. конф. – Петрозаводск: ПГУ, 2012. – С. 38–40.

Очирова Нюдля Четыровна, младший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста, Россия).

The paper is devoted to the one of the insufficiently developed problems of the lexicography – to the analysis of «early» dictionaries as the lexicographical monuments and as sources of study of the development of the lexical system of the Kalmyk language. The paper is based on the material of some digitized dictionaries for the Vocabulary Module in the corpora of the Kalmyk language. The comparative researching of «early» lexicographical sources allows to trace the origins and evolution stages, to determine the chronological framework of the development of various linguistic phenomena in the Kalmyk language.

УДК 811.161.1'373.46

А. И. Соколов

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ КАРТОТЕКИ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА» (ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ XVIII ВЕКА)

В рамках изучения процессов формирования русской химической терминологии и в продолжение традиций исследования естественнонаучного языка XVIII века, заложенных в работах Л. Л. Кутиной, рассматриваются оригинальные и переводные произведения по химии, не вошедшие в список источников «Словаря русского языка XVIII века». Анализируются термины, отсутствующие в материалах Картоотеки, а также зафиксированные словарные единицы, недостаточно подкрепленные речениями, свидетельствующими о специальном (химическом) значении лексемы.

В истории России XVIII век связан с процессом становления наук и формирования научных терминологий. В рамках общего исследования лексики указанного периода изучение специальной лексики занимает далеко не последнее место и связано, прежде всего, с работами Л. Л. Кутиной [1; 2], З. М. Петровой [3; 4], В. В. Замковой [5; 6], Е. Д. Конопиной [7] и др. Терминологическая лексика (в том числе, физическая, химическая, минералогическая) находит свое отражение в «Словаре русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII). Однако расширение круга источников может в равной степени обогатить материалы Картоотеки «Словаря русского языка XVIII века» (далее – КС XVIII) и дополнить содержание словарных статей. Так, среди новых источников, выпавших из поля зрения составителей СРЯ XVIII, оказа-

лись некоторые концептуально важные, с точки зрения развития научных знаний, оригинальные и переводные произведения по минералогии и металлургии (Х. Геллерт, И. Генкель, А. Кроншtedт, И. Леман), общей и врачебной химии (И. Эркслебен, Й. Ф. Жакен), химии газов (А. Окулов), в том числе трактаты, написанные на основе кислородной теории А. Лавуазье (П. Гиларовский, В. Петров, В. Севергин, А. Фуркруа и др.), а также алхимические сочинения (И. Голланд). Подавляющая часть новых источников впервые вводится в научный оборот в качестве объекта исследования исторической лексикологии. В указанных источниках содержится большое количество нового лексического материала, отражающего появление значительного пласта неологизмов в химии и смежных науках. Материал демонстрирует фор-

мирование новых тематических групп (в частности, новой номенклатуры химических веществ) или изменения в составе уже существующих (например, в группе наименований металлов в связи с открытием новых металлов). Новые источники дают уточняющий материал для определения путей вхождения ряда слов в русскую лексику, а также весьма важную информацию для анализа и интерпретации вариантов и синонимии в кругу слов-терминов и терминологических сочетаний. Как оригинальные, так и переводные источники (главным образом, с немецкого языка) представляют собой материал, так или иначе ценный для КС XVIII.

Данный материал, включающий в себя незафиксированные слова, а также факты, уточняющие датировку некоторых словарных единиц; контексты, позволяющие скорректировать семантический объем ряда слов, расширить «цитатник» КС XVIII с целью определения динамики словоупотребления отдельных единиц, может быть рассмотрен по блокам, представленным ниже.

1. Лексические лакуны. К ним относятся незафиксированные слова и их варианты: орфографические, фонетические, морфонологические, морфологические, словообразовательные (однокоренные разносуффиксальные слова) и этимолого-словообразовательные модификации слов с тождественной семантикой.

Незафиксированные слова. *Азотический, алмазо-шпатель, алудель, атрамент, аэрометр, барит, бликовать, блушштейн, витриологический, влаголюб, водотворный, воздухопробователь, вспышчивый, выкалывание, голышный и голышевый, землекружной, кислотритриологический, кислокупоросный, кисло-селитренный, кислосолёный, кислокусусный, кислошпатовый, клисс, коакс, когобация, колкотар и калкатар, корозив, купоросистый, лазуревокислый, латон, летучещелочной, ликвефикация, льдообразный, мьлкозернистость, натр, низверг, низверговать, опытодъятельный, плавко-шпато-кислый, платина дель пинто, плывучесть, полупревращенный, потоцгльбный, простоселитренный, процгжживательный, разпрыгиваться, растирательный, саль, светлосгльбый, сквашивание, тинктура, удобозатыкаемый, уморазительный, фигурование, фигуровать, фигурироваться и др.*

Незафиксированные варианты слов (в скобках даны варианты, имеющиеся в КС XVIII). *Алкализованный (алкализованный), амалгование (амальгамация, амальгамирование), ампула (ампула), аналита (аналист, анализист), бецоар(д) (безоар), бецоардический (безоарный, безоардовой), вермиллон (вермильон), визмут (визмут, бизмут), возгнание (возгонение, возгонка), возгнать (возгнати), возгонок (возгонка), вольфрам (вольфрам), выгонение (выгонянье), выщелочивать (выщелачивать), зандарак (сандарак, сандарака), кементация (цементация), литаргирум (литарг), пренсметаль (принцметалл), спаутер (шпаутер), спаутеровый (шпаутеровый), стеклянка (склянка, стклянка) и др.*

2. Семантические лакуны – факты отсутствующих в КС XVIII словоупотреблений, свидетель-

ствующих о внутрисемантической динамике слова. Восполнение подобных пробелов в семантическом объеме слова может стать материалом для уточнения уже выделенного значения или послужить основанием для выделения нового значения (оттенка значения).

Уточнение значения. В СРЯ XVIII слово *известь* в одном из значений дано с пометой *Хим.* и определяется как ‘металл или полуметалл, превращенный в порошок в результате горения или растворения в кислоте’ (СРЯ XVIII, вып. 9, с. 20). Данное толкование, очевидно, основано на определении, приведенном в САР¹: «*Химики называют сим именем всякой металл или полуметалл посредством огня или разтворения в кислотах лишенный своей связи и блеска, и в видъ порошка являющийся*» (САР¹, ч. 3, с. 282) (шифры источников см. [8]). Однако оба толкования, на наш взгляд, нуждаются в дополнении, так как в ряде трактатов словом *известь* также обозначается вещество, образуемое в результате взаимодействия металла с воздухом: *На влажном воздухъ желъзо ржавѣет, то есть, превращается в известъ бураго цвѣта* (Эркс., с. 326). *О превращении свинца в известъ. I. Что дѣлается чрез воздух, огонь и кислоты* (Генк., с. 133).

Более того, с открытием кислорода в последней трети XVIII в. и определением его роли в процессах горения и дыхания, термин *известь* обретает дополнительный, уточняющий, смысл – ‘соединение металла с кислородом, оксид’: *Мышьяк помощью сожжения превращается лишь в оксид, но селитренная кислота или соляная кислота кислородным началом насыщенная, уступает мышьяковой извести свое кислородное начало, сколько нужно для составления мышьяковой кислоты* (Фурк., с. 61).

В СРЯ XVIII одно из значений слова *дух* дано с пометой *Хим.* и толкуется как ‘спирт’ (СРЯ XVIII, вып. 7, с. 36). В первой из двух цитат речь действительно идет о винном спирте (*дух винный сидѣть*). Из второй же цитаты (*Из помянутого купоросу сдѣлано масло и дух купоросной*) следует, что речь идет о кислоте или ее парах, что подтверждается и нашими материалами: *Сии пары <горящей серы> называются летучим сгърным духом. Сей дух имѣет всѣ свойства кислот, но гораздо слабѣе* (Умозр. химия, ч. 1, с. 55–56). *В сей работѣ переходит .. дух, или спирт, то есть кислота в водяном видѣ, как тончайший туман* (Генк., с. 21).

Незафиксированные значения. Слово *алкоголь* в варианте *алкоголь* в СРЯ XVIII снабжено пометой *Хим.*, имеет год фиксации (1787) и толкование ‘винный спирт, очищенный перегонкой от всех примесей’ (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 48). В наших материалах отмечено (хотя и единичное) употребление слова в ином значении – ‘мелкая пыль, тончайший порошок’: *А дабы из онаго <порошка> получить самую мьльчайшую пыль, или иначе алкоголь называемую, которой уже нельзя ощущать между пальцами; то употребляют растирательный камень с его бьгуном* (Эркс., с. 20). В данном значении слово *алкоголь* имело хождение в западноевропейской химической

литературе, о чем, в частности, свидетельствует «Полный этимологический химический ручной словарь» Г. К. Виттштейна: ‘тончайший порошок, получаемый, например, в результате сжигания при самой высокой температуре коры хинного дерева или железа’ (Witt., p. 41).

В СРЯ XVIII слово *вытянуть* (*вытягивать*), а также *вытянуться* (*вытягиваться*) как страдательный глагол представлены значениями ‘таща, извлек’, ‘высасывая, всасывая, удалить, извлек’ и др. (СРЯ XVIII, вып. 5, с. 60–61). При этом, однако, не отмечено специальное значение ‘извлек, получить вещество из другого соединения путем перегонки, вываривания, выщелачивания’, в котором данное слово функционирует в трактатах по химии: *Селитру в самом дъль из камней и извести развалившись строений ... вытягивают чрез варение в водъ смешенной с постоянною щелочною солью* (Умозр. химия, ч. 1, с. 60–61). *Смоляныя вещества и из самых тѣх растѣний или их частей, в которых онъ содержится, посредством виннаго спирта можно вытянуть и потом сгустить их* (Эркс., с. 147). *Золото из его раствору <в купоросном масле> натуральной и дѣланною нефтью .. вытягивается* (Минер. В., с. 483).

В КС XVIII глагол *осърнить* представлен лишь справочным материалом (ЛВ¹, САР¹): *Сърою намазан, натерт, облит, насърен, осърен. Осърнить стички или фитиль*. В Словаре приведены те же цитаты и дано толкование ‘покрыть, пропитать горючей серой’ (СРЯ XVIII, вып. 17, с. 98). Однако, начиная с 70-х гг., причастие *осъренный* выступает частью терминологических сочетаний, маркирующих вещество, содержащее в своем составе серу: *Серебро орудѣнное осъренным мышьяком и желѣзом*. (Крон., с. 240). *Крѣпкая виннокаменная кислота .. разрѣшает осъренную, оселитренную и осоленную соду и поташи* (Фурк., с. 66–67). *Когда изподволь разгорячаются окристалованная селитра и сѣрощелочной состав, то из первой отдѣляется кислотворный гас, а из послѣдняго же водотворный осъренный гас* (gas hydrogenium sulphuratum) (Петров, с. 43–44).

Сам же глагол *сърить* представлен в нашем материале хотя и единичным употреблением, но в совершенно новом значении – ‘отбеливать ткань с помощью сернистой кислоты или сернистого газа’: *Несовершенная сѣрная кислота, будучи с красильными частицами соединена, отнимает у них цвѣтъ, для сего и сѣрят шелк и шерсть, дабы здѣлать их бѣлыми* (Гирт., с. 326)¹.

3. Изменения в датировке. Новые материалы предоставляют уточняющую информацию о более ранней фиксации заимствований и их дериватов, а также ряда исконных слов. Отметим лишь те лексические единицы и терминологические сочетания, которые позволяют пересмотреть

их датировку с учетом принятой составителями СРЯ XVIII периодизацией: I период (до 1740 г.), II период (1740–1779), III период (1780–1805). В скобках указана фиксация единиц в соответствии с материалами КС XVIII: *болус* 1739 (1755), *водянность* 1772 (80–90-е гг.), *волфарт* 1772 (1785), *вытяжка* 1774 (80–90-е гг.), *кобальтовый* 1774 (1787), *крѣпкоплавкий* 1776 (1786), *кривогорлый* 1775 (1788), *легкоплавкий* 1776 (1798), *летучесть* 1763 (1790), *лѣтучность* 1754–58 (1779), *пѣна волчья* 1772 (1798) и др.

Представляется, таким образом, что специальная лексика из ранее не исследованных оригинальных и переводных химических трактатов XVIII в. может послужить дополнительным источником для пополнения КС XVIII. При этом рассматриваемый материал позволяет расширить иллюстративную базу как аргументирующую часть словарной статьи. Новый цитатный материал особенно необходим для тех словарных единиц, которые подкреплены лишь материалом из словарей XVIII века (напр., *воздухомѣр, дробление, калка, калильный, каломель, кораллоподобный, осърнить, осъренный* и др.) или 1–3 речениями, извлеченными зачастую из одного источника (*витриолический, выщелочение, дистиллирование, капелина, кобальтовый, крѣпкоплавкий, минералический* и др.).

Работа по расширению КС XVIII за счет привлечения новых источников, причем не только печатных, изданных преимущественно в российских столицах, но и рукописных, в том числе региональных, рассматривается в качестве одной из актуальных задач в области русской исторической лексикологии и лексикографии (см. [9–13]). Важность этой работы обусловлена еще и тем, что уникальные и обширные материалы КС XVIII представляют собой наиболее полный источник для исследований по истории русской лексики XVIII века, в том числе терминологической.

Список сокращений

- Генк. – Генкель, И. Ф. Руководство к химическому рудословию / И. Ф. Генкель; пер. с нем. Алексея Гладкого. – СПб., 1775.
Гирт. – Гиртаннер, Х. Начальные основания химии, горючее существо опровергающей / Х. Гиртаннер; пер. с нем. Якова Захарова. – СПб., 1801.
Крон. – Кронштедт, А. Ф. Опыт Кронштетова рудословия / А. Ф. Кронштедт; пер. с нем. Матвея Курдымана. – СПб., 1776.
ЛВ¹ – Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова: в 2 ч. – СПб., 1755–1764. – 2 ч.
Минер. В. – Валлериус, И. Г. Минералогия, или Описание всякого рода руд / И. Г. Валлериус; пер. с нем. Ивана Шлаттера. – СПб., 1763.
Петров – Петров, В. В. Собрание физико-химических новых опытов и наблюдений / В. В. Петров. – СПб., 1801. – Ч. 1.
САР¹ – Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб., 1789–1794. – 6 ч.
СРЯ – СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. – Л., СПб.: Наука, 1984–2012.
Умозр. химия – Макер, П. Ж. Начальные основания умозрительной химии: в 2 ч. / П. Ж. Макер; пер. с фр. Космы Флоринского. – СПб., 1774–1775. – 2 ч.
Фурк. – Фуркруа, А. Ф. Химическая философия... / А. Ф. Фуркруа; пер. с фр. Ивана Книгина и Ивана Каменского. – Владимир, 1799.
Эркс. – Эркслебен, И. Начальные основания химии / И. Эркслебен; пер. с нем. Никиты Соколова. – СПб., 1788.
Witt. – Wittstein, G. C. Vollständiges etymologisch-chemisches Handwörterbuch / G. C. Wittstein. – München, 1847. – В. I.

¹ Помимо случаев незафиксированных значений слов, следует отметить отсутствие в КС XVIII цитат, свидетельствующих о синонимии терминологических сочетаний, напр.: ‘сульфид ртути’ – *эдиоп* (*етиопс*) *минеральный* (Минер. В., с. 339), *минеральный или ртутный* (Эркс., с. 265–266), *изкопаемый* (Крон., с. 289) / *арап подземельный* (Генк., с. 129).

Список литературы

1. Кутина, Л. Л. Формирование терминологии физики в России. Период предмонарховский: первая треть XVIII века / Л. Л. Кутина. – М.–Л.: Наука, 1966. – 288 с.
2. Кутина, Л. Л. Формирование языка русской науки. (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.) / Л. Л. Кутина. – М.–Л.: Наука, 1964. – 219 с.
3. Петрова, З. М. Роль прилагательных на *-арный / -ярный* в формировании специальной терминологии русского языка XVIII века / З. М. Петрова // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века. – Л., 1984. – С. 46–62.
4. Петрова, З. М. Язык русской ботанической науки XVIII века / З. М. Петрова // Очерки по исторической лексикологии русского языка: памяти Ю. С. Сорокина. – СПб.: Наука, 1999. – С. 40–54.
5. Замкова, В. В. Терминология пробирного дела и аффинажа в русском языке XVIII в. / В. В. Замкова // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М.–Л.: Наука, 1966. – С. 52–80.
6. Замкова, В. В. Специальная лексика в историческом словаре (К вопросу об отборе слов) / В. В. Замкова // Проблемы исторической лексикографии: сб. статей. – Л.: Наука, 1977. – С. 81–93.
7. Коноплина, Е. Д. Глагольное управление в русском языке науки второй половины XVIII века / Е. Д. Коноплина // Очерки по исторической лексикологии русского языка: памяти Ю. С. Сорокина. – СПб.: Наука, 1999. – С. 125–146.
8. Кутина, Л. Л. Словарь русского языка XVIII века: правила пользования словарем: указатель источников / Л. Л. Кутина, О. Е. Березина, А. А. Алексеев; под общ. ред. Ю. С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – 141 с.
9. Сорокин, Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. / Ю. С. Сорокин // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М.–Л.: Наука, 1966. – С. 7–36.
10. Петрова, З. М. Из истории работы над «Словарем русского языка XVIII века» / З. М. Петрова // Русский язык конца XVII–начала XIX века (вопросы изучения и описания). – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1999. – С. 7–17.
11. Малышева, И. А. Новые источники «Словаря русского языка XVIII века» / И. А. Малышева // «Единым писмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: сб. науч. тр. памяти З. М. Петровой. – СПб.: Наука, 2007. – С. 261–275.
12. Малышева, И. А. Региональные памятники деловой письменности XVIII в. как новые источники «Словаря русского языка XVIII века» / И. А. Малышева // Историческая лексикология и лексикография. – Вып. 8. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 86–98.
13. Волынская, А. В. Лексика книжного дела в архангельских источниках XVII – первой половины XVIII века / А. В. Волынская // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века): материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVIII Междунар. филолог. конф., 16–20 марта 2009 г. – СПб., 2010. – С. 24–31.

Соколов Александр Иванович, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного технологического института, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия).

Original and translated chemical works not included in the source list of The Russian Language Dictionary of the XVIII Century are examined. The article is focused both on chemical terms absent in the Card Catalogue and fixed vocabulary units which are not enough provided with the locutions witnessing a special (chemical) meaning of a lexeme.

РАЗДЕЛ III

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ РАЗРЯДОВ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

УДК 811.161

Л. В. Алешина

РОЛЬ И МЕСТО СЛОВАРЕЙ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ
В ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

Окказиональные слова относятся к мало освоенным в современной лексикографии группам лексики. Разработанная нами модель словаря авторских инноваций представляет собой разновидность словаря языка писателя, которая характеризуется особенностями как на макро-, так и на микроструктурном уровне.

Вопросы, связанные с созданием словарей языка писателя (поэта, публициста), были всесторонне обсуждены в ходе дискуссий на научно-практических конференциях, в серии публикаций. Теоретические положения нашли воплощение в конкретных изданиях. В результате выкристаллизовался такой тип филологических словарей, как словарь языка писателя, который в настоящее время выделяется практически всеми авторами лексикографических классификаций, при этом «в области построения авторских словарей наблюдается постоянное расширение набора лексикографируемых языковых единиц и структурных отношений» [1, с. 5]. В частности, до настоящего времени на периферии лексикографической теории и практики находятся индивидуальные новообразования, хотя вопрос об их обработке встает и перед составителями общих словарей языка писателя. Так, Л. П. Катлинская, один из разработчиков словаря языка В. И. Ленина, отмечает, что «возможный способ отражения индивидуально-авторского в правой части словарной статьи встает как отдельная, самостоятельная задача. Наиболее очевидной и наиболее впечатляющей характеристикой индивидуально-авторского в ленинском словоупотреблении служат не зафиксированные словарями языковые единицы» [2, с. 86].

То обстоятельство, что инновационная лексика пока не нашла систематического отражения в лексикографических изданиях, не может не тормозить ее изучение. Имеющиеся лакуны в системе современных словарей могут заполнить словари авторских новообразований, составленные по результатам сплошной выборки инноваций из творческого наследия писателей и поэтов, проявивших склонность к словотворчеству. Словари этого типа призваны решить ряд задач: ознакомить с новообразованиями писателя (поэта) в их совокупности; дать необходимые сведения о семантической и словообразовательной структуре каждой представленной в словаре лексической единицы; отразить системные связи инноваций как с узуальными словами, так и с другими инновациями данного автора; выявить особенности распределения авторских новообразований по понятийным классам.

Лексикографы, работающие с общеязыковым материалом, приступая к составлению словаря, с самого начала должны решить для себя вопрос о его объеме. Это справедливо и по отношению к авторской лексикографии. «Попытка объять необъятное, – отмечает Ф. П. Филин, – была предпринята авторами некоторых проектов словарей писателей, но она привела лишь к тому, что объем этих словарей должен был во много раз превысить объем самих сочинений писателей, а специфика языка писателей продолжала оставаться для словарей неуловимой» [3, с. 5]. Это противоречие позволяет преодолеть разработку разных видов словарей языка писателя. Впервые эта мысль прозвучала в трудах Б. А. Ларина, который считал, что «полный алфавитный словарь писателя-классика – только первый этап работы как дань лексикографической традиции. За ним должен последовать второй, завершающий этап – идеологический словарь писателя» [4, с. 221].

Продуктивным представляется положение Р. Р. Гельгардта о двух типах писательских словарей. Словари одного типа охватывают весь лексический материал одного автора, тогда как словари другого типа ограничиваются определенной частью лексики. В первом случае, как считает ученый, задача сводится к расположению слов в алфавитном порядке, к систематизации различных оттенков значений и некоторому грамматическому разбору слов, а иногда – их этимологическому пояснению. Во втором случае лексикограф отбирает материал из общего «лексического инвентаря», выделяя те элементы, которые интересны с точки зрения поставленных им задач анализа лексики писателя [5, с. 27].

Среди словарей языка писателя выборочного типа должны занять свое место словари, посвященные разработке индивидуально-авторских новообразований. В них должны получить фиксацию по возможности все индивидуальные новообразования, встречающиеся в идиостиле данного автора. Однако зачастую трудно решить вопрос о том, является ли то или иное слово авторской инновацией. Поэтому прежде всего необходимо выработать критерии, которые позволят обосновать отнесенность лексических единиц к индивидуально-авторским новообразованиям. В Словаре новообразований Н. С. Лескова нами разрабатываются лексемы, которые а) воспринимаются как неузуаль-

¹ Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00066.

ные, необычные; б) не зарегистрированы словарями (сверка производилась по 55 словарям разных типов, как современным, так и изданным в XVIII–XIX вв.); в) обусловлены контекстом; г) семантически являются более емкими и насыщенными, чем узусальные слова того же словообразовательного типа. К дополнительным критериям относим авторскую маркированность кавычками, курсивом, разбивкой, окказиональную словообразовательную структуру инноваций.

Словари новообразований, безусловно, относятся к классу филологических, поскольку объектом их описания являются языковые факты. В то же время многие словарные статьи должны содержать информацию когнитивного характера для того, чтобы максимально полно раскрыть лексическое значение толкуемых слов. Однако в словарях рассматриваемого типа в такой информации нуждаются иные группы слов по сравнению как с толковыми словарями общего языка, так и со словарями языка писателя. Так, в Словаре новообразований Н. С. Лескова экстралингвистические сведения содержатся в толковании следующих групп слов: а) деонимов, включающих в свое значение определенные сведения о реалии, связанной с производящим именем собственным; б) производных, созданных на базе историзмов; в) производных, созданных на базе экзотизмов; г) производных, созданных на базе терминов или профессионализмов. При этом экстралингвистическая информация дается не о заголовочном слове, как во всех других филологических словарях, а о его производящем. Например, производные *марфунство*, *марфунствовать* нельзя объяснить при помощи толкований типа 'то, что свойственно Марфе', 'образ жизни, свойственный Марфе'. Необходимо сообщить, что Марфа – библейская героиня, которая печется в первую очередь об удовлетворении таких потребностей ближнего, как потребность в еде, тепле, ночлеге, в то время как ее сестра Мария заботится прежде всего о состоянии души, о пище духовной, иначе нельзя уяснить смысловую структуру инновации, причем как ее денотативный компонент, так и сферу коннотаций. Значение окказиональных глаголов *двугубить* и *трегубить* не понять без сведений о том, что во время церковной службы существует двукратное провозглашение аллилуйи, так называемая двугубая аллилуйя, и троекратное, или трегубая аллилуйя.

В словарях языка писателя далеко не каждое заголовочное слово получает развернутое семантическое определение в виде словарной дефиниции. Если авторы словаря считают семантическую структуру заголовочного слова достаточно прозрачной, то ограничиваются цитацией (см., например, словарные статьи к словам АНТИ-ДРАМАТИЧЕСКИЙ, АНТИ-КРИТИКА и др. в «Словаре языка Пушкина»). Но и в тех случаях, когда словарные статьи словаря языка писателя содержат дефиницию, требования к ним существенно отличаются от требований, которые предъявляются к семантическому определению в общих толковых словарях, где «ищут устойчивое семантическое ядро слова, определяют значения слов с предельным отрешением от каждого частного контекста», обобщая самый широкий ряд применений слова, тогда как в словарях писателя «необходимо уловить не сквозной семантический стержень множества

словоупотреблений, а каждый единственный семантический комплекс слова...» [4, с. 220–221]. Таким образом, словари языка писателя любого типа принципиально отличаются от толковых словарей общего языка тем, что они призваны вскрывать особенности авторского словоупотребления, «тех индивидуальных, субъективных смыслов, которые возникают в произведениях данных писателей» [6, с. 144].

В еще большей степени это относится к лексикографической разработке авторских новообразований, встречающихся, как правило, в единичном употреблении, которое и должно быть проанализировано таким образом, чтобы максимально раскрыть семантическую структуру каждой рассматриваемой лексической единицы. Это возможно только при опоре как на микро-, так и на макроконтэкст, рамки которого могут расширяться до главы, части произведения и даже всего произведения в целом. Нередко следует принимать к сведению и экстралингвистические факторы: точку зрения писателя по определенным общественно-политическим вопросам, нюансы личных взаимоотношений с теми или иными людьми и т. д. Все это обязательно учитывается при работе над словарными дефинициями, но, поскольку объем словарной статьи ограничен, не всегда получает в ней эксплицитное выражение.

Поскольку предметом описания в словарях новообразований являются производные слова, необходимо прибегать к дефинициям, которые предполагают наличие мотивирующего слова, тогда как в общих словарях языка писателя встречаются дефиниции всех известных в лексикографии типов. На этом пути лексикографа подстерегает опасность подмены семантического толкования инноваций собственно словообразовательным. Дефиниции, будучи прежде всего семантическими, в то же время должны дать возможность выявить мотивирующее, а следовательно, и производящее, слово: *аспидство* 'состояние того, кто испытывает чрезмерно тяжелые, невыносимые, аспидские муки', *брыкада* 'поведение того, кто скандалит, капризничает, «брыкается»'.

Кроме того, производный характер инноваций диктует необходимость включения в структуру словарной статьи зоны словообразовательной интерпретации, которая не предусмотрена в традиционных словарях языка писателя. В этой зоне должны быть представлены производящие основы, слова или словосочетания, указаны словообразовательные средства, определен способ словопроизводства, отмечены морфонологические явления.

Зачастую, опираясь на контекст, можно построить синонимические дефиниции, которые, передавая одинаковый смысл, содержат разные мотивирующие слова. В таких случаях дается дефиниция, включающая оба мотивирующих слова, причем множественность мотивации должна найти отражение и в зоне словообразовательной интерпретации, которая членится на секторы, разделяемые при помощи знаков ①, ②. Так, производное *антиханжеский* можно трактовать и через прилагательное *ханжеский*, и через существительное *ханжа*: 'направленный против тех, кому свойственно ханжеское поведение, против ханжей, жертвующих огромные средства проповедникам и чудотворцам в надежде с их помощью добиться личных благ, и равнодушных

насчитывается более 1600 населенных пунктов: 1567 сельских населенных пунктов, 19 поселков городского типа и 10 городов. Население республики составляет около 3 млн. человек (по переписи населения 2010 г.), среди которых представители более ста национальностей.

Языки народов, проживающих в Республике Дагестан компактно (всего 28 языков, из которых четырнадцать являются бесписьменными), принадлежат в основном к трем языковым семьям: кавказской (23 языка: а) дагестанские языки (22): аварский, андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский, бежтинский, гинухский, гунизбский, цезский, хваршинский; даргинский; лакский; лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский; б) нахские языки (1): чеченский; тюркской (3 языка: кумыкский, ногайский, азербайджанский); индоевропейской (2 языка: русский, татский). Четыре языка лезгинской группы (крызский, будухский, хиналугский, удинский) представлены за пределами Дагестана.

Из них государственными являются, помимо общегосударственного для всей Российской Федерации – русского языка – аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский. Языком межнационального общения является русский язык.

В именниках народов Дагестана находят свое отражение исторически сложившиеся обычаи и традиции, религиозные взгляды, эстетические представления.

В дагестанском антропонимике наличествует несколько этнолингвистических пластов: исконный, арабский, персидский, тюркский и русский. Такая пестрая картина объясняется тем, что территория, населенная дагестанцами с древних времен, служила ареной многочисленных исторических событий. Она была зоной интенсивных взаимодействий местных и пришлых этнических групп на протяжении многих веков. Естественно, что современные личные имена дагестанцев формировались в течение длительного периода под воздействием целого ряда исторических этапов в сложных этнических и лингвистических условиях.

Основную массу имен дагестанцев составляют заимствованные имена, а исконные представлены в ограниченном количестве. Влияние именников других языков и изменение традиций и обычаев наречения детей на различных этапах истории способствовали постепенному вытеснению исконных имен. В количественном соотношении явно преобладают арабские личные имена. Их интенсивному проникновению и закреплению в антропонимии народов Дагестана способствовали следующие факторы: функционирование арабского языка в определенный исторический период в качестве языка религии, делопроизводства, науки, культуры и образования. Арабские имена проникли главным образом после принятия мусульманской религии. Торгово-экономические, политические и культурные связи с носителями тюркских языков, общность религии тюркоязычных и дагестаноязычных народов и отходничество благоприятствовали проникновению

тюркских имен. Персидские личные имена проникали в результате военно-политических, торгово-экономических, культурных и других связей Дагестана с Ираном. Встречаются имена-гибриды, образованные с участием арабских, тюркских и персидских имен.

Заимствование русских личных имен (сюда мы относим и западноевропейские имена, заимствованные опосредованно через русский язык) относится к более позднему периоду. Их массовое проникновение наблюдается в XX веке, особенно во второй половине. Вхождение Дагестана в состав России, упрочение экономических, политических и культурных связей, создание новой письменности дагестанцев на основе русской графики, приобретение русским языком статуса государственного языка Республики Дагестан и языка межнационального общения дагестанцев явились предпосылкой пополнения.

В именниках народов Дагестана имеются сложносоставные имена, которые образованы путем соединения личных имен из различных языков. Имена, образованные с участием исконно дагестанских имен и нарицательной лексики дагестанских языков, мы относим к исконным.

В силу приверженности многих дагестанцев к одной конфессии – к мусульманству – большинство имен дагестанских народов схожи и могут иметь варианты.

Несмотря на проведенную огромную работу по изучению грамматического строя дагестанских языков и составлению научных грамматик, неразработанность ономастики этого уникального региона мира является достаточно очевидным фактом.

Онимы длительного времени оставались вне должного внимания лингвистов. Вплоть до второй половины XX в. не было комплексных работ с лингвистическим анализом. В 1996 г. выходит книга Р. И. Гайдарова «Введение в лезгинскую ономастику», состоящая из двух частей. Вторая часть, «Антропонимия», посвящена анализу прозвищ, полумимен, псевдонимов и идионимов [1, с. 48–82]. Вопросам истории становления и развития ономастики в республике посвящена статья И. Х. Абдуллаева «Об исследованиях по дагестанской ономастике» [2, с. 105–120]. Охарактеризовав общее состояние отечественной ономастики, автор прослеживает пути развития антропонимии и топонимии нашей республики. Различным вопросам антропонимии посвящен ряд работ этого же автора.

В приложениях к национально-русским словарям дается систематизированный материал по ономастике народов Дагестана.

Организованный в г. Махачкале первый Кавказский ономастический семинар стал «научной конференцией, охватившей значительный по объему свежий материал, впервые введенный в научный оборот» [3, с. 4]. В 1980 г. в г. Орджоникидзе был издан межвузовский сборник статей «Ономастика Кавказа», в котором исследования учёных объединены в шесть разделов: антропонимия, этнонимия, топонимия, зоонимия, космонимия, общие вопросы ономастики Кавказа [4].

В первом выпуске сборника материалов и исследований «Дагестанская ономастика» [5] опубликованы шесть статей по антропонимам. Во второй выпуск [6] вошли двадцать статей, где рассматриваются

семантические и словообразовательно-морфологические особенности различных видов собственных имен в дагестанских языках.

В последнее время публикуются научные труды и словари по антропонимии народов Дагестана: «Как тебя зовут?» Э. Я. Сафаралиева [7], «Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской» С. М. Рабаданова [8], «Способы передачи аварских антропонимов в русском тексте» П. А. Лёкова [9], «Словарь лезгинских личных имен» Н. Ш. Абдулмуталибова [10], «Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику» Н. Э. Гаджихмедова и Г.-Р. А.-К. Гусейнова [11], «Словарь арабских и персидских заимствований в даргинском языке» (составители: Н. И. Стоянова и И. И. Эфендиев) [12], «Словарь даргинских личных имен» М. Р. Багомедова [13], «Личные имена кумыков: традиции имяна-речения, происхождение, семантика и грамматика» Н. Э. Гаджихмедова [14] и др.

Личные имена часто включаются в состав топонимов и других разрядов собственных имен. Например, количество антропонимов в топонимической лексике даргинского языка достаточно велико. Географические названия в основном связаны с личными, родовыми (фамильными) именами людей и прозвищами. По частотности употребления ведущее место занимают мужские и женские личные имена: а) мужские имена: *Тяймашхляжила хъу* – Пашня Таймазгаджи, *Багъатирла махъхы* – Отселок Багатира (с. Меусиша), *Шамхула иници* – Родник Шамху (с. Усиша), *Закаргела мура* – Покос Закарги (с. Кудагу), *Бяхлмудла хъяб* – Перевал Бахмуда (с. Санжи), *Тузарла урумчч* – Источник Тузара (с. Уркарах), *Шихла шилкъан* – Мельница Шиха (с. Дейбук), *Гъзибегла мура* – Покос Газибега (с. Цураи) и др.; б) женские имена: *ПатлумахъватI* – Квартал Патимат, *Гляжула глиници* – Родник Ажу (с. Меусиша), *Сарала уриги* – Ток Сары, *Хибайла глиникъ* – Пещера Хибай (с. Ираки), *Халумла хляб* – Могила Халум (с. Кудагу) и др. В количественном соотношении антропотопонимы с мужскими именами преобладают. Это характеризует патриархальность общественного уклада жизни народа и связано с большими правами мужчин на частную собственность в прошлом, их более активной трудовой и общественной деятельностью (освоение новых участков земли, посадка деревьев, строительство или ремонт моста, очищение родника и т. д.).

Антропотопонимы чаще всего встречаются в названиях таких объектов, которые человек сам создавал или каким-то образом соприкасался с ними. В их числе можно назвать: поселения (селения, хутора, кварталы села), погребальные сооружения и святые места (кладбища, стелы, мечети, зияраты), мельницы, тока (гумна), мосты, стоянки для путников, дороги, пещеры, поляны, пашни, покосы, деревья, сады, леса, валуны, родники. Наличие антропотопонимов в названиях нерукотворных объектов говорит о произошедшем событии, конкретном факте. Например: *Гямматта кавшиб хъяб* – Перевал, где был убит Аммата, *Къабан кайчиб шурми* – Валуны, откуда сорвался Кабан (с. Уркарах), *Гляйша карушиб бахI* – Вершина, где была убита Айша (с. Меусиша) и др.

Антропотопонимы позволяют восстановить имена предков. В некоторых из них наличествуют сейчас не употребляемые личные и родовые имена.

Сегодня назрела необходимость издания словарей всех народностей рассматриваемого полиэтнического региона. На наш взгляд, структура словарной статьи может выглядеть следующим образом:

1. В левой части словарной статьи по алфавиту располагаются личные имена на родном языке (диалекте): *Айгуб, Гъази, Гляшура*.

2. Далее следует русский вариант, т. е. официальный, паспортный: *Айгуб* Айгуб, *Гъази* Гази, *Гляшура* Ашура.

3. При каждой форме толкуемого имени дается ее характеристика, в которой наличествует языковая, иногда и культурно-историческая информация: *Гисакъ* Исаак др.-евр. от *йисхак* – засмеется, засмеялась, имеется в виду Сарра, жена библ. патриарха Авраама, которая засмеялась, услышав, что у нее в преклонном возрасте родится сын; *Ряхлума* Рагима араб. от м. и. *Ряхлим* – милосердный (эпитет Аллаха).

4. В правой части указывается источник происхождения имени: *Гяхлмид* Ахмед араб., *Мирза* Мирза перс., *Ажай* Ажай тюрк.

Включенная в скобки помета указывает на первоначальный источник происхождения имени: *Давд* Дауд араб. (др.-евр.), *Химмат* Гиммат перс. (араб.), *Наргиз* Наргиз перс. (др.-греч.).

5. Этимология имен дается по всевозможным источникам. Отмечаются различные версии толкования имени с отсылкой читателя к соответствующим работам. В таких случаях они отмечаются литерой. Например: (Г) – Гафуров, (С) – Суперанская, (Саф) – Сафаралиева, (СЭ) – Стоянова, Эфендиев и др.

При совпадении имен разного происхождения в одном звучании, они приводятся через номера. Например: *Сягид* Саид – араб. 1) счастливый, успешный; 2) растущий, идущий вверх; 3) охотник; 4) возможно, от араб. *Сайид* – предводитель, глава, титул потомков пророка и халифа Али.

Спорные положения отмечаются знаком «(?)»: *Сайбул* Сайбул араб. стяж. ф. м. и. *Сайтуллагъ* (?); *Санай* Санай дарг. от нар. *Сана* – солнечная сторона (?).

В словарь необходимо включать и такие имена, сведения о происхождении которых отсутствуют. В целом словарь должен содержать следующую информацию: какие имена служат для именования представителей того или иного этноса; какие формы принимают одни и те же имена у представителей разных диалектов; какие формы имен соотносятся друг с другом как варианты; является ли данное имя мужским или женским, полным или сокращенным; кем создано то или иное имя и как оно проникло в язык; от каких слов образовано имя.

Таким образом, сбор и последующее изучение антропотопонимов, а также издание словарей личных имён народов полиэтнического Дагестана имеют значение как в собственно лингвистическом отношении, так и с точки зрения лингвоэтноэкологии.

Список литературы

1. Гайдаров, Р. И. Введение в лезгинскую ономастику / Р. И. Гайдаров. – Махачкала, 1996. – 111 с.
2. Абдуллаев, И. Х. Некоторые вопросы дагестанской антропонимии / И. Х. Абдуллаев // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М., 1970. – С. 136–139.

3. Ономастика Кавказа / отв. ред. В. А. Никонов. – Махачкала, 1976. – 330 с.
4. Ономастика Кавказа / под ред. Т. А. Гуриева, Б. Р. Логашова, В. А. Никонова. – Орджоникидзе, 1980. – 192 с.
5. Дагестанская ономастика. Материалы и исследования / сост. Т. Г. Таймасханова; науч. ред. К. С. Кадыраджиев. – Махачкала, 1991. – 161 с.
6. Дагестанская ономастика. Материалы и исследования / сост. Т. Г. Таймасханова, З. М. Тагирова; отв. ред. И. Х. Абдуллаев. – Махачкала, 1996. – Вып. 2. – 114 с.
7. Сафаралиева, Э. Я. Как тебя зовут? / Э. Я. Сафаралиева. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. – 340 с.
8. Рабаданова, С. М. Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской / С. М. Рабаданова. – Махачкала, 2000. – 128 с.
9. Лекова, П. А. Способы передачи аварских антропонимов в русском тексте / П. А. Лекова. – Махачкала, 2002. – 201 с.
10. Абдулмуталибов, Н. Ш. Словарь лезгинских личных имен / Н. Ш. Абдулмуталибов. – Махачкала, 2004. – 199 с.
11. Гаджихмедов, Н. Э. Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику. Словарь /

- Н. Э. Гаджихмедов, Г.-Р. А.-К. Гусейнов. – Махачкала, 2004. – 170 с.
12. Словарь арабских и персидских заимствований в даргинском языке / сост. Н. И. Стоянова, И. И. Эфендиев. – Махачкала, 2005. – 130 с.
13. Багомедов, М. Р. Словарь даргинских личных имен / М. Р. Багомедов. – Махачкала, 2006. – 169 с.
14. Гаджихмедов, Н. Э. Личные имена кумыков. Традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика / Н. Э. Гаджихмедов. – Махачкала, 2008. – 184 с.

Багомедов Муса Расулович, доцент кафедры дагестанских языков ДГУ, кандидат филологических наук, доцент (Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация).

The report is devoted to a problem of compiling of dictionaries (dictionary) of personal names of the people of polyethnic region on the Republic Dagestan's example where twenty eight languages are concentrated and fourteen of them are unwritten (oral). Development prospects in the given direction are noted.

УДК 811.161.3'373.211.1

М. А. Даніловіч

ПРЫНЦЫПЫ СКЛАДАННЯ РЭГІЯНАЛЬНАГА ЭТНАЛІНГВІСТЫЧНАГА СЛОЎНІКА ТАПОНІМАЎ

Рассматриваются принципы, структура, содержание регионального этнолингвистического словаря топонимов. Предлагается в качестве методической основы словаря принять теорию топонимического поля. Обосновывается необходимость отражения в словаре этнолингвистического типа таких аспектов, как лингвистический, историко-этимологический, фольклористический.

У беларускай лінгвістыцы да гэтага часу застаецца не асвоеным вялікі пласт анамастычнай лексікі – мікратапаніміі, што сфарміравалася і функцыянуе ў розных кутках краіны. Задача фіксацыі і лексікаграфічнага спарадкавання яе сёння з'яўляецца асабліва надзённай. У выніку сацыяльна-дэмаграфічных працэсаў адбываецца разбурэнне традыцыйнай беларускай вёскі. Многія невялікія населеныя пункты перасталі існаваць ці знаходзяцца на мяжы існавання. Гэта прыводзіць да страты мясцовай тапаніміі, якая складвалася на працягу стагоддзяў. Калі яе не занатаваць цяпер, то праз пэўны час зрабіць гэта будзе немагчыма.

Тапанімічныя слоўнікі, якія створаны ў мінулыя дзесяцігоддзі, маюць пераважна лінгвістычны характар. Яны ўяўляюць сабой алфавітны паказчык уласных найменняў з абзначэннем геаграфічнага аб'екта (поле, сенажаць, лес, вадаём і інш.), з некаторымі граматычнымі паметамі, з пашпартнымі дадзенымі, якія ўказваюць, дзе запісаны матэрыял. Часам слоўнікавыя артыкулы дапаўняюцца іншай лінгвістычнай інфармацыяй. Напрыклад, у слоўніку «Мікратапанімія Беларусі» [1] паказана ўжыванне асобных мікратапонімаў у ілюстрацыйных прыкладах-сказах, да слоў іншамоўнага паходжання прыводзяцца паралелі з літоўскай, латышскай, прускай, германскіх і інш. моў. У «Анамастычным слоўніку Гродзеншчыны» [2] даюцца кароткія фармулёўкі ўтваральнай асновы мікратапонімаў, напрыклад: *Азараўічына* 'ўрочышча (былая сядзіба Азарава)', *Кабакоў млын* 'млын (належаў Кабаку)', *Дубішча* 'лес (шмат дубоў)'.

Такога тыпу слоўнікі карысныя ўжо тым, што яны рэгіструюць факты існавання канкрэтных мікратапонімаў у канкрэтнай мясцовасці. Па-

другое, яны прапануюць каштоўны матэрыял для аналізу тыпалагічнага адзінства і семантычнай разнастайнасці мікратапонімаў, для выяўлення іх словаўтваральных мадэлей, гістарычна-этымалагічных вытокаў.

Аднак, на наш погляд, такія слоўнікі ў многім абмежаваныя. Па-за іх увагай застаецца шматлікая экстралінгвістычная інфармацыя. А без яе ў многіх выпадках немагчыма дакладна ці правільна вызначыць і саму лінгвістычную прыроду тапоніма. Напрыклад, адносна назвы лесу *Воўк* (каля вёскі Бабіна Гродзенскага раёна) тапаніміст без сумнення будзе даводзіць, што яна этымалагічна празрыстая, што гэта семантычнае ўтварэнне ад апелятыва *воўк* 'дзікая драпежная жывёла сямейства сабачых', што пазалінгвістычная матывацыя мікратапоніма звязана з фактамі, якія мелі дачыненне да гэтай жывёлы ў гэтай мясціне. На самай справе, вытокі оніма не такія простыя, як здаецца на першы погляд. Паводле звестак інфарманта, паходжанне назвы звязана з анекдатычным выпадкам. Леснікі рабілі ў лесе санрубку, выпілоўвалі выбракаваныя дрэвы. Па правілах тэхнікі бяспекі на дарозе паставілі шыльду з надпісам на рускай мове «Осторожно! Валка леса». Ляснік дзеля жарту на шыльдзе закрэсліў у слове *валка* літару *a* і над ёю напісаў літару *o*, атрымалася слова *волка*. З надпісу выходзіла, што асцерагацца трэба ваўка лесу, які, напэўна, недзе тут жыве. Жарт атрымаў сацыяльную значнасць, і пасля гэтага лясны ўчастак пачалі называць словам *Воўк*.

Кожны тапонім – гэта цэлая культурна-гістарычная з'ява ў рэгіёне. Як адзначае В. П. Лемцюгова, «у аснову тапоніма кладзецца не проста

слова, а адна са стадый яго семантычнай эвалюцыі, абумоўленай інтэнсіўным уздзеяннем сацыяльна-эканамічных фактараў. Чым больш разнастайнай інфармацыяй даследчык будзе валодаць пра аб'ект, які абазначае тапанімізаваная лексема, тым дакладней ён зможа ўстанавіць, якое з яе значэнняў замацавалася ва ўласнай назве. Але ўнутрылінгвістычныя з'явы, як правіла, дыктуюцца і рэгулююцца пазалінгвістычнымі фактарамі. Галоўнымі пабуджальнымі матывамі найчасцей з'яўляюцца грамадскія ўмовы. У якім бы аспекце ні вывучаліся тапонімы, іх нельга ўявіць у адрыве ад сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі грамадства, ад яе культурных каранёў» [3, с. 44].

Тапонім шматлікімі ніцямі звязаны не толькі з пазамоўнай рэчаіснасцю, але і з іншымі тапанімічнымі назвамі пэўнай тэрыторыі. Прыкладзём на гэты конт слушнае выказанне В. М. Генкіна: «Тапанімію любога рэгіёну варта разглядаць не як механічную сукупнасць, нейкі «набор» тапонімаў, а як складаную арганічную сістэму. Рэгіянальная тапанімія складаецца менавіта як сістэма ва ўсёй разнастайнасці ўнутрысістэмных адносін» [4, с. 47].

Выявіць і паказаць рэгіянальную тапанімію ў яе сувязях і адносінах – важная задача тапалексікаграфіі. Рэалізаваць яе можна ў слоўніках новага тыпу, пабудаваных па іншых прынцыпах, чым традыцыйныя слоўнікі мінулага.

Прапануем свае разважанні адносна зместу і структуры новага тапанімічнага слоўніка. У якасці метадычнай асновы падобнага слоўніка мэтазгодна прыняць тэорыю тапанімічнага поля.

Тапанімічнае поле ўтвараюць усе тапанайменні, што бытуюць на пэўнай тэрыторыі. Яно мае цэнтр і перыферыю. Цэнтрам з'яўляецца айконім, вакол якога на лінгвістычнай карце разгрупаваны іншыя онімы (аграонімы, гідронімы, гелонімы, аронімы і інш.). Перыферыя – гэта крайняя частка поля, якая судакранаецца, перасякаецца з перыферыяй іншага, суседняга тапанімічнага поля. У мінулым мясцовыя жыхары выразна ўсведамлялі, дзе заканчваецца тэрыторыя іх актыўнага прабывання і пачынаецца тэрыторыя іншай супольнасці. Гэта знаходзіла ўвасабленне ў тапаніміі і антрапаніміі, заснаванай на прынцыпе «свой – чужы», напрыклад: *Нашо поля – Рудніцко поля* (ад назвы суседняй вёскі *Новая Руда*), *Наш Раскоп – Маркішоў Раскоп* (ад назвы вёскі *Маркішы*).

Развіццё і пашырэнне тапанімічнага поля зыходзіць ад яго цэнтра. Навакольная мікратапанімія як сістэма стваралася звычайна жыхарамі вёскі, пачынаючы ад першапачаснага, і адлюстроўвала быт, заняткі, адносіны да рэчаіснасці ў радыусе іх жыццяздзейнасці. Многія мікратапонімы абавязаны сваім утварэннем імёнам, прозвішчам, мянушкам канкрэтных жыхароў вёскі (*Жылінскі лес*, *Тамарына дарога*, *Кудлачыха* 'сенажаць').

Цэнтральны онім выступае дамінантай анамастычнай парадыгмы, напрыклад, вёска *Бабіна* – возера *Бабіна*, *Бабінскі лес*, *Бабінска канава*, *Бабінска дарога*, *Бабінско возяро*, *Бабінскі Раскоп* (насыпаная дарога), *бабінскі* (чалавек), *бабінскія*, *бабінцы* (жыхары вёскі *Бабіна*).

Збіральніку тапаніміі напачатку пажадана вызначыць межы тапанімічнага поля, улічыўшы такія вызначальныя фактары яго гістарычнага фарміравання, як прыродна-геаграфічныя асаблівасці краю, спецыфіка працоўнай, вытворчай дзейнасці, этнічная прыналежнасць, культурныя, рэлігійныя традыцыі насельніцтва. Затым неабходна запісаць тапанімію на акрэсленай тэрыторыі ва ўсёй яе сукупнасці, сабраць і лінгвістычную, і этнаграфічную інфармацыю пра кожную назву.

Этналінгвістычны тып слоўніка вымагае комплекснай лінгвакразнаўчай характарыстыкі тапонімаў. Акадэмік А. М. Трубачоў піша: «Не варта здзіўляцца таму, што за кароткім часам тлумачэннем паходжання (этымалогіяй) самой назвы ідзе чыста кразнаўчы нарыс, даюцца звесткі па географіі (гістарычнай, эканамічнай). Сімбіёз анамастыкі з кразнаўствам (дарэчы, свядома занябаным у нас за апошнія дзесяцігоддзі) і географіяй прадиктаваны самой прыродай гэтых ведаў» [5, с. 6].

Структура і змест слоўніка ў адпаведнасці з тапанімічным полем нам бачыцца наступным чынам. Складаецца слоўнік з некалькіх раздзелаў, кожны з якіх прысвечаны аднаму віду тапонімаў.

У першым раздзеле падаюцца айконімы. Пачынаецца раздзел артыкулам пра айканімічную назву галоўнага населенага пункта ў рэгіёне. Назва і адпаведны ёй аб'ект характарызуюцца ў некалькіх аспектах.

1. Лінгвістычны аспект. У якасці загалоўкавага слова прыводзіцца афіцыйная назва згодна з правіламі літаратурнай нормы. Калі ўжываюцца варыянты, адрозныя ад афіцыйнага, то іх таксама неабходна паказаць. Даюцца агульнапрынятыя граматычныя паметы, што ўказваюць на род або лік, канчаткі асобных склонавых формаў. Загалоўкавае слова суправаджаецца ад'ектонімамі – прыметнікавымі ўтварэннямі, што выкарыстоўваюцца ў гаворцы (напрыклад: *Новая Руда – наварудскі, рудніцкі*), і катаяконімамі – назвамі жыхароў па імені населенага пункта (*наваруцкі* (чалавек), *наваруцка* (жанчына), *наваруцкія* (людзі); *рудніцкі, рудніцка, рудніцкія*; эмац.-зніж. *руднік, рудніца, руднікі*).

2. Гістарычна-этымалагічны аспект. Ён прадугледжвае інфармацыю пра гісторыю аб'екта і паходжанне назвы. Важна адзначыць, што ўяўляла сабой паселішча ў мінулым, якія людзі ў ім жылі, чым займаліся, якімі падзеямі яно знамянальнае. Звесткі пра ўзнікненне населенага пункта, асноўныя этапы яго развіцця часта праліваюць святло на тое, чаму так названа, якія гістарычныя змены зведала тапанайменне. Тут выкарыстоўваюцца і вусныя апаведы жыхароў, і архіўныя дадзеныя, і навуковыя даследаванні папярэднікаў.

Важна вызначыць матывавальную аснову айконіма, паколькі значэнні матывавальных апелятываў нясуць разнастайную этнакультурную інфармацыю. Гэта не заўсёды лёгка і проста, бо шэраг айконімаў утвораны ад слоў, спрадвечнабеларускіх ці запазычаных, якія ўстарэлі і выйшлі з ужытку.

Народныя версіі пра паходжанне назваў часта не супадаюць з навуковымі версіямі. Так, айконім *Цідовічы*, што ў Гродзенскім раёне, вяскоўцы тлумачаць наступным чынам: «Назва пайшла ад польскага слова *cid*, а пасля адбылося збытванне польскай літары *u* з рускай літарай *u*». На самай справе, гэтая назва антрапанімічнага паходжання – ад слова *Цім (Цітовіч)*. Азванчэнне гука *t* адбылося пад уплывам наступнага галоснага *o* (рэгіянальная фанетычная асаблівасць гаворак Гродзеншчыны). У слоўніку павінны знайсці адлюстраванне ўсе этымалагічныя версіі – і навуковыя, і ненавуковыя.

3. Фалькларыстычны аспект. Многія айконімы замацаваліся ў фальклорных творах. Такія творы трэба падаць у слоўніковым артыкуле, пажадана ў аўтэнтычным запісе, магчыма, з некаторымі каментарыямі. Найперш гэтыя легенды і паданні пра паходжанне населеных пунктаў.

Назвы паселішчаў часта фігуруюць у дзіцячым фальклоры (калыханках, забавлянках, лічылках, дражнілках і інш.): *Гай-да-да! Гай-да-да! Паедзем да Скідла на быдла, да Росі – на гусі, да Ражанкі – на абаранкі, да Индуры – на куры! Гай-да-да! Гай – да-да!*

Айконімы шырока выкарыстоўваюцца ў рэгіянальных выслоўях (прыказках, фразеалагізмах, устойлівых параўнаннях, абзываннях і інш.): *У Нясвіжы людзі хіжы, а ў Лашы людзі нашы; –Дзе? –У Новай Рудзе; пародак як у Адэльску; Табала ўкрала вала, Рыдзялі відзялі, казалі Завадцы, што вол даўно ў с-цы.*

Пасля апісання ў паказаных трох аспектах галоўнага айконіма і адпаведнага яму паселішча ў першым раздзеле трэба змясціць артыкулы пра іншыя айканімічныя найменні, што знаходзяцца ў межах тапанімічнага поля. Гэта назвы вёсак і хутароў, якіх можна лічыць спадарожнікамі цэнтральнай сядзібы рэгіёна. Шматлікімі адносінамі яны звязаны з цэнтрам, падпарадкаваны яму, нярэдка выступаюць генетычна дачыннымі: *Бершты – Падбершты, Гожа – Новая Гожа, Газа – Загазь.*

Такім чынам, першы раздзел слоўніка цалкам прысвячаецца айканіміі. Наступныя раздзелы вылучаюцца ў залежнасці ад характару і колькасці мікратапанімічнага матэрыялу. Так, можна вылучыць раздзелы «Гідронімы», «Аграонімы», «Дрымонімы» і інш. У гэтых раздзелах, як і ў першым, мікратапонімы прэзентуюцца асобнымі слоўнікавымі артыкуламі, дзе таксама спалучаюцца лінгвістычныя і краязнаўчыя звесткі. Значная ўвага надаецца прыродна-геаграфічнаму апісанню аб'екта. Напрыклад, пры распрацоўцы артыкула пра патамонім варта ўказаць: адкуль рэчка бярэ пачатак, у які вадаём упадае, яе даўжыня, шырыня, глыбіня, хуткасць цячэння, колер вады, характар рэчышча, дна, берагоў (гліністыя, пясчаныя, камяністыя, ілістыя, топкія), асаблівасці поплава (шырокі, вузкі, балоцісты).

Павінны быць звесткі пра географічнае размяшчэнне мікратапонімаў – адлегласць і напрамак у адносінах да цэнтральнага населенага пункта тыпу «за 3 км на паўночны захад ад...», «за 2 км на поўдзень ад...».

Са знікненнем тапааб'ектаў найменні могуць пераходзіць у разрад устарэлых, але яшчэ захоўваюцца ў памяці людзей. Такія найменні з адпаведнымі паметамі трэба таксама адлюстравіць у слоўніку.

Істотным інфармацыйным кампанентам слоўніка маглі б стаць лінгвагеаграфічныя карты, прысвечаныя асобным відам тапанайменняў і размешчаныя пасля кожнага раздзела ці ў канцы слоўніка ў выглядзе дадатка. Такія карты з пазначанымі назвамі і межама лясных масіваў, палёў, балот, сенажацяў і інш. маюць выключную каштоўнасць для навукі і практыкі сучаснікаў і нашчадкаў.

Такім чынам, намі прыкладна абазначаны асноўныя аспекты і прыныцы складання слоўніка аднаго тапанімічнага мікраполя, якое гістарычна сфарміравалася вакол аднаго айканімічнага цэнтра. Даследчыкі часцей абследуюць больш шырокую тапанімічную прастору – у межах сельсавета, адміністрацыйна-тэрытарыяльнага раёна, некалькіх раёнаў і інш. У гэтым выпадку тапанімічнае поле можа мець ўскладненую структуру, уключаць у сябе некалькі ці нават дзясяткі аб'яднанняў. Напрыклад, тапанімічнае поле ў межах адміністрацыйна-тэрытарыяльнага раёна можа ўключыць тапанімічныя палі сельсаветаў, якія ў сваю чаргу складаюцца з тапанімічных мікрапалёў мікрарэгіёнаў.

Думаецца, такі іерархічны прыныцы варта захаваць і пры ўкладанні слоўнікавага матэрыялу. Этналінгвістычны слоўнік тапонімаў ў гэтым выпадку будзе складацца з частак – апісанняў асобных палёў і мікрапалёў. Падобны тып слоўніка дазволіць паказаць рэгіянальную тапанімію ў сістэме, у шматлікіх яе сувязях з пазамоўнай рэчаіснасцю і будзе карысным не толькі для лінгвістаў, але і для прадстаўнікоў іншых галін ведаў.

Спіс літаратуры

1. Мікратапанімія Беларусі: матэрыялы / рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1974. – 328 с.
2. Ламака, В. М. Анамастычны слоўнік Гродзеншчыны: у 2 ч. Мікратапонімы / В. М. Ламака [і інш.]; пад рэд. П. У. Сцяцко. – Гродна: ГрДУ, 2005. – Ч. 1: Мікратапонімы. – 347 с.
3. Лемцогова, В. П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцогова. – Мінск: Літаратура і Искусство, 2008. – 416 с.
4. Генкин, В. М. Лексикографирование периферийного топонимического материала / В. М. Генкин // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы III Междунар. науч. конф. «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах», Гомель, 6–7 окт. 2006 г.; отв. ред. Р. М. Козлова. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 47–51.
5. Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 480 с.

Даніловіч Мікалай Аляксандравіч, прафесар, загадчык кафедры беларускага і тэарэтычнага мовазнаўства ГрДУ імя Я. Купалы, доктар філалагічных навук (Гродна, Беларусь).

The principles, structure and contents of the regional ethnolinguistic dictionary of toponymy are dealt with in the article. It is proposed to accept the theory of toponymic fields as the methodological basis of the dictionary. The necessity of reflecting the linguistic, historical-etymological and folkloristic aspects in the ethnolinguistic dictionary is substantiated.

УДК 811.161.1

Б. Зинкевич-Томанек

УКРАИНСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ IV СКЛОНЕНИЯ ТИПА *ВОВЧЕНЯ, РОТЕНЯ* И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Анализируются украинские существительные на *-а/-ати, -еня/-яти* в сопоставлении с материалом словарей русского и польского языков. Собранный лексический материал показывает, что анализируемые слова в украинском языке представляют очень продуктивную словообразовательную модель.

Материалом для сопоставительного анализа послужили украинские имена существительные типа *вовченья, ротенья*, выписанные из «Орфографического словаря украинского языка» (ОРФ-2009). Использованы были толкования значений отдельных слов, содержащиеся в толковом «Словаре украинского языка» (СУМ), в «Большом словаре современного украинского языка» (ВТССУМ) и их русские эквиваленты, зафиксированные в «Украинско-русском словаре» (УРС), данные «Русско-украинского словаря» (РУС), а также данные толковых словарей польского языка – «Словаря польского языка» под редакцией В. Дорошевского (СПЯ-Дорош) и «Универсального словаря польского языка» под редакцией С. Дубиша (УСПЯ).

Анализируемые существительные представляют собой древний тип склонения, восходящий к праславянскому склонению существительных типа *telę / telęte*, к названиям лиц или живых существ среднего рода, созданных по образцу основ на согласный (*otroць – otroče, vnuk – vnuče*).

1. Это склонение сохранилось в польском языке, однако оно представлено не очень большим количеством слов. Словарь СПЯ-Дорош отмечает 97 таких слов, более новый словарь УСПЯ фиксирует уже только 47 слов, следовательно, их число уменьшается.

В польской традиции имена существительные типа *теля, кача* (польс. *cielę, kaczę*) рассматриваются в группе уменьшительных существительных [1] или характеризуются как слова, близкие к деминутивам в связи с тем, что в них на основное значение форманта наслаивается деминутивная или экспрессивная функция [2, с. 131]. По мнению К. Вашковой, существительные типа *cielę, kaczę* – это дериваты с модификационным словообразовательным значением ('маленькое или молодое существо'), хотя при наличии перифразы 'детеныш живого существа' можно их рассматривать как дериваты с мутационным словообразовательным значением. Учитывая их соотнесенность с именами существительными, называющими живых существ, их модификационный характер, класс существительных типа *cielę, kaczę* нельзя считать закрытым, «*struktury te tworzą bowiem klasę otwartą, nie poddającą się liczeniu*». Подтверждением семантической регулярности и ограниченной продуктивности описываемых существительных являются новые слова, например: *szpaczę, papuzię, szczurzę*, однако они воспринимаются как стилистически маркированные окказионализмы, причем в каждой из семантических групп существуют определенные ограничения [2, с. 130]. Например, от названий лиц по национальности очень редко образуются новые слова, а от названий рыб, пресмыкающихся (укр. *плазуни, польс. gady*) и земноводных (укр. *земноводні, польс. płazy*), а также насекомых (укр. *комахи, польс. owady*) они вообще не образуются [2, с. 131].

В прошлом формант *-ę* был в польском языке очень продуктивным [1, с. 54]. Однако в начале XVII в. стал вытесняться суффиксом *-ak*, например, вместо *cielę – cielak*, вместо *źrebię – źrebak* [3, с. 236–248]. Именно в связи с активизацией форманта *-ak* некоторые польские языковеды считают, что – несмотря на относительно большое количество существительных типа *cielę, prosię, kaczę* – в польском языке наблюдается отмирание склонения на *-ę/-ęta*, причем это отмирание начинается с единственного числа, о чем свидетельствуют приводимые в словарях контексты, в которых эти слова употребляются в форме множественного числа [4, с. 102].

Кроме того, многие польские существительные принадлежат к стилистически маркированной лексике. Из 97 таких слов СПЯ-Дорош фиксирует 17 с пометами «устаревшее», «давнее» или «индивидуальное». УСПЯ из 47 такого типа единиц почти половину фиксирует как стилистически окрашенные слова: 14 слов – книжные (*książk.*) *bliźnię, bocianię, borsuczę, bydlę* (1), *diabłę, dziecię, dziewczę, gąsię, jagnię, jaskółczę, orłę* (2), *pisklę* (2), *póldiablę, wnuczę*; 5 слов – устаревшие (*przestarz. histor.*) *arcyksiążę, chłopię, niebożę, pacholę, prawnuczę*. Отдельные слова характеризуются как торжественное (*podn.*) 1 – *dziecię*, разговорное (*pot.*) 1 – *bydlę* или поэтическое, ласкательное (*poet. pieszcz.*) 1 – *ptaszę*. Только 26 единиц фиксируется в словаре как стилистически нейтральные лексемы *cielę, gawronię, gołębię, indyczę, kaczę, kanię, kocię, koźlę, kukulczę, kurczę, lisię, lwię, losię, małpię, orłę, pisklę, prosię, sarnię, szczenię, tygrysię, wilczę, wronię, wróblę, zwierzę, źrebię, źubrzę*. Все названные выше слова – это названия молодых, незрелых животных (детенышей животных), за исключением слова *zwierzę*, которое обозначает просто любое животное, в узком смысле – млекопитающее.

2. В русском языке это склонение, в принципе, исчезло – суффикс *-ам-* в единственном числе был заменен суффиксом *-онок/-енок*, а все слова, поменяв род на мужской, перешли ко II мужскому склонению. Таким образом, следы архаичного склонения остались только во множественном числе, что привело к своеобразному супплетивизму основ *-онок/-ата* или *-енок/-ята*. По данным словаря А. А. Зализняка (СЗал), в современном русском языке существует 108 слов на *-онок/-енок*, например: *волчонок – волчата, котенок – котята, утенок – утята*. Два слова – хотя не обозначают живых существ (*масленок* и *опенок* являются названиями грибов) – во множественном числе имеют формы с суффиксом *-ам-* (*маслята, опята*), однако слово *опенок*, по-видимому, вследствие того, что в нем выделяется суффикс *-ок*, а не *-онок* (*о-пен-ок*), образует параллельные формы с конечным *-енок* (*опенки*). Вариантные формы с сохранением

суффикса *-онок/-енок* имеют и некоторые названия живых существ, напр.: *гусенки, поросенки, котенки*, причем «такие формы имеют окраску разговорности или устарелости» [5, с. 501].

Существительные на *-онок/-енок* принадлежат к продуктивному классу слов, естественно, их количество не ограничивается лексемами, зафиксированными в словарях. В случае надобности названия детенышей животных могут образовываться довольно свободно, напр.: *фазаненок, пингвиненок, кенгуренок*, причем от любых, даже самых редких, названий животных: *кабарженок, кускусенок, мамонтенок*.

3. Существительные современного украинского языка типа *вовченья, ротенья* – хотя они относятся к архаичному IV склонению – все же составляют довольно большую и интересную группу слов: словарь ОРФ-2009 отмечает 269 слов, по сравнению с данными ОРФ-1994 (207 единиц) их стало значительно больше. Если добавим слова, зафиксированные в толковых словарях украинского языка, а также слова, отмеченные в УРС, но отсутствующие в ОРФ-2009 (19 единиц), то получим группу из 288 существительных. Из-за отсутствия места вне анализа оставим небольшую группу *pluralia tantum*.

Примечательно, что – в отличие от русских слов на *-онок/-енок* – в украинском языке существительные так наз. IV склонения на *-а, -еня* называют не только животных и лиц, но и сверхъестественные, мифические существа, а также маленькие предметы (см. таблицу 1).

Не отмечены в словаре ОРФ-2009, однако зафиксированы в словарях СУМ, ВТССУМ или в словаре УРС – 19 слов: названия животных – *бабача, бабаченя, вутя, жученя, козля, козя, котя, кришеня, свинча, стриженча*; названия лиц – *байстриуча, жидівча, жидя, здихля, китайченя*; названия предметов – *збана, каганча, круглянча, ходача*.

Таблица 1 – Количественная характеристика существительных типа *вовченья, ротенья*

Лексико-семантический класс	ОРФ-2009	УРС, СУМ, ВТССУМ	Число примеров
Названия животных	176	10	186
Названия лиц и мифических существ	73	5	78
Названия предметов	20	4	24
ВСЕГО	269	19	288

В большинстве случаев существительные на *-а, -еня* однозначны, мотивируются соответствующими именами существительными и в основном обозначают ‘маленькое незрелое живое существо или маленький предмет’. Сравнительно немного слов имеет несколько значений: кроме основного, значение второе, как правило, переносное, напр.: *цущеня* 1. ‘малы собаки, щеня’; 2. *перен., лайл.* ‘дуже молода, недосвідчена людина, молокосос’. Только несколько лексем следует рассматривать как слова, немотивированные с синхронной точки зрения: *жерреб’я, лоша, поросля, теля, щеня, ягня*.

Формально существительные типа *вовченья, ротенья* – хотя часто характеризуются как уменьшительные – все же отличаются от собственно умень-

шительных. Словообразование уменьшительных существительных, как правило, не связано с изменением рода мотивирующей основы (польск. *noga – nóżka, stół – stolik, okno – okienko*; русск. *нога – ножка, стол – столик, окно – окошко*; укр. *нога – ніжка, стіл – столик, вікно – віконце*), вследствие чего мотивированное и мотивирующее слова принадлежат к тому же роду [6, с. 81; 7, с. 93–102]. Дериваты же *вовченья, ротенья, гавеня, жабеня, криля, коліцца* мотивируются словами всех трех родов, однако являются именами существительными среднего рода IV склонения (*вовк → вовченья, рот → ротенья; гава → гавеня, жаба → жабеня; крило → криля, колесо → коліцца*) независимо от характера мотивирующей основы.

4. Примечательно, что в УРС в качестве эквивалентов анализируемых украинских названий животных типа *вовченья, зайченя* приводятся часто не слова на *-онок/-енок*, а уменьшительные существительные типа *лошадка, зверек, змееныш* или словосочетания, например: *жученя уменьш.* ‘маленький жук, жучок’, *мавпеня* ‘детеныш обезьяны’ (несмотря на то что, например, имеется русское слово *обезьяенок*). Довольно много украинских названий животных (55 примеров, что составляет почти 30% всего собранного материала) в УРС вообще не отмечается, напр.: *бобренья, буйволя, кротенья, морженя, страусеня* и т. п., хотя для некоторых из них существуют русские эквиваленты: *бобренок, буйволенок, кротенок, морженок, страусенок*.

С другой стороны, сопоставление русских существительных на *-онок/-енок* с их украинскими соответствиями, зафиксированными в РУС (93 единицы), показывает, что почти все слова на *-онок/-енок* (кроме *масленок* и *опенок*) имеют в качестве эквивалентов слова на *-а/-ати, -еня/-еняти*. Примечательно, что 30% собранных нами русских существительных имеет не один, а несколько эквивалентов. Итак, рус. *волчонок* соответствуют параллельные украинские названия *вовча* и *вовченья*, рус. *гусенок* – укр. *гусеня, гуся*, рус. *зайчонок* – укр. *зайченя, зайча*. В украинском языке возможны образования, мотивированные той же самой основой, причем с усечением конечного *-к-* основы или без усечения, напр.: рус. *галчонок* – укр. *галча, галченя, галеня*. В материале есть и такие слова на *-онок/-енок*, которым в украинском языке соответствуют даже четыре слова, причем все они мотивированы названием взрослого животного по той же схеме при помощи формантов *-а/-ати* или *-еня/-еняти*. Напр.: рус. *медвежонок* – укр. *ведмеденя, ведмежа, ведмедча, ведмедя*.

Интересно, что дублетные лексемы с суффиксами *-а* и *-еня* по-разному трактуются в УРС. В одних случаях они рассматриваются как равнозначные, напр.: укр. *собача* – рус. *щенок* и укр. *собаченя* – рус. *щенок*, в других – слово на *-еня* воспринимается как уменьшительное, ср. укр. *пташа* – рус. *птенец* и укр. *пташеня* – рус. уменьш. *птеничек*.

5. Особого внимания требуют попавшие в ОРФ-2009 слова *скіфеня, чапеня*. Использование словообразовательной модели типа *вовк → вовченья*

(отсюда не только *скіф* → *скіфеня*, но также *сніг* → *сніженя*, *хмара* → *хмареня*) связано с характерным для Н. Винграновского олицетворением реальных действительности. Менее прозрачную структуру имеет новообразование *чапеня*, мотивированное глаголом *чпати розм.* 'повільно ступати, іти не поспішаючи', не очень понятное вне контекста (*каченя-чапеня*). Ср.: *немовля* – формально мотивированное глаголом *мовити*, и *старча* – мотивированное глаголом *старцювати* (и существительным *старець*). В нашем материале есть тоже отадъективные существительные с мутационным значением 'носитель признака, названного мотивирующей основой': *маля*, *маленя*, *близня*, а также выступающее преимущественно во множественном числе слово *молодята*. Примечательно, что форму *молодя*, наряду с формой *бідня* (единственное число) приводит О. Синявский [8, с. 129].

6. Форманты *-а/-ати*, *-еня/-еняти* образуют прозрачные по формально-семантической структуре слова. Продуктивная модель, по которой в украинском языке образовано около 290 дериватов со значениями 'маленькое или незрелое существо', 'маленький предмет', делает возможным функционирование в речи целого ряда слов, еще не зафиксированных словарями, но существующих в словообразовательной системе современного украинского языка. Эти слова, если нарушают какие-нибудь нормы, то не нормы деривационные, а лишь кодифицированные лексические нормы «в тому розумінні, що їх поки що не фіксують словники» [9, с. 20]. В статьях приводятся новые слова, употребляемые в разговорной речи или в поэзии: *фашиштеня*, *сталеварята*, *зоренята*, *супостатенята*, *барвенята* [9, с. 18], *безушица* 'безушии горщик', *маценя*, *мацінча* 'маценький, мацінький' – из разговорной речи, а также совсем индивидуальные образования из языка поэзии: «якесь там річеня», «малі зірчатя», «сосеняточка і сосенята» [10, с. 20–21].

Добавим еще несколько авторских новообразований: *бузьченята* (Р. Іваничук), *бурундучата* (М. Стельмах); *вожденята* (Р. Іваничук), *дельфіята* («Енциклопедія тварин для дітей. Чий це дітки?», 2011), *йосифінята* (Я. Грицак), *качаня* (народне), *клаптенята* (Л. Костенко), *кульбабеня* (Н. Левчун), *мегренята* (В. Єшкілев), *письменята* (І. Римарук), *пінгвінята* («Пригоди пінгвіненяти Лоло», украиноязычные сайты), *поетеня* (М. Семенко), *пуарята* (В. Єшкілев), *серценя* (Н. Левчун), *сніженя* (М. Винграновський), *сокирча* (І. Франко), *сонченята* (І. Дем'янова, Н. Левчун), *тваринята* (О. Довженко), *хмареня* (М. Винграновський, І. Жиленко, Д. Кешеля, Р. Кіфлюх, П. Мовчан, М. Федунець), *чайченя* (В. Цибулько), *чоловіченя* (В. Шевчук).

Отметим, что слово *хмареня* несколько раз появляется в стихотворениях поэтов, в связи с чем имеется больше оснований для того, чтобы оно нашло себе место в современном словаре (если такое место нашлось для слов *скіфеня* и *чапеня*).

7. Обычно приведенные выше новообразования трактуются как авторские неологизмы, окказионализмы или окказиональные дериваты. Однако это скорее потенциальные слова, которые возникают при наличии общественного или индивидуального заказа на слово, которые «живут в языке под спудом, заключены в словообразовательных возможностях языка» [11, с. 218]. Это созданные по образцу *вовк* →

вовченя, но еще не зафиксированные словарями украинского языка слова, подтверждающие тезис о продуктивности словообразовательной модели с формантами *-а/-ати*, *-еня/-еняти*.

Список сокращений

- ВТССУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел. – Київ: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
 ОРФ-1994 – Орфографічний словник української мови / уклад.: С. І. Головащук, М. М. Пешак, В. М. Русанівський, О. О. Тараненко. – Київ: Довіра, 1994. – 864 с.
 ОРФ-2009 – Орфографічний словник української мови / уклад. В. В. Чумак [та ін.]; за ред. В. Г. Скляренка. – Київ: Довіра, 2009. – 1011 с.
 РУС – Русско-украинский словарь: в 3 т. / редкол.: И. К. Белодед (председатель). – Київ: Наукова думка, 1968. – 3 т.
 СЗал – Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка / А. А. Зализняк. – М.: Рус. яз., 1977. – 880 с.
 СПЯ-Дорош – Słownik języka polskiego: w 11 t. / pod red. W. Doroszewskiego. – Warszawa: «Wiedza Powszechna», 1958–1962 (t. 1–4); «Państwowe Wydawnictwa Naukowe», 1963–1969 (t. 5–11). – 11 t.
 СУМ – Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – Київ: Наукова думка, 1970–1980. – 11 т.
 УРС – Українсько-російський словник: в 6 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; за ред. І. М. Кириченка. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1953–1963. – 6 т.
 УРПЯ – Uniwersalny słownik języka polskiego PWN: w 4 t. / pod red. St. Dubisza. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. – 4 t.

Список литературы

1. Dobrzyński, W. Z badań nad rozwojem polskich deminutywów. Historyczny rozwój rzeczowników z formantem -ę na tle słowiańskim / W. Dobrzyński. – Wrocław: Wyd. WSP w Opolu, 1974. – 113 с.
2. Waszakowa, K. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki z formantami paradygmatycznymi / K. Waszakowa. – Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. – 168 с.
3. Taszycki, W. Powstanie i rozwój rzeczowników typu cielak / W. Taszycki // Rozprawy i studia polonistyczne. – 1961. – Т. 2. – S. 236–248.
4. Kreja, B. Słowotwórstwo rzeczowników ekspresywnych w języku polskim / B. Kreja. – Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1969. – 224 с.
5. Русская грамматика в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
6. Laskowski, R. Derywacja rzeczowników w dialektach łaskich. – Cz. I. Abstracta, collectiva, deminutiva, augmentative / R. Laskowski. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966. – 128 с.
7. Heltberg, K. O deminutywach i augmentatywach / K. Heltberg // Prace filologiczne. – XVIII. – 1964. – № 2. – S. 93–102.
8. Синявський, О. Норми української літературної мови / О. Синявський. – Львів: Українське вид-во, 1941. – 363 с.
9. Чабаненко, В. А. Норми словотворення і мовна експресія / В. А. Чабаненко // Мовознавство. – 1980. – № 2. – С. 13–20.
10. Роднина, Л. О. Від назв малят до назв предметів / Л. О. Роднина // Питання мовної культури. – Київ, 1970. – Вип. 4. – С. 16–21.
11. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.

Зинкевич-Томанек Боженя, кандидат филологических наук, старший преподаватель (до 2008 года) кафедры украинистики Ягеллонского университета (Краков, Польша).

The Ukrainian nouns which end with *-а/-ати*, *-еня/-яти* and their Russian and Polish equivalents are the ancient type of declension, ascending to the old Pre-Slavic declension of *tele-tele* type. In Polish language formant *-ę* at the beginning of XVII century began to be supplanted by the suffix *-ak* (in place of *cielę* – *cielak* appeared), therefore words of *cielę* type form a comparatively small group (47 units), thus many words are marked with the comments (for example, «out-of-date», «old»). In Russian the old suffix *-ам* in a singular was replaced by the suffix *-онок/-енок*, and all words, changing its

grammatical gender to masculine, passed to the II masculine declension (*теленек – телята*). In Ukrainian language words of *вовченя, ротеня* type make an relatively big and interesting group: separate dictionaries enumerate 288 nouns of such kind (without the words of *pluralia tantum*) thus – unlike Russian equivalents – they name not only animates and persons but also supernatural creatures, and also little objects.

Author's new word formations of *бузьченята, клантенята, кульбабенья, поетенья, сонценята, хмареня* type are usually interpreted as author's neologisms, nonce words. However, they are rather potential words which occur in the case of public or individual demand for a word and confirm the thesis about the productivity of word-formation model with the formants of *-а/-ати, -еня/-еняти*.

УДК 81.161.2'37

М. И. Конюшкевич

ПОЛИПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ (ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ МАТЕРИАЛОВ К СЛОВАРЮ БЕЛОРУССКИХ ПРЕДЛОГОВ И ИХ АНАЛОГОВ)

Предлог как морфосинтаксическая категория с полевой структурой атрибутируется по более чем двадцати параметрам. Показан опыт автора по лексикографическому представлению ряда параметров (переходных случаев, валентности предложной единицы, семантики предложно-падежных синтаксисом, корреляции с союзными единицами и др.).

Из соображений экономии текстового пространства изложение концепции, на которой базировалось составление реестра белорусских предлогов, мы здесь опускаем, отсылая читателя к другим нашим публикациям (их перечень см. в [1, с. 495–497]), а также к предисловиям в каждой части указанного издания (соответственно с. 3–45; 3–30; 3–46).

При формировании реестра белорусских предлогов и их аналогов (объем его составляет около 10 тысяч слов и аналитических сочетаний) мы ориентировались на систему, а не на норму. Поэтому в реестр включена вся речевая стихия, в т. ч. диалектные слова, стилистические варианты, окказионализмы и др.

Мы сочли более корректным показать континуумный характер втягивания знаменательной лексемы в предложную единицу с возможными переходными случаями. В таких случаях заголовочное слово представлено в реестре во всех его ипостасях – а) в роли предлога; б) в роли и предлога, управляющего субстантивом, и существительного, способного одновременно иметь определение; в) только в роли знаменательной части речи. Такая грамматическая омонимия отражена смысловыми вопросами при заголовочном слове, а контексты отделены друг от друга соответствующими знаками, например:

Ад **ВОЛІ** каго/чаго / Ад **якой** **ВОЛІ** каго/чаго / Ад **чыёй** **ВОЛІ** Род. Прычын.: каўзатыў: *Рэч Паспалітая ператварылася ў другарадную, залежную ад волі суседзяў дзяржаву* (К. Тарасаў). ■ *Чалавек не павінен залежыць ад добрай ці злой волі лёсу.* ▲ *Усе мы залежым ад Боскай волі.*

Выяснилось, что во многих предложных образованиях определения структурно необходимы. Мы их включали в заголовочное слово, но подавали все возможные их варианты через косую линию: **НА правым / левым / тым / гэтым / супрацьлеглым БАКУ чаго.**

Поскольку образование многих предлогов связано с метафоризацией, то возникает трудность определения границы между релятивной единицей, прошедшей метафоризацию, и живой метафорой. Если устоявшиеся и стертые клише типа *на дне души, в толще веков, в гуще событий, на пике славы* в качестве аналога предлога уже закрепились в

речевой практике, то сочетания типа *в озёрах глаз, в веренице дней* в силу их свежей образности еще не воспринимаются как связанные. Но коллекцию таких единиц в перспективе следует собирать, хотя бы для того, чтобы фиксировать их повторяемость и степень клишированности в той или иной предметной области.

Мы включали в реестр и потенциальные предлоги и их аналоги, т. е. такие единицы, которые пока еще не подтверждены речевой практикой, но система языка позволяет их образование. Например, парадигма предлогов с лексемой *проці* (*у процілегласць чаму, у процілегласць да чаго, процілегла чаму, процілегла да чаго, у супрацьстаянні з чым, у супрацьстаянне з чым, у процівагу чаму, у процівагу да чаго*) уже верифицирована речевой практикой, но экспериментально можно к ним дать еще 11 потенциальных, вполне возможных для употребления: *у супярэчнасць з чым, у супярэчнасці з чым, супярэчна чаму, супярэчна да чаго, у процілегласці да чаго, у процілегласці з чым, у процілегласць з чым, у супрацьстаянне да чаго, у супрацьстаянні да чаго, у процівазе да чаго, у процівазе чаму.* Очевидно, как кальки к русским соответствиям возможны еще 14 новообразований: **у праціўнасць чаму, *у праціўнасці да чаго* и др., хотя едва ли они будут востребованы. Важнее осознание того, что система допускает подобную препозиционализацию, а фиксация потенциальных предлогов открывает большое исследовательское поле для выявления продуктивности и активности таких единиц, факторов предпочтений варианта в современной речевой практике.

Поскольку знаменательное слово, втянутое в поле предлога, не покидает окончательно границ своей части речи и сохраняет некоторые грамматические признаки и остатки парадигмы, то в реестре сразу после заглавного слова и смыслового вопроса дается указание на грамматические (как это ни странно звучит) признаки предложной единицы – число и род, а после них – указание на падеж и другие грамматические признаки лексического компонента предложно-падежной синтаксемы. Например:

Ад **АСОБ** каго Мн. л. Род. мн. л. Суб'ект-сітуант: генератыў: *Ён (старац) гаворыць ад асоб старапавет-*

ных прарокаў і праведнікаў аб тым, што скончыцца век пакутлівага чакання («Звезда», 15.02.05). Сін. ад імя. Рус. *от лица*.

АД АСОБЫ *каго* Адзін. л. Род. адзін. л. Суб'ект-сінгуант: генератыў: *Намеснік саварыў ад асобы дырэктара*. Сін. ад імя. Рус. *от лица*.

Границы синтаксемы (т.е. сочетания «формант + лексический компонент») определяются, во-первых, единством синтаксической позиции сочетания и, во-вторых, логико-содержательной связью между компонентами высказывания. Например, в предложении *Казаў, што жыццё чалавечае надта несумярнае з вечнасцю і што ці пятнаццаць гадоў, ці шэсцьдзесят – усё не болей чымсьці імгненне ў вечнасці часу* (В. Быкаў) синтаксема *не болей чымсьці імгненне* вообще не имеет в своем форманте *не болей чымсьці* собственно предлога, но этот формант изофункционален другим предложным формантам (*не болей за імгненне*) и потому включен в наш реестр. Не случайно при некоторых параметрических предложных единицах падежные формы имеют падежную вариативность (им./вин.), особенно при невозможности проверки на форму винительного падежа существительного женского рода: *даўжынёй адзін метр / адну мілю* (вин.), *памерам тысяча / тысячу знакаў* (наз./вин.), *пад вуглом 90 градусаў* (какой падеж?).

Не меньшую трудность представляют синтаксемы, формантом которых выступает сочетание первообразного предлога и частицы-аппроксиматора, причем оба элемента могут меняться позициями в синтаксеме: *на адлегласці прыблізна колькі адзінак / прыблізна на адлегласці колькіх адзінак*. Поскольку собственно предлоги типа *каля, блізу* тоже наряду с управляющей функцией выполняют функцию аппроксиматора и входят в состав то форманта, то лексического компонента синтаксемы, мы сочли необходимым включить и случаи употребления синтаксисом с частицами и даже с союзами: Например: *аб'ём работ прыблізна на 100 мільёнаў рублёў; раскопы прыблізна на адлегласці 200 метраў; кантынгент зменшыўся прыкладна на 1 тысячу чалавек; ёмістасць айчыннага мэблевага рынку ацэньваецца ў суму прыкладна каля 200 мільярдаў рублёў; правы чалавека ў больш чым (= за) 190 краінах свету*.

Дополнительным основанием для включения частиц-аппроксиматоров служит их позиция: они употребляются только с квантитативами, в то время как остальные частицы могут модифицировать и актуализировать любое слово в высказывании.

Институционализация современного общества, развитие научных направлений, динамика общественно-политической жизни ведут к интеллектуализации языка и развитию его стилистической дифференциации. В языке образуются аналитические образования, клише и другие единицы идиоматики языка, закрепленные за отдельными предметными областями и носящие терминологический характер. Ср.: *в последней четверти XX столетия* (предложное сочетание) – *в последней четверти учебного года* (существительное с предлогом). Мы сочли возможным внести в реестр клише типа *без права на; з адрывам ад; без адрыву ад; да пытання / у пытаннях аб; згодна з законам / тэарэмай / правілам, з удзелам / без удзелу ў* и т. п., поскольку

они не имеют самостоятельной синтаксической позиции и несут в синтаксеме строевую нагрузку. Изучение сочетаемости элементов в таких образованиях, их количественного состава, моделей образования, семантического и грамматического состава лексики, втягиваемой в эти сочетания, открывает новые горизонты в исследованиях грамматического строя языка.

Для снятия дискуссии о полисемии и омонимии первообразных предлогов мы в реестре подаем их под порядковыми номерами – в зависимости от того, сколько и каких синтаксем по значению может образовать данный формант. Таким образом, реестр представляет собой и своего рода репертуар предположно-падежных синтаксем белорусского языка. Полипараметрическая атрибуция первичных предлогов эффективна не только в отборе самих единиц, но и в определении значения синтаксем. Например, семантические различия, нейтрализованные в предлоге *без* выявились с помощью антонимии и синонимии:

БЕЗ-1 *каго* Род. Адсутны суагенс: *Прыйсці ў школу без бацькоў. Найбольш складаная і адказная частка работы зроблена без Міхася* (Я. Брыль). Ант. з; разам з.

БЕЗ-2 *каго* Род. Адсутны неабходны суб'ект: *Вырашаць пытанне без дырэктара*. Ант. з удзелам; з дазволу. Сін. без удзелу; у адсутнасць.

БЕЗ-5 *чаго* Род. Адсутны сродак: *Рабіць аперацыю без наркозу*. Ант. з прымяненнем. Сін. без прымянення.

БЕЗ-6 *чаго* Род. Адсутны інструментыў: *Вучыцца без падручнікаў. Без слоўніка тэкст цяжка перакладаць*. Ант. з выкарыстаннем. Сін. без выкарыстання; без дапамогі.

Такой параметр, как корреляция предлога с союзами, союзными словами, фразеосхемами и другими союзными средствами, позволяет выявить множество релятивных единиц, втянутых в поле союзов и выпавших из поля зрения синтаксистов и лексикографов; к примеру:

НА ЗНАК *чаго / НА* які **ЗНАК** Род. Рэлят тоеснасці: *Многія людзі на знак дэманстрацыі хадзілі ў народных беларускіх касцюмах, каб нават вонкава паходзіць на мужыкоў* (У. Караткевіч). *На знак пратэсту супраць новага рэдактара амаль увесь працоўны калектыў пакінуў часопіс* (М. Скобла). ↔ *На знак таго, што. Клятву, якую мы далі на знак таго, што ніхто ніколі нас не разлучыць, Раланд, выдавочна, прыдумаў сам* (У. Караткевіч).

Персонификация неодушевленных предметов и деперсонификация лица, отражаемая в современной коммуникации, вызвали расширение сочетаемости слов в языке, что привело к изменению одушевленности / неодушевленности существительных на синтагматическом уровне. Например, лексема *объятия* в образуемых ею предложных сочетаниях *в объятия / в объятиях* в силу собственного лексического значения персонифицирует управляемое ею неодушевленные существительные. Расширение сочетаемости в сторону персонификации происходит в языке СМИ градуально – от предметных номинаций, содержащих сему 'лицо' (*Янукович не спешит в объятия России*), к зоонимам с метафоризацией лица (*Путин в объятиях дружелюбного тигра* (о визите Путина в КНР)) и далее к номинациям неодушевленных предметов («Газель попала в объятия троллейбуса и такси»), среды (*США в*

объятиях торнадо), абстрактных понятий (*Новый год в объятиях гламура*), вплоть до оксюморона (*В объятиях необъятного*). (Все примеры взяты из Интернет-ресурсов.)

Аналогичные процессы наблюдаются и в белорусском языке, с той разницей, что в нем больше лексических вариантов самого форманта: *у абдоймы / у абдоймах, у абдымки / у абдымках, у абдоймы / у абдоймах: І аказалася, што рукі чалавечыя на новае шчасце і ў абдоймах гора, бяды сустракацца могуць, і так бывае, лёс людзей збліжае, зводзіць, сплятае* (А. Лойка). *У абдымы гасціннасці Уладзіміра трапіў і я* (С. Панізьнік). *І хай у восені ў абдымках я Гару, як лён, імжой апалены, Вясну з ружова-светлай дымкаю, Як ён, чакаю я за далямі* (М. Клімковіч).

Как уже отмечалось ранее, в реестре падежное управление предлога маркируется смысловым вопросом – вопросительным местоимением, которое, наряду с сигналом о падеже, маркирует и одушевленность / неодушевленность управляемого существительного (см. примеры выше с предлогом *без*). В силу расширения сочетаемости слов при многих предлогах нам пришлось указывать на двойственный характер грамматического значения одушевленности. Например:

У АБДОЙМЫ *каму / чаму / каго / чаго / Дав. / Род.* Дырэктыўны канфірматыў у складзе прэдыката: *Узяўшы ад іх [рыбакоў] апошнюю годнасць і самую душу, навеки аддавала іх у абдоймы чорнай нечысці падводных глыбін* (У. Караткевіч). *Баліць усім. А кожнаму па-свойму. Калі баліць, Дык кожны сам не свой. Ці кідаецца распачы ў абдоймы, Ці грэе вір гарачай галавой* (Р. Барадулін). *Сін. ва ўладу. Рус. во власть кого/чего.*

У АБАРОНУ *каго / чаго У чыю АБАРОНУ* Род. Аб'ект: *бенефіцьянтыў: У газеце друкаваліся артыкулы ў абарону Ігната Дварчаніна, іншых дзеячоў...* (М. Мікуліч). *Ужо зараз найбольш відущыя людзі падымаюць голас у абарону тых самых балот, якія мы так няўмела, па-драпежніцку асушталі* (У. Караткевіч). *Выступіць у абарону міру. Выступіць у абарону правоў чалавека.*

УДК 81'282.2

Активное образование и функционирование сочетаний в качестве релятивных единиц в современном белорусском языке неизбежно, ибо, возродившись на базе устной разговорной формы, он как государственный язык давно уже «вырос из пеленок» этой формы и обнаруживает способность обеспечить все сферы современной коммуникации. Необходимо зафиксировать всю языковую стихию, которую дает нам речевая практика, чтобы проследить и потенциал языка, и тенденции его развития.

Реестр с его полипараметрической атрибуцией предложных единиц дает такую возможность, поскольку он совмещает в себе по крайней мере девять ипостасей. Это 1) словарь предложных единиц современного белорусского языка, 2) белорусско-русский переводной словарь предлогов, 3) синонимический словарь белорусских предлогов, 4) антонимический словарь белорусских предлогов, 5) словарь белорусских аналитических союзных средств, 6) словарь предложного управления в белорусском языке, 7) репертуар предложно-падежных синтаксем белорусского языка, 8) монографическое освещение современной теории предлога, 9) эмпирическая база для функционально-семантических и функционально-синтаксических исследований белорусского языка.

Список литературы

1. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна: ГрДУ, 2008–2010; Ч. 1: Дыяпазон А–Л. – 2008. – 492 с.; Ч. 2: Дыяпазон М–П. – 2010. – 619 с.; Ч. 3: Дыяпазон Р–Я. – 2010. – 535 с.

Канюшкевич Мария Иосифовна, профессор кафедры журналистики ГрГУ им. Я. Купалы, доктор филологических наук, профессор (Гродно, Беларусь).

The preposition as a morphosyntactic category with the field structure is attributed to more than twenty parameters. The report presents the author's experience on lexicographic presentation of a number of parameters (left and right prepositional valency of the prepositional unit, the semantics of prepositional case syntaxemes, correlations with conjunctive units, etc.).

О. Н. Крылова

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИИ ЛЕКСИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

Адекватное отражение в словарном определении семантики слова является важнейшей лексикографической проблемой. Рассмотрены особенности семантической разработки диалектной лексики, отражающей материальную культуру русского народа.

Большинство исследователей, занимающихся лексикографическими проблемами, рассматривают словарь не только как «памятник лексики» или практическое справочное пособие для его носителей, но и как средство аккумуляции опыта взаимодействия человека с миром, друг с другом (см., например, [1–5] и др.). Сегодня все больше осознается роль словарей в духовной жизни общества, в осмыслении культурного наследия народа.

Особое значение придается диалектной лексикографии. Диалектные словари знакомят с историей народа, его обычаями, развитием материальной и духовной культуры, с представлениями носителей языка об окружающем мире. «Результаты поступательного развития диалектной лексикографии проявились прежде всего в большом количестве словарей, охватывающих почти всю территорию России, в многообразии их типов» [6, с. 533]. К настоящему времени изданы и издаются десятки региональных словарей,

отражающих лексическое богатство народной речи различных регионов страны [6, с. 570–574]; продолжается издание сводного «Словаря русских народных говоров» [7]; создаются принципиально новые типы диалектных словарей (мотивационный, обратный, системный, идеографический). Однако, несмотря на значительные достижения, многие проблемы диалектной лексикографии остаются нерешенными.

Одной из наиболее сложных и спорных проблем русской диалектной лексикографии остается проблема отражения в словаре семантики диалектного слова. Несмотря на то, что вся история составления отечественных региональных словарей свидетельствует о постоянных поисках наиболее рациональных методов отражения в них плана содержания диалектных лексических единиц, «приходится отмечать, что вопросы, связанные с исследованием семантики слов и построением словарных дефиниций еще далеки от удовлетворительного решения в теоретическом аспекте» [8, с. 18].

Слова и значения, составляющие предмет и объект описания диалектного словаря, представляют собой элементы устной разновидности языка, не зафиксированные в лексике. Очень часто количество контекстов, в которых выступает слово, невелико, и они не содержат достаточно полной информации о его значении. Это не позволяет во многих случаях установить точный смысл слова путем контекстуального анализа. Особый подход к семантической характеристике слов в областном словаре продиктован еще и тем, что при лексикографической разработке диалектной лексики составитель, как правило, не знаком с понятийным миром, который скрывается за словами. Здесь составитель сталкивается с трудностями, связанными с выделением значений, оттенков значения и их истолкованием. Трудности могут подстерегать лексикографа даже при описании, казалось бы, знакомого ему предмета. Реалия могла иметь внешний облик, не совпадающий с современными представлениями о предмете, и исследователя подстерегает опасность «осовременивания» значения слова. Например, в Нижегородской губернии душегрейкой называли женскую одежду в виде короткой кофты на вате, со сборками на спине и рукавами. И здесь слово *душегрейка* по наличию семы ‘с рукавами’ противопоставлено микропарадигме, включающей слова, обозначающие безрукавку на лямках: *епанечка*, *пёрюшки*.

В отечественной практике составления диалектных словарей распространена точка зрения, согласно которой определение значения слова с помощью литературного эквивалента-синонима является наиболее удобным, эффективным способом толкования диалектных слов, которые имеют сходную референтную отнесенность со словами литературного языка. Однако применение синонимического способа толкования «связано с определенными трудностями и таит в себе возможность различного рода ошибок: огрубления значения, неточной, неполной передачи семантики диалектного слова» [3, с. 208]. Приведенное высказывание можно проиллюстрировать следующим примером. В «Словаре русских говоров Карелии» слово *кусофэйка* определено через литературный синоним *телогрейка* [9, т. 3, с. 73]. В современном русском литературном языке слово

телогрейка является синонимом слова *ватник* (см., например, *телогрейка* – ‘2. стеганая ватная куртка; ватник’ [10, с. 1313] или ‘2. то же, что ватник’ [11, с. 820]). В свою очередь, слово *ватник* в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определено как ‘стеганая ватная куртка или безрукавка’ [11, с. 67]. Исходя из этого мы можем сделать вывод о том, что в структуре лексического значения слова *телогрейка* семантический признак ‘наличие рукавов’ выражается в вероятностных семах ‘с рукавами’ / ‘без рукавов’. В структуре значения слова *кусофэйка* данный семантический признак выражен постоянной негативной семой ‘без рукавов’. Таким образом, мы наблюдаем несовпадения семного состава слов *кусофэйка* и *телогрейка*. Учитывая все вышесказанное, с нашей точки зрения, слово *кусофэйка* должно получить следующее толкование: ‘стеганая на вате безрукавка’.

Таким образом, следует признать, что использование синонимических определений для толкования денотативной части семантики диалектного слова чаще всего приводит к неполному раскрытию содержания названной составляющей диалектного значения.

Ограниченность возможностей использования синонимических определений, как правило, осознается диалектологами (ср., например: [3; 12, с. 47]), в связи с чем составители ряда диалектных словарей справедливо применяют соответствующий способ толкования преимущественно как дополнительный, сопутствующий дефинитивно-описательному как основному (ср., например: [13; 14]).

Вместе с тем использование развернутых описаний в диалектном словаре также далеко не всегда означает отражение реального содержания денотативной части диалектной семантики. Нередко недостатком дефинитивно-описательных определений в диалектных словарях является подмена описания предметно-понятийной части содержания диалектного слова описанием реалии через произвольное перечисление ее некоторых признаков. Как неоднократно отмечалось исследователями, в сознании представителей любого языкового коллектива получают отражение и закрепляются далеко не все признаки обозначаемых словесными единицами предметов и явлений, что связано со спецификой собственных тому или иному коллективу понятий. Описание отраженного в слове понятия и раскрытие реальной семной структуры денотативного компонента диалектного значения с необходимостью требуют не только исследования контекстуального окружения слова, но и анализа его ближайшей лексико-семантической парадигмы (ЛСП) и входящих в ЛСП семантических оппозиций, закрепляющих те или иные сущностные семантические признаки, которые и должны быть в первую очередь указаны в дефинитивно-семантическом описании. Сравним, например, словарные дефиниции слов *обтяну́ха*, *потяну́шка*, *рукáв*. *Обтяну́ха* – ‘женская короткая облегающая кофта’ Пинеж. Арх.; *потяну́шка* – ‘короткая, обтягивающая стан кофта с длинными рукавами, широкими вверху и узкими внизу’ Арх., Пинеж., Холм. Арх.; *рукáв* – ‘женская кофта в обтяжку’ Онеж., Кем. Арх. Как видим, только в структуре лексического значения слова *потяну́шка* отражена

сема ‘с рукавами’. Однако данная сема является сущностной дифференциальной, так как она закреплена в семантической оппозиции *потянушка* – лиф (‘безрукавка, охватывающая грудь’). Следовательно, для слов *обтянуха*, *потянушка*, *рукáв* семантически правильным, с нашей точки зрения, стало бы следующее толкование: ‘женская короткая облегающая кофта с длинными рукавами’.

Общие принципы выделения дифференциальных признаков диалектного слова, которые должны получить отражение в диалектном словаре, ориентированном на моделирование языкового сознания диалектоносителей, изложены в исследованиях К. И. Демидовой, применившей к диалектному материалу методику выявления сущностных и ядерных дифференциальных признаков (интегральных и различительных) через ЛСП [15; 16]. Однако для эксплицитного описания семантики слова с национально-культурным компонентом необходимо включение в толкование денотативной части значения слова также дополнительных, периферийных, скрытых компонентов значения, входящих в общеязыковую компетенцию диалектоносителей, существенных в плане передачи национально-культурного своеобразия говора так или иначе зафиксированных в речевых употреблениях.

Таким образом, для качественного расширения объема информации о его логико-предметном, сигнификативно-денотативном содержании в диалектном словаре необходимо использовать так называемые содержательные семантические определения [17]. Такие определения полностью раскрывают своеобразие предмета или явления, охватывают его существенные и второстепенные свойства и качества, включают в себя многие признаки, необходимые для понимания сущности денотата слова с национально-культурным компонентом.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Основания системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33–162.

2. Караулов, Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии / Ю. Н. Караулов // Советская лексикография. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 5–18.
3. Сороколетов, Ф. П. Очерки по русской диалектной лексикографии / Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова. – Л.: Наука, 1987. – 231 с.
4. Филин, Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф. П. Филин. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 197 с.
5. Шведова, Н. Ю. Лексическая система языка и ее отражение в толковом словаре / Н. Ю. Шведова // Русистика сегодня. – М.: Наука, 1988. – С. 152–166.
6. История русской лексикографии / Ин-т лингв. исслед. РАН; отв. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1998. – 610 с.
7. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–44. – М.–Л., СПб.: Наука, 1965–2011.
8. Сороколетов, Ф. П. Заметки по семантической характеристике слов в диалектных словарях / Ф. П. Сороколетов // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л.: Наука, 1986. – С. 8–25.
9. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. – 6 т.
10. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 944 с.
12. Козырев, В. А. Диалектная лексикология на современном этапе: учеб. пособие к спецкурсу / В. А. Козырев. – Л.: ЛГПИ, 1986. – 85 с.
13. Архангельский областной словарь. – Вып. 1–13. – М.: Наука, 1980–2010.
14. Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–22. – Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–2011.
15. Демидова, К. И. Проблемы изучения диалектной лексической системы и региональная лексикография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К. И. Демидова. – Свердловск, 1983. – 40 с.
16. Демидова, К. И. Системный словарь предметно-обиходной лексики говоров Талицкого района Свердловской области: учеб. пособие / К. И. Демидова. – Свердловск: Свердл. пед. ин-т, 1986. – 103 с.
17. Арбатский, Д. И. Толкование значений слова. Семантические определения / Д. И. Арбатский. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 100 с.

Крылова Ольга Николаевна, ученый секретарь ИЛИ РАН, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Россия).

Adequately reflected in the dictionary definition of the semantics of the word is the most important lexicographical problem. The paper describes the features of the semantic development dialect vocabulary, reflecting the material culture of the Russian people.

А. С. Кулева

УСЕЧЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ПРОЕКТ СЛОВАРЯ

Грамматика современного русского языка не допускает существования склоняющихся кратких прилагательных в атрибутивном употреблении. В существующих авторских словарях усеченные прилагательные, представляющие собой грамматический архаизм, продуктивный и многообразно функционирующий в языке русской поэзии различных периодов, наряду с краткими формами обычно подводятся под соответствующие полные формы, причем особенности их образования и употребления в большинстве случаев никак не характеризуются. С одной стороны, это не лексический, а грамматический элемент, поэтому возможность составления специального словаря усеченных прилагательных кажется проблематичной. С другой стороны, именно анализ всего массива собранных примеров позволяет представить новый взгляд на усеченные формы.

Традиционно усеченные прилагательные рассматривались как версификационное средство поэзии XVIII в., одна из поэтических вольностей, вызванных к жизни несовершенством силлабо-тонической поэзии [1, с. 252–259]. Однако анализ значительного материала (было рассмотрено более 30 тысяч поэтических текстов 450 авторов XVII – начала XXI в., собрано около 15 тысяч примеров) показывает, что

такие формы употреблялись в русской поэзии на протяжении всей истории ее существования.

Усеченные прилагательные можно определить следующим образом: это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий, местоимений, порядковых числительных, субстантивов, которые используются в языке

поэзии в атрибутивной функции как в И.–В., так и в некоторых косвенных падежах.

Согласно грамматикам современного русского языка, склоняющиеся краткие прилагательные в атрибутивном употреблении ненормативны. В связи с этим в существующих авторских словарях усеченные прилагательные наряду с краткими обычно подводятся под соответствующие полные формы, причем особенности их образования и употребления в большинстве случаев никак не характеризуются. Специальное внимание к таким формам можно отметить в таких словарях, как [2], но вопрос о подаче этого грамматического элемента в авторской лексикографии остается нерешенным (см. подробнее в [3, с. 402–405]).

Как представляется, выбору способа подачи усеченных прилагательных в словаре должно предшествовать определение места этих форм как в поэтическом языке, так и в грамматике современного русского языка, для чего следует заново обратиться к вопросу их функционирования в художественных текстах. Современные методы исследования позволяют обрабатывать большие массивы текстов, что дает возможность более точно формулировать теоретические выводы.

Традиционные представления об имени прилагательном в современном русском языке включают следующие утверждения. Во-первых, при невозможности атрибутивного употребления кратких форм, отмечается наличие большого числа исключений: устойчивых выражений (*среди бела дня*), фольклорных эпитетов (*добру молодцу*), фразеологизмов церковнославянского происхождения (*свято место пусто не бывает*), а также возможность использования подобных форм в языке художественной литературы «в целях создания народно-поэтического колорита» [4, с. 256]. Во-вторых, краткие формы предписывается не смешивать с усеченными: «От кратких прилагательных, употребляющихся только в качестве сказуемого, следует строго ограничивать встречающиеся в стихотворной речи XVIII–XIX вв. прилагательные усеченные, которые в предложении выступают как определения. Эти прилагательные образовывались от соответствующих форм полных путем отсечения от окончания конечного гласного и предшествующего ему звука -j-. Они производились от полных прилагательных не только в форме именительного падежа, но и в форме винительного падежа, причем как от качественных, так и от относительных. От кратких форм эти прилагательные отличались также и тем, что абсолютно во всех случаях сохраняли ударение соответствующих им полных. Употреблялись эти прилагательные в поэтическом языке чисто в версификационных целях (в соответствии с требованиями ритма и рифмы) на правах отступлений от общепринятых норм, разрешенных теорией поэтических вольностей. Преодоление Пушкиным и Лермонтовым традиций стихотворной речи XVIII века повлекло за собой исчезновение и усеченных прилагательных, встречающихся с 40-х годов XIX века очень редко» [5, с. 269–270].

Как показывает собранный корпус примеров, традиционная точка зрения во многом не подтверждается материалом.

Наилучшей формой представления языкового материала, без сомнения, остается словарь. Но возникает вопрос, возможно ли создание специального словаря усеченных прилагательных, если они представляют собой особый грамматический элемент, т. е. могут быть образованы практически от любой адъективной формы. Назовем два аспекта, которые делают такой словарь вполне реальным. Во-первых, корпусное исследование позволяет подготовить выборку примеров если не с исчерпывающей, то с достаточно представительной полнотой. Так, в нашей работе использовались максимально полные издания произведений виднейших поэтов XVII–XIX вв. (серия «Большая библиотека поэта» и др.) и авторитетные антологии. Во-вторых, весьма перспективным направлением сейчас признается создание электронных словарей (см. [6]), допускающих постоянное пополнение и развитие, организацию материала по различным основаниям в зависимости от исследовательской задачи (по хронологии, по автору, по лексеме, по падежной форме и т. п.), а также возможность выхода напрямую на текст произведения или другие связанные тексты (толковый словарь, комментарий к стихотворению и др.). Но даже изданный в традиционной форме «Словарь усеченных прилагательных в языке русской поэзии» был бы полезен и с точки зрения лингвистической поэтики – как конкорданс, представляющий историю русской поэзии через призму одного поэтического элемента, и с точки зрения истории русского литературного языка.

Словарная статья в экспериментальном «Словаре усеченных прилагательных» может строиться следующим образом:

1) заголовочное слово, в целях единообразия – в общепринятой словарной форме (И. м. ед. **полной** формы прилагательного);

2) формы и количество словоупотреблений; в случае необходимости – комментарий или толкование (если значение слова непонятно или отличается от общепринятого, современного); особо отмечается ударение (на основе или флексии), поскольку, как принято считать, усеченные формы отличаются от кратких тем, что сохраняют ударение полной формы;

3) все контексты, расположенные хронологически; шифр (автор, номер произведения в списке, период – XVII в., три периода XVIII в., рубеж XVIII–XIX вв., «пушкинский» и «послепушкинский» периоды XIX в., XX в., рубеж XX–XXI вв.);

4) краткий стиховедческий комментарий (наличие рифмовки, рифма; особо выделяются произведения, написанные 4-стопным ямбом, поскольку применительно к этому размеру существуют исследования грамматики стиха; см., например, [7, с. 202–225]).

Полезным может быть включение более точной информации (точная датировка: указание не условного периода, а года создания текста; жанр произведения, стихотворный размер и др.), но, как представляется, на данном этапе важнее объем и полнота корпуса примеров.

Рассмотрим образцы словарных статей на примере слова *белый* (приведены фрагменты статьи) и однокоренных прилагательных.

БЕЛОСНЕЖНЫЙ 2

И. В. мн. белоснежны^o Листочки *белоснежны*, / Лиля, распускай, *рфм. нежны усеч*^p Тучков1 19в.^o

Так, приведенный фрагмент означает, что усеченные формы прилагательного *белоснежный* встретились дважды; первый контекст, который содержит форму именительного (и совпадающего винительного) падежа множественного числа (с ударением на основе), взят из поэзии С. А. Тучкова (1767–1839), причем в стихотворении усеченное прилагательное рифмуется с другой подобной формой; произведение отнесено к периоду «рубеж XVIII–XIX вв.». Обратимся к статье *белый*:

БЕЛЫЙ 110

И. В. м. 18

бел^o *Бел* лист являет светлейши победы / и райских плодов превечны обеды,^p Истомин6 17

...бел-ясен^o И *бел-ясен* день / Затуманится;^h Кольцов31 19в.2

...бел^o Им зов: возьми / *Бел* хлеб.^h Хлебников35 20в.

...бел-поток^o *бел-поток* шипя в камнях / вывернул-ся весь наружу^p Кривулин6 20-21в.

И. В. ср. 3

...бело^{o см} Второй я поклонилась – / Поблекло *бело* личико;^h НекрасовКнРЖХ 19в.2

И. ж. 12

бела^o И так, как ландыш в виолках, / Блещет *бела* плоть сквозь воду.^h Кантемир43 18в.1

...бела^o Кипятком вода кипела, / Вверх бросалась пена *бела*, *рфм. кипела гл*^p Некрасов1 19в.2

И. В. мн. 44

...белы^o Руками плещут воды *белы*, / Ликуют Западны пределы, *рфм. пределы суц*^{4a} Ломоносов47 18в.1

...белы^o У Цитры, флейты и скрипки / В *белы* руки не берешь;^p Державин30 18в.3

...белы^o Туманы *белы* там сребрились,^{4a} Каменев15 19в.0

...белы^{o см} Что белеется на горе зеленой? / Снег ли то, али лебеди *белы*? *рфм. НЕТ*^h Пушкин91 19в.1

...белы^o В алы крылась полога, / В *белы* схимилась снега.^p Иванов7 20в.

...белы^o «Советайтесь, *белы* кречеты, на пир, / На честное рукобитие да мир!»^p Клюев57 20в.

...белы^o Пить скорее сок березы / Буду, лить чем *белы* слезы,^p Хлебников36 20в.

...белы-рыцари^o Знамя, шитое крестами, в саван выцвело. / А и будет ваша память – *белы-рыцари*.^p Цветаева4 20в.

...белы^o Глянь-кось, барин, встань-кось, барин, / Чем *снега-белы* цветут!^p Цветаева56 20в.

...белы^o Как сплетала девушка / кружева неспешные – / на подушку *белы* звезды, зубчатый подзор.^p Богданова5 20-21в.

...белы^o Вместо блеска перламутра гальки серая крупа. / Раки жрут их акваланги, лижут *белы* черепа...^p Паршиков3 20-21в.

...белы^o Бабочки *белы* летают попарно,^p Степанова3 20-21в.

Р. м. 10

бела^o Из сожжена в пепел древа, / Из песка, иль камня *бела*, / Зной сугубя, сотворило, *рфм. НЕТ*^h Радищев3 18в.3

бела^o У Поют и напевают / С ночи до *бела* дня;^p Батюшков41 19в.1

бела^o Ласточка примчалась / Из-за *бела* моря,^h АМайков3 19в.2

бела^o Скачет хан на *бела* батыря,^h Есенин26 20в.

бела^o Ты, смеретушка – стара тетушка, / Тише *бела* льна выпрядь душеньку». ^hКлюев46 20в.

Д. м. ср. 5

...белу^{o см} Если ты его не отравишь, / Не жди меня к *белу* двору обратню». ^hВостоков22 19в.0

белу^{o y?} Нам принесут печальную газету, / И грустно мы все новости прочтем / И ничего по целу *белу* свету / Отрадного ни капли не найдем,^p Огарев6 19в.2

белу^{o см} Он к вечеру разохался, / К полуночи попа просил, / К *белу* свету представился. ^hНекрасовКнРЖХ 19в.2

В. ж. 15

белу^o Осмотрети стол, скатерть *белу* слати, / сосуды чисты имей неповинно,^p Истомин2 17

белу^o Часто любишь опирать щеки на грудь *белу*, *рфм. целу усеч*^p Кантемир26 18в.1

...белу^o В *белу* грудь мы бьем, Орфей, Орфей! ^p Иванов30 20в.

...белу^o Кому ж как не белым / За *Белу* Русь! ^p Цветаева59 20в.

белу^o А увидишь *белу* птицу – / Глазам не поверишь. ^p Анчевская2 20-21в.

П. м. 1

беле-озере^o Смертельны каменные обноски / На *Беле*-озере, где Синеус... ^pКлюев62 20в.

С одной стороны, кратко формы этого прилагательного очень трудно рассматривать как «искусственную книжную форму», ср.:

БЕЛОКАМЕННЫЙ 2

И. В. мн. белокаменны^o *Белокаменны* палаты, / Стопудовая краса. ^p Городецкий2 20в.

В. ж. белокаменну^o Пусть другие хвалят Киев-град, / Или матушку Москву *белокаменну*, *рфм. НЕТ*^h Восток18 19в.^o

БЕЛОМРАМОРНЫЙ 1

И. В. м. беломраморен^o На холме том гроб белеется, / Гроб белеется *беломраморен*. *рфм. НЕТ*^h Кузмин26 20в.

Можно предположить, что прилагательное *белый* должно быть представлено архаичными краткими атрибутивными формами и употребляться преимущественно в устойчивых оборотах и фольклорных стилизациях (причем фольклорные примеры можно соотнести с диалектными стяженными формами). Действительно, многие примеры взяты из поэзии Кольцова, Пушкина («Песни западных славян»), Некрасова, Клюева, Есенина. С другой стороны, значительная часть примеров не связана с имитацией фольклора. Частотность форм И.–В. м. ед. и косвенных падежей позволяет говорить о незначительности связи со стяженными диалектными формами. В большинстве случаев ударение падает на основу, что, кстати, характерно и для архаичных книжных форм [8, с. 290–291]. Отмечаемые в грамматиках и словарях устойчивые сочетания в корпус не включались. Тем не менее полезнее было бы принимать в рассмотрение и эти примеры, поскольку, во-первых, их число оказалось очень небольшим (т. е. не может заметно изменить количественный анализ), и во-вторых, в стихотворных текстах встречается много примеров, которые позволяют предположить, что набор «застывших устойчивых форм» не так строго ограничен и сами эти формы не настолько застывшие, как это принято считать. Ср. *по белу свету* и *по целу белу свету* (Огарев), *к белу свету представился* (фольклорное у Некрасов) и др. Особо отметим, что некоторые формы опровергают утверждение об исключительно версификационном использовании усеченных прилагательных: такие формы

могут стоять на конце строки (т. е. в сильной позиции) нерифмованного произведения или представлять собой равносложный вариант (П. м.-ср. ед. *беле*, ср. *белом*).

Таким образом, «Словарь усеченных прилагательных в языке русской поэзии» может быть интересен и полезен для исследователей.

Список литературы

1. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
2. Словарь языка русской поэзии XX века: в 4 т. / сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Языки славянской культуры, Знак, 2001–2010. – 4 т.
3. Кулева, А. С. Усеченные прилагательные в словарях языка писателей / А. С. Кулева // Поэтика и эстетика слова: сб. науч. статей памяти Виктора Петровича Григорьева. – М.: URSS, 2010. – С. 402–405.
4. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2002. – 726 с.
5. Галкина-Федорук, Е. М. Современный русский язык: лексиколо-

гия, фонетика, морфология / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – М.: URSS, 2009. – 408 с.

6. Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

7. Гаспаров, М. Л. Ритмико-синтаксические клише в 4-стопном ямбе / М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева // Статьи о лингвистике. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 288 с.

8. Зализняк, А. А. От праславянской акцентуации к русской / А. А. Зализняк. – М.: Наука, 1985. – 428 с.

Кулева Анна Сергеевна, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, кандидат филологических наук (Москва, Россия).

Evolution of sights at the clipped forms of adjectives can be presented as a way from their identification with short-form adjectives at first to full differentiation of the clipped and short-form adjectives. Special dictionary of clipped forms provides a researcher the opportunity to analyze role of these forms in the language of Russian poetry.

УДК 81'322.2

С. А. Мызников

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Представлен краткий обзор направлений в современной русской диалектной лексикографии. Отмечается значение «Словаря русских народных говоров» для ее становления. Предлагается учитывать полевые данные наряду с лексикографическими трудами при использовании старых источников. Дается оценка работ критического направления в отношении диалектных словарей. Уточняются методы верификации словарных данных.

Вторая половина XX в. характеризуется значительным оживлением работы по собиранию и изучению диалектной лексики, по созданию словарей, отражающих лексику русских народных говоров. Создается целый ряд региональных словарей, а с начала 60-х гг. начинается работа над изданием сводного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ; редакторы Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов), который включает в себя диалектные слова, зафиксированные в XIX–XX вв. на всей территории распространения русского языка. В СРНГ будет представлено и разработано свыше 300 тысяч диалектных слов, употребляющихся только в говорах и не известных литературному языку, что значительно превышает количество слов, зафиксированных самым большим словарем современного русского литературного языка. Хотя следует отметить, что замысел СРНГ и начало работы над ним сопровождались полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность вопроса о взаимоотношениях между общенародным языком и диалектами осложняла и обостряла полемику. Споры сводились, в основном, к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т. е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного языка, или он должен быть строго дифференциальным – включать лексику только диалектную, слова чисто местного распространения; 2) какие цели должен преследовать областной словарь – историко-диалектологические, т. е. быть

пособием для изучения современного состояния и истории местных диалектов, или историко-лексикологические, т. е. быть пособием для изучения истории диалектных слов, с географической и, по возможности, хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным русским говорам, накопленным в XIX – начале XX в. (можно их использовать при составлении областных словарей или следует отказаться от них). Все эти проблемы позднее разрешались уже в практической лексикографической работе.

СРНГ сыграл чрезвычайно важную роль в развитии отечественной диалектной лексикологии. Обобщив разбросанные по многочисленным источникам сведения по диалектной лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 200-летний период (с начала XIX в. до наших дней), Словарь уже стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка. Несмотря на то, что СРНГ является словарем дифференциального типа и по замыслу его авторов «системные связи и противопоставления не будут в нем представлены в полном объеме» [1, с. 13]. Он, хотя и не полностью, но выявляет границы распространения диалектных слов, наглядно показывая существование диалектных различий русских говоров на уровне лексики и словообразования. Кроме того, материалы Словаря реально доказали, что так называемая «общенародная лексика» по сути своей не является общенародной, так как часто используется лишь в некоторых областях России [2, с. 3].

К настоящему времени в Словарном отделе ИЛИ РАН готовится к изданию несколько рукописей неизданных ранее диалектных словарей, готовится

научное переиздание словарей XIX и XX веков, однако есть уже и первые результаты.

В 2006 году был издан «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» [3]. Данный труд был задуман П. А. Дилакторским как продолжение лексикографического описания севернорусских говоров наряду со «Словарем Архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. Подвысоцкого [4] и «Словарем Олонецкого областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского [5], но по ряду причин этот труд не был опубликован и существовал только в рукописном варианте в единственном экземпляре в архиве Словарного отдела. Включение богатейших данных вологодских говоров в пределах Вологодской губернии, датируемых началом XX века, в научный обиход как самостоятельного и полного источника закончит (хотя и с опозданием на 100 лет) лексикографическое описание основной части севернорусских говоров. В словаре представлено 16 475 слов, объединенных в 14 320 словарных статей.

Еще одна коренная русская область – Новгородская земля, значительно отставала от других территорий в плане лексикографирования народной русской речи, и как писал А. С. Герд в предисловии к 1-му выпуску «Новгородского областного словаря» (буквы А–В), «публикация Новгородского областного словаря – особый этап в истории русской филологии; именно с этого словаря логически должна была бы начаться работа над всеми другими словарями Русского Севера и Северо-Запада; вряд ли можно сомневаться в том, что в говорах вокруг озера Ильмень, по Ловати, Шелони, Мсте и Волхову лежат истоки и начала народной речи всего Русского Севера и многих областей Урала и Сибири» [6, с. 3]. Можно сказать, что выход в свет под редакцией Веры Павловны Строговой «Новгородского областного словаря» (1992–1995 гг.) в 12-ти выпусках [7] был необходимым началом такого рода работы. Труд В. П. Строговой продолжили Л. Я. Петрова и А. В. Клевцова, которые дополнили текст словаря новыми материалами и внесли необходимые коррективы. «Новгородский областной словарь» [8], изданный в 2010 году, впервые представляет в одном издании все лексическое богатство народной русской речи, зафиксированной на территории Новгородской области и в районах исторически относящихся к Новгородской губернии. В настоящем словаре представлено свыше 25 000 диалектных слов и около 2 600 фразеологизмов.

Русская диалектная региональная лексикография переживает пору своего расцвета. Причем следует отметить, что это в большей степени заслуга вузовской науки. Накапливаемые с послевоенных лет в картотеках вузов лексические материалы последние десятилетия реализовывались в областных словарях, некоторые из них уже закончены и работа идет либо над дополнениями, либо над переизданием, другие продолжают работу над частью планируемых изданий работа только разворачивается. И все же на территории материнских русских говоров Европейской части России

существуют не охваченные лексикографическим описанием говоры некоторых регионов, что предполагает работу по сбору диалектных данных и их словарной репрезентации.

Кроме того, в настоящее время выходит в свет все больше авторских диалектных словарей (или осуществляется работа), в которых описывается лексикон говора части какого-либо региона, либо отдельный говор, говор населенного пункта, одной семьи, одного диалектоносителя. Однако в словарях одного говора или группы родственных говоров трудности описания обычно сводятся к разрешению проблем лексикографического описания собранных данных. Иное дело, когда речь идет о диалектном словаре, в котором сводятся в одну систему как лексикографический конструкт материалы различных русских говоров. В этом случае трудности репрезентации сопровождаются сложностями конструирования виртуальных комплексных словарных единиц, отсутствующих в реальном диалектном языке. Именно поэтому довольно часто критические стрелы направлены в адрес сводных диалектных словарей.

При наличии большого количества лексических диалектных данных они не только все шире используются как вспомогательные при историко-этимологических исследованиях, но и нередко служат основным материалом для различного рода штудий. Получение новых качественных диалектных лексических данных в ходе полевых сборов вызывает сейчас большие затруднения и заставляет интенсивнее использовать диалектные словарные и рукописные источники. Априори включая те или иные словарные лексические данные как дополнительные сведения для анализа, мы не подвергаем сомнению их научную достоверность. Однако в любом словаре имеется такой материал, который затруднителен для лексикографической обработки.

Все критические работы можно дифференцировать в зависимости от того, анализом каких параметров словаря они оперируют. Значительная часть критики относится к опровержению существования предлагаемой в словаре заголовочной формы слова. Некоторая часть таких единиц, помещенных в словник того или иного слова, может появиться в результате неправильного прочтения рукописных данных. И только в результате этимологических разысканий можно установить корректность или ошибочность заголовочной формы слова.

Всевозможные критические замечания по словарям относятся не только к заголовочному слову, но и к точности толкования, корректности ареальной локализации. Последняя, например, имеет большое значение при этимологических исследованиях неисконной лексики субстратного происхождения, ввиду узкой географической привязки субстрата. Ср., например: **маймакава**, **маймакала** 'рыба сом' на реке Шуе Петрозав. [5, с. 53]. Современные материалы по данному слову отсутствуют. А. С. Герд приводит это слово как бытующее на р. Шуя, но со ссылкой на SKES [9, с. 8]. В СРНГ, однако, помета Шуйск. была отнесена к ивановским говорам (СРНГ, т. 17, с. 304), при том, что это слово прибалтийско-финского происхождения (см. [10, с. 160; 11, с. 49; 12, с. 559]).

На наш взгляд, критика сущностных параметров словаря (заголовочное слово, смысл толкования), а не интерпретационных (омонимия, иерархия значений, вариантность и т. д.) возможна только в сопоставлении с источниками: полевыми, историко-архивными, лексикографическими. На наш взгляд, критические замечания к материалам диалектных словарей должны быть основаны на их комплексном анализе, подразумеваемом знанием в той или иной мере лексической системы говора. Так, например, зафиксированные нами значения некоторых диалектных лексем не вполне соотносятся с их лексикографической репрезентацией. В СРНГ, нередко, базирующемся на старых рукописных источниках, довольно трудно иногда сконструировать адекватное толкование, и авторы словаря, не беря на себя ответственность за новую интерпретацию, отсылают читателя к источнику, ср.: **орда́** 'вешалка для сушки невода' Север (СРНГ, т. 23, с. 32). Причем на новых материалах было предложено для лексемы **орда́** также не вполне корректное толкование: 'изгородь в поле для просушки льна' (СРГК, т. 4, с. 235). Кроме того, данный материал должен быть соотнесен с основным фонетическим вариантом **арда**, материалы, относящиеся к нему, более репрезентативны в семантическом плане. Ср.: **арда** 'вешалка, на которой сушат невода' Олон. [5]; **арда** 'устройство из столбов, жердей, на котором развешивают для просушки невод' Олон. (СРНГ, т. 1, с. 271).

Имеются также данные, которые должны быть разработаны с учетом единиц **арда** / **орда́**, однако, как в СРНГ, так и АОС представлены как *pluralia tantum*: **Арды** 'колья для укрепления сушенов' Петрозав. Олон., 1898; 'вешала для просушки льна' Тихв. Новг., Дестунис, 1854 (СРНГ, т. 1, с. 272). **Арды** «приспособление для просушивания рыболовных сетей»: – *На ардах сушат сети. Невода сушация на ардах. Жерди клайены на козлик, называют арды. Зделаны козлы да приделаны жэрди, вот и арды.* Плесецк. Арх. (АОС, вып. 1, с. 73).

На наш взгляд, при соотношении полевых данных с лексикографическими источниками вполне возможно уточнение описываемой реалии: **арда** 'приспособление в виде укрепленной на столбах жерди для сушки льна, гороха' Лодейноп., Подпорож. Ленингр. (ПЛГО). В настоящее время эта реалия уже не используется по прежнему предназначению, ср. **арда** 'приспособление, используемое для сушки белья' Подпорож. Ленингр. (ПЛГО; КСРГК).

При лексикографической подаче материала, относящегося к реалиям, которые уходят из бытования, вероятно, следует по возможности включать в толкование элементы этнографического описания.

В настоящее время многие диалектные лексикографические труды подвергаются всесторонней критике, хотя следует отметить, что такого рода работы, выходящие в свет, не являются чем-то новым. Так, например, критические замечания в адрес диалектных словарей начали появляться в печати с момента выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» 1852 года [13].

Таким образом, для настоящего времени весьма насущно продолжение лексикографического описания русских говоров, например, пока отсутствуют основательные словари по владимирско-поволжским

говорах, весьма прискорбно, что прервалось издание «Словаря брянских говоров» [14], которое базировалось на фундаментальной картотеке¹.

Кроме того, меняются методы сбора и описания диалектных лексических данных, которые нацелены на создание оригинальных лексикографических проектов (см. Е. В. Иванцова [16; 17]).

Вряд ли в отношении методов верификации словарных данных можно предложить что-либо определенное. Однако совершенно очевидно, что диалектные словари, материалы которых были собраны в полевых условиях, а затем обработаны лексикографически одними и теми же специалистами, имеют гораздо меньше случаев искажения как сущностных, так и интерпретационных параметров словаря. Хотя, конечно, данные словарей, основанные на недавних полевых материалах, и словари, создаваемые на базе архивных источников, предлагают различные степени сложности их описания. Кроме того, только комплексный анализ гнезда с его вариантами: фонетическими, деривационными, этимологическими (восходящими к одному этимону, но имеющими различную форму) – может весьма условно предложить основательность анализа и критического осмысления (если в этом будет необходимость) диалектных лексикографических источников. Однако следует подчеркнуть, что задача толковой лексикографии состоит в репрезентации и введении в научный оборот собранных словарных материалов, а не в их этимологическом прочтении. Причем следует отметить, что лексическая эмпирическая база таких данных – словарные картотеки – чаще всего гораздо шире их публикуемой части в словарях. Исходя из этого, следует отметить, что обычно критические статьи строятся на анализе словарных данных без учета рукописных источников, что ставит под сомнение правомерность такой критики.

Список сокращений

АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1–14. / под ред. О. Г. Гецовоной. – М., 1980–2012.
КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в ИЛИ РАН).
ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам).
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1994–2005. – 6 т.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–44. – М.–Л., СПб., 1965–2012.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. – Helsinki, 1955–1981.

Список литературы

1. Сороколетов Ф. П. Лексико-семантическая система и словарь и словарь национального языка / Ф. П. Сороколетов // Современность и словари. – Л.: Наука, 1978. – С. 4–20.
2. Вендина, Т. И. Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги / Т. И. Вендина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 3–19.
3. Дилакторский, П. А. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / П. А. Дилакторский. – СПб.: Наука, 2006. – 684 с.
4. Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. – СПб., 1885. – 197 с.
5. Куликовский, Г. И. Словарь областного олонекского наречия в

¹ Хотя брянские диалектологи издали небольшой дифференциальный «Брянский областной словарь» [15].

- его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Г. И. Куликовский. – СПб., 1898. – 151 с.
6. Новгородский областной словарь: в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1: А–В / сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова; отв. ред. В. П. Строгова. – 158 с.
7. Новгородский областной словарь: в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород, 1992–1995. – 12 вып.
8. Новгородский областной словарь / изд. подготовили А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; сост. А. Клевцова, В. Строгова, Л. Петрова, А. Никитин. – СПб., Наука, 2010. – 1435 с.
9. Герд, А. С. Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики / А. С. Герд // Прибалтийско-финское языковедение. Вопросы лексикологии и грамматики. – Петрозаводск, 1988. – С. 4–22.
10. Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen / J. Kalima. – Helsingfors, 1915. – 265 p.
11. Meckelein, R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. I. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen / R. Meckelein. – Berlin, 1913. – 73 p.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1964–1973. – 4 т.
13. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.
14. Словарь брянских говоров: в 5 вып. – Л., 1976–1988. – Вып. 1 /

- под ред. В. И. Чагишевой. – Л., 1976; вып. 2–5 / под ред. В. А. Козырева. – Л., 1980–1988.
15. Брянский областной словарь / отв. ред. Н. И. Курганская. – Брянск, 2007. – 381 с.
16. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312 с.
17. Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / авт.-сост. О. И. Гордеева, Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова [и др.]; под ред. Е. В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. – Т. 1.: А–З. – 358 с.

Мызников Сергей Алексеевич, заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия).

The short review of the directions is presented in article in a modern Russian dialect lexicography. Value of «The dictionary of the Russian national dialects» for it formation is noted. It is offered to consider field data along with lexicographic works when using old sources. Evaluation of works of the critical direction concerning dialect dictionaries is given. Methods of verification of dictionary data are specified.

УДК 811.161.1'37

О. Ю. Николенко

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается фиксация в словарях русского языка терминов родства. Термины родства являются элементами строго организованной системы и обладают рядом специфических семантических признаков, которые должны быть отражены в словарной статье. В качестве источника привлекаются исторические и современные лексикографические издания.

Термины родства традиционно называются терминами вследствие особенностей системной организации группы, сходной по принципам с организацией терминологических полей науки. В русском языке, как и в других современных индоевропейских языках, действует описательная система обозначения родства, отражающая индивидуальные отношения родственников. Русские термины родства (ТР) составляют строгую систему, «матрицу», все элементы которой строго противопоставлены друг другу по определенным дифференциальным признакам и в совокупности покрывают собой всю систему понятий данной области. Особенно заметной системной организацией ТР становится при компонентном анализе лексического значения каждого наименования, состоящего из комбинации семантических признаков, представленных в основном двучленными оппозициями типа «женский пол / мужской пол», «кровное родство / некровное родство», «предок / потомок», «по прямой линии / по боковой линии», «в первом поколении / во втором поколении / в третьем поколении» и др. [1, с. 108; 2, с. 52]. Системная организация ТР является прямым отражением того, что сами называемые понятия в реальной действительности представляют некую упорядоченную систему, причем различную у разных народов.

Русское понятие родства в широком смысле охватывает несколько онтологических зон: 1) кровное родство, «отношения между родителями и детьми, между предками и потомками и между людьми, имеющими общих родителей или общих предков.

Различают родство по прямой линии (родители и дети, предки и потомки) и по боковой линии (братья и сестры, дядья, тетки и племянники), а также родство по нисходящей и восходящей линиям (например, правнук, внук, сын, отец, дед, прадед и наоборот: прадед, дед и т. д.)» [3, с. 120]; 2) родство по браку, или свойство, «отношения между супругом и кровными родственниками другого супруга, а также между родственниками супругов» [4, т. 4, с. 56]; 3) юридическое родство, или родство связанное с повторным браком или усыновлением; 4) родство по церковному обряду крещения (условное родство). Для каждой из этих зон выработана своя система терминологии, основанная на строгом соблюдении принципов альтернативного выбора релевантных семантических признаков.

Поскольку ТР часто употребляются в разговорной речи, то тенденция к возникновению экспрессии, характерная для бытового языка, выражается в появлении у термина экспрессивного синонима, например: *мать – мама – мамуля – мамочка – мамка* и т. д. В этом отличие терминов родства от истинных терминов. При этом такой синоним всегда осознаётся носителем языка как вторичный и не замещает самого термина в системе. Поэтому слова типа *мама, папа, тётка* и т. п. (с пометами *разг.*), находясь внутри группы наименований родства, в саму систему ТР не входят, но фиксируются словарями с отсылкой к основному ТР: *мама* «то же, что мать (в 1-ом знач.)» [4, т. 2, с. 224]; *мать* «женщина по отношению к рожденным ею детям» [4, т. 2, с. 238].

Кроме того, все ТР обладают общими семантическими свойствами (относительность, встречная и родовая соотносительность и т. д. [3, с. 120]), которые являются системообразующим фактором для организации группы. Неоднократно отмечалось, что эти особенности ТР должны учитываться при толковании в словарях [3, с. 132]: должно быть отражено, по отношению к кому лицо называется данным ТР, у соотносительных мужских и женских ТР должны быть однотипные определения и т. д.

Таким образом, лексикографическая подача только первого, денотативного, терминологического, уровня семантической структуры ТР должна отражать: 1) принадлежность к определенной подгруппе лексической группы; 2) набор индивидуальных дифференциальных семантических признаков термина; 3) общие семантические свойства ТР.

Но лексикографическое описание ТР должно решать и другие проблемы, связанные с происхождением, функционированием и развитием терминологии родства. До сих пор не существует лексикографического издания, в котором лексика родственных отношений была бы описана с учетом как прямых, прототипических, терминологических значений входящих в нее единиц, так и их вторичных, производных значений, с указанием условий реализации тех и других в коммуникации, а сами вторичные значения родственных номинаций изучены явно недостаточно [5, с. 106]. Пока экстраполяция ТР представлена в словарях частично и непоследовательно: и через омонимы, и через многозначность. Особо актуальными задачами являются: 1) уточнение прагматики ТР в русской коммуникативной культуре, в частности, номинативной и вокативной функции [5, с. 106]; 2) проблемы разграничения омонимии и полисемии в плане подачи дериватов от ТР [2, с. 24]; 3) отбор синонимов для включения в толковый словарь энциклопедического языка; 4) отражение широкой экстраполяции ТР и метафорического потенциала отдельного термина [6, т. 2, с. 5].

Но в первую очередь словарная статья к ТР должна содержать сведения терминологического уровня. Основные толковые словари русского языка последовательно отражают соответствие семантической структуры ТР (выраженной в лексическом значении) типу родственной связи, однако при рассмотрении системы подачи можно обнаружить отступления, особенно при анализе всей совокупности ТР как системы.

Комбинаторная методика определяет количество ТР, необходимых для полного описания всех существующих типов родственных отношений до третьего колена: 120 номинаций родства по вертикали и 42 по горизонтали (не включаются «родственники по церковному обряду крещения») [2, с. 51–54]. Но современный язык оперирует существенно меньшим количеством номинаций. В «Словаре современного русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) зафиксировано всего 18 терминов кровного родства: *отец, мать, сын, дочь, дед, бабушка, внук, внучка, прадед, прабабушка, правнук, правнучка, брат, сестра, дядя,*

тётя, племянник, племянница, и 16 терминов свойства: *муж, жена, свекор, свекровь, тесть, теща, зять, сноха / невестка, деверь, золовка, шурин, свояченица, свояк, сват, сватья*. Все они даны без каких-либо помет.

Полную же систему можно представить только с использованием описательных конструкций типа *двоюродный брат, тётя со стороны матери, троюродный дедушка мужа, двоюродная сестра по отцу, племянница жены по брату, сводная сестра мужа (сводная золовка)* и т. д. Описательные расчлененные (составные) термины родства – разновидность лексических аналитических конструкций, расчлененно выражающих словообразовательные значения, семантически и функционально они равны слову, но организованы как словосочетания, допускают перестановку компонентов, включения и усечения [7, с. 30], в них включаются максимально известные и обобщенные термины. Таким образом, формально расчлененные ТР являются семантически нерасчлененными номинациями (типа *белый медведь*), однако в толковых словарях не фиксируются, в отличие от словарей этнографических.

Русский язык обладает особым свойством: он позволяет с помощью приставки *пра-* и прилагательных *двоюродный, троюродный* и т. д. выразить отношение кровного родства в любом поколении. Например, двоюродный брат моего прямого предка в пятом поколении – это мой *троюродный прапрапрадед*. Эти особые элементы степени родства представлены во всех словарях, однако их толкование не всегда соответствует терминологическому значению. Так, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСОШ) собственно терминологическое значение представлено как расшифровка иллюстративного материала, в качестве которого используются составные наименования: ДВОЮРОДНЫЙ, -ая, -ое. Находящийся в непрямом родстве. *Д. брат, двоюродная сестра* (сын, дочь дяди или тётки). *Д. дядя, двоюродная тётка* (двоюродный брат, двоюродная сестра отца или матери). *Д. племянник, двоюродная племянница* (сын, дочь двоюродного брата или двоюродной сестры). *Д. дедушка, двоюродная бабушка* (дядя, тётка отца или матери) [8, с. 143].

Более точно в МАС: ДВОЮРОДНЫЙ, -ая, -ое. Находящийся в родстве по деду или бабушке с детьми их сыновей или дочерей. *Двоюродный брат* (сын дяди или тетки). *Двоюродная тетка* (двоюродная сестра отца или матери) [4, т. 1, с. 371].

Но точнее всего у В. И. Даля: ДВОЮРОДНЫЙ, двуродный, во второй степени родства; *родной*, въ первой; *троюродный* или *внучатный*, въ третьей; прочія степени, *дальнее родство* [9, т. 1, с. 421].

Приставка *пра-* как отдельный элемент, участвующий в регулярном словообразовании, присутствует во всех словарях. Приведем толкование, близкое к терминологическому: ПРА..., *приставка*. Употребляется при образовании прилагательных и существительных и обозначает: ... 2) восходящую или нисходящую линию по прямым степеням родства, начиная с деда, бабки или внука, внучки, например: *прадед, прабабушка, прапрадед, правнук, правнучка, праправнук* [4, т. 3, с. 351].

Но ни в одном словаре не упомянуто нанизывание приставки *пра-* для обозначения количества поколений. В ТСОШ дано общее определение «образует существительные со знач. отдаленной степени прямого родства, напр. *прапродители, праотец, прамасть, прабабушка, правнук, праправнук...*» [8, с. 658], в иллюстративном ряду – вместе ТР и не ТР, с более широким значением *пра-*. У В. И. Даля отдельно выделено общее значение *пра-* «прдл. слитный, бол. съ именем существительнымъ, означающей родство или связь въ дальнемъ восходящемъ или нисходящемъ порядкѣ, предковъ или потомковъ, а иногда простое предшествование чему-либо по времени, или исконный, начальный, нпр. *праотцы наши; правнуки нынѣшняго поколѣнья; пракозникъ Моисей; праобычай славянъ* [9, т. 3, с. 377], среди примеров нет ТР, а термины *правнук, правнучка, прадед, прабабка* расположены в других гнездах.

Система терминов русского кровного родства характеризуется всеохватностью (можно назвать любое отношение) и регулярностью (единственное нарушение – термин *внучатый племянник*, система диктует *двоюродный внук*). Подгруппа терминов свойства имеет несколько системных отступлений (некоторые термины неоднозначны, например, *невестка, зять*; система до некоторой степени асимметрична: муж свояченицы – *своjak*, а муж золовки отдельно не называется), однако также представляет собой устойчивое образование.

В результате процесса исторического обобщения некоторые ТР используются для номинации родства и по горизонтали, и по вертикали: ЗЯТЬ, -я, м. 1. Муж дочери. 2. Муж сестры. 3. Муж золовки [4, т. 1, с. 625]. НЕВЕСТКА, -и, ж. Замужняя женщина по отношению к родным её мужа (отцу, матери, братьям, сёстрам, женам братьев и мужьям сестёр) [4, т. 2, с. 426].

Несмотря на то, что эти параллельные ТР отражают одинаковое семейное положение мужчины и женщины, в словаре у них разнотипные определения. Следуя словарному определению, термины *зять* и, особенно, *невестка* должны обладать разным набором признаков одновременно, что невозможно, поэтому можно считать, что это разные, но омонимичные ТР, занимающие отдельные ячейки со своим комбинаторным кодом, что доказывается существованием термина *своjak*, занимающего ячейку «муж свояченицы» [4, т. 4, с. 57], термина *сноха*, занимающего ячейку «жена сына» [4, т. 4, с. 167], и существованием ранее термина *ятровка* [9, т. 4, с. 682], занимавшего ячейку «жена деверя». Словарная статья должна быть разбита на две или более отдельных: ЗЯТЬ 1. Муж дочери. ЗЯТЬ 2. Муж сестры. ЗЯТЬ 3. Муж золовки. СВОЯК (ЗЯТЬ 4). Муж свояченицы. НЕВЕСТКА 1 (СНОХА). Жена сына. НЕВЕСТКА 2. Жена брата. НЕВЕСТКА 3 (ЯТРОВКА). Жена деверя. НЕВЕСТКА 4. Жена шурина.

Важным является отражение относительности (релятивности) значений ТР: лицо, названное тем или иным термином, является таковым только по отношению к каким-либо другим, в каждом конкретном случае вполне определенным лицам: *отец* – женщина по отношению к своим детям;

тёща – женщина по отношению к мужу своей дочери. В статьях должно быть указание на лицо, по отношению к которому определяется родство. Этот принцип иногда нарушается: *тесть* «отец жены [4, т. 4, с. 362], отсутствует часть толкования «по отношению к её мужу», *теща* «мать жены» [4, т. 4, с. 364], отсутствует часть толкования «по отношению к её мужу». Такая недостаточность компенсируется присутствием в толковании термина *жена*, в толковании которого в свою очередь присутствует указание на относительное лицо: ЖЕНА, -ы, ж. Замужняя женщина по отношению к своему мужу [4, т. 1, с. 477]. Компенсация обусловлена принципом встречной соотносительности, предполагающей обязательное взаимное родство. Это делает возможным подачу ТР в словарях через другой или другие ТР.

Толковые словари современного русского языка содержат наиболее употребительные единицы, выбираемые из лексического континуума на основании частотности их употребления конкретными носителями языка в настоящее время. Границы же лексического континуума определяются разными факторами, в частности, законами логики, т. е. конструирование смыслов реальных и потенциальных слов происходит не спонтанно, но с опорой на логические отношения между понятиями. Именно эта логика и должна быть отражена в основном толковании слов группы, организованной по принципу терминологического поля.

Список литературы

1. Ломтев, Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторской методики (термины родства в русском языке) / Т. П. Ломтев // НДВШ «Филологические науки». – 1964. – № 2. – С. 108–121.
2. Николенко, О. Ю. Современные тенденции развития лексико-семантической группы наименований родства: монография / О. Ю. Николенко. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – 171 с.
3. Моисеев, А. И. Термины родства в современном русском языке / А. И. Моисеев // НДВШ «Филологические науки». – 1963. – № 3. – С. 120–132.
4. Словарь современного русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.
5. Лихачёва, А. Лексика родства в русской коммуникативной культуре / А. Лихачёва // Kalbu studios / Studies about Languages. – 2011. – № 19. – С. 106–112.
6. Качинская, И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук / И. Б. Качинская. – М., 2011. – Т. 1. – 345 с.; Т. 2. – 322 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энцикл. 1990. – 685 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1978–1980. – Т. I. – 1978. – 699 с.; Т. II. – 1979. – 779 с.; Т. III. – 1980. – 555 с.; Т. IV. – 1980. – 683 с.

Николенко Ольга Юрьевна, доцент кафедры русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент (Омск, Россия).

The paper deals with fixation of the Russian kinship terms in the dictionaries. Kinship terms have specific semantic features which should be reflected in dictionary entry. Historical and modern lexicographical publication have been used as sources of material.

УДК 811.161.1:39

Л. И. Плотникова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ

Объяснить случаи перехода новообразований в активный лексический запас можно только после длительного наблюдения за их «судьбой». Процесс узуализации инноваций – это сложный поэтапный процесс, включающий этапы порождения нового слова, его активизации, адаптации и завершившейся узуализации, естественным результатом которой является лексикографическая фиксация нового слова. Основным фактором активизации нового слова и его фиксации в толковом словаре необходимо признать его социальную обусловленность. Это связано с тем, что язык «отбирает» лишь те слова, которые являются отражением определенных социокультурных процессов.

При первой регистрации лексических инноваций исследователь не имеет возможности точно определить, как отнесутся к новому слову носители языка, согласятся ли принять словарное новшество (и тогда оно займет свое место в словарном составе языка) или не примут его (в этом случае оно так и останется индивидуально-авторским образованием в рамках одного контекста).

В «жизни» лексических инноваций до их лексикографической фиксации можно выделить несколько этапов. Первый этап – это *этап порождения* нового слова в определенном коммуникативном акте. На данном этапе говорящий конструирует отвечающую требованиям речевой ситуации необходимую единицу. Ее дальнейшую «судьбу» пока еще невозможно предугадать. Процесс узуализации носит вероятностный характер. Однако, учитывая, что новообразование было создано с целью обозначить какое-либо явление реальности, данный этап можно считать самостоятельным этапом становления слова.

Для того чтобы показать разную степень языкового закрепления того или иного нового слова и его соответствие определенному этапу узуализации, мы вводим понятие *степень узуализации* (СУ) [1, с. 246]. Таким образом, степень узуализации новообразования на этапе порождения равна единице (СУ = 1).

Второй этап – это *этап активизации* новообразования. Удачно сконструированная единица, не нарушившая требований и правил языковой системы, благозвучная, не очень длинная и удобопроизносимая, не противоречащая эстетическим требованиям, получает все большее распространение. Если она становится социально востребованной единицей, то завоевывает популярность и получает широкое распространение. На наш взгляд, именно этот этап является определяющим в дальнейшей «жизни» нового слова.

Третий этап в «судьбе» нового слова – *этап адаптации*. Этот этап может проходить для новообразования параллельно с этапом активизации, то есть новое слово, получая широкое распространение, одновременно приспособляется к языковой системе. Адаптация происходит на разных уровнях, соответственно мы выделяем фонетическую, грамматическую и словообразовательную адаптацию нового слова. Степень узуализации новообразований, получивших языковое распространение и прошедших этап адаптации, равна 2 (СУ = 2).

После того, как слово получило широкое рас-

пространение, приспособилось к системе языка, оно вступает в четвертый этап – *этап завершившейся узуализации* – и занимает законное место в словаре. Данный этап свидетельствует о состоявшемся процессе узуализации. Новое слово, прошедшее его, отличается высшей степенью узуализации (СУ = 3).

Таким образом, *процесс узуализации* мы рассматриваем как поэтапный процесс языкового закрепления нового слова – от стадии его порождения до фиксации в словаре. А для новообразования, включившегося в процесс узуализации (степень узуализации которого равна 2 или 3), принимаем термин *узуализат* [1, с. 246].

Проследить процесс активизации новообразований на конкретном языковом материале представлялось неразрешимой проблемой, ибо долгое время инновации не фиксировались в словарях. Однако интерес к исследуемой проблеме, а также начавшийся с 1980 года выпуск серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы» под редакцией Н. З. Котеловой (далее – СМ) [2], содержащий лексикографическое описание не зафиксированных в словарных изданиях слов, позволили предпринять попытку исследовать конкретный материал в данном направлении.

В указанный выше выпуск не включались слова, имеющиеся в толковых словарях, а также зарегистрированные в Большой Советской Энциклопедии, Словаре В. И. Даля, Политехническом словаре, специальных лингвистических словарях, в материалах словарных картотек Института русского языка АН СССР, то есть в него вошли лишь те новые слова, значения слов и словосочетания, которые не были зафиксированы существующими лексикографическими источниками и были зарегистрированы впервые как неузуальные образования.

Для исследования процесса активизации новообразований нами были привлечены данные «Словаря новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) под редакцией Н. З. Котеловой (далее – СНС), в котором, в отличие от указанных выше выпусков, «осуществлен отбор закрепившейся, оказавшейся жизнеспособной лексики, ставшей по показаниям материалов принадлежностью литературного языка» [3, с. 6], то есть в указанный словарь включены новообразования, ставшие воспроизводимыми, активизировавшимися единицами. «В Словарь включаются инновации, отмечаемые на уровне языка, т. е. относящиеся к инвентарю воспроизводимых, узуальных средств» [3, с. 8]. Таким образом, для исследования процесса активизации нами были со-

поставлены новые слова, зафиксированные впервые ($СУ = 1$), и новые слова, получившие распространение ($СУ = 2$). Это позволило из всего многообразия инноваций, представленных в СМ, выделить лишь те, которые прошли этап активизации. Бесспорно, данная методика не претендует на универсальность и широту охвата исследуемого материала. Однако отсутствие иных возможностей проникнуть в глубь процесса активизации новообразований обусловило предпринятую нами попытку.

Нами было проанализировано около 9 000 новообразований, зафиксированных в СМ – 77, 78, 79, 80. В СНС вошло около тысячи (966) из этих слов. Это позволяет сделать вывод о том, что примерно десятая часть зафиксированных инноваций – это лексика, получившая языковое закрепление. Какие факторы повлияли на процесс активизации данных слов? Ответить однозначно на этот вопрос не представляется возможным. Узуализованная лексика – пласт далеко не однородный. Анализ языкового материала позволил выявить основные причины языкового закрепления новообразований.

Причины активизации анализируемых слов необходимо в первую очередь соотносить с теми особенностями в развитии общества, которые отмечались в исследуемый период (77–80-е годы XX в.). Конечно, относительно небольшой пласт лексики (около тысячи единиц) и непродолжительный временной промежуток не позволяют выявить строгих закономерностей и все-таки дают возможность отметить отдельные тенденции языкового развития и обозначить те тематические сферы, которые наиболее подвержены изменениям.

Конец 70-х годов XX века характеризуется как период нарастания негативных явлений во всех сферах жизни общества. Они проявлялись в стагнации экономики, росте оппозиционных настроений населения, падении авторитета СССР на международной арене, хотя 1976–1980 гг. – это период десятой пятилетки, получившей название «пятилетки эффективности и качества». Отмеченный период характеризуется увеличением масштабов нового строительства, активным развитием энергетики, электроники, атомной промышленности. Ср.: *гидростройка, гидроавтоматика, вышкостроение, конвейеростроительный, сельхозмашиностроение, атомград, протонный, электроагрегатный, электроаппаратный* и др.

Массовое распространение движения за коммунистическое отношение к труду, многочисленные инициативы нашли отражение в словах-узуализатах *сверхнапряжение, сверхзанятость, сверхреальность, сверхрекорд, рекордизм, опережающий, сверхповышенный, высококачественно, нормативно* и под.

С целью интенсификации сельскохозяйственно-го производства в этот период активно создавались интегрированные хозяйства – агропромышленные объединения, агрофирмы, комплексы, хотя агропромышленная интеграция в условиях нарастающего экономического кризиса не принесла ожидаемого эффекта. В это время активизируются слова *агротехнологическое объединение, специавтоцентр, коопзверопромхоз, опхоз* (опытное хозяйство), *семсовхоз* (семеноводческий совхоз), *СМК* (студенческие механизированные комплексы) и др.

Новые промышленные и сельскохозяйственные объекты и явления потребовали новых обозначений: *сеникация* (химико-биологическая обработка посевов), *рулонирование* (в проф. р.), *выторфовывание* (в проф. р.), *пусконаладка, гидроудар, биополе, зерноток, пиromеталлургический, неметаллоемкий, руднометаллургический, звеносборка, выпрессовка, безотвалка* (безотвальная обработка почвы), *бесплужный, припосевной* и др.

Конец 70-х – начало 80-х годов – это период, отмеченный приоритетным вниманием к отраслям военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов: *евроракеты, евростратегический, антиядерный, антиракетный* и др. В 1978 году состоялась специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, итоговые документы которой касались ограничения гонки вооружений. В это время появились и активизировались аббревиатуры *ОСВ, ОСВ-1, ОСВ-2, ОСВ-3*, узуализаты *ненанесение, нерасширение* (нерасширение военных группировок).

Полученные языковые данные позволяют заключить, что наиболее представительной в количественном отношении является группа узуализатов, обозначающих человека по профессии: *сейсмогеолог, баллистик, ионосферист, экологист, космобиолог, автоскреперщик, физик-ядерщик, математик-программист, слесарь-трубоукладчик* и др.

Следующая за указанной в количественном отношении группа – это слова, называющие реалии мира искусства. Так, высокая популярность радио в обозначенный период отразилась на распространении следующих слов: *радиодialog, радиоотчет* (передача по радио – сообщение с места события), *радиовстреча, радиоцикл, радиосвидание* и др. Огромный интерес к телевидению отразился на активизации слов с препозитивным компонентом *теле-*: *телевстреча, телевариант, телесериал, телесерия, телерадиокомплекс, телеверсия* и др.

Музыкальный стиль «диско» породил целую серию производных: *диско-музыка, дискотека, дисколюб, диск-жокей, дискотечный*. Активизировались новые слова, связанные с киноискусством: *киносмотр, киноповествование, киногородок, фильм-мюзикл, слайд-фильм, фильм-катастрофа, фильмозапись, малометражка, секс-боевик* и др. В конце 70-х годов получила широкое распространение аббревиатура *ВИА* (вокально-инструментальный ансамбль), прочно удерживавшая позиции в мире музыкального искусства довольно долгое время, но уступившая в 80-х годах место слову *группа*.

Довольно широко представлена в количественном отношении группа узуализатов, обозначающих достижения цивилизации. Они называют различные приборы и явления, связанные с новыми изобретениями: *микрпередатчик, робототехника, микрокомпьютер, микропроцессор, сверттехника, гидроавтоматика, микрокалькулятор*; новые машины: *мотокар, трабант, автоскрепер, велосоциаль, аммиаковоз*; различные приспособления и аппаратуру со стереофоническим эффектом: *стереоустановка, стереокинокамера, стереосистема, стереодиапозитив*; промышленные и сельскохозяйственные приспособления и устройства: *половосборник, электроопрыскиватель, электрополировщик, самоспасатель, погружной* (механизм).

К словам-узуализатам, обозначающим новые экономические реалии, можно отнести *планово-бюджетный, штатно-финансовый, хозяйственно-оперативный, финансово-хозяйственный, валютно-экономический, товарно-сырьевой, среднесдельный* и др.

Отмечена группа узуализатов, связанных с развитием медицины: *ландшафтотерапия* (общение человека с природой как оздоровительный фактор), *психосоматика* (направление медицинских исследований), *электротерапия, томограмма, фиброскоп, электропунктура* (метод лечения), *электроанестезия, биомедицинский, электрошоковый, санитарно-оздоровительный*; слова, связанные с развитием физкультуры и спорта: *физвоспитание* (как учебная дисциплина), *каратист, серфингист, скейтборд, фристайл, лонинг* (спортивный снаряд), *аэробика, футбольно-легкоатлетический* и др.

Кризисное состояние в социальной и духовной сферах отразилось в активизации сниженной лексики: *ханьга* (простор., презр.), *балдеж* (жарг.), *загибон* (неправда, ложь, в простор.), *асоциальность, недо-тепство* (в простор.), *опупение* (в груб. простор.), *мухление* (в простор.), *бухтение, отбываловка* (в простор.), *поддатый* (в простор.), *криминогенный, социально-критический, подкалымить* (простор.), *проволынить* (в разг. р.), *забалдеть* (в разг. р.), *подхалтуривать* (в простор.).

Таким образом, анализ узуализатов позволяет говорить о том, что активизация тех или иных новообразований является своеобразной языковой реакцией на изменения в общественной истории. Получившие распространение инновации способствуют пониманию особенностей восприятия современных реалий, присущих языковой культурной общности в определенный период развития. В речи, как правило, оперативно отражаются все противоречивые явления нашей жизни, язык же включает в свою систему лишь те слова, в которых отразились факты национальной культуры. «Словарь, корневые слова

языка, само наличие или отсутствие тех или иных слов, свидетельствуют о том, какие предметы были самыми важными для народа в период формирования языка, о чем думает народ, синтаксис – как думает, а коннотация слов – о том, как он оценивает предмет мысли. Язык – самый честный и памятный свидетель истории и культуры народа» [4, с. 101].

Дальнейшая «судьба» каждого из рассмотренных узуализатов сложится по-разному. Часть из них выйдет из активного употребления, едва включившись в процесс активизации, другая же станет принадлежностью общенародного языка, займет свое место в словаре. Это связано с тем, что изменения в истории общества формируют, как правило, новую картину мира. При этом закономерно изменяется и формируется и языковая картина мира, соответствующая данному времени.

Список литературы

1. Плотникова, Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности / Л. И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.
2. Новое в русской лексике. Словарные материалы. 1977–1984. – М., 1980–1989.
3. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / под ред. Н. З. Котеловой. – СПб., 1995. – 878 с.
4. Хроленко, А. Т. Теория языка / А. Т. Хроленко. – Курск: Курский гос. пед. ун-т, 2002. – 312 с.

Плотникова Лариса Ивановна, профессор кафедры русского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия).

Explain the transition of new words in active vocabulary can be only after a lengthy surveillance of their «destiny». The process of uzualization of the lexical innovation is a complex step-by-step process, including steps to generate new words, its activation, adaptation and uzualization, the natural result of which is the lexicographical fixing of the new word. The main factor of uzualization new word and his fixing in explanatory dictionary must recognize his social determination. Language «selects» only those words that are a reflection of certain socio-cultural processes.

УДК 811.16(038)

О. Г. Прокопчук, К. А. Тананушко

ОБЗОР ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КАФЕДРЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Освещаются вопросы отбора лексики, принципы расположения материала, структуры словарных статей в словарях, изданных кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета.

Латинский язык преподается в БГУ на различных факультетах: филологическом, историческом, гуманитарном, философии и социальных наук, юридическом, международных отношений, биологическом, химическом. Специфика столь разных специальностей, на которых изучается латынь, и предопределила актуальность создания латинско-русского словаря нового типа, который мог бы использоваться студентами различных факультетов. Такой универсальный словарь до сих пор не был представлен на территории стран постсоветского пространства.

Латинско-русские словари, вышедшие в XX – нач. XXI вв., можно разделить на две группы.

К первой группе следует отнести издания, отражающие лексику латинского языка начиная со времени возникновения римской литературы (III в. до н. э.) и заканчивая периодом поздней латыни (VII в. н. э.). Наиболее полным словарем данной группы является словарь И. Х. Дворецкого (первые издан в 1949 г.), включающий около 50 000 слов и содержащий лексику всех основных произведений римской литературы, исторических трудов, важнейших произведений патристики [1]. Вторым по полноте можно назвать словарь О. П. Петрученко (впервые издан в 1899 г.), который охватывает лексику произведений римских

классиков (I в. до н. э. – II в. н. э.), изучавшихся в классических гимназиях Российской империи; в настоящее время этот словарь существует в виде репринта 9-го издания 1914 г. [2]. Также следует упомянуть краткий латинско-русский словарь А. М. Малинина (ок. 20 000 слов), вышедший в свет в 1941 г. и переиздававшийся несколько раз [3]. Необходимо отметить и словарь А. В. Подосинова (ок. 13 000 слов), включающий лексику как античной и средневековой латыни, так и Нового времени и современности [4]. Ко второй группе можно отнести различные узконаправленные словари, содержащие специализированные современные латинские термины: медицинские, анатомические, фармацевтические, ботанические, зоологические и т. п.

Латинско-русский словарь, составленный преподавателем кафедры классической филологии БГУ К. А. Тананушко в 2002 г. [5], отличается от вышеперечисленных изданий по ряду особенностей. Автор попытался отразить динамику развития латинской лексики от классической латыни до лексем терминологического ряда. Лексика, включенная в словарь, может быть разбита на несколько групп. К наиболее многочисленной группе относится лексика латинского языка классического периода, встречающаяся в произведениях таких авторов, как Вергилий, Гораций, Ливий, Непот, Овидий, Саллюстий, Цезарь, Цицерон и др. Ко второй группе относятся специальные термины, использующиеся в таких научных областях, как медицина, анатомия, фармацевтика, биология, химия, юриспруденция. Также в словарь включены некоторые слова средневековой и церковной лексики и современные новообразования. Объединение в одном словаре слов классического периода развития языка и терминов, используемых в настоящее время, отличает его от большинства других современных латинско-русских словарей, которые или ориентированы только на классическую латынь, или являются узкоспециальными. Это значительно расширяет сферу применения словаря и делает его полезным как при переводе авторов римской литературы, так и при работе с текстами медицинского, биологического и др. направлений. Словарь включает в себя более 24 000 словарных статей и снабжен приложениями: краткой грамматикой латинского языка и латинскими крылатыми выражениями.

Вкратце рассмотрим структуру словаря и принципы оформления словарных статей.

Словарь построен в виде отдельных словарных статей, расположенных в алфавитном порядке, причем имена собственные не обособляются в отдельную часть, а включены в общий алфавитный порядок:

Quadi, ōrum *m* квады, германское племя, жившее к северу от Дуная.

quadra, ae *f* 1) четырехугольник; 2) четырехугольная плита; 3) четырехугольный кусок.

Параллельные формы приведены в круглых скобках или через союз *и*:

Pan, Panis (Panos) *m* Пан, бог лесов, пастбищ и пастухов, сын Меркурия или Юпитера.

Patrocles, is *u* **Patroclus, i** *m* Патрокл, сын Менетия, друг Ахилла.

Омонимы даны в разных словарных статьях и отделяются римскими цифрами. Долгота и краткость гласных приводятся с целью правильной постановки ударения и для дифференциации омонимов:

I pōpūlus, i *m* 1) народ (как политическая единица, государство); 2) область, округ...

II pōpūlus, i *f* *bot.* тополь.

Разные значения многозначных слов и оттенки значений отделены арабскими цифрами с круглыми скобками:

taciturnitas, ātis *f* 1) молчание, безмолвие; 2) молчаливость, скрытность.

Отдельные грамматические значения отделены арабской цифрой с точкой:

Paphos (-us), i *m* Паф: 1. *m* сын Пигмалиона; 2. *f* город на острове Кипр...

Примеры и комментарии приводятся в круглых скобках:

saccūlus, i *m* *anat.* мешочек (сферический) (*s. laryngis* мешочек гортани; *saccūli alveolāres* альвеолярные мешочки).

Несобственные и специальные значения слов, а также специальные термины сопровождаются пометами:

Achāis, īdis *u* **īdos** *f* 1) ахеянка; 2) *поэт. перен.* Греция.

alimentum, i *n* 1) пища, пищевые продукты; 2) *юр.* содержание, иждивение.

vacuola, ae *f* *биолог.* вакуоль.

Словарь К. А. Тананушко оказался востребованным, на что указывает количество переизданий на территории Беларуси и России (впервые издан в 2002 г.; переиздавался в 2003, 2005, 2007, 2008 гг.).

Понимая, что преподавание латинского и древнегреческого языков должно быть профессионально-ориентированным и способствовать овладению понятийно-категориальным аппаратом соответствующей специальности, учитывая необходимость научить студентов ориентироваться в терминологии, построенной на основе латинских и древнегреческих терминоэлементов, а при необходимости конструировать типовые модели терминов самостоятельно, кафедра классической филологии БГУ издала серию словарей латинских и греческих дериватов в романо-германских и славянских языках [6–8].

Термин «дериват» (от лат. *derivatio* ‘ответвление’) многозначен. В данных изданиях деривация понимается как образование новых языковых единиц на базе других – исходных. Словари создавались как дополнительные пособия не только при усвоении лексики латинского или древнегреческого языков, но и изучаемых европейских и славянских языков. В словарях латинских дериватов найдено отражение наиболее частотной лексики, представленная в учебниках по латинскому языку для гуманитарных факультетов. Латинские лексемы группируют корневые «гнезда», от которых образованы производные в английском, немецком, французском и итальянском языках [6], либо в русском, белорусском, украинском, польском и чешском языках [7]. Такая подача материала «способствует более глубокому осмыслению процесса заимствования и его своеобразия в каждом отдельном языке» [9, с. 4]. Словари латинских дериватов призваны, прежде

всего, стимулировать интерес к заучиванию интернациональной латинской лексики и производных от латинских корней слов изучаемого языка. Данные словари могут использоваться как справочники при изучении тем по словообразованию и этимологии в соответствующих романо-германских, западно- и восточнославянских языках.

Словарь греческих дериватов в языках восточных и южных славян [8], прежде всего, призван продемонстрировать продуктивность греческих корней в образовании научной терминологии, относящейся к различным областям знаний. Предназначен для студентов гуманитарных и естественных (биологического, химического) факультетов и всех, кто интересуется вопросами этимологии, слово- и терминологии. Отбор языков для данного словаря обусловлен: 1) факт влияния греческой культуры в целом и греческого языка в частности на южных и восточных славян (благодаря принятию ими христианства от Византии); 2) то, что языки этих народов объединяет общая графика, которая также является наследием культурного влияния Византии. Отметим, что «помимо непосредственных заимствований из греческого языка византийского периода (например, *алфавит, кафедра*) среди дериватов можно выделить целый пласт слов, прошедших через латинский язык и отразивших его фонетическое влияние (например, *эстетика, библиотека*). Но наибольшее количество дериватов составляют научные термины, образованные в Новое время на базе корней греческого происхождения. Этот пласт лексики продолжает постоянно увеличиваться по мере развития науки и появления необходимости в новых терминах» [10, с. 4]. Авторы словаря ставили своей целью показать влияние греческого языка на славянские, продемонстрировать структуру научного термина и способ его образования, сделать более понятной семантику многих слов. Словарь содержит слова греческого языка, которые являются наиболее продуктивными при образовании дериватов в славянских языках, и соответствующие дериваты в восточно- и южнославянских языках. Греческие слова сопровождаются переводом на русский язык. При этом многозначные слова представлены только в том значении, на

котором основываются дериваты. Словарь построен по алфавитному принципу, исходя из греческих лексем. Слова одного корня приводятся, как правило, в одной словарной статье. Исключение составляют случаи, когда дериваты однокоренных слов сильно различаются своим значением, например: *ἀγών – антагонист, ἀγῶνία – агония*. Формы греческих слов приводятся по «Древнегреческо-русскому словарю» И. Х. Дворецкого без изменения их графики. В квадратных скобках дается транслитерация греческих слов латинскими буквами. Дериваты в славянских языках представляют собой как общеупотребительные слова, так и интернациональные научные термины, образованные в Новое время из греческих корней для нужд разных научных специальностей. В колонке каждого заимствующего языка полужирным шрифтом выделены словообразовательные элементы (терминоэлементы), послужившие основой для образования терминов. Количество производных терминов, приводимых в словарной статье, неодинаково в разных языках. В данном случае авторы стремились показать принцип строения термина и не пытались охватить всю узкоспециальную терминологию, которая постоянно увеличивается, тем более что научные термины, образованные от греческих и латинских корней, имеют интернациональный характер и широко распространены в большинстве современных языков в почти идентичной форме (разумеется, с учетом алфавитной системы каждого языка). Перевод дериватов в болгарском и сербском языках дается только в том случае, когда подобных производных нет в русском и белорусском. Приведем пример словарной статьи (см. таблицу 1).

Словарь также включает таблицу наиболее частотных в словообразовании греческих приставок во всех их позиционных вариантах [8, с. 134—139], а также краткую таблицу суффиксов, участвующих в образовании дериватов [8, с. 140] (см. примеры словарных статей в таблице 2 и таблице 3).

Кафедра классической филологии БГУ готовит к изданию латинско-русско-белорусский словарь, что вызвано как необходимостью в учебном процессе, так и отсутствием подобного словаря в нашей стране.

Таблица 1 – Словарная статья «*αἷμα, αἶμα τό*» из словаря греческих дериватов в языках восточных и южных славян [8, с.11]

Греческое слово	Перевод	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык	Болгарский язык	Сербский язык
<i>αἷμα, αἶμα τό</i> [haima, haima- tos]	кровь	гемо-/гемато- гематома, гемоглобин, гематология, гемодиализ; -емия 'болезнь крови' лейкемия, уремия	гема-/гемата- гемалимфа, гемадынамометр, гематрансфузия, гематапарфiрын; -емiя/-эмiя лейкемия, урэмiя	гемо-/гемато- гематоген, гематологiя, гематома, гемоглобiн, гемограма, гемолiз, геморагiя, геморой, гемофiлiя; -емiя лейкемия, уремия	хемо-/хемато- хемоглобин, хемофилия, хематоген, хематография, хематозоон, хематоксилин, хематология, хематомия, хематоскоп; -емия анемия, уремия, пахимия, полиемия	хемо-/хемато- хемоглобин, хемофилија, хемограм, хемостатика, хемолиза, хемофилија, хематобласте, хематома; -емија леукемија, уремија

Таблица 2 – Словарная статья из раздела «Префиксальные элементы греческого происхождения» [8, с. 136]

Греческий префикс	Значение	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык	Болгарский язык	Сербский язык
диа- [dia-]	через, между <i>проникновение,</i> <i>разделение,</i> <i>взаимосвязь,</i> <i>усиление,</i> <i>законченность</i>	диа- диалог, диагональ, диахрония, диакритический, диалект, диаспора, диаскоп, диафон, диаметр, диапазон	дыя- дыяскоп, дыяпраектар, дыятэрмія, дыяфон, дыямагнетык, дыятып	діа- діалект, діалог, діаметр, діаспора	диа- диагноза, диагонал, диаграма, диакритичен, диалект, диалог, диаметър, диапазон, диапозитив, диафилм, диафрагма	дија- дијалекат, дијафон, дијаметар, дијапазон, дијахронија, дијаскопија, дијаспора, дијафонија, дијаграм

Таблица 3 – Словарная статья из раздела «Суффиксальные элементы греческого происхождения» [8, с. 140]

Греческий суффикс	Значение	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык	Болгарский язык	Сербский язык
-изм- [-ism-]	<i>указывает</i> <i>на явление,</i> <i>состояние</i> <i>или качество;</i> <i>часто –</i> <i>на направление</i> <i>в науке</i> <i>и искусстве</i>	-изм- гностицизм, деизм, рационализм, модернизм	-ізм-/-ызм- гігатызм, метабалізм, симвалізм, псіхалагізм	-ізм-/-їзм- агностицизм, метаболізм, деїзм	-изъм- плеохроизъм, скептицизъм, неодарвинизъм, неоламаркизъм	-изам- гностицизам, деизам, психологизам, рационализам, символизам

Список литературы

1. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1976. – 1096 с.
2. Петрученко, О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко. – Репринт 9-го издания 1914 г. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. – 816 с.
3. Малинин, А. М. Краткий латинско-русский словарь / А. М. Малинин. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1941. – 671 с.
4. Латинско-русский и русско-латинский словарь / А. В. Подосинов (ред.). – М.: Флинта, 2007. – 744 с.
5. Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – М.: АСТ. – Минск: ООО «Харвест», 2002. – 1040 с.
6. Сединина, Ю. А. Словарь латинских дериватов в английском, немецком, французском и итальянском языках / Ю. А. Сединина, Н. В. Протасевич, Д. Н. Гомон; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2002. – 113 с.
7. Шевченко, Г. И. Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян / Г. И. Шевченко, А. В. Гарник, А. В. Кириченко; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2007. – 109 с.
8. Гарник, А. В. Словарь греческих дериватов в языках восточных

и южных славян / А. В. Гарник, А. В. Кириченко, О. Г. Прокопчук; под ред. А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 2009. – 140 с.

9. Шевченко, Г. И. От редактора / Г. И. Шевченко // Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян / Г. И. Шевченко, А. В. Гарник, А. В. Кириченко; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2007. – С. 4.

10. Гарник, А. В. От редактора / А. В. Гарник // Словарь греческих дериватов в языках восточных и южных славян / А. В. Гарник, А. В. Кириченко, О. Г. Прокопчук; под ред. А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 2009. – С. 4.

Прокопчук Ольга Генриховна, доцент кафедры классической филологии БГУ, кандидат филологических наук, доцент (Минск, Беларусь).

Тананушко Кир Алексеевич, доцент кафедры классической филологии БГУ (Минск, Беларусь).

The article takes up questions of selection of lexicon, principles of an arrangement of a material, structure of entries in the dictionaries published by Classic Philology Department of the Belarusian State University.

УДК 811.161.1

М. Ю. Россихина

О МЕСТЕ МОЛОДЕЖНОГО СОЦИОЛЕКТА В СЛОВАРЯХ ОБЩЕГО ЖАРГОНА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

В хронологической последовательности представлено пополнение фонда российской лексикографии словарями жаргонной лексики в конце XX – начале XXI веков. Дается анализ наиболее известных словарей общего жаргона на предмет содержания в них слов и выражений молодежного социолекта. На примере конкретных словарных статей показываются достоинства каждого из описываемых лексикографических источников и их роль в исследовании молодежного жаргона.

После изучения русской сниженной лексики в первые три десятилетия XX века и выхода в свет словарей «блатной музыки» В. Ф. Трахтенберга [1]

и С. М. Потапова [2] наступает период длительного молчания, к которому вынудили русистов запреты на эту проблематику в период борьбы «за марксистское

языкознание». И только с 60-х годов становится возможным выйти за рамки наблюдений за разговорной речью и просторечием и обратить внимание на неформальную речь.

В 90-е годы появляется целый ряд словарей, в которых представлен и молодежный социолект [3–7]. Эти словари различаются по объему, учету частотности и региональной приуроченности языкового материала, наличию и подаче иллюстраций.

Остановимся на характеристике «Словаря русского сленга (сленговые выражения 60–90-х годов)» И. Юганова, Ф. Югановой [5], который является, на наш взгляд, одним из наиболее значимых лексикографических источников того времени. Он содержит по нашим подсчетам более 23 % (616 единиц из 2 630) молодежной лексики. Это такие жаргонизмы, как *кайфовый* «отличный, прекрасный», *килька* «худой, слабый подросток», *фонарь* «ложь, вранье», *шнурки в стакане* «родители дома», *жить на аске* «жить за счет попрошайничества» и др. Эти слова и выражения маркируются автором соответствующими пометами: «мол.» – молодежное, «подр.» – подростковое, «студ.» – студенческое. Автор использует еще помету «прост. мол.» (просторечное молодежное), считая, что ее использование наряду с «мол.» «отражает реальную языковую стратификацию: помета «мол.» используется при атрибутировании слова, понятного большинству молодых носителей языка и систематически ими употребляемого в любом неофициальном общении; «прост. мол.» – атрибутируются слова, более характерные для речи малообразованных и, одновременно, агрессивных молодых людей или тех, кто в определенный момент общения желает таковым выглядеть» [5, с. 16]. Например, *дебильник* «аудиоплеер» (мол.), *дублон* «дублинка» (прост. мол.), *заруба* «драка» (прост. мол.), *задинамить* «утомить частыми обманами» (мол.).

Встречается в этом словаре и помета «крим.» (употребляемое в криминальной или околокриминальной среде), поскольку криминальный сленг используется не только его основными носителями, но и подростками, традиционно романтизирующими преступный мир. В речи подростков в 60–90-е годы встречаются такие арготизмы, как *попыхнуть* «попасть в неблагоприятную ситуацию, потерпеть в чем-л. неудачу», *сечь* «следить», *вохать* «нюхать» и др.

В этом словаре статьи расположены в алфавитном порядке и включают заголовочное слово, его грамматическую и экспрессивно-стилистическую характеристику и толкование. Для большинства жаргонизмов даны примеры употребления. В качестве примеров использованы цитаты из текущей прессы, повседневной речи, текстов популярных музыкальных групп, современной русской литературы. Некоторые лексемы имеют помету «этим.» (этимологически), которая указывает на очевидный или гипотетический вариант происхождения слова. Например: *алконавт* (этим. алкоголик + космонавт).

Среди атрибутов, характеризующих отдельные жаргонизмы, следует назвать также регион употребления. В настоящем издании условно выделены три региона: Москва, Санкт-Петербург и южные регионы. Отсутствие атрибутов из этой группы оз-

начает, что употребление слова не ограничивается отдельным регионом. Для иноязычных заимствований указывается язык-источник: *кайф* – из арабского через тюркские языки, *надринькаться* – из английского и т. д.

В качестве примера приведем несколько словарных статей:

АСКАТЬ, аскаю, аскаешь, *несов.* (Студ., Хип. От англ. to ask). 1. Спрашивать кого-л. о чем-л. ■ *Аски* у него, где он красное брал. 2. Попрошайничать; выпрашивать какие-л. мелочи. ■ *Аскием жетон и позвоним; аскин сигарету.* | *Сов.* аскнуть.

АТАСНЫЙ, -ая, -ое. (Подр., мол.). Отличный; первоклассный. ■ *Атасные джинсы; атасный фильм; атасное мороженое.*

ГНАТЬ ТЕЛЕГУ. (С.-Пб. Мол.) 1. Рассказывать что-л. интересное, забавное. 2. Врать.

ДОДО (ДОДОШНИК), *нескл.* (-а), м. (Подр., студ. Пренебр.). Глупый человек. ■ *Гоша – это такой симпатичный додо.*

ЛОПУХИ, -ов, нет ед. (Юж. Мол.). Наушники. ■ *Дай лопухи поносить.*

Из словарных статей узнаем, что глагол *аскать* – английское заимствование, встречающееся в студенческом жаргоне, выражение *гнать телегу* употребляется молодежью Санкт-Петербурга, а жаргонизм *лопухи* молодежью Южных регионов. Существительное *додо* используется подростками и студентами для выражения пренебрежительного отношения к глупому человеку, а прилагательное *атасный* для описания положительных качеств предмета. Употребление жаргонизмов *додо* и *атасный* не ограничивается отдельным регионом.

Следует отметить, что в отличие от школьного жаргона XIX века, в котором встречались заимствования из латинского, греческого, французского и немецкого языков, о чем мы узнаем из словаря О. А. Анищенко [8], молодежный жаргон XX столетия начиная с 70-х годов пополняется в основном лексикой из английского языка. В словаре И. Юганова, Ф. Югановой, где представлены сленговые слова и выражения 60–90-х годов, зафиксированы такие англицизмы, как *мэниша* «симпатичная девушка», *мэйкаться* «удаваться, получаться», *шузы* «ботинки», *трэм* «трамвай», *фейс* «лицо» и др.

Некоторые англицизмы снабжены здесь временными пометами, которые помогают определить период бытования слова. Речь идет об изменении семантики или экспрессии в течение определенного времени, например, слово *попса* в 70-е годы имело положительную коннотацию, однако в 80-е годы получило негативную стилистическую окраску. В словаре эта информация представлена следующим образом:

ПОПС (ПОПСА), -а (-ы), *нет мн., м. (ж.)*. 1. (70-е гг. Одобр. Из англ.) Что-л. современное, модное. ■ *Был на выставке? Там такой попс!* ♦ **Поп-музыка** = рок-музыка. 2. (80–90 гг. Негат.) Что-л. связанное с массовой культурой, противоположное настоящему искусству. Низкопробная эстрадная музыка.

Анализ «Словаря русского сленга» показывает, что он является серьезным лексикографическим справочником не только по общему, но и по молодежному жаргону 60–90-х годов. На его богатый, лексикографически грамотный представленный

И. Югановым, Ф. Югановой материал мы находим ссылки в большинстве позднее вышедших словарей жаргона [7; 9; 10].

В 1998 году выходит «Толковый словарь языка Совдепии» [6], в котором, правда, в очень незначительном количестве, также фиксируются молодежные жаргонизмы, относящиеся к советскому периоду в нашей истории, например: *казенка* «школа», *ошейник* «пионерский галстук», *мопс* «молодой отличник подготовленный специалист», *яшика* «площадь Свердлова в Москве», *совок* «советская литература (учебный предмет)», *пионер* «новичок в какой-л. молодежной группировке» и др.

В начале XXI века продолжается интенсивное пополнение фонда отечественной лексикографии словарями субстандартной лексики, начатое в 90-е годы прошлого столетия. В них по-прежнему уделяется большое внимание молодежному социолекту [7; 11–14].

На рубеже веков, в 2000 году издается «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [7], открывший своим появлением новый период в жаргонной лексикографии. Он содержит 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний, из которых по результатам количественных подсчетов, представленных в диссертационном исследовании К. А. Тихоновой, 55% составляет доля молодежных жаргонных единиц [15, с. 80]. Приведем примеры:

СТЕПУХА, -и, ж. Студ. Шутл. Стипендия.

ВОРОНА, -ы, ж. Мол., угол. Девушка, женщина.

КИКС, -а, м. Спорт., мол. Кик-боксинг.

Из помет к примерам видно, что одни жаргонизмы употребляются только в молодежном жаргоне, а другие с одним и тем же значением встречаются как в молодежном, так и в уголовном, спортивном и других жаргонах.

В словаре зафиксирован целый ряд лексических единиц, которые в молодежном, школьном, студенческом жаргоне имеют одни значения, а в других жаргонах – совершенно иные. Ср.:

КЕРОСИН, а, м. 1. Угол. мол. Спиртное. 2. Угол. Вечеринка с распитием спиртного. 3. Нарк., угол. Жидкие наркотики, вводимые путем инъекции.

Как отмечают авторы словаря, приемы описания в нем жаргонной лексики и фразеологии нацелены, прежде всего, на их всестороннюю, комплексную квалификацию [7, с. 14]. Достижению этой цели отвечает структура словарных статей. Полная словарная статья включает в себя следующие компоненты: заголовочное слово, грамматическую, функциональную и экспрессивно-стилистическую характеристику, толкование, иллюстративный материал, точную паспортизацию источника материала, историко-этимологическую справку. Ссылки на источники расшифровываются в «Списке источников». Приведем примеры словарных статей:

ЗАТУСОВЫВАТЬСЯ, -аюсь, -ается, *несов.* Мол. Проводить время в компании, на тусовках. *А где у вас пипл затусовывается, какие места есть?* Митрофанов, Никитина, 74.

ЗАТУХНУТЬ, -ну, -нет, *сов.* Мол.1. Неодобр. Загрустить, впасть в депрессию. *Что-то ты, брат, затух. Давай взбодримся.* Югановы, 92.

2. Замолчать. *Затухни! Дай музыку послушать.* Югановы, 92.

Богатый материал и исчерпывающая лексикографическая информация «Большого словаря русского жаргона» послужили источником для составления более поздних словарей общего и молодежного жаргона, таких как «Молодежный сленг: Толковый словарь» Т. Г. Никитиной [9], «Словарь современного молодежного жаргона» М. А. Грачева [10], «Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона» Х. Вальтера [16] и др.

Жаргонная молодежная лексика представлена и в «Словаре современного русского города» [14]. Б. И. Осипов, под редакцией которого он издан, определяет это лексикографическое издание как словарь народно-разговорной речи современного города. В это понятие он включает все разновидности бытования языка в ситуациях непосредственного общения, какие встречаются в условиях современного русского города: 1) разговорная речь носителей литературной нормы, 2) просторечие, 3) возрастные и социальные диалекты (жаргоны), 4) бытующие в городе элементы территориальных диалектов (сельских говоров) [14, с. 3].

Словарь создан на материале речи населения Омска. Этот материал достаточно репрезентативен, поскольку Омск типичный индустриальный город и его языковой быт имеет облик, характерный для всех больших городов. Словарь содержит около 11 000 слов и около 1 000 идиоматических выражений.

Мы провели статистический подсчет на наличие в словаре жаргонизмов с пометами «молод.», «студ.», «школьн.», взяв для анализа лексику на две первые буквы алфавита. Оказалось, что на букву «А» здесь зафиксировано 53 молодежных жаргонизма из 104 словарных слов (более 50%), на букву «Б» – 224 из 543 (свыше 43%). Это такие жаргонизмы, как *атомный* «отличный, замечательный», *аборигенный* «простой, свойский», *алкоман* «алкоголик, пьяница», *башлять* «платить» и др.

В словарных статьях многих жаргонизмов приводятся их синонимы. Например:

АВОСЬНИК, -а, -н, -ов. – *суц.* 2 скл. Муж. р. одуш. – *ирон.* – студ. – СМА. – Тот, кто полагается на «авось», халтурщик. – *баклан, дармоед, злыдень кила, лежень, ленчик, лоботряс, отетень, охламон, сачок, туник, увальнь, Филон, халява, халявчик, шалопут, шланг.* – [нуты, авосьник, иди учи!] 1994.

Изучение лексики, представленной в «Словаре современного русского города», показывает, что значительное место в нем занимает молодежный социолект.

Итак, несмотря на разнородность по своим лексикографическим параметрам, словари жаргонной лексики конца XX начала – XXI веков позволяют нам составить картину функционирования не только общего, но и молодежного жаргона этого периода.

Список литературы

1. Трахтенберг, В. Ф. Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы) / В. Ф. Трахтенберг; под ред. и с предисл. И. А. Бодуэна де Куртене. – СПб.: Типография А. Г. Розена, 1908. – 116 с.
2. Потапов, С. М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / С. М. Потапов. – М.: Народный комиссариат внутренних дел, 1927. – 196 с.

3. Ермакова, О. П. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
4. Елистратов, В. С. Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.) / В. С. Елистратов. – М.: Русские словари, 1994. – 700 с.
5. Юганов, И. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / И. Юганов, Ф. Юганова; под ред. А. Н. Баранова. – М.: Метатекст, 1997. – 304 с.
6. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.
8. Анищенко, О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX века / О. А. Анищенко. – М.: ЭЛПИС, 2007. – 368 с.
9. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь / Т. Г. Никитина. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 912 с.
10. Грачев, М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
11. Вахитов, С. В. Словарь уфимского сленга / С. В. Вахитов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 261 с.
12. Елистратов, В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990-х гг.: ок. 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений / В. С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
13. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 672 с.
14. Словарь современного русского города: ок. 11 000 слов, ок. 1 000 идиоматических выражений / под ред. д-ра филол. наук,

проф. Б. И. Осипова. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Граниткнига, 2003. – 565 с.

15. Тихонова, К. А. Контрастивное исследование баз данных (на материале немецких и русских неологизмов молодежной речи конца XX в.): дис. ... канд. филол. наук / К. А. Тихонова. – М.: МГУ, 2002. – 179 с.

16. Вальтер, Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: Астрель, АСТ, 2005. – 360 с.

Россихина Мария Юрьевна, доцент кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук (Москва, Россия).

The article presents in chronological order the replenishment of Russian lexicography with the dictionaries of jargon at the end of the 20th century – the beginning of the 21st century. The author analyses the most famous dictionaries of general jargon for the purpose of finding words and word combinations belonging to the youth sociolect. As exemplified by concrete dictionary entries, the article shows the advantages of each lexicographic source described and specifies their role in the analysis of the youth jargon.

УДК [811.161.1+811.161.3]374

А. Ч. Рыжкович

ПРЕДЛОГИ С ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассматривается лексикографическая интерпретация темпоральных предлогов и изофункциональных им единиц, также представлен перечень предложных единиц с темпоральной семантикой, собранных из всех имеющихся и доступных русскоязычных и белорусскоязычных лексикографических источников (словарей, материалов к словарям).

В современной лингвистике служебные слова, в частности, предлоги, все чаще становятся объектом внимания лексикографов, о чем свидетельствует появление специальных словарей служебных слов [1–4]. Однако лексикографическая манифестация служебных слов в силу специфики лексического значения последних представляет для лексикографа определенную трудность, на что указывает неодинаковая подача их значений в словарях.

Существуют два основных способа толкования лексического значения предлогов: синонимический и описательный. Пример первого:

«**В ЗАКЛЮЧЕНИЕ**, предлог, с род. п. По окончании, по завершении чего-л. Она сказала в заключение своей речи, что уверена в успехе дела. В заключение поездки делегация побывала на заводе.

Не смешивать: сочетание сущ. с предлогом. *Он не поверил в заключение врача*» [1, с. 40].

На недостаток данного способа указывают и сами лексикографы: «Определение значений с помощью синонимичных слов приводит к тому, что семантика предлога зачастую остается не раскрытой, так как каждый из синонимов отсылает к другому слову» [5, с. 12].

Характерным признаком описательного способа является «указание на функцию толкуемого слова, наличие в определении слов «служит для...», «употребляется», «выражается...» и т. д. [6, с. 9].

В большинстве случаев лексикографы в одной статье используют одновременно два способа, на-

пример: «**ВО ВРЕМЯ**, предлог, с род. п. Употр. при выражении временных отношений, когда в один из моментов или на всем протяжении какого-л. действия, состояния происходит что-л. • В процессе, в ходе чего-л. *Мы познакомились во время путешествия*» [1, с. 50].

Традиционный способ манифестации предлога учитывает падежное управление предлога с приведением контекстов с описываемой единицей: «В и во (см. во), предлог в вин. и с предл. п. 5. С вин. п. Употр. для определения срока, момента совершения чего-н. *В четверть второго. В среду. В полдень*. 6. С вин. п. Употр. для определения длительности совершения чего-н. *Это можно выполнить в одну неделю. Сделать в один прием*. || За время существования, совершения, пребывания чего-н. *В мою бытность за границей. В эпоху капитализма*» [7, с. 64].

Предметом нашего внимания является лексикографическая представленность русских и белорусских предлогов с темпоральной семантикой.

Из 16 лексикографических источников русского языка (включая знакомый нам в рукописи Реестр М. В. Всеволодовой [8], а также русские соответствия белорусских предлогов, данные в Реестре М. И. Конюшкович, [9]) извлечено 1 003 темпоральных предлога и изофункциональных им единиц. Однако общими для всех источников русского языка являются лишь 30 первообразных предлогов.

Еще примечательнее картина в белорусских словарях: из всех 1 178 предложных единиц, извлеченных из 10 лексикографических источников, общим лишь для 8 словарей является предлог *за* в темпоральном значении и для 7 словарей – предлоги *з* и *на* с темпоральной семантикой. Как правило, все словари дают неодинаковое количество темпоральных предлогов, причем списки предложных единиц не совпадают с представленными в них лексемами.

Так, в Большом академическом словаре [10] выявлено 89 темпоральных предлогов, в Новом толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой [11] – 82 единицы. Минимальные списки предложных единиц с темпоральной семантикой выявлены в «Словаре структурных слов русского языка» под редакцией М. М. Морковкина [3] и «Словаре служебных морфем русского языка» Г. П. Цыганенко [4] – 37 и 38 единиц соответственно.

В белорусских источниках максимальный список темпоральных предлогов выявлен в Толковом словаре белорусских предлогов П. П. Шубы [2] (126 единиц) и Толковом словаре белорусского языка под редакцией К. К. Атраховича [12] (159 единиц). Минимальные перечни темпоральных предлогов представлены в диалектных словарях [13; 14].

Расхождения в количестве манифестируемых единиц связаны с постоянным пополнением предложных единиц за счет знаменательной лексики, с неполным переходом полнозначных слов в предлоги, а также с концепцией каждого из словарей. Большую роль играют задачи, которые лексикограф ставит перед собой, и тот объект, который демонстрирует словарь. Так, объектом толковых словарей являются только первообразные предлоги, непервообразные обычно встречаются лишь в примерах, которые приводятся после толкования знаменательной части речи, входящей в предложную единицу, либо под знаком ромба.

В специализированных словарях, например, в словаре Р. П. Рогожниковой [1], объектом манифестации стали неоднословные предложные единицы, которые не отражены в других словарях. «Словарь структурных слов русского языка» под редакцией В. В. Морковкина [3] отражает как первообразные, так и непервообразные (неоднословные) предложные единицы, но далеко не в полном объеме.

Лексикографическая интерпретация темпоральных предлогов и предложных сочетаний выглядит следующим образом:

1. Единицы с пометой «предлог» – 16 первообразных предлогов в русском языке и 17 в белорусском. Например: *Отложить до вечера* [15] – *Выканаць план да ўстаноўленага тэрміна* [12]. Расхождения в цифрах связаны с тем, что русскому предлогу *около* соответствуют два белорусских предлога *ля* и *каля*.

2. Вторая группа темпоральных предложных единиц – двухчастные предлоги (термин М. В. Всеволодовой). Это 20 единиц в русском языке и 24 в белорусском. Например, составные (двух- и трехчастные) предлоги отмечены в одних

случаях в словарной статье, но не как целостная предложная единица.

Например: «**ОТ** и **ОТО**, предлог с род. п. <...> В соединении с предлогом «до» (от – до) и другим существительным употребляется при обозначении границ какого-л. отрезка времени, периода. [Молчалин:] *Балы дает нельзя богаче, От рождества и до поста*. Грибоедов, *Горе от ума*. *В это время, от двенадцати до трех часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться*. Тургенев, *Малиновая вода*. *Работает он от утра до ночи*. Чехов, *Скучная история*» [16]; «**ДА**, прыназ. з Р. <...> У спалучэнні з прыназ. «ад» або «з» і другім назоўнікам ужываецца пры абазначэнні адрэзка часу, у межах якога адбываецца дзеянне, з’ява і пад. / *ад рання да зор, накуле ноч напаўзе, Як мурашнік, кішыць сенажаць... Чарот. Пасуціца на начах заўсёды коні нашы. З вясны да восені – даволі-такі часу*» [12].

Двухчастные предложные единицы иногда встречаются лишь в иллюстрации к словарным статьям. Например: бел. *За колькі дзён да каваціцы Касцы заглянуць на паліцы, Каб молат знайсці і бабку*. Колас. *За год перад вайной Грысь...зработу на Стамагільнай рацэ паром*. Кулакоўскі [12]; рус. *В ночь на четверг* [15].

3. Следующая группа – амбивалентные предлоги-наречия. Это русские предложные единицы *впереди* [3; 10; 11; 15; 16; 17], *вперед* [7; 10; 11; 15; 16; 17], *накануне* [3; 7; 10; 15; 16; 17], *посередине* [1; 3; 7; 10; 15; 16; 17] – 45 единиц; белорусские предлоги *пасярэдзіне* [2; 12; 18], *пасярод* [2; 12; 18] и др. – 41 единица.

4. Еще одну группу образуют предложные единицы, которые в словарях рассматриваются под знаком ромба как устойчивые выражения. Например: рус. *в бытность* [7; 10; 15; 16], *в завершение* [10; 15; 16; 19], *в заключение* [10; 15; 16; 19], *в середине* [10; 16; 19], *в течение* [15; 19], *во время* [15; 19], *на грани* [10; 16; 17; 19]; бел. *адначасова з* [18], *на зыходзе* [12], *на момант* [12], *на працягу* [12; 18], *на схіле* [12], *на меры* [18], *побач з* [18], *у працэсе* [12], *у ходзе* [12], *у час* [12; 18] и др. (54 единицы в русских источниках и 42 единицы в белорусских).

5. Особую группу предложных единиц составляют лексемы, которые подаются в словарных статьях как знаменательные части речи, но в примерах выступают в предложной функции. Это самая многочисленная группа единиц: рус. *в глубь* [10; 16], *в канун* [7], *вплоть до* [10; 16], *вслед за* [10; 16], *с интервалами в* [15; 16], *в пределах* [15; 16], *порядка* [16], *по истечении* [15], *по миновании* [15], *на... позже* [16]; бел. *ад часоў* [12], *больш за* [12, 18], *ва ўзросце* [12], *да канца* [12], *задоўга да* [12; 18], *на пераломе* [12], *на рубяжы* [12], *пад канец* [12], *на світанку* [12], *нешта на* [18] – всего 89 русских единиц и 96 белорусских.

В контекстах, извлеченных из словарей: рус. *Шестого ноября, в канун праздника, корабль сойдет на воду*. Кочетов, Журбины [10]; бел. *Нездарма ж мы на світанку жэцыця любілі глядзець на зямлю праз каляровыя шкельцы*. Караткевіч [12] (выделение наше. – А. Р.).

Поскольку эти единицы в трактовке их предложного статуса представляют собой предмет для дискуссии, приведем некоторые иллюстрации словарных статей:

«**БЫТНОСТЬ**, бытности, ж. Только в выражении: **в бытность кого или чью, кем или где** – во время пребывания, нахождения. *В бытность мою студентом. В бытность его на юге*» [7].

«**БЫТНОСТЬ**, -и, ж. \diamond **В бытность (чью)** кем или где – во время пребывания, нахождения в качестве кого-л. или где-л. *В бытность мою на Сахалине при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных. Чехов, Остров Сахалин*» [16].

Наибольшее количество темпоральных предложных единиц выявлено в указанных ранее реестрах – М. И. Конюшкевич [9] и М. В. Всеволодовой [8] – 1 071 белорусских единиц и 325 русских соответственно.

Столь большое количество темпоральной предложной лексики в названных реестрах объясняется иным концептуальным подходом к категории предлога в целом. Мы не ставим здесь задачу подробно рассматривать концепцию участников международного проекта под руководством М. В. Всеволодовой (она изложена в программных статьях М. В. Всеволодовой), но принятие категории предлога как морфосинтаксической категории (а такой подход впервые был провозглашен П. П. Шубой в его монографии [20] и реализован в его «Словаре белорусских предлогов» [2]) показало, что предложных единиц (в статусе предлога или только в его функции) в обоих языках гораздо больше, чем это представлено в традиционной лексикографии, ориентированной только на ясные и однозначные случаи функционирования лексем.

Исходя из морфосинтаксической теории предлога лексемы, претендующие на статус предлога (хотя бы в речи, если не в языковой системе), манифестируются по целому ряду параметров. Так, М. В. Всеволодова предложила использовать для атрибуции предлогов 12 параметров (позже список составил 27 позиций, одни из них являются обязательными, другие – факультативными). Такими параметрами являются просодические характеристики лексемы, наличие вариантов, синонимико-вариативных рядов, стилистические и частотные характеристики единиц, их синтаксический потенциал, способность/неспособность составных отыменных предлогов употребляться с согласованным определением, способность/неспособность предлога образовывать союзы и союзные средства и т. д. В таком ключе предлоги описываются в Материалах к словарю русских предлогов (более 5 000 единиц), составленному авторским коллективом во главе с М. В. Всеволодовой [8].

М. И. Конюшкевич при описании белорусских предлогов и их аналогов также использовала более 20 параметров, включая и некоторые вышеназванные. Основной упор при указании на семантику предлога она сделала на характер синтаксемы, образуемой предлогом или его аналогом. Это позволило зафиксировать в белорусском языке максимальное количество знаменательных лексем, способных образовать предложно-падежную синтаксему и тем самым выполнить функцию предлога.

Таким образом, лексикографическая практика в иной интерпретации предлогов в русском и белорусском языкознании получила новую теоретическую базу, позволяющую фиксировать не только ядерные участки предложных систем указанных языков, но и огромное количество переходных случаев в области данной служебной части речи.

Список литературы

1. Рогожникова, Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову / Р. П. Рогожникова. – М.: Астрель, 2003. – 416 с.
2. Шуба, П. П. Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў / П. П. Шуба. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 168 с.
3. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева; под ред. В. В. Морковкиной; Ин-т рус. яз. – М.: Лазурь, 1997. – 422 с.
4. Цыганенко, Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – Київ: Рад. школа, 1982. – 240 с.
5. Рогожникова, Р. П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Р. П. Рогожникова; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1974. – 25 с.
6. Евгеньева, А. П. Определения в толковых словарях / А. П. Евгеньева // Проблема толкования слов в филологических словарях. – Рига: Изд-во Академии наук Латвийской ССР, 1963. – № XIV. – С. 9.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. Энцикл., 1935–1940. – 4 т.
8. Материалы к словарю русских предложных единиц (предлоги и их эквиваленты). Функциональная грамматика реального употребления. Вып. 1. Атрибутированный список в диапазоне букв А–И. Неатрибутированный список в диапазоне букв К–Ю / М. В. Всеволодова [и др.]. (В печати).
9. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналогі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна: ГрДУ, 2008–2011. – 3 ч.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. В. И. Чернышев. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – 17 т.
11. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, Рус. яз., 2000. – 1233 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: Бел. Сав. Энцикл., 1977–1984. – 5 т.
13. Сцяцко, П. У. Дыялектны слоўнік. 3 гаворак Зэльвеншчыны / П. У. Сцяцко. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1970. – 185 с.
14. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / уклад. М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 921 с.
16. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.
17. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
18. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Суднікі, М. Н. Крыўко. – Мінск: Бел. Энцикл., 1996. – 783 с.
19. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – 1-е изд. – М.: Астрель, 2003. – 1582 с.
20. Шуба, П. П. Прыназоўнік у беларускай мове / П. П. Шуба. – Мінск: Нар. асвета, 1971. – 165 с.

Рыжкович Анна Чеславовна, аспирант кафедры общего и славянского языкознания ГрГУ им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь).

Научный руководитель – **М. И. Конюшкевич**, профессор кафедры журналистики им. Я. Купалы, доктор филологических наук, профессор (Гродно, Беларусь).

In article lexicographic interpretation of temporal prepositions pretexts and similar to them of units is considered, the list of prepositional units with of temporal semantics, collected of all lexicographic sources (dictionaries, materials to dictionaries, etc.) also is presented.

УДК 801.32

Н. А. Снігірова

УСТОЙЛІВЫЯ СЛОВАЗЛУЧЭННІ Ў СУЧАСНЫХ ТЛУМАЧАЛЬНЫХ СЛОЎНІКАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: ПРЫНЦЫПЫ ПАДАЧЫ, ПРАБЛЕМЫ ІНТЭРПРЭТАЦЫІ

Обобщаются и анализируются принципы подачи и проблемы интерпретации устойчивых словосочетаний в современных толковых словарях белорусского языка. Решение проблем словарного описания устойчивых сочетаний и, прежде всего, разработка универсальных способов и приемов для их многоаспектного лексикографического представления имеют важное прикладное значение для формирования концепции словарной статьи нового фундаментального толкового словаря белорусского языка.

Тлумачальны слоўнік з'яўляецца найбольш запатрабаваным шырокай грамадскасцю ўніверсальным лексікаграфічным даведнікам, таму першачарговага тэарэтычнага пераасэнсавання і дапрацоўкі ў адпаведнасці са зменамі ў лексічнай сістэме мовы патрабуюць «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984 гг.; далей – ТСБМ) [1] і «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (1996 г. і перавыданні; далей – ТСБЛМ) [2]. Паводле меркавання А. А. Лукашанца, «у беларускай лексікаграфіі сёння асабліваю актуальнасць набывае неадкладная падрыхтоўка з улікам сучасных падыходаў і тэхналогій новага тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы, які адлюстравваў бы сучасны стан яе слоўнікавага складу. У сувязі з гэтым неабходна не толькі стварэнне саўвядомай факталагічнай базы, але і вырашэнне цэлага рада тэарэтычных праблем, напрыклад: праблем нарматыўнай ацэнкі, часавых межаў прэзентацыі лексічнага матэрыялу, ступені лексічнай варыянтнасці і г. д.» [3, с. 5].

Новы фундаментальны тлумачальны слоўнік беларускай мовы, праца над якім распачата ў Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, павінен адпавядаць сучаснаму стану лексіка-фразеалагічнага складу мовы і «арыентавацца на максімальна поўнае адлюстраванне жывога, актуальнага, рэальна існуючага лексічнага інвентару» [4, с. 115]. Пажадана, каб змест слоўніка ахопліваў усю агульнаўжывальную лексіку сучаснай беларускай мовы, найбольш ужывальныя фразеалагічныя абароты і тыповыя словаспалучэнні, што забяспечыць яго даступнасць для самых шырокіх чытацкіх колаў. На думку В. П. Лемцюговай, новы тлумачальны слоўнік беларускай мовы павінен адлюстравваць тыя зрухі ў лексічным складзе беларускай мовы, што адбыліся ў ёй, пачынаючы ад нашаніўскай пары і да нашых дзён, тыя новыя значэнні і сэнсавыя адценні, што ўзніклі ў працэсе функцыянавання многіх даўно вядомых слоў [4, с. 119].

Вызначэнне месца ўстойлівых словазлучэнняў у сістэме мовы і іх дыферэнцыяльных прыкмет – неабходны этап падрыхтоўкі да ўкладання як спецыяльнага слоўніка фразеалагізмаў, так і комплекснага тлумачальнага слоўніка. Распрацоўка прынцыпаў падачы і спецыяльных прыёмаў лексікаграфічнай фіксацыі ўстойлівых словазлучэнняў у новым фундаментальным тлумачальным слоўніку беларускай мовы заснавана, перш за ўсё, на вывучэнні і абагульненні практычнага лексікаграфічнага вопыту, а таксама на тэарэтычным асэнсаванні назапашанага матэрыялу. На жаль, раз'яднанасць працы тэарэтыкаў фразеалогіі і практыкаў-лексікаграфікаў выяўляецца

нават у такіх фундаментальных лексікаграфічных выданнях, як ТСБМ і ТСБЛМ. Прадстаўлены ў ТСБМ і ТСБЛМ фразеалагічны матэрыял дае магчымасць праналізаваць спосабы яго падачы і апісання ў параўнанні з лексічнымі адзінкамі і, адпаведна, выявіць больш поўна спецыфіку фразеалагічных адзінак. Мяркуюцца, што апісанне і сістэматызацыя спосабаў лексікаграфічнай фіксацыі ў ТСБМ і ТСБЛМ словазлучэнняў, якія характарызуюцца прыметай устойлівасці, дазволіць выпрацаваць у далейшым прынцыпы падачы ўстойлівых словазлучэнняў у новым фундаментальным тлумачальным слоўніку беларускай мовы і прапанаваць канкрэтныя прыёмы шматаспектнага лексікаграфічнага прадстаўлення розных тыпаў устойлівых словазлучэнняў у новым слоўніку.

Звычайна ў ТСБМ і ТСБЛМ фразеалагізм падаецца ў канцы слоўнікавага артыкула, за ўмоўным графічным знакам – ромбам (адвольна, ці на граматычна галоўны, ці на граматычна залежны кампанент). Акрамя таго, даволі часта назіраецца вынясенне кампанента, які не функцыянуе па-за межамі фразеалагізма, у загаловак слоўнікавага артыкула. Адзін з кампанентаў устойлівага словазлучэння можа выносіцца як алфавітнае загаловачнае слова, а пасля яго прыводзіцца сам выраз з адпаведным яго апісаннем. У прыватнасці: «АХІЛЕСАЎ, -сава: **ахілесавы пяты** (кніжн.) – найбольш слабае месца каго-, чаго-н.» [2, с. 75] і «АХІЛЕСАЎ, -ава. У выразе: **ахілесавы пяты** гл. пяты» [1, т. 1, с. 308]; «ЕРЫХОНСКІ, -ая, -ае: **ерыхонская труба** (разм.) – пра вельмі гучны голас» [2, с. 196] і «ЕРЫХОНСКІ, ая, ае. У выразе: **іерыхонская труба** гл. труба» [1, т. 2, с. 530]; «ЛАХІ: **лахі пад пахі** (разм.) – сабраўшы свае пажыткі, выбірацца куды-н.» [2, с. 314] і «**Ляхі пад пахі** – сабраць небагатыя пажыткі, узяць іх з сабой і пайсці» [1, т. 3, с. 26]; «ЛЫНДЫ: **лынды біць** (разм.) – гультаяваць, бяздзельнічаць; займацца пустымі справамі» [2, с. 323] і «ЛЫНДЫ. У выразе: **лынды біць** гл. біць» [1, т. 3, с. 65]; «ТЛУМІЦЬ, тлумлю, тлуміш, тлуміць; *незак.* У выразе: **тлуміць галаву каму** – марочыць, задурваць, збіваць з толку» [2, с. 657] і «СЛЯПІЦА, -ы, ж. (абл.). У выразе: **лезці сляпіцаю ў вочы** – назойліва прыставаць да каго-н.» [2, с. 591]. Такім чынам, калі слова ў літаратурнай мове сустракаецца толькі ва ўстойлівым выразе і незалежна ад яго не ўжываецца, то падаецца як загаловачнае, пасля яго ставіцца двукроп'е і прыводзіцца выраз, у якім знаходзіцца гэта слова, даецца тлумачэнне гэтага выразу. На думку М. А. Даніловіча, не зусім апраўдана з навуковага пункту гледжання выносіць у загаловак артыкула кампанент, які выкарыстоўваецца

ў складзе фразеалагізма, паколькі гэта штучна разрывае цэласную ў структурна-семантычных і функцыянальных адносінах адзінку [5, с. 31]. Аднак усталяваная ў беларускай лексікаграфіі традыцыя падачы ўстойлівых словазлучэнняў у тлумачальных слоўніках, як правіла, абумоўлена практычнымі задачамі лексікаграфіі.

Паколькі пэўны ізамарфізм адзінак розных узроўняў мовы ўскладняе вычляненне той ці іншай адзінкі, складанасці і супярэчнасці, звязаныя з вызначэннем фразеалагічных адзінак і іх адмежаваннем ад іншых элементаў мовы, пераадоўваюцца, як паказвае практыка, з цяжкасцю. Так, выдавочным недахопам, адзначаным многімі даследчыкамі слоўнікавага складу ТСБМ і ТСБЛМ, з'яўляецца недакладнасць, непаслядоўнасць і неаднастайнасць тлумачэння прыметнікавых і назоўнікавых фразеалагізмаў. Як адзначае І. Я. Лепешаў, «формула тлумачэння залежыць ад катэгарыяльнага (найбольш абагульненага, часцінамоўнага) значэння фразеалагічнай адзінкі, ад яе прыналежнасці да пэўнага семантыка-граматычнага разраду – дзеяслоўнага, назоўнікавага, прыслоўнага і г. д.» [6, с. 8–9]. Таму дзеяслоўныя фразеалагізмы пажадана тлумачыць пры дапамозе дзеяслоўных словазлучэнняў, назоўнікавыя – пры дапамозе назоўнікавых словазлучэнняў і г. д. Згодна думцы С. І. Бурлыка, катэгарыяльнае значэнне ад'ектыўнасці павінна перадавацца прыметнікам, напрыклад: *нізкі на вочы* 'блізарукі', *на курынай ножцы* 'пахілы' [7, с. 62]. Так, не зусім лагічнае апісанне назоўнікавага фразеалагізма *зялёная вуліца* дзеяслоўным словазлучэннем 'прапускаць без затрымак, па-за ўсякай чаргі' парушае вызначаную заканамернасць [8, с. 91].

Сярод тыповых хібаў ТСБМ і ТСБЛМ, адзначаных М. А. Даніловічам, С. І. Бурлыка і іншымі даследчыкамі лексікаграфіі, – тлумачэнне фразеалагізмаў канструкцыяй з прыназоўнікам *пра, аб*, што «раскрывае змест фразеалагізма прыблізна і цымяна, часам недакладна паказвае на катэгарыяльную сутнасць выразу...» [5, с. 33; 7, с. 62]. Такая формула тлумачэння фразеалагізмаў найчасцей з'яўляецца прычынай семантычна недакладнай характарыстыкі выказаў. Да прыкладу, *ход канём*, паводле ТСБМ, мае значэнне 'аб рашучым сродку, што выкарыстоўваецца для дасягнення поспеху ў якой-небудзь справе', аднак, як слушна адзначае Л. М. Якшук, гэты выраз абазначае 'спрытны, абходны манеўр, разлічаны на поспех у чым-н.' [8, с. 90]. Таму ў новым тлумачальным слоўніку беларускай мовы мэтазгодна адлюстраваны ўсё семантычны аб'ём гэтага фразеалагізма.

Супярэчнасці сустракаюцца падчас перадачы запазычаных складаных слоў, якія маюць устойлівы характар ужывання. Напрыклад, *альма-матар* ў ТСБЛМ абазначае 'ўніверсітэт, інстытут, у якім вучыўся' [2, с. 56] і падаецца як нескланяльны назоўнік ж. р. з паметай кніжнае, а ў ТСБМ ён мае значэнне 'старадаўняя назва ўніверсітэта ў лексіконе студэнтаў' (ад лац. *alma mater* – маці-карміцелька) і нават канчатак роднага склону *-ы*, хоць гэта нескланяльны зварот [1, т. 1, с. 226].

Як было ўстаноўлена В. В. Маршэўскай, у ТСБМ «часам не вытрымліваецца размежаванне тэрміналагічных спалучэнняў і фразеалагізмаў, утвораных на базе прафесійнай лексікі. У прыватнас-

ці, за знакам \diamond прыводзіцца састаўны тэрмін *збавіць газ* 'зменшыўшы паступленне гаручага, сцішыць ход машыны'; *даваць (даць) газу (каму)* 'прымушаць каго-н. быць больш энергічным'...» [9, с. 170].

Большасць устойлівых выказаў у ТСБМ і ТСБЛМ (за *круглым сталом, да крывавага поту...*) падаюцца ў той склонавай форме, у якой часцей за ўсё выкарыстоўваюцца ўзвальна, што цалкам абгрунтавана, нягледзячы на тое, што некаторыя выразы могуць ужывацца ў розных склонах і выконваць розныя сінтаксічныя функцыі.

Сінанімічныя фразеалагізмы часам падаюцца ў ТСБМ і ТСБЛМ як варыянтны: *стрэляны (стары) верабей, прыгожы (слабы) пол*, а варыянтнасць фразеалагічных адзінак прадстаўлена недастаткова поўна ці некарэктна. У некаторых выпадках значэнне фразеалагізма тлумачыцца іншым сінанімічным фразеалагізмам, часам фразеалагізм выступае непасрэдным ілюстратарам рэальнага лексічнага значэння слова. У той жа час ілюстрацыйны матэрыял падаецца не да ўсіх устойлівых выказаў, уключаных у ТСБМ і ТСБЛМ. Акрамя таго, у якасці ілюстрацыйнага матэрыялу ў тэксце слоўнікавага артыкула або за знакам ромба змешчаны прыказкі і прымаўкі, разнастайныя адфразеалагічныя дэрываты і тэрміналагічныя словазлучэнні, аўтарскія метафары, агульнавядомыя словы, ужытыя ў пераносным значэнні, і інш., што патрабуе асаблівай увагі лексікаграфіі.

Нягледзячы на тое, што на сучасным этапе развіцця мовазнаўства аб'яднанне фразеалагізмаў і прыказак у адным слоўнікавым артыкуле трактуецца некаторымі даследчыкамі як прымета кансерватызму [5, с. 31], такая форма падачы матэрыялу з'яўляецца найбольш зручнай для практычнага карыстання ўніверсальным тлумачальным слоўнікам.

Выяўленыя спосабы і прыёмы размяшчэння і апісання ўстойлівых спалучэнняў у слоўнікавым артыкуле наяўных тлумачальных слоўнікаў прымушаюць засяродзіць асаблівую ўвагу на актуальных тэарэтычных праблемах вывучэння лексіка-фразеалагічнай пераходнасці, што звязана з неабходнасцю абгрунтавання аб'ёму і межаў розных тыпаў устойлівых спалучэнняў. Пры гэтым, згодна з традыцыяй і практыкай айчынай лексікаграфіі, у слоўніку будзе адпаведна прадстаўлена самае шырокае разуменне фразеалогіі. Мяркуюцца, што фразеалагізм, які па структуры адпавядае словазлучэнню, атрымае месца апісання ў слоўніку паводле свайго структурна арганізуючага кампанента; фразеалагізм, які па структуры адпавядае параўнальнаму звароту, – паводле структурна арганізуючага кампанента гэтага зварота. Мэтазгодна, каб фразеалагізм, які структурна арганізаваны як спалучэнне некалькіх аднародных кампанентаў, распрацоўваўся паводле першага кампанента, выражанага знамянальнай часцінай мовы, а фразеалагізм, які па структуры адпавядае двухсастаўнаму або аднастастаўнаму сказу, атрымаў месца распрацоўкі паводле кампанента, прыроўненага да дзейніка або выказніка. Пры перадачы лексічнай варыянтнасці фразеалагізмаў варыянтны кампанент можа падавацца ў дужках, а фразеалагізмы з агульным апорным кампанентам могуць быць змешчаны ў адным слоўнікавым артыкуле, аб'яднання на падставе сэнсвай блізкасці. Паколькі значэнне многіх фразеалагізмаў рэалізуецца толькі

ў строга вызначанай паслядоўнасці кампанентаў, пажадана, каб слоўнік адлюстроўваў і іх абавязковае аб'ектнае акружэнне (лексіка-граматычныя сувязі «справа», напрыклад, **кльонуць на вудачку чыю, каго, чаго, якую**), і факультатыўныя часткі (<Адны> **скура ды косці засталіся на кім, у каго**).

Разгледжаныя вышэй прыклады з назапашанага наяўнага матэрыялу для ўкладання новага фундаментальнага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы выяўляюць толькі некаторыя агульныя заканамернасці ў спосабах падачы і апісання ўстойлівых слоўных комплексаў з цэласным значэннем. Аналіз лексічнага складу ТСБМ і ТСБЛМ сведчыць, што традыцыі, якія склаліся ў беларускай лексікаграфіі ў сферы прадстаўлення ўстойлівых спалучэнняў, не пазбаўлены некаторых супярэчнасцей. Вырашэнне праблем слоўнікавага апісання ўстойлівых спалучэнняў і, перш за ўсё, распрацоўка ўніверсальных спосабаў і прыёмаў для іх шматаспектнага лексікаграфічнага адлюстравання маюць важнае прыкладное значэнне для фарміравання структуры слоўнікавага артыкула новага фундаментальнага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы.

Спіс літаратуры

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / І. М. Бунчук [і інш.]; пад рэд. М. Р. Суднікі, М. Н. Крыўко; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – 3-е выд. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2002. – 784 с.
3. Лукашанец, А. А. Ад рэдактара / А. А. Лукашанец // Сучасныя праблемы беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі: матэрыялы міжнар. навук. канф. / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі, 19–20 лістапада 2005 г. – Мінск: Права і эканоміка, 2006. – С. 3–5.

4. Лемцюгова, В. П. Храналагічная мяжа сучаснасці беларускай літаратурнай мовы / В. П. Лемцюгова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2012. – № 3. – С. 115–119.

5. Даніловіч, М. А. Фразеалагізмы ў сучасных дыялектных лексічных слоўніках / М. А. Даніловіч // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. В. В. Дубичинский [и др.] – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 30–34.

6. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.

7. Бурлыка, С. І. Тлумачэнне прыметнікавых фразеалагізмаў у слоўніках / С. І. Бурлыка // Сучасныя праблемы беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі: матэрыялы міжнар. навук. канф. / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі, 19–20 лістапада 2005 г. – Мінск: Права і эканоміка, 2006. – С. 61–66.

8. Якшук, Л. М. Лексікаграфічнае апісанне фразеалагізмаў у ТСБМ / Л. М. Якшук // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. В. В. Дубичинский [и др.] – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 90–92.

9. Маршэўская, В. В. Тэрміналагічныя і фразеалагічныя спалучэнні ў ТСБМ / В. В. Маршэўская // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 170–171.

Снигирёва Наталья Александровна, старший научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии филиала «Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси» ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси», кандидат филологических наук (Минск, Беларусь).

In the report principles of giving and a problem of interpretation of set phrases in modern explanatory dictionaries of the Belarusian language are generalized and analyzed. The solution of problems of the dictionary description of set phrases, first of all, development of universal ways and receptions of multidimensional lexicographic representation of various types of set phrases, has important applied value for formation of the concept of an entry of the new fundamental explanatory dictionary of the Belarusian language.

УДК 81'374

Н. Г. Сурмава

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ДИАЛЕКТНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАРЯ «ИДИОМАТИКА АДЖАРСКОГО ДИАЛЕКТА ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА»)

Словарь базируется на фразеологических материалах, собранных автором в результате многолетней полевой практики, в него входят также фразеологические единицы, извлеченные из разных источников. В составлении словаря успешно используется Грузинский диалектный корпус. На данном этапе ведется разработка принципов составления словаря.

Фразеология – устойчивые словосочетания – составляет значительный сегмент языкового лексического фонда. Фразеологией или идиоматикой в широком смысле называют такие словосочетания и языковые выражения, которые носитель языка не конструирует по правилам семантической и грамматической сочетаемости, а запоминает и использует в готовом виде [1], т. е. в широком понимании, под понятием фразеологии объединяются, с одной стороны, устойчивые словосочетания, для которых характерно коннотативное значение с эмоционально-оценочными нюансами, и, с другой стороны, безобразные номенклатурные словокомплексы.

По известной классификации, разработанной в Машинном фонде русского языка, фразеологизмами являются: 1) идиомы, 2) фразеологические словосо-

четания или коллокации, 3) термины и наименования, выраженные словосочетанием, 4) пословицы и поговорки, 5) крылатые выражения, 6) штампы и клише, 7) грамматические идиомы.

Исходя из указанной классификации, в наш словарь входят: 1) идиомы, 2) фразеологические словосочетания или коллокации, 3) пословицы и поговорки, 4) крылатые выражения, 5) штампы и клише. К последним на диалектном уровне относятся формулы приветствия и прощания, приглашения за стол, благословения, проклинания – довольно богатый материал.

Нельзя сказать, что фразеология-фразеография является развитой областью в грузинской лингвистике, хотя при этом существуют фразеологические словари Т. Сахокия, А. Ониани, А. Такаишвили,

теоретические труды Б. Почхуа (в которых фразеология рассматривается как часть лексикологии). Что касается диалектной фразеологии, то мы не имеем ни локальных, ни сборных фразеологических словарей. В существующих диалектологических словарях фразеологические образцы внесены зачастую на правой стороне словарной статьи с соответствующим указанием **Фраз.**, или вовсе без указания, как иллюстративный материал. Например, в словаре Ш. Нижарадзе «Аджарский диалект» [2] в виде иллюстраций даются замечательные образцы фразеологии.

Перед лексикографом, работающим над фразеологическим словарем, прежде всего, стоит проблема доставки материала. Подобно фразеологическому словарю литературного языка, и тут извлечение материала осуществляется из диалектных словарей и разных текстовых источников. Весьма ценными в этом отношении являются материалы кустарного производства и мелкого ремесленничества, собранные в 1935–1936 гг. под руководством акад. И. А. Джавахишвили, а также монографии по отраслевой лексике отдельных диалектов (хевсурский, мтиульский, пшавский, аджарский...), выполненные по инициативе или под непосредственным руководством проф. А. Чикобава. В них региональная лексика, отображающая разные сферы быта, собрана и рассмотрена тематически, по идеографическому принципу. Тут же уместно отметить, что региональная отраслевая лексика является общеупотребительной для диалектоносителей данного региона, в отличие от специальной, профессиональной терминологии литературного языка.

И все же, основным источником доставки диалектного фразеологического материала остается полевая практика – профессионально составленные вопросники и должным образом подобранные информаторы.

Хотелось бы поделиться нашим опытом в этом направлении. Для собирания диалектной лексики мы используем вопросник, начальный вариант которого был разработан нами для диалектной группы проекта «Языковая ситуация в Грузии» (Проект Франкфуртского института сравнительного языкознания, руководитель И. Гипперт). Указанный вопросник, исходя из своей целенаправленности, отличается от вопросника лингвистического атласа [3], целью которого является выявление лексических изоглоссов, достигаемое путем заполнения одних и тех же вопросников в разных районах. Так как наш вопросник рассчитан на максимальное изъятие словесного материала, он динамичен, открыт для изменений – в соответствии с тематикой, характерной для записываемого региона, активизируются отдельные темы, добавляются вопросы. Мы стремимся сформулировать вопрос таким образом, чтобы ответ на него следовал в виде фразы, микротекста. Вопросник пополняется новыми вопросами в процессе полевых работ, и соучастником этой деятельности становится сам информатор. Так, например, в вопроснике имеется такой вопрос: *как называют человека, по характеру или внешне, сильно похожего на отца или мать?* По ассоциации с данным вопросом один информатор вспомнил, что если сноха похожа на свекровь, то говорят: *ბუს ანდგარზე ბუ დაჟდაო bus amdgarze buždao* – ‘Одна сова взлетела, другая села’; *დრეამთილის ტამრო*

მოწია, გელობი კაი დადგაო dedamtilis tamari močia, gelini kai dadgao – ‘Жилку свекрови подтянула – сноха получилась хорошая’. В результате к вопроснику был добавлен новый пункт: *что говорят, если сноха своей хозяйственностью будет походить на свою свекровь?*

Вопросник способствует установлению и выявлению синонимов, антонимов, вариаций фразеологизмов, будь то лексические вариации с заменой одной лексемы, грамматические вариации с заменой грамматического класса или формы одного из компонентов, или же количественные вариации, разница между которыми заключается в количестве компонентов.

Диалектные фразеологизмы не являются лишь вариациями литературного языка, в большинстве случаев им свойственна самобытность. Они часто отличаются не только от литературного языка, но и от других диалектных подсистем этнолингвистической и культурологической информацией, с точки зрения сравниваемых эталонов, метафоризированных образов, стереотипов. Более того, возможны и довольно часты различия на уровне наречий и говор. В доказательство этому можно привести не один пример. Приведем в пример фразеологизмы, записанные в аджарском и имеретинском (Хонский район) диалектах и выявленные в результате вопроса: *высказывания, характеризующие скупого человека* (тут же следует оговориться, что имеретинского информатора мы знакомили с аджарским материалом, записанным до этого). В аджарском символом скупости являются образы, каковыми являются **выжимать из смолы (живицы) и делать из него масло**, в имеретинском – **выжимать камень; снимать шкуру с блохи и выжимать из него масло**. Интересно, что в аджарском диалекте встречается в качестве устойчивого эпитета, обозначающего скупого *კუპეცი kupeci*, происходящий из русского слова *купец*.

Из 7 аджарских и 10 имеретинских фразеологизмов общим для этих диалектов оказался лишь один фразеологизм – *ზამთარში მიხვალ, თოვლს არ მოგვებს zamtarši mixval, tovls ar mogcems* ‘Придешь к нему зимой – снега на даст’.

На поддиалектном уровне в доказательство фразеологических различий можно привести следующий образец: в аджарском диалекте о внезапно разбогатевшем человеке скажут: *შავი დედალივით გაკეთდა šavi dedalivit gaketda* – ‘Повезло ему как черной курице’, в селе Кириати (кириатско-маратидская речь аджарского диалекта) мы записали синоним *გამამლდა gamamlida* – ‘распетушился, петушится’.

Между диалектами наблюдаются различия и с точки зрения сравниваемых эталонов. Так, например, в западногрузинских диалектах «свинья» – эпитет ненасытного, жирного человека, тогда как в юго-западных говорах (в том числе и в аджарском) это слово употребляется для обозначения мужественности, силы: *ღორი ქალი yori kali* ‘женщина-свинья’ в аджарском обозначает смелую, мужественную женщину. Его литературный синоним – *პეტუხი: მამალი ქალი mamali kali* ‘женщина-петух’.

Разумеется, подтверждаются в достаточном количестве и общезыковые вариации фразеологизмов.

Вопросник собирает все синонимичные фразеологизмы и фразеологические варианты.

В процессе подбора и разработки словесного материала мы используем Грузинский диалектный корпус, содержащий все важные опубликованные тексты, весь материал отраслевой лексики, собранный в 30-х годах, аудио-видео транскрипты, записанные и расшифрованные силами создателей корпуса (одним из них является автор данной статьи), словари и т. д. На сегодняшний день поиск фразеологизмов в нашем корпусе возможен только по отдельным лексемам: лексема > контекст > текст. Кроме того, в качестве одного из метатекстовых тематических показателей в корпусе указывается «фразеологизм», с помощью которого возможен поиск текстов, содержащих фразеологизмы. Более эффективным поиск фразеологизмов в корпусе станет в дальнейшем, после лексико-семантического и грамматического аннотирования самого корпуса.

На данном этапе работы над словарем уже составлен начальный вариант словника и ведется разработка принципов составления словаря. Первейшей своей целью мы ставим то, чтобы незнакомый с диалектом пользователь смог быстро ориентироваться в словаре. Рассматривая разные возможности, мы решили представлять в словаре фразеологические единицы по алфавитному принципу, но, в то же время, к словарю будет прилагаться тематический указатель, который будет помогать пользователю в разборе фразеологизмов по тематике.

Фраземы будут располагаться по алфавитному принципу по **опорному слову** – **константе** (во фразеологических сочетаниях и фразеологических выражениях) и по **начальному слову** (в собственно идиомах). А в тематическом указателе фразеологизмы будут расположены по темам. Объяснение фразеологической единицы будет представлено лишь в алфавитном словаре.

Наряду с фразеологизмами в состав нашего словаря входят лексемы, так сказать, однокомпонентные фразеологические образования. Таковыми являются: а) прежде всего отыменные глаголы, обладающие коннотативным значением и способностью заменять фразу. Например: წაკურდღღება **caḱurdyleba** от слова კურდღელი **kurdyeli** ‘заяц’, означает «спать как заяц, чутко»; б) образования, полученные в результате сокращения фразеологизма, например: გიერჩა **gierča** < ჭიძზე გიერჩა **čipze gierča** ‘расшибся на пупок’, значит «очень захотел»; в) прозвища, например: ჯვავირეკია **žvavirekia** – прозвище бездельника.

Одной из сложностей создания фразеологического словаря является определение информации, входящей в формат словарной статьи. В русской лингвистике намечается тенденция уравнивания диалектной фразеологии с фразеологией литературного языка, прежде всего, по подаче энциклопедической, этнолингвистической информации и, к тому же, по точности указываемых источников (если в случае литературного языка указывают на письменный источник, в диалектном словаре указывается диалектная подсистема, пункт записи).

В нашем словаре мы стараемся следовать этим требованиям: объяснение фразеологической единицы будет носить в основном филологический характер, будут представлены историко-этимологическая информация (там, где это будет возможно) и этнологические данные (если фразеологизм требует такового). Обязательно будут разъяснены первичные номенные значения диалектных слов, входящих во фразеологизм, с указаниями на архаичность и на иноязычность заимствования; будет приведен параллельный сравнительный материал из литературного языка и диалектов.

Надеемся, что составленный нами словарь станет ещё одним шагом, сделанным на пути составления Сборного грузинского фразеологического словаря.

Список литературы

1. Кустова, Г. И. О словаре / Г. И. Кустова // Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени / Г. И. Кустова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.pdf>. – Дата доступа: 21.09.2012.
2. Нижарадзе, Ш. Аджарский диалект / Ш. Нижарадзе. – Батуми: Сабчота Аджара, 1971. – С. 79–451.
3. Вопросник для составления диалектологического атласа грузинского языка / АН ГССР, Ин-т языкознания. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – С. 48–77.

Сурмава Наргиза Гивиевна, старший научный сотрудник Института языкознания им. А. Чикобава, кандидат филологических наук (Тбилиси, Грузия).

The dictionary is based on the phraseological material collected by the author as a result of long-time field works. There are also phraseological units given there, abstracted from several sources. The data of the Georgian Dialect Corpus is also successfully employed in the dictionary compiling process. The main principles of the dictionary compiling are being developed on the given stage of the working process.

УДК 811.161.2(038):81'373:2-23

Л. Л. Шевченко

КОНЦЕПТОГРАФИЯ БИБЛЕЙСКИХ ПОНЯТИЙ

Рассмотрена проблема создания дефиниций библейских понятий путем обобщения данных их концептуального анализа в тексте Библии.

Среди полученной тем или другим способом информации о слове наиболее широкой и разноплановой считается именно та, что содержится в больших толковых лексиконах, которые в словарных дефинициях отражают языковую картину мира, содержат сведения о грамматических характеристиках

единиц, об особенностях их функционирования и решают главную задачу – с помощью принятого составителями особенного инструмента описания отразить основные характеристики семантической структуры слова, системы его значений. Высказывая свой взгляд на словари, Л. В. Щерба считал особенно

значимым словарь современного литературного языка народа. В составлении такого словаря он усматривал самое важное задание лингвистов и неоднократно это подчеркивал [1]. Указанная установка до сих пор остается актуальной, трансформируясь и адаптируясь к реальности соответственно с когнитивными и технологическими возможностями эпохи.

Именно в словарях теоретические проблемы языковедческой науки, в частности, проблема описания значения слова, находят свое решение, реализуются и проверяются результаты лингвистической теории, и нередко словари опережают теорию практическими решениями еще не до конца изученных проблем. Лексикографические описания сами по себе содержат результаты лингвистического анализа и благодаря этому имеют большое научное значение. О важности словарных трудов для развития семантических исследований писала Н. З. Котелова: «Хотя лексикографическая практика ослаблена тем, что она не сумела повязать свои решения с обсуждением теоретических проблем семантики, ей принадлежит ведущая роль в описании лексической семантики. Успехи ее лексикографических описаний, систематизации и теоретического осмысления, обуславливаясь прогрессом языковедения, логики, семиотики, философии, всегда будут зависеть и от степени освоения данных лексикографии – и потому что вся лексикография представляет результаты изучения больших материалов, и потому что она отражает всю картину, охватывая словарный состав в целом, и потому что словарное описание предусматривает одновременный учет разных свойств слова. Эксперимент такого большого размаха не может быть повторен вне лексикографии» [2, с. 23].

В конце XX – начале XXI века для теоретической лексикографии наиболее актуальными являются вопросы дефинирования слов, метаязыка толкований, информативного потенциала словарных статей толковых лексикографических изданий. Словарная дефиниция выступает основным способом репрезентации семантической структуры языковых единиц, результатом абстрагирования от многочисленных контекстных употреблений конкретного значения слова: «Составление дефиниций – вершина лексикографического искусства. В дефиниции надо резюмировать содержание слова, а это предполагает тонкий семантический анализ, или описать предмет, что требует знания реалий и умения их рассматривать с позиции семиотической релевантности дифференциальных и интегральных признаков» [3, с. 191]. Вопросам разработки толкований слов посвящены исследования Ю. Д. Апресяна, Д. И. Арбатского, В. Бланара, Р. А. Будагова, В. В. Виноградова, В. Г. Гака, П. Н. Денисова, В. В. Дубичинского, Х. Касареса, А. И. Киселевского, Н. З. Котеловой, Л. П. Крысина М. П. Правдина, В. М. Русановского, Ф. П. Сороколетова, Н. Ю. Шведовой, В. А. Широкова и др. В них рассматриваются вопросы дефинирования слов, метаязыка толкований, включения различных типов информации в состав словарных толкований, информативного потенциала словарных статей толковых лексикографических изданий, типологии дефиниций и др.

Особая роль в истории словарного дела отводится толковым словарям, поскольку именно в них апробируется лексикографирование слова и

традиции его многоаспектного описания, вырабатываются принципы метаязыка толкований. В отличие от словарей энциклопедических, которые довольно широко привлекают в свои реестры профессиональные и специальные знания и терминологию, которая относится ко многим отраслям науки, техники, культуры, и предлагают сжатое, но по возможности исчерпывающее научное определение каждого термина, толковые общезыковые словари характеризуют слово средствами филологического толкования, раскрывая суть его семантического строения. Ведь основная функция толкового словаря заключается в том, чтобы подать по возможности более точную семантическую характеристику лексики данного языка в полном объеме, который отвечает его назначению.

При создании нового толкового словаря украинского языка одной из центральных задач была разработка точных и непротиворечивых словарных толкований. 20-томный толковый Словарь составлен учеными Национальной академии наук Украины и преподавателями высших учебных заведений в рамках национальной программы «Словари Украины». В его основу лег толковый Словарь украинского языка в 11 томах (1970–1980), материалы лингвистического корпуса Украинского языково-информационного фонда НАН Украины, который насчитывает более 110 млн. словоупотреблений, и лексической картотеки Института украинского языка НАН Украины, которая насчитывает свыше 6 млн. карточек. Словарь в 20 томах создан при использовании новой компьютерной технологии лексикографирования, разработанной в Украинском языково-информационном фонде НАН Украины.

При создании Словаря украинского языка одним из источников пополнения его реестра был текст Библии. Переоценить ее значение и авторитет невозможно. Происхождение Библии как откровения слова Божьего, изложенное в письменном виде, определило ее роль и значение для человеческого общества: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности. Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2 Тимофею 3:17) [4, с. 1306].

Для включения библейской лексики была создана автоматизированная лексическая картотека (конкорданс), которая базировалась на тексте Библии Ивана Огиенка. Благодаря этой системе была проведена следующая работа: изменено большое количество дефиниций библейской лексики, которые в 11-томном Словаре были созданы под влиянием атеистической идеологии, введен большой массив слов, отсутствующих раньше, дополнена семантическая структура многих лексем, подана библейская фразеология, подобран иллюстративный материал.

Одной из самых сложных задач было создание дефиниций библейской лексики и в первую очередь ее слоя, представляющего понятия, которые являются проводниками ключевых библейских тем и идей и которые должны обязательно быть представлены в словарной системе. К ним относятся такие слова, как *вера, спасение, святость, праведность, закон, благодать, завет, покаяние, благословение, проклятие* и др. Это очень емкие и многомерные лексические единицы, содержание которых формируется на фоне

всей текстовой структуры Библии. Эти лексемы были в реестре 11-томного толкового Словаря, но в их семантической структуре отсутствовала библейская составляющая.

Для формулирования их толкований были задействованы материалы теологических словарей, энциклопедий, работ по герменевтике, тематических симфоний, комментариев библейских текстов. Активно использовалась также автоматизированная система «Еврейский и греческий лексиконы Стронга», где к каждому слову Библии даны варианты переводов.

Но при использовании этих источников авторы Словаря столкнулись с большими трудностями, поскольку ведущие библейские понятия – очень содержательные семантические структуры, которые демонстрируют множественность значений. Библейские словари и справочники содержат о них достаточно обширную информацию энциклопедического характера, которая обычно занимает не одну страницу. Например, трактование понятия *вера* в Теологическом энциклопедическом словаре под редакцией Уолтера Элвелла представляет текст значительного объема, который имеет несколько подзаголовков: 1. Общая концепция. 1) Вера в Бога предполагает правильное понимание Бога. 2) Вера зиждется на Божественном свидетельстве. 3) Вера – сверхъестественный дар Божий. 2. Библейские представления. 3. История споров о вере [5, с. 232–235].

В связи с этим закономерно возникают проблемы, связанные с выбором информации, актуальной для дефиниций толкового словаря филологического типа. Поэтому первоочередное значение имел выбор метода исследования текстов Библии с целью выявления и фиксации семантики библейских понятий. В качестве такого метода мы использовали концептуальный анализ текста. Концептуальный анализ как основной метод исследования концептов имеет своей целью описать средства их вербализации и представить результат формализованным семантическим языком. Под концептом мы понимаем «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта» [6, с. 94]. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «структура и содержание различных концептов выявляется через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [7, с. 26]. Применение концептуального анализа текста Священного Писания осуществляется с целью выявления текстовых смыслов библейских понятий для их моделирования и представления в виде эксплицитных формул.

Целью статьи является освещение принципов построения лексикографических дефиниций ключевых библейских понятий, использование метода концептуального анализа в преломлении к лексикографической практике, для задач концептографии.

Названные библейские понятия мы рассматриваем как слова, которые имеют статус концепта, поскольку они являются высокочастотными, то есть функционируют в тексте как ключевые, доми-

нантные слова, характеризуются высокой степенью подключения к формированию текстовых смыслов, являются ведущими носителями содержания, вокруг которых группируются другие слова и формулируются основные идеи. Анализ текстового пространства, направленный на декодирование и актуализацию концептуальных структур, демонстрирует закрепление их элементов за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта.

Связь концепта с вербальными средствами выражения несомненна. Концепты не являются сами по себе лингвистическими феноменами: они «овеществляются» с помощью языковых средств, лингвистических структур. Анализируя составляющие концепта, Л. О. Чернейко пишет: «Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости... Сочетаемость имени... есть внешнее, поверхностное проявление его глубинных ассоциативных контуров, складывающихся из имплицитных субстантивных лексических параметров» [8, с. 317, 324]. Таким образом, исследование концептов проводилось методом анализа актуализации их признаков при употреблении имени концепта в определенных типах дискурса (раскрывающих одну микротему), представленных в тексте Евангелия.

Проведенный концептуальный анализ библейских понятий позволил смоделировать структуру стоящих за ними концептов. Проанализированные слова предстали как многомерные образования, в семантический состав которых входит вся палитра их смыслового содержания, моделирующаяся с помощью системного использования определенных микроконтекстов, объективирующих библейские темы и идеи.

Так, например, из контекстов, вербализирующих в Евангелии слово *благодать*, реконструируется парадигма содержания этого концепта, которая состоит из таких компонентов: «Иисус Христос», «дар», «грех», «служение Богу», «церковь» (Благодать дана Богом, Иисусом Христом людям как дар для спасения, освобождения от грехов, для служения Богу, созидания церкви). Базовое содержание понятия *вера* включает несколько составляющих, которые формируют такое его смысловое наполнение: «Иисус Христос», «Евангелие», «прощение грехов», «исцеление», «спасение» (Вера в Иисуса Христа – от слушания Евангелия, через веру Он прощает грехи, исцеляет, спасает). На основании проведенного текстуального исследования концепта *спасение* можно выделить такие его основные характеристики: «Иисус Христос», «грех», «Божье Царство», «вера», «благодать», «Евангелие» (Иисус Христос спасает людей от грехов для Божьего царства верой и благодатью через проповедь Евангелия).

Для формирования дефиниций библейских понятий используются не только данные концептуального анализа текста, но также информация энциклопедического характера об этих словах из библейских словарей и справочников. Такой ком-

плексный подход позволяет определить действительно актуальные смыслы для толкований этих слов. При их разработке определилось два принципа составления дефиниций. Если текстовые смыслы, которые составляют концептосферу библейского понятия, количественно примерно равнозначные, то дефиниция формулируется как описательная фраза, обобщающая основные признаки этого слова. Например, понятие *благодать* получило толкование в Словаре украинского языка в 20 томах как «щедрая милость Божья, дарованная человеку независимо от его заслуг». Понятие *вера* определяется как «дар Бога человеку, через который устанавливается его связь с Богом». В тех случаях, когда существует значительное преимущество определенных текстовых смыслов концепта, демонстрирующих их важность и актуальность для интерпретации этого понятия, то именно они становятся основой для составления толкования. Так, доминирующим для понятия *спасение* оказался дефиниционный признак *грех*. Он и стал базовым для формирования дефиниции *спасение*: «избавление человека Богом от власти и последствий греха».

Таким образом, использование данных концептуального анализа являются важной процедурой для разработки лексикографического отражения сложного интегрирующего содержания библейских понятий. Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности применения полученных данных в лексикографической толковой практике, в сфере концептографии. Для целей нашего исследования наиболее продуктивным является комплексный подход к формированию словарных толкований библейских понятий, который предполагает описание семантического состава концепта

через его речевые экспликации в тексте, а также использование информации о них в энциклопедических библейских словарях и справочниках. Такая процедура позволяет объективно определять объем и содержание информации о слове для его толкования в филологическом словаре, решает проблему его адекватного лексикографического представления, отвечающего принципам системности, стандартизованности и достаточности.

Список литературы

1. Щерба, Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л., 1958. – Т. I. – 182 с.
2. Котелова, Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) / Н. З. Котелова. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
3. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М.: Рус. яз., 1980. – 253 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской патриархии, 1993. – 1370 с.
5. Теологический энциклопедический словарь / под ред. У. Элвелла. – М.: Ассоциация «Духовное возрождение», 2003. – 1467 с.
6. Пименова, М. В. Эквивалентные концепты / М. В. Пименова // Філологічні трактати. – 2012. – Т. 4. – № 1. – С. 93–99.
7. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–37.
8. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М., 1997. – 353 с.

Шевченко Лариса Леонидовна, заведующий отделом лингвистики Украинского языково-информационного фонда НАН Украины, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (Киев, Украина).

The article deals with the problem of creating definitions for biblical concepts by summarizing the information of their conceptual analysis in the text of the Bible.

УДК 801.3

Л. Л. Шестакова

СЛОВАРИ РЕДКИХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Исследуются современные лингвистические словари, предметом описания которых являются редкие лексические единицы. Рассматриваются книжные и электронные словари этого типа, построенные на разном языковом материале. Подробно анализируется Словарь редких слов, выбранных из произведений поэтов Серебряного века. Характеризуются принципы его создания, состав словника, типы информации, содержащейся в словарной статье.

Редкие слова – это, по сложившемуся представлению, слова низкой частоты употребления и непонятные (или недостаточно понятные) современному носителю языка. Отбор редких слов и систематизация их в словарях типа глоссариев – не новое направление в лексикографии. Однако именно в последние десятилетия, когда «особенно заметными стали существенные изменения в лексиконе усредненной языковой личности, обусловленные целым рядом социокультурных причин» [1, с. 181], словам редкого употребления (агнонимам – в терминологии В. В. Морковкина, А. В. Морковкиной) стало уделяться специальное внимание. Слова этого класса образовали предмет активного лексикографического освоения, а соответствующие справочники сформировали отдельную в типологическом отношении словарную разновидность. Такое – «типологическое» восприя-

тие словарей редких слов находит отражение в словарных классификациях. Например, в типологии словарей, содержащейся в материалах Википедии [2], словари редких слов выделяются в функциональном плане по признаку частотности и даются наряду с собственно частотными словарями. В трудах по лексикографии, где классификационные построения сопровождаются рассмотрением групп лингвистических словарей, представляются теперь и словари редких слов (обычно в виде рубрик с характерным сочетанием понятий «редкое слово» и «устаревшее слово», например: Словари редких и устаревших слов [1, с. 198], Словари устаревших и редких слов [3, с. 64]).

В наше время одним из первых изданий рассматриваемого типа стал словарь-справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» [4]. Обратим внимание на то, что он создан на основе,

с одной стороны, существующих словарей языка писателей, словоуказателей, с другой – общезыкового двухтомного «Сводного словаря современной русской лексики» [5], составленного по материалам основных толковых словарей русского языка. Уточняя, в связи с этим, типологические свойства словарей редких слов, можно сказать, что они занимают промежуточное положение между общезыковыми нормативными словарями и писательскими (авторскими) справочниками (не случайно в перечнях групп словарей они часто занимают место рядом со словарями языка писателей). Часть словарей редких слов тяготеет по основной целевой установке, принципам описания к словарям первого рода. Это, например, знакомая многим книга «От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы» [6], содержащая более 3 000 слов и выражений; или «Словарь редких и забытых слов» [7], включающий более 2 500 слов. Вторая группа словарей редких слов относится к авторским справочникам – как, например, книга «500 забытых и редких слов из “Записок охотника” И. С. Тургенева» [8]. При этом выделяется и учебная составляющая таких справочников – многие из них адресованы прежде всего, и именно школьникам.

Отдельную ветвь в лексикографии редких слов образуют сейчас электронные словари. Примеры таких словарей легко находятся в Интернете, причем описываемая в них лексика почерпнута из самых разных источников. Так, слова из русских народных сказок содержит «Словарь редких слов и устаревших слов», представленный на сайте «Аллея сказок» [9]; лексику русского Севера включает «Словарь редких слов и диалектизм, употребляемых в Заонежье и соседних с ним районах Севера» [10] и т. д.

Специально следует упомянуть «Корпусной словарь редких слов» [11], составленный на базе Обучающего корпуса Национального корпуса русского языка. В его словнике более 500 редких лексических единиц, «которые могут быть непонятны школьникам и вызывать трудности при освоении». Примечательно, что в словарь вошли «два типа редких (малочастотных) слов» – во-первых, так называемые «старые» (традиционно понимаемые архаизмы и историзмы: *вельми, втуне, присно, реприманд...; исправник, камердинер, онучи, постромки...*); во-вторых, так называемые «новые» (укореняемые в языковом обиходе слова – преимущественно иноязычные, связанные с современными социальными, культурными и информационными процессами: *аффилировать, инвестировать, офшор, фрустрированный...*). Задачу словаря авторы видят в том, чтобы «разрешить лексические трудности, возникающие при чтении текстов, дать представление о грамматических и стилистических особенностях редких слов».

При общем сходстве в употреблении составителями названных и других словарей понятия «редкие слова», оно, полагаем, сохраняет некоторую условность. Это проявляется в том, что содержание понятия объясняется далеко не всегда, если же объясняется, то акцент делается на том или ином его аспекте – на непредставленности слов в толковых

словарях, их неупотребительности и необычности, на малочастотном характере как отличительном признаке таких слов и т. д.

Обобщая разные мнения, можно сказать, что авторы словарей редких слов предлагают описание нечастотных слов с неясной семантикой, имеющих разный языковой статус (от архаизмов, экзотизмов до профессионализмов); ср. толкование третьего значения слова *редкий* в МАСе: «не часто или мало встречающийся, необычный» [12, с. 696].

Представляется, что такое понимание слов этого класса может модифицироваться, уточняться в применении к конкретному языковому материалу, в частности поэтическому.

Остановимся далее на электронном Словаре редких слов (СРС), выбранных из произведений поэтов Серебряного века. Этот словарь входит в серию «Словари русской поэзии Серебряного века» [13], создан по материалам и в соответствии с общей концепцией многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП) [14]; подробнее о принципах его построения см. [14, т. I, с. 12–15].

В процессе работы над СЯРП выявился круг лексем единичного употребления, т. е. слов, использованных одним поэтом (из 10 описываемых в словаре) один раз. Именно такие лексемы – с частотой употребления 1 – мы называем редкими, и именно они составили предмет описания в СРС. Если обратиться к словнику этого Словаря, можно увидеть, что его образуют лексемы, очень разные по своим лингвистическим характеристикам – по семантике, стилистической окраске, принадлежности к ядру или периферии русского языка, к именам нарицательным и собственным и т. д. Важно отметить, что среди них встречаются слова не только устаревшие, новые (включение новообразований в СРС не бесспорно, однако оно отвечает принципу отбора в него единиц с частотой 1), терминологические, областные, просторечные и т. п., но и общеупотребительные, семантически прозрачные, однако в поэтическом языке (в пределах произведений выбранных авторов) использующиеся редко. Фиксация таких слов важна, прежде всего, для установления состава, границ поэтического лексикона XX в., роли таких слов в выражении авторской интенции. Приведем некоторые примеры, чтобы показать пестроту единиц СРС и их отнесенность к тому или иному разряду слов:

– устаревшие слова: *аквариум* (Мандельштам), *алчь* ‘алчность’ (Маяковский), *бирюч* ‘глашатай’ (Хлебников), *дремь* ‘чаща’ (Есенин), *кафля* ‘изразец’ (Пастернак);

– новые слова: *бесхотенный* (Кузмин), *галлюцинантка* (Пастернак), *дольза* (Хлебников), *луначарство* (Маяковский);

– областные и просторечные слова: *дружий* ‘дружеский’ (Есенин), *корог* ‘нос судна’ (Хлебников), *купиться* ‘купаться’ (Анненский), *лонешний* ‘прошлогодний’ (Есенин); *бесперечь* ‘беспременно’ (Цветаева), *электрический* ‘электрический’ (Блок), *давеча* ‘недавно’ (Маяковский);

– термины: *аорист* ‘особая форма прошедшего времени глагола в греческом и некоторых других языках’ (Мандельштам), *афелий* ‘наиболее удаленная от Солнца точка орбиты обращающегося

вокруг него небесного тела' (Пастернак), *кампанिला* 'отдельно стоящая колокольня в виде башни при итальянских церквях' (Блок);

– общеупотребительные слова: *афера* (Цветаева), *базальтовый* (Анненский), *глумленье* (Ахматова), *голландец* – только в сочетании *Летучий голландец* (Пастернак), *лаваши* (Мандельштам).

Особый список составляют имена собственные: *Андроник* – византийский император (Мандельштам), *Голконда* – государство в Индии в XVI–XVII вв., славившееся добычей алмазов (Цветаева), *Лизиска* – имя императрицы Мессалины, под которым она появлялась в публичных домах; употреблено в нарицательном значении (Ахматова).

При всей лексико-семантической, стилистической пестроте словника его можно структурировать тематически. Например, природная лексика – мощный слой поэтического языка – представлена здесь целым рядом слов, большая часть которых – диалектные единицы, но есть также устаревшие и вполне актуальные, например: *акажу* 'тропическое дерево' (Мандельштам), *дикомыть* (или *дикомыт*) – *устар.* 'ловчая птица' (Есенин), *камашика* – *обл.* 'насекомое' (Есенин), *кигитка* – *обл.* 'чибис' (Хлебников), *люцерна* (Пастернак) и др.

Корпус единиц СРС может быть представлен и в виде двух больших массивов – это слова «редкие непонятные», поэтому сопровождаемые толкованием, и слова «редкие понятные», имеющиеся в доступных словарях и поэтому не объясняемые.

Толкуемые слова по семантическим свойствам и характеру описания этих свойств можно представить в виде нескольких типов:

1) слова, употребленные поэтом в общеязыковых значениях; трудность в понимании этих слов связана, в частности, с узкой сферой их применения. Например, слово *апсида* Мандельштам использовал в его прямом специальном значении (архитектурном) – оно описывается в соответствующей зоне словарной статьи. То, как это слово проясляет себя в самом произведении, демонстрирует приводимый контекст, сопровождаемый комментарием¹:

АПСИДА [алтарный выступ храма, ориентированный на восток] Но что же думал твой строитель щедрый, Когда, душой и помыслом высок, Расположил апсиды и экседры, Им указав на запад и восток? [о храме Св. Софии в Константинополе] *ОМ912 (83.1)*;

2) слова, семантика которых «обманчиво очевидна», выявляется с учетом контекста и может быть сформулирована достаточно определенно. Например, просторечное прилагательное *любий* (по словарям 'милый, любимый') в строках Цветаевой имеет значение 'привлекательный':

ЛЮБИЙ [*прост.*; здесь: привлекательный] Даны мне были и голос любий, И восхитительный выгиб лба. Судьба меня целовала в губы, Учила первенствовать Судьба. *Цв915 (I,250.1)*;

¹ В словарных статьях используются следующие основные сокращения: *АБ* – Блок, *Ес* – Есенин, *Куз* – Кузмин, *ОМ* – Мандельштам, *П* – Пастернак, *Хл* – Хлебников, *Цв* – Цветаева; *вар.* – вариант, *обл.* – областное, *поэт.* – поэтическое, *прост.* – просторечное, *РП* – речь персонажа, *рфм.* – рифма, *устар.* – устарелое.

3) слова, смысл которых не вполне ясен (в частности, из-за совмещенности значений), допускает разные толкования. Это определяет использование в дефинициях предположительной или вопросительной модальности (слова *возможно*, знака вопроса). Например, слово *кружный*, употребляемое сейчас в сочетании *кружный (кружной) путь* ('обходный, окольный, не прямой'), в строках Блока встречается в сочетании *кружный мрак*. Значение 'полный' ('такой, который окружает со всех сторон') выводится с учетом контекста и толкуется с использованием слова *возможно*:

КРУЖНЫЙ [возм., здесь: полный] Последний вздох, и тайный, и бездонный, Слова последние, последний ясный взгляд – И кружный мрак, мечтою озаренный, А светлых лет – не возвратить назад. *АБ901 (I,95)*.

Целью составления СРС является не только систематизация и объяснение редких слов в языке поэтов Серебряного века, т. е. не только помощь рядовому читателю в разрешении лексических трудностей, возникающих при чтении стихотворных текстов, но и содействие исследователю в изучении особенностей употребления таких слов в поэзии. Этому способствует использование помет разного содержания, перекрестных ссылок, включение в статьи комментариев к контекстам и другой информации. Обращение к материалам конкретных словарных статей показывает, что низкочастотные лексемы используются в речи персонажей, включаются в тропеические конструкции, участвуют в создании звукового рисунка текста, образуют рифмы и т. д.; нередко отмечается сочетание разных приемов:

БЫСТРЬ [*устар.*; то же, что БЫСТРИНА] Пробирается контрабандист. Пограничник не боится Быстри. Не уйдет подмеченный им Враг, [*рфм.*: выстрел] *Ес924 (II,225)*

ВАЦЛАВ [св. В. (ок. 907–935) – покровитель Чехии] Налетевший на град Вацлава – Так пожар пожирает траву... *Цв939 (II,354.2)*

ДОЛЬНЫЙ [*устар. поэт.*; *вар.* к ДОЛЬНИЙ] В юдоли дольной бытия Она [роза] участвует невольню; *ОМ909 (265.2)*

КИЧКА [*обл.*; нос речного судна] Священный клич «сарынь на кичку» [«Сарынь на кичку!» – клич «Бурлаки, на нос судна!»]; *рфм.*: привычку] *Хл913 (245)*

КОВАЛЬ [*устар.* и *обл.*; кузнец] Эрос, ты – коваль нежнейший, Раскователь всех оков. *Куз920 (230)*

ЛАНДКАРТА [*устар.*; географическая карта] Как план, как ландкарту На плотном папирусе, Он [ветер] город над мартом Раскинул и выбросил. *П915 (I,69.2)*

МАШКЕРАДНЫЙ [*устар.*; *вар.* к МАСКАРАДНЫЙ] Уж он бы вертлявого – в струнку Не стал бы! – «На волю? Изволь! Такой же ты камерный юнкер, Как я – машкерадный король!» [о Петре I и Пушкине] *РП Цв931 (II,283)*

Активное описание редких слов – одна из заметных тенденций в современной лексикографии, и русской, и зарубежной (см., например, [15]). По названным выше причинам, эта тенденция будет, по-видимому, усиливаться, причем разные ее проявления будут непосредственно связаны с многообразием привлекаемых к описанию источников.

Список литературы

1. Козырев, В. А. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 356 с.
2. Типология словарей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 01.10.2012.
3. Шимчук, Э. Г. Русская лексикография: учеб. пособие / Э. Г. Шимчук. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 320 с.
4. Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник / отв. ред. Р. П. Рогожников. – М.: Русские словари, 1997. – 572 с.
5. Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. – М.: Рус. яз., 1991. – 2 т.
6. Макаров, В. И. От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы / В. И. Макаров, Н. П. Матвеева. – М.: Былина, 1993. – 368 с.
7. Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М.: Астрель, АСТ, 2006. – 605 с.
8. Бахвалова, Т. В. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И. С. Тургенева / Т. В. Бахвалова, А. Р. Попова. – Орел: ОГУ, Полиграфическая фирма «Картуш», 2007. – 180 с.
9. Словарь редких слов и устаревших слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alleya-skazok.ru/slovar.html>. – Дата доступа: 02.02.2012.
10. Словарь редких слов и диалектизм, употребляемых в Зонежье и соседних с ним районах Севера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prosv.ru/ebooks/lib/60_Kluev/Slovar?.gtf. – Дата доступа: 10.09.2012.
11. Корпусной словарь редких слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/rarewords.html>. – Дата доступа: 01.10.2012.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1983. – Т. 3. – 752 с.
13. Словари русской поэзии Серебряного века: Словарь редких слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexrus.ru/http/default.aspx?p=2676>. – Дата доступа: 12.10.2012.
14. Словарь языка русской поэзии XX века / сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. – М.: Языки славянской культуры, 2001–2010. – Т. I: А – В. – 2001. – 896 с.; Т. II: Г – Ж. – 2003. – 800 с.; Т. III: З – Круг. – 2008. – 792 с.; Т. IV: Кругл – М. – 2010. – 768 с.
15. Карпова, О. М. Шекспировская лексикография нового времени: возвращение глоссариев / О. М. Карпова // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки», Филология. – 2012. – Вып. 1. – С. 48–53.

Шестакова Лариса Леонидовна, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, кандидат филологических наук, доцент (Москва, Россия).

Article is devoted to the modern linguistic dictionaries which subject of the description are rare lexical units. The book and electronic dictionaries of this type compiled on a different language material are considered. The special attention is given to the Dictionary of the rare words which were selected from works of poets of the Silver age. Principles of its compilation, content of a word list, types of information including in an dictionary entry are characterized.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ	3
Беридзе М. М. Лексикографические и энциклопедические знания в корпусе (Грузинский диалектный корпус)	3
Гордієнко Н. Г. Передмова та інструкція з користування словником як окремі складники макроструктури	5
Гринев-Гриневич С. В., Лаврова А. Н. Словари как элемент языковой картины мира	8
Карпіловська Є. А. Словник активних ресурсів сучасної української номінації	11
Лепешаў І. Я. Пра акадэмічны слоўнік беларускай мовы (2012)	14
Мечковская Н. Б. Может ли жанровое разнообразие лексикографии преодолеть методологические коллизии в исследованиях фразеологии?	18
Марозава А. А. Лексічныя варыянты ў рээстры «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы»	21
Невзорова О. А., Галиева А. М., Гатиатуллин А. Р., Якубова Д. Д. Модели аннотаций русско-татарской лексикографической базы данных	23
Сніжко Н. В. Проблеми сучасної інтегральної лексикографії	26
Сорокина Э. А. Консубстанциональность и словарь: лексикографическая проблема	29
Струганець Л. В. Параметризація семантичних трансформацій словникового складу літературної мови на базі методу лексикографічних зрізів	31
Широков В. А., Остапова И. В., Сидорчук Н. Н., Якименко К. Н. Лингвистические корпусы и виртуальные лексикографические лаборатории	34
Щербин В. К. Лексикографическая прогностика: методы и подходы	38
РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ	41
Бакурадзе Л. Д. Грузинские словари итальянских миссионеров	41
Волынская А. В. «Лексический фонд русского языка XVIII века»: проблемы вариативности	43
Калиновская В. Н., Старовойтова О. А. Дифференциальное описание лексики русского языка XIX века в историческом словаре нового типа: задачи, проблемы, результаты	45
Коваленко К. И. Лексикографические источники Азбуковника 1596 года	47
Кузнецова И. Е. Учебные словари первой половины XVIII века и европейская лексикографическая традиция	50
Малышева И. А. «Лексический фонд русского языка XVIII века»: состав словаря	54

Мисевича-Триллича Р. Картина мира в переводных словарях (на примере польско-латышских словарей XVII–XIX веков)	57
Очирова Н. Ч. Калмыцко-немецкие и калмыцко-русские словари XVIII – начала XX вв. как лексикографические памятники и источники изучения лексики калмыцкого языка	60
Соколов А. И. Новые источники пополнения картотеки «Словаря русского языка XVIII века» (оригинальные и переводные химические трактаты XVIII века)	63
РАЗДЕЛ III. ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ РАЗРЯДОВ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	67
Алешина Л. В. Роль и место словарей авторских новообразований в писательской лексикографии	67
Багомедов М. Р. Словари личных имен народов полиэтнического региона: проблемы и перспективы	69
Даніловіч М. А. Прынцыпы складання рэгіянальнага этналінгвістычнага слоўніка тапонімаў.....	72
Зинкевич-Томанек Б. Украинские существительные IV склонения типа <i>вовчєня, ротєня</i> и их эквиваленты в словарях русского и польского языков	75
Конюшкевич М. И. Полипараметрическая атрибуция предложных единиц (из опыта создания материалов к словарю белорусских предлогов и их аналогов).....	78
Крылова О. Н. К вопросу о лексикографировании лексики материальной культуры в диалектном словаре.....	80
Кулева А. С. Усеченные прилагательные в языке русской поэзии: проект словаря	82
Мызников С. А. Некоторые проблемы русской диалектной лексикографии.....	85
Николенко О. Ю. Лексикографическое описание группы терминов родства русского языка	88
Плотникова Л. И. Лексические инновации и их лексикографическая фиксация	91
Прокопчук О. Г., Тананушко К. А. Обзор лексикографических изданий кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.....	93
Россихина М. Ю. О месте молодежного социолекта в словарях общего жаргона конца XX – начала XXI веков	96
Рыжкович А. Ч. Предлоги с темпоральной семантикой в русской и белорусской лексикографии	99
Снігірова Н. А. Устойлівыя словазлучэнні ў сучасных тлумачальных слоўніках беларускай мовы: прынцыпы падачы, праблемы інтэрпрэтацыі	102

Сурмава Н. Г. К проблеме создания диалектного фразеологического словаря (на примере словаря «Идиоматика аджарского диалекта грузинского языка»).....	104
Шевченко Л. Л. Концептография библейских понятий.....	106
Шестакова Л. Л. Словари редких слов в современной русской лексикографии	109
РАЗДЕЛ IV. СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В ТОЛКОВЫХ ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ	113
Кандрацэня І. У., Кунцэвіч Л. П., Нікалаева В. М. Тэрміналагічныя слоўнікі беларускай мовы як крыніца вывучэння тыпаў тлумачэнняў спецыяльных слоў	113
Крысин Л. П. Термин как объект лексикографии.....	115
Рычкова Л. В., Мицкевич О. С. Предметная отнесенность специальной лексики, представленной в общефилологических толковых словарях белорусского языка.....	117
Рычкова Л. В., Чепикова И. А. Специфика толкования специальной лексики в общефилологических и толковых терминологических словарях белорусского языка	120
Цумарев А. Э. Пометы и комментарии при единицах специальной лексики в толковых словарях русского языка (история и современность).....	123
Шелов С. Д. Терминологическая и профессиональная лексика в толковом филологическом словаре: вопросы толкования	126
РАЗДЕЛ V. ТЕРМИНОГРАФИЯ. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ БАЗЫ И БАНКИ ДАННЫХ.....	130
Авербух К. Я. LSP иммиграционной политики: проблемы формирования и терминографического описания.....	130
Блинова О. В. Терминология понятийной области «миноритарные языки»: норма и узус.....	133
Богуш С. Я. Распрацоўка беларускай справаводчай тэрміналогіі ў руска-беларускіх слоўніках 1920-х гадоў	136
Dąbrowski P. Lexicographical problems in the field of occupational medicine	139
Жеребило Т. В. Серия словарей лингвистических терминов	141
Заверуха М. А. Проблематика изучения микроструктуры терминологического словаря	144
Загорулько Ю. А., Кононенко И. С. Особенности разработки русско-английского тезауруса по компьютерной лингвистике	146
Закирова Е. С. Современные подходы к лексикографическому описанию технических терминов	148
Кантышева Н. Г. Гипермедиаальное представление знаний в терминологическом словаре	151
Комарова З. И., Жучкова Е. В. Проблемы отраслевой словарной типологии.....	153
Купріянов Є. В. Гіпертекстова модель электронного галузевого словника.....	156

Перкова О. В. Выявление эквивалентов терминов при создании многоязычной терминологической базы данных (на примере межпредметной области «образовательные услуги»)	159
Разводовская Я. В. Целевая характеристика и функциональные возможности англо-русско-белорусского глоссария терминов по репродуктивному здоровью	162
Тихомирова Е. А. Функционирование термина <i>информация</i> в текстах законов об информации	164
Хеллер К. Изменения в терминологии при организации ж.-д. перевозок как следствие приватизации вагонного парка стран СНГ	166
РАЗДЕЛ VI. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ	169
Беляева Л. Н. Переводной словарь в аспекте автоматизации лексикографических исследований	169
Бланко Ч., Якубовіч Я. PragMatLex – шматмоўны слоўнік прагматычных фразем. Беларуска-каталанскія і каталана-беларускія эквіваленты перакладу	171
Гейхман Л. К., Ставцева И. В. Учебный пользовательский словарь как результат учебного сотрудничества в освоении читательской компетентности	174
Гербик Л. Ф. Составление учебного словаря как часть учебно-методической работы на занятии по РКИ	177
Дубичинский В. В., Ройтер Т. Лексикографическое описание межъязыковых омонимов и паронимов	179
Елисеева О. Е. Открытые сетевые электронные мультимедиа-словари по русскому и белорусскому языкам как иностранным: концепция и технология коллективной разработки	185
Истомин В. С. Социальная функция словаря	189
Кардубан Ю. М. Параметры лексікаграфічнага апісання ў «Англійска-беларускім слоўніку скарачэнняў»	191
Максимчук Н. А., Бубнова Н. В. О принципах отбора и описания материала в учебном лингвокраеведческом словаре	193
Суша Т. М. Англійска-беларускі слоўнік = English-belarusian dictionary: лексікаграфічная канцэпцыя праекта	196
Щербакова Н. Н. «Экстренная лингвистическая помощь» как диалоговое окно «Лексикограф – потребитель»	197*

* Выбор языка сведений об авторе редколлегия оставляет за автором.

РАЗДЕЛ IV*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ
В ТОЛКОВЫХ ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

УДК 811.161.3'374.26:81

І. У. Кандрацэня, Л. П. Кунцэвіч, В. М. Нікалаева

ТЭРМІНАЛАГІЧНЫЯ СЛОЎНІКІ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ
ТЫПАЎ ТЛУМАЧЭННЯЎ СПЕЦЫЯЛЬНЫХ СЛОЎ¹

Обобщаются результаты анализа принципов толкования специальной лексики в современных терминологических словарях белорусского языка. Выявлены основные типы толкований и средств семантизации терминов в специальных белорусскоязычных лексикографических источниках.

Агульнавядома, што тэрміналагічная лексіка – гэта дынамічны пласт слоўнікавага складу мовы, які служыць для выражэння, захавання і перадачы спецыяльных навуковых і тэхнічных паняццяў і з’яўляецца адной з асноўных крыніц папаўнення і пашырэння лексічнага фонду любой высокаразвітой нацыянальнай мовы, таму вывучэнне такіх лінгвістычных галін, як тэрміналогія і тэрмінаграфія, з’яўляецца прыярытэтным напрамкам сучаснага мовазнаўства. Каб найбольш поўна і дакладна адлюстроўваць новыя факты, з’явы, паняцці, якія ўзнікаюць ва ўсіх сферах чалавечай жыццядзейнасці, тэрміны павінны пастаянна пераглядацца і ўдасканальвацца, рэгулявацца і ўпарадкоўвацца. У апошнія дзесяцігоддзі ў беларускай лексікаграфіі з’явілася даволі значная колькасць тэрміналагічных слоўнікаў па розных галінах навукі – як тлумачальных, так і перакладных. Найбольш інтэнсіўны перыяд іх распрацоўкі супаў з часам станаўлення краіны як самастойнай дзяржавы. Актыўны ўдзел у падрыхтоўцы такога роду слоўнікаў прынялі як лінгвісты, так і спецыялісты-прадметнікі, што ў пэўнай ступені забяспечыла відавочную запатрабаванасць у тэрмінаграфічных даведніках, але разам з тым выявіла непазбягальнасць фіксацыі саміх тэрмінаў і адсутнасць агульных прыпыткаў іх тлумачэння.

Аналіз разнастайных тэрміналагічных даведнікаў паказвае, што ў беларускай тэрмінаграфіі да сённяшняга часу не існуе надзейных і аб’ектыўных крытэрыяў для адбору спецыяльнай лексікі пры складанні іх рэестраў. Аўтары тэрміналагічных слоўнікаў звычайна ўключаюць найбольш ужывальныя паняцці па той ці іншай галіне навукі (эканоміцы, выяўленчым мастацтве, педагогіцы, фізіцы і інш.). Пры гэтым не ўсе слоўнікі ўказваюць крыніцы, з якіх выбіралася спецыяльная лексіка. Не заўсёды з’яўляецца магчымым устанавіць, ці суадносілі складальнікі рэестры тэрміналагічных даведнікаў з рэестрамі існуючых

энцыклапедычных выданняў. Невядомымі для карыстальнікаў, як правіла, застаюцца і храналагічныя межы адбору зыходнага моўнага матэрыялу.

Задачай дадзенага даследавання з’яўляецца параўнальны аналіз структуры артыкулаў існуючых тлумачальных тэрміналагічных слоўнікаў беларускай мовы розных галін навукі і тэхнікі для ўстанаўлення тыпаў тлумачэнняў тэрмінаў, паколькі прадстаўлены ў шэрагу лексікаграфічных выданняў азначэнні не заўсёды адпавядаюць паняццю *дэфініцыя* (іншы раз яны ўяўляюць сабой разгорнутыя тлумачэнні не строга навуковага характару або падаюцца ў выглядзе энцыклапедычных звестак, што нярэдка зацягваюць сутнасць паняцця). Безумоўна, правільнасць азначэння залежыць перш за ўсё ад выбару асноўных прыкмет, якія нясуць галоўную адрознівальную нагрузку ў дэфініцыі.

Складальнікі беларускамоўных тэрміналагічных слоўнікаў кіраваліся перш за ўсё агульнапрынятымі ў сусветнай тэрмінаграфіі прыпыткамі фіксацыі тэрмінаў і распрацаванымі схемамі іх тлумачэння. Аналіз слоўнікавых артыкулаў паказвае, што структура тлумачэнняў у такіх даведніках адпавядае мадэлям тлумачэнняў спецыяльных слоў, прапанаваным у свой час расійскай даследчыцай З. І. Камаровай [1]. З пункту гледжання спосабаў інтэрпрэтацыі значэння тэрміна можна вылучыць наступныя тыпы яго тлумачэнняў у беларускіх крыніцах.

Да першай групы адносяцца *аналітычныя, апісальна-лагічныя* тлумачэнні. Большасць спецыяльных слоў мае аналітычныя (апісальна-лагічныя) тлумачэнні праз парадыматычны ідэнтыфікатар і канкрэтызуючую частку, якую прынята называць дыферэнцыяльным элементам значэння (ДЭЗ), напрыклад: *Пасад. Гандлёва-прамысловае пасяленне, размешчанае па-за гарадскімі ўмацаваннямі, побач з дзядзінцам* [2, с. 104]. У залежнасці ад характару ідэнтыфікатара аналітычных тлумачэнняў можна выдзеліць наступныя тыпы: 1) апісальны класічны, 2) уласна апісальны, 3) лагічны дэфініцыі (азначэнні).

Першы тып з’яўляецца дамінуючым пры тлумачэнні спецыяльнай лексікі. Сутнасць яго ў тым, што пры семантычным «накладанні» адных слоў на іншыя адбываецца своеасаблівае раздзяленне зместу слоў на ідэнтыфікуючую і канкрэтызуючую часткі. У якасці ідэнтыфікатара выступаюць намі-

* В разделе представлены результаты исследования по проекту «Специальная лексика как объект описания в русских и белорусских толковых общефилологических словарях» (поддержан в конкурсе научных проектов БРФФИ-РГНФ в 2011 г.).

¹ Выканана пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў (дагавор № Г11Р-030 ад 15.04.2011 г.).

натыўныя словы, што адлюстроўваюць якасную вызначанасьць прадмета, маюць найбольш агульную семантыку ў параўнанні са словам, якое тлумачыцца. Разнавіднасцю гэтага тыпу з'яўляюцца так званыя генетычныя тлумачэнні: у іх указваецца спосаб утварэння, узнікнення дэнатата. Напрыклад: **Пярга**. *Кветкавы пылок расліны, пакладзены пчоламі ў ячэйкі сотаў і заліты мёдам* [3, с. 211].

Характэрным для ўласна-апісальнага тыпу з'яўляецца тое, што ў якасці ідэнтыфікатара ў ім выступаюць непаўназначныя словы: дзеясловы-звязкі, службовыя і дэйктычныя словы, а ўся неабходная інфармацыя выражаецца апісальнай часткай. Такімі ідэнтыфікатарамі-«аператарамі» для дзеясловаў з'яўляюцца звязкі *быць, з'яўляцца, станавіцца*, для назоўнікаў – словы *той, хто*, для прыметнікаў – *такі, які, такі, што і інш.*

Трэці тып – лагічныя дэфініцыі. Ідэнтыфікатарам у ім з'яўляецца родавае слова-паняцце, а ДЭЗ – відавое, напрыклад: **Летаніс** – *від старажытнай мемуарнай літаратуры, у якім запіс дакладных звестак пра пэўныя падзеі, сведкам якіх быў летанісец, спалучаўся з літаратурна апрацаванымі паданнямі пра падзеі ранейшыя, мінулыя* [4, с. 167].

Другая група тыпаў тлумачэнняў – рэлятывыя (ці адсылачныя) тыпы. Да іх адносяцца тлумачэнні, дзе непасрэдна не раскрываецца змест паняцця, выражанага словам, якое тлумачыцца, няма непасрэднай характарыстыкі дэнатата, а значэнні слоў тлумачацца праз адносіны да іншых лексем. Такія тлумачэнні выкарыстоўваюцца для раскрыцця той часткі сістэмы мовы, элементы якой знаходзяцца ў найбольш блізкіх адносінах (сінанімічных, антанімічных, словаўтваральных і інш.).

Трэцяя група тыпаў тлумачэнняў – камбінаваныя, якія шырока прымяняюцца ў тэрмінаграфічнай практыцы, паколькі аўтары імкнуцца да дакладнай семантызацыі складанай сэнсавай структуры.

Праз ідэнтыфікатар і ДЭЗ выяўляюцца навуковыя прыкметы галіновых тэрмінаў. Гэта дазваляе вызначыць, што родавае паняцце ў даследаваных слоўніках можа выражацца рознымі спосабамі:

– тэрмінам той жа тэрмінасістэмы: лінгвістычны тэрмін – лінгвістычным (*ідаграфія – пісьмо...*); фізічны – фізічным (*індуктар – невялікі генератар...*); хімічны – хімічным (*кобальт – хімічны элемент...*);

– тэрмінам іншых тэрмінасістэм: фізічныя і астранамічныя паняцці – хімічнымі (*штучны хімічны элемент*), тэхнічнымі (*рухавік, дэталі, збудаванне, галіна тэхнікі*), матэматычнымі (*сапраўдны лік*) тэрмінамі;

– міжнавуковым тэрмінам (ужываецца ў дзвюх і больш сумежных навук): *адзінка, вектар, велічыня, уласцівасць, мера даўжыні, злучэнні, энергія, малекулы, клеткі і пад.*;

– агульнанавуковым тэрмінам, які прысутнічае амаль ва ўсіх тэрмінасістэмах: *навука, галіна, раздзел, апарат, акт і інш.*;

– катэгарыяльнымі паняццямі: *сістэма, сукупнасць, рэчыва, від, працэс, функцыя, разнавіднасць, форма, заканамернасць і інш.*;

– тэхнічным тэрмінам: *канструкцыя, механізм, рухавік, зубчастая перадача, ракета, рэле, дэталі, вярчэнне, вось і інш.*;

– агульным спецыяльным паняццем: *прылада,*

прыстасаванне, змена, характарыстыка, сувязь, страта, назва, частка і інш.

Тлумачэнні часта змяшчаюць і лінгвістычную інфармацыю, якая адносіцца непасрэдна да тэрміна: этымалагічныя звесткі, блізкія па значэнні тэрміны, прымяненне тэрміна, іншамоўныя эквіваленты і пад. Для большасці беларускіх тлумачальных тэрміналагічных слоўнікаў характэрна ўжыванне дадатковых сродкаў семантызацыі:

а) этымалогія + рода-відавая дэфініцыя: **Хларэн-хіма** (ад грэч. *chlōros* – зялёны і *enchyma* – налітая) – *тканка, клеткі якой маюць хларопласты* [5, с. 122];

б) сінонім + рода-відавая дэфініцыя + марфалагічная характарыстыка + сфера ўжывання: **Галеніт (свінцовы блішчак)** (ад лац. *galena* – свінцовая руда) – *мінерал, сульфід свінцу. Змяшчае да 1% і больш срэбра і нязначную колькасць золата. Колер свінцова-шэры; моцны металічны бляск. Цвёрдасць 2-3, шчыльнасць 7400–7600 кг/м³. Галоўная руда для вытаплення свінцу; выкарыстоўваецца для даставання срэбра* [6, с. 35];

в) рода-відавая дэфініцыя + апісанне: **Палёт** – *спосаб перамяшчэння пры дапамозе крылаў у большасці насякомых, птушак і некаторых млекакормячых. Распазнаюць дзве формы П.: актыўную (П. ажыццяўляецца пры дапамозе крылаў) і пасіўную (П. ажыццяўляецца планіраваннем, г. зн. скальжэннем і лунаннем)* [3, с. 186];

г) рода-відавая дэфініцыя + апісанне + адсылка да сістэмна звязанага тэрміна: **Вязанне** – *тэхніка выканання трыкатажнага палатна або гатовых вырабаў з неперарыўных нітак шляхам выцягвання ніткі праз утвораную ёю пятлю. Адрозніваюць вязанне ручное (прутком, кручком) і машыннае (гл. таксама **Карункі**)* [2, с. 37];

д) этымалогія + рода-відавая дэфініцыя + апісанне + энцыклапедычная даведка пра час і аўтарства тэрміна: **Номазгенез** (грэч. *nomos* – закон і *genesis* – паходжанне, развіццё) – *эвалюцыйная канцэпцыя аб унутранай запраграмаванасці гістарычнага развіцця жывой прыроды. Дадзеная канцэпцыя заснаваная на ўяўленнях аб першапачатковай мэтазгоднасці жывого. Канцэпцыя мае тэалеагічны характар (Л. С. Берг, 1922)* [7, с. 77];

е) этымалогія + энцыклапедычная даведка пра час і аўтарства + рода-відавая дэфініцыя тэрміна + адсылка: **Асяроддзе** (фр. *milieu*, англ. *environment*) – *паняцце, уведзенае ў сацыяльную тэорыю Ш. Мантэск'е, якое абазначае не «натуральнае», а «грамадскае асяроддзе», або «атачэнне» – пэўныя сацыяльныя інстытуцыі, традыцыі і звычкі, што ўтвараюць грамадскі кантэкст, у якім дзейнічае асоба; гл. таксама *адаптацыя, канфармізм, навацыя, паўстанне, рытуалізм...* [8, с. 313];*

ж) этымалогія + гістарыяграфічная даведка пра ўзнікненне тэрміна + рода-відавая дэфініцыя: **Ідэалогія** (*ideology*) – *тэрмін, прапанаваны французскім пісьменнікам Дэсту дэ Трасі пры канцы XVIII ст. дзеля абазначэння навукі, якая вывучае ідэі. У сацыялогіі (па К. Марксу) – «зманлівая свядомасць», г. зн. мысленне, не адэкватнае рэальнасці. Па К. Мангайму, I. – адкрыццё, зробленае ў працэсе палітычнай... [8, с. 31];*

з) сінонім + іншамоўны адпаведнік + рода-відавая дэфініцыя + апісанне: **Авертэй, перакрыццё (overlay)** – *праграма, якая пастаянна размяшчаецца на дыску і запускаецца ў памяць па меры неабходнасці*

для таго, каб падаць асноўнай праграме значэнні, якія гэта праграма выкарыстоўвае для падстаноўкі на месца сваіх зменных. Праграма падзяляецца на адносна незалежныя часткі – сегменты... [9, с. 17];

і) этымалогія + рода-відавая дэфініцыя + апісанне + час ужывання: **Літаграфія** (ад грэч. *lithos* – камень і *graphō* – пішу) – 1. *Спосаб друку, пры якім адбітак атрымаецца пераносам фарбы падціскам з плоскай, гладкай або зярністай паверхні каменю (вапняку) непасрэдна на паперу.* 2. *Твор, выкананы літаграфічным спосабам. У беларускай графіцы Л. вядома з першай пал. XIX ст.* [2, с. 77];

к) этымалогія + рода-відавая дэфініцыя + апісанне: **Нектарастэг** (ад грэч. *nectar* – напой багоў і *stegē* – дах) – *колькасць валаскоў у трубіцы вяночка ніжэй месца прымацавання тычынак, загароджвае доступ насякомым да нектару* [5, с. 82];

л) этымалогія + рода-відавая дэфініцыя + апісанне + сфера выкарыстання + адсылка: **Он-арт** (англ. *op art* скароч. ад *optical art* – аптычнае мастацтва) – *мадэрнісцкі напрамак у выяўленчым мастацтве, адна з мадыфікацый абстракцыянізму. Прадстаўнікі О.-а. выкарыстоўваюць у сваіх творах камбінацыі простых геаметрычных фігур, дасягаючы ілюзорных, аптычных эфектаў. Дэкаратыўныя магчымасці О.-а. знайшлі выкарыстанне ў прамысловай графіцы, плакаце, афармленчым мастацтве* (гл. таксама *Мадэрнізм, Абстрактнае мастацтва*) [2, с. 96];

м) сінонім + іншамоўны адпаведнік + дзве рода-відавоя дэфініцыі (з указаннем тэрмінасістэм): **Мяжа, ліміт, абмежаванне** (*bound*) – *у матэматыцы: верхняя альбо ніжняя мяжа дапушчальнага дыяпазону значэнняў. У кампутарных сістэмах: прылада (напрыклад, прылады ўводу-вываду, дыскаводы і інш.) альбо кампанент, якія абмяжоўваюць хуткадзейнасць* [9, с. 218].

Прадстаўленыя сродкі семантызацыі па спосабах іх камбінавання, што знайшлі адлюстраванне ў беларускіх тлумачальных тэрміналагічных слоўніках, зразумела, не прэтэндуюць на поўную вычарпальнасць. У большай ступені мы імкнуліся паказаць розныя структурныя элементы слоўнікавых артыкулаў прааналізаваных даведнікаў. Як відаць з прыведзеных ілюстрацый, тлумачэнні тэрмінаў у розных слоўніках адрозніваюцца ступенню інфарматыўнасці. Большым аб'ёмам інфармацыі вызначаюцца даведнікі,

якія ствараліся ў адпаведнасці з агульнапрынятымі патрабаваннямі да лексікаграфічных выданняў.

Разнастайнасць сродкаў і спосабаў семантызацыі навуковых тэрмінаў у сучасных спецыяльных беларускамоўных слоўніках сведчыць пра неабходнасць далейшай распрацоўкі тэарэтычных асноў лексікаграфічнага апісання тэрміналагічнай лексікі.

Спіс літаратуры

1. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З. И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 156 с.
2. Лазука, Б. А. Слоўнік тэрмінаў: Архітэктура, выяўленчае і дэкаратыўна-прыкладное мастацтва: дапам. для вучняў / Б. А. Лазука. – Мінск: Беларусь, 2001. – 158 с.
3. Тлумачальны слоўнік-даведнік па ветэрынарыі і заатэхніі / А. І. Ягусевіч [і інш.]. – Мінск: Ураджай, 1992. – 318 с.
4. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах / В. Рагойша. – Мінск: БелЭн, 2001. – 383 с.
5. Яромін, В. М. Марфалогія і анатомія раслін: Бел.-рус. і рус.-бел. тэрмінал. слоўн. / В. М. Яромін [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2000. – 216 с.
6. Аранская, В. С. Руска-беларускі тлумачальны слоўнік вытворчых значных тэрмінаў і паняццяў па хіміі / В. С. Аранская, У. К. Слабін. – Віцебск: ВДЦ, 1993. – 175 с.
7. Кароткі руска-беларускі тлумачальны слоўнік па агульнай біялогіі / укл.: М. Д. Лісаў [і інш.]; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь; БДПУ. – Мінск, 1994. – 158 с.
8. Малы тлумачальны слоўнік сацыялагічных тэрмінаў / Э. Сўнджвуд // Сціслая гісторыя сацыялагічнай думкі // Э. Сўнджвуд; нав. рэд. і пер. У. Марушкі; рэд. пер. В. Вячорка, А. Трусава. – Мінск: Тэхналогія, 1999. – 349 с.
9. Савіцкі, М. Тлумачальны слоўнік па інфарматыцы / М. Савіцкі. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2009. – 300 с.

Кандраценя Ірына Уладзіміраўна, вядучы навуковы супрацоўнік філіяла «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы» Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, кандыдат філалагічных навук.

Куцэвіч Любоў Пятроўна, намеснік дырэктара філіяла «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы» Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, кандыдат філалагічных навук.

Нікалаева Вольга Міхайлаўна, загадчык аддзела беларуска-рускіх моўных сувязей філіяла «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы» Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, кандыдат філалагічных навук.

The results of analysis of definitions of special words in modern defining terminological dictionaries of Belarusian language are generalized in the article.

УДК 81'374

Л. П. Крысін

ТЕРМИН КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

Обсуждаются две проблемы, связанные с отражением специальных терминов в словарях разного типа: (1) проблема включения / невключения того или иного термина в словник словаря, (2) характер, аспект и степень полноты описания термина в словарях разного типа – от орфографических до толковых (общих и отраслевых).

1. Специальные термины фиксируются разными типами словарей – от орфографических до толковых и этимологических. В зависимости от жанра и задач словаря в нем могут описываться разные стороны

термина: написание и произношение, происхождение того или иного термина, соотношение термина с обозначаемым понятием (дефиниция), область (области) исключительного или преимущественно употребления, словообразовательные дериваты, парадигматические связи (синонимии, антонимии, конверсии, омонимии), родо-видовые и видо-видовые

¹ Подготовлено в рамках проекта РГНФ № 11-24-01001/Bel.

отношения терминов внутри терминосистем (гиперонимы и гипонимы, когипонимы, аналоги, термины – компоненты одного терминологического поля и т. д.).

2. В докладе предлагается связать задачи (1) включения / невключения специального термина в словарь и (2) его словарного описания – с лексикографическим жанром, с типом словаря. Первая задача касается работы над словариком, решение второй обусловлено степенью полноты информации о термине в зависимости от типа словаря.

Рассматриваются только лингвистические (филологические) словари.

3. Место термина в словниках разных по жанрам словарей.

3.1. В русской лексикографии сложилась традиция, в соответствии с которой максимум специальной терминологии фиксируется в общих (не учебных и не отраслевых) **орфографических** словарях. Таков, например, «Русский орфографический словарь» [1], содержит более двухсот тысяч слов – главным образом, за счет включения в его словник специальной лексики и терминологии. И это не требует объяснений: очевидно, что к орфографическим словарям обращаются все носители данного языка, в том числе и представители разных профессий и специальностей. С другой стороны, небольшое число специальных терминов включается в **учебные словари-минимумы**, и это обусловлено предназначением таких словарей: они рассчитаны на обучение иностранцев русскому языку (как правило, такие словари содержат от 4 до 7 тысяч единиц преимущественно общеупотребительной лексики). Но между этими крайними точками располагается множество других типов словарей, словники которых различаются численностью включенных в них специальных терминов и их характером.

Если идти от максимума специальных терминов в словнике того или иного словаря к их минимуму, то, по-видимому, вторым после орфографического – по полноте отражения в словнике специальной лексики и терминологии – является жанр **большого двуязычного** словаря, типа «Нового большого англо-русского словаря» [2]. Затем следуют **словари иностранных слов**, правда, с существенным ограничением: здесь фиксируются только иноязычные термины; отраслевые терминологические словари (опять-таки с ограничением, но иного рода: здесь фиксируются, как правило, термины только одной отрасли науки или техники); **толковые академические** словари – типа 17-томного [3] или Малого академического словаря [4]; идеографические словари – типа «Русского идеографического словаря» [5]; **орфоэпические** словари – типа «Большого орфоэпического словаря русского языка» [6] – здесь значительное место занимают слова с иноязычными морфемами, относительно которых даются орфоэпические рекомендации, а также словообразовательные морфемы типа *авиа...*, *гетеро...*, *метео...*, *энтеро...*, активные главным образом в области специальной терминологии и содержащие те или иные производительные черты, которые требуют орфоэпической квалификации; **однотомные толковые** словари – типа «Большого толкового словаря русского языка» [7] или «Толкового словаря с включением сведений о происхождении слов» [8]; **учебные** орфографические и толковые словари, содержащие некоторый

минимум специальной терминологии, используемой в учебном процессе [9; 10] и др.

3.2. Тип словаря и характер сведений о термине.

Характер и объем лексикографической информации о термине зависит от жанра словаря: минимум информации – в словарях орфографических (только написание), орфоэпических (только произношение), этимологических (только происхождение); максимум – в отраслевых толковых словарях², в словарях иностранных слов, в больших академических толковых.

Степень подробности лексикографической информации о том или ином предмете, явлении или процессе также различна в словарях разного типа. Естественно, что максимальна она в терминологических словарях, специально предназначенных для полного описания терминов той или иной отрасли науки или техники, минимальна – в толковых словарях, адресованных обычным носителям языка, не специалистам (ср. известное обсуждение в лингвистической литературе характера определения и степени подробности, с которой надо отразить смысл терминов *ворон*, *ворона* в обычном толковом словаре, отражающем наивное представление носителя языка об этих птицах, – и в словаре зоологическом). С другой стороны, обычные толковые словари фиксируют не только собственно терминологическое значение той или иной языковой единицы, но и ее переносные смыслы, а также коннотации (ср., например, нетерминологические сочетания со словом *орбита* – *орбита славы* и т. п., *ворона*, употребляемое применительно к рассеянному или зазевавшемуся человеку, и т. п.). В толковых терминологических словарях такого рода информация отсутствует.

Различия заключаются не только в объеме лексикографической информации, но и в ее характере. В отраслевом толковом словаре термин данной отрасли регистрируется в его связях с понятийной или тематически близкими терминологическими единицами: например, в биологическом толковом словаре недостаточно дать дефиницию термина *митоз* (= непрямое деление клетки), но надо указать и определить термины, обозначающие фазы этого процесса (*анафаза*, *метафаза*, *профаза*, *телофаза*), а также соотнести термин *митоз* с терминами *амитоз* и *мейоз*, которые обозначают иные формы деления клетки. Похожая процедура связывания друг с другом терминов, относящихся к одной терминологической группе, производится (возможно, менее последовательно) и составителями словарей иностранных слов. В обычных толковых словарях такие связи прослеживаются и эксплицируются гораздо реже – главным образом, из-за того, что и сами термины, образующие ту или иную группу, могут фиксироваться не в их совокупности, а «единично», в зависимости от их употребительности в общелитературном языке (лексику которого и описывает такой словарь). Например, в «Толковом словаре» [8] зафиксирован и истолкован

² Этот жанр словарей можно причислить к лингвистическим весьма условно: в них преобладает информация энциклопедического характера, а сведения о собственно языковых свойствах термина минимальны.

достаточно употребительный медицинский термин *гайморит*, а термин *фронтит*, относящийся к той же тематической группе, как более специальный и менее употребительный в общелитературном языке, в этом словаре отсутствует.

Тип словаря накладывает ограничения и на отражение в словаре разновидностей того или иного объекта или процесса, обозначаемого данным термином. Как правило, в отраслевых толковых словарях такого рода информация обязательна: ср., например, сведения о разновидностях *микросхем* в «Толковом словаре по радиоэлектронике» [11]; в обычных толковых словарях такого рода энциклопедические сведения факультативны или отсутствуют совсем.

4. Таким образом, лексикографический статус термина подвижен: он зависит от ряда факторов, среди которых – требования к составлению словариков различных словарей и к видам информации о термине в разных по жанру и предназначению словарях.

Список литературы

1. Русский орфографический словарь / РАН, Ин-т рус. яз.; редкол.: В. В. Лопатин (отв. ред.) [и др.]. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-Пресс, 2012. – 1017 с.
2. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. – М.: Рус. яз., 2003. – 3 т.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. – 17 т.

4. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – 4 т.

5. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем мире / РАН, Ин-т рус. яз.; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2011. – 1032 с.

6. Каленчук, М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина; РАН, Ин-т рус. яз. – М.: АСТ-Пресс, 2012. – 1021 с.

7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2002. – 1536 с.

8. Толковый словарь с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2007. – 1220 с.

9. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / РАН, Ин-т рус. яз.; редкол.: В. В. Лопатин (отв. ред.) [и др.]. – М., 2005. – 1305 с.

10. Крысин, Л. П. Учебный словарь иностранных слов: более 12 000 слов и терминов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

11. Толковый словарь по радиоэлектронике / редкол.: П. К. Горохов (отв. ред.). – М.: Рус. яз., 1993. – 246 с.

Крысин Леонид Петрович, заведующий отделом современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия).

Two problems are discussed in this report: (1) the problem of including or non-including any terms in a dictionary, (2) a character, an aspect and a degree of complete (a size) of a term's representation in various dictionaries – from orthographical to explanatory.

УДК 81'374

Л. В. Рычкова, О. С. Мицкевич

ПРЕДМЕТНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА¹

На основе анализа словарных комментариев, входящих в состав толкований лексем в общефилологических словарях белорусского языка и выступающих, при использовании в этих словарях недифференцированной пометы специальной лексики, маркерами предметной отнесенности таких лексем, выявляются те сферы и виды деятельности человека, лексика которых нашла отражение в анализируемых словарях.

К наиболее сложным проблемам теоретической лексикографии традиционно относят вопрос о критериях отбора лексических единиц для представления в словаре [1, с. 38]. Особое место в рамках этой общей проблемы занимает задача представления в общефилологическом словаре специальной лексики, которая осложняется тем, что «углубляется само понимание термина в общем употреблении» [2, с. 374]: «Лексикография должна отражать процессы, связанные с широким распространением терминов в общелитературном языке» [3, с. 269]. Следовательно, «словари общелитературного языка должны с достаточной полнотой и объективностью отразить место специальной терминологии в словарном составе языка» [3, с. 267].

Резонно предположить, что задача отбора специальной лексики, подлежащей отражению в словаре, решалась и составителями двух наиболее полных толковых словарей белорусского языка [4; 5]. Так, составители «Глума-

чальнага слоўніка беларускай мовы» (далее – ТСБМ) посчитали необходимым включить в него «навуковыя тэрміны, якія ўвайшлі ў падручнікі для агульнаадукацыйнай сярэдняй школы або часта ўжываюцца ў навукова-папулярных выданнях і ў перыядычным друку ...; словы рэлігійнага культу, вядомыя па літаратуры, спецыяльна не прывечанай пытанням рэлігіі ...; утвораныя ад уласных імён прыметнікі, што ў спалучэнні з назоўнікамі складаюць тэрміналагічныя або фразеалагічныя выразы» [5, т. 1, с. 7–8]. Составители «Глума-чальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» (далее – ТСБЛМ) при характеристике своего реестра делают упор на те разряды лексики, которые не вошли в него: «У рээстр новага глума-чальнага слоўніка не ўвайшлі ... многія спецыяльныя і вузкаспецыяльныя словы» [4, с. 3]; «У адпаведнасці з задачамі Слоўніка ў ім, як правіла, не падаюцца: 1) спецыяльныя словы і значэнні, што з'яўляюцца вузкапрафесійнымі тэрмінамі асобнай галіны навукі і тэхнікі, якія неабходны толькі для вузкага кола прадстаўнікоў той ці іншай спецыяльнасці; выключэнне складаюць тыя выпадкі, калі вузкаспецыяльны тэрмін у сваім значэнні цесна

¹ Выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г11Р-030 от 15.04.2011 г.).

звязаны з іншымі значэннямі гэтага слова і дапамагае ўясніць яго сэнсавую будову ў цэлым» [4, с. 5]. Подчеркивая принцип системности в подаче словарного материала, составители ТСБЛМ обращают внимание на возможную омонимию общелитературных и специальных лексем и считают необходимым отразить ее в словаре: «іншы раз у Слоўнік уключаецца спецыяльнае слова тады, калі яно з'яўляецца амонімам у адносінах да агульналітаратурнага слова і проціпастаўляецца яму з мэтай пазбегнуць няправільнага разумення тэрміна» [4, с. 5]. Отметим, что те «спецыяльныя тэрміны», которые вошли в ТСБЛМ, приводятся в нем «без ілюстрацыі» [4, с. 4].

Для отражения стилистических характеристик отдельных разрядов лексических единиц составители ТСБМ и ТСБЛМ используют систему помет. В обоих словарях для обозначения специальной лексики используется недифференцированная помета *спец.* (заявленная составителями ТСБЛМ помета *праф.* ‘профессиональное’ фактически не активна): «Вузка прафесійнае ўжыванне слова, ператварэнне нейтральнага ці якога іншага слова ў тэрмін у нейкім адным вузкім значэнні пазначаецца паметай *спец.* (спецыяльнае)» [5, т. 1, с. 10]; «Помета (*спец.*), г. зн. спецыяльнае, ёю абазначаецца прыналежнасць слова да пэўнага кола прафесійнага (тэхнічнага, навуковага і пад.) ужывання» [4, с. 6]. Несмотря на то, что многие лексемы приводятся одновременно обоими проанализированными словарями, помета *спец.* используется в них по-разному, наблюдаются также случаи отличий в использовании пометы при исходной лексеме и при производных от нее словах. Помета *спец.* может занимать разное место в словарной статье. Чаще всего она подается при заглавном слове, т. е. относится ко всей словарной статье. В более чем 41 % случаев такие статьи не отражают полисемию, то есть представленные в них слова имеют только одно значение.

Вместо пометы *спец.* составители обоих словарей предусматривают использование указаний на сферу употребления терминов непосредственно в их дефинициях: «Без паметы *спец.* падаюцца словы-тэрміны, якія ў складзе дэфініцыі маюць указанне на канкрэтную сферу іх ужывання» [5, т. 1, с. 10]; «Сфера ўжывання, якая адначасова служыць і ўдакладненню значэння слова, вызначаецца таксама змяшчэннем перад тлумачэннем рознага роду паяснення» [4, с. 6]. Поскольку перечни подобных комментариев составители словарей не дают, то выявить случаи их использования помогла специально созданная на материале ТСБМ и ТСБЛМ лингвистическая база данных (далее – ЛБД), в которой нашли отражение как все лексемы с пометой *спец.*, так и те термины, толкования которых содержат прямые указания на сферу употребления (в ТСБЛМ использовано более 220 различных видов указаний, а в ТСБМ – более 310).

Как и помета *спец.*, указания на сферу употребления могут находиться не только при заглавном слове статьи, но и при любом ЛСВ в толковании (по данным ЛБД – от первого до девятого в обоих словарях); при любом оттенке значения в разных ЛСВ (в ТСБМ – от первого до третьего; в ТСБЛМ –

лишь в 0,2 % случаев исключительно при первом оттенке значения первого ЛСВ); в зоне фразеологии и терминологии.

Дифференциация указаний по сферам употребления, проведенная с использованием основных делений УДК, позволила выделить области, идентифицированные / не идентифицированные в толковых словарях белорусского языка. Так, например, в них не идентифицированы такие предметные области, обозначенные в Основных таблицах УДК [6], как 003 «Системы письма и письменности. Знаки и символы. Семиотика в целом. Коды. Графическое представление мысли»; 005 «Управление. Менеджмент»; 006 «Стандартизация продукции, процессов, мер, весов и времени. Стандарты. Технические требования. Нормы и правила. Рекомендации»; 007 «Деятельность и организация. Общая теория связи и управления (кибернетика)»; 008 «Цивилизация. Культура. Прогресс»; 66 «Химическая технология. Химическая промышленность. Родственные отрасли». Несмотря на то, что общий раздел 2 «Религия. Богословие» представлен пятью вариантами указаний (‘у некоторых религиях’, ‘у рэлігійна-містычных уяўленнях’, ‘у рэлігійным вучэнні’, ‘у рэлігійных уяўленнях’, ‘у рэлігіі’), в словарях не идентифицирован ряд религий, таких как: 22 «Религии Дальнего Востока»; 23 «Религии индийского субконтинента. Индуистская религия в широком смысле»; 24 «Буддизм»; 29 «Современные духовные течения». В то же время такие области, как 25 «Религии античности. Второстепенные культы» и 27 «Христианство», представлены достаточно хорошо. Так, в рамках сферы «Христианство», помимо общих указаний (варианты: ‘у хрысціянстве’, ‘у хрысціянскай рэлігіі’, ‘у хрысціянскай царкве’, ‘у хрысціянскім кулце’), употребляются и более-менее конкретные (‘у праваслаўнай і каталіцкай царкве’, ‘у каталіцкай і англіканскай царкве’ / ‘у каталіцкай і англіканскай царквах’ – оба варианта встречаются в ТСБМ; ‘у каталіцкай і некаторых пратэстанцкіх царквах’ – встречается в ТСБЛМ; ‘у праваслаўі’, ‘у праваслаўнай царкве’, ‘у каталіцкай царкве’, ‘у пратэстанцкай царкве’). Области 21 «Доисторические и примитивные религии», 26 «Иудаизм», 28 «Ислам» представлены небольшим количеством видов указаний. Так, указания на сферу употребления ‘у старажытных рэлігіях’ і ‘у іўдзейскай рэлігіі’ встретились по одному разу в ТСБЛМ, а указание ‘у рэлігійным уяўленні мусульман’ – один раз в ТСБМ.

Достаточно хорошо представлены такие предметные области и сферы деятельности, как 82 «Литература. Литературоведение» (32 вида указаний); 81 «Языкознание и лингвистика. Языки» (26 видов указаний, среди них – наиболее частотное в ТСБЛМ и второе по частотности в ТСБМ указание ‘у граматыцы’); 68 «Отрасли промышленности и ремесла для изготовления и обработки различных изделий» (20 видов указаний); 14 «Философские системы и концепции» (19 видов указаний); 62 «Инженерное дело. Техника в целом» (19 видов указаний); 69 «Строительство. Строительные материалы. Строительно-монтажные работы» (11 видов указаний); 78 «Музыка»

(10 видов указаний). Девятью видами указаний представлены области 33 «Экономика. Народное хозяйство. Экономические науки», 34 «Право. Юридические науки», 63 «Сельское хозяйство. Лесное хозяйство. Рыбное хозяйство»; восемью – 35 «Государственное административное управление. Военное дело», 59 «Зоология»; семью – 31 «Демография. Социология. Статистика», 51 «Математика» (среди комментариев, отражающих данную область, находим наиболее частотное в ТСБМ и второе по частотности в ТСБЛМ указание 'у математичы'), 74 «Рисование и черчение. Дизайн. Декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы». От шести до четырех видов указаний связаны с такими областями, как 57 «Биологические науки в целом» (6 видов указаний); 61 «Медицинские науки» (5 видов указаний); 72 «Архитектура» (5 видов указаний); 32 «Политика» (5 видов указаний); 77 «Фотография и подобные процессы» (5 видов указаний); 53 «Физика» (4 вида указаний); 75 «Живопись» (4 вида указаний); 55 «Науки о земле. Геологические науки» (4 вида указаний); 52 «Астрономия. Астрофизика. Исследование космического пространства» (4 вида указаний); 16 «Логика. Эпистемология. Теория познания. Методология и логика науки» (4 вида указаний).

Тремя или менее видами указаний представлены следующие сферы: 001 «Наука и знание в целом. Организация умственного труда»; 002 «Документация. Научно-техническая информация. Печать в целом. Авторство»; 004 «Информационные технологии. Вычислительная техника. Обработка данных»; 02 «Библиотечное дело. Библиотечное дело»; 159.9 «Психология»; 36 «Обеспечение духовных и материальных жизненных потребностей. Социальное обеспечение. Социальная помощь. Обеспечение жильем. Страхование»; 37 «Воспитание. Обучение. Образование»; 39 «Этнография. Обычаи. Нравы. Традиции. Образ жизни. Фольклор»; 502/504 «Природа. Охрана природных ресурсов. Угрозы окружающей среде и защита от них»; 54 «Химия. Кристаллография. Минералогия»; 58 «Ботаника»; 64 «Домашнее хозяйство. Домоводство. Коммунально-бытовое хозяйство»; 65 «Управление предприятиями. Организация производства, торговли и транспорта»; 67 «Различные отрасли промышленности и ремесла для изготовления и обработки различных изделий»; 73 «Пластические искусства»; 902/908 «Археология. Предыстория. Культурные останки. Краеведение»; 91 «География. Географические исследования земли и отдельных стран. Путешествия. Региональная география»; 93/94 «История».

Наибольшим разнообразием отличаются комментарии к специальной лексике, которую можно отнести к разделу 79 «Развлечения. Зрелища. Игры. Спорт», – всего 63 вида указаний. Среди этих указаний много вариантных: 'у бильярде' / 'у бильярдной гульні'; 'у картачнай гульні' / 'у картачных гульнях' / 'у некоторых картачных гульнях' / 'у некоторых складанных картачных гульнях'; 'у класічным балеце' / 'у класічным танцы'; 'у шахматах' / 'у шахматах, шашках' / 'у шахматах, шашках і іні.' и другие.

Не все виды указаний позволяют соотнести специальную лексему с определенной предметной областью. Так, например, указание вида 'у математичы, фізіцы, хіміі' может быть отнесено одновременно к таким предметным областям, как 51 «Математика», 53 «Физика», 54 «Химия. Кристаллография. Минералогия»; указание вида 'у архітэктурцы, выяўленчым мастацтве, літаратурцы, музыцы і кіно' – к таким предметным областям, как 72 «Архитектура», 74 «Рисование и черчение. Дизайн. Декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы», 77 «Фотография и подобные процессы», 78 «Музыка», 82 «Литература. Литературоведение»; указание вида 'у астраноміі і геадэзіі' – к таким предметным областям, как 52 «Астрономия. Астрофизика. Исследование космического пространства», 55 «Науки о земле. Геологические науки».

Анализ комментариев, входящих в состав толкований и служащих маркерами отнесенности специальной лексики к определенной сфере употребления, позволил наглядно продемонстрировать, во-первых, фрагментарность и неоднородность «покрытия» различных областей знания и сфер употребления, нашедших отражение в толковых словарях белорусского языка, и, во-вторых, необходимость унификации такого рода комментариев на этапе создания словаря. Первое является важным при определении разрядов специальной лексики, которыми должны быть дополнены новые версии толковых словарей белорусского языка, а второе позволяет избежать многочисленных фактов существующей вариантности и нечеткости формулировок самих комментариев.

Список литературы

1. Лемщогова, В. П. Фундаментальны тлумачальны слоўнік. Базыя навуковыя параметры / В. П. Лемщогова // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 36–38.
2. Сороколетов, Ф. П. Словарь современного русского языка и его эмпирическая база / Ф. П. Сороколетов // Избранные труды. – СПб.: Наука, 2011. – С. 373–378.
3. Сороколетов, Ф. П. Терминология и лексикография / Ф. П. Сороколетов // Избранные труды. – СПб.: Наука, 2011. – С. 267–273.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Суднікі, М. Н. Крыўко. – Мінск: Бел. Энцыклапедыя, 1996. – 784 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Т. 1–5. – Мінск: Бел. Сав. Энцыклапедыя, 1977–1984.
6. Вспомогательные таблицы. 0 Наука и знание. Организация. Информационные технологии. Информация. Документация. Библиотечное дело. Учреждения. Публикации // Универсальная десятичная классификация / гл. ред. акад. Ю. М. Арский; ВИНТИ РАН. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2011. – Т. 1. – 287 с.

Рычкова Людмила Васильевна, заведующий кафедрой общего и славянского языкознания ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат филологических наук, доцент (Гродно, Беларусь).

Мицкевич Ольга Сергеевна, преподаватель-стажер кафедры общего и славянского языкознания ГрГУ им. Я. Купалы, магистр филологических наук (Гродно, Беларусь).

As existing general explanatory dictionaries of Belarusian language use a single undifferentiated marker for special lexis, the subject-oriented comments given in the lexicographic explanations have been considered to identify the areas of human activities that are reflected in the dictionaries.

УДК 81'374

Л. В. Рычкова, И. А. Чепикова

СПЕЦИФИКА ТОЛКОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ И ТОЛКОВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА¹

На основе анализа толкований специальной лексики, представленной в общефилологических словарях белорусского языка, в сравнении с дефинированием этой же лексики в терминологических толковых словарях выявляется специфика представления плана содержания подобной лексики с учетом глубины описания значения.

Введенное Л. В. Щербой в лексикографическую практику противопоставление «энциклопедический словарь – общий словарь» [1, с. 278] сегодня не рассматривается как безусловное, поскольку «в современном словарном деле» распространено «стремление дать в одном словарном описании максимально полное представление и о слове, и о реалии, обозначаемой этим словом» [2, с. 113]. К тому же, как отмечает М. Н. Правдин, при сравнении словарных статей энциклопедического и лингвистического словарей «тотчас же бросается в глаза, что четкого представления об отличии семантического толкования от понятийного определения все же нет. Элементы обычного понятийного определения (через род и видовое отличие), как правило, но далеко не регулярно появляются при толковании значений слов в любом толковом словаре» [3, с. 4–5]. Тем не менее, следует помнить, что «энциклопедические словари ... не имеют установки на лингвистическое единство своего словника» [1, с. 268], и их ценность для целей общефилологической лексикографии и толковой терминологии различна. Так, по мнению А. С. Герда, «в терминологический словарь должны быть включены все термины данной отрасли», представленные в общих энциклопедиях и «в отраслевых энциклопедических словарях», а «работа по семантизации термина в терминологическом словаре обязательно предполагает ряд источников энциклопедического типа, которые должны помочь авторам в определении и толковании терминов» [4, с. 137]. Что касается общефилологических словарей, то здесь традиционно пытаются предотвратить «стремление к неоправданному энциклопедизму в толковании терминов», поскольку, как справедливо отмечает Ф. П. Сороколетов, «задача филологического словаря – истолковать значение термина, но не описать понятие, которое этим термином выражается» [5, с. 179].

Действительно, при отборе специальной лексики для реестра толкового общефилологического словаря действует принцип консубстанциональности, то есть в словарь включают только «ту часть специальной терминологии, которая, входя в состав отдельной терминологической системы, является вместе с тем частью системы общелитературного языка» [6, с. 184–185]. Следовательно, резонно предположить, что такие лексемы в толковых общефилологических словарях должны получать несколько иные толкования, чем их дефинирование в специальных отрас-

левых терминологических словарях. Такие отличия обусловлены объективно. Вот что по этому поводу пишет Л. Л. Кутина: «Различие ... между терминологическими словарями и общелитературными в определении терминов возникает в связи с требованием «определения в системе». Общие словари включают, как правило, лишь фрагменты терминологических систем...»; «Противопоставление общелитературных словарей терминологическим при общем подходе к сущности дефиниции термина (отбор признаков необходимых и достаточных, определение в системе) связано с обязательностью для первых элементов словарной аппроксимации» [7, с. 23, 24]. Словарная аппроксимация понимается как система приемов, направленных на обработку научных определений терминов, чтобы «облегчить их понимание для читателя-неспециалиста» [7, с. 24].

Проблеме словарного толкования посвящено множество работ. Среди основных требований, предъявляемых к толкованиям, безусловно, следует назвать неавтологичность, необходимость и достаточность, ступенчатость, эксплицитность [8, с. 95]. Словарное толкование играет особую роль в лексикографии: именно посредством толкований решается основная задача общефилологического толкового словаря – раскрыть системные связи слов. Примерно та же задача стоит и перед терминографами. Как уже отмечалось выше, отличие дефиниции термина в отраслевом специальном словаре от его же лексикографического толкования лежит в сфере системности: терминологический словарь, дефинируя специальную лексему, отражает ее место не в системе языка в целом, а в конкретной отраслевой / межотраслевой терминосистеме (полисемичные термины могут по-разному дефинироваться в различных отраслевых специальных словарях). Следует отметить, что как в лингвистической литературе, так и в общефилологических словарях термины *толкование* и *дефиниция* часто употребляются как абсолютные эквиваленты и используются по отношению ко всем словарным единицам. Способы определения терминов в лексикографии, соответственно, «рассматриваются в ряду типов определений, принятых в системе описания толкового словаря» [9, с. 46].

Словарная дефиниция (толкование) может быть логической (значение слова определяется через ближайший род и видовое отличие обозначаемого предмета), предметной (например, через часть от целого), лингвистической (через синонимы, словообразовательные формулы и т. п.) [10, с. 463]. Среди «лингвистических» толкований чаще всего называются описательный, синонимический и

¹ Выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г11Р-030 от 15.04.2011 г.).

этимологический способы [11, с. 102], упоминаются также словообразовательные / деривационные с подклассами, антонимические, релятивно-синтагматические типы собственно лингвистических определений [9, с. 46–47]. Помимо них, особый интерес для толкования терминов представляет «идентифицирующий тип определений», когда «операция определения переключается с логической процедуры подведения под более общий класс на лингвистическую процедуру идентификации по смысловому компоненту» [9, с. 49]. Говоря о способах раскрытия значения слова в толковом словаре современного белорусского языка [12], Б. А. Плотников и Л. А. Антонюк выделяют следующие способы семантизации: описательные конструкции, синонимы, гиперонимы, гипонимы, антонимы, ссылки на другое реестровое слово, характеристику цели соответствующей реалии, ее предназначение, описание типичного действия или свойства, качества реалии [13, с. 454].

Рассмотрим способы дефинирования специальной лексики в двух основных общефилологических толковых словарях белорусского языка («Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» – ТСБМ [12] и «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» – ТСБЛМ [14]). Составители ТСБМ, перечисляя в предисловии принятые в словаре типы дефиниций, называют их «разного типа логическими определениями» и отмечают, что «каждый разряд слов имеет свой тип дефиниций»: 1) «дэфініцыя, у якой каратка фармулюецца рэальнае значэнне слова»; 2) «дэфініцыя, якая раскрывае не толькі сэнс словаўтваральнай асновы, але і значэнне афіксаў»; 3) «дэфініцыя, дзе на першы план вылучаецца значэнне словаўтваральнага афікса, які затым звязваецца з рэальнай асновай»; 4) «дэфініцыя, якая складаецца з сінанімічнага раду»; 5) «дэфініцыя, у якой падкрэсліваецца толькі сэнсавая тоеснасць рэестравага слова з іншым словам, граматычная ж і стылістычная характарыстыкі могуць быць розныя»; 6) «дэфініцыя, у якой не раскрываецца сэнс слова, а адзначаецца граматычная сувязь яго з тым словам, якому апошняе адпавядае па свайму значэнню» [12, т. 1, с. 11]. Следовательно, из всего

многообразия типов толкований составители ТСБМ избрали лишь описательный, деривационный (в двух разновидностях), синонимичный, отсылочный. Отметим, что составители ТСБЛМ в предисловии к словарю вовсе не называют типов использованных ими дефиниций, но отмечают, что в «слоўніку значэнне слова раскрываецца ў кароткай дэфініцыі, дастатковай для разумення самога слова і яго ўжывання»; «многія значэнні слова і адценні значэнняў аб'ядноўваюцца ў адно дзякуючы больш шырокаму тлумачэнню, азначэнню»; «у словах, аднолькавых або блізкіх па значэнні, асноўнае тлумачэнне даецца звычайна пры найбольш ужывальным слове ў мове ці пры найбольш істотным слове ў тых або іншых адносінах сярод блізкіх па сэнсе слоў. У астатніх словах такога рада, калі няма дадатковых адценняў, замест тлумачэння даецца толькі тое слова, пры якім маецца тлумачэнне, з указаннем “тое, што і ...”» [14, с. 6], из чего можно сделать вывод о том, что в ТСБЛМ используются описательный и отсылочный способы толкования.

Несмотря на достаточно высокую степень разработанности проблемы определения терминов в российской терминографии (здесь достаточно упомянуть лишь фундаментальную монографию С. Д. Шелова [15]), авторы / составители белорусскоязычных толковых отраслевых терминологических словарей, к сожалению, не считают нужным и вовсе упоминать используемые ими способы дефинирования специальных лексем. Отметим, что С. Д. Шелов выделяет и подробно характеризует, приводя многочисленные примеры, следующие виды терминологических определений: родовидовые (или классифицирующие); перечислительные; контекстуальные; операциональные, общие и неспецифические; мономорфные («семантически жесткие») и полиморфные («семантически мягкие», не вполне строгие, допускающие различную интерпретацию) дефиниции [15, с. 37–77].

Рассмотрим толкования произвольно выбранных примеров лексем, представленных в общефилологических толковых и отраслевых терминологических словарях белорусского языка. Для наглядности используем таблицу.

Таблица 1 – Определение специальных лексем в толковых и терминологических словарях

Слово	Толковые словари	Терминологические словари
дынаміка	1. Раздел механікі , які вивучае рух цел, выкліканы ўздзеяннем на іх знешніх сіл. 2. Стан руху, ход развіцця, змянення чаго-н. // перан. Рух, дзеянне. 3. У музыцы – сіла гучання [12, т. 2]. 1. Раздел механікі , які вивучае законы руху цел у залежнасці ад сіл, што дзейнічаюць на іх. 2. Ход развіцця якой-н. з'явы (кніжн.). 3. Рух, дзеянне, развіццё (кніжн.) [14].	Сукупнасць з'яў, звязаных з сілай гучання [16]. Раздел механікі , у якім вивучаецца рух механічнай сістэмы пад дзеяннем сіл [17]. Развіццё, змяненне той ці іншай з'явы пад уплывам разнастайных абставін; супрацьпастаўляецца стану адноснай раўнавагі, застою і адсутнасці пазітыўнага паступальнага руху [18].
ландшафт	1. Агульны выгляд мясцовасці; пейзаж. 2. Вясквы краявід на малюнку, карціне . 3. стэц. Сукупнасць тыповых прыкмет якой-н. мясцовасці [12]. 1. Агульны выгляд мясцовасці; пейзаж. 2. Сукупнасць тыповых прыкмет якой-н. мясцовасці [14].	Аднародная па свайму паходжанню тэрыторыя, якая валодае адзіным геалагічным фундаментам і не дзеліцца па занальных адзнаках. Мае аднатыпны рэльеф, клімат, пэўнае спалучэнне гідратэрмічных умоў. Асноўная адзінка геаграфічнага раяніравання [19].

Продолжение таблицы 1

Слово	Толковые словари	Терминологические словари
<i>магнітасфера</i>	Магнітнае акружэнне Зямлі або якой-н. другой планеты [12, т. 3].	Магнітнае поле Зямлі, якое распасціраецца на 70-80 тыс. км у напрамку да Сонца і на многія мільёны кіламетраў у супрацьлеглым напрамку [19]. Вобласць каляязной прасторы, фізічныя ўласцівасці якой вызначаюцца магнітным полем Зямлі і яго ўзаемадзеяннем з патокамі зараджаных часціц сонечнага паходжання [20].
<i>ініцыятыва</i>	1. Самастойны пачын, першы крок у якой-небудзь справе, абумоўлены ўнутраным пабуджэннем да дзеяння. // Вядучая роля ў якіх-небудзь дзеяннях. 2. Здольнасць да самастойных актыўных дзеянняў; прадпрымальнасць [12, т. 2]. 1. Пачын, унутранае імкненне да новых форм дзейнасці; прадпрымальнасць . 2. Вядучая роля ў якіх-небудзь дзеяннях [14].	1. Самастойны пачын, першы крок у якой-небудзь справе, абумоўлены ўнутраным пабуджэннем да дзеяння. Вядучая роля ў якіх-небудзь дзеяннях. 2. Здольнасць да самастойных актыўных дзеянняў; прадпрымальнасць [21].
<i>штэмпель</i>	1. Від пячаткі з выпуклым адбіткам або надпісам. // Адбітак, зроблены такой пячаткай [12, т. 5 кн. 2]. Від пячаткі з выпуклым адбіткам або надпісам, а таксама адбітак, зроблены такой пячаткай [14].	Від пячаткі з выпуклым адбіткам або надпісам. // Адбітак, зроблены такой пячаткай [21].

В таблице 1 полужирным шрифтом выделены пометы, которые в общепилологических словарях позволяют отнести лексему к ряду специальной лексики. Это пометы *спец.* и *книжн.* (известно, что помета *книжн.* используется, прежде всего, для обозначения слов «общенаучного словаря» [22, с. 32]). Выделены также части толкований, включая прямые отсылки (например, *у музыцы*), которые могут рассматриваться как маркеры принадлежности специальной лексики к определенной предметной области. Заметим, что последние, будучи уместными в общепилологическом словаре, являются излишними для отраслевых терминологических словарей (см., например, [17]), так как нарушают требование нетавтологичности толкований.

Несмотря на немногочисленность рассмотренных примеров, становятся очевидными, по меньшей мере, три фактора, характеризующие специфику отражения специальной лексики в общепилологических и толковых терминологических словарях белорусского языка: 1) не все из лексем, нашедших отражение в отраслевых терминологических словарях, сопровождаются в общепилологических словарях какими бы то ни было маркерами, позволяющими рассматривать их / их отдельные ЛСВ и / или оттенки значений как специальные; 2) состав таких лексем не совпадает в двух основных толковых словарях белорусского языка [12; 14]; 3) именно общепилологический словарь [12] становится источником отбора терминов (вместе с определениями, которые, порой, «заимствуются» без изменений) для некоторых «терминологических» словарей [21]. Вполне ожидаемыми являются отличия, обусловленные разным объемом включения в словники общепилологических и терминологических словарей составных терминов. К сожалению, следует констатировать и такой факт, когда при отсутствии в терминологическом словаре определенного однослов-

ного термина в нем подаются специальные лексемы, включающие в качестве терминологических этот термин либо производные от него. Так, при отсутствии в реестре термина *ландшафт* в [20] приведены, тем не менее, толкования таких составных и сложных терминов, как *ландшафтная сфера*, *ландшафтная здымка*, *ландшафтная даследаванні*, *ландшафтная карты*, *ландшафтазнаўства*, *ландшафтаўтвараючыя фактары*, *ландшафты-аналагі*.

Все вышеуказанное не позволяет получить достоверной картины отличий в толковании специальной лексики в разных типах словарей белорусского языка. Основное отличие, «объединяющее» «производные» от [12] словари (включая [14]), связано с отсутствием в них, как правило, указаний на оттенки значений. Как общепилологические, так и большинство терминологических словарей белорусского языка отражают полисемию лексем. Здесь основное отличие связано с характером отражаемой полисемии, которая в общепилологических словарях может носить межпредметный, а в терминологических источниках всегда носит внутрипредметный характер.

Рассмотренные общепилологические словари белорусского языка позволяют утверждать, что их составителям удалось избежать «неоправданного» энциклопедизма. Превалирующий в этих словарях описательный способ толкования специальной лексики в полной мере реализует принцип «словарной аппроксимации», сохраняя, тем не менее, научность подхода к определению сущности термина, что позволяет, при ограниченности объема белорусскоязычных специальных текстов, рассматривать эти словари (прежде всего, [12]) и в качестве источников специальной лексики белорусского языка.

В отличие от общепилологических словарей, в ряде рассмотренных оригинальных («не производных») терминологических словарей (например, [12])

от [12]) терминологических источников [18–20] представлены развернутые дефиниции, содержащие информацию энциклопедического характера. Эти дефиниции можно отнести к перечислительным полиморфным видам терминологических определений. С точки зрения соблюдения принципа системности, степени детализации описания понятия и научной конкретики выгодно отличается лишь [19]. Приводимые в нем определения терминов отражают также межпредметный характер такой науки, как экология. Ориентированный на школьников, этот словарь способен выполнять весьма важные функции: служить источником экологических знаний и способствовать формированию системы понятий в сознании пользователей.

Список литературы

1. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – С. 265–304.
2. Крысин, Л. П. Место энциклопедической информации в лингвистических словарях / Л. П. Крысин // Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – С. 113–119.
3. Правдин, М. Н. Словарное толкование, научность и здравый смысл / М. Н. Правдин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 3–16.
4. Герд, А. С. Специальные словари и их источники / А. С. Герд // Современная русская лексикография. 1981. – Л.: Наука, 1983. – С. 136–143.
5. Сороколетов, Ф. П. О втором издании Большого академического словаря / Ф. П. Сороколетов // Избранные труды. – СПб.: Наука, 2011. – С. 173–180.
6. Сороколетов, Ф. П. Специальная терминология в толковом словаре. Отбор терминов (к переизданию семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка») / Ф. П. Сороколетов // Избранные труды. – СПб.: Наука, 2011. – С. 181–189.
7. Кутина, Л. Л. Термин в филологических словарях (к антитезе: энциклопедическое – филологическое) / Л. Л. Кутина // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 19–30.
8. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические связи языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
9. Толикина, Е. Н. Термин в толковом словаре (к проблеме определения) / Е. Н. Толикина // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 45–57.
10. Гак, В. Г. Словарь / В. К. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 462–464.

11. Сучасная беларуская літаратурная мова: Лексікалогія. Фанетыка. Арфаграфія: вучэб. дапам. / М. Ц. Кавалёва, А. К. Юрэвіч, Ф. М. Янкоўскі [і інш.] – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Выш. школа, 1993. – 206 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Т. 1–5. – Мінск: Бел. Сав. Энцыклапедыя, 1977–1984. – 5 т.
13. Плотнікаў, Б. А. Беларуская мова: Лінгвістычны кампендыум / Б. А. Плотнікаў, Л. А. Антанюк. – Мінск: Інтэрпрэсэрвіс, Кніжны Дом, 2003. – 672 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск: Бел. Энцыклапедыя, 1996. – 784 с.
15. Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С. Д. Шелов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2003. – 280 с.
16. Слоўнік вакальна-хараваых тэрмінаў / І. М. Сіманюўская, У. У. Собалеў, Н. Р. Мордас. – Мінск: МДП імя А.М. Горкага, 1993. – 32 с.
17. Тэрміналагічны тлумачальны слоўнік па тэарэтычнай механіцы і тэорыі механізмаў і машын / М-ва адукац. і нав. РБ; БДТУ; каф. тэарэтычнай механікі; склад. В. П. Бадзееў, Г. С. Бокун, М. А. Долбін; нав. рэд. М. І. Фёдарав. – Мінск, 1995. – 54 с.
18. Шынкароў, В. В. Беларускі палітычны слоўнік / В. В. Шынкароў, С. П. Раманава. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2011. – 576 с.
19. Экалагічны слоўнік = Экологический словарь: Кніга для вучняў / Н. М. Кручкова, Ю. С. Патаенка, Л. В. Камлюк [і інш.]; пад рэд. Н. М. Кручковай. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 224 с.
20. Андрыеўская, З. А. Руска-беларускі фізіка-геаграфічны слоўнік / З. А. Андрыеўская, І. П. Галай. – Мінск: Нар. асвета, 1994. – 368 с.
21. Каўрус, А. А. Дакумент па-беларуску: Справаводства. Бухгалтэрыя. Рыначная эканоміка / А. А. Каўрус. – Мінск: Беларусь, 1994. – С. 64–108.
22. Флекенштейн, К. И. Стилистически маркированная лексика в словаре и тексте / К. И. Флекенштейн // Исследования по семантике: межвузовск. науч. сб. – Уфа: Башкирский ун-т, 1990. – С. 26–33.

Рычкова Людмила Васильевна, заведующий кафедрой общего и славянского языкознания ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат филологических наук, доцент (Гродно, Беларусь).

Чепикова Ирина Антоновна, доцент кафедры общего и славянского языкознания ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат филологических наук (Гродно, Беларусь).

The explanations of special lexis in Belarusian philological general dictionaries and the definitions of the same lexis in domain-oriented terminological dictionaries are compared from the point of view of the explanations and definitions types and precision of the terms' sense descriptions.

УДК 81'374 (082)

А. Э. Цумарев

ПОМЕТЫ И КОММЕНТАРИИ ПРИ ЕДИНИЦАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)¹

Рассмотрено использование в толковых словарях русского языка словарных помет, указывающих на специальную область употребления языковых единиц. В исторической перспективе рассматривается вопрос о взаимодействии помет с близкими по функции словарными комментариями, входящими в состав толкования. Предполагается, что наблюдения над лексикографической практикой позволяют усовершенствовать дальнейшее словарное описание специальной лексики.

В работах по лексикографии среди способов стилистической (функциональной) характеристики лексики, применяемых в общих толковых словарях, выделяются словарные пометы (*биол.*, *воен.*, *мат.*, *спец.* и т. д.) и комментарии (ремарки), именуемые

некоторыми лингвистами «окказиональными пометами» («В математике», «В речи военных», «В Древней Руси» и т. д.).

Анализ словарей приводит исследователей к выводу об «отсутствии единой, принятой всеми (или большинством) концепции лексикографического стилистического описания языка и необходимости дальнейшей разработки приемов и способов распре-

¹ Выполнено в рамках проекта РГНФ № 11-24-01001/Bel.

деления стилистической информации в пространстве словарной статьи» [1, с. 47].

К числу языковых единиц, нуждающихся в словарных указаниях на ограниченность их употребления, относятся единицы специальной лексики. В целях дальнейшего усовершенствования их словарного описания представляется полезным обобщить опыт ряда академических толковых словарей русского языка. В данной работе предпринята попытка кратко осветить вопрос о роли помет, а также комментариев в описании терминологической и профессиональной лексики русского языка.

Обращение к истории русской академической лексикографии показывает, что для отражения специального характера языковой единицы первоначально использовались комментарии в составе толкования. Так, ни в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. [2], ни в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» 1806–1822 гг. [3] еще не было никакой системы стилистических помет-сокращений, в том числе и указывающих на специальную сферу применения слова (словосочетания). В то же время в первом из них встречаем комментарии «Речение химич.», «В торговле...», «В карточной игре значит: ...», «В плотничной работе: ...», «У кузнецов...» и др.; во втором находим комментарии «В стихотворстве: ...», «В логике: ...», «Так называются в землеописании...» и др.

Первым толковым словарем, авторы которого предложили систему отраслевых помет (примем это название как рабочее), был «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. [4]. В нем можно обнаружить 54 отраслевые пометы, в том числе такие, без которых не обходится ни один современный толковый словарь, дающий подробную функциональную квалификацию слов (*Анат.*, *Бот.*, *Воен.*, *Геол.*, *Грам.*, *Лог.*, *Мат.*, *Техн.* и др.). Наряду с этим в Словаре 1847 г. нашла продолжение традиция использования комментариев в начале толкования, причем не только для слов, относящихся к тем областям знания, для которых в данном словаре не было предусмотрено отдельной пометы (например, слово *диплом* в значении 'всякий древний документ с государственной печатью' имеет ремарку «В археологии: ...»), или для слов, употребляемых во многих науках (например, слово *диагностика* имеет комментарий: «В минералогии, ботанике, зоологии и проч. ...»), но также и для слов, при которых, как кажется, вполне можно было дать одну из частных помет, принятых в словаре: «В геогнозии: ...», «В театре: ...», «У живописцев: ...», «В часах: ...» и др. Ср. пометы *Геогн.*, *Театр.*, *Худ.*, *Техн.* В этом словаре находим первые примеры сочетания двух помет, а также пометы с комментарием:

БРИГАДА 4) *Арт. Мор.* Часть морских артиллеристов, состоящая из восьми рот;

БУНТЬ 4) *Горн.* На соляных промыслах: бугор, складенный из добытой соли.

В «Словаре русского языка» 1891–1895 гг. под редакцией академика Я. К. Грота [5] число помет, маркирующих специальные слова и словосочетания, было увеличено более чем вдвое. Такие

новые пометы, как, например, *Воздухол.* (ср. современную помету *Авиа*), *Биол.*, *Бухгалт.*, *Жел. дор.*, *Лингв.*, *Псих.*, *Сель.-хоз.*, *Фотогр.*, *Электротехн.*, стали важной частью функциональной характеристики слов в современных словарях. Как и в предшествующих словарях, кроме помет Я. К. Гротом были использованы комментарии в составе толкования: «В армии: ...», «... у шерстобитов», «В прядильном ремесле: ...» и др., а также сочетания помет, одновременное использование пометы и комментария:

Вагенмейстер *Воен. Стар.* Чинь, наблюдавший за лошадьми, упряжью...;

Атрибу́ть 3. *Грам.* В синтаксисе: определительное слово...

Практика использования в толковом словаре наряду с отраслевыми пометами и комментариев перешла из словарного дела XVIII–XIX вв. и в лексикографию XX в. Одним из лучших толковых словарей XX в. стал академический Словарь Евгеньевой [6]. Во втором издании этого словаря (1981–1984) был творчески обобщен двухсотлетний опыт академической лексикографии.

Информация о специальном характере словарной единицы в анализируемом словаре эксплицитно может указываться с помощью: 1) пометы, 2) сочетания помет, 3) комментария, 4) сочетания пометы и комментария.

Для функциональной характеристики научных терминов в Словаре Евгеньевой используется 70 отраслевых помет. Помета может характеризовать: слово (в его единственном значении или, в случае полисемии, все значения слова – с возможными оттенками), одно из значений слова (у которого может быть оттенок, на который распространяется действие пометы), оттенок значения (отдельно от основного значения, которое имеет свою помету), грамматические, акцентные и фонематические варианты слова, составную часть слова, устойчивое терминологическое сочетание. Например:

ДЕЛИМОЕ *Мат.* Число или величина, подвергаемое делению;

СТАЦИЯ *Спец.* 1. Место обитания совокупности особей одного вида. *Степи и солончаки* — станции суслика. || Место обитания, используемое животным или данным видом животных в ограниченный период или для выполнения определенной функции. *Стации размножения*. 2. Участок суши с определенным климатом, почвами, растительным и животным миром. *Стации умеренного пояса*;

КУЛИСНЫЙ З. С.-х. Прил. к кулиса (в 3 знач.). *Кулисные посева*. || Предназначенный для кулис. *Кулисные растения*;

ЩЕЛЬ Узкое продолговатое отверстие, скважина. || *Анат.* Узкая полость в организме. *Голосовая щель*. || *Тех.* Узкое отверстие (в машине, механизме и т. п.), имеющее определенное назначение. *Смотровая щель танка*. || *Воен.* Укрытие от осколков снарядов, бомб в виде траншеи, окопа;

ПЕРГАМЕНТ и (*спец.*) **ПЕРГАМЕН**;

ПЬЕЗО *Спец.* Первая составная часть сложных слов...;

... ♦ **Биквадратное уравнение** (*мат.*) – частный случай уравнения четвертой степени, решение которого сводится к решению квадратного уравнения.

Особое место среди помет, служащих для указания на специальную область применения слова, занимает многозначная помета *Спец.*: «Если слово, имеющее специальный характер, употребляется в ряде областей, а также если затруднительно определить узкую сферу его употребления (причем оно не имеет широкого распространения в литературном языке), при нем (или при его значении) ставится помета, имеющая общее значение, *спец.*, т. е. специальное слово (или значение)» [6, с. 10].

Ср. употребление «в ряде областей»:

РЕДУ́КЦИЯ 1. *Спец.* Переход, сведение сложного к простому (общенаучный термин);

МУТАГЕ́Н *Спец.* Физический, химический и биологический факторы, вызывающие мутацию (во 2 знач.) (термин нескольких смежных наук);

ШТО́РКА 2. *Спец.* То, чем закрывают, задвигают что-л. (метафорическое обозначение детали различных предметов).

Что касается случаев, когда «затруднительно определить» сферу употребления слова, то, как показывает анализ, помета *Спец.* используется, даже если сфера применения слова хорошо известна и вполне узка:

ПОДБО́РДНИК *Спец.* 1. Часть конской узды, ремень, натягиваемый под мордой лошади.

Когда, характеризуя слово с функциональной стороны, нельзя ограничиться одной пометой, используется то или иное сочетание помет. Обычно это сочетание двух отраслевых помет, отражающее употребление слова в смежных научных дисциплинах:

АБСО́РБЦИЯ *Физ., хим.* Поглощение, всасывание.

В редких случаях встречается сочетание отраслевой пометы с пометой, указывающей на:

1) устарелый характер данного слова:

ВОКА́ЛИЗ и (*устар.*) **ВОКА́ЛИЗА** *Муз.* Упражнение или этюд для голоса, не имеющий текста и исполняемый на одних гласных звуках;

2) наличие оценочной семантики:

РЕКОРДИ́ЗМ *Спорт. неодобр.* Излишнее стремление к установлению рекордов, вызванное нездоровой конкуренцией, увлечение рекордами;

3) возможность параллельного употребления этого слова (как считают авторы словаря) в разговорной речи, просторечии, диалекте:

ПРИГА́Р 2. *Тех. и разг.* То, что пригорело, пристало к поверхности чего-л. (при варке, жаренье, плавке и т. п.). *Отбить пригар со стенок котла. Получить отливку с пригаром;*

ЗО́РИТЬ *Прост. и с.-х.* Доводить до состояния зрелости на солнце, в тепле и т. п. ягоды, плоды, сорванные незрелыми;

СТОЖА́Р 1. *Обл. и спец.* Шест, втыкаемый в землю в середину стога для устойчивости;

4) бытование в устной профессиональной речи:

МА́СЛО 2. ... || *Иск. разг.* О картине (картинах), написанной масляными красками.

Комментарий как способ приурочивания языковой единицы к специальной области применения может занимать различное место в составе толкования; ср.:

ФУКС В бильярдной игре: случайно выигранный шар;

КИКС Неудачный удар кием по шару в бильярдной игре.

Очевидно, что в таких случаях желательно единообразие.

Как показывают материалы выборки, комментарии используются в разных случаях. Назовем некоторые из них.

1. В Словаре имеется необходимая частная помета, но при этом ощущается потребность в более точном обозначении области бытования термина:

БО́ЧКА 3. В древнерусской архитектуре: крыша, имеющая форму полуцилиндра с повышенным и заостренным верхом. Ср. с пометой *Архит.*

Такое употребление комментария представляется целесообразным, однако в Словаре непоследовательно решается вопрос об одновременном использовании в подобных случаях также пометы (см. ниже пример со словом *корнер*).

2. Для конкретной области нет частной пометы, но при этом точное обозначение сферы функционирования слова не представляет труда и осуществляется именно с помощью комментария:

АНТРА́ША В классическом балетном танце: легкий прыжок вверх, во время которого ноги танцора быстро скрещиваются в воздухе, касаясь друг друга.

(В Словаре имеются пометы *Архит.*, *Лит.*, *Муз.*; помета *Иск.* относится к скульптуре, живописи, графике. Для искусства танца самостоятельной пометы в Словаре не заведено.);

ТАЧА́ТЬ В сапожном и портновском деле: шить сквозной строчкой².

3. Все значения слова обозначены общей пометой, но при каком-либо значении возможно уточнение:

СО́РТИМЕНТ *Спец.* 1. То же, что сортамент (употребляется преимущественно в лесной, лесохозяйственной и деревообрабатывающей промышленности);

ШПУ́НТ¹ *Спец.* 1. ... 2. ... 3. В виноделии: специальная пробка, которой закрывают еще не перебродившее вино. *Гидравлический шпунт.*

4. Языковая единица не имеет собственно терминологического характера (является профессионализмом или профессиональным жаргонизмом):

БОЛВА́НКА 2. В различных ремеслах и производствах: кусок железа, дерева и т. п., представляющий собой заготовку для какого-л. изделия;

ФИ́ТИЛЬ 4. В морском обиходе: выговор, нагоняй.

Следует отметить, что в Словаре Евгеньевой не было пометы *Проф.* и профессионализмы снабжались различными пометами, в том числе пометой *Спец.*: *Спец.* (*шкурка 2* 'бумага или ткань с нанесенным на нее слоем абразивного материала, применяемая для зачистки и полирования различных изделий'), *Прост.* (*баранка 2* 'рулевое колесо автомобиля'), сочетаниями помет: *Спец.* и *разг.* (*ездка 1* 'поездка (автомобильная, гужевая и т. п.) с целью доставки груза, пассажиров'), *Театр. разг.* (*нутро 5* 'интуиция, обостренное внутреннее чувство в восприятии, понимании чего-л. (в отличие от логического, рассудочного анализа)') и др. Очевидно, что к единицам, маркированным пометой *Спец.*, необходим дифференцированный подход с целью уточнения их квалификации как

² Ср. в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: **ТАЧА́ТЬ** (сапож., порт.). Шить сквозной строчкой [7, т. 4, стб. 659].

терминов, профессионализмов или профессиональных жаргонизмов.

При рассмотрении вопроса о взаимоотношении помет и комментариев интересно пронаблюдать «свертывание» хронологического комментария в помету (*Ист.*) в паре производящее – производное, например:

ХОЛОП 1. В древней Руси: лицо, находившееся в зависимости по форме близкой к рабству. **2.** *Устар.* Крепостной слуга; **ХОЛОПСТВО 1.** *Ист. и устар.* Состояние холопа (в 1 и 2 знач.).

Ср. схожее наблюдение в [8, с. 206–207].

В некоторых случаях (без должной последовательности) одновременно используется помета и комментарий:

КОРНЕР *Спорт.* Штрафной угловой удар в футбольной игре (помета *Спорт.* и комментарий «в футбольной игре»).

Однако в примере ниже дан только комментарий «в футболе»:

... ♦ **Свободный удар** — в футболе: удар, во время которого противник не имеет права нападать

Обобщая частные наблюдения, можно сделать следующие выводы.

В русской толковой лексикографии на протяжении XVIII–XX вв. происходило постепенное формирование способов квалификации специальной лексики с точки зрения особенностей ее употребления. В описании специальной лексики используются частные словарные пометы и общая помета *Спец.*, сочетания помет, комментарии, а также сочетания пометы и комментария. В целом этот арсенал средств можно считать вполне эффективным, однако в его использовании нельзя

не отметить ряд недостатков. Представляется, что начатые наблюдения над лексикографическим узусом позволят в будущем усовершенствовать приемы описания специальной лексики в общих толковых словарях русского языка.

Список литературы

1. Емельянова, О. Н. Стилистические пометы в толковых словарях / О. Н. Емельянова // Русская речь. – 2002. – № 5. – С. 45–47.
2. Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб., 1789–1794. – 6 ч.
3. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. – СПб.: Императорская Академия наук, 1806–1822. – 6 ч.
4. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб.: Императорская Академия наук, 1847. – 4 т.
5. Словарь русского языка / под ред. Я. К. Грота. – СПб.: Императорская Академия наук, 1891–1895 гг. – Вып. 1 (А–Д).
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940. – 4 т.
8. Беркович, Т. Л. Содержание и функции помет для терминологической лексики в общих словарях разных типов / Т. Л. Беркович // Словарные категории. – М.: Наука, 1988. – С. 206–210.

Цумарев Алексей Эдуардович, научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, кандидат филологических наук (Москва, Россия).

The paper deals with the usage of dictionary labels indicating special fields of knowledge and professional activity. Different dictionary labels, their combinations and correlation between labels and similar parts of definitions (for example *In architecture, In serviceman language* etc.) are discussed on the evidence of several explanatory Russian language dictionaries, issued in XVIII–XX centuries.

УДК 81'374.3

С. Д. Шелов

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ¹

Слова специального употребления в науке, технике, производстве, спорте, искусстве, получившие достаточное распространение в общем языке, включаются в общие толковые словари русского языка с дисциплинарно-тематическими пометами типа «лингв.», «филол.», «спорт.» и т. п. или с более общей пометой «спец.». Описание этих языковых единиц в словарях представляет значительные трудности, наибольшая из которых – их толкование. В настоящем исследовании будут очерчены, как нам представляется, важнейшие вопросы толкования лексики этого типа на материале хорошо известного академического толкового «Словаря русского языка» (тт. 1–4, под редакцией А. П. Евгеньевой, 2-е изд. М., 1981–1984), так называемого Малого академического словаря русского языка (далее МАС).

Проблема толкования специальной лексики (или отдельных ее значений) в общем словаре русского языка имеет достаточно обширную библиографию, см., например, работы [1–13]. В то же время ряд вопросов, относящихся к этой проблеме, как представляется, до сих пор не имеет убедительных ответов. Среди них необходимо назвать, по крайней мере, следующие.

1. Каковы источники того перечня «отдельных областей науки, техники, искусств», которые использовал составитель? Почему в них представлены именно те области знания, которые маркированы соответствующими пометами, и отсутствуют другие, например, *машиностр.* (для машиностроения) или *станкостр.* (для станкостроения) или многие другие?

2. Каков источник толкования специальных слов (или слов в специальном значении) и какое соотношение этого толкования с теми определениями того же слова, которые предлагают терминологические словари и энциклопедиче-

¹ Выполнено в рамках поддержанного РГНФ проекта «Специальная лексика как объект описания в русских и белорусских толковых общепилологических словарях» (проект 11-24-01001a/Be1).

ские справочники? В инструктивном материале, который должен был бы дать ответ на поставленный вопрос, говорится: «Специальные (научные или технические) термины определяются на основе научно-технических словарей и справочников без указания на источники, на основе которых было составлено определение...» [4, с. 34]. Однако отсутствие «указаний на источники» и описания процедур и правил, которые могут применяться к тем или иным дефинициям, имеющимся в этих источниках, приводит к значительному числу неясностей и весьма спорных формулировок толкований специальных слов и словосочетаний терминологического и профессионального характера в общих словарях русского языка.

Для того, чтобы показать, в какой степени актуальны эти вопросы, обратимся к некоторым словарным толкованиям из МАСа, которые представляются сомнительными или неверными.

КВАДРАТУРА КРУГА (*Мат.*) Неразрешимая задача превращения круга в равновеликий квадрат (словарная статья *квадратура*);

ЦИЛИНДРИЧЕСКАЯ ПОВЕРХНОСТЬ (*Мат.*) Поверхность, образованная поступательным движением прямой линии по данной кривой линии (словарная статья *цилиндрический*);

ПРОСТОРЕЧИЕ 2. *Лингв.* Слово, грамматическая форма, оборот речи, не являющиеся нормой литературного языка, но употребляющиеся в обиходной речи;

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ 2. *Лингв.* Слово или оборот речи, свойственные людям какой-л. профессии, характерные для них.

В самом деле, **квадратура круга** – это задача о нахождении квадрата, равновеликого по площади данному кругу, но не «превращения круга в равновеликий квадрат»; кроме того, это задача неразрешима при одних ограничениях (при использовании только циркуля и линейки) и разрешима, если использовать и другие средства. Аналогично **цилиндрическая поверхность** – это далеко не любая «поверхность, образованная поступательным движением прямой линии по данной кривой линии» (например, по синусоиде); под сформулированное выше определение **просторечия** вполне подойдет какой-нибудь жаргонизм (который единицей просторечия отнюдь не является), а в формулировке определения **профессионализма** как минимум отсутствуют ссылки на то, что это слово или оборот речи свойственны только (!) людям данной профессии, что профессионализмы не соответствуют ни литературной, ни профессиональной норме языка и т. п. Заметим, что в данном случае возможна несложная корректировка толкования, которая, как представляется, сделает его и общедоступным, и более адекватным по отношению к определяемым понятиям, например:

ЦИЛИНДРИЧЕСКАЯ ПОВЕРХНОСТЬ (*Мат.*) Поверхность, образованная поступательным движением прямой линии вокруг другой прямой линии, при котором первая прямая остается все время параллельна сама себе;

или:

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ 2. *Лингв.* Слово или оборот речи, свойственные только людям какой-л. профессии, нарушающие в той или иной степени литературную или

профессиональную норму общения, но используемые в устной речи.

В других случаях вопрос об адекватности определения и его общедоступности не столь прост и требует специальной проработки. Так, следующее толкование МАСа является и избыточным, и неадекватным:

АГГЛЮТИНАЦИЯ 2. *Лингв.* Явление, характеризующее грамматический строй целого ряда языков (тюркских, монгольских, финно-угорских и др.) и заключающееся в том, что грамматические отношения (падеж, число и т. д.) обозначаются посредством специальных приставок или частиц (каждая из которых имеет самостоятельное и постоянное значение), присоединяемых к корню или к неизменяемой основе слова.

Во-первых, содержащееся в нем указание на то, что это явление «характеризует грамматический строй целого ряда языков (тюркских, монгольских, финно-угорских и др.)», является энциклопедическим и не относится к сути понятия. Во-вторых, упоминание частицы здесь излишне. В-третьих, здесь пропущен важный признак агглютинации, заключающийся в том, что при агглютинации одна морфема выражает ровно одно грамматическое значение. В то же время корректировка данного определения таким образом, чтобы оно оставалось и общепонятным и адекватным определяемому понятию, здесь весьма затруднительна и требует отдельного обсуждения². В этой связи поставленный вопрос об источниках толкований и, в случае необходимости, процедуре их изменений и корректировки представляется особенно актуальным.

Поставленный выше принципиальный вопрос имеет несколько более частных аспектов, из которых упомянем следующий: **должны ли толкования специальной лексики терминологического или профессионального характера полностью подчиняться требованиям, предъявляемым к определению термина, как они сформулированы в логике и в терминоведении** [12; 13]? В частности, допустимы ли в толковании этой лексики неопределенные и размытые по содержанию слова и выражения типа «и т. п.», «и т. д.», «особый (ая, ое)» «особенный (ая, ое)» и т. д., которые не рекомендуются при упорядочении, нормализации и стандартизации терминологии?

Снова обратимся к имеющимся в МАСе толкованиям, выделяя в них полужирным шрифтом интересующие нас лексические единицы.

АКАНТ и АКАНФ, -а, м. 2. *Архит.* Скульптурное украшение капители, карниза и т. д. в виде листьев этого растения.

СОФИТ, -а, м. 1. *Архит.* Обращенная книзу поверхность потолочной балки, арки, выносного карниза и т. п.

² Можно, однако, предположить, что нижеследующее толкование будет предпочтительнее:

АГГЛЮТИНАЦИЯ. Обозначение в составе слова грамматических отношений (падеж, число и т. д.) посредством специальных приставок или суффиксов, где каждая приставка и каждый суффикс стандартным образом передает единственное грамматическое значение и присоединяется к корню, к неизменяемой основе слова или к другим приставкам или суффиксам.

2. *обычно мн. ч. Спец.* Светильники рассеянного света, освещающие сцену, арену и т. д. спереди и сверху.

ОТБОЙКА, -и, *ж.* Горн. Отделение кусков полезного ископаемого от массива с помощью отбойного молотка, врубовой машины и т. д.

ПЯТНО ... Желтое пятно (*шит.*) – особенно чувствительное к свету место сетчатки глаза у выхода зрительного нерва.

КЛАУЗУЛА, -ы, *ж.* 1. Юр. Специальное условие, предусмотренное или оговоренное в договоре, завещании и т. п.

2. В риторике: заключительная часть речи, **особенно** тщательно отделанная в стилистическом и звуковом отношении.

Все выделенные фрагменты текста оставляют вопросы относительно их содержания. Так, для слова **акант** (или **аканф**) это вопрос о том, какие именно архитектурные детали, кроме капители и карниза, имеются в виду под выражением «и тому подобное (и т. п.)». Входит ли сюда, например, консоль или балкон? Аналогичный вопрос возникает и для толкования первого значения слова **софиты**, а при толковании второго значения того же слова не вполне ясно, следует ли относить к объектам, которые «освещаются светильниками рассеянного света», скажем, сцену или оркестровую яму. Такого же рода вопросы уместны и в отношении толкования единиц **желтое письмо** или **клаузула**: что, собственно, значит «особенно (!) чувствительное место сетчатки глаза» или, например, «особенно (!) тщательно отделанная часть речи»?

3. Другой вопрос касается порядка толкования нескольких значений специального слова в одной словарной статье, а именно: в каком порядке должны быть представлены различные значения специального слова и как именно этот порядок обосновывается? Уже цитированная инструкция сообщает по этому поводу, что «при наличии в слове прямого и переносного значения, на первое место всегда выдвигается прямое значение», что «если слово содержит общеупотребительное значение и специальное..., то на первое место ставится общеупотребительное значение» [4, с. 31]³. Кроме того, «в многозначных словах, которые с древней поры имели несколько значений, дальнейшее развитие новых значений могло идти одновременно по линии каждого из этих нескольких значений, образуя как бы параллельные ряды. В этом случае в словарной статье на первое место выдвигается наиболее общее значение (если оно имеется), другие значения располагаются по принципу наибольшей употребительности и распространенности в современном литературном языке» [4, с. 32]. В приведенных цитатах речь идет, по сути дела, о нескольких критериях, которые следует использовать при выборе порядка подачи

³ Здесь же, впрочем, в сноске отмечается, что «Обратное расположение (на первом месте специальное, терминологическое значение) возможно только в том случае, когда общеупотребительное значение представляет собой перенос или распространение специального значения, например:

АПОГЕЙ. 1. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от земли (спец.). 2. перен. Высшая ступень, расцвет чего-л. (книжн.) В апогее славы».

нескольких значений одного и того же слова в одной словарной статье. Каждый из этих критериев сам по себе не вызывает возражений: критерий производности (производящее значение представляется раньше производного), общности-частности (более общее значение подается раньше более частного), употребительности (более употребительное значение описывается раньше менее употребительного), историчности (более раннее значение в истории развития слова представляется раньше более позднего значения).

Однако ясно также и то, что выдвинутые критерии еще далеко не обуславливают конкретный выбор того или иного жесткого порядка подачи различных значений одного и того же слова, ибо неясно, как действовать, если некоторые критерии противоречат друг другу, относительно некоторых критериев нет соответствующей информации и, главное, неясно, какое значение описывать раньше, а какое – позже при прочих равных условиях. В этом смысле показателен пример со словом **лигатура**:

ЛИГАТУРА 1. *Спец.* Вспомогательные сплавы, служащие для введения в расплавленный металл (или сплав) необходимых элементов с целью придания определенных свойств жидкому или затвердевшему металлу.

2. *Спец.* Металлы, которые вводятся в благородные металлы для придания им нужных свойств (например, твердости) или для удешевления изделий из них.

3. Изображение одним письменным знаком двух и более букв.

4. *Мед.* Нить (шелковая, капроновая и др.) для перевязывания кровеносных сосудов при операции. *Наложить лигатуру. Снять лигатуру.*

Выбранный порядок толкования различных значений далеко не очевиден. Столь же неочевидна и обоснованность порядка описаний значений слова **акцент**, приводимый ниже:

АКЦЕНТ 1. *Лингв.* Ударение в слове.

2. Невольное искажение звуков какого-л. языка лицом, для которого этот язык не является родным.

Высказанные замечания не имеют цели специальной критики того или иного конкретного решения частного лексикографического вопроса и конкретного воплощения этого решения, но, как мы надеемся, побуждают к выработке общих принципов описания лексики терминологического и профессионального характера в общефилологическом словаре, которые могли бы сократить количество подобных вопросов, остающихся пока что без ответов.

Список литературы

1. Барсукова, Е. А. Научный термин в общем и терминологическом толковых словарях русского и английского языков: На материале медицинской и компьютерной терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. А. Барсукова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – 24 с.
2. Войцева, Е. А. Процессы детерминализации в русском языке: семантико-стилистическая характеристика существительных сферы искусства, военной и конфессиональной областей: (На материале письменности XVIII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Войцева; Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса, 1989. – 16 с.
3. Гречко, В. А. Терминологическая лексика в академических словарях / В. А. Гречко // Современная русская лексикография. 1976. – Л.: Наука, 1977. – С. 91–100.

4. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)» / общ. ред. С. Г. Бархударова, А. П. Евгеньевой. – М.: Ин-т языкознания, 1953. – 94 с.
5. Крысин, Л. П. Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях / Л. П. Крысин // Терминология и знание: материалы II междунар. симпозиума / отв. ред. С. Д. Шелов. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. – 361 с.
6. Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики / И. С. Кудашев. – Helsinki: Univ. of Helsinki, Dep. of transl. studies, 2007. – 443 с.
7. Макарова, А. А. Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Макарова; Моск. пед. ун-т. – М., 2007. – 24 с.
8. Малина, З. М. Терминологические фразеологизмы и их презентация в словарях русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / З. М. Малина; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 1999. – 18 с.
9. Сердобинцева, Е. Н. Неофициальная производственно-профессиональная лексика в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Н. Сердобинцева; Пенз. гос. пед. ун-т. – Орел, 1990. – 19 с.
10. Соболева, В. Ю. Функционально маркированная специальная лексика в словаре и тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. Ю. Соболева; Оренбург. гос. пед. ун-т. – Самара, 2000. – 22 с.
11. Четырина, А. М. Лексикографическое представление фрагмента языковой картины мира: религиозная лексика в «Словаре

церковнославянского и русского языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. М. Четырина; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – 20 с.

12. Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С. Д. Шелов. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.

13. Шелов, С. Д. Требования к определению терминов: логический и лингвистический анализ / С. Д. Шелов // Научно-техническая терминология. – 1991. – № 6. – С. 8–19.

Шелов Сергей Дмитриевич, руководитель терминологического центра Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доктор филологических наук (Москва, Россия).

Describing special terminological and professional words in the dictionaries seems rather deeply researched topic in lexicography. Still some questions on the subject are very far from being consistently solved. Defining and explaining professional and terminological words are one of the most arduous questions while compiling a general dictionary of any highly developed language. This contribution tries to formulate and to discuss the most vivid questions of interpretation and definition of terminological and professional words in a general dictionary.

РАЗДЕЛ V

ТЕРМИНОГРАФИЯ. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ БАЗЫ И БАНКИ ДАННЫХ

УДК 81 [075]

К. Я. Авербух

LSP ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Социальные изменения в обществе повлекли за собой по существу кардинальную замену в коммуникационной парадигме. Представители стран третьего мира, прибывающие в европейские страны, претерпевают культурную и языковую интеграцию. В этой связи особое значение приобретают различные словари, ориентированные на иммигрантское сообщество.

Последовательно разрабатывая проблематику LSP в различных сферах общественной жизни, ранее мы рассматривали процесс становления и развития терминологии рыночной экономики в России [1]. Действительно, изменение политического строя в стране повлекло за собой кардинальные изменения в организационном укладе отечественной экономики, когда на смену командно-административным методам управления предприятиями пришли рыночные. Вместе с тем, эти изменения не могли не коснуться и социальной сферы, что привело к практически полному демонтажу социалистической системы распределения общественных благ и социальных гарантий. На смену им пришла распространённая во всем цивилизованном мире система социального обеспечения и западных нравственных ценностей. В российском обществе оказались чрезвычайно востребованными высококвалифицированные социальные работники, призванные осуществлять весь спектр социальных услуг и реализовывать все виды социальных гарантий государства по отношению к его гражданам.

Совершенно естественно, что новая система общественных отношений и обновлённая сфера социальной работы потребовали по существу полной замены коммуникационной парадигмы как среди специалистов, так и в многомиллионной аудитории потребителей социальных услуг.

Все эти предпосылки активно способствовали тому, что ускоренными темпами стал формироваться LSP социальной работы как научной дисциплины и области деятельности [2]. Трансформации подвергся прежде всего весь понятийный аппарат этой сферы деятельности (так, например, из сферы понятий социальной работы исчезла идеологическая составляющая) и, что совершенно естественно, серьёзные преобразования претерпела и терминология, выражающая весь комплекс понятий социальной работы. Причем ряд терминов, касающихся вновь вводимых понятий, был заимствован, а многие из уже внедрённых в эту сферу деятельности видоизменили свою понятийную соотносённость.

Процесс изучения различных LSP – задача, имеющая большое общенаучное значение, что же касается LSP социальной работы, то он, являясь вполне типичным коммуникативным образованием,

тем не менее, обладает рядом специфических черт, обуславливающих дополнительную актуальность занятий этим специальным языком.

Прежде всего, в этом смысле речь может идти о крайней «деликатности» данной сферы деятельности, ибо от того, как номинирован тот или иной объект или субъект социальной работы, зависит очень многое: ср. *негр* и *афроамериканец*, *инвалид* и *человек с ограниченными возможностями*, *глухой* и *слабослышащий* и т. д.

С другой стороны, от точной и адекватной номинации во многом может зависеть сумма конкретной выплаты различных пособий пострадавшему: ср. *иммигрант* – *вынужденный переселенец* – *беженец* и т. д. И вообще, четкая система наименований различных фигурантов социальной работы способна регламентировать и упорядочивать финансовые потоки этой сферы деятельности.

Особое место в ряду социально ориентированных LSP в современном обществе занимают профессиональные языки, специфика которых коррелируется с иммиграционной политикой [3].

Процесс культурной интеграции иммигрантов в западное общество предполагает не только обеспечение их работой и социальными гарантиями цивилизованного государства, но также и культурную интеграцию их в до недавнего времени совершенно чуждый им образ жизни. Вхождение новых членов общества в новую для них среду неизбежно сопровождается коммуникацией как между представителями коренного населения и приезжими, так и между официальными представителями социальных служб и новыми их потребителями. В процессе такого диалога последовательно складывается LSP иммиграционной политики, социальной работы и ряда других сопредельных с ними областей деятельности, которые осуществляют социальные службы современного развитого общества. Создается сфера общения, требующая регламентации нового терминологического аппарата в словарях нового типа, которые с неизбежностью становятся многофункциональными и решают целый ряд задач, еще недавно бывших неспецифичными для традиционных словарей и энциклопедий.

Работа по регулированию естественно сложившейся терминологии социальных процессов, и в частности, терминологии иммиграционной сферы,

настоятельно требует как гармонизации с понятийным аппаратом данной области деятельности в странах с развитой демократией, так и упорядочения выражающих эти понятия единиц специальной номинации. Причем последнее является необходимым этапом перехода к заключительной стадии совершенствования терминологии, ее стандартизации, что обеспечит работников иммиграционной сферы деятельности, как, впрочем, и других ее фигурантов, терминологией, имеющей арбитражную силу.

Небезызвестно, что терминология давно уже стала самодостаточным инструментом хозяйственной и социально-экономической жизни общества, ибо от того, насколько точно и однозначно терминологизирован тот или иной субъект или объект социальной сферы, часто зависит судьба индивидуума и его материальное благополучие. Например, совершенно очевидно, что размер пособия иммигранту, вынужденному переселенцу – и беженцу различается едва ли не на порядок. Однако, чтобы квалифицировать некоего субъекта иммиграционного процесса в определенном качестве, все дифференциальные признаки, его характеризующие, должны быть системно представлены и эксплицитно зафиксированы в дефиниции выражающего его термина.

Таким образом, работник иммиграционного ведомства получает в свои руки действенный инструмент, а потребитель услуг этого ведомства может, имея в руках терминологический стандарт, отслеживать адекватность принятых по его кандидатуре решений. Благодаря терминологическому стандарту активизируется и упорядочивается парадигма общения, а именно: диалог «социальный работник – потребитель социальных услуг». А с другой стороны, каждая из сторон этого диалога получает в пользование документ, имеющий арбитражную силу, т. е. способный в случае конфликтной ситуации быть необходимым и достаточным аргументом в суде при принятии соответствующих квалификационных решений по рассматриваемой кандидатуре.

Данная группа качественно новых справочников имеет черты, объединяющие в себе признаки энциклопедии и толкового словаря, предназначенного для определенного контингента пользователей.

Составители подобного рода справочников включают в словники таких словарей реалии, ранее неизвестные новым членам общества и требующие не столько истолкования, сколько объяснения самих понятий и культурных концептов западного общества (концепт «пунктуальность», «речевые этикетки», «приём пищи», «напитки»); компоненты невербальной коммуникации (жесты, улыбка, прикосновение и т. п.), которые могут привести к коммуникативным неудачам.

Вопрос о невербальной коммуникации в социальной сфере остается совершенно «белым пятном» на фоне относительно изученной терминологии, представленной традиционными вербальными средствами (словами и словосочетаниями естественного языка). Общеизвестно, что понятия сферы материального производства и естественных наук столь многообразны, что не могут быть выражены одними лишь средствами того или иного национального языка, но также и многочисленными неязыковыми приемами и средствами: словосимволами (*γ-излучение*,

α-частицы) в физике, знаками рациональной номенклатуры (*Cu, H₂O, Fe*) в химии, чертежами и схемами в различных отраслях техники, картографическими знаками в географии и т. п.

Аналогичным образом социальная сфера предстает столь же многообразной, чтобы привлекать для обозначения своих реалий множество невербальных средств. Прежде всего в разных культурах, различаемых как по национальному и религиозному, так и по расовому признаку, уже давно сложились системы взглядов на многие из жизненно необходимых понятий бытовой, культурной, медицинской и других жизненно важных сфер человеческой жизни. В этой связи любой индивидуум, вступивший в контакт с новой, часто принципиально отличной от его культуры, даже относительно неплохо владеющий языком новой страны пребывания, все равно испытывает многочисленные прецеденты культурного шока. Так, например, иммигрант, воспитанный в традициях мусульманской культуры будет, испытывать настоящий дискомфорт, наблюдая многочисленные живописные произведения от картин в музее до изображения мужчины или женщины на дверях туалета, поскольку в магометанстве считается греховным изображение человека.

В подтверждение этого можно вспомнить пример, когда в свое время возникли проблемы с эмблемой, обозначающей Международное общество Красного Креста (МОКК). После того, как сфера деятельности МОКК распространилась за пределы христианского мира, красный крест на белом фоне вызывал активное противодействие в мусульманском мире. И ныне, как известно, в Турции, например, эта организация называется Международной Организацией Красного Полумесяца, а в многоконфессиональных странах, например, СССР, она именовалась Союзом обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОККиКП).

В связи с этим особое значение обретает дополнение традиционных словарей, ориентированных на иммигрантскую аудиторию, элементами невербальной коммуникации, а возможно, и создание специализированных пособий с подобной информацией.

В конечном счете можно утверждать, что, если в области традиционных словарей имеется и многолетний опыт, и теоретические основы этого вида терминографии, то при описании средств невербальной коммуникации во многом приходится начинать с нуля. Причем, как нам представляется, необходимы как общетеоретические изыскания в этом вопросе, так и разработки конкретных систем единиц плана выражения неязыковых знаков в наиболее востребованных предметных областях.

Ведущие английские издательства, в частности, HarperCollins, специализирующиеся на составлении словарей для общих целей, расширили макроструктуру своих словарей за счет многочисленных слов, взятых из своего, постоянно расширяющегося электронного корпуса Bank of English (более 500 миллионов слов). В этот корпус в последнее время вошло более 30% заимствований из других языков и культур, представители которых в последние годы вошли в англоязычную среду (*Babushka, Chernozem, Kalashnikov, Molotov cocktail, polynya, stakhanovite, troika, vodka, gringo, salsa, burrito, schmuck, aloha, con-tiki*).

Для иммигрантов, прибывающих в Великобританию, наряду с книгами [4; 5] издается постоянно обновляющаяся энциклопедия «Handbook of Britain A to Z», а также «Bamber Gascoigne Encyclopedia of Britain», специально ориентированная не на носителей языка, а на иностранцев [6], плохо знакомых с реалиями нового для них общества.

Подобные проблемы возникают не только в англоязычных странах. В связи с военными действиями и изменением политической ситуации на Балканах, в Хорватию, например, хлынули потоки беженцев из Албании и сопредельных стран, получивших независимость. Такая ситуация потребовала, наряду с другими действиями правительства этой страны, создания специальных справочников, призванных облегчить адаптацию новых членов в хорватское общество, о которых неоднократно заявляли сотрудники Института миграции в Загребе. Здесь эта идея вынашивалась более 15 лет, и только в 1998 г. впервые в славянской лексикографии был создан «Leksikon migracijskoga i etnickoga nazivlja» [7], подробно объясняющий входные единицы словника с точки зрения носителя языка и представителя коренного населения.

Основными трудностями, с которыми столкнулись составители словаря, явились критерии отбора лексики в словник, объем входных единиц словника и непосредственно метаязык словарных статей, включая и этимологическую квалификацию заглавных слов.

В словаре принят междисциплинарный подход к отбору материала с привлечением данных таких дисциплин, как психология, социология, экономика, политология, право, этнология, демография, языкознание и ориенталистика. В корпусе словаря преобладают такие единицы, как DEPORTACIJA, DISKRIMINACIJA, DRUGA GENERACIJA MIGRANATA, ETNICKA STRATIFIKACUA, SEZONSKA MIGRACIJA, TOLERANCIJA, связанные с миграцией населения.

Лексикографам потребовалось определить, что создает условия для зарождения и существования таких единиц в чужом (другом) языке, определить круг понятий, используемых для понимания этого лингвистического явления. В корпусе зафиксированы такие заголовки, как ENKULTURACIJA (адаптация в новую культурную и языковую среду), KULTURNA AUTONOMIJA, KULTURNA POLITIKA, KULTURNI PLURALIZAM, KULTURNI SOK, отражающие новые реалии.

В лексиконе миграционно-этнического LSP слова даются в контексте, т. е. приводятся примеры миграционного употребления слова и исконного, этнического. См., например, HRVATI «хорваты», HRVATI ISELJENICI, HRVATSKA DEMOGRAFSKA OBNOVA, HRVATSKA DIJASPORA, HRVATSKA RFTOLICKA MISIJA, HRVATSKI GRADANI ISELJENICI, HRVATSKIRASELJENINAROD.

В микроструктуре словаря приводится краткая этимологическая справка и описательное толкование, что делает справочник толково-энциклопедическим, так как здесь подробно объясняется само понятие, выраженное заглавным словом:

APATRID – от греч. а- «без» и латинского patria «родина», «отечество», буквально «человек, без Родины (или без дома, отечества)»...

Составителям удалось учесть фоновые знания, характерные для нового хорватского общества, сохранив национальную идентичность представителей различных культур.

Одним из первых словарей, предназначенных для иммигрантов, был изданный в Австралии «Taschen-Wörterbuch für Deutsch Sprechende Immigranten» [8]. Словарь состоит из словника, в который вошли главным образом общеупотребительные существительные, и приложений с таблицами мер и весов, имеющие важное значение для иммигрантов, прибывающих из различных стран мира.

Многие словарные статьи сопровождаются графическими иллюстрациями. Эта информационная категория приобретает в словарях для иммигрантов особое значение для всех групп пользователей, включая детей и взрослых. Так, опросы пользователей словарей LSP различных предметных областей, издающихся в англоязычных странах, показали, что респонденты отдают приоритет рисункам, схемам и другим графическим иллюстрациям, которые помогают им не только освоить новую лексику, но и систему культурных ценностей нового общества.

В настоящее время продолжается работа над составлением словарей для иммигрантов во многих странах мира. Одновременно с ними создаются вспомогательные справочные сайты, например: сайт Immigrant Council of Ireland в Ирландии [9], сайт LEXIN в Швеции [10], сайт Centro de Estudos Sociais в Португалии [11] и др.

Однако между ними не существует какого-либо единообразия, поскольку их авторы преследуют различные цели: профессиональные, учебные и т. д.

Обзор словарей для иммигрантов показал их большую востребованность у пользователей, главным образом, в Интернете. И печатные, и электронные словари для иммигрантов можно разделить на три группы:

- 1) терминологические справочники или словари LSP иммиграции;
- 2) учебные словари, ориентированные на иммигрантов;
- 3) лексикографические издания, объединяющие учебную направленность словарей с необходимой информацией о социальном и законодательном аспектах иммиграции.

Составление словарей первого типа имеет недостаточный опыт и находится в стадии становления. Более благоприятная ситуация наблюдается в сфере создания учебных словарей, использование которых органично входит в методику обучения иностранным языкам через другие языки и культуры. Особенно богатый опыт в этой области накоплен в таких мультикультурных странах, как США и Великобритания.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о создании нового LSP иммиграции, который требует упорядочения и стандартизации как на уровне функционирования, так и в сфере фиксации. Эти словари имеют национальные и интернациональные черты, которые должны учитываться составителями словарей нового поколения во всем мире.

Язык, в том числе и язык для специальных целей, является, как известно, саморегулирующимся инструментом, и, вследствие этого, рано или поздно все несоответствия и неточности, особенно

в лексическом составе, устраняются в процессе функционирования данного языка как средства специального общения. Дело лишь в том, что темпы нашей жизни и востребованность иммиграционной деятельности таковы, что становится необходимым активное вмешательство в терминологию с целью ее упорядочения и гармонизации. Иммиграционная сфера в современном мире столь актуальна и востребована, а коммуникация в ней, будучи практически определяющим фактором, не оставляет альтернативы: быть ей или не быть, а если быть, то насколько экстренно... Потребность в словарях для иммиграционного ведомства, в особенности в словарях и стандартах, наделенных арбитражной силой, является требованием сегодняшнего, а отнюдь не завтрашнего дня.

В жизни мирового сообщества уже были прецеденты, когда настоятельные потребности в отрасли заставляли специалистов-предметников и терминологов совместными усилиями срочно упорядочивать и гармонизировать ту или иную терминологию. Так было в 70-х гг. прошлого века, когда специалисты всех развитых стран вынуждены были объединить усилия для создания Международного электро-технического словаря (МЭК). Ныне этот словарь со статусом международного стандарта, созданный под эгидой ISO (International Standard Organization), успешно решает коммуникативные проблемы в отрасли, отличающейся колоссальной номенклатурой выпускаемых изделий.

LSP иммиграции, функционируя в гуманитарной сфере и активно влияя на судьбы и положение людей в современном обществе, настоятельно требует консолидации наших совместных усилий, направленных на его изучение, совершенствование и развитие.

УДК 81'374

Список литературы

1. Averboukh, K. LSP of Market Economy / K. Averboukh, O. Karpova // Abstracts: LSP 2003. «Communication, Culture, Knowledge». – Guildford, 2003. – P. 10.
2. Петрашова, Т. Г. Английская терминология социальной работы и ее лексикографическое описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. Г. Петрашова. – Иваново, 2006. – 21 с.
3. Авербух, К. Я. Языки для специальных целей как порождение новых социальных отношений в обществе / К. Я. Авербух, О. М. Карпова // Человек в поликультурном мире. – Владимир, 2006. – С. 5–8.
4. Managing multilingualism in a European nation-state: challenges for Sweden / ed. by S. Boyd and L. Huss. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 86 p.
5. Miller, J. Audible Difference: ESL and Social Identity in Schools / J. Miller // Languages for intercultural communication and education. – 2003. – Vol. 5. – P. 203–208.
6. Bamber, G. Encyclopedia of Britain / G. Bamber. – Basingstoke: Macmillan, 1993, 1997. – 720 p.
7. Heršak, E. Leksikon migracijskoga i etnickoga nazivlja / E. Heršak. – Zagreb: Institut za migracije i narodnosti: Školska knjiga, 1998. – 313 p.
8. Taschen-Worterbuch Für Deutsch Sprechende Immigranten. – Sydney: Percival Publishing Co, 1958. – 176 p.
9. Immigrant Council of Ireland [Electronic resource] / ICI Ltd. – Mode of access: <http://www.immigrantcouncil.ie/>. – Date of access: 21.03.2012.
10. LEXIN [Electronic resource] / LEXIN. – Mode of access: <http://www.lexikon.nada.kth.se/lexin/>. – Date of access: 21.03.2012.
11. Centro de Estudos Sociais [Electronic resource] / CES. – Mode of access: <http://www.ces.uc.pt/ces/>. – Date of access: 21.03.2012.

Авербух Константин Яковлевич, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации МГПУ, доктор филологических наук (Москва, Россия).

Social changes have led to an, in essence, cardinal substitute of a communicative paradigm. The representatives of the Third World countries who come to the European countries undergo cultural and linguistic integration. In this connection special dictionaries, oriented to the immigrant community, acquire special importance.

О. В. Блинова

ТЕРМИНОЛОГИЯ ПОНЯТИЙНОЙ ОБЛАСТИ «МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ»: НОРМА И УЗУС¹

Обсуждаются ключевые этапы создания словаря, призванного отразить актуальное состояние терминологии понятийной области «миноритарные языки», а именно: формирование и анализ списка словарных терминов, зафиксированных в существующих лексикографических источниках, собирание электронной картотеки по текстам предметной области. Картотека позволяет не только выявить новые и авторские термины, но и сделать словарь узуально-ориентированным, включив в каждую словарную статью контексты употребления терминов. Обсуждается также проблема терминологической вариативности, точнее, параметры варьирования терминов исследуемой понятийной области.

I. Работа по созданию электронного терминологического словаря понятийной области «миноритарные языки» (далее – ЭТС) предусматривает два ключевых этапа: 1) отбор и анализ терминов, зафиксированных в существующих лексикографических источниках; 2) обработку электронной коллекции текстов, относящихся к заявленной понятийной области. На первом этапе формируется костяк словаря будущего словаря и база данных толкований терминов, которую можно использовать при дальнейшем формулировании толкований для ЭТС. На втором этапе формы реального

функционирования словарных терминов проверяются относительно их употребления в электронной коллекции, выявляются новые (в том числе авторские) термины. Таким образом, первоначальный словник формируется на основе максимального количества позиций в максимальном количестве лексикографических источников, а затем все позиции словаря проверяются на материале электронной коллекции, которая призвана отразить существующий узус.

Первая проблема, которую приходится решать, связана с определением содержания понятийной области «миноритарные языки». Мы предлагаем междисциплинарный подход к решению этого вопроса, поэтому рассматривается не только содержание

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-34-00360a2.

словарей лингвистических терминов (как общелингвистических, так и специальных – в первую очередь словарей терминов социолингвистики и этнолингвистики), но и словарей нелингвистических (по этнологии и этнографии, этнодемографии, социологии, языковому законодательству).

II. По результатам работы с лингвистическими словарями собран первоначальный словник – список словарных терминов, состоящий из 799 позиций². Работа со списком словарных терминов, относящихся к интересующей нас предметной области, заключается преимущественно в выявлении терминологических вариантов³. В результате этой работы были выделены следующие группы вариантов:

1. «Словоизменяемые» (флективные) варианты. В наших материалах единственным видом флективного варьирования является варьирование типа *интернационализм – интернационализмы, вымирающий язык – вымирающие языки, малочисленный народ – малочисленные народы*.

2. «Словообразовательные» варианты. В эту группу входят термины, образованные с помощью разных словообразовательных аффиксов: *документирование – документация, нормирование языка – нормализация языка, культивирование языка – культивация языка, вымирающий язык – умирающий язык* и т. п.

3. Лексико-синтаксические варианты, в том числе пары однословных терминов типа *автономия – самоуправление* и варианты многословных терминов, в которых происходит мена одного из членов терминологического сочетания на слово, близкое по смыслу. Модель, по которой образовано словосочетание, при этом не изменяется, ср.: *языковой барьер – языковая преграда, языковая агрессия – языковое вторжение, возрождение языка – ревитализация языка, расширенный код – развернутый код – сложный код*. В эту группу можно включить также соответствующие «полные» и «усеченные» варианты терминов: *дивергенция языка – дивергенция, нормализация языка – нормализация, стандартизация языка – стандартизация, языковой пуризм – пуризм, унификация языка – унификация*. Кроме того, в группу лексико-семантических вариантов можно поместить «грамматические синонимы», в которых происходит мена компонента терминологического сочетания на однокоренное слово другой части речи, сопровождаемая изменением синтаксической модели: *изменения в языке – языковые изменения, смерть языка – языковая смерть, переключение кодов – кодовое переключение*. Наконец, в последнюю выделенную группу включены также пары «сочетание слов» – «сложное слово»: *гиперкорректная форма – гиперформа, лингвистическая социология – лингвосоциология, этнонациональная политика – этнополитика*.

Решено, что в ЭТС вариантный термин будет помещаться рядом с заголовочным термином в скобках: *гиперкорректная форма (гиперформа)*; в случае флективного варьирования выбор основного варианта

² Основные источники, использованные для формирования перечня словарных терминов, приведены в списке литературы [1–7].

³ Выделение терминологических вариантов производится вслед за Е. И. Большаковой и Н. Э. Васильевой, см. [8].

будет происходить на основании употребительности определенной формы термина или терминологического сочетания в текстах понятийной области.

III. Изменения в терминосистеме позволяет уловить исследование объемной коллекции научных текстов определенной предметной области. Дальнейшее изложение опирается на опыт собирания электронной картотеки по текстам предметной области «миноритарные языки»⁴.

Собирание картотеки является ключевым этапом в работе над терминологическим словарем, который формируется так, чтобы каждая словарная статья содержала три контекста употребления термина, то есть была ориентирована на узус. Таким образом, словарная статья ЭТС состоит из пяти зон:

1) зоны заголовка, в которой расположена вокабула – определяемый термин или терминологическое сочетание с синонимами (вариантами);

2) зоны данных, в которой располагается толкование;

3) зоны употребления, в которую помещаются три контекста употребления термина, извлеченные из электронной коллекции текстов (т. е. корпуса научных публикаций на русском языке, содержание которых связано с исследуемым понятийным полем);

4) зоны тезаурусных отношений, где заголовочный термин характеризуется как единица терминологического поля;

5) зоны библиографии, где приводятся краткие списки литературы, знакомство с которыми позволит уточнить представления о толкуемых терминах.

Кроме того, анализ содержания картотеки, собранной по текстам предметной области, позволяет выявить новые термины. Помимо решения задачи выявления терминов и терминологических вариантов, которые не вошли в существующие словари (новых терминов), составление картотеки позволит достичь и прикладной цели: представляется, что электронный словарь с активными ссылками на 800 полнотекстовых документов (статей и монографий), из которых был извлечен тот или иной контекст употребления термина, будет полезен в качестве справочного источника и тематической электронной библиотеки.

IV. При пополнении словника ЭТС в результате работы с электронной коллекцией текстов (и картотекой на ее материале) мы также столкнулись с проблемой терминологической вариантности (ср. *language shift – языковой сдвиг – языковое смещение – смена языка*).

В текстах электронной коллекции встречаются все перечисленные выше типы вариантности. Отдельно следует обсудить случаи, когда для иноязычных терминов нет семантически полноценных русскоязычных эквивалентов, и авторы вынужденно используют иноязычные термины. К примеру, Н. Б. Вахтин специально оговаривает употребление термина

⁴ При отборе текстов для электронной коллекции, по которым собиралась картотека, учитывалась, во-первых, авторитетность публикации (значительную часть коллекции составляют статьи из периодических изданий, входящих в перечень российских рецензируемых журналов), во-вторых, дата выхода публикации. Так как нас интересует актуальное состояние терминосистемы понятийной области «миноритарные языки», в коллекцию включались публикации, выпущенные в последние 10 лет.

domain в написании латиницей, указывая при этом, что в русскоязычной литературе встречается несколько вариантов его перевода (ср. 'сфера использования языка', 'среда использования языка'), но ни один из вариантов не передает значения английского термина в полной мере [9, с. 14–15]. Другие авторы используют термин *домен* в кириллическом написании, см. контекст: «*Материалы социолингвистического опроса показывают, что наиболее вероятный домен использования калмыцкого языка – это сфера образования*» [10, с. 33]. Таким образом, мы получаем ряд вариантов *domain – домен – сфера использования языка – среда использования языка*, к которому, по видимому, также следует присоединить ряд *сфера общения – сферы общения – коммуникативные сферы – социально-коммуникативные сферы*.

V. При отборе контекстов из картотеки для дальнейшего включения в словарные статьи главное внимание было обращено на качество контекстов. Представляется, что наиболее ценными из полученных контекстов являются те, в которых авторы рефлексировали по поводу терминов, которыми оперируют. Такие контексты в картотеке получали специальные пометы: метка «мета» использовалась для контекстов, содержащих рассуждения автора о понятии, об авторстве термина, его применимости и т. п.; «мета-опр» – для контекстов, содержащих дефиниции.

Представляются весьма показательными контексты, в которых авторы рассуждают о том, что значение терминов расплывчато и неясно, см.: «*Э. Коэн, обсуждая традицию употребления терминов «идентичность» и «граница», сложившуюся под влиянием подхода Ф. Барта, отмечает, что оба термина употребляются так часто и порой так неточно, что иногда кажутся вовсе лишними содержания...*» [11, с. 25], «*Нам придется начать с выяснения, казалось бы, общепонятной вещи: что такое двуязычие? И здесь мы с удивлением для себя обнаруживаем, что разные определения двуязычия по существу конфликтны друг с другом, причем сами причины разных определений отражают определенные расхожие бытовые или профессиональные представления ...*» [12].

К ряду наиболее нетривиальных примеров взаимоотношений общепринятого словарного термина и найденных к нему контекстов относится термин *родной язык*, ср.: «*Возможность неверной интерпретации фактов заключена уже в самом использовании понятия «родной язык», которое не является точным социолингвистическим термином и не имеет ясного эмпирического референта. ... Исследования показывают, что люди могут иногда признавать в качестве родного язык, который они обычно не используют, или не используют в семье, или знают хуже других, или даже вообще не знают*» [13, с. 305], см. также [14]. Решено, что при формировании корпуса словаря метаконтексты такого рода непременно будут включаться в соответствующие словарные статьи.

VI. В результате собирания электронной коллекции статей сформирован информационный продукт, имеющий самостоятельную ценность – электронная библиотека, список источников, вошедших в коллекцию текстов исследуемой понятийной области, с указанием адресов Интернет-доступа. Электронная библиотека станет одним из

приложений к формируемому ЭТС, который будет иметь следующую макроструктуру:

1. Введение.
2. Раздел «Как пользоваться словарем».
3. Корпус словаря (перечень словарных статей согласно словнику).
4. Приложения.
5. Электронная библиотека.
6. Список использованных лексикографических источников.

Таким образом, как организация словарной статьи, так и макроструктура создаваемого ЭТС ориентированы на то, чтобы предоставить пользователю возможность сверить свои личные представления о значении и употреблении того или иного термина со сложившимся узусом.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2004. – 571 с.
2. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А. Н. Баранов [и др.]; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – 2-е изд. – М.: Азбуковник, 2001. – 640 с.
3. Васильева, Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 2003. – 213 с.
4. Исаев, М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. / М. И. Исаев. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 200 с.
5. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо; под ред. А. А. Реформатского. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2004. – 436 с.
6. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина [и др.]; под ред. В. Ю. Михальченко. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А. Н. Тихонов [и др.]; под ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – М.: Флинта, 2008. – 2 т.
8. Большакова, Е. И. Терминологическая вариантность и ее учет при автоматической обработке текстов / Е. И. Большакова, Н. Э. Васильева // Одиннадцатая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: труды конференции. – М.: Ленанд, 2008. – Т. 2. – С. 174–182.
9. Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин. – СПб., 2001. – 337 с.
10. Баранова, В. В. Языковая ситуация в Калмыкии: Социолингвистический очерк / В. В. Баранова // Исследования по грамматике калмыцкого языка / под ред. С. С. Сая, В. В. Барановой, Н. В. Сердобольской. – СПб.: Наука, 2009. – 895 с.
11. Баранова, В. В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румы Приазовья / В. В. Баранова. – М.: НИУ ВШЭ, 2010. – 288 с.
12. Бурыкин, А. А. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие (язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте) // Русский язык для детей за рубежом [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://abvvd.russian-russisch.info/articles/10.html>. – Дата доступа: 30.11.2012.
13. Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера / Н. Б. Вахтин // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 4. – С. 301–309.
14. Беликов, В. И. Методические неудачи в социолингвистических опросах / В. И. Беликов // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика / ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. – М., 1999. – С. 557–579.

Блинова Ольга Владимировна, научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Россия).

The paper discusses some issues related to creation of the «Electronic terminological dictionary of conceptual field Minority languages». Two basic stages will be considered: 1. selection and the analysis of terms of the conceptual field fixed in existing lexicographic sources; 2. processing of a collection of the texts relating to declared domain. At the first stage the terms which already have the status as a part of special metalanguage come to light. Forms of their functioning have to be examined concerning the use in the special text corpus.

УДК 81'374

С. Я. Богуш

РАСПРАЦОЎКА БЕЛАРУСКАЙ СПРАВАВОДЧАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ Ў РУСКА-БЕЛАРУСКІХ СЛОЎНІКАХ 1920-Х ГАДОЎ

Аналізуюцца некаторыя асабнасці фарміравання беларускай делопроизводственной терминологии в 1920-е годы. Особое внимание уделяется способам перевода терминологических единиц с русского языка на белорусский. Материалом исследования стали русско-белорусские словари 1920-х годов.

Працэс выпрацоўкі справаводчай тэрміналогіі новай беларускай літаратурнай мовы распачаўся ў 20-я гады XX ст. – у час, калі беларуская мова пасля перапынку ў некалькі стагоддзяў набыла дзяржаўны статус і вярнулася ў сферы афіцыйнага ўжытку, у тым ліку і ў сферу справаводства. Гэты перыяд быў надзвычай плённы для беларускай тэрмінаграфіі ў цэлым: варта згадаць хаця б дзейнасць Навукова-тэрміналагічнай камісіі, створанай у 1921 годзе, дзякуючы якой у серыі «Беларуская навуковая тэрміналогія» было выдадзена 24 перакладныя тэрміналагічныя слоўнікі розных галін ведаў. Выходзілі тэрміналагічныя слоўнікі і даведнікі і па-за серыяй «БНТ». У прыватнасці, у 1926 годзе быў выдадзены дапаможнік С. Серады «Дзелавод. Узоры афіцыйных папер. Слоўнік тэхнічна-канцэлярскіх выразаў і іншыя, патрэбныя ў дзелаводстве веды» [1]. Гэтае выданне каштоўнае і цікавае тым, што ў ім змешчаны два перакладныя руска-беларускія слоўнікі – слоўнік «выразаў, якія сустракаюцца ў афіцыйнай перапісцы» і «Кароценькі расійска-беларускі слоўнічак канцэлярскіх тэрмінаў». Апрача слоўнікаў С. Серады, у тым жа 1926 годзе пабачылі свет «Слоўнічак дзеля чыгуначных мясцкомаў» Л. Вашкевіча [2] і «Тэрміналогія права», падрыхтаваная М. Гуткоўскім [3], у якіх таксама ў пэўнай ступені прадстаўлена тэрміналогія, пашыраная ў сферы справаводства. Акрамя таго, справаводчыя тэрміны фіксаваліся і ў агульных перакладных слоўніках 1920-х гадоў. Лексічны матэрыял пералічаных лексікаграфічных прац дазваляе выявіць некаторыя адметнасці ў станаўленні беларускай справаводчай тэрміналогіі на пачатковым этапе яе развіцця і супаставіць падыходы да яе распрацоўкі асобных лексікаграфічных прац таго часу. У межах нашага даследавання звернемся да аналізу лексічнага матэрыялу спецыяльных слоўнікаў, змешчаных у «Дзелаводзе» С. Серады, «Слоўнічка дзеля чыгуначных мясцкомаў» Л. Вашкевіча, «Тэрміналогіі права», і супаставім яго з адпаведнымі лексічнымі адзінкамі, зафіксаванымі ў некаторых агульных перакладных руска-беларускіх слоўніках 1920-х гадоў [4–6].

У сучаснай тэрмінаграфіі падрыхтоўка спецыяльных слоўнікаў, як правіла, з'яўляецца завяршальным этапам тэрмінатворчай дзейнасці, бо «перш чым новы тэрмін «выплыве на паверхню» і трапіць у спецыяльны слоўнік, ён павінен прайсці доўгі шлях у працэсе натуральнага складвання тэрміналагічнай лексікі, абкаткі яе ў галіне функцыянавання (г. зн. у навуковых і спецыяльных тэкстах) і пашырэння сярод спецыялістаў адпаведнай галіны ведаў» [7, с. 78]. У 20-я гады XX ст. ва ўмовах паскоранага развіцця беларускай літаратурнай мовы працэс распрацоўкі

тэрміналогіі нярэдка ішоў адваротным шляхам – спачатку ствараліся спецыяльныя перакладныя слоўнікі (найчасцей менавіта руска-беларускія), і толькі пасля гэтага выдавалася спецыяльная літаратура адпаведнай тэматыкі. Тэрміналагічныя слоўнікі ў гэты перыяд мелі перададзены практычную скіраванасць, не былі выключэннем і слоўнікі справаводчай тэрміналогіі. У прыватнасці, Л. Вашкевіч мэта свайго «слоўнічка» бачыў у тым, каб «дапамагчы чыгуначнаму прафакціву ў складанні тае ці іншае службовае паперкі на беларускай мове»¹ [2, с. 1]. Падобным чынам акрэсліваў прызначэнне свайго дапаможніка і С. Серада: «... гэтая праца мае на мэце – забяспечыць ведамі з беларускае мовы і некаторым запасам слоў канцэлярскага працаўніка ў яго штодзённай працы» [1, с. 3]. Такім чынам, аўтары першых спецыяльных слоўнікаў вырашалі найперш не лінгвістычныя, а практычныя задачы, а таму большасць тагачасных слоўнікаў мела рэкамендацыйны, а не нарматыўны характар.

У 1920-я гады беларуская навуковая тэрміналогія знаходзілася ў стане распрацоўкі, і пошук найбольш удалых тэрміналагічных адзінак, якія адпавядалі б агульнай сістэме беларускай мовы, нярэдка адбываўся на старонках спецыяльных слоўнікаў. У гэтым працэсе выразна акрэсліліся дзве, на першы погляд, супярэчлівыя тэндэнцыі: з аднаго боку, відавочны моцны ўплыў пурыстычных поглядаў беларускіх лінгвістаў, пры перакладзе тэрмінаў спецыялісты імкнуліся выявіць спецыфіку беларускай мовы і пазбегнуць неапраўданых запазычанняў; з іншага боку, важную ролю ў распрацоўцы беларускай навуковай тэрміналогіі адыгрывала руская мова, паколькі аўтары спецыяльных слоўнікаў абавіраваліся найперш на тэрміналагічную сістэму, якая склалася ў расійскай традыцыі. Фактычна беларускія тэрміналогі 1920-х гадоў пры распрацоўцы слоўнікаў адштурхоўваліся не ад паняццёвай сістэмы той ці іншай галіны ведаў, а ад пераліку канкрэтных лексічных адзінак рускай мовы. Усё гэта адбілася на агульным характары тэрміналагічных слоўнікаў і абумовіла шэраг асаблівасцей беларускай спецыяльнай лексікі той пары. Разгледзім гэтыя асаблівасці на матэрыяле слоўнікаў справаводчай тэрміналогіі.

Найменш даследаваным у беларускім мовазнаўстве з'яўляецца «Слоўнічак дзеля чыгуначных мясцкомаў» Л. Вашкевіча. У склад гэтага выдання ўваходзіць каля васьмісот слоўнікавых артыкулаў. Лексічны матэрыял слоўніка вельмі неаднародны: у ім выкарыстоўваюцца як спецыяльныя справаводчыя

¹ Пры цытаванні захоўваюцца асаблівасці арфаграфіі і пунктуацыі арыгінала.

тэрміны і паняцці, так і агульнаўжывальная лексіка, якая і складае аснову слоўніка. Пры гэтым пэўнай сістэмнасці ў адборы лексічных адзінак выявіць не ўдалося. Аўтары другога тома «Гісторыі беларускай літаратурнай мовы», апісваючы працу Л. Вашкевіча, адзначалі: «Рээстравая частка слоўнічка складаецца з выпадковых агульнаўжывальных слоў і грамадска-палітычных тэрмінаў... Неакрэсленасць задачы, пастаўленай аўтарам пры ўкладанні гэтага слоўніка, вызначыла і яго павярхоўнасць» [8, с. 218]. І сапраўды, некаторыя словы выглядаюць выпадковымі ў слоўніку. Л. Вашкевіч не імкнуўся даць поўнага пераліку неабходных пры афармленні дакументацыі слоў, аднак і ў адборы наяўных лексічных адзінак можна назіраць пэўную непаслядоўнасць. Напрыклад, укладальнік змясціў назвы толькі трох дзён тыдня і дзесяці месяцаў, аднак падаў пераклады некаторых слоў, якія, як правіла, не ўжываюцца ў справаводчых дакументах: *гультайны, румяны, лятунак, лядоўня* (у значэнні 'ледавік'), *бліскучы* і шэраг іншых.

Аналіз зместу гэтай лексікаграфічнай працы дазваляе выявіць толькі некаторыя заканамернасці ў перакладзе рускай лексікі на беларускую мову. Сярод тэрмінаў, пашыраных у справаводчых дакументах, у слоўнік Л. Вашкевіча ўвайшлі наступныя: *асыгноўка, дзелавод, пасяджэнне, заяўнік, падаўца, падацелька* і некаторыя іншыя; у асобную групу можна вылучыць назвы дакументаў і афіцыйных папер: *скарга, запытаньне* (рускае – *запрос*), *заява, апавяшчэнне, зьвяртаньне* (сучаснае *зварот*), *адносіна, справаздача, пастанова, загад, рэкамэндацыя, каітарыс, даведка, патрабаванне, ведамасьць, пасьведчаньне, хадайніцтва, абержнік*. Спецыфічнай рысай слоўнічка з'яўляецца тое, што ўсе словы беларускай часткі слоўніка не супадаюць са словамі рускай мовы. Інакш кажучы, Л. Вашкевіч не перакладаў тыя рускія словы, якія не адрозніваліся ад іх беларускіх адпаведнікаў ні ў напісанні, ні ў вымаўленні. Аўтар слоўніка не пазбягаў запазычанай лексікі, аднак у асобных выпадках для перакладу слоў іншамоўнага паходжання Л. Вашкевіч выкарыстоўваў семантычныя калькі, прапанаваныя ў выпусках навуковай тэрміналогіі, але агульная іх колькасць нязначная: *раўналежна* (паралельна), *абержнік* (цыркуляр), *правазнаўца* (юрыст).

Больш поўнае ўяўленне пра развіццё справаводчай тэрміналогіі беларускай мовы ў 1920-я гады даюць слоўнікі, змешчаныя ў дапаможніку С. Серады. Першы з іх – слоўнік выразаў, якія сустракаюцца ў афіцыйнай перапісцы, – змяшчае 846 слоўнікавых артыкулаў, якія ўключаюць не толькі словазлучэнні, характэрныя выключна для сферы справаводства, але і цэлы шэраг стылістычна немаркіраваных лексічных адзінак, слоў з адценнем размоўнасці, а таксама выразаў, уласцівых іншым спецыяльным галінам. Другі слоўнік, падрыхтаваны С. Серадой, – «Кароценькі расійска-беларускі слоўнічак канцылярскіх тэрмінаў», – складаецца з 2155 слоўнікавых артыкулаў. Як і ў слоўніку выразаў, у рээстравую частку слоўніка канцылярскіх тэрмінаў уваходзяць не толькі справаводчыя тэрміны (хоць яны відавочна пераважаюць), але і нейтральная агульнаўжывальная лексіка (напрыклад, *айчыям, задача, жыхар* і іншыя). Па сутнасці, гэты слоўнічак

уяўляе сабой выбарку лексікі, якая, на думку ўкладальніка, магла ўжывацца ў справаводчых дакументах, з наяўных на той час перакладных руска-беларускіх слоўнікаў. У пачатку дапаможніка «Дзелавод» змешчаны пералік лексікаграфічных крыніц, якімі карыстаўся пры падрыхтоўцы дапаможніка аўтар. Сярод іх – слоўнікі М. Гарэцкага, М. Байкова ў суаўтарстве з М. Гарэцкім, слоўнік В. Ластоўскага і «Тэрміналогія права». Паколькі ў розных лексікаграфічных працах адпаведнікі для перакладу пэўных слоў даволі часта не супадалі, то і ў слоўніках С. Серады пашыраны тэрміны-дублеты: *больніца, лячомніца; вымова, вымаўленьне, нагонка, выгавар; распараджэнне, загад* і падобныя. Пры перакладзе лексікі іншамоўнага паходжання С. Серада імкнуўся знайсці адпаведнік у беларускай мове, аднак нярэдка ў перакладной частцы слоўніка ўжываецца запазычаная лексіка. Да аналізу гэтага пытаньня звярталася Л. Р. Белка [9, с. 55–57].

У цэлым развіццё беларускай справаводчай тэрміналогіі адпавядала асноўным тэндэнцыям, якія вызначыліся ў айчынай тэрмінаграфіі 1920-х гадоў. В. П. Красней вылучаў наступныя асаблівасці тэрміналагічных адзінак беларускай мовы гэтага перыяду: *полінайменнасць – выкарыстанне некалькіх лексем для перадачы аднаго паняцця; наяўнасць фанетычных і марфалагічных варыянтаў; мнагазначнасць тэрмінаў* [10, с. 117–118]. Усе гэтыя рысы можна выявіць і ў беларускай справаводчай тэрміналогіі. Так, напрыклад, у слоўніку С. Серады рускія тэрміны вельмі часта перакладаюцца некалькімі беларускімі адпаведнікамі, што прыводзіць да з'яўлення тэрмінаў-сінонімаў і тэрмінаў-дублетаў: *агент, даручнік; акцыя, пай; валавы, агульны, гуртавы; дагавор, умова, угода* і іншыя. Прысутнічаюць у слоўніках С. Серады фанетычныя і марфалагічныя варыянты тэрмінаў: *узаемны, узаёмны; унутраны, нутраны; выкананьне, выпайненне, спаўненне; прылада, прыладзьдзе* і падобныя. Акрамя таго, у асобных выпадках адным і тым жа беларускім словам перакладаюцца блізказначныя лексічныя адзінкі рускай мовы, напрыклад, беларускі тэрмін *уласнік* адпавядае ў слоўніку С. Серады рускім *собственник* і *владелец*, тэрмінам *бяспраўе* перакладаюцца рускія словы *бесправие* і *беззаконие*, словам *прывілей* – рускія *льгота* і *привилегия*. У іншых выпадках выкарыстанне аднаго і таго ж слова пры перакладзе некалькіх рускіх тэрмінаў сведчыць пра адсутнасць вызначаных семантычных адрозненняў у блізкіх паводле значэння, але нятоесных словах, напрыклад, беларускае слова *прыбытак* ужываецца як адпаведнік рускім *барыш*, *доход*, *прибыль*; слова *пасол* выкарыстана пры перакладзе слоў *депутат*, *депутат*, *посол*; лексема *справаздача* – пры перакладзе тэрмінаў *доклад*, *отчет*, а слова *ўмова* сустракаецца як варыянт перакладу для шасці рускіх тэрмінаў – *договор*, *конвенция*, *контракт*, *сделка*, *соглашение*, *условие*. Аднак сустракаюцца ў слоўніку канцылярскіх тэрмінаў С. Серады і адваротныя выпадкі, калі размяжоўваюцца значэнні шматзначных рускіх тэрмінаў і для кожнага са значэнняў падбіраецца асобны беларускі адпаведнік. Напрыклад, для рускага тэрміна *общество* прыводзяцца наступныя пераклады: *грамадства; грамада (зямельнае); таварыства (устаўнае)*.

Вельмі выразна выяўляюцца адметнасці развіцця беларускай справаводчай тэрміналогіі пры супастаўленні беларускіх тэрмінаў, прадстаўленых у розных слоўніках. Параўнаем беларускія тэрміны, прыведзеныя як адпаведнікі некаторых рускіх слоў (*артель, взнос, гарантия, договор, должник, иск, истец, наследник, отношение, подчиненный*) у пяці перакладных руска-беларускіх слоўніках 1920-х гадоў – «Кароткім расійска-беларускім слоўніку канцэлярскіх тэрмінаў» С. Серады (РБСКТ–1926), «Тэрміналогіі права» (ТП–1926), «Расійска-крыўскім (беларускім) слоўніку» В. Ластоўскага (РК(Б)С–1924), «Практычным расійска-беларускім слоўніку» М. Байкова і М. Гарэцкага (ПРБС–1924) і «Расійска-беларускім слоўніку» С. Некрашэвіча і М. Байкова (РБС–1928). Для нагляднасці вынікі супастаўлення прыведзены ў табліцы 1.

Табліца 1 – Пераклад некаторых справаводчых тэрмінаў у слоўніках 1920-х гадоў

РБСКТ-1926	ТП-1926	РК(Б)С-1924	ПРБС-1924	РБС-1928
арцель, сябрына	арцель	сябрына	сябрына, арцель	сябрына (сябрына), суполка, арцель
узнас, укладка, складка	адданьне	ўплата, ўкладка	укладка, уклад, узнас	уклады, узносы, укладка, заплата
гарантыя, забяспэка	гарантыя	папука	гарантыя, забяспэка	гарантыя, забяспэка, зарука
дагавор, умова, угода	дагавор, умова	угода, умова	умова, дагавор	умова, дагавор, угавор
пазыччык	даўжнік	даўжнік	даўжнік, вінавайца	даўжнік, вінавайца, пазычальнік
іск, спозыск	іск	спозыск	іск	іск, позва
спазышчык, ісьцец	ісьцец	спазыстчык, сусьцяжай	істэц, пазывальнік	істэц, пазывальнік, пазывач
наступнік	спадчынаімец	спадкабернік, спадкаберчы	насьледнік, наступнік	наступнік, насьледнік, дзедзіч, спадкаімец
адносьнік, зваротнік	адносьнік	цэдула	зварот	адносьнік
падпарадкаваны, падлежны	падлежны	падуўладны	падлежны	падлежны, залежны, падпарадкаваны, падуладны

Наяўнасць вялікай колькасці сінонімаў, лексічных дублетаў, варыянтнасць тэрмінаў у розных лексікаграфічных працах пацвярджае, што працэс фарміравання беларускай справаводчай тэрміналогіі да канца 1920-х гадоў не быў завершаны. Гэта дазваляла носьбітам беларускай мовы абіраць неабходны тэрмін, кіруючыся ўласным моўным густам, і з сьцягам часу ў узусе мусіў замацавацца адзін найбольш прымальны варыянт.

Разам з тым варта зазначыць, што, нягледзячы на наяўнасць у разгледжаных слоўніках пэўных разыходжаньняў у перакладзе асобных слоў, значная частка беларускай справаводчай тэрмінасістэмы ў 1920-я гады ўжо сфарміравалася, многія справаводчыя тэрміны (як уласнабеларускія, так і запазычаныя) сталі агульнапрынятымі, пра што сведчыць іх ужыванне ў большасці тагачасных слоўнікаў і спецыяльных дапаможнікаў (напрыклад, лексемы *акт, адміністрацыя, архіў, установа, справаводства* і іншыя).

Спіс літаратуры

1. Серада, С. Дзелавод. Узоры афіцыйных папер. Слоўнік тэхнічна-канцэлярскіх выразаў і іншыя, патрэбныя ў дзелаводстве веды / С. Серада. – Менск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926. – 135 с.

2. Вашкевіч, Л. Расійска-беларускі слоўнічак дзеля чыгуначных мясцомаў / Л. Вашкевіч. – Магілёў, 1926. – 24 с.

3. Беларуская навуковая тэрміналогія. – Вып. 10: Тэрміналогія права: расійска-беларускі слоўнік. – Менск: Інстытут беларускай культуры, Праўная секцыя, 1926. – 104 с.

4. Ластоўскі, В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік / В. Ластоўскі. – Коўна: Друкарня А. Бака, 1924. – 832 с.

5. Байкоў, М. Практычны расійска-беларускі слоўнік / М. Байкоў, М. Гарэцкі. – Менск: Белтэст-друк, 1924. – 260 с.

6. Некрашэвіч, С. М. Расійска-беларускі слоўнік / С. М. Некрашэвіч, М. Я. Байкоў. – Менск: Беларус. дзярж. выд-ва, 1928. – 722 с.

7. Шчэрбін, В. К. Тэарэтычныя праблемы беларускай лексікаграфіі / В. К. Шчэрбін; Акад. навук Беларусі, Аддз. навук. інфарм. па гуманітар. навук. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1996. – 140 с.

8. Крамко, І. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / І. І. Крамко, А. К. Юрэвіч, А. І. Яновіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – Т. 2. – 342 с.

9. Белка, Л. Р. Фарміраванне справаводчай тэрміналогіі беларускай мовы ў пачатку XX ст. (на матэрыяле «Дзелавода» С. Серады) / Л. Р. Белка // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. – 2011. – № 2. – С. 53–58.

10. Красней, В. П. Некаторыя асаблівасці беларускай навуковай тэрміналогіі нашаніўскага перыяду і 1920-х гг. / В. П. Красней // Беларуская тэрміналогія: зб. арт. – Мінск: БДУ, 2011. – С. 117–124.

Богуш Святлана Яўгеньеўна – аспірант кафедры гісторыі беларускай мовы БДУ (Мінск, Беларусь).

Навуковы кіраўнік – **Г. І. Кулеш**, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы БДУ, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (Мінск, Беларусь).

The report examines some features of the Belarusian business terminology in the 1920s. Particular attention is paid to ways of translation the terms from Russian into Belarusian. The material of the study are the Russian-Belarusian dictionaries of the 1920s.

УДК 81'374

P. Dąbrowski

LEXICOGRAPHICAL PROBLEMS IN THE FIELD OF OCCUPATIONAL MEDICINE

Рассматривается роль словарей, и, в частности, словарей терминологических, в развитии научных знаний. Анализируются проблемы отбора терминов для отраслевого словаря по медицине труда.

Dictionaries, lexicons, and encyclopaedias solve problems in everyday communication. Whether one needs to learn the meaning of a word or find its equivalent in another language for social or professional purposes, the vast selection of publications often proves to be very helpful. By creating dictionaries, lexicographers enable the proper exchange of information, thus providing the basis for further development of thoughts and actions. Their competences include actions connected with the methodology of gathering and analysing linguistic material, describing dictionary typology and the related model of working on a particular type of lexicon, as well as the order, manner, and tools needed for the proper synthesis of the collected data in the form of an entry, thus leading to the creation of a particular dictionary [1, p. 9].

Nowadays, a published script or volume is no longer the only form of expressing lexicographical activity. With the popularisation of online (mostly bilingual) dictionaries many users can also become amateur lexicographers, editing entries to their liking. Even though such sites do not present the work of professional lexicographers, they are usually preferred by people with linguistic enquiries over traditional printed dictionaries, sacrificing quality of content for ease of use and wide availability. There is, however, a significant upside of the emergence of online dictionaries and encyclopaedias, and it is mostly appreciated by professionals and specialists from different industries. They are able to share their observations on the meaning of specialist terminology they use in their work and access linguistic equivalents of specialist terms in other tongues. Many contemporary online dictionaries provide such opportunity. However, this activity cannot yet be awarded the name of terminological lexicography, because its result is not manifested in form of a complete terminological dictionary, which should represent the current scientific theory of the given field in its full extensiveness [2, p. 145].

Terminological lexicography or terminography is a branch of lexicography dealing with compiling terminological dictionaries [1, p. 7]. Such thesauruses comprise a collection of terms found in the particular technoelect. The terms listed in a terminological dictionary are far more specialized than general concepts described in general dictionaries. According to Grinev, a specialist term is a nominative special lexeme accepted for defining and naming a concept and it meets the following characteristics:

- it is the name for a concept;
- it is specific in use because it is a name for a concept and not a depiction;
- it has a definition that precisely defines the limits of a concept;
- it is precise because it is defined;

- it is independent of context, because it is precise;
- it is unequivocal, because it is independent of the context;
- it is stylistically neutral;
- it is conventional (accepted by agreement between specialists);
- it is consistent in form;
- it is nominative (neither an adjective, nor a verb can be a term) [3].

Thus, all entries of a terminological dictionary should meet this description.

A terminological lexicographer stands before many challenges, one of them being to define the terminological field in need of classification. Terminological lexicographers often turn to fields which are most exploited because of a current economic or political situation. Looking at the most recently published specialist dictionaries, only in 2009 there were several interesting publications, the first example being two specialist dictionaries of European Union customs terminology. One of them is a trilingual publication with 6 000 Polish terms translated into English and German [4]. The other is a Polish-German dictionary with 10 000 entries [5]. They both provide insight into terminology connected with customs clearance under EU law, including the Community Customs Code, the Modernized Customs Code and series of Customs Conventions. Another example is the Polish-German Dictionary of Exports [6]. It includes 22 000 entries with terminology from the field of organization and technique of foreign trade, micro and macroeconomics, law, transport and forwarding of goods, insurance, money transactions, as well as customs and related fields. They could be qualified as terminological dictionaries fitting the description of such a thesaurus, being a momentary and partial representation of the particular field's terminological lexicon, reflecting such characteristics of the LSP as flexibility, ability to change, and openness of the system [7, p. 58].

The appearance of the two dictionaries proves international trade is currently a fast-growing area of professional activity, and thus, proper terminology is necessary to ensure effective professional communication. Interestingly, this growing tempo of business activity along with its consequences directs attention to another terminologically relevant professional area. Wherever there is work, there are humans, working conditions and potential hazards. Their effective identification and the precise description of a healthy labour environment are crucial for the present and future societies. This can be guaranteed by the proper understanding and implementation of medical sciences, namely occupational medicine.

Occupational medicine is the branch of clinical medicine most active in the field of occupational health. Its principal role is the provision of health advice to organisations and individuals to ensure that high stand-

ards of health and safety at work can be achieved and maintained. Occupational physicians must have a wide knowledge of clinical medicine and be competent in a number of important areas, which makes effective communication in this field very important. The International Labour Organisation and World Health Organisation Committee on Occupational Health in 1950 produced a definition of Occupational Health which demonstrates the scope of the task: «Occupational Health should aim at the promotion and maintenance of the highest degree of physical, mental and social wellbeing of workers in all occupations; the prevention among workers of departures from health caused by their working conditions; the protection of workers in their employment from risks resulting from factors adverse to health; placing and maintenance of a worker in an occupational environment adapted to his physiological and psychological equipment and, to summarise, the adaption of work to people and of each person to their job» [8, p. 7].

The above definition reflects the extent of occupational medicine's interest. The fact that it deals with «physical, mental and social wellbeing of workers in all occupations» already suggests that discussing this branch of medicine involves professional terminology from various fields. In the first attempt at researching professional texts connected with the field of occupational medicine, one should establish which particular model of terminology it corresponds with.

The technoelect of occupational medicine comprises the elements of technoelects characteristic of other branches of medicine and science including biology, chemistry, physics, ergonomics, psychology, physiology, toxicology, and a wide range of occupational diseases. It is worth identifying the mechanism in which it was created. New fields of knowledge are formed according to one of the three basic models: (a) new sciences appearing on basis of the existing science (i.e. personal hygiene, professional hygiene, communal hygiene on basis of hygiene; communal hygiene in its turn serving as basis for water hygiene, soil hygiene, dwelling hygiene, etc.); (b) new sciences appearing as the result of interaction of two existing sciences on their border (as biophysics, labour physiology, medical radiology, mathematical logics, etc.); (c) new sciences emerging as the result of interaction of several sciences (science of science, informatics, ecology, transplantology, urban planning, etc.) [9, p. 23]. Thus, occupational medicine, being an extremely vast field with influences from various sciences best corresponds with the third model. The close relation to the neighbouring sciences makes the task of narrowing down the terminology most specific of the field extra hard. This could be observed in texts from the field.

A good example of this is one of the vastest sources of knowledge about the occupational medicine found – The Encyclopaedia of Occupational Health and Safety [8]. In this two-volume publication, one can encounter close to a thousand entries connected with the scope of the field. This extensive source could be classified as an encyclopaedic dictionary devoted to the discussed professional area, however, it is not a terminological dictionary. In order to visualise the difference between the two, one may compare them according to their function, type of receiver, as well as the grammatical description, explanation, and language illustration of the entry. An

encyclopaedic dictionary gives the description of the complete current state of knowledge about the term and is meant for any reader who would like to expand his/her knowledge on the subject. A terminological dictionary on the other hand, describes the term in professional context with its direct placement in the proper technoelect. The users of such dictionary are specialists in the field or translators. Neither dictionary provides grammatical description or language illustration of the entry. The latter may just mention grammatical number and gender for translation and systemic purposes. In the case of an encyclopaedic dictionary, the entry explanation is vast and includes possibly all content regarding relation with historical and cultural context. This approach is not observed in a terminological dictionary, which only provides a concise explanation, based on pre-existing knowledge of the reader [1, p. 67].

The language conveyed in the mentioned publication, as well as other publications from the specialist field of occupational medicine, is obviously not only composed of specialist terms. Besides general language terms, one may divide the text after Grinev in his 1994 Bergen publication into *nomens*, *proto-terms*, *terminoids*, *pre-terms*, *quasi-terms*, and *professionalisms* [10]. Because of the high degree of relation to other medical fields, it is a challenge to limit terms found in occupational medicine literature to those only characteristic of its technoelect. This task begins with the analysis of available sources of terminology appearing in the context of occupational medicine. Their range is quite vast, including numerous Internet sites. However, the need of selecting the most reliable sources, turns attention to publications like the Encyclopaedia mentioned above. Other confirmed texts are e.g. issues of the Polish Journal of Occupational Medicine or publications on the topic by the World Health Organization, academic course books, or general medical dictionaries. Those last ones are difficult to apply for this task due to the wide scope of general medical terminology found in them.

Despite the fact that large areas of the terminological field of occupational medicine are shared with other branches of science, analysis conducted with examples of publications on the topic has shown that it is possible to find the proper dividing line and designate approximately 400–500 most representative terms. Structurally, they could be divided into areas like working conditions (100–120 terms), labour physiology (50–60 terms), ergonomics (50–60 terms), labour psychology (20–25 terms), and professional pathology (140–160 terms). The close relation of this representative group to the neighbouring professional areas makes the description of the term formation process in the field quite complex. For instance, rules of forming occupational pathology terms are shared with those characteristic of other types of diseases. Ergonomics, as another example, uses principles typical of technical terminology. This creates a very large system of terms, whose forming mechanisms need to be observed in order to properly classify new terms entering the field, as any terminological system needs to be consequent and open to further shaping. In the next steps of researching this terminological field I shall decide which terms exactly could be classified as the most representative, and thus included in the initially designated group of 400–500 terms.

References

1. Karpiński, L. Zarys leksykografii terminologicznej / L. Karpiński. – Warsaw: Faculty for Applied Linguistics of the University of Warsaw, 2008. – P. 5–68.
2. Lukszyn, J. Teoretyczne podstawy terminologii / J. Lukszyn, W. Zmarzer. – Warsaw, 2001. – 189 p.
3. Grinev-Griniewicz, S. Towards Establishing Foundations of Anthropological Linguistics: the Bialystok Manifesto (in English, Russian, Polish) / S. Grinev-Griniewicz. – Bialystok, 2004. – P. 20–240.
4. Kapusta, P. Polsko-angielsko-niemiecki słownik terminologii celnej Unii Europejskiej / P. Kapusta. – Krakow: Dr Lex, 2009. – P. 5–201.
5. Kapusta, P. Słownik terminologii celnej Unii Europejskiej / P. Kapusta. – Kraków: Publishing House Dr Lex, 2010. – P. 5–310.
6. Kapusta, P. Słownik eksportera: polsko-niemiecki / P. Kapusta. – Kraków: Dr Lex, 2009. – P. 5–262.
7. Lukszyn, J. Leksykon specjalistyczny – słownik terminologiczny – seria terminograficzna / J. Lukszyn // Leksykografia terminologiczna – teoria i praktyka / red. J. Lewandowski. – Warsaw, 2004. – T. 4. – P. 55–64.
8. Stellman, J. Encyclopaedia of Occupational Health and Safety / J. Stellman. – Geneva, 1983. – 2537 p.
9. Grinev-Griniewicz, S. Lectures on Terminology Science / S. Grinev-Griniewicz. – Bialystok, 2008. – 75 p.
10. Grinev-Griniewicz, S. Theoretical Foundations of Russian Terminology Work: Peculiarities and Perspectives / S. Grinev-Griniewicz // Applications and Implications of Current LSP Research. – Vol. 1. – Bergen, 1994. – 969 p.

Paweł Dąbrowski, Doctoral Candidate at the Faculty for Applied Linguistics, University of Warsaw, MA (Warsaw, Poland).

Effective professional communication poses more and more challenges to specialists, as their fields grow rapidly, largely thanks to their international scope. This character of contemporary professional activity directs lexicographers' attention towards the growth of terminological lexicons, creating the need for constant updates to various terminological systems. Eventually, this leads to the creation of terminological dictionaries, which may be a particularly challenging task, especially in the case of professional fields composed of numerous neighbouring sciences, making term classification extra hard. The article emphasizes the initial problems connected with lexicographical activity in the field of occupational medicine and defining its most representative terminological field.

УДК16.21.65

Т. В. Жеребило

СЕРИЯ СЛОВАРЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Приводится комплексный анализ серии словарей лингвистических терминов, используемых в образовательном процессе при обучении студентов-филологов. Серия общих и аспектных словарей лингвистических терминов, составленных на инвариантно-вариативной основе, представляет собой ряд однородных по содержанию и структуре лексикографических изданий, имеющих общий признак. Единство подтверждается не только содержанием (все словари нацелены на раскрытие структурно-семантических свойств лингвистических терминологем), но их объединяет и то, что структура словарей позволяет соединить теорию моделей с решением проблемы формирования когнитивного компонента металингвистической компетенции будущих преподавателей, что представляется на данный момент значимым и своевременным.

В условиях информационного общества возникла ситуация, когда производство когнитивной, систематизированной информации, технологии и знания становится реальностью, когда интеллектуальное производство все больше и больше превращается в движущую силу развития общества, а система образования невозможна без разработки единиц обучения, нацеленных на усвоение обучаемыми укрупненных блоков информации, создающих базу для овладения коммуникативными стратегиями и тактиками, риторическими, стилистическими и языковыми нормами и приемами, принятыми в разных сферах коммуникации, умениями адекватно использовать их при решении профессиональных задач. Сегодня теория и методика обучения в высшей школе вырывается за грань традиции, оперируя предельно укрупненными единицами исследования и обучения. Трудно определить степень подобного технологического прорыва, но гораздо труднее недооценить те процессы, которые запущены и развиваются с нарастающей скоростью.

Серия общих и аспектных словарей лингвистических терминов, составленных на инвариантно-вариативной основе, вписывается в эти процессы, чем и вызвана целесообразность применения работ данного жанра в студенческих группах [1–14]. Как правило, серия представляет собой ряд однородных по содержанию и структуре лексикографических изданий, имеющих общий признак. В данном случае

единство подтверждается не только содержанием (все словари нацелены на раскрытие структурно-семантических свойств лингвистических терминологем), но их объединяет и то, что структура словарей позволяет соединить теорию моделей с решением проблемы формирования когнитивного компонента металингвистической компетенции обучаемых, что представляется на данный момент значимым и своевременным.

Разрабатывая серию терминологических словарей, мы обнаружили ряд противоречий между направленностью современной лингводидактической парадигмы и отсутствием соответствующей ей теории как основы формирования когнитивного компонента металингвистической компетенции.

Взяв за точку отсчета при составлении словарей когнитивный компонент металингвистической компетенции студентов-филологов, мы выделили три типа лексикографических единиц: 1) терминологические словосочетания, обозначающие информационные модели функциональных стилей, текстов, коммуникативных качеств речи; 2) цельноформленные термины и словосочетания, называющие компоненты информационных моделей; 3) терминологические единицы, используемые для обозначения языковых ресурсов. Несмотря на общность инвариантной структуры словарей, для каждой разновидности указанных единиц были разработаны свои особые типы лексикографической информации. Так, при составлении информационных моделей функциональных стилей

учитываются ситуация общения, набор стилевых черт, образующих стилевую структуру текста, перечень языковых средств, взаимосвязанных с ситуацией общения и стилевой структурой. На выходе мы получаем трехкомпонентную модель, характеризующую типовые особенности функционального стиля. Например: **ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ**: I. Ситуация общения: 1) общение со многими людьми через художественные произведения; 2) основные функции речи: эстетическая и коммуникативная; 3) основные задачи речи: используя художественный вымысел, нарисовать живую, образную картину; передать читателю чувства, переживаемые автором, вызвать в душе читателя отклик на содержание произведения. II. Силевые черты: 1) конкретность; 2) образность; 3) эмоциональность. III. Языковые средства: 1) средства, помогающие выразить конкретность высказывания: конкретная лексика; единственное и множественное число существительных в конкретном значении; глаголы совершенного вида как более конкретные по сравнению с глаголами несовершенного вида; личные местоимения в конкретном значении; 2) языковые особенности, обусловленные образностью художественной речи: употребление слов в переносном значении; обыгрывание многозначности слова; использование синонимических средств всех языковых уровней; глаголы с приставкой за- со значением начала действия; полные прилагательные в художественных описаниях; краткие прилагательные; предложения с однородными членами в описании и повествовании; сложносочиненные предложения в рассуждениях; диалоги, прямая речь при создании живых, образных картин; периоды; 3) языковые средства, передающие эмоциональность автора, направленную на контакт с читателем: интонация живой речи в связи с речевой характеристикой персонажей (выражение желаний, побуждения, повеления, просьбы); эмоционально-оценочная лексика; торжественная лексика и т. п.

Аналогичным образом презентуются и другие стили: **научный, официально-деловой, публицистический, разговорный**, подстили: **собственно научный, учебный, справочный, научно-популярный; административный, дипломатический, канцелярский** и др.

Информационная модель стилистически дифференцированного текста также является трехкомпонентной. А именно: **ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РАССУЖДЕНИЯ-РАЗМЫШЛЕНИЯ**: I. Ситуация общения: 1) обращенность автора речи к читателю, слушателю, а также к самому себе, что связано с желанием разобраться в ряде проблемных вопросов, до конца понять не только особенности предмета размышления, но и свои мысли, чувства (все это обуславливает частотность рассуждений-размышлений в художественных произведениях, в публицистической литературе); 2) основная задача общения – выразить мнение, разрешить сложную проблему; 3) функция общения – ценностно-ориентировочная. II. Структурно-композиционные части: 1) экспозиция (подведение к проблемному вопросу); 2) система проблемных вопросов и ответы на них; 3) выводы. III. Языковые средства: 1) одна из синтаксических средств – вопросно-ответная форма

(вопросы на стадии оформления могут опускаться: они остаются как бы «скрытыми внутри», их также можно оставлять в качестве скреп между абзацами); 2) усложненные конструкции.

При описании текстов разных жанров, как правило, используется трехкомпонентная модель, иллюстрирующая иерархию компонентов и их отношений внутри модели. По такому принципу лексикографируются терминологические **аннотация, рецензия, отзыв, реферат, монография, статья** и т. п.

Однако не все категории описываются в аспекте трёхкомпонентной модели. Так, информационные модели коммуникативных качеств речи являются поликомпонентными: **ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТОЧНОСТИ РЕЧИ**: I. Одно из главных коммуникативных качеств речи, заключающееся в точности словоупотребления и в точности выражения мысли; II. Формы точности речи: 1) точность словоупотребления; 2) смысловая точность. III. Языковые уровни: 1) фонетика; 2) лексика; 3) словообразование; 4) синтаксис. IV. Условия реализации точности речи: 1) знание предмета речи; 2) владение лексическими ресурсами языка; 3) умение при помощи высказывания или текста выразить мысль; V. Особенности функционирования точности речи: 1) выражение языковыми средствами понятийно-языковых средств в научной речи; 2) создание фактографической точности в публицистике; 3) перенос значений в художественном тексте; 4) конкретность художественной речи; 5) точность, не допускающая интолкувания в деловой речи; 6) чувственная конкретность разговорной речи. VI. Основные причины отклонения от точности речи: 1) слабое владение ресурсами языка; 2) незнание фактов, предмета речи. Ошибки, нарушающие точность речи: I. Ошибки лингвистического характера: 1. Неправильное ударение, меняющее значение слова; 2. Лексико-словообразовательные ошибки: а) смешение приставок, суффиксов, меняющее значение слова; б) смешение словообразовательных антонимов, синонимов, паронимов. 3. Лексические ошибки: а) смешение паронимов, паронимов, синонимов; б) смешение антонимов; в) расширение значения слова за счет «вычеркивания» одного из дифференциальных компонентов; г) сужение значения слова (зачастую связано со смешением родовых и видовых отношений); д) неоправданная замена одного слова другим. 4. Неправильное построение предложения или текста, искажающее точность речи. II. Фактические ошибки. Образцы работы над ошибками: Мы вошли в активный зал. (Смешение паронимов активный и актальный. Нарушается точность речи). – Мы вошли в актальный зал.

Вторая разновидность лексикографических единиц – это наименования компонентов модели, при описании которых лингвистическая информация дифференцируется в зависимости от того, компонент какой модели описывается. Например:

СИТУАЦИЯ ОБЩЕНИЯ. 1. Один из основных компонентов информационной модели, характеризующийся сферой общения, особыми функциями речи, зависящими от конкретного стиля, задачами речи. 2. Ситуация, в которой возникает общение между говорящим и слушающим.

СИТУАЦИЯ ОБЩЕНИЯ, В КОТОРОЙ ВОЗНИКАЕТ РАССУЖДЕНИЕ-РАЗМЫШЛЕНИЕ. Си-

туация общения, которая предполагает обращенность автора речи к читателю или слушателю, а также к самому себе, что связано с желанием разобрататься в ряде проблемных вопросов. Основной задачей общения здесь становится выражение мнения, разрешение сложной проблемы. Функция общения, которая реализуется в рассуждении-размышлении, – это ценностно-ориентировочная функция.

Как видим, материал дифференцируется при переходе от абстрактного уровня к конкретному: разный уровень лингвостилистической абстракции прогнозирует особые типы лексикографической информации.

Третья разновидность лексикографических единиц самая многочисленная. Это наименования языковых ресурсов, для описания которых разработаны специальные схемы, в которых даются разнообразные типы лексикографической информации: 1) зона значения, представленная различными способами: а) в форме дефиниции; б) в виде словообразовательной трактовки; в) в форме отсылочной дефиниции; г) с помощью контекста употребления; 2) вход словарной статьи, реализуемый: через информационную модель или конкретный термин; 3) зона экстралингвистических факторов; 4) информация о стилевой структуре текста; 5) перечень языковых средств, связанных с ситуацией общения и стилевой структурой текста; 6) зона терминологических синонимов и дублетов; 7) информация о терминологических омонимах; 8) сведения о паронимах; 9) зона терминологических антонимов; 10) зона аналогов; 11) зона комплексной информации, представленная моделью функционального стиля; 12) зона стилистических ресурсов; 13) информация о функционально-стилистическом инварианте и модификациях инварианта; 14) этимологическая справка; 15) зона ударения; 16) информация о произношении; 17) зона примеров, иллюстрирующих современное терминопользование; 18) зона сочетаемости.

С учетом данных типов лексикографической информации описываются цельнооформленные и составные терминологические единицы во всех разработанных нами словарях [1–14]. Построение словарей от информационной модели к терминам и наоборот позволяет рассмотреть вопрос о том, насколько терминологические единицы функционально соотносятся друг с другом и предоставляют обучаемому возможность для оптимальной реализации коммуникативных потребностей в процессе работы с профессиональными лингвистическими текстами.

Работа с аспектными словарями в процессе обучения языку специальности позволяет выявить специфику терминологического пласта лексики, что является обязательным условием успешного овладения основами профессионального общения. Определение природы лингвистического термина как обобщенного понятия науки о языке, как носителя лингвистической информации и смыслового фундамента филологического текста служит причиной для рассмотрения его в качестве интеграционной доминанты языкового и предмет-

ного содержания как в словарях, так и в процессе формировании профессиональной компетенции филологов.

Вполне очевидно, что профессиональная коммуникация студентов в сфере лингвистики строится на терминологической базе. Именно терминология выступает в качестве основного средства профессионально коммуникативной реализации личности, индикатора ее профессиональной компетенции. Владение терминологией общего и частного языкознания (термины фонетики, словообразования, лексикологии, морфологии, синтаксиса), риторики, стилистики, умение выбора адекватных терминологических средств является важнейшим требованием к студенту, передающему лингвистическую информацию. Термин выступает главным носителем лингвистической информации, первоэлементом профессионального мышления и общения в филологической коммуникации, показателем качества профессионализма личности. Предметно-логические связи лингвистических понятий, представленные в информационных моделях и в текстах предлагаемой серии словарей в целом, обуславливают системную организацию терминологического пространства современной филологии.

Список литературы

1. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 4-е изд., испр. и дополн. – Назрань: Пилигрим, 2005. – 376 с.
2. Жеребило, Т. В. Риторика: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 56 с.
3. Жеребило, Т. В. Методы исследования в языкознании: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 56 с.
4. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2012. – 280 с.
5. Жеребило, Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 108 с.
6. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Синтаксис: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 156 с.
7. Жеребило, Т. В. Термины и понятия общей морфологии: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 44 с.
8. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Морфология: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 76 с.
9. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2012. – 128 с.
10. Жеребило, Т. В. Термины и понятия: Морфемика. Словообразование: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 52 с.
11. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Фонетика. Орфоэпия. Акустика. Фонология: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 44 с.
12. Жеребило, Т. В. История языкознания: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 76 с.
13. Жеребило, Т. В. Введение в языкознание: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 154 с.
14. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

Жеребило Татьяна Васильевна, профессор кафедры общего языкознания ЧГУ, доктор педагогических наук, профессор (Грозный, Чеченская Республика, Россия).

The article is devoted to the complex analysis of the several dictionaries of linguistic terminology, which are used in teaching of students-philologists.

УДК 81'374.26

М. А. Заверуха

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ МИКРОСТРУКТУРЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Рассматривается проблематика изучения микроструктуры терминологического словаря. Анализ терминологических словарей на микроуровне связан с обширной проблематикой, основанной на изучении структуры словарной статьи и реализации в ней лексикографических параметров, а также ее иерархического строения, типов терминологических дефиниций, принципов построения текста словарной статьи и его содержательных характеристик.

В современном мире происходят непрерывные изменения во всех сферах деятельности человека, что находит свое отражение и в языке, в частности, в терминологии. По этим причинам составление новых отраслевых терминологических словарей является крайне актуальным.

Изучение терминологических словарей на микроуровне основывается на исследовании вопросов, связанных со словарной статьей, ее структурой, строением и содержанием.

Анализ структуры словаря предполагает отдельное изучение мега-, макро-, и микроструктуры словаря.

Термин *мегаструктура* обозначает соотношение структурных компонентов словника (совокупность всех заглавных слов словаря) и внешней структуры (предисловие, руководство к пользованию словарем, содержание, список сокращений и т. д.). При изучении мегаструктуры анализу подвергаются основные разделы словаря и их содержание, а именно:

- 1) вводная часть (предисловие и раздел «Как пользоваться словарем»);
- 2) собственно словарь, корпус или словник словаря;
- 3) приложения.

Анализ мегаструктуры производится с целью определения принципов построения словаря, эффективности организации его основных частей, выявления того, какие разделы словаря способствуют успешному овладению представленным материалом.

Анализ *микроструктуры* заключается в определении способа организации материала в конкретных словарных статьях и является необходимым для выявления особенностей словоупотребления, а также выбора различного рода добавочной семантико-функциональной характеристики.

Структура словарной статьи и ее метаязык исследуются в теории лексикографии, поскольку лексикографическая обработка слова играет определяющую роль в степени информативности словарной статьи.

В состав словарной статьи могут быть также включены толкования или дефиниции (описательные, отсылочные или синонимические), иллюстративные примеры, цитаты, графические иллюстрации и др. [1, с. 71].

М. С. Колесникова считает, что одним из наиболее эффективных методов в изучении микроструктуры словаря является индуктивный метод, т. е. от частного к общему, что предполагает изучение конкретных терминологических словарей с целью выявления общих закономерностей, характеризую-

щих становление микроуровня терминологической лексикографии [2, с. 245].

Обязательным компонентом изучения поставленной проблемы является анализ существующих разработок общих положений по теории структуры словарной статьи.

Л. П. Ступин и А. С. Глебовский выделяют четыре основных направления исследования теоретических основ структуры словарной статьи в отечественной и зарубежной лексикографии:

- практическое направление (от практики к теории);
- теоретическое направление (от теории к практике);
- параметрическое направление (от единицы к системе);
- текстовое направление (от системы к единице).

Указанная выше классификация является условной, поскольку изучение словарной статьи происходит с использованием различных подходов. Л. П. Ступин и А. С. Глебовский отмечают, что только объединение наиболее перспективных путей исследования может гарантировать всестороннее изучение объекта [3, с. 67].

Л. Згуста в словарной статье дифференцирует две основные части:

- лемма, в которой идентифицируется лексическая единица: заглавное слово, сведения о морфологическом, синтаксическом и комбинаторном классе, произношении и этимологии;
- остальная часть: содержит всю остальную информацию о слове и раскрывает семантику заглавного слова во всех его аспектах.

Эффективными средствами описания семантики слова, по мнению Л. Згуста, являются: толкование слова; местоположение в системе синонимов; примеры употребления; глоссы, т. е. пометы различного характера – ареальные, терминологические и др. [4, с. 143].

Конкретные типы микроструктуры словаря обусловлены его жанром, характером включаемой в состав словарной статьи формальной и содержательной информации. Разграничение формального и семантического уровней, отраженных в словарной статье можно считать одной из характеристик абстрактной микроструктуры словарной статьи, их соотношение может служить дифференциальным признаком. В словарях разного типа в разных пропорциях представлены элементы словарной статьи.

Формальные и семантические характеристики структурируют словарную статью терминологического словаря. Они могут быть представлены в виде различного вида микроструктур: простых, расширенных, интегрированных, и сложных.

Простая микроструктура включает левую и правую части словарной статьи, при этом в левой доминируют формальные характеристики, а в правой – семантические и прагматические.

Интегрированные микроструктуры характеризуют полисемантические заголовочные единицы, которые содержат один, два или более семантических комментария, каждый из которых может иметь собственную подструктуру.

Расширенные и сложные микроструктуры могут включать различные виды отсылок, которые касаются как семантической, так и прагматической информации.

Современные представления о структуре словарной статьи позволяют:

- учитывать ее иерархическую структуру;
- дифференцированно классифицировать заголовочное слово с семантической и прагматической точек зрения, что приводит к необходимости их дифференцированной лексикографической подачи;
- учитывать различия абстрактной и конкретной микроструктуры, а также то, что микроструктура реализуется в конкретных микроструктурах отдельных словарных статей.

Большое значение в решении поставленной проблемы представляет анализ и синтез лексикографической информации. Лексикографические параметры выделяются путем разложения словарной информации на минимальные элементы.

Ю. Н. Караулов выделяет понятие параметра языковой структуры, который находит отражение в словаре и является минимальной единицей языковой информации.

После выделения мельчайших элементов информации словарной статьи происходит систематизация и группировка этих элементов, результат которых представлен в описании структуры словарной статьи и словаря в целом.

Терминологический словарь и его параметры рассматриваются не изолированно, а в контексте общих характеристик словарей.

Новые типы словарей, в том числе и терминологического характера, можно было бы конструировать, подбирая такие сочетания различных параметров, которые будут максимально соответствовать заранее сформулированным целям конкретного словаря.

Вопрос о максимально возможной насыщенности словаря терминологической информацией, о его параметрических категориях является одним из самых существенных.

Ю. Н. Караулов подчеркивает, что первые словари всех языков были двуязычными и несли минимальную информацию, таким образом, количество лексикографических параметров было минимальным.

Благодаря иерархической организации микроструктуры словарной статьи, которая схематически может быть представлена в виде «дерева», создается объемность информационного семантического пространства словарной статьи терминологического словаря и одновременно обеспечивается его целостность.

Словарная статья представляет собой некое единство. Подход к словарной статье как к тексту позволяет раскрыть ее внутренние характеристики и особенности функционирования.

Ю. Н. Караулов определил словарную дефиницию как текст особого рода – объяснительный по своему характеру, специфика которого заключается в том, что он целиком состоит из ключевых слов, а поэтому каждое полнозначное слово может расцениваться как отдельный семантический компонент [5, с. 44].

Т. С. Воробьева указывает на то, что словарная статья обычно содержит заголовочное слово, перевод, а затем следуют пояснения к переводам, при этом ставится задача «вскрыть сущность явления, не загромождая словарь излишними деталями, и изложить необходимую информацию в сжатой, компактной форме» [6, с. 16].

О. В. Грязнова выделяет основные категории текста словарной статьи: информативность, когезия, интеграция, пресуппозиция, проспекция, ретроспекция, континуум, членение, модальность, завершенность, прагматичность, коммуникативность. Ведущей категорией признается информативность [7, с. 10].

Изучение терминологических словарей на микроуровне связано с обширной проблематикой, основанной на изучении структуры словарной статьи и реализации в ней лексикографических параметров, а также ее иерархического строения, типов терминологических дефиниций, принципов построения текста словарной статьи и его содержательных характеристик.

Список литературы

1. Карпова, О. М. Языки для специальных целей и их лексикографическое описание: метод. рекомендации к спецкурсу для студентов IV курса английского отделения ф-та РГФ / О. М. Карпова. – Иваново, 2003. – 69 с.
2. Колесникова, М. С. Диалог культур в лексикографии: феномен лингвострановедческого словаря / М. С. Колесникова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2002. – 392 с.
3. Ступин, Л. П. Теория словарной статьи в советской и зарубежной лексикографии / Л. П. Ступин, А. С. Глебовский // Вестник ЛГУ. Сер. Язык и литература. – 1990. – № 2 – С. 62–69.
4. Zgusta, L. Manual of Lexicography (Janua Linguarum. Series maior 39) / L. Zgusta. – Prague: Academia; The Hague, Paris: Mouton, 1971. – 243 p.
5. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского языка / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
6. Воробьева, Т. С. Словарная статья как особый вид текста / Т. С. Воробьева // Лингвистика текста и методика преподавания иностранных языков / Т. С. Воробьева. – Киев, 1981. – С. 15–19.
7. Грязнова, О. В. Словарная статья терминологического словаря как вид научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Грязнова. – М., 1985. – 16 с.

Заверуха Марина Анатольевна, аспирант Института гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ) (Москва, Россия).

Научный руководитель – *Г. Н. Гумовская*, проректор по научной работе и международным проектам ИГУМОиИТ, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия).

The report touches upon a range of problems of terminological dictionary microstructure research and is based on the investigation of issues connected with dictionary entry, its structure and content. The terminological dictionary microstructure analysis is connected with an extensive range of problems based on the research of the dictionary entry and presentation of lexicographic parameters in it. The hierarchical structure of dictionary entries, types of terminological definitions, essential principles of texts are of great importance as well.

УДК 025.4.03

Ю. А. Загорюлько, И. С. Кононенко

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ТЕЗАУРУСА ПО КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Обобщается опыт двухлетней работы по созданию электронного русско-английского тезауруса по компьютерной лингвистике (КЛ). Дается обоснование ввода в описание терминов ссылок на разделы КЛ и смежных наук. Коротко описываются типы информации в словарной статье термина. Обсуждаются основные проблемы отбора и описания терминов, связанные с такими особенностями тезауруса, как двуязычность и незрелость представляемой им области знаний.

1. Введение

В проекте создания электронного русско-английского тезауруса по компьютерной лингвистике поставлена задача развернутого лексикографического отображения современного состояния терминологии этой новейшей быстро развивающейся области знаний. Задача в таком объеме поставлена впервые, поскольку ни один из известных близких по тематике лексикографических источников не удовлетворяет одновременно всем требованиям: представительности в отношении терминологии КЛ, двуязычность, наличие толкований, актуальность.

Результаты двухлетней работы по проекту: 1) создан и существует в электронном виде [1] пополняемый информационно-поисковый русско-английский тезаурус по КЛ (РАТез-КЛ), контент которого представляет собой связанное тезаурусными отношениями множество терминов с их определениями; 2) в РАТез-КЛ представлена иерархическая структура предметной области (ПО) КЛ в контексте смежных дисциплин; 3) ядро тезауруса, представляющее основные направления КЛ, содержит 1671 термин (из них 515 пар дескрипторов); 4) представлено более 120 источников терминов и их определений; 5) разработана технология пополнения РАТез-КЛ новыми терминами, включающая процедуру отбора терминов и подготовки параллельного русско-английского словника, методику описания терминов, инструкцию по представлению терминов в словарной статье, список тезаурусных отношений, список подобластей КЛ.

Структура РАТез-КЛ, детально описанная в [2], основана на существующих отечественных и международных стандартах, регламентирующих построение информационно-поисковых тезаурусов. Однако методика разработки и контент ресурса имеют ряд особенностей, обусловленных, в первую очередь, его двуязычностью и спецификой предметной области.

2. Специфика предметной области КЛ и представление ее структуры

Важно отметить следующие факторы, характеризующие КЛ в целом и русскоязычную КЛ (РКЛ), в частности:

– еще не преодоленное до конца методологическое и технологическое отставание РКЛ от мирового уровня (что отмечено на сайте конференции «Диалог» – единственной в России ежегодной конференции по КЛ [3]);

– неоднородность предметной области КЛ;

– неравномерность темпов развития отдельных направлений КЛ;

– междисциплинарный характер КЛ.

Существующие определения КЛ демонстрируют ее междисциплинарный характер как науки, лежащей на пересечении лингвистики, информатики и исторического интеллекта (см. определение термина *компьютерная лингвистика* в РАТез-КЛ), но не отражают в полной мере ее объект, которым является обработка информации, представленной на естественном языке. Две формы естественно-языкового представления информации наряду с множеством процессов обработки этой информации легли в основу иерархии областей и подобластей ПО КЛ. В то же время эта иерархия не может игнорировать смежные дисциплины, которые пересекаются с собственно КЛ и формируют контекст ее терминологического пространства. Кроме того, иерархия отражает и сложившееся разделение КЛ на две ветви: «Теоретическая КЛ» и «Приложения». В соответствии с [4], первая ветвь создает технологии для решения задач, связанных с различными процессами обработки информации, такими как «Морфологический анализ», а вторая решает конкретные прикладные задачи с применением этих технологий, например, «Информационный поиск».

На сайте [1] представлена полученная иерархия направлений КЛ и смежных наук, каждому из которых соответствует свой топ-термин. Описание этой иерархии и ввод отношения, связывающего конкретный термин-дескриптор с соответствующей (возможно, несколькими) научной областью обеспечивает связную терминологическую картину каждой подобласти КЛ, что удобно для пользователя, изучающего конкретное направление КЛ, с одной стороны, и для целей индексирования (обеспечения более точного поиска), с другой.

Множественность отношения дескриптора к научной области важна, учитывая развитие отдельных областей, которые с течением времени могут выделить дочернюю подобласть либо сформироваться как отдельное научное направление, что приводит к новым терминологическим связям. Именно так обстоит дело с областью «Извлечение информации», для которой существуют две интерпретации и, соответственно, возможны два определения ее топ-термина. В [5] более широкая из двух трактовок (оправданная исторически) рассматривает «Извлечение информации» как разновидность области «Информационный поиск», а более узкая ограничивается извлечением интересующей пользователя специфической информации и представлением этой информации в удобной для дальнейшей обработки и анализа форме. В современных работах, таких как [6], «Извлечение информации» уже рассматривается как самостоятельная подобласть прикладной КЛ.

3. Двухязычность тезауруса и подготовка параллельного словаря

Двухязычный тезаурус, содержащий английские и русские термины КЛ и их толкования, должен привести в соответствие английскую и русскую терминологические системы КЛ, что даст возможность отечественным ученым и специалистам лучше ориентироваться в мировой ситуации в данной области, выявлять различия и сходства между понятиями, используемыми в отечественной и зарубежной науке, а также вводить новые понятия и лингвистические термины, отсутствующие в русском языке. Двухязычность тезауруса симметрична: каждый русский термин должен быть обеспечен английским эквивалентом, и наоборот. Однако нередко объемы значений терминов не совпадают, вплоть до ситуации отсутствия эквивалента, когда приходится прибегать к переводу.

Первостепенной задачей является выявление и описание русской терминологии и установление ее соответствия английской. Но особенности ПО КЛ определяют отсутствие систематизированных описаний как самой дисциплины, так и принятой в ней терминологии. Это преимущественно относится к РКЛ, незрелость которой приводит к недостатку авторитетных русскоязычных терминологических источников. По этой причине при разработке русскоязычной части тезауруса использовались источники «живых» терминов РКЛ, и именно они фиксировались в словарных статьях тезауруса. В качестве основного источника русскоязычных терминов была выбрана коллекция текстов докладов, представленных на международной конференции «Диалог» [3] в 2000–2010 гг., как «зеркала», отражающего термины РКЛ в их реальном употреблении. Методика извлечения терминов из текстовых источников изложена в статье [7].

Для английской части словаря, с учетом русско-английской направленности РАТез-КЛ, выбирались переводные эквиваленты из авторитетных англоязычных источников по КЛ, таких как учебник [8].

С другой стороны, чтобы дополнить картину РКЛ в тех ее разделах, где имеются пробелы, при сборе терминов пришлось опираться преимущественно на англоязычные источники. Так, учитывая скачок, совершенный в течение последних нескольких лет в такой высокотехнологичной подобласти КЛ, как «Речевые технологии», а также тот факт, что это направление слабо представлено в коллекции «Диалог», при сборе терминов для этой подобласти была применена обратная методика, т. е. в качестве основных использовались англоязычные источники: предметные указатели нескольких современных и наиболее авторитетных англоязычных книжных источников обзорно-учебного профиля и глоссарии, входящие в документацию известных звуковых анализаторов. На данной терминологической базе путем перевода был составлен англо-русский терминологический словарь.

4. Проблемы и методы описания терминов

Проблемы описания терминов РАТез-КЛ отражают определенную незрелость РКЛ и ее отставание от англоязычной КЛ. Для устоявшихся терминологических систем не характерна развитая синонимия: в специализированных тезаурусах число аскрипторов невелико. Опыт создания РАТез-КЛ демонстрирует иную картину: соотношение дескрипторов и аскрипторов в некоторых подобластях – примерно 1/5. Кроме

того, в результате отставания РКЛ часто наблюдается ситуация отсутствия русскоязычного термина.

Для анализа и решения терминологических проблем при создании двухязычного тезауруса рассматривалась группа признаков:

А. Новизна понятия – {«+А»: новое понятие, «-А»: существующее понятие};

В. Число существующих терминов для понятия – {«+В»: один термин, «++В»: несколько терминов, «-В»: отсутствие термина (при заимствовании понятия)};

С. Наличие устойчивой связи между понятием и термином (для нового понятия связь может быть неустойчивой, что приводит к сосуществованию нескольких вариантов терминов, ни один из которых не принят научным сообществом как более предпочтительный) – {«+С»: устойчивая связь, «-С»: неустойчивая связь};

Д. Возможность иерархического семантического сдвига в значении термина (сдвиг значения непосредственно вверх или вниз по родовидовой или партонимической иерархии) – {«+D»: сдвиг возможен, «-D»: сдвиг невозможен}.

Эти признаки не взаимно независимы, существуют невозможные комбинации их значений, например, <+В, -С> и <-А, -В>.

<(+А|-А), ++В, +С, (+D|-D)> – проблема выбора дескриптора. Выбор делается в пользу более общепринятого термина, например, *актант*, имеющий в коллекции «Диалог» частоту встречаемости 733, предпочтительнее, чем *аргумент* (616); *валентная структура* (20) предпочтительнее, чем *валентная рамка* (14), *схема валентностей* (3).

<+А, ++В, -С, (+D|-D)> – проблема выбора термина для нового понятия. Помимо статистики, решение проблемы требует привлечения знаний / интуиции эксперта: так, для термина *translation memory* некоторые эксперты предпочли *архив переводов* (1) несмотря на большую частотность термина *переводческая память* (8) и широко использование практическими переводчиками термина *память переводов* (0).

<+А, -В, -С, (+D|-D)> – проблема отсутствия эквивалента в РКЛ и необходимость создания нового термина; так, термин *целевой фрейм*, предложенный в статье [9], является удачным эквивалентом для *template* (в области *извлечения информации* обозначает форму представления результата работы системы). Заметим, что многие термины области «Речевые технологии» были созданы авторами словарных статей.

<(+А|-А), (+В|++В|-В), +С, +D> – проблема семантического сдвига: реальные примеры употребления термина показывают наличие узкой и широкой интерпретаций. Такого рода неоднозначность характерна для термина *валентная структура* ('синтаксические валентности предикатного слова' vs. 'синтаксические и семантические валентности предикатного слова и их соответствие'). Проблема решается вводом релятора: *валентная структура (синтаксис)* и *валентная структура*.

Рассмотрение возможных ситуаций в терминах значений указанных признаков оказалось удачным методом мониторинга и решения терминологических проблем при создании двухязычного тезауруса.

5. Представление терминов в тезаурусе

Основные единицы РАТез-КЛ – термины ПО, представленные преимущественно существенно

ными и именными словосочетаниями. Единицы, соответствующие одному понятию, подразделяются на дескрипторы (предпочтительные термины) и аскрипторы (синонимы квази-синонимы, лексические варианты, сокращения).

В состав словарной статьи любого термина входят «название термина», «язык», «автор словарной статьи» и «комментарий». Каждый термин снабжен ссылкой на терминологический «источник»; для документов указывается раздел источника (гlossарий, терминологический индекс), а для коллекций приводится статистика встречаемости термина.

Дескрипторы имеют дополнительные атрибуты: «определение», поясняющее на языке термина его значение, «подобласти знаний», с которыми соотносится термин, и «релятор», различающий омонимы.

Термины каждой одноязычной версии тезауруса связываются семантическими отношениями. Для связи дескрипторов с аскрипторами служат обычное отношение синонимии, а также специальные отношения, связывающие аскрипторы с альтернативными дескрипторами или с комбинацией дескрипторов. Дескрипторы связываются в иерархию с помощью недифференцированной иерархической связи, родовой и паронимической связей. Предусмотрена также ассоциативная связь.

Разноязычные версии тезауруса связываются отношением эквивалентности между дескрипторами.

6. Заключение

Двухязычность РАТез-КЛ и незрелость описываемой им области знаний определяют описанные в докладе особенности подготовки и описания терминов: использование текстовых коллекций как одного из источников терминов, мониторинг терминологических проблем при пополнении тезауруса новыми терминами, представление структуры современной КЛ, наличие определений терминов, не характерное для стандартных информационно-поисковых тезаурусов.

Благодаря этим свойствам РАТез-КЛ может быть полезен как источник информации о текущей ситуации в области КЛ в России и за рубежом, а использование его в процессе обучения позволит студентам вести практическую лексикографическую работу.

Список литературы

1. Русско-английский тезаурус по компьютерной лингвистике [Электронный ресурс] / Институт систем информатики им.

А. П. Ершова СО РАН. – Новосибирск, 2011. – Режим доступа: <http://uniserv.iis.nsk.su/thes>. – Дата доступа: 12.10.2012.

2. Загоруйко, Ю. А. Подход к разработке русско-английского тезауруса по компьютерной лингвистике / Ю. А. Загоруйко, О. И. Боровикова, И. С. Кононенко, Е. Г. Соколова // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: труды XIII Всероссийской науч. конф. RCDL'2011, Воронеж, 19–22 октября 2011 г. / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2011. – С. 27–34.

3. Международная конференция по компьютерной лингвистике [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru>. – Дата доступа: 12.10.2012.

4. Uszkoreit, H. What is Computational Linguistics? / H. Uszkoreit // Hans Uszkoreit [Electronic resource]. – Saarland University. – 2012. – Mode of access: http://www.coli.uni-saarland.de/~hansu/what_is_cl.html. – Date of access: 12.10.2012.

5. Grishman, R. Information extraction: Techniques and challenges. / R. Grishman // Information Extraction: A Multidisciplinary Approach to an Emerging Information Technology: materials of International Summer School SCIE-97, Frascati, Italy, July 14–18, 1997 / Ed. M. T. Pazzienza. – Berlin: Springer, 1997. – P. 10–27.

6. Developing Language Processing Components with GATE Version 7 / Cunningham H. et al // User Guide [Electronic resource]. – The University of Sheffield, 1995–2011. – Mode of access: <http://gate.ac.uk/sale/tao/split.html>. – Date of access: 12.10.2012.

7. Соколова, Е. Г. Особенности подготовки терминов для русско-английского тезауруса по компьютерной лингвистике / Е. Г. Соколова, С. Ю. Семенова, И. С. Кононенко, Ю. А. Загоруйко, О. Ф. Кривнова, В. П. Захаров // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 25–29 мая 2011 г. / РГГУ; редкол.: А. Е. Кибрик [и др.]. – М., 2011. – С. 644–655.

8. The Oxford handbook of computational linguistics / R. Mitkov [et al]; ed. R. Mitkov – Oxford: Oxford university press, 2003. – 784 p. 9. Кормалев, Д. А. Приложения методов машинного обучения в задачах анализа текста / Д. А. Кормалев // Программные системы: теория и приложения: труды междунар. конф., Переславль-Залесский, 13–14 мая 2004 г.: в 2 т. – М.: Физматлит, 2004. – Т. 2. – С. 35–48.

Загоруйко Юрий Алексеевич, заведующий лабораторией ИСИ СО РАН, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Новосибирск, Россия).

Кононенко Ирина Семеновна, научный сотрудник ИСИ СО РАН (Новосибирск, Россия).

This paper summarizes the experience in the construction of digital Russian-English thesaurus on Computational Linguistics (CL). The need for relating thesaurus terms to the subareas of CL and adjacent sciences is substantiated and the hierarchical structure of subareas is discussed. The kinds of information given in the thesaurus term entry are outlined. A number of problems of terminology selection and description are observed with respect to the specific features of the constructed thesaurus such as bilinguality and immaturity of Russian CL.

УДК 81'1

Е. С. Закирова

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами лексикографического описания технических терминов. Особое внимание уделяется анализу принципов построения, параметров и функций терминологического словаря. Важное значение, по мнению автора, имеет семантизация описываемых единиц, специфика которых собственно и определяет парадигму словарной статьи и структуру терминологического словаря, главным образом, на основе тематического принципа.

Термины как объекты лексикографического описания достаточно активно обсуждаются специалистами и постоянно находятся в центре внимания исследователей, поскольку составление словарей и

гlossариев различных отраслевых терминосистем является практически важным и необходимым. Особую важность в терминоведческой работе представляет упорядочение терминов. Следует согла-

ситься с мнением А. Э. Карапетьян о том, что эта работа может состоять из ряда этапов, к которым, кроме отбора терминов, относятся следующие: 1) систематизация понятий данной области знания по категориям и построение классификационных схем понятий; уточнение на основании классификационных схем существующих дефиниций или создание новых; 2) анализ терминологии, который проводится с целью определения ее недостатков, позволяет выделить наиболее эффективные способы и модели образования терминов данной терминологии, выявить неудачные формы терминов и определить способы их улучшения или замены; 3) нормализация терминов, которая имеет две стороны – унификацию, направленную на упорядочение содержания терминов, и оптимизацию, имеющую целью выбор оптимальной формы терминов; 4) кодификация полученной терминосистемы, т. е. оформление ее в виде нормативного словаря; ее результатом являются стандарты на термины и определения, которые в документации являются обязательными [1, с. 221].

Известно, что термины, в отличие от общеупотребительных слов, номинируют специальные научные и технические понятия; имеют повышенную смысловую точность (которую и надо закрепить в словаре определением); обладают свойством систематичности (отражают взаимосвязь понятий, появляющихся в процессе развития науки); они пригодны к дальнейшему терминообразованию, т. е. к образованию производных терминов и употреблению в терминологических словосочетаниях; характеризуются краткостью. Термин должен не только называть предмет, но и сообщать о нем, т. е. выполнять коммуникативную функцию языка [1, с. 225].

Одним из важных достижений в современной лексикографии, на наш взгляд, является предложенная В. М. Лейчиком «концепция языкового субстрата»: решение современных проблем терминологии предлагается осуществлять с учетом выделения в термине языкового, логического и собственно терминологического слоев [2, с. 87–88]. Исходя из данной концепции, В. М. Лейчик дает следующее определение термина: «Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [2, с. 88].

Практика показывает, что предметного специалиста интересует в термине преимущественно содержательное понятие, охватывающее все стороны предмета. Для нашего исследования важным представляется мнение ученых, которые считают, что как для формирования словника, так и для определения термина в терминологическом словаре первостепенную роль играют осознание термина в системе научных понятий, а также логико-понятийный анализ терминосистемы [3, с. 5].

Изучение теории терминографии показывает, что двойственная природа термина объясняется тем, что, с одной стороны, он создается для обозначения специального понятия, место которого всегда определено в системе специальных понятий, с другой – в процессе функционирования речи, термин, подобно всякой другой лексической единице, становится многозначным. Очевидно, что прагматический аспект

описания термина в словаре составляет фиксирование отношений между термином-знаком и понятиями, им обозначаемыми [4, с. 160]. Всякое словарное определение термина вторично, в том смысле, что это определение является результатом научной деятельности того или иного исследователя или коллектива исследователей, и мы можем, следовательно, считать словарное определение термина интерпретацией термина-знака. С этой точки зрения словарное определение термина в обычном толковом словаре отражает прагматику термина, но не обязательно вскрывает ее. Особая роль в современном мире высоких технологий отведена терминологическим словарям, в которых фиксируются материализованные компоненты научного знания. Именно такие словари и справочники создают основу для работ в области научно-технической информации.

Нами предлагается *функционально-прагматическая модель* терминологического словаря, в основу которой в разработанных нами словарях положены следующие общие принципы: а) в обеих самостоятельных частях словаря в рамках каждой отдельной терминосистемы могут быть реализованы функции: *систематизирующая, справочная, учебная, нормативная*; б) главными функциями словаря являются систематизирующая и справочная, при этом терминосистемы двух языков разрабатываются самостоятельно, с обязательным проведением предварительного логико-понятийного анализа терминологий для каждого отдельного языка, а также модифицированного метода компонентного анализа, предполагающего разложение дефиниции на минимальные составляющие (семы) [5]; в) соответствия рассматриваются с исходного языка на язык перевода, главным образом, на семантическом, синтаксическом, прагматическом уровнях термина; г) функциональная вариативность словаря обеспечивается определенным набором лексикографических средств из всей совокупности средств, используемых в терминологических словарях разных типов [5; 6]. В нашем понимании, одна из главных функций словаря – справочная – должна способствовать развитию специальных знаний и формированию профессиональной коммуникативной компетенции.

При составлении нами «Англо-русского терминологического словаря по строительству железных дорог, мостов и туннелей» [5] методом исследования нормативности терминологических сочетаний избран модифицированный метод компонентного анализа, предполагающий разложение дефиниции на минимальные составляющие (семы). Нормативность сочетаний специальных лексических единиц на семантическом уровне определяется наличием общих сем. Наряду со словесными определениями существуют такие способы семантизации, как чертеж, график, рисунок, фото, формула и т. д. Поскольку эти способы могут выполнять функцию дефиниции и полностью заменять ее в тексте словарной статьи, есть основания рассматривать их как виды определений, которые выражены не естественным, но метаязыком. Словарные определения могут быть двух видов *по форме выражения*: *словесные определения (вербальные)*, состоящие из одного или нескольких слов или одного предложения с прямым порядком слов; *несловесные определения (невербальные)*, представляющие собой разного рода изображения.

Такое разграничение определений позволяет установить степень развернутости определения и степень семантизации термина в словаре.

По содержанию можно анализировать виды словарных дефиниций в зависимости от способов отражения существенных и отличительных семантических признаков специального понятия. Рассматривая содержание словарного определения термина в виде набора его семантических признаков и учитывая разнообразие форм, дефиниции термина можно свести к трем основным видам: 1) *родовидовые*; 2) *описательные*; 3) *отсылочные*. Максимально полное раскрытие всех значений термина с участием слов-компонентов, связанных по смыслу имеет прямое отношение к расширению зоны словарной статьи и, следовательно, расширению энциклопедических знаний.

Отличительной особенностью данного словаря является то, что термины представлены в окружении других специальных лексических единиц (глаголов, прилагательных, предлогов и наречий) в том виде, в каком они встречаются в специальных текстах. Учитывая изложенные положения о семантических признаках термина, нами выстраивается семантика термина в виде семантической иерархии, начиная с архисемы (высшая абстракция), т. е. таким образом, чтобы передать наиболее важные технические характеристики инструмента, производственной машины или производственного процесса, называемых тем или иным термином. По нашему мнению, подобная структуризация терминов позволит не только развивать профессиональную иноязычную речь специалистов в определенной научной области, но и расширять круг предметных знаний, самостоятельно дополняя понятия терминов и сопутствующей специальной лексики дефинициями из других источников. Каждая словарная статья состоит из минимальных составляющих (сем) дефиниции термина, первый уровень которых (архисема) представляет собой первостепенное значение понятия, выражаемое данным термином. Для правильного перевода специального текста важно знать (или найти) не только соответствующие термины, но и связать их.

Особый интерес представляет терминология автомобильной отрасли. Необходимо отметить, что из всех существующих словарей по англоязычной автомобильной терминологии тематическая систематизация материала дается только в «Иллюстрированном военно-техническом словаре (русский, английский, немецкий, французский, испанский языки)» Л. Л. Нелюбина [7], «Англо-русском тематическом иллюстрированном энциклопедическом словаре» – «English-Russian Thematic Pictorial Encyclopedic Dictionary» в разделе «Транспорт, средства связи и информационная техника» [8, с. 340–390]. В «Современном англо-русском автомобильном словаре» Ю. В. Гинзбурга [9] следует отметить Приложение, в котором собраны классификации, сокращения, условные обозначения и т. п. Приводятся иллюстрации, на которые в тексте даются ссылки, что также относит данный словарь к картинному типу. Анализ многих существующих словарей по англоязычной автомобильной терминологии показал, что они не дают четкого представления об автомобильной терминологии как терминосистеме. Анализируемые

словари представляют собой списки специальной автомобильной лексики, составленные в алфавитном или в алфавитно-гнездовом порядке.

В нашем исследовании мы опирались, прежде всего, на анализ материала, представленного отраслевыми энциклопедиями и справочной научной литературой, то есть принципиально иными по сравнению со словарем типами лексикографического издания: были использованы современные учебники, монографии и статьи по автомобильной тематике английских, американских и русских авторов. Для выявления логики построения данной отраслевой терминологии на основе родовидовых (гипонимических) отношений мы опирались прежде всего на принципы деления объема понятий, предложенные С. В. Гриневым-Гриневиным [10, с. 83], согласно которым: при одном и том же делении необходимо принимать одно и то же основание; деление должно быть соразмерным; члены деления должны взаимно исключать друг друга; деление должно быть непрерывным, переход от родового понятия должен быть только к ближайшим видовым понятиям; в качестве основания деления необходимо брать не случайный, а существенный признак.

Изучение фундаментальных научных трудов по автомобильной отрасли как на русском, так и на английском языках показало, что в конструкции автомобильного транспортного средства любого вида можно выделить три основные части: **двигатель, шасси, кузов**. В ходе исследования нами проведена систематизация терминов, понятий и определений, относящихся к каждой из вышеперечисленных подотраслей, что отражено в «Англо-русском словаре-справочнике по автомобилестроению» [6]. Следует заметить, что каждая подотрасль обладает своим индивидуальным набором понятий и обозначающих эти понятия терминов. При составлении словарей мы придерживаемся общепринятых в терминологии требований. Абсолютное большинство терминологических словарей использует алфавитный принцип организации словарного материала, и это обеспечивает единственный вариант входа в словарь. Отличительной особенностью составленного нами «Англо-русского словаря-справочника по автомобилестроению» [6] является то, что термины и их определения представлены по тематическому принципу.

По нашему убеждению, именно структура словаря отличает его от любого другого справочного издания и позволяет эффективно передать наиболее существенную и значимую информацию, передаваемую термином. Профессионалы за термином видят явления, процесс, объект и т. п. Словарь должен концептуально ориентироваться на потребности пользователей, способствовать снятию трудностей в изучении языка для специальных целей и в переводческой деятельности, оптимизировать процесс межкультурной профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Карапетьян, А. Э. Вопросы упорядочения и лексикографического описания терминологической танцевальной лексики // А. Э. Карапетьян // Научный журнал КубГАУ. – 2007. – № 31(7).
2. Лейчик, В. М. О языковом субстрате термина / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 87–97.
3. Ловцевич, Г. Н. Трехаспектный анализ иноязычного термина как основа лексикографического описания в кросскультурном

- словаре / Г. Н. Ловцевич // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 1. – С. 30–37.
4. Табанакова, В. Д. Функциональная модель переводного специального словаря / В. Д. Табанакова, М. А. Ковязина // Вестник ТюмГУ. – 2006. – № 4. – С. 158 – 165.
5. Закирова, Е. С. Англо-русский терминологический словарь по строительству железных дорог, мостов и туннелей / Е. С. Закирова. – М.: Инэк, 2001. – 200 с.
6. Закирова, Е. С. Англо-русский словарь-справочник по автомобилестроению: шасси / Е. С. Закирова. – М.: Изд-во МГТУ «МАМИ», 2012. – 175 с.
7. Нелюбин, Л. Л. Иллюстрированный военно-технический словарь: около 10 000 терминов. Рус., англ., нем., фр. и исп. яз. / Л. Л. Нелюбин; под ред. В. А. Зломанова. – М.: Воениздат, 1968. – 481 с.
8. Зубкова, О. Т. Англо-русский тематический иллюстрированный энциклопедический словарь / О. Т. Зубкова [и др.]. – English-Russian

- Thematic Pictorial Encyclopedic Dictionary. – М.: Весть, 1998. – 784 с.
8. Гинзбург, Ю. В. Современный англо-русский автомобильный словарь / Ю. В. Гинзбург. – М.: ЗАО КЖИ «За рулем», «Иврус», 2003. – 488 с.: ил.
10. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 304 с.

Закирова Елена Сергеевна – заведующий кафедрой иностранных языков Университета машиностроения (МАМИ), кандидат филологических наук, доцент (Москва, Россия).

The logic of specified scientific and industrial branch structure should be reproduced in a specialized sectoral dictionary. In the given article the exposition of developed and published dictionaries in which complete and relevant terms description are presented.

УДК 81'33

Н. Г. Кантышева

ГИПЕРМЕДИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗНАНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ¹

В общих чертах предложены суждения о том, как технология гипермедиальности используется в контексте современной лексикографии.

Терминологические словари призваны «сделать достоянием всех заинтересованных лиц принятые научные терминологии» [1, с. 203]. Для реализации этого условия неопределимой является не только лингвистическая, но и экстралингвистическая информация, позволяющая лучше понять отраслевой фон, в котором функционирует тот или иной термин.

Современная лексикография предоставляет пользователям такие возможности. Исходя из центрального концепта лингвистики текста – когеренции – пользователи словарей должны с легкостью выявить взаимосвязь между терминами и в идеале выстроить связанную ментальную логико-понятийную модель той или иной предметной области. Данное условие особенно актуально в контексте передачи научных знаний и реализуется не в последнюю очередь за счет гипермедиальности (гипертекста и медиаальности) [2, с. 107] в современной лексикографии.

Чем же привлекает гипермедиальность составителей и пользователей словарей? В общем, можно перечислить некоторые характеристики, благодаря которым такие гипермедиальные электронные терминологические словари превосходят, с одной стороны, печатные лексикографические произведения, с другой стороны, терминологические базы данных не гипермедиального характера:

1. *Мультимедийность.*

Данный параметр можно назвать доминантным лексикографическим параметром, который подразумевает использование нетрадиционных для филологической лексикографии способов систематизации описываемой информации; такие терминологиче-

ские словари могут содержать связанные между собой тексты, (анимированные) графики, чертежи, схемы, рисунки, фотографии, формулы, терминологические базы данных, базы аутентичных текстов, поиск в корпусе, корпусную статистику, звук и видео. Усвоение знаний может быть представлено с помощью любых систем символов, через различные органы чувств.

В качестве примера приведем словарные порталы OWID (Online-Wortschatzinformationssystem Deutsch am Institut für deutsche Sprache) [3] и Canoo (German language portal) [4], которые предоставляют возможность получения грамматического описания исковой единицы и поиска в ряде общих и специальных словарей. Лексические информационные системы Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [5] и Portail lexicale du Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [6] предлагают интегративные порталы лексических и корпусных ресурсов, с помощью которых пользователи могут сравнить описание словарной единицы с примерами из корпуса, используя такие параметры, как «тип текста», «временной период», «частотность», «коллокации».

Электронные словари на CD (Cassidy S.J. Cambridge Dictionary of American English. CD-ROM Dictionary and Thesaurus in one. – 2nd ed. – Cambridge. 2007; Oxford Study CD-ROM. – Oxford, 2006) предлагают отличный механизм тренировки произношения. Программа записывает и производит голос пользователя, сравнивая произношение с эталоном. Пользователь при этом может наблюдать сравнительные осциллограммы (пользователя и диктора), наложить их друг на друга и выявить сходства и различия в произношении.

Российские терминографы также могут представить словарные продукты, содержащие гипермедиальные аспекты. Достаточно назвать «Кросскультурный терминологический словарь» Г. Н. Ловцевич (на материале английских и русских терминов линг-

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0717 «Моделирование терминосистемы «Экологический аудит» и ее лексикографическое описание в систематизирующем комплексном словаре».

водидактики) [7], включающий социокультурный параметр. Терминологический электронный глоссарий фитонимов Н. А. Сиваковой [8] включает 285 словарных статей, 410 графических иллюстраций, звуковое произношение на латинском и английском языках. Словарные статьи глоссария содержат разноязычные эквиваленты, семантическую, стилистическую, этимологическую, хронологическую, фонетическую, энциклопедическую (данные о времени цветения, местообитании, хозяйственном применении фитонимов) информацию.

2. Гипертекст.

Гипермедиальные словари имеют структуру семантических сетей, которые позволяют организовать информацию на разных уровнях обобщения. При таком представлении специальных знаний связь между терминологическими единицами отражена непосредственно через тематически связанные узлы. Учитывая тот факт, что World Wide Web изначально представляет собой систему, основанную на гипертексте, то электронные словари, опубликованные в интернете, по умолчанию должны базироваться на гипертекстовой организации. С другой стороны, мы находим новые типы лексических / терминологических систем и словарных порталов, которые предлагают полезные инструменты поиска и разветвленную структуру ссылок, объединяя разнообразные медиа-типы, и включают в словарную статью, наряду с традиционным лексикографическим описанием термина, другую информацию. Даже в печатном формате словари не относятся к линейному типу текста, поскольку не задуманы читаться в том порядке, в котором расположены словарные статьи. Пользователи начинают с частного поиска ответа на определенный вопрос и используют лишь те словари и словарные статьи, которые могут помочь им в решении этого вопроса. В поддержку такого типа использования селективного информационного поиска, лексикографы установили традиции структурирования содержания словарной информации.

Технология гипертекста предлагает мощные возможности: ссылки могут реконструировать медиаструктуру печатных словарей и направлять пользователей к дополнительным ссылкам, не предусмотренным в печатной версии. В случае преобразования печатного словаря в электронную версию, все перекрестные связи предстанут в виде гиперссылок. Для таких ссылок J. Nielsen использует термин объективные ссылки [9, с. 326], так как они являются «объективным» зеркалом тех семантических связей, которые пользователь находит в печатной версии. Субъективные ссылки [9, с. 326], напротив, создаются дополнительно в том случае, если создатели электронного словаря считают такие ссылки необходимыми для наиболее полной семантизации термина. Приведем пример онлайн-версии немецкого словаря Deutsches Rechtswörterbuch, представляющий академический словарный проект исторического развития немецкой юридической терминологии. Словарь предоставляет разнообразные субъективные ссылки, которые автоматически создаются метапоисковыми инструментами: двойной клик на любой термин в словарной статье создает (а) ссылку на словарную статью термина; (б) список ссылок на электронные документы, содержащие

указанный термин; (в) частотный список употребления данного термина и критерии отбора на этапе составления словника. Такие субъективные ссылки позволяют пользователям узнавать / понимать термин и его значение в оригинальном контексте и предпринимать дальнейшее независимое исследование употребления термина в терминосистеме.

Структура гипертекста словаря Deutsches Rechtswörterbuch Online (German) [10] может быть отличным примером для презентации разницы между внутренними и внешними ссылками. Внутренние ссылки используются в целях перехода от одной словарной статьи к другой в рамках одного словаря или от позиции к позиции (от термина к термину) в рамках одной словарной статьи. Внешние ссылки предлагают переход к другим словарям в интернете. Например, словарная статья «Kammer» указанного словаря соединена внешней гиперссылкой со словарной статьей этого же слова в электронной версии словаря Das Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm Online [11] и словарными статьями двух словарей средне-верхненемецкого языка. Таким образом, пользователь может сравнить употребление слова в официальных документах с лексикографическим описанием в этимологических словарях.

Кроме того, внешние ссылки могут связывать словарные статьи не только в рамках одного языка. Приведем пример двуязычных словарей LEO, которые специализируются на переводе эквивалентов, отправляют пользователя к соответствующим одноязычным словарным ресурсам: (а) английские эквиваленты в немецко-английском словаре Link everything online: Bilingual dictionaries with German [12] соединяются со словарными статьями онлайн-словаря The Merriam-Webster; (б) немецкие эквиваленты связаны с входными единицами словарных статей базы данных CANOO, которая специализируется на произношении, словообразовании единиц, и со словарными статьями одноязычного словаря Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, разработанного на основе печатной версии шеститомного словаря.

Перечисленные словари предоставляют пользователю возможность оценить достоверность лексикографического описания терминологической единицы.

3. Интерактивность.

Различные режимы работы с гипертекстом обеспечивают интерактивное взаимодействие составителя словаря и читателя. Пользователь может самостоятельно выбирать виды деятельности и маршрут навигации в информационном пространстве.

Интерактивность современных словарей проявляется еще и в том, что лексикографы, представляющие свои словарные произведения, ориентированы на пользователя и могут с ним общаться, предлагая ему возможности обратной связи, вопросно-ответной коммуникации, доработки и дополнения словарных статей. Как показывает практика, составителям словарей, особенно терминологических, необходимы достоверные источники. Лексикографы могут узнать о нуждах пользователей в процессе изучения тем, обсуждаемых в рамках лексикографических проектов.

Таким образом, в современной лексикографической традиции прослеживается явление энциклопедизации терминологических словарей, сущность

которого состоит в регистрации большого объема информации энциклопедического характера на уровнях мега-, макро- и микроструктуры. Гипермедиальность понимается в данном случае не только как сеть ссылок на другие термины, но и, наряду с представлением информации о взаимосвязях между терминами, выступает в качестве презентации логико-понятийной схемы знаний в указанной предметной области. Данное представление очень важно для лингвиста (терминолога / переводчика), являющимся специалистом в определенной предметной области, для которого объективное изучение терминологии в такой ситуации представляется весьма затруднительным. Так, применительно к современным лексикографическим тенденциям, гипермедиальность словаря предопределяет системность термина и реализует возможность терминологического словаря описать определенный фрагмент терминосистемы.

Многие словарные проекты экспериментируют с разнообразными характеристиками технологии гипермедиальности. При быстром темпе обогащения лексикографических традиций сложно предвидеть, как будет выглядеть дизайн таких словарей через десять лет. Хотя уже сейчас более чем очевидно, что частота использования гипермедиальных словарей увеличится в десятки раз, превращая любой поиск в инновативное решение.

Список литературы

1. Суперанская, А. В. Общая терминология. Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: УРСС, 2005. – 288 с.
2. Storrer, A. Hypermedia-Wörterbücher: Perspektiven für eine neue Generation elektronischer Wörterbücher / A. Storrer // Wörterbücher in der Diskussion III / Н. Е. Wiegand. – Tübingen: Niemeyer, 2000. – S. 106–131.
3. Online-Wortschatzinformationssystem Deutsch am Institut für

deutsche Sprache [Электронный ресурс] / OWID. – Режим доступа: <http://www.owid.de>. – Дата доступа: 07.08.2012.

4. Canoo – German language portal [Электронный ресурс] / Canoo. – Режим доступа: <http://www.canoo.net>. – Дата доступа: 05.08.2012.

5. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс] / DWDS. – Режим доступа: <http://www.dwds.de>. – Дата доступа: 05.08.2012.

6. Portail lexicale du Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс] / CNRTL. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/portail>. – Дата доступа: 07.08.2012.

7. Ловцевич, Г. Н. Кросскультурный терминологический словарь (на материале английских и русских терминов лингводидактики). CD-ROM / Г. Н. Ловцевич. – Владивосток, 2010.

8. Сивакова, Н. А. Словарь фитонимов. CD-ROM / Н. А. Сивакова. – Тюмень, 2004.

9. Nielsen, J. Multimedia and Hypertext. The Internet and Beyond / J. Nielsen. – Boston, 1995. – 480 p.

10. Deutsches Rechtswörterbuch Online (German) [Электронный ресурс] / DRW. – Режим доступа: <http://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw/>. – Дата доступа: 07.08.2012.

11. Das Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm Online [Электронный ресурс] / DWB. – Режим доступа: <http://germazope.uni-trier.de/Projects/DWB>. – Дата доступа: 05.08.2012.

12. Bilingual dictionaries with German [Электронный ресурс] / BDG. – Режим доступа: <http://dict.leo.org>. – Дата доступа: 07.08.2012.

Кантышева Надежда Геннадьевна, старший преподаватель кафедры немецкой филологии Тюменского государственного университета, кандидат филологических наук (Тюмень, Россия).

This article explains the impact of hypermedial features on lexicography and illustrates how the hypertext and multimedia concept is used in present-day internet dictionaries. Digital dictionaries profit to varying degrees from the benefits of hypertext and multimedia: we find new types of lexical information systems and dictionary portals which offer useful search and browsing tools as well as elaborate linking structures, integrate multiple media types (text, graphics, sound and video) and combine lexicographic descriptions in the dictionary articles with other tools (corpus search, corpus statistics, vocabulary learning etc.).

УДК 81'374

З. И. Комарова, Е. В. Жучкова

ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ СЛОВАРНОЙ ТИПОЛОГИИ

Рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема моделирования отраслевой словарной типологии. Полагаем, что на данном этапе развития науки в целом создание универсальной типологии специальных словарей является преждевременной задачей, которая может быть решена лишь тогда, когда будет накоплен опыт создания отраслевых типологий различных областей знания. Предлагается авторская методология и методика моделирования отраслевой словарной типологии на материале русскоязычных и англоязычных словарей по психологии.

Вопрос о типологии и классификации терминологических словарей (ТС) является одной из главных проблем терминографии. Эта проблема, присущая и лексикографии, и терминографии, активно обсуждается в отечественной и зарубежной литературе уже более столетия, но и по сегодняшний день остается, как справедливо отмечает В. М. Лейчик, «первым дискуссионным вопросом лексикографии и терминографии» [1, с. 205]; «первым “шагом” всей терминографической работы» [2, с. 218]; одной из важных проблем, ждущих своего решения [3, с. 145; 4].

В этих условиях разработка типологии специальных словарей является чрезвычайно актуальной задачей, поскольку она способствует увеличению многообразия и улучшению качества терминографи-

ческой продукции, а также имеет огромное значение для наукометрии, так как позволяет «определить области науки и техники, в которых идет интенсивное развитие» [5, с. 192].

Разработка типологии словарей, помимо систематизации существующего материала, актуальна также тем, что позволяет определить потенциально возможные типы ТС. Очевидно, что новые типы появятся, поскольку терминография переживает сегодня период бурного развития.

Однако в наши дни сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, уже хорошо осознана важность словарного дела, и с позиций когнитивной лингвистики словарь признан одним из основных форматов знания. Однако, с другой стороны, проблема словарной типологии остается нерешенной в

силу того, что все существующие типологии общих и терминологических словарей носят универсальный характер, то есть не учитывают специфики отдельных областей знания. Между тем, научно установлено, что терминография каждой предметной области специфична и обусловлена онтологией данной предметной области ([6; 7] и др.).

Нами разработана методология и методика создания модели отраслевой типологии словарей для области психологии, которая может быть экстраполирована на терминографические исследования других предметных областей.

Исследование проводилось на материале русскоязычных и англоязычных словарей по психологии на основе синтеза современной лингвистики (в том числе когнитивной) и когнитивного терминоведения; теории классификации и типологии общезыковых и терминологических словарей; теории лингвистического и предметного (в данном случае психологического) знания; теории концептосфер.

Моделирование отраслевой словарной типологии предполагает, во-первых, типологический анализ эмпирической базы (комплекса доступных словарей данной предметной области), основанный на параметрическом подходе, дающий представление о фактическом наполнении теоретически выстроенной типологии; во вторых, концептуализацию исследуемой области знания, которая позволит определить специфику данной отрасли, находящую отражение в терминографии предметной области, а также количество концептуальных областей, которые должны быть обеспечены терминографической продукцией. Оснащенность концептуальных областей словарно-справочной продукцией должна определяться результатами анализа эмпирической базы.

Основные правила моделирования в целом основываются на теории моделирования систем (Л. Бергаланфи) и ее исходном принципе: от изолированного рассмотрения частей целого к их совместному действию. В основу объектного моделирования был положен тип словаря, определяемый в ходе типологического анализа эмпирической базы исследования. Вторым основанием явилась структура концептосферы предметной области психологии.

Основанием для анализа эмпирической базы нашего исследования явился параметрический подход, в основе которого лежит понятие параметра.

Для анализа нами были отобраны все доступные нам на момент исследования англо- и русскоязычные словарно-справочные издания, вышедшие в свет в период с 1988 по 2008 гг. Для целей анализа мы выделили следующие типологические группы словарей:

1. Толковые¹.

¹ Необходимо заметить, что определение толковый применительно к ТС является не совсем удачным, поскольку в ТС дается не толкование, а дефиниция. Однако здесь действует «параметр внедренности» или, по выражению В. М. Лейчика, «дань традиции» [1], поскольку название толковый ТС закрепилось и широко используется в лексикографии и терминографии.

2. Энциклопедические.

3. Переводные.

4. Идеографические (тезаурусные).

5. Смешанные (комплексные).

Анализ эмпирической базы проводился по следующим «диагностирующим» параметрам:

1. Предметная ориентация словаря.

2. Языковая ориентация словаря.

3. Временная ориентация словаря.

4. Функциональное назначение словаря.

5. Адресная ориентация словаря.

6. Языковой уровень описания лексики.

7. Формат словаря².

8. Порядок расположения лексических единиц.

9. Интерпретационные параметры³.

Общими выводами сопоставительного исследования русско- и англоязычной терминографии психологии являются следующие:

1. Русскоязычная и англоязычная психологическая терминография представлена в подавляющем большинстве словарями энциклопедического типа, что, вероятно, объясняется спецификой психологической науки, где наблюдается широчайшее разнообразие подходов и направлений исследований, а значит, – трактовок и взглядов на психологические явления. В связи с этим, зачастую различные психологические школы дают разные интерпретации одного и того же понятия. В свете сказанного становится понятным стремление авторов психологических словарей как можно более полно отразить суть рассматриваемых понятий, и, как следствие, преобладание энциклопедического типа ТС в терминографии психологии.

В группе как русскоязычных, так и англоязычных энциклопедических словарей наиболее широко представлены отраслевые (63 % русскоязычных, 57,1 % англоязычных). Чуть менее многочисленна группа узкоотраслевых энциклопедических словарей (31,8 % русскоязычных, 28,5 % англоязычных). Многоотраслевые словари данного типа в русской психологической терминографии отсутствуют, в англоязычной представлены одним словарем, что, впрочем, объяснимо в силу малой степени целесообразности подобного издания, поскольку терминология психологии сама по себе обширна и гетерогенна.

² Данный параметр нетрадиционен, но, на наш взгляд, отвечает духу времени: в связи с появлением и широким распространением электронных словарей, параметр формата словаря (бумажного, или печатного, и цифрового, или электронного) приобретает значимость для адекватного установления типа словаря.

³ Необходимость анализа параметров № 8 и 9 обусловлена нередким отсутствием согласованности между авторской установкой и важнейшими параметрами словарной композиции: интерпретации и организации лексического массива [2, с. 219], что напрямую сказывается на степени эффективности словаря и ставит под сомнение соответствие данного словаря обозначенному авторами типу. Еще одним доводом в пользу выбора данных параметров является их определяющее значение для отнесения словаря к определенному типу: так, например, для словарей идеографического типа несвойственен алфавитный порядок расположения лексических единиц, а для словарей энциклопедического типа – краткие, «филологичные» определения.

2. На втором месте по количественному составу находится группа словарей смешанного типа. Такой высокий процент словарей данного типа объясняется растущей мировой тенденцией к универсальности (иначе – полифункциональности) словарных изданий. Это в большей мере относится к электронным словарям в силу существования большего количества возможностей, таких как наличие нескольких входов в словарь, развитая система гиперссылок, интерактивность и прочее.

3. И в русскоязычной, и в англоязычной психологической терминологии отсутствуют идеографические словари в чистом виде. Подобного рода ситуация сложилась и со словарями переводного типа. Так, в рассматриваемых областях выявлен только один словарь данного типа.

4. Заслуживают внимания специфические способы номинации словарных изданий: «*Спутник психолога-практика*», «*Рабочий словарь психолога-практика*», «*The Oxford Companion to the Mind*», «*The Family Mental Health Encyclopedia*». Однако, несмотря на нетрадиционность названий, данные специальные словари по своей структуре и назначению относятся к стандартным типологическим группам словарей (толковые, энциклопедические и т. д.), в отличие от выявленных специфических справочников, определяемых составителями как энциклопедии, но имеющие существенно иную структуру: «*Энциклопедия для детей*» и «*Большая энциклопедия психологических тестов*». Нам представляется, что данные энциклопедии являются собой особый тип справочников, наличие которых обусловлено спецификой предметной области.

Вторым этапом работы явилась концептуализация предметной области психологии.

Концептуализация психологии как научной картины мира, проведенная на основе положений когнитивной лингвистики с использованием методики компонентного анализа в его дефиниционном варианте, позволила выявить 60 концептуальных областей, а также ряд специфических особенностей данной предметной области, обусловивших особенности ее терминологии [8; 9].

На заключительном этапе было проведено моделирование отраслевой словарной типологии, позволяющей определить не только существующие, но и теоретически возможные типы специальных словарей и справочников.

На первом этапе непосредственного моделирования отраслевой типологии были выделены следующие основания для построения типологии: словарная форма, количество представленных отраслей, количество представленных языков, адресат и формат.

По результатам моделирования, общее количество теоретически возможных «чистых» типов ТС данной предметной области составило 44 типа; справочников – 8 типов; смешанных ТС – 716 типов.

Заключительным этапом моделирования явилось «наложение» созданной нами классификации существующих на момент анализа словарей и справочников предметной области психологии на смоделированную типологию с целью определения ее фактического наполнения и перспектив развития. Реализация этой задачи показала следующее:

– из 44-х теоретически возможных «чистых» типов ТС в русскоязычной терминологии психологии на сегодняшний день реализованы 9; в англоязычной – также 9;

– из 8-ми возможных типов справочников в русскоязычной терминологии психологии реализован 1; в англоязычной – ни одного;

– из 716-ти теоретически возможных типов смешанных словарей в русскоязычной терминологии психологии реализованы 13; в англоязычной – 5;

– и в русскоязычной, и в англоязычной терминологиях психологии отсутствуют идеографические словари в чистом виде.

Анализ обеспеченности концептосферы научной психологии словарно-справочной продукцией на основании данных, полученных в ходе концептуализации предметной области и типологического анализа, дал следующие результаты:

– из 60-ти выделенных в ходе анализа концептуальных областей психологии в русскоязычной терминологии словарной продукцией оснащено 29 областей;

– в англоязычной терминологии из 60-ти выделенных концептуальных областей психологии словарной продукцией оснащено 8 областей.

Эти данные свидетельствуют о необходимости проведения масштабной работы по оснащению сферы психологии терминологической продукцией как можно большим количеством типов, поскольку говорить о полной словарной оснащенности области знания можно лишь тогда, когда все без исключения концептосферы этой области отражены в словарях и справочниках различных типов.

Говоря о перспективах исследования, отметим, что созданная отраслевая типология предметной области психологии может служить основой для исследования проблемы типологии на материале других научных областей, что будет способствовать совершенствованию методологии и методики моделирования отраслевых типологий, возможному разрешению проблемы создания универсальной словарной типологии и, в конечном счете, развитию терминологии как науки.

Список литературы

1. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминография / С. В. Гринев-Гриневиц // Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – С. 216–228.
3. Герд, А. С. Терминологический словарь среди других типов словарей / А. С. Герд // Прикладная лингвистика / А. С. Герд. – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 142–148.
4. Дубичинский, В. В. Словарная типология / В. В. Дубичинский // Лексикография русского языка / В. В. Дубичинский. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 64–80.
5. Марчук, Ю. Н. Компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Ю. Н. Марчук. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 317 с.
6. Комарова, З. И. Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / З. И. Комарова. – Екатеринбург, 1991. – 402 с.
7. Шелов, С. Д. Внеязыковая детерминированность терминологических систем / С. Д. Шелов // Терминоведение. – 1993. – № 3. – С. 14–24.
8. Жучкова, Е. В. Моделирование отраслевой словарной типологии (на материале словарей по психологии в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. В. Жучкова; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
9. Komarova Z. Modeling a branch typology of psychology dictionaries / Z. Komarova, E. Zhuchkova // The 18th European Symposium on LSP. Proceedings. – Perm, 2011. – P. 214–220.

Комарова Зоя Ивановна, профессор кафедры иностранных языков УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор филологических наук, профессор (Екатеринбург, Россия).

Жучкова Елена Владимировна, доцент кафедры иностранных языков УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат филологических наук (Екатеринбург, Россия).

The aim of the paper is working out methodological and methodic strategy of creating a branch typology of psychology dictionaries. We suppose that at this stage of

language and science development creation of a universal typology of terminological dictionaries is an untimely task that should be realized gradually, through creation of branch typologies. Modeling of branch typology of dictionaries presupposes conceptualization of the sphere of knowledge being researched that allows to define its specificity and number of conceptual spheres that are to be provided with terminographic products, and secondly, carrying out a typological analysis of available psychology dictionaries based on the parametric approach, that shows a factual content of a theoretically modelled typology and allows forecasting lacunas.

УДК 81'374.82 : 533.6.074

С. В. Купріянов

ГІПЕРТЕКСТОВА МОДЕЛЬ ЕЛЕКТРОННОГО ГАЛУЗЕВОГО СЛОВНИКА

Анализируется одна из ключевых проблем создания электронного отраслевого словаря специальной лексики – моделирование структуры терминосистемы энергетического машиностроения с использованием гипертекста. Подробно описаны этапы создания электронного лексикографического гипертекста, определены общие принципы выявления структуры терминологических подсистем с учетом их внутренних и внешних связей, охарактеризованы формы репрезентации гипертекста в словаре.

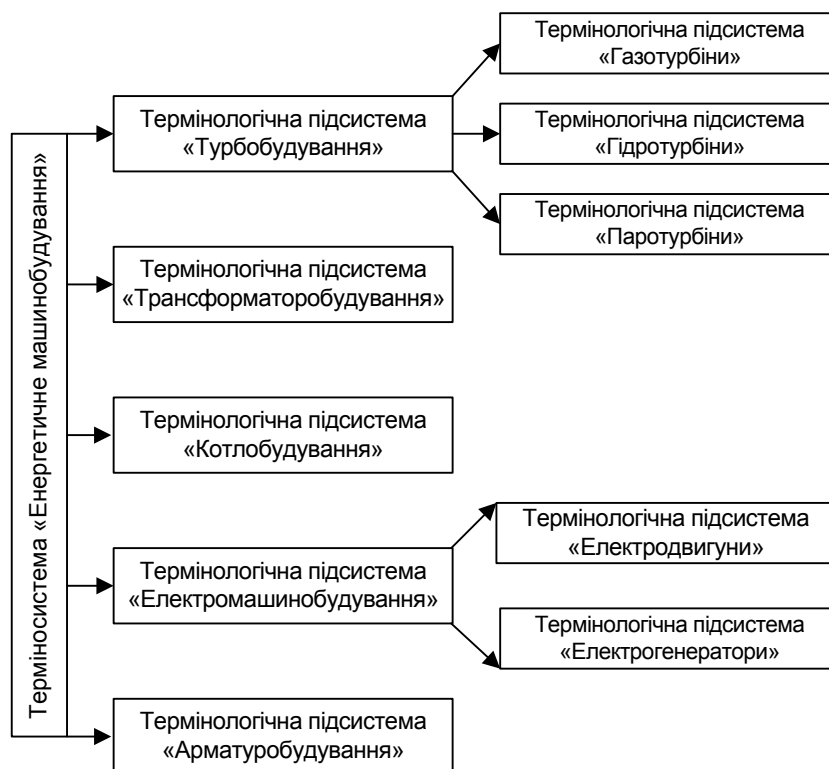
Головна особливість сучасного електронного словника – наявність гіпертексту. Завдяки йому можна не лише переглядати велику кількість статей, визначаючи послідовність їх прочитання та обираючи потрібний обсяг пропонованої інформації, але й відобразити структурну організацію певної лексики. Такі лексикографічні праці уможливають, по перше, ефективне засвоєння термінології і, по друге, комплексне уявлення про саму предметну галузь. З огляду на це зауважимо, що проблемі використання гіпертексту в електронних лексикографічних виданнях присвячено кілька праць українських (Л. Бессонова [1], І. Заваруєва [2], О. Чепік [3]) та зарубіжних вчених (Н. Гриднева [4], С. Стройков [5], Г. Чумаріна [6]). Але жодна не виокремлює конкретні принципи побудови гіпертексту в словниках, що зумовлює актуальність нашого дослідження.

Мета розвідки – запропонувати принципи побудови гіпертексту для лексикографічного упорядкування термінологічної системи енергетичного машинобудування, враховуючи її структуру, склад та зв'язки між термінами. Для досягнення мети необхідно виконати такі завдання: 1) проаналізувати склад і структуру аналізованої терміносистеми та її окремих підсистем; 2) розробити принципи побудови гіпертекстової моделі, ґрунтуючись на результатах дослідження терміносистеми; 3) обрати лексикографічні параметри репрезентативності гіпертекстової моделі в електронному словнику.

Базовим для нас поняттям є гіпертекст, який ми розуміємо як нелінійну форму організації інформаційних одиниць у вигляді тексту,

графіки або відеоматеріалу. А гіпертекстову модель – як гіпертекст з матеріалізованою структурою та зв'язками між інформаційними вузлами.

Термін енергетичне машинобудування у словниках та довідкових джерелах [7–9] визначають як галузь важкого машинобудування, що виготовляє обладнання для вироблення електричної енергії, а також пристрої для отримання різних енергоносіїв (водяної пари, тепла, тощо). Загальна структура терміносистеми енергетичного машинобудування показана на малюнку 1.

Малюнок 1. – Загальна структура терміносистеми

Формування термінологічного апарату відбувається шляхом створення в межах самих терміносистем або запозичення «готових» термінів з галузей-донорів. В останньому випадку терміни, залучені зі суміжних галузей, частіше зазнають у новому середовищі суттєві трансформації, найважливішими з яких є звуження, тобто спеціалізація, додавання оцінних конотацій і навіть повне перетворення, зберігаючи при цьому звукову й графічну форму [10, с. 23]. Отже, в аналізованих термінологічних підсистемах наявні:

1) терміни, які в межах кількох термінологічних підсистем мають однакове значення. До них належать назви: а) загальновідомих деталей *болт, гвинт, вал, коліно, муфта, фітинг, фланець*; б) контрольно-вимірювальних приладів: *термометр, манометр, аналоговий прилад, цифровий прилад*; в) деяких фізичних параметрів: *номінальна частота обертання, розгінна частота обертання, номінальна потужність, максимальна потужність* тощо; г) назви виробничого обладнання: *верстат свердильний, верстат токарно-карусельний; верстат фрезерний* тощо;

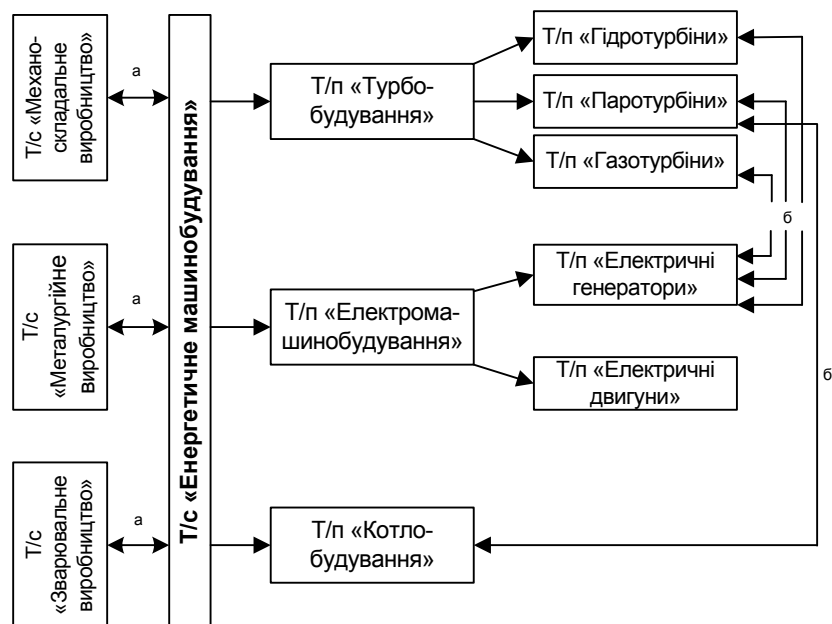
2) терміни, що представлені в різних термінологічних підсистемах, але мають різне значення: *турбіна* (газові, гідравлічні та парові турбіни) *статор, ротор* (газові, гідравлічні, парові турбіни, електричні машини), *лопатка, сопло, напрямний апарат* (гідравлічні та парові турбіни), *активна турбіна і реактивна турбіна* (газові, гідравлічні й парові турбіни), *проточна частина турбіни* (газові, гідравлічні й парові турбіни);

3) терміни, вживання яких обмежено певною термінологічною підсистемою: а) видові номінації: *радіально-осьова турбіна, поворотно-лопатева турбіна* (гідротурбінна галузь); *теплофікаційна турбіна, конденсаційна турбіна* (паротурбінна галузь); *синхронний генератор, асинхронний генератор* (електромашинобудівна галузь); *газовий котел, рідкопаливний котел* (котлобудування); *підвищувальний трансформатор, знижувальний трансформатор* (трансформаторобудування) б) терміни на позначення вузлів обладнання: *дисковий затвор, кульовий затвор* (гідротурбіни); *під'ятник генератора, система збуджування генератора* (електромашинобудування); *ротор низького тиску, ротор високого тиску* (паротурбіни) в) специфічні параметри обладнання: *висота відсмоктування гідротурбіни, напір гідротурбіни* тощо.

Проведений аналіз джерел формування свідчить, що термінологічні підсистеми мають власні (ядерні) та дотичні (периферійні) одиниці, які об'єднуються у понятійні групи. Для виявлення цих груп, іншими словами, виконання ідеографічної класифікації терміносистеми та окремих її підсистем застосовано лінгвальні та екстралінгвальні критерії, обґрунтовані в [11]. Кожну термінологічну підсистему складають ядро та периферія. До ядра належать групи термінів, що позначають типи, складники та технічні параметри обладнання, а до периферії – терміни, пов'язані з процесами його виготовлення, випробування і експлуатації.

Аналізована терміносистема характеризується наявністю таких зв'язків: внутрішніх (в межах однієї термінологічної підсистеми), між термінологічними підсистемами галузей енергетичного машинобудування та між терміносистемами дотичних галузей, таких як металургійне виробництво, зварювальне виробництво і механоскладальне виробництво. До внутрішніх зв'язків належать синонімія (*регульована гідротурбіна – пропелерна гідротурбіна, конденсаційна турбіна – турбіна типу К, синхронна машина з короткозамкненим ротором – короткозамкнена машина*), антонімія (*горизонтальна гідротурбіна – вертикальна гідротурбіна; циліндр турбіни високого тиску – циліндр турбіни низького тиску; синхронний генератор – асинхронний генератор; твердопаливний котел – рідкопаливний котел*), гіперо-гіпонімія (*гідротурбіна – діагональна гідротурбіна, радіально-осьова гідротурбіна, паротурбіна – конденсаційна паротурбіна, теплофікаційна паротурбіна; котел – паровий котел – котел-утилізатор*) і партонімія (*гідротурбіна – робоче колесо, вал, кришка гідротурбіни*). Варто зазначити, що той самий термін у різних галузях не завжди використовують для утворення видових номінацій. Наприклад, *ротор* у гідротурбобудуванні не має видових термінів, тоді як у паротурбобудуванні має такі: *барабанний ротор, дисковий ротор, комбінований ротор*; в електромашинобудуванні – *ротор з явновираженими полюсами, ротор з неявновираженими полюсами*.

Наявність зв'язків між спорідненими термінологічними підсистемами та терміносистемами суміжних галузей пов'язана зі специфікою позаомовної дійсності, яку не можна представити лише на основі семантичного принципу. Так, наприклад, у термінологічній підсистемі «Паротурбіни» терміни *лиття, кування, механічне оброблення* об'єднані за ознакою «виготовлення паротурбін», а *паровий котел, турбогенератор* – за ознакою «експлуатація паротурбін». На малюнку 2 показано зв'язки між окремими термінологічними системами та підсистемами.

Малюнок 2. – Зв'язки: а) з міжгалузевими терміносистемами; б) між термінологічними підсистемами

На підставі отриманих результатів аналізу термінологічної системи стає можливою побудова гіпертекстової моделі словника. Гіпертекст, на наш погляд, – це не просто текст нелінійної структури. Це текст, який відбиває комплекс взаємопов'язаних між собою понять, причому взаємопов'язаність ґрунтується на відношеннях, що були розглянуті вище під час аналізу терміносистеми. Говорячи про електронні словники, С. Стройков уводить поняття електронного лексикографічного гіпертексту як особливої форми репрезентації лінгвістичних та енциклопедичних знань. До особливостей цього гіпертексту автор зараховує нелінійну організацію об'єму лінгвістичної та енциклопедичної інформації, наявність текстових, структурних та функціональних характеристик та інтеграція неперетинних інформаційних ресурсів [12, с. 809]. О. Чепік відзначає також, що гіпертекст координує структурні елементи словникової статті, пов'язані між собою за змістом та нелінійний порядок слідування елементів макроструктури (передмова, правило користування, перелік умовних скорочень тощо) [13].

Отже, гіпертекст, з одного боку структурує текстову інформацію, забезпечує зв'язок між макро- та мікроструктурою, а з другого синтезує всі тематично пов'язані словникові статті. Тому, вважаємо доцільним ввести поняття макроструктурний гіпертекст та мікроструктурний гіпертекст як складники гіпертекстової моделі електронного словника. Схему макроструктурного гіпертексту для електронного словника з енергетичного машинобудування показано на малюнку 3.

Малюнок 3 – Схема макроструктурного гіпертексту

Компонентами макроструктурного гіпертексту є лівий фрейм, що містить алфавітний та лінгвоенциклопедичний переліки термінів, і правий фрейм, який складають текстові блоки «Правила користування» і «Передмова» та поле словникових статей. Усі вони пов'язані між собою за допомогою гіперпосилань. Алфавітний перелік подає терміни за абеткою, а лінгвоенциклопедичний – структуру енергомашинобудівної терміносистеми, окремої термінологічної підсистеми та її тематичного поля, зв'язки між термінами. Його побудова ґрунтується на результатах ідеографічної класифікації.

Макроструктурний гіпертекст пов'язаний з мікроструктурним гіпертекстом, оскільки забезпечує прямий перехід між лівим та правим фреймом, тобто від переліку термінів до відповідної словникової статті. Мікроструктурний гіпертекст забезпечує зв'язок між тематично пов'язаними словниковими статтями. Для його побудови необхідно виконати алгоритм: 1) виявлення мінімальної одиниці гіпертексту; 2) організація текстових блоків (гіпотекстів); 3) зв'язування гіпотекстів між собою та визначення характеру зв'язків; 4) створення матеріальної оболонки гіпертексту [14]. Зауважимо, що мінімальна одиниця – це термін, а гіпотекст – словникова стаття, що містить його дефініцію, ідеографічну характеристику та інформацію системні зв'язки. На ґрунті останньої відбувається об'єднання тематично пов'язаних статей.

Словникова стаття матиме такі складники: 1) зона заголовкового терміна, у якій відображено інформацію про вимову та наявність синоніма; 2) зона лінгвістичної та енциклопедичної інформації: дефініція терміна та стисла інформація про предмет або поняття, позначуване терміном; 3) ідеографічна зона, що визначає місце терміна у термінологічній підсистемі та містить такі параметри: «Галузь», «Підгалузь», «Мікрополе», «Група» та «Підгрупа»; 4) зона системних зв'язків, що містить такі параметри «Види» («рід-вид»), «Складники» («ціле – частина») та «Дивитись також» (полісемія). Наприклад, термін *ротор гідротурбіни* матиме таку характеристику: **Галузь:** турбобудування, **Підгалузь:** гідротурбобудування, **Мікрополе:** Складники гідротурбіни, **Група:** механізми гідротурбіни; **Складники:** колесо робоче, вал гідротурбіни; **Дивитись також:** ротор паротурбіни, ротор електрогенератора.

Для репрезентації мікроструктурного гіпертексту передбачено використання таких гіперпосилань: 1) односпрямовані; 2) перехресні, що дають змогу перейти до іншої статті, а потім

повернутися назад; 3) внутрішні, що зв'язують терміни в межах однієї термінологічної підсистеми та 4) зовнішні, що з'єднує терміни, які належать різним терміносистемам.

Отже, електронний лексикографічний гіпертекст є ефективною формою побудови словника. Його складниками є макроструктурний та мікроструктурний гіпертексти. Перший упорядковує традиційні елементи словника (передмова, правила користування) та репрезентує аналізовану терміносистему у її структурній організації, а другий відображає лінгвоенциклопедичні та системні характеристики окремого терміна.

Список літератури

1. Бессонова, Л. Е. Систематизация виртуального лексического пространства: лексикографический аспект / Л. Е. Бессонова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2006. – №94. – С.90–94.
2. Заваруєва, І. І. Тлумачні електронні словники російської мови: структурно-функціональний аспект: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / І. І. Заваруєва. – Дніпропетровськ, 2008. – 18 с.
3. Чепик, Е. Ю. Гипертекстовые технологии представления лексики / Е. Ю. Чепик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://workinggroup.org/publchepik.shtml>. – Дата доступа: 22.03.2012.
4. Гриднева, Н. А. Словарь цитат в парадигме современной английской лексикографии (на материале английских словарей-цитат): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. А. Гриднева. – Самара, 2008. – 22 с.
5. Стройков, С. А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста (на материале энциклопедии «The Free Dictionary»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. А. Стройков. – Самара, 2008. – 24 с.
6. Чумарина, Г. Р. Теория и практика составления электронных словарей (на материале татарского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г. Р. Чумарина. – Казань, 2010. – 199 с.
7. Енергетичне машинобудування [Електронний ресурс]. –

Режим доступа: http://vseslova.com.ua/word/Енергетичне_машинобудування-125837u. – Дата доступа: 22.03.2012.

8. Энергетическое машиностроение // Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – <http://bse.sci-lib.com/article126635.html>. – Дата доступа: 22.03.2012.
9. Энергетическое машиностроение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Енергетическое_машиностроение. – Дата доступа: 22.03.2012.
10. Ивина, Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учеб.-метод. пособие / Л. В. Ивина. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
11. Купріянов, Є. В. Українська термінологічна підсистема «Гідротурбіни» як об'єкт комп'ютерного словника: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Є. В. Купріянов. – Харків, 2011. – 210 с.
12. Стройков, С. А. Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста / С. А. Стройков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_5_808_811.pdf. – Дата доступа: 22.03.2012.
13. Чепик, Е. Ю. Компьютерная лексикография как одно из направлений современной прикладной лингвистики [Электронный ресурс] / Е. Ю. Чепик. – Режим доступа: <http://workinggroup.org.ua/publchepik2.shtml>. – Дата доступа: 23.03.2012.
14. Рязанцева, Т. И. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка) / Т. И. Рязанцева. – М.: Академия, 2008. – 208 с.

Купріянов Євген Валерійович, асистент кафедри інтелектуальних комп'ютерних систем НТУ «ХП», кандидат філологічних наук (Харків, Україна).

The present article is devoted to one of the crucial problem in compiling electronic specialized dictionary, namely to structure modeling of power plant machine building term system by using the hypertext. The stages of creating electronic lexicographic hypertext are described in detail, general principles of revealing the structure of term subsystems, considering their internal and external relations, are determined, the forms of hypertext representation in the dictionary are specified.

УДК 81'374

О. В. Перкова

ВЫЯВЛЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТОВ ТЕРМИНОВ ПРИ СОЗДАНИИ МНОГОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ (НА ПРИМЕРЕ МЕЖПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ»)

Представлена модель многоязычной терминологической базы данных (ТБД), созданной для упорядочения и систематизации терминологии области «образовательные услуги» и в настоящее время содержащей термины на английском, русском и белорусском языках. В силу различной сформированности терминосистем в каждом из трех языков была разработана описанная в работе процедура выявления эквивалентных единиц и соотнесения терминов в целях их гармонизации в ТБД.

В процессе исследования терминологии межпредметной области «образовательные услуги» была создана модель многоязычной терминологической базы данных, реализованная в настоящее время на материале международного английского (в качестве источников терминологии использовалась документация международных организаций, таких как ЮНЕСКО, ВТО, ОЭСР, а также статьи в журналах, посвященные вопросам международного образования), русского (язык метрополии) и белорусского языков. Модель базы данных и принципы ее наполнения с указанием источников терминологии описаны в [1].

Перечень полей и характер информации, содержащейся в ТБД, определялись необходи-

мостью упорядочения и оптимизации процесса сопоставления терминов образовательных услуг в трех языках, поэтому база данных содержит следующие поля: порядковый номер; англоязычный термин; определение англоязычного термина; источник определения англоязычного термина; пример употребления англоязычного термина; источник контекста для англоязычного термина; гнездообразующий термин для данного англоязычного термина (такой же перечень полей, за исключением порядкового номера, представлен для русскоязычных и белорусскоязычных терминов) и указание на определенное микрополе (или участок терминополья), к которому относятся англоязычный, русскоязычный и белорусскоязычный тер-

мины, указанные в данной строке. Это последнее поле содержит числовой индекс, определяющий место данного термина в терминопле исследуемой предметной области.

Основой для единой трехязычной базы данных явились три одноязычные базы данных, которые были созданы для каждого из исследуемых языков. Исходные базы данных содержали всего два поля (сам термин и указание на определенный участок терминопле или микрополе) и позволили упорядочить терминологию отдельно для каждого языка. Затем отбирались англоязычные, русскоязычные и белорусскоязычные термины, обозначающие понятия, которые входят в определенное микрополе или участок терминопле, и вносились в единую базу данных. Такой подход позволил упростить процесс сопоставления терминов, определения эквивалентов терминов и терминологических лакун.

Система используемых числовых индексов, указывающих на принадлежность к определенному участку терминопле или микрополе, была разработана на основе предварительно созданной модели терминопле области «образовательные услуги». Когнитивный анализ специальных текстов позволил выделить четыре участка в терминопле области «образовательные услуги»: поставщики образовательных услуг, потребители образовательных услуг, поставка услуг и виды образовательных услуг. В рамках каждого участка выделялись микрополя 1 порядка, в некоторых из которых затем выделялись микрополя 2 порядка (используется терминология, предложенная в работе Р. Г. Пиотровского, Н. П. Рахубо и М. С. Хажинской [2, с. 38–40]). Рассмотрим использование модели терминопле для установления соотношения терминов в трех языках на примере участка терминопле «поставщики образовательных услуг».

Поставщики образовательных услуг – это организации и юридические лица, обладающие правом производить и (или) реализовывать данную продукцию [3, с. 5]. Поэтому в участке терминопле «поставщики образовательных услуг» было выделено два микроучастка первого порядка: «поставщики-организации» и «поставщики-частные лица». В микроучастке «поставщики-организации» было выделено шесть микрополей второго порядка: 1) наименования поставщиков в зависимости от степени предоставляемого ими образования (для выделения ступеней образования использовалась Международная стандартная классификация образования [4]); 2) наименования поставщиков в зависимости от формы собственности; 3) наименования поставщиков в зависимости от формальности предоставляемого образования; 4) наименования поставщиков в зависимости от вида предоставляемой услуги / вида предоставляемого образования; 5) наименования поставщиков по месту расположения (в своей стране / в чужой стране); 6) наименования поставщиков, действующих для получения прибыли (коммерческие) / или не ставящие целью получение прибыли (некоммерческие); 7) по способу предоставления образовательной услуги.

На основе этой модели терминопле была разработана система индексов. Первой цифрой индекса для терминов, обозначающих поставщиков, является «1». Индекс 1.0 присваивался терминам, называющим поставщиков образовательных услуг, в значении которых не актуализированы другие классификационные признаки; 1.1 – поставщикам услуг – частным лицам; 1.2 – поставщикам услуг – организациям; индексы с 1.2.1 по 1.2.7 присваивались терминам с учетом приведенной выше классификации поставщиков-организаций.

Из массивов текстов на трех языках, относящихся к исследуемой области, было отобрано 384 англоязычных, 111 русскоязычных и 56 белорусскоязычных терминов, обозначающих поставщиков образовательных услуг. Разное количество терминов можно объяснить, во-первых, ограниченным объемом специальных текстов на белорусском языке, которые могут быть отнесены к области «образовательные услуги», а во-вторых, неравномерностью развития терминосистем в английском, русском и белорусском языках, которая обусловлена рядом объективных причин экстралингвистического характера. Каждому термину в каждом языке был присвоен индекс в соответствии с его местом в терминопле и обозначено, к какому терминологическому гнезду относится термин.

Для соотношения терминов в трех исследуемых языках следует учитывать не только принадлежность термина к определенному участку терминопле или микрополю, но и принадлежность к определенному терминологическому гнезду. Рассмотрим процедуру соотношения англоязычных терминов с русскоязычными и белорусскоязычными на примере терминов, входящих в терминологические гнезда *university*, *университет*, *універсітэт*.

Университет в Беларуси и России относится к поставщикам услуг в сфере высшего образования, т. е. образования выше 4 ступени по МСКО [4]. В Кодексе Республики Беларусь об образовании указывается, что классический университет и профильный университет относятся к учреждениям высшего образования [5]. В российском законодательстве университет – «высшее учебное заведение, которое реализует образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования по широкому спектру направлений подготовки (специальностей)» [6]. В Европейском глоссарии по образованию *university* – это учебное заведение, предоставляющее образование 5 и 6 ступени по Международной стандартной классификации образования, т. е. первого и второго этапа высшего образования [7]. Следовательно, термины *университет*, *універсітэт* и *university* обозначают поставщиков образовательных услуг в сфере высшего образования, что позволяет говорить о приблизительном равенстве значений данных терминов.

Отобраным терминам, входящим в терминологические гнезда *university*, *университет* и *універсітэт*, были присвоены индексы в соответствии с местом обозначаемых ими понятий в терминопле. Сопоставив термины, входящие в каждое микрополе 2 порядка, мы установили, что в каждом языке представлены наименования уни-

верситетов в зависимости от формы собственности. В английском языке это *private university* 'частный университет', *public university* 'государственный университет', *corporate university* 'корпоративный университет; университет, принадлежащий какой-либо крупной компании, корпорации'. В русском языке это *частный университет*, *государственный университет*, *негосударственный университет*, *корпоративный университет*, в белорусском – *прыватны ўніверсітэт*, *дзяржаўны ўніверсітэт*, *недзяржаўны ўніверсітэт*.

Ряд терминов, называющих университеты в зависимости от вида предоставляемого образования, отражают специфику систем высшего образования в Беларуси и России, например: *классический университет*, *технический университет*, *педагогический университет* / *профільны ўніверсітэт* (родовое название для ряда университетов, например, *педагагічны ўніверсітэт*, *лінгвістычны ўніверсітэт*, *аграрны ўніверсітэт*, *медыцынскі ўніверсітэт*, *тэхнічны ўніверсітэт*, *эканамічны ўніверсітэт*, *універсітэт транспарту* и т. п.), *класічны ўніверсітэт*.

Самое многочисленное микрополе в английском языке – наименования университетов по месту их расположения. Это могут быть наименования университетов, расположенных в своей стране (*home university* 'домашний университет', *local university* 'местный университет', *national university* 'национальный (местный) университет', *host university* 'принимающий университет', *foreign-backed university* 'филиал университета, который основан не учебным заведением, находящимся за рубежом, а местными крупными предприятиями, частыми лицами или местными органами власти' [8, с. 4]), или университеты, расположенные за рубежом (*foreign university* 'иностраный университет', *overseas university* 'иностраный университет'). В русском языке использованы только два синонимичных наименования: *зарубежный университет* и *иностраный университет*, причем последний термин функционировал только в переводных текстах.

Наименования университетов, нацеленных на получения прибыли – *for-profit university* 'университет, нацеленный на получение прибыли' и не нацеленных на получение прибыли *not-for-profit university* 'университет, не нацеленный на получение прибыли' (и его вариант *nonprofit university*). В русском языке используется термин *коммерческий университет*, который также указывает и на негосударственную форму собственности университета. Сюда же были отнесены термины *entrepreneurial university* 'предпринимательский университет' и *предпринимательский университет*. Этими терминами принято обозначать высшие учебные заведения, которые способны привлекать дополнительные финансовые ресурсы для обеспечения своей деятельности, используют инновационные методы обучения и тесно взаимодействуют с промышленностью по внедрению своих разработок [9, с. 52]. Следует отметить, однако, что привлечение ресурсов, которое часто рассматривается как основной признак предпринимательства, не является основной целью деятельности такого университета [9, с. 55].

Для терминов, не имеющих эквивалентов среди единиц, входящих в аналогичное терминологическое гнездо, при возможности, подбирались термины, входящие в другие терминологические гнезда, которые имели такой же индекс, например: *загранная навучальная ўстанова* / *загранная ВНУ*, *камерцыйная навучальная ўстанова* / *недзяржаўная ВНУ*. Объем значения таких терминов может не совпадать, но должен включать классификационные признаки, позволяющие отнести их к определенному микрополю.

Предложенный способ используется для установления эквивалентов терминов, относящихся к области «образовательные услуги», и наполнения трехязычной терминологической базы данных на основе предварительно созданных одноязычных баз данных. Аналогичный метод может также использоваться при гармонизации многоязычных терминологий и переводных терминографических продуктов, отражающих определенн(ы) язык(и) для специальных целей.

Список литературы

1. Рычкова, Л. В. Многоязычная терминологическая база данных межпредметной области «образовательные услуги» / Л. В. Рычкова, О. В. Перкова // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. – № 7. – 2007. – С. 15–20.
2. Пиотровский, Р. Г. Системное исследование лексики научного текста / Р. Г. Пиотровский, Н. П. Рахубо, М. С. Хажинская. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 160 с.
3. Олекс, О. А. Качество образования: основные сведения о педагогическом производстве и его продукции / О. А. Олекс // Кіраванне ў адукацыі. – 2003. – № 4. – С. 3–14.
4. Международная стандартная классификация образования // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unesco.ru/files/docs/isced_r.pdf. – Дата доступа: 11.10.2012.
5. Кодекс Республики Беларусь об образовании: принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г.; одобрен Советом Респ. 22 декабря 2010 г.: текст Кодекса по состоянию на 10.10.2012 [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk1100243&p2={NRPA}>. – Дата доступа: 10.10.2012.
6. О высшем и послевузовском профессиональном образовании: Федеральный закон Российской Федерации от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ: с изм. и доп.: по состоянию на 10 октября 2012 года [Электронный ресурс] / Консультант Плюс. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/education/>. – Дата доступа: 13.10.2012.
7. European Glossary on Education. Volume 2: Educational Institutions. – Brussels: Eurydice, 2005. – 204 p.
8. Lanzendorf, U. Foreign-Backed Universities: A New Trend / U. Lanzendorf // International Higher Education. – 2008. – № 51. – P. 3–5.
9. Константинов, Г. Н. Что такое предпринимательский университет / Г. Н. Константинов, С. Р. Филонович // Вопросы образования. – 2007. – № 1. – С. 49–63.

Перкова Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ГрГУ им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь).

The article shows the model of the multilingual terminological database designed to systematize the terminology of educational services. The database contains terms in English, Russian and Belarusian. Due to the fact that the terminological systems of the corresponding subject field are developed to different degrees in the three languages, we developed the method of stating the equivalence and correspondence of terms for their harmonization in terminological database.

УДК 811.1'374.823:613.956

Я. В. Разводовская

ЦЕЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНГЛО-РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ГЛОССАРИЯ ТЕРМИНОВ ПО РЕПРОДУКТИВНОМУ ЗДОРОВЬЮ

Описывается структура, целевое назначение и функциональная характеристика англо-русско-белорусского глоссария терминов по репродуктивному здоровью. Глоссарий интегрирует в себе признаки нескольких словарей: отраслевого терминологического, толкового, переводного, этимологического, энциклопедического, инвентаризационного. Обозначены возможности использования глоссария в учебном процессе при подготовке специалистов медицинских специальностей в медицинском университете.

Терминологическая лексика является наиболее развивающейся и пополняющейся частью словарного состава языка. Постоянное увеличение количества терминов в языках для специальных целей, интенсивное проникновение терминов в общелитературный язык, терминологизация общеупотребительной лексики, а также развитие междисциплинарных областей знания и соответствующих терминологий актуализирует вопрос сознательного управления обществом стихийно складывающимися терминологиями. В качестве такого управления рассматривается создание разнообразных терминологических продуктов для предоставления унифицированной информации об изменениях научной лексики [1, с. 45]. Процесс стандартизации и унификации терминов способствует пониманию и коммуникации в среде специалистов определенных областей знаний. Однако терминология играет важную роль и во многих других коммуникативных и когнитивных ситуациях. Потенциальный пользователь, обращаясь к терминологическому словарю, получает помощь в понимании терминов, которые встречаются в научном и научно-популярном дискурсе [2, с. 221].

Необходимость создания англо-русско-белорусского глоссария терминов предметной области (ПО) «репродуктивное здоровье» (РЗ) обоснована социальной значимостью этой сферы междисциплинарного знания. Учитывая интернациональный характер данной терминологии, незаконченность процесса ее формирования, создание глоссария терминов по РЗ, структурированного по подобластям и ориентированного как на специалистов, так и на непрофессиональных пользователей, приобретает особую актуальность.

Составлению глоссария предшествовало несколько этапов: 1) определение понятийной структуры терминополья ПО РЗ с выделением ее основных подобластей; 2) исследование специальных аутентичных текстов по РЗ; 3) лексикографический анализ целевых терминологических продуктов; 4) исследование понимания ключевых терминов профессиональными и непрофессиональными пользователями.

Отобранный для глоссария материал включает термины, вербализующие все аспекты ПО РЗ: анатомия и физиология женской и мужской репродуктивной системы; гинекология и андрология; сексуальная жизнь; репродуктивная свобода; вспомогательные репродуктивные технологии; безопасное материнство; планирование семьи; медицинская демография и статистика и др.

Трехязычный глоссарий построен как англо-русско-белорусский. Порядок языков обусловлен тем, что основная терминология в области РЗ разрабатывалась на уровне соответствующих организаций при ООН и носит статус международной терминологии, первично зафиксированной на английском языке.

Терминологический материал был отобран из различных оригинальных распорядительных и отчетных документов ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНФА и др., информационно-просветительских бюллетеней и брошюр, изданных под эгидой ООН или различными профессиональными объединениями, глоссариев терминов, размещенных на сайтах указанных подразделений ООН, прилагаемых к соответствующей рубрике, англо-русских, русско-белорусских словарей медицинских терминов и т. д.

Общее количество источников специальной лексики составило 613 (англоязычных – 166, русскоязычных – 341, белорусскоязычных – 106). Из них источников, являющихся продуктами терминологической деятельности (словари, глоссарии, классификаторы, рубрикаторы), – 123 (англоязычных – 54, русскоязычных – 56, белорусскоязычных – 13).

Согласно целевой направленности источники были сгруппированы как профессионально ориентированные (для специалистов в области РЗ) и непрофессионально ориентированные (для населения). Все источники зафиксированы в электронной картотеке и имеют свой шифр.

Термины и сопровождающие их дефиниции (если таковые имелись) также фиксировались в электронной картотеке. Приоритет отдавался дефинициям, предлагаемым официальными источниками (ВОЗ, ЮНФА). Учитывая социальную важность терминологии, были подобраны имеющиеся дефиниции на английском, русском и белорусском языках, которые включают энциклопедическую и прагматическую информацию.

В электронной картотеке термины распределены по языкам. Каждый термин сопровождается ссылкой на источник фиксации или функционирования (например, *Ne1*: *N* – непрофессионально ориентированный источник, *e* – англоязычный (от *English*), *1* – номер в списке непрофессионально ориентированных англоязычных источников).

Помимо самих терминов, в картотеке зафиксированы дефиниции с указанием источника определения, сокращения, термины-синонимы, а также подобласть РЗ, к которой относится термин (например, *1a*: *1* – сексуальное здоровье, *a* – анатомия и физиология женской репродуктивной системы).

Всего в электронной картотеке зафиксировано: англоязычных – 1669 терминов из профессионально ориентированных источников, 1124 термина из непрофессионально ориентированных источников; русскоязычных – 1599 из профессионально ориентированных источников, 1206 из непрофессионально ориентированных источников; белорусскоязычных – 518 из профессионально ориентированных источников, 679 из непрофессионально ориентированных источников.

В глоссарий было отобрано 1 324 англоязычных термина, к каждому из которых даются русскоязычные и белорусскоязычные эквиваленты. Эквиваленты отбирались на основе сопоставления дефиниций с учетом семантики каждого термина. Разная степень разработанности терминологии в английском, русском и белорусском языках нашла отражение в разном количестве представленных в глоссарии терминов в трех языках. При наличии лакун в русском и белорусском языках в качестве эквивалентов предлагаются термины, составленные на базе имеющихся в данной терминосистеме однословных терминов.

Основными условиями для отбора терминологической лексики в словник послужили: соответствие термина понятийному полю РЗ; наличие переводного эквивалента как минимум в одном языке (русском или белорусском) для реализации переводной функции.

Глоссарий строится по алфавитно-гнездовому принципу. Гнездовая система организации реестра в современной лексикографии считается единственным рациональным способом размещения большого объема материала в компактном издании [3, с. 8].

Терминологический словарь, как отмечает В. К. Щербин, «должен стремиться охватить все без исключения термины и их варианты, созданные в процессе написания научных текстов специалистами определенной отрасли знаний» [4, с. 99]. В глоссарии представлены использующиеся в области РЗ сокращения (англ.: *ART – assisted reproductive technology* ‘вспомогательная репродуктивная технология’; рус.: *ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение*; *СНІД – синдром набытага імуннага дэфіцыту* и др.), а также терминологические сочетания и фразеологизмы (*резерв родов, половое бессилие, двурогая матка* и др.), приводятся термины-синонимы.

Таким образом, глоссарий интегрирует в себе признаки нескольких словарей: отраслевого терминологического (описываются терминологические единицы РЗ), толкового (дефиниция представляет собой толкование вербализуемого термином понятия), переводного (дается перевод терминов на русский и белорусский языки), этимологического (содержит этимологическую справку для терминов латинского или древнегреческого происхождения), энциклопедического (приводятся дополнительные сведения о возможностях диагностики, последствиях заболевания, авторах метода лечения или диагностики и т. п.), инвентаризационного (систематизированы синонимичные термины, терминологические сокращения). Следовательно, глоссарий терминов по репродуктивному здоровью можно охарактеризовать как справочный, переводной, учебный, инвентаризационный.

В зависимости от категории адресата глоссарий реализует несколько функций терминологического словаря: справочную (для специалистов в области РЗ – позволяет уточнить значение новых терминов или терминов с нечеткой семантикой; для неспециалистов – широкого круга лиц, проявляющих интерес к терминологии данной области с целью самообразования), переводную и исследовательскую (для лингвистов – может служить источником терминологической лексики для проведения теоретических исследований и практического использования), учебную (может использоваться специалистами в области лингводидактики для обучения специальной лексике в области РЗ студентов медицинских вузов), инвентаризационную (как для специалистов в области РЗ, так и для лексикографов и терминоведов, так как фиксирует междисциплинарную научную терминологию ПО РЗ).

Макроструктура трехязычного глоссария включает: 1) предисловие; 2) список используемых сокращений и помет; 3) корпус терминов; 4) список источников терминологической лексики.

Микроструктура глоссария включает 4 зоны. Первая зона – это зона англоязычного термина, включающая: 1) сам термин; 2) синонимы к данному термину; 3) помету, указывающую на тип источника данного термина (официальный, профессионально ориентированный, социально ориентированный); 4) дефиниции или толкования термина с указанием источника. Вторая зона – это зона русскоязычного термина, а третья – зона белорусскоязычного термина. Структура второй и третьей зон идентична структуре первой. Четвертая зона включает экстралингвистическую информацию о принадлежности термина к одной или нескольким подобластям РЗ (сексуальное здоровье, репродуктивные права, безопасное материнство и т. д.).

Глоссарий сопровождается полным списком использованных источников терминологической лексики.

Очевидно, что предлагаемый трехязычный англо-русско-белорусский глоссарий позволяет уточнить семантику терминов, которые имеют нечеткое значение вследствие их широкого использования в различных областях знания; обеспечить семантизацию ключевых терминов области РЗ; обозначить и, по возможности, заполнить имеющиеся терминологические лакуны в русском и белорусском языках; более эффективно использовать специальную лексику для передачи информации в области РЗ с учетом подготовленности адресата; оптимизировать межнациональную коммуникацию специалистов в области РЗ; повысить уровень грамотности населения в области РЗ, имеющей большое значение для сохранения общего здоровья человека.

Необходимость и актуальность разработки трехязычного глоссария обусловлены отсутствием подобных продуктов терминологической деятельности в белорусском языке в области РЗ. В ряду приоритетных лексикографических задач белорусской лингвистической науки выделяется разработка отраслевых терминологических словарей, в том числе и переводных дву- и многоязычных для расширения сферы употребления белорусского языка в области науки, а также для обеспечения внутренних

и внешних потребностей языковой практики [5, с. 9], Следовательно, созданный глоссарий может способствовать использованию белорусского языка в профессиональном общении, а также служить справочным источником при создании белорусско-язычной научно-популярной литературы и / или социальной рекламы.

Список литературы

1. Шайкевич, А. Я. Проблемы терминологической лексикографии / А. Я. Шайкевич. – М.: Всесоюзный центр переводов, 1983. – 67 с.
2. Temmerman, R. Towards New Ways of Terminology Description. The Sociocognitive approach / R. Temmerman. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2000. – 259 p.
3. Гнатюк, І. Принципи створення нового Українсько-російського словника / І. Гнатюк // Лексикографічний бюлетень: зб. наук. праць / відп. ред. В. Німчук. – Київ: НАН України, 2007. – Вип. 16. – 109 с.
4. Шчэрбін, В. К. Тэарэтычныя праблемы беларускай лексікаграфіі /

В. К. Шчэрбін. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1996. – 140 с.
5. Лукашанец, А. А. Сучасная беларусістыка і акадэмічнае мовазнаўства / А. А. Лукашанец // Беларуская мова ў культурнай і моўнай прасторы Славіі: зб. матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 лістапада 2009 г. / Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Купалы і Я. Коласа НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2009. – С. 3–10.

Разводовская Янина Владиславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков ГрГМУ (Гродно, Беларусь).

The article describes the structure, objectives and functional features of Reproductive Health English-Russian-Belarusian Glossary of Terms. The Glossary integrates characteristics of several dictionaries: of a language for specific purposes dictionary, of a definition dictionary, of a translation dictionary, of an etymological dictionary, of an encyclopedia, of an inventory one. The possibilities of Glossary application in the educational process in training medical professionals at medical university are outlined.

УДК 81'276.6:34

Е. А. Тихомирова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНА ИНФОРМАЦИЯ В ТЕКСТАХ ЗАКОНОВ ОБ ИНФОРМАЦИИ

Для понимания термина необходимо исследовать лексическое поле, образуемое контекстами его употребления в определенных текстах, в частности, слова-термина *информация* и терминологических словосочетаний в законах Российской Федерации и Республики Беларусь об информации. Такой анализ показывает тенденции расширения значения термина, а также сходства и различия понимания термина в российском и белорусском правотворчестве.

Правовые документы, воздействуя на сознание граждан, побуждают их к определенным действиям. Лишь единицы языка реализуют юридические способы регулирования общественных отношений: рекомендование, разрешение, обязывание, запрещение.

Поскольку право существует как становление смысла закона, необходимо однозначно формулировать смысл нормативных предписаний. М. В. Ломоносов в «Проекте регламента Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук» писал: «Паче же всего должно юристу ... всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двусмысленных производит в суде великие беспорядки и отдалает от правды к заблуждению и к ябедам» [1].

Следовательно, текст закона должен содержать определения важных терминов в поле наименований рассматриваемых законодателями проблем. Проанализируем лексическое поле, образуемое контекстами употребления слова-термина *информация* и терминологических словосочетаний, включающих этот термин в законах РБ и РФ об информации [2; 3].

Необходимость для автора закона определить термин *информация* обусловлена функционированием термина *информация* во многих областях знания в обусловленных терминосистемой конкретной науки значениях и процессуальностью самой информации.

Процессуальный характер информации подчеркивал Норберт Винер. В 1960 г. он говорил: «Живые организмы <...> развивают необходимую им информацию благодаря постоянному взаимодей-

ствию с природой. Это означает, что возникновение информации в живых организмах есть исторически развивающийся процесс ... речь ... идет именно о взаимодействии и обмене с окружающей средой» [4]. Поэтому фрейм информации в качестве структуры данных о стереотипной ситуации информирования создает представление о движении, развитии знания.

Поскольку термин функционирует в вербальном поле конкретной терминосистемы, анализируя термин, мы обязаны определить это поле. Для интересующего нас понятия – это юридически закрепленное положение стандартизованных форм речи в правотворческой и правоприменительной практике общения субъектов права.

В Законах РБ и РФ дефиниции используемых терминов представлены в статьях 1 и 2 биниминативными конструкциями. Поскольку в биниминативных предложениях «сказуемое приписывает признак объекту, обозначенному подлежащим» [5, с. 351], рематический компонент должен иметь конкретную референцию. Законодатели стараются следовать этому правилу, ограничивая понятие *сведения*: в российском Законе используется вставная конструкция, включающая синонимы: *информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления* [3]; в белорусском Законе перечисляются объекты, на которые распространяется понятие: *информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления* [2]. Однако тексты законов не позволяют однозначно определить, какой лексико-семантический вариант многозначного слова *сведения* употреблен авторами.

Авторы федерального Закона жестко соблюдают принцип композиционной структуры законодательного текста (изложение от общего к частному), сначала определяют однословный термин *информация*, а затем составные термины, связанные с понятием *информационные технологии*. Вслед за этим авторы объясняют, кто является субъектом информации и действия субъектов информирования. После объяснения действий авторы приводят определения электронной и документированной информации, обращающие внимание адресата на канал информирования – носитель информации. В белорусском Законе определения сгруппированы по алфавитному принципу и объясняют 23 термина. Статья федерального Закона толкует 12 понятий. Значимо умолчание о *защите информации*, хотя этот термин активно используется в тексте и проблеме посвящена отдельная статья документа. В статье 1 белорусского Закона более подробно характеризуются субъекты информационных отношений. Если в российском тексте охарактеризованы *обладатель* и *оператор информации*, то в белорусском Законе авторы называют и *владельца программно-технических средств, собственника программно-технических средств, информационного посредника, пользователя информации и пользователя информационной системы*. Все дефиниции субъектов информационных отношений включают наименования действий, выраженные определительными конструкциями с действительными причастиями.

Тексты обоих Законов расширяют список субъектов информационных отношений, то есть субъекта и одушевленного объекта в представленном данными законами фрейме информации. Статьи 8–14 Закона РБ разграничивают полномочия субъектов – государственных органов – предикатами, выраженными глаголами несовершенного вида в форме 3-го лица настоящего времени, а статьи 33–40 дифференцируют права и обязанности иных субъектов. Статья 6 Федерального закона показывает, что термин *обладатель информации* является родовым наименованием всех субъектов информационных отношений. В анализируемых текстах права и обязанности выражены инфинитивными конструкциями. В отличие от Закона РБ в Законе РФ термин *полномочия государственных органов* не используется в заголовках статей. В статьях, озаглавленных «Принципы правового регулирования информационных отношений», в обоих текстах действия субъектов информационных отношений именуется цепочками форм Р. п.: преобладают отглагольные существительные, значение которых конкретизируется согласованными определениями.

В поверхностно-синтаксическом фрейме информации термин *информация* занимает позицию объекта. Это предмет *обладания, хранения, пользования, передачи, производства, обработки, предоставления, распространения, защиты*. Авторы Закона РФ обращают внимание адресата на центральную позицию термина в терминологическом поле документа, создавая отдельную статью «Информация как объект правовых отношений». Однако определение включает модальность потенциальности: *Информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений*. Модальность не актуализируется только для профессионального читателя, привыкшего к тому, что форма настоящего времени

глагола в законодательном документном тексте имеет значения настоящего долженствования или настоящего вневременного, а модальные компоненты со значением возможности выражают идею выбора.

В анализируемых текстах одинаково выделяются 2 вида информации. Однако условие дальнейшей категоризации формулируется с разных позиций. В Законе РФ – с позиции отправителя: *в зависимости от порядка ее предоставления или распространения подразделяется...* В Законе РБ – с позиции получателя информации: *В зависимости от категории доступа информация делится на: общедоступную информацию; информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено*.

Для дефиниции подклассов информации авторы Закона РФ выбрали однообразную форму – обособленное определение в постпозиции, выраженное причастным оборотом или придаточной частью, а перечислительный ряд видов общедоступной информации вводится общей частью: *Не может быть ограничен доступ к: ...* В Законе РБ виды информации называются однородными словосочетаниями, в которых опорный компонент имя существительное в форме П. п. с предлогом: *о правовом статусе ...* Подклассы информации, распространение которой ограничено, определяются так же, как и в Законе РФ. Кроме этого, в Законе РБ в отдельную статью выделена «информация о частной жизни физического лица и персональные данные», основным признаком которой, что ее предоставления *никто не вправе требовать от физического лица*. Этот признак законодатели актуализировали для адресата, так как конструкция резко противопоставлена всему синтаксическому построению документного текста способом выражения субъекта, его личностным характером, несмотря на обобщенность, и краткостью его наименования по сравнению с типичными *оператор информационной системы, государственные органы и юридические лица...*

Для убеждения адресата в объективности подачи информации, авторы законов используют пассивные конструкции с глаголами в форме настоящего времени, при этом обстоятельства применения конкретного положения актуализируются в сознании адресата с помощью инверсии, например: *Если иное не установлено решением о создании государственной информационной системы, функции ее оператора осуществляются заказчиком...* [3]; *Для создания системы защиты информации используются средства защиты информации, имеющие сертификат соответствия* [2]. Инверсироваться может часть сказуемого для подчеркивания важности действия: *Обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами* [3].

Грамматическая пассивность – жанровое свойство законодательных документов. Грамматическая пассивность предполагает возможность использовать фигуру умолчания и не называть субъектов действий, однако такое аннулирующее преобразование нами не отмечено. В рассматриваемых текстах в пассивной конструкции субъект действия ради лаконизма может быть назван метонимически: *Законодательством Российской Федерации могут быть установлены виды информации в зависимости от ее содержания или обладателя*.

Не отмечены нами метафоры, созданные авторами описываемых законов. Изредка функционируют метафоры, ставшие языковыми клише и используемые как единственно возможные наименования ситуации: *Нарушение требований настоящего Федерального закона влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность* [3]; *банк данных – организационно-техническая система, включающая одну или несколько баз данных и систему управления ими* [2].

Функционирование слов *гражданин, лицо* (без определений *юридическое, физическое*) в поверхностно-синтаксическом фрейме термина *информация* отражает стремление российских юристов «вочеловечить» правовую норму, воздействовать на правосознание адресата текста как личности, а не только как представителя группы: *и другие физические лица, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь*.

В законодательном тексте термины выполняют роль стержня, который объединяет языковые единицы ради создания текста, однозначно выражающего волю адресанта и однозначно понимаемого адресатом. Исследование поверхностно-синтаксического фрейма термина *информация* показывает тенденцию расширения значения юридического термина от ‘данные’ в конструкциях с зависимым существительным в форме Р. п. к ‘знание’ и ‘познание’ (в словосочетаниях с прилагательным *информационный*), что отражает понимание информации как одной из высших ценностей современного общества. Совокупность дефиниций терминов и использованные законодателями стандартные способы заполнения валентностей создают основу для первого наброска активного словаря правовой сферы деятельности человека. В активном словаре следует представить семантику, синтаксическое управление, лексико-семантическую сочетаемость и парадигматические семантические связи слова [6, с. 30]. Уточним, что синонимические, антонимические и т. п. связи для слов-терминов менее

характерны, чем для нейтральных слов литературного языка.

Необходимость создания активного словаря правовой сферы объясняется тем, что правовые документы направляют социально-правовое развитие общества.

Список литературы

1. Ломоносов, М. В. Проект регламента Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук [Электронный ресурс] / М. В. Ломоносов. – Режим доступа: www.vostlit.info/.../text.htm. – Дата доступа: 25.08.2012.
2. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З. Документ обновлен в феврале 2010 года: принят Палатой представителей 9 октября 2008 года: одобрен Советом Республики 22 октября 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bankzakonov.com/repUBLIC_pravo_by. – Дата доступа: 25.09.2011.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ. Опубликовано: 29 июля 2006 г. в «Российской газете». Федеральный выпуск № 4131 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/07/29/informacia-dok.html>. – Дата доступа: 25.08.2010.
4. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине [Электронный ресурс] / Н. Винер. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/cybern/contents.htm>. – Дата доступа: 23.08.2011.
5. Падучева, Е. В. Подлежащее или сказуемое? / Е. В. Падучева, В. А. Успенский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1979. – № 4. – С. 349–360.
6. Апресян, Ю. Д. Введение / Ю. Д. Апресян // Проспект активного словаря русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 784 с.

Тихомирова Елена Александровна, доцент кафедры русского языка БГУ, кандидат филологических наук, доцент (Минск, Беларусь).

For understanding the term is necessary to investigate the lexical field formed by the contexts of its functioning in certain texts, in particular, expression information in the laws of Russia and Belarus on information. This analysis shows the trends in the semantic expansion of the term, as well as the similarities and differences in understanding of the term in the Russian and Belarusian law-making.

УДК 81'374

К. Хеллер

ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ Ж.-Д. ПЕРЕВОЗОК КАК СЛЕДСТВИЕ ПРИВАТИЗАЦИИ ВАГОННОГО ПАРКА СТРАН СНГ

Продолжающийся процесс приватизации инвентарного вагонного парка железных дорог стран СНГ, повлекший за собой изменение системы логистики железнодорожных перевозок, сопровождается использованием неологизмов, терминов и вновь создаваемых словосочетаний, активно внедряемых в процесс общей железнодорожной коммуникации. Основной целью исследования является разъяснение значения таких формулировок, как например *Режимный вагон, следующий из Москвы в Брянск, направлен в технический рейс на станцию Киев-Лиски (в качестве вагона-фантома)*.

На странице веб-сайта Посольства Австрии в Москве под рубрикой «Двусторонние отношения» имеется следующее вступительное предложение: «Австрийско-российская торговля развивается с 2000 года предельно динамично» [1] (перевод с немецкого языка – К. Х.). Данное высказывание связано с миллиардными суммами в евро. Это суммы, размеры которых сложно представить. Экспедитор «превраща-

ет» такие суммы в тоннажи, а экспедитор-железнодорожник – в вагонные поставки, например, *60 вагонов / месяц на поставку 3 800 тонн бумаги в Россию*.

Кто предоставляет в распоряжение эти вагоны для перевозок? Государственная железная дорога? Уже нет! С изменением имущественных отношений подвижного состава железных дорог стран СНГ, т. е. с его приватизацией, коммерческий характер

транспортных сделок оказывает сильное влияние на технически-бюрократическую систему выполнения железнодорожных перевозок.

Данное развитие ощутимо также в сфере коммуникации. Возникновение новых видов текстов, использование неологизмов и образование новых словосочетаний расширяют активную профессиональную лексику железнодорожных экспедиторов. Рассмотрим несколько примеров.

Что такое *пассажирский вагон* или *грузовой вагон* – это общеизвестно. Что такое *открытый вагон* или *крытый вагон*, это тоже понятно. Но что такое *режимный вагон* или *вагон-фантом*? Значение выражений *груженный рейс* или *порожний рейс* можно понять на основе составляющих, но что обозначает термин *технический рейс*?

Если при чтении договора о найме, в котором стороны обозначаются обычно словами *арендатор* и *арендодатель*, обнаруживаются слова типа *субарендатор*, *владелец*, *собственник*, *исполнитель*, *субисполнитель*, то с некоторой уверенностью можно предположить, что представлен договор о

найме вагонов с многочисленными российскими или украинскими собственниками (в последнее время имущественные отношения с такими субъектами накладывают свой отпечаток на рынок железнодорожных вагонов в странах СНГ).

Перед процессом приватизации, который у Российских железных дорог (РЖД) длился около трех лет, у «Укрзалізниці» (УЗ) продолжается уже два года, а у Белорусской железной дороги (БЧ) только начинается, решающее значение имели чисто технические параметры вагонов для установления тарифов железнодорожных перевозок. Теперь же значительную роль играют: время в пути, отношения владения имуществом, организационно-технические, коммерческие, а также зависящие от собственника параметры. В общении железнодорожного экспедитора были введены понятия, которые в сфере железной дороги не употреблялись или использовались редко.

Изначальное распределение вагонного материала осуществлялось:

- по типу вагона: *крытые вагоны*, *открытые вагоны*, *специализированные вагоны*;
- по объему кузова: 120 м^3 , 138 м^3 , 158 м^3 , 250 м^3 ;
- по принадлежности: *вагоны общего парка* (принадлежащие железной дороге), *собственные вагоны* (принадлежащие собственнику).

В переходный период до окончательной приватизации распределение всех вагонов осуществляется дополнительно согласно определению рейса. В железнодорожном контексте под словом *рейс* понимается: «пока-

затель расстояния, пройденного вагоном от момента погрузки до момента следующей» [2]. Сам рейс подразделяется на: *груженный рейс*, *порожний рейс*, *кругорейс*, *технический рейс*. Кроме того, распределение вагонов идет по имущественным отношениям: принадлежащий железной дороге (*вагон общего / инвентарного парка*) или принадлежащий собственнику (*вагон собственного парка*). Вагоны собственного парка подразделяются на: *собственные / частные*, *собственные / арендованные* и *арендованные вагоны*.

Общее описание процесса транспортировки по маршруту Западная Европа – СНГ должно показать использование данной терминологии. В описании примера железнодорожной перевозки детского питания со страной происхождения Швейцария, назначением в Казахстан, рассматривается участок пути, где используется русский язык. При этом должно быть указано, какие понятия и документы являются необходимыми для беспрепятственного хода перевозки. На рисунке 1 в образце накладной СМГС (транспортного документа единого образца, принятого страна-

Prvopis nákladného listu - Оригинал накладной (pre prijímateľa) - (для получателя)

1 1 Odosielateľ, poštová adresa - Отправитель, почтовый адрес: Nestle Suisse SA, Vevey i.A. TTS Transsterminal AG, Buchs

5 Prijímateľ, poštová adresa - Получатель, почтовый адрес: ИСКОМТРАНССЕРВИС-ИТС ЛПД Ул. Эхельдасбекова 97 050051 АЛМАТЫ Казахстан

6 Záznamy pre železniciu nezáväzná - Отметки, не обязательные для железной дороги: Подкод 3343-6025 ТЕА Код 0012013013. ТРУ-9977700906 Декларант по УЗ-ОСО Терминал Карпаты Лизенция Нр. АВ 480449 от 21.07.2009

7 Pohraničné prechodové stanice - Пограничные станции перехода: Чирна над Тисоу-Чоп-Зерново /Суземка-Озинки

8 Železnica a stanica ubohyňa - Дорога и станция назначения: КЗХ КАЙРАТ, ЖД подча на ж.д.тупик 250а, СВХ «ЮСКО ЛОГИСТИК ИНТЕРНЕШНЛ»

9 Zmluva číslo - Договор №: 001 26 ЧЕР 2012

10 Druh tovaru - Вид груза: Поддоны / Питание детское, расфасованное для розничной продажи ГНГ19011000

11 Pomocovanie tovaru - Помощь в погрузке: Перегрузка Терминал Карпаты ст. Батене по договору 1203

12 Počet kusov - Число мест: 100

13 Hmotnosť (v kg) zálohnej odosielať - Масса в кг погрузочной отправки: 21 498

14 Počet kusov spolu (stavami) - Итого мест провоза: 100

15 Celková hmotnosť zálohnej odosielať - Общая масса погрузки: 21 498

16 Podpis odosielaťa - Подпись отправителя: SSK SLOVAKIA

17 Výmenné palety - Обменные поддоны: Počet - Количество: 0

18 Druh - Вид Категория: 01

19 Vlastník a číslo - Владелец и №: 01

20 Odosielateľ berie na seba zodpovednosť za nasledujúce tranzitné železnice - Отправитель берет на себя ответственность за следующие транзитные железные дороги: Трансферная код 1000783784 расчет через ФОТО. Оид № 1203 ИСКОМТРАНССЕРВИС-ИТС ЛПД 121377000111

21 Druh zásielky - Вид отправки: vozňová / вагонная, kusová / кусовая, veľkou kapacitou / большой емкостью

22 Základná informácia - Основная информация: vozňová / вагонная, kusová / кусовая, veľkou kapacitou / большой емкостью

23 Listiny priložené odosielať - Документы, прилагаемые к отправке: Фактура № 410142 Сертификат Оригинал № 000289 Памятка Лист Квалити анд-конформити сертификат Ветеринарный сертификат Фотокопия ЦИМ ЛПД

24 Udalosť prebieha - Происшествие: 4

25 Prílohy - Приложения: 4

26 Solné záplaty - Отметки таможен: 26

27 Vozňá - Вагоны: 27

28 Hranica zaťaženia (t) - Подъемная сила (т): 28

29 Nápravy - Оси: 29

30 Vlastná hmotnosť - Масса тары: 30

31 Hmotnosť po prekládke - Масса груза после перегрузки: 31

32 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 32

33 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 33

34 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 34

35 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 35

36 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 36

37 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 37

38 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 38

39 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 39

40 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 40

41 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 41

42 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 42

43 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 43

44 Hmotnosť (v kg) zálohnej železnice - Масса в кг погрузочной железной дороги: 44

34599/33529 III-10

Рисунок 1 – Накладная СМГС № 23126

ми-участниками Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС)) указано, какие данные требуются для осуществления транспортного процесса.

Документация и понятия, обозначенные (*), используются лишь со времен приватизации вагонного парка.

Прибывший из Швейцарии вагон № 3156 по железнодорожной колее шириной 1 435 мм идет с европейской *накладной СМ* до словацко-украинского пограничного пункта Чиерна над Тисоу (SK). Экспедитор составляет *накладную СМГС* на погранпереходе для передачи вагона до станции назначения на территории СНГ. Далее, на пограничном пункте Чоп (UA) у представителя *Železničná spoločnosť Cargo Slovakia – ZSSK Cargo*, у предприятия украинских железных дорог *Украинский транспортно-логистический центр – УТЛЦ (*)* и *Центра фирменного транспортного обслуживания ОАО РЖД – ЦФТО*, экспедитор запрашивает бланк *у́воз (*)* о приеме вагона № 3156 на «Укрзалізницю». «... перевозка грузов железнодорожным транспортом осуществляется на основании принятой перевозчиком к исполнению (согласованной) заявки на перевозку грузов» [3, с. 3]. В связи с языковым барьером на государственной границе заявка на прием оформляется на двух языках (словацком и русском). После получения номера подтверждения *начальник станции Чоп* распоряжается о передаче вагона на территорию Украины и о его передвижении до перегрузочного железнодорожного терминала в Чопе. Пока вагон находится на пути к терминалу, «организации, осуществляющие перевалку¹ грузов, представляют отдельную заявку на перевозку грузов: по каждой железнодорожной станции отправления; по каждой номенклатурной группе груза; по признакам отправки: в вагонах (повагонными, групповыми, маршрутными отправлениями); по признакам принадлежности вагонов...; по видам сообщений (в прямом железнодорожном сообщении, в прямом смешанном сообщении» [3, с. 3].

На терминале товар перегружается в *собственный изотермический вагон СНГ* с шириной железнодорожной колеи 1 520 мм, а порожний европейский вагон возвращается обратно в Чиерну над Тисоу (SK). Собственный вагон СНГ был заказан экспедитором еще до начала перевозки по *формуляру ГУ-12* у владельца вагона, в данном случае *Укррефтранс*. Для того чтобы передать вагон собственного парка от терминала обратно на железную дорогу, владелец вагона должен отправить соответствующую железнодорожную телеграмму с названием *Разрешение перевозки с оплатой через экспедиторские организации (*)* начальнику станции. После получения данной телеграммы вагон отправляется на станцию назначения. О его передвижении известно при помощи программы слежения / дислокации.

¹ Перевалка vs перегрузка. В данной ситуации под перевалкой понимается общее перемещение грузов из европейских вагонов в вагоны СНГ. Перегрузка – это более ответственная перевалка, включая крепление грузов с помощью крепежного материала.

На этом месте, до приватизации, работа экспедитора заканчивалась, поскольку вагоны общего парка государственной железной дороги были приняты и переотправлены по дальнейшим маршрутам. Сегодня же экспедитор отвечает за дальнейшую отправку собственных вагонов. В данном случае после разгрузки вагона отправителем порожнего вагона (первоначально получатель грузёного вагона) оформляется накладная на возврат. При этом он должен соблюдать закон о правильном оформлении. «При направлении порожних специализированных изотермических вагонов на промывку в графе Наименование груза указывается: На промывку» [3, с. 23].

После разгрузки и чистки вагона экспедитором оформляются две железнодорожные телеграммы (*) на имя начальника станции, которые подтверждают ему инструкции касательно возврата собственного вагона в перегрузочный железнодорожный терминал, а также оплату перевозки груза.

В моей диссертации на кафедре славистики университета Клагенфурга на тему «Создание русско-немецкого интернет-словаря терминов железнодорожного транспорта» я работаю над вопросом: каким образом и вследствие чего меняется письменная коммуникация в оперативном транспортном процессе работы железных дорог стран СНГ? При этом немаловажную роль играет постоянное развитие железнодорожной терминологии, что оказывает большое влияние на работу над словарем и требует постоянного включения новой лексики, в результате чего обеспечивается актуальность словаря.

Список литературы

1. Außenministerium der Republik Österreich, Botschaft Moskau [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bmeia.gv.at/botschaft/moskau/bilaterale-beziehungen/russische-foederation/wirtschaft.html>. – Дата доступа: 08.10.2012.
2. Технический железнодорожный словарь / Н. Н. Васильев [и др.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/railway/2298>. – Дата доступа: 12.10.2012.
3. Правила перевозки грузов железнодорожным транспортом. Общие требования. Сборник руководящих документов МПС России. – Екатеринбург: УралЮриздат, 2009. – 236 с.

Хеллер Колин, аспирант кафедры славистики Клагенфуртского университета (Клагенфурт, Австрия).

Научный руководитель – *Т. Ройтер*, профессор кафедры славистики Клагенфуртского университета, доктор филологических наук (Клагенфурт, Австрия).

Научный руководитель – *У. Долешал*, профессор кафедры славистики Клагенфуртского университета, доктор филологических наук (Клагенфурт, Австрия).

Technical run versus empty run, private wagons versus wagons of universal fleet, State railway executives versus private providers of railway services. New possessory interests of the GUS State Railways have created a massive challenge to the communications sector. Neologism and specialized terminology of both technical and commercial nature must be inserted into the existing model of communication currently used by railway specialists. The economic viability and the cost specifics for each individual wagon are discussed in detail by the contract partners. A permanent option for expanding the online-dictionary of special terminology of railway transportation and railway logistics should this development be approved.

РАЗДЕЛ VI

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ.
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81'374, 81'322

Л. Н. Беляева

ПЕРЕВОДНОЙ СЛОВАРЬ В АСПЕКТЕ АВТОМАТИЗАЦИИ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются проблемы создания и ведения переводных словарей разных типов на основе применения информационных технологий при анализе параллельных текстов, исследуются различия автоматических, автоматизированных и электронных словарей.

В задачу прикладной лексикографии входит создание и ведение автоматизированных и автоматических словарей и баз данных, жестко проблемно и предметно ориентированных. Полноценность и адекватность спектра лексикографических систем в значительной степени определяют уровень и достоверность извлечения информации и знаний из текстов различного состава, структуры и назначения. Однако анализ современного набора переводных словарей, издаваемых в нашей стране и/или включенных в различные автоматизированные словарные системы, позволяет фиксировать их отставание от современного развития науки и техники, несоответствие основным направлениям развития отраслей знаний. Это связано не только с естественным отставанием лексикографии, связанным с необходимостью переработки больших массивов современной информации, а прежде всего с традиционным подходом к созданию словарей с опорой на уже опубликованные разноплановые словарные ресурсы, а уже затем на результат анализа текстов.

Сегодня профессиональная предметно-ориентированная лексикография предполагает использование специального технологического комплекса для создания и поддержки словарей и словарных баз данных, позволяющего интегрировать выполнение ряда задач, решение которых необходимо для создания переводного словаря, в том числе:

- выделение терминов из отдельных текстов, а также из корпусов параллельных и псевдопараллельных текстов,
- получение статистических данных о встречаемости терминов в обрабатываемых текстах,
- просмотр конкорданса, полученного по исследуемому массиву или корпусу текстов,
- просмотр терминологических словосочетаний, выделяемых на экране по заданным параметрам контекстного окна,
- автоматическое пополнение словаря.

Как правило, решение задачи формирования больших терминологических ресурсов для создания переводных словарей требует огромного ручного труда и длительного времени, что в соответствии с современными требованиями невозможно. Дело в том, что существует насущная необходимость реагировать быстро (и стандартным образом) для того, чтобы удовлетворять требования к обработке информации,

выделять и корректно переводить не зарегистрированные ранее или просто новые терминологические единицы. Различия самих исходных текстов, уровней специализации текстов, целей и профилей конечных пользователей и уровня автоматизации объясняют отсутствие универсальных методов для решения задачи извлечения терминов из текстов.

Удачным примером организации системы для лексикографической работы является сетевой словарь LexSite [1], который представляет собой открытый лексический ресурс, основанный на базе данных компании Language Interface. База данных лексической системы состоит из двух компонентов, первый из которых содержит общую и специальную лексику, а также уникальные термины, накопленные в результате работы над проектами в различных областях знаний. Корпус параллельных текстов, составляющий второй компонент базы данных, включает пары типа оригинал – перевод для российских нормативных и юридических документов [2, с. 155–156]. Результаты поиска ранжированы по иерархически организованному 300 предметным областям, из которых 13 являются базовыми. Словарные статьи снабжены синонимической информацией, которая выводится на экран по запросу пользователя.

Современный подход к созданию словарей предполагает формирование и использование корпуса реальных текстов, который может рассматриваться как база данных для решения не только исследовательских, но и практических лексикографических задач. Корпусы письменных текстов, как правило, включают сами тексты, а также их разметку по результатам парсинга, позволяющего установить принадлежность лексических единиц конкретным частям речи, формат текста и границы предложений. Эти тексты могут служить базой для создания конкордансов, словарей слов и словосочетаний в случае одноязычного корпуса, а также для создания многоязычных лексиконов и многоязычных конкордансов в случае корпуса параллельных массивов.

При создании переводного словаря на основе корпуса текстов необходимо:

- определить принципы формирования выборочной совокупности для создания исследовательского параллельного корпуса текстов и ее необходимый и достаточный объем;

– установить требования к разметке текстов в корпусе и получить базовую лингвистическую информацию;

– определить необходимые для работы средства информационных технологий, включая системы машинного перевода, переводческой памяти, средства выравнивания параллельных текстов, редакторы разметки (тэгирования), средства формального извлечения терминов из текста и т. д.

Даже при сохранении выравнивания по частям речи между термином исходного языка и его аналогом в языке перевода возможно пять типов расхождений:

– категориальное расхождение, при котором в переводе используются единицы других частей речи;

– расхождение в результате слияния, при котором коллокация переводится универбом – знаменательным словом;

– структурное расхождение, при котором в переводе изменяется синтаксическая структура предложения, в частности, используется трансформация;

– расхождение в результате замены ядра предложения (*head swapping*), при котором происходит изменение позиции главного глагола-сказуемого и выдвигание одного из его модификаторов в позицию ядра;

– тематическое расхождение, при котором происходит переключение синтаксических ролей аргументов глагола при переходе от языка к языку (ср. [3, с. 85–86]).

Поддержание лексикографической системы, используемой переводчиком, в актуальном состоянии требует постоянного «отслеживания» новых терминов, для чего могут, в частности, использоваться методы собственно лингвистического и лингвостатистического анализа и метрики для выделения терминологических словосочетаний из текста. Эти метрики позволяют оценивать:

– информацию о сочетаемости предпочтениях лексических единиц (*unit hood*), их синтагматической близости,

– информацию о степени терминологичности словосочетаний (*term hood*),

– информацию о характерных особенностях (*salience*) словосочетания для конкретного корпуса текстов или терминологии языка для специальных целей.

Большинство автоматизированных систем извлечения терминов используют либо статистический, либо лингвистический подход [4]. При этом учитывается частота лексической единицы в тексте, отношение правдоподобия для двусловных терминов, метрики, основанные на полном количестве информации. Для оценки коллокаций, состоящих более чем из двух слов, в качестве единственного статистического параметра используется частота кандидата в термины в корпусе текстов [5]. Использование гибридных подходов представляет собой попытку преодоления ограничений односторонних подходов к решению задачи извлечения терминов на основе как лингвистических, так и статистических элементов [6].

В основе подобного формально-терминологического анализа лежит сопоставление частоты лексической единицы в проблемно-ориентированном корпусе и в корпусе текстов национального языка. Тогда критерием терминологичности оказывается степень различия этих частот, позволяющая уста-

новить особенности «поведения» отдельного слова или коллокации в языке для специальных целей или специально созданном корпусе текстов. Соответственно, различные метрики отличаются именно тем, как устанавливаются подобные критерии и каковы их численные значения.

Одним из методов оценки степени терминологичности является независимый от предметной области метод автоматического выявления многокомпонентных терминов в тексте. В качестве исходного материала для анализа при этом используется корпус текстов исходного языка, на основе которого формируется список кандидатов в многокомпонентные термины. Эти термины упорядочиваются по степени терминологичности, которую принято называть *C-value*. Получаемый в результате список оценивается экспертом в конкретной предметной области. Поскольку кандидаты в многокомпонентные термины оцениваются по степени их терминологичности, эксперт может просматривать списки, начиная от верхней части сверху вниз, работая с ними столько, сколько позволяет время и/или затраты [5].

Подход с использованием *C-value* основан на объединении лингвистической и статистической информации, причем особое значение имеет именно статистическая компонента. Лингвистическая информация основана на результатах грамматической разметки корпуса текстов, лингвистический фильтр ограничивает комбинаторику извлекаемых терминов и включает список стоп-слов (в другой терминологии – антипризнаков).

Лингвистическая база, необходимая для реализации этого метода, включает следующие компоненты:

1. Информацию о части речи, извлекаемую из результатов грамматической разметки корпуса текстов.

2. Собственно лингвистический фильтр, применяемый к размеченному корпусу текстов.

Задачей этого фильтра является исключение тех цепочек, извлечение которых запрещено по формальным признакам. К критериям удаления коллокаций относятся запрещенная комбинаторика частей речи. При этом возможно применение как «закрытого» фильтра, разрешающего извлечение цепочек слов только конкретных типов, так и «открытого» фильтра, в котором перечисляются только запрещенные типы цепочек.

3. Список слов-антипризнаков.

Статистический анализ позволяет исследовать статистические характеристики цепочек лексических единиц, являющихся кандидатами в термины. Необходимость гибридного подхода определяется тем, что доступная для анализа статистическая информация без специальной лингвистической фильтрации не является достаточной для получения корректных результатов.

Выбор конкретного лингвистического фильтра и его наполнения зависит от того, как в конкретной системе сбалансированы полнота и точность поиска: предпочтение точности над полнотой, вероятно, требует использования закрытого фильтра, в то время как предпочтение полноты определяет использование открытого фильтра [5, с. 586–587].

Мера *C-value* вычисляется достаточно прямолинейно на основе характеристик цепочек лексических единиц, являющихся кандидатами в термины. К ним, например, относятся:

1. Суммарная частота цепочки лексических единиц, являющихся кандидатами в термины, в корпусе текстов.

2. Частота цепочки лексических единиц, являющихся кандидатами в термины, как часть других более длинных кандидатов в термины.

3. Количество таких более длинных кандидатов в термины.

4. Длина цепочки лексических единиц, являющихся кандидатами в термины (в количестве слов).

Значение *C-value* вычисляется в зависимости от длины коллокаций, начиная с самых длинных и заканчивая биграмами.

Большинство лингвистических подходов основано на использовании синтаксических моделей и систем фильтров. Как правило, термины описываются регулярным выражением из меток частей речи, извлекаемых на основе анализа последовательности слов текста.

Методы, используемые в статистических системах, варьируются от простых подсчетов частот до вычисления сложных статистических индикаторов, служащих для измерения силы связи между элементами, встретившимися в структуре коллокации – кандидата на роль термина. Основные проблемы, возникающие при применении этих подходов, состоят в том, что частые слова или сочетания слов с высоким индексом связи не обязательно являются терминами. В некоторых статистических подходах привлекаются лингвистические данные, которые должны позволить преодолеть эти ограничения [6, с. 516].

Применение различных метрик требует создания корпуса текстов и его подготовки для автоматизации терминологического анализа. Идеальным источником материала являются корпуса параллельных текстов, построенные на основе материалов узкой предметной области (статей, монографий, материалов конференций и их переводов на другой язык). Такой корпус должен быть выровнен по предложениям, что позволяет выявлять и анализировать термины и их переводы, оценивать стандартизованность и единство пере-

водов, распространенность конкретных вариантов. Однако получение такого параллельного корпуса не всегда возможно. Одним из вариантов создания материала для последующего лексикографического анализа является формирование особых корпусов текстов, включающих параллельное представление исходных текстов, их машинных переводов и отредактированных переводов, согласованных с экспертами в конкретной области знаний. Важно отметить, что качество и потенциал такого корпуса в большой степени зависит от сотрудничества с экспертами при отборе исходного материала и редактировании переводов.

Список литературы

1. Словарь научно-технических терминов Lexsite // Language Interface [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.langint.com/lexsite>. – Дата доступа: 27.11.2012.
2. Кит, М. С. О стратегии построения высокоэффективных сетевых словарей (на базе разработки словаря LexSite) / М. С. Кит // Вестник РГГУ. – № 9. – С. 149–160.
3. Habash, N. Handling Translation Divergences: Combining Statistical and Symbolic Techniques in Generation-Heavy Macint Translation / N. Habash, B. Dorr, edit. by D. Richardson // LNAI 2499. – AMTA, 2002. – P. 84–93.
4. Kageura, K. Methods for Automatic Term Recognition: A Review / K. Kageura, B. Umino // Terminology. – 1996. – Vol. 3, № 2. – P. 259–289.
5. Frantzi, K. T. The C-value/NC-value Method of Automatic Recognition for Multi-word Terms C. Nikolaou / K. T. Frantzi, S. Ananiadou, J. Tsujii, edit. by C. Stephanidis // ECDL'98, LNCS 1513. – Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 1998. – pp. 585–604.
6. Vivaldi, J. Improving Term Extraction by System Combination Using Boosting / J. Vivaldi, L. Marquez, H. Rodriguez, edit. by L. De Raedt and P. Flach // ECML 2001, LNAI 2167. – Berlin: Heidelberg-Springer-Verlag, 2001. – P. 515–526.

Беляева Лариса Николаевна, заведующий кафедрой прикладной лингвистики РГПУ им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия).

The problems of creating and managing for different types of translation dictionaries on the basis of information technologies when analyzing parallel texts are considered, distinctions between automatic, automated and electronic dictionaries are investigated.

УДК 81'373'374:[811.161.3=134.1+811.134.1=161.3]

Ч. Бланко, Я. Якубовіч

PRAGMATLEX – ШМАТМОЎНЫ СЛОЎНІК ПРАГМАТЫЧНЫХ ФРАЗЕМ. БЕЛАРУСКА-КАТАЛАНСКІЯ І КАТАЛАНА-БЕЛАРУСКІЯ ЭКВІВАЛЕНТЫ ПЕРАКЛАДУ¹

Речь идет о прагматических фраземах каталано-белорусской / белорусско-каталанской языковой пары, включенной в многоязычный словарь прагматем PragMatLex. Целью исследования является описание основных проблем поиска эквивалентов перевода прагматем – проблем, с которыми авторы столкнулись в процессе разработки словаря. Рассмотрены, в частности, различия в грамматической семантике, диастратические особенности, а также указано на наличие лексических лагун и на необходимость локальных грамматик для наиболее адекватного перевода.

¹ Беларускі слоўнік прагматэмаў (у распрацоўцы) складзены Ю. Гецэвічам (АПП НАН Беларусі), Св. Гецэвіч (АПП НАН Беларусі), Ю. Кімам (БДУ) і Я. Якубовіч (АУБ). Што датычыцца каталанскага слоўніка, у яго пабудове занятыя Ч. Бланко і Д. Катала (АУБ).

² Існуюць прагматэмы, якія не адпавядаюць дакладна прыведзенаму значэнню. Да прыкладу, шматлікія прагматэмы належаць да лексічных адзінак, а не да фраземаў: *Напомач!*, *Прывітанне!*, *Empènyer/Estirar*.

1. Замест уводзінаў: прагматэмы і PragMatLex

Тыповая² прагматэма – гэта семантычна кампазіцыйная фразема тыпу АВ, чыё азначальнае і азначаючае абумоўленыя пазамоўнай сітуацыяй (SIT), у якой АВ ужываецца. Такім чынам, мы маем справу з прагматычна абумоўленым выслоўем, а не з фраземай лексіка-семантычнай. Прыкладамі

прагматэмаў могуць службыць у беларускай мове³ *Запрашаем на працу* (у аб'яве аб вакансіях у газетах ці на інтэрнэт-сайтах); *Уваход вольны* (у афішах аб запланаваных мерапрыемствах); *Пошук сяброў* (адна з аперацыяў у сацыяльных сетках). З каталанскай мовы прывядзём наступныя выслоўі: *Esperi el seu torn* 'Пачакайце сваёй чаргі' (надпіс на падлозе ці на зямлі перад прылаўкам або касай); *Perill d'incendi* 'Небяспека ўзгарання' (шыльда ў лясной зоне, якая звычайна суправаджаецца піктаграмай) альбо *Bona diada!* 'Добрага свята!' (вітанне ў дзень 11 верасня – нацыянальнага свята Каталоніі).

Варта падкрэсліць, што прагматэмы нельга ахарактарызаваць як астаткавую або маргінальную з'яву. Гаворка ідзе аб досыць важнай групе фраземаў, якія прысутнічаюць ужо на першым жа ўзроўні лінгвістычнай кампетэнцыі (*Bon dia!*; *Рады пазнаёміцца!*), часта ўжываюцца ў маўленні і налічваюць да некалькіх тысячаў адзінак у мове. Больш за тое, прагматэмы нярэдка ўтрымліваюць інфармацыю жыццёвай важнасці (*Вогненебяспечна!*; *Risc elèctric*), значна ўплываюць на ўспрыманне моўцы слухачом (напрыклад, у выпадку адсутнасці адказу на прывітанне або прагматычна неадэкватнага адказу на яго), а часам перадаюць спецыфічныя, культурна абумоўленыя сэнсы (*Long live the Queen!*; *Хрыстос уваскрос!*), якія выклікаюць праблемы пры перакладзе.

Нашая даследчыцкая група /LexSem (Фанетыка, Лексікалогія і Семантыка; Аўтаномны Універсітэт Барселона) займаецца распрацоўкаю шматмоўнага слоўніка прагматэмаў. На дадзены момант, у праект уключаныя каталанская, іспанская, французская, беларуская, руская і польская мовы. З нядаўняга часу распачалася праца над прагматэмамі сучаснай грэчаскай мовы.

У дадзеным артыкуле мы разгледзім эквіваленты перакладу з беларускай на каталанскую і з каталанскай на беларускую, а менавіта – слоўнікавыя палі BE і SA ў мікраструктуры слоўніка, прапанаванай Ч. Бланко [5]. Такім чынам, мы будзем трымацца перакладчыцкай перспектывы. Безумоўна, мы прывядзём толькі невялікую колькасць прыкладаў беларуска-каталанскага (які налічвае каля 600 слоўнікавых адзінак) і каталана-беларускага (прыблізна 1 400 слоўнікавых адзінак) слоўнікаў, якія знаходзяцца ў працэсе пабудовы.

Беларускую і каталанскую мовы, якія з'яўляюцца роднымі аўтарам артыкула, яднае, нягледзячы на гістарычныя адрозненні і адметнасці сучаснага ўжытку кожнай з гэтых моваў, сітуацыя дыгласіі ў адносінах да моваў пашыранага выкарыстання – рускай і іспанскай адпаведна. Рэч у тым, што прагматэмы аказваюцца асабліва чуйнымі да сацыялінгвістычнай сітуацыі (маецца на ўвазе афіцыйны ўжытак мовы ў адміністрацыйным кантэксце, фіксаванні і аднаўленні тэрміналогій, сямейны і штодзённы ўжытак і г. д.), што вядзе да ўтварэння калькаў, не заўсёды пажаданых і яшчэ радзей неабходных. Дадзім, што каталана-беларускай і беларуска-каталанскай лексікаграфіі амаль не існуе, а гэта

робіць цікавым, з навуковага пункту гледжання, параўнальнае вывучэнне гэтых моваў.

Вывучым два вялікія блокі пытанняў, паводле якіх, на нашу думку, зручна структураваць артыкул. Першы блок (раздзел 2) змяшчае серыю праблемаў перакладу, выкліканых не лексічнай семантыкаю, а семантыкаю граматычнай або асаблівасцямі дыясістэмнага характару. Сярод самых частых можна назваць дыястратычныя асаблівасці (напрыклад, больш ці менш афіцыйны, больш ці менш фамільярны ўзровень ужытку выслоўя ў зыходнай мове ў параўнанні з прапанаваным эквівалентам перакладу) і ступень інтэнсіўнасці. Нельга пакінуць без увагі дыятапічныя адзнакі, паколькі пэўны эквівалент перакладу можа быць адэкватным, аднак ужывальным толькі ў адной з частак арэалу мовы, на якую здзяйсняецца пераклад. Важна ўлічваць і дыяхранію, бо назіраюцца выпадкі, калі цалкам прыдатны, што да лексічнай семантыкі, варыянт перакладу апынаецца састарэлым у мове, на якую перакладаецца.

У другі ж блок уключаныя, па-першае, існуючыя лексічныя лакуны, абумоўленыя або культурнымі (у плане зместу), або тэрміналагічнымі (у плане выражэння) чыннікамі. Па-другое, тут апавядаецца пра праблему прысутнасці ў эквіваленте перакладу лексічных кампанентаў, адрозных ад тых, якія ўтвараюць адзінку, прызначаную для перакладу (варта агаварыцца, што гэты апошні аспект можа стацца асабліва важным у справе выкладання/вывучэння мовы). Нарэшце, у гэтым жа структурным блоку гаворка вядзецца пра тую групу прагматэмаў, якія папросту немагчыма перакладаць паводле логікі $a = b$, але якія патрабуюць апісання паводле лакальнай граматыкі, што ўдакладняе ўмовы ўжытку кожнага выслоўя ў яго дачыненні да іншых выслоўяў той жа падсістэмы.

2. Граматычная семантыка і дыясістэма

Беларуская мова мае даволі пашыраную гаму прывітанняў. У перакладзе часам складана перадаць большы ці меншы ўзровень іх афіцыйнасці. Напрыклад, *Здароў!* падаецца больш фамільярным, чым каталанскае *Hola!*. Ёсць магчымасць перакласці яго каталанскім вітаннем *Ei!*, якое таксама можа службыць эквівалентам для *Vitanki!*.

Прыблізна тое самае адбываецца і з формулаю *Пакуль!* (*Adéu!* – няўдалы эквівалент у дадзеным выпадку, таму прапануем *Chao!* – італьянізм, не занатаваны ні ў адным з каталанскіх слоўнікаў, і, тым не менш, ужывальны) і з падкрэслена гутарковаю формаю *Дзяк!* (*Gràcies!* не перадаць патрэбнага адцення, таму адзіна магчымым эквівалентам можа службыць галіцызм *Merci!*, таксама не прысутны ў слоўніках).

Ступень інтэнсіўнасці адыгрывае важную ролю пры ацэньванні адэкватнасці эквівалента перакладу. *Шчыра запрашаем!*, у даслоўным перакладзе на каталанскую, можа ўнушыць даволі высокую ступень інтэнсіўнасці – за кошт прыслоўя. Аднак, ва ўжытку гэтая прагматэма цалкам адпавядае каталанскаму *Benvingut!*, прычым няма патрэбы інтэнсіфікаваць – *Molt benvingut!*. Формы *Sincerament benvingut* або *Benvingut de tot cor* магчымыя, але не ўстойлівыя і, да таго ж, больш інтэнсіўныя, чым беларуская прагматэма.

Дыяхранія бывае маркіраванай у прагматэме з тае прычыны, што прагматэма ўвогуле перастала ўжывацца, або таму, што для дадзенай сітуацыі ўзнік-

³ Апісанне і класіфікацыя беларускіх прагматэмаў былі прапанаваныя ў артыкуле Ю. А. Кіма і В. Я. Елісеевай [4].

ла і ўсталявалася ў мове іншая форма. *Малочна вам!*⁴ (пажаданне доячым карову) – адно з такіх састарэлых зычанняў, для якога не знайшлося каталанскага адпаведніка, хоць падобная сітуацыя, без сумневу, існавала і ў Каталоніі. Не ўтварылася эквівалента і для састарэлай прагматы *Радзі, Божа!* (зычанне тым, хто сее). Сустрэкаюцца, аднак, прагматы, што цалкам выйшлі з ужытку або амаль не ўжываюцца, але, паколькі сітуацыя іх выкарыстання не знікла, маглі быць заменены больш сучаснымі формамі. Як прыклад, прывядзём выслоўі *Шчасць Божа на дарозе!* ці *Сакалінага лёту!* (каталанскае *Bon viatge!* ‘Добрай вандроўкі!’ не адлюстроўвае дыяхранічную маркіраванасць), альбо таксама *Пі здароў!*, у адпаведніках да якога *Salut!* ці *Salut i peles!* адсутнічае маркіраванасць. У прагматыках, такім чынам, прасочваюцца дыяхранічны змены: параўнайма малаўжывальнае *Сыць, Божа!* і агульнавядомае сучаснае *Смачна есці!*.

Урэшце, увагі патрабуюць і дыятапічныя асаблівасці. Паколькі каталанская мова досыць моцна дыялектызаваная, можна сустрэць рэгіянальныя разнавіднасці прагматы: напрыклад, *Tibeu i Estireu* (аналаг беларускага *На сябе*). У беларускай мове падобных варыяцый намі пакуль не адзначана.

3. Лексічныя лакуны, лексічныя кампаненты і лакальная граматыка

Сфера дзейнасці, у якую ўпісана прагматы, можа мець вырашальны ўплыў на вызначэнне эквівалента перакладу. Прагматы, што належаць, напрыклад, да сферы інфарматыкі, не выклікаюць цяжкасцяў у перакладзе пры ўмове, што адпаведная камп’ютарная праграма лакалізавана для абедзвюх моваў. *Anomena i desa* – гэта прагматы, уласцівае тэкставым працэсарам, і яе беларускім эквівалентам ёсць *Захаваць як. Дадаць да сяброў*, у сваю чаргу, – гэта распаўсюджаная ў сацыяльных сетках прагматы, для якой каталанскае *Afegeix com a amiatat* будзе дакладным перакладам, паколькі строгі інфарматычны кантэкст забяспечвае эквівалентнасць сітуацый. *Усе правы абаронены* перакладаецца як *Reservats tots els drets*, тут таксама можам канстатаваць агульную сітуацыю і агульныя юрыдычныя наступствы.

Затое такія прагматы, як *Хрыстос уваскрос!* і *Сапраўды уваскрос!* не маюць каталанскага адпаведніка, нягледзячы на тое, што хрысціянства глыбока ўкаранёнае ў абедзвюх культурах. Гэтаксам выслоўе *У добры шлях!* складанае для перакладу, бо, хоць і прымяняецца яно ў агульных для ўсіх сітуацыях, для яго нялёгка знайсці дакладны адпаведнік: *Bon viatge!* больш сітуацыйна абмежаванае, чым беларуская прагматы. У іншых выпадках прагматы, хоць і фармальна адрозныя, могуць лічыцца семантычнымі эквівалентамі, як, да прыкладу, *Què, piquen?* і састарэлае *Рыбно вам!* (звароты да тых, хто ловіць рыбу).

Для беларускай мовы існуе спецыялізаваная вайсковая лексіка⁵. Каталонія ж, маючы свае органы аховы парадку, не мае ўласнага войска. Менавіта таму адшукаць «рэальныя» эквіваленты для многіх

прагматы ў вайскавай сферы ўяўляецца складанаю задачай. Апроч таго, у дадзеных сацыялінгвістычных варунках здаецца малаверагодным, каб, скажам, *Рукі дагары!* і *Mans a dal!* маглі быць выкарыстаныя ў рэальных абставінах, у якіх зазвычай ужываюцца адпаведна рускі і іспанскі аналагі. Такая ж сітуацыя, агульная для беларускай і каталанскай моваў, назіраецца і ў выпадку з прагматымамі на ўпакоўках. Тут трапляюцца рэальна ўжывальныя формы (*Выкарыстаць да:* [DATA]; *Consumir preferentment abans de* [DATA]), што сустрэкаюцца, аднак, з меншай частотнасцю, якая неабходна для поўнай фіксацыі прагматы.

Звернем увагу на тую выпадкі, на першы погляд не асабліва праблемныя, дзе патрэбна выявіць адпаведнасць паміж выслоўямі, што ўтрымліваюць досыць розныя лексічныя кампаненты. Так, *Небяспечна для жыцця* з’яўляецца адпаведнікам для *Perill de mort*, нягледзячы на тое, што *жыццё* – антонім да *mort*. *З Днём Народзінаў!* атрымалася ў выніку элізіі (пры выпадзенні *вінуіу*). У каталанскай жа мове поўнае выслоўе выглядае як *Et desitjo un feliç aniversari* ‘Жадаю шчаслівых народзінаў’, але ўжываецца найчасцей *Feliç aniversari!* і *Felicitats!*, дзе кампанент *Feliç* ‘шчаслівы’ ёсць абавязковым кампанентам і не падвяргаецца элізіі. Трэба ўсведамляць гэтыя адрозненні, якія могуць быць важнымі чыннікамі ў вывучэнні мовы, дэсфразаалагізацыі і перакладзе з улікам кантэксту.

І нарэшце, адзначым наяўнасць такіх прагматы, для якіх немагчыма вызначыць эквівалент перакладу без указання абмежаванняў сітуацый, у якіх яны ўжываюцца. За прыклад возьмем *Добрай раніцы!*; *Добры дзень!*; *Добры вечар!*; *Дабранач!*, якія не выкарыстоўваюцца ў тых жа часовых каардынатах, што каталанскія *Bon dia!*; *Bona tarda!*; *Bona nit!*. Каталонская мова не ведае вітання *Bon mat!* ‘Добрай раніцы’ у якасці прагматы. Першае па часе вітанне у каталонцаў – гэта *Bon dia!* ‘Добры дзень!’. *Bona tarda!* можна ўжываць пачынаючы з 12.00, але прынята ўсё ж прымяняць пазней, пасля 14.00–15.00, у той час як беларускае *Добры вечар!* мы выкарыстоўваем яшчэ пазней, уласна ўвечары. *Bona nit!* можа быць прывітаннем, тады як *Дабранач!* – амаль заўсёды развітанне. Варта нагадаць і пра існаванне часам даволі шматлікіх варыянтаў прагматы (*Дзень добры!*; *Bon dia tingui!*). Да таго ж, улічым магчымыя замены стандартных прывітанняў на спецыфічныя, прывязаныя да пэўных датаў (*Хрыстос уваскрос!*; *Bona diada!*). Гэты выпадак тыповы для лакальнай граматыкі [8]. Пераклад жа варта ажыццяўляць з улікам усёй падсістэмы.

4. Заключэнне

З прычыны абмежаванага аб’ёму тэксту, у заключэнне толькі зазначым, што для беспамылковага перакладу прагматы першараднае значэнне маюць два чыннікі: па-першае, правільнае вызначэнне камунікацыйнай сітуацыі, у якой ужываецца прагматы на зыходнай мове; і, па-другое, устойлівы характар выслоўя, выбранага ў якасці эквівалента перакладу, і яго рэальны ўжытак у мове, на якую пераклад здзяйсняецца.

Спіс літаратуры

1. Mel’čuk, I. Semantics: From Meaning to Text / I. Mel’čuk. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. – 436 p.

⁴ Прыведзены тут састарэлыя формы прагматы ў зычаннях намі са слоўніка Я. Станкевіча і А. Адамовіча [6].

⁵ Маецца на ўвазе, у першую чаргу, двохмоўны вайсковы слоўнік Ст. Судніка і С. Чыслава [7], Ю. А. Кіма і В. Я. Елісеевай [4].

2. Mel'čuk, I. Tout ce que nous voulions savoir sur les phrasèmes, mais... / I. Mel'čuk // Cahiers de Lexicologie. – Paris: Honoré Champion, in print.
3. Blanco, X. Los frasemas composicionales pragmáticos / X. Blanco // Opacitè, Idiomaticitè, Traduction / dirs. P. Mogorrón; S. Mejri. – Alicante: Universidad de Alicante, 2010. – P. 19–32.
4. Кім, Ю. А. Фармалізацыя семантыкі прагматычных фразем беларускай мовы / Ю. А. Кім, В. Я. Елісеева // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open semantic technologies for intelligent systems: OSTIS-2011: материалы междунар. науч.-техн. конф., Минск, 10–12 февраля 2011 г. – Минск.: БГУИР, 2011. – С. 413–418.
5. Blanco, X. Proposition de microstructure évolutive pour un dictionnaire de pragmatèmes / X. Blanco // Actes des Journées Scientifiques LTT. – Université Paris 13, in print.
6. Станкевіч, Я. Маленькі маскоўска-рускі (крывіцкі) слоўнічак фразеалёгічна і прыказкаў ды прывітаньні, зычэньні і інш. / Я. Станкевіч, А. Адамовіч. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 77 с.
7. Суднік, Ст. Расейска-беларускі вайсковы слоўнік / Ст. Суднік, С. Чыслаў. – Минск: Белфранс, 1997. – 250 с.
8. Gross, M. The Construction of Local Grammars. Finite-State Language Processing / M. Gross // Finite-State Language Processing /

eds. E. Roche; Y. Schabes. – Cambridge: Mass. / London: The MIT Press, 1997. – P. 329–352.

Бланко Эскода Чаўер, выкладчык Дэпартаменту французскай і раманскай філалогіі Аўтаномнага Універсітэта Барселона (АУБ), доктар філасофіі, прафесар (Full Professor) (Барселона, Іспанія).

Якубовіч Яўгенія, дактарант Дэпартаменту французскай і раманскай філалогіі (АУБ), магістр (Барселона, Іспанія).

Навуковы кіраўнік – **Д. Катала**, выкладчыца Дэпартаменту французскай і раманскай філалогіі (АУБ), доктар філасофіі, прафесар (Барселона, Іспанія).

The paper deals with the translation of pragmatemes or pragmatic phrasemes between Catalan and Belarusian. Several problems of translation are addressed: differences concerning grammatical semantics, differences concerning diastatic levels, existence of lexical gaps and necessity of local grammars to adequately represent the translation equivalencies.

УДК 378.013.2+038

Л. К. Гейхман, И. В. Ставцева

УЧЕБНЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ СЛОВАРЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ УЧЕБНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОСВОЕНИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Рассматривается учебное сотрудничество студентов в процессе освоения читательской компетентности. Предлагается и обосновывается эффективность педагогической технологии создания и коллективного ведения учебного пользовательского словаря как результата сотрудничества.

Социальная природа всего человеческого заставляет нас учиться эффективному взаимодействию с Другими – как в личной, так и в профессиональной сфере мы сталкиваемся с постоянной необходимостью общения. Умения слышать, понимать Другого, доносить до него свою точку зрения, не провоцируя при этом конфликтной ситуации, и даже совместно принимать решения высоко ценятся всегда. Однако в современном мире потребность человека находить пути и способы эффективного взаимодействия резко возросла. С ускорением темпа жизни, приростом знаний, глобализацией и постоянно опережающим образованием характером развития специальных сфер стала очевидной принципиальная невозможность работать и учиться в одиночку, пополняя некую копилку собственных знаний, мало соотносимую с решением возникающих в профессиональной деятельности проблем.

Тем не менее, в настоящее время категории взаимодействия и совместной деятельности педагога и учащихся остаются недостаточно разработанными. Основную трудность как в изучении приемов и форм организации совместной учебной деятельности, так и в обучении им составляет то, что эти приемы маскируются для сознания преподавателя предметным содержанием целей и задач обучения. При этом, как правило, мало осознаются такие важные компоненты учебного сотрудничества, как личностная позиция преподавателя и психологические особенности приемов его сотрудничества с коллективом учащихся, так же как используемые им приемы организации сотрудничества учащихся друг с другом.

Сами учебные отношения и взаимосвязи не выделяются в особый предмет освоения, в результате чего позиции учащегося по отношению к учителю, к себе самому, к окружающим не изменяются в процессе обучения. Одновременно сужается спектр мотивов учения. Оно не приобретает ценности личностного и нравственного порядка, поскольку ведущей оказывается сугубо познавательная направленность на содержание учебных предметов. Процесс учения однобоко интеллектуализуется в силу того, что социальные характеристики учебной деятельности как взаимодействия, сотрудничества в общении остаются в тени [1].

Подробно исследовав педагогическое общение [2] и разработав модель обучения учебному взаимодействию, мы пришли к выводу о том, что сотрудничество приобрело ключевой социальный статус именно в информационный период развития общества. Поскольку данных вокруг стало настолько много, и обновляются они сейчас с такой скоростью, что одному человеку, даже профессионалу высокого уровня, зачастую становится не под силу справиться с их нескончаемым потоком. Кроме того информационное общество стало причиной резкой диспропорции реального и виртуального в жизни людей в сторону увеличения последнего, что привело к сокращению опыта живого реального взаимодействия как диалога двух «Я», как межличностного симметричного процесса.

Влияние современной информационной среды на личность огромно, мировоззрение формируется в современных условиях, в том числе и под влиянием Интернет-ресурсов. Интернет расширяет

возможности получения знаний. Доступ к нему расширяет кругозор учащегося, его личные интересы. Однако любая информация требует обработки и анализа. С одной стороны, Интернет является мощным инструментом для взаимодействия, а с другой – отрицательно влияет на формирование навыков общения и развитие реальных коммуникативных способностей. В связи с этим основной задачей педагогов является научить ориентироваться в информационной среде.

Анализ показал, что одной из значимых (возможно, самых важных) способностей, необходимых в современной информационной среде, является читательская компетентность цифрового пользователя [3]. Она понимается нами как интегративная характеристика автономной личности, как способность по-новому организовывать деятельность чтения через совокупность умений, связанных с эффективным информационным поиском в Интернете, с оценкой источников, с использованием стратегии смысловой обработки информации, адекватной выбранному типу текста и цели чтения, с воссозданием концепта текста и с отражением внутренне переработанного концепта в авторском вторичном произведении.

Разработанная модель читательской компетентности цифрового пользователя включает 3 компонента: информационный, когнитивный и интерактивный. При этом информационный компонент соотносится с умениями: находить текст по заданной тематике, оценивать надежность источника и информативность текста, менять стратегии чтения в соответствии с читательскими задачами. Когнитивный компонент отражает умения выделять в тексте отдельные элементы, обобщать, находить главные и второстепенные факты, соотносить элементы текста, сгруппировывать их по предложенному признаку, делать выводы на основе информации из текста, интерпретировать (понимать имплицитное значение текста).

Основным компонентом, выделяющим читательскую компетентность цифрового пользователя в совершенно уникальную категорию, является интерактивный компонент. Включая в себя умения парифразировать и создавать вторичный продукт на основе прочитанного, данный компонент связан с чтением не для себя, а для Другого, что делает взаимодействие основой читательской компетентности цифрового пользователя.

Сформировать способность описанной комплексности и многокомпонентности – неочевидно решаемая задача. Педагогическую технологию, направленную на развитие читательской компетентности цифрового пользователя, целесообразно основывать на сотрудничестве студентов в совместном освоении данной способности.

Решение было найдено в науке, описывающей теорию и практику составления словарей и справочников – лексикографии, подсказавшей нам возможную деятельность, которая, с одной стороны, имеет самостоятельную цель и результат (учебный пользовательский словарь), а с другой – при условии педагогически корректной организации – может служить проверкой сформированности читательской компетентности.

Таким образом, нами был предложен и апробирован в студенческой аудитории следующий алгоритм работы с текстом:

- 1) создание поисковой базы специализированных учебных и профессионально значимых материалов;
- 2) поиск основного и вспомогательных текстов по заданной тематике;
- 3) чтение найденных текстов;
- 4) выбор ключевых единиц;
- 5) построение схемы-тезауруса по прочитанному;
- 6) добавление выбранных лексем в общий пользовательский словарь (заданного типа и заданной структуры словарной статьи);
- 7) написание вторичного текста жесткой структуры на основе данного.

Особенность предложенной технологии заключается в намеренном соединении методических положений в области обучения языку и лексикографической теории. Поэтому одним из ключевых ее принципов мы выделяем принцип двуплановости, который объединяет в технологии лексикографические и собственно педагогические цели. С одной стороны, учащиеся работают над созданием учебного пользовательского словаря, в то время как с другой стороны, они повышают свой уровень читательской компетентности. Реализация принципа двуплановости обеспечивает сохранение высокой мотивации на занятиях через постепенное развитие единой комплексной идеи организации деятельности студентов.

Приведенный алгоритм, операционализирующий концептуальные основы применяемой технологии, основывается на гибкой смене организационных форм работы (индивидуальной, групповой и коллективной), чередование которых позволяет добиться хороших результатов в обучении. В нашей технологии сначала все этапы алгоритма выполняются учащимися индивидуально, а затем осуществляется переход к групповой работе, когда студенты обсуждают найденные источники текстов, выбранные ключевые слова, вместе выстраивают схему-тезаурус и составляют вторичный текст. Стоит отметить, что индивидуальное выполнение всех этапов необходимо, так как, только предварительно подготовившись, студенты могут участвовать в групповой и коллективной деятельности или в дискуссии по специализированной тематике на иностранном языке. Создание поисковой базы и создание пользовательского словаря представляют собой коллективные этапы работы, которые получают определенную социальную оценку и значимы с точки зрения коллективной ответственности за их выполнение.

Выше отмечалось, что использование информационных технологий и Интернет расширяют возможности повышения эффективности результата освоения алгоритма, поэтому уже на первом этапе, при создании поисковой базы, мы стремимся к тому, чтобы найденная информация была общедоступна, что удобно организовать, например, средствами форума, блога или социальных сетей. Затем составляется классификация всех найденных материалов, результаты которой выкладываются на сайт. При этом социальная значимость создания поисковой

базы заключается в возможности использования ее ресурсов для получения информации не только непосредственными участниками работы над ней, но также и другими заинтересованными индивидами в силу доступности Интернет-данных.

Работа со словарем при чтении текста – не новая практика, особенно распространенная в обучении иностранным языкам и литературе. Когда речь идет об обучении чтению на иностранном языке, то традиционно во время этого процесса составляются двуязычные словники, входные единицы которых формируют все незнакомые читателю слова. Реже встречается ситуация, когда выбор лексических единиц соотносится с выделением ключевых слов (слов, «способных в совокупности с другими ключевыми словами представлять текст, служить для различения» [4, с. 9]), однако именно они должны быть входными единицами словаря, так как их фиксация выступает индикатором зрелости текста.

К ключевым словам важно уметь составить характеристику, написать словарную статью. Результат лексикографической фиксации показателен потому, что она построена на законах смысловой компрессии текста – на таких принципах, которые обуславливают и проверяют понимание текста при чтении. Из этого вытекает, что обучение лексикографической фиксации ключевых элементов текста – это эффективный способ обучения извлечению информации из текста и важный элемент формирования читательской компетентности.

Высокая степень компрессии позволяет предельно обобщать и абстрагировать содержание. В этом случае читатель не может избежать определенной субъективности формулировок, что позволяет усмотреть в его действиях творческое начало составления словарной статьи.

Набор словарных статей, созданных по ключевым словам, сформирует учебный словарь, который может быть использован автором в личных целях либо стать частью группового проекта по созданию словаря определенной тематики (например, когда студенты читают разные тексты на одну или близкую тему, а затем составляют один общий учебный словарь). Однако именно групповой проект позволяет организовать учебное сотрудничество по освоению читательской компетентности.

Образовательная деятельность студента по б-пункту алгоритма приводит к достижению промежуточной лексикографической цели обучения, что пока еще не является полноценным результатом достижения педагогической цели. Именно поэтому мы вводим еще один этап, который заключается в реконструировании вторичного текста жесткой структуры (например, текста-инструкции) с помощью созданных пользовательских словарей и схем. Выбор ключевых единиц в данном контексте становится особенно значимым, так как он позволяет осуществлять сначала свертывание информации, а затем ее развертывание в процессе создания вторичного текста.

Важным свойством предложенного алгоритма образовательной технологии создания учебного пользовательского словаря является его цикличность: с каждой новой пройденной темой студенты снова алгоритмизируют свою деятельность, попол-

няя словарь, совершенствуя умения лексикографической фиксации и повышая уровень читательской компетентности. Последующие поколения студентов занимаются ведением данного словаря, продолжая работать над качеством словарных статей и добавляя новые единицы.

Описанная технология была апробирована в процессе проведения занятий по английскому языку для специальных целей у студентов очного отделения направления пищевой промышленности и технологий. Результаты анкетирования показали, что студенты самостоятельно выявили следующие положительные эффекты создания учебного пользовательского словаря как результата учебного сотрудничества в освоении читательской компетентности: возможность обсудить преимущества и недостатки поисковых систем, существующих словарей и автоматических переводчиков; возможность узнать, экспериментально проверить и обсудить составление поисковых запросов; возможность использовать знания, приобретенные из лекционных курсов, читаемых на родном языке; возможность изучать тексты на родном и иностранном языках в сравнении; возможность оценивать работу одногруппников, вместе выявлять плюсы и минусы включенных в словарь статей; возможность составлять такие описания иностранных слов, чтобы ими пользовались другие студенты.

Таким образом, создание и ведение учебного пользовательского словаря помогает научиться искать информацию и оценивать ее достоверность, понимать свои и чужие тексты, использовать информацию для личных целей и целей других людей, ориентироваться в профессиональной сфере общения на иностранном языке, развивать читательскую компетентность.

Список литературы

1. Ляудис, В. Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия / В. Я. Ляудис // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся. – М.: АПН СССР, НИИОП, 1980. – С. 37–52.
2. Гейхман, Л. К. Интерактивное обучение общению (общепедагогический подход): дис. ... д-ра пед. наук / Л. К. Гейхман. – Екатеринбург, 2003. – 426 с.
3. Гейхман, Л. К. Читательская компетентность цифрового пользователя как результат образовательного процесса в условиях социальных изменений современности / Л. К. Гейхман, И. В. Ставцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Образование. Педагогические науки. Вып. 15. – 2012. – № 4 (263). – С. 88–93.
4. Беляева, Л. Н. Научная статья: подготовка к публикации: учеб. пособие / Л. Н. Беляева, Н. Л. Шубина. – СПб.: Книжный дом, 2009. – 28 с.

Гейхман Любовь Кимовна, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО ПНИПУ (Пермский национальный исследовательский политехнический университет), доктор педагогических наук, профессор (Пермь, Россия).

Ставцева Ирина Вячеславовна, преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ) (Челябинск, Россия).

The article discusses an educational collaboration in mastering of reading competence. The authors suggest and prove the efficiency of pedagogical technique which describes learner's customized dictionary making and its collective management as a result of collaboration.

УДК 811.161

Л. Ф. Гербик

СОСТАВЛЕНИЕ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ КАК ЧАСТЬ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА ЗАНЯТИИ ПО РКИ

При обучении русскому языку иностранцев активно используется лексикографическая продукция, поскольку иностранные учащиеся должны уметь работать со словарем. Однако составление словаря может рассматриваться и как вид учебно-методической работы на занятиях по РКИ. Учебно-методическое пособие «Превращаем словник в полноценный словарь» содержит задания, цель которых – сконцентрировать внимание студентов на лексико-грамматических характеристиках слова, научить их работать с различными словоформами, показать принцип организации словарной статьи, что должно способствовать развитию языкового мышления при изучении русского языка.

При обучении иностранцев русскому языку обычно речь идет об использовании лексикографической продукции. Студенты должны уметь работать со словарем. Но в наш новый учебно-методический комплекс по русскому языку для иностранных студентов 1 курса мы включили также задания по составлению словаря: «Превращаем словник в полноценный словарь». Цель таких заданий – сконцентрировать внимание студентов на лексико-грамматических характеристиках слова, научить их работать с различными словоформами; важно научиться видеть однокоренные слова, понять принцип организации словарной статьи. Это будет способствовать развитию языкового мышления при изучении русского языка.

В настоящее время иностранные студенты активно используют на занятиях по русскому языку электронные словари-справочники. Несомненно, «скорая помощь» электронного словаря-справочника бывает необходимой и значительно упрощает работу на занятии. Однако для достижения долговременного учебного эффекта – полноценного усвоения лексики – необходима кропотливая работа с изучаемым словом.

Контекстное обучение РКИ: плюсы и минусы. Использование коммуникативного метода обучения языку, наиболее распространенного в настоящее время, предполагает, что в качестве основной единицы обучения принимается текст. Каждый из видов речевой деятельности учащегося (аудирование, чтение, письмо, говорение) при этом интегрирован в достижение общей цели занятия. Под контекстным обучением мы понимаем обучение языку, во-первых, на основе конкретного текста, во-вторых, в ситуации определенного прагматического контекста. В целом принципы и методы интегрированного, контекстного обучения соответствуют принципам коммуникативно-деятельностного подхода к обучению иностранным языкам. Плюсы такого подхода хорошо известны; остановимся на минусах.

Текстоцентрическая концепция изучения языка, принятая в настоящее время в качестве основной, хотим мы того или нет, в некоторой степени снижает актуальность работы с каждым словом текста на занятии. Во-первых, для изучения предлагаются, как правило, довольно объемные тексты, в которых не все слова относятся к сфере активной лексики; неполное, не вполне точное понимание учащимися таких слов (понимание в контексте) неизбежно и оправданно с точки зрения методики преподавания языка при условии, что таких слов немного и что в дальнейшем слова пассивного словаря поступатель-

но переводятся в сферу активной лексики. Если же такие слова занимают большую площадь текста (что нередко наблюдается), то у студентов формируется привычка «приблизительно правильного», неточного понимания текста и такого же «приблизительно правильного» выражения мысли. Во-вторых, тексты для занятий по русскому языку, как правило, подбираются таким образом, чтобы их тематика, содержание, факты, описанные в них, были интересными для студентов и служили основой для «выхода в речь», для беседы. В структуре такого занятия не остается места для углубленной лексико-грамматической работы, поскольку особой ценностью является коммуникативная направленность основной части заданий. Кроме того, для понимания слова в тексте (в контексте) достаточно усвоения учащимися одного из значений слова – того значения, в котором это слово употреблено в данном конкретном случае.

Прагматический контекст употребления изучаемого слова фокусирует внимание учащегося на достижении конкретных коммуникативных целей, определенных целями занятия.

Все эти факторы, повышая эффективность усвоения иностранного русского языка до определенного предела на начальном этапе обучения («приблизительно правильное» понимание и построение высказывания как вхождение в языковую среду и снятие языкового барьера), в дальнейшем снижают эффективность познания языка, поскольку акценты всё более перемещаются с познания языка на познание мира.

При контекстном обучении на первый план выдвигается работа над такими видами речевой деятельности, как чтение и говорение, причем обучение чтению имеет целью понимание общего содержания и главной мысли текста, а обучение говорению – умение достигать коммуникативных целей. Практический опыт работы показывает, что достижение многих коммуникативных целей в языковой среде возможно при минимальном знании языка; критерием в оценке знаний для самого учащегося служит предположение / утверждение «меня понимают». Настоящей проблемой становится обучение аудированию и письму; даже написание элементарного диктанта показывает, что многих слов иностранные студенты просто «не слышат» (что равносильно «не знают» при фонематическом письме).

При контекстном обучении словарная работа имеет ограниченные цели; объем и качество изучаемой лексики находится в зависимости от текста и ситуации и может не соответствовать объему лек-

сического минимума; качество усвоения лексики учащимися не всегда соответствует необходимому и плохо поддается ежедневному контролю. Если слово изучается только в контексте, то оно имеет статус преходящей ценности.

Все это делает необходимым структурировать учебный процесс таким образом, чтобы словарная работа стала отдельным видом учебной работы по усвоению русского языка как иностранного. Необходимость такой работы всегда была очевидной для методистов, однако существование упомянутых выше проблем свидетельствуют о том, что место словарной работы в учебном процессе при обучении РКИ определено недостаточно четко.

XII Конгресс МАПРЯЛ о словарной работе при обучении РКИ, о коммуникативном методе и teaching by learning.

Вопросы словарной работы на занятиях по РКИ рассматривались на XII Конгрессе МАПРЯЛ в Шанхае. Стало очевидным, что упомянутые выше проблемы обучения РКИ характерны не только для конкретных белорусских вузов, но и для университетов других стран.

Руис-Соррилья Крусате Марк, Дунаева Л. А. (Барселонский университет, МГУ им. М. В. Ломоносова) указали на то, что за последние десятилетия в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка сформировалась концепция обучения лексике как информационно-тематической основе общения, составляющей интегральную часть синтаксиса и грамматики текста, и сформулировали проблему следующим образом: «В соответствии с данной концепцией из арсенала лингводидактики выпали многие широко распространенные ранее приемы словарной работы, направленные на заучивание новых слов, изолированное слово перестало быть объектом изучения вовсе, а сам лексический аспект, интегрированный в преподавание грамматики и обучение видам речевой деятельности, почти перестал существовать в чистом виде» [1, с. 623]. Результатом такого подхода к обучению стало, как отмечают авторы, снижение качества знаний: «В зарубежных вузах и учебных центрах интегрированный подход к изучению лексики в значительной степени снижает эффективность аудиторной деятельности учащихся по овладению новой русской лексикой, поскольку лексические единицы имеют сугубо учебный характер, функционируют в языковом либо речевом контекстах, которые существуют лишь в рамках общения с преподавателем русского языка...» [1, с. 624]. Как отмечают авторы, усиленное внимание преподавателя к одному из аспектов обучения – изучению текста – невольно перегружает содержательное наполнение курса за счет других его составляющих. Представление лексики во всем объеме ее коммуникативных возможностей, системной организации, взаимодействия с единицами других языковых уровней требует особых методических разработок. В качестве такой разработки авторами доклада представлен модульный ресурс «Лексика русского языка» (электронное пособие), созданный на базе градуальной серии лексических минимумов ТРКИ. Выбор лексического минимума в качестве основы ресурса обусловлен тем, что данный методический материал не только конкретизирует список лексических единиц, подлежащих обязательному

усвоению на определенном уровне владения русским языком, но и служит ориентиром для авторов учебников, учебных пособий и разработчиков тестовых материалов; в целом этот материал дает иностранцу, изучающему русский язык, четкое представление о лексической базе, на которой составлены учебные и тестовые материалы. Именно поэтому, как отмечают далее авторы, в последнее время как преподаватели, так и учащиеся все чаще стали использовать данный компонент системы тестирования – лексический минимум – в функции своеобразного учебного пособия. Каждый учебный модуль состоит из трех содержательных блоков: «Слово», «Словосочетание. Предложение», «Текст». Ресурс озвучен и проиллюстрирован [1, с. 625].

Обратим внимание также на другой учебный курс, представленный на Конгрессе МАПРЯЛ в докладе Виноградовой Е. Н., Чекалиной В. Л. (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Русский язык как искусство: творческий взгляд на учебник». Данный учебный курс, рассчитанный на начальный этап обучения, состоит из блоков: учебник; рабочая тетрадь, или мастерская; диски с аудио-файлами к учебнику, к рабочей тетради; диск с текстами. Построение данного курса основано на концепции творческого сотрудничества преподавателей и учащихся при дистанционном обучении, на концепции высокой творческой активности учащегося в процессе овладения языком; характерно название рабочей тетради – мастерская [2, с. 353].

В целом в докладах, прочитанных на Конгрессе МАПРЯЛ в Шанхае, ключевой идеей стала идея формирования новой образовательной парадигмы, в которой перераспределяются обязанности учащихся и преподавателей благодаря современным интерактивным методам обучения. Богомолов А. Н. (МГУ им. М. В. Ломоносова) отмечает: «Очевидным становится тот факт, что развитие глобальной компьютерной сети Интернет влияет на переосмысление существенных характеристик образования, требует пересмотра традиционной системы образования. Новые образовательные системы характеризуются не только смещением центра с преподавания (прямого научения / трансляции готовых знаний от учителя к ученику – teaching) к обучению – learning, но и активным использованием современных компьютерных и педагогических технологий» [3, с. 324]. Использование новых компьютерных технологий при обучении русскому языку, как отмечают Бейер Дэниэл и Акишина Т. Е. (Университет Южной Каролины, США), позволяет регулировать весь корпус внеаудиторной работы как систему подготовки к речевой деятельности на уроке: «Оптимизации существующих программ можно достичь, если вывести все предречевые виды работы (запоминание слов, трансформационные и другие виды тренировочных упражнений, тестирование, чтение и письмо) за пределы аудиторных часов и посвятить последние только развитию устной речевой деятельности» [4, с. 314].

Таким образом, коммуникативный метод обучения получает дальнейшее развитие; интегрированное обучение четырем видам речевой деятельности на основе текста как основной единицы обучения дополняется аспектным обучением, в котором все возрастающую роль играет творческая активность самого учащегося.

Словарная работа как аспект обучения РКИ. Важнейшим аспектом изучения языка является словарная работа. При изучении русского языка как иностранного словарная работа всегда связана с грамматической. Работа со словом должна иметь несколько целей: изучение слова должно находиться в соответствии со структурой самого слова (план выражения, аспекты плана содержания), с учетом системной организации лексики изучаемого языка.

Чем более задействовано мышление, тем более эффективно запоминание учебного материала. Работа учащихся с новыми словами – это увлекательная работа, расширяющая горизонты языковой картины мира и в то же время углубляющая знание лексико-грамматических отношений и связей в системе языка. В учебном пособии по практике речи для первого курса мы выделили пласт активной лексики учебного характера: *ведомстичка, ведомость, занятие, зачет, зачетка, расписание, учить, учиться, экзамен* и т. п. (всего около 1 000 единиц). Ознакомление с этими словами происходит на текстоцентрической основе (в пособие включены тексты по университетоведению, рассказы студентов об их учебе на родине и в Беларуси и др.), в системе предтекстовых и послетекстовых упражнений. Слова в учебном пособии даются с толкованием на русском языке, с примерами употребления. Для углубленного изучения лексики студентам предлагается словарная работа на основе заданного списка слов «Превращаем словник в полноценный словарь». Предполагается, что в ходе аудиторной и внеаудиторной работы студентами должен быть создан словарь, отвечающий учебным целям РКИ: слово в начальной форме – перевод на родной язык – грамматическая характеристика слова, принятая в толковых словарях (для именных частей речи – формы мн. ч., р. п.; для глаголов – личные формы, видовая пара и т. д.) – однокоренные слова – лексическая сочетаемость, примеры употребления. Из обращения к студентам («Введение»): «Изучать и сравнивать слова в разных языках – интересная и увлекательная работа: одинаков ли объем значений «одинаковых» на первый взгляд слов? одинаково ли они употребляются в контексте? Возможно, какие-то слова часто встречаются в афоризмах, поговорах и поговорках. Какая культурная традиция

стоит за такими высказываниями? – Ответы на все эти вопросы предстоит дать во время работы по данному словарю. Этот словарь рассчитан на активных в учёбе студентов».

Итак, учебный словарь по РКИ, предполагающий интерактивную учебную работу, должен содержать комплексную информацию о слове: значение, его синтагматические и парадигматические характеристики, возможные интенциональные значения, грамматические формы. Такой словарь, выполненный первоначально в бумажном формате, может явиться основой для современного интеллектуального словаря с обучающими функциями.

Список литературы

1. Руис-Соррилья Крусате, М. Обучение лексике в условиях отсутствия языковой среды: проблемы и решения / М. Руис-Соррилья Крусате, Л. А. Дунаева // Русский язык и литература во времени и пространстве: XII Конгресс Международной ассоциации преподавателей и литературы. – Shanghai: Foreign Language Education Press, 2012. – Т. 3. – С. 623–628.
2. Виноградова, Е. Н. «Русский язык как искусство»: творческий взгляд на учебник / Е. Н. Виноградова, Л. В. Чекалина // Русский язык и литература во времени и пространстве: XII Конгресс Международной ассоциации преподавателей и литературы. – Shanghai: Foreign Language Education Press, 2012. – Т. 3. – С. 349–353.
3. Богомолов, А. Н. Виртуальная среда дистанционного обучения РКИ: опыт организации учебного процесса в новой образовательной модели / А. Н. Богомолов // Русский язык и литература во времени и пространстве: XII Конгресс Международной ассоциации преподавателей и литературы. – Shanghai: Foreign Language Education Press, 2012. – Т. 3. – С. 324–329.
4. Бейер, Д. Использование новых компьютерных технологий при обучении русскому языку в американских университетах / Д. Бейер, Т. Е. Акишина // Русский язык и литература во времени и пространстве: XII Конгресс Международной ассоциации преподавателей и литературы. – Shanghai: Foreign Language Education Press, 2012. – Т. 3. – С. 313–318.

Гербик Людмила Францевна, заведующий кафедрой прикладной лингвистики филологического факультета БГУ, кандидат филологических наук, доцент (Минск, Беларусь).

When compiling the dictionary of Russian language foreign students pay attention to the lexical and grammatical characteristics of words, teach them how to work with different word forms; it is important to see the same root words, make a vocabulary entry, understand the principle of lexical organization. This will facilitate the development of linguistic thinking in the study of Russian language.

УДК 801.316.3

В. В. Дубичинский, Т. Ройтер

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ И ПАРОНИМОВ

Дается теоретическое и лексикографическое описание лингво-культурного феномена лексических параллелей в русском и немецком языках. При этом выделяются полные, неполные и ложные лексические параллели двух языков. Вводится нетрадиционное понимание терминов «межъязыковая омонимия» и «межъязыковая паронимия».

Работая над «Русско-немецким словарем лексических параллелей» [1–4], который представляет собой лексикографическое произведение, описывающее сходные по внешней форме лексические единицы русского и немецкого языков с частичным или

полным несовпадением / совпадением значений (лексические параллели), мы обнаружили, что понятия «межъязыковых омонимов» (МО) и «межъязыковых паронимов» (МП) не совсем адекватно используются в традиционной лингвистике (см., например, [5; 6]).

Опираясь на теорию лексических параллелей [7–9] и рассматривая национально-культурное своеобразие лексических единиц русского языка в сравнении с их коррелятами (соответствиями) в немецком языке на уровне отдельных значений слова (семем), можно системно определить понятия МО и МП.

Итак, внешне (устно / письменно) сходные корреляты двух и более синхронически сопоставляемых языков мы предлагаем назвать лексической параллелью (ЛП).

Часто эти соответствия ни в одном из их значений не совпадают. Такую лексическую параллель двух языков мы называем ложной лексической параллелью. Ложные ЛП в «Русско-немецком словаре лексических параллелей» (РНСЛП) [1] обозначены знаком Δ .

Например:

Δ ДЕПУТАТ, -а, м:

1. выборный представитель, член выборного государственного учреждения: *депутат парламента* – Abgeordnete(r);
2. человек, избранный кем-л. и уполномоченный для выполнения каких-л. поручений, заданий и т. п.: *депутат переговорщиков* – Vertreter(in), Deputierte(r).

Δ Deputat, n (-(e)s, -e):

1. натуроплата (часть заработной платы, получаемая натурой): *ein ausreichendes Deputat erhalten*;
2. причитающаяся доля: *die Deputate verteilen*.

Таким образом, коррелятами данной лексической параллели являются: рус. Δ депутат «1. выборный представитель, член выборного государственного учреждения: *депутат парламента*, что по-немецки – Abgeordnete(r); 2. человек, избранный кем-л. и уполномоченный для выполнения каких-л. поручений, заданий и т. п.: *депутат переговорщиков*, что по-немецки – Vertreter(in), Deputierte(r)», и нем. Δ Deputat «1. натуроплата (часть заработной платы, получаемая натурой): *ein ausreichendes Deputat erhalten*; 2. причитающаяся доля: *die Deputate verteilen*».

Основную часть РНСЛП составляют неполные лексические параллели. О таких лексических параллелях мы говорим в том случае, если совпадают одни и не совпадают другие значения коррелятов ЛП.

Совпадающие значения называем интересеммой, а значение, отражающее национально-культурное своеобразие лексики, – идиосеммой. Интересеммы в словаре обозначены знаком равенства =, а идиосеммы – знаком * «звёздочка».

Например:

СОУС, -а, м:

1. жидкая приправа, подливка к кушанью: *говядина под соусом, томатный соус*;
2*. разг. придуманная, искажённая форма подачи какого-л. предложения или нововведения: *подать под соусом научной теории* – Vorwand, Anschein.

Soße, f (=, -n):

1. = соус 1;
2*. разг. неприятность, неприятное положение: *in der Soße sitzen*.

Рус. соус и нем. Soße сходны в значении «жидкая приправа, подливка к кушанью: *говядина под соусом, томатный соус*», т. е. соус 1 = Soße 1. Но русское слово соус имеет еще одно значение, отсутствующее у его немецкого коррелята: «2*. разг. придуманная, искажённая форма подачи какого-л. предложения или нововведения: *подать под соусом научной теории* (по-немецки – Vorwand, Anschein)»; немецкое слово Soße, в свою очередь, тоже обладает несовпадающим значением: «2*. разг. неприятность, неприятное положение: *in der Soße sitzen*». Таким образом, в немецком и русском языках налицо одна интересемма и две идиосеммы.

Кроме того, даже в совпадающих значениях (интерсеммах) можно выделить мельчайшие смысловые различия. В словаре они обозначены знаками >- сужение значения, или <- расширение значения.

Например,

ФЛАГ, -а, м:

прикрепленное к древку или шнуру полотнище определённого цвета, часто с эмблемой, используемое в качестве символа чего-л.: *вывесить флаг* – а также Fahne (государственный).

Flagge, f (=, -n):

= флаг > б. ч. маленьких размеров.

ДОК, -а, м:

портовое сооружение для ремонта судов: *стоять в доке*.

Dock, n (-(e)s, -e u -s):

= док < для ремонта судов и самолетов.

Рус. флаг и нем. Flagge связаны интересеммой «прикрепленное к древку или шнуру полотнище определённого цвета, часто с эмблемой, используемое в качестве символа чего-л.: *вывесить флаг*», но немецкое слово употребляется в суженном значении «= флаг > б. ч. маленьких размеров».

Соответственно, в случаях сужения и уточнения значения для русского коррелята под пометой а также (а также) подается дополнительный уточняющий переводной эквивалент: – а также Fahne (государственный).

Или: рус. док и нем. Dock сходны в значении «портовое сооружение для ремонта судов: *стоять в доке*», но немецкое значение несколько шире русского «= док < для ремонта судов и самолетов».

От традиционного для лингвистики термина «ложные друзья переводчика» мы отказались из-за его метафоричности, а также из-за того, что традиционно не проводится различие между «ложными друзьями»-словами и «ложными друзьями»-значениями (в предлагаемой нами терминологии они соответственно называются ложными ЛП и идиосеммами).

Полной лексической параллелью называются внешне сходные соответствия двух или нескольких синхронически сравниваемых языков с полностью совпадающими значениями.

Например:

РЕПРОДУКЦИЯ/Я, -и, ж:

1. воспроизведённый посредством печати рисунок, картина или фотографический снимок: *репродукция картины Дюрера*;

Reproduktion, f (=, -en):

1. = репродукция 1;
2. = репродукция 2;
3. = репродукция 3.

(продолжение см. ниже)

(начало см. выше)

2. мед. воспроизведение чего-л. сохранившегося в памяти: *репродукция сна, репродукция детских воспоминаний*;

3. биол. воспроизведение организмами себе подобных: *репродукция племенных собак*.

Рус. **репродукция** и нем. **Reproduktion** семантически идентичны в трех значениях: «1. воспроизведённый посредством печати рисунок, картина или фотографический снимок: *репродукция картины Дюрера*; 2. мед. воспроизведение чего-л. сохранившегося в памяти: *репродукция сна, репродукция детских воспоминаний*; 3. биол. воспроизведение организмами себе подобных: *репродукция племенных собак*».

Как мы уже отмечали, при полных ЛП, однако, возможны различия стилистического характера и расширения или сужения совпадающих значений.

Например,

ИНТЕРНАТ, -а, м:

1. средняя школа, в которой учащиеся живут и учатся: *закончить интернат*

– а также Internatsschule;

2*. уст. исправительно-воспитательное заведение для детей и подростков: *отправить в интернат*

– Besserungsanstalt für Kinder und Jugendliche.

АНТИКВАР, -а, м:

1. торговец старинными ценными вещами: *купить вазу у антиквара*

– а также

Antiquitätenhändler(in);

2*. знаток и собиратель антиквариата:

коллекция антиквара

– Antiquitätenkenner(in),

Antiquitätensammler(in).

Internat, n (-e)s, -e):

= интернат > общежитие для учащихся.

Antiquar, m (-s, -e):

= антиквар > букинист: *ein Buch bei einem Antiquar schätzen lassen*.

Полные и неполные ЛП можно отнести к интернациональным словам (интернационализм), которые мы определяем как внешне сходные лексические единицы различных языков, в семантической структуре которых совпадает хотя бы одно из значений (есть хотя бы одна интерсемема).

Разновидности ЛП представлены на схеме ниже.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ

ПОЛНЫЕ
ЛП

НЕПОЛНЫЕ
ЛП

ЛОЖНЫЕ
ЛП

с интерсемемами и идиосемемами

Рисунок 1 – Схема разновидностей лексических параллелей

Иногда описываемые нами слова двух сравниваемых языков называют «межъязыковыми омонимами» или «межъязыковыми паронимами». Исходя из принципиального положения, что омонимия и паронимия – явления внутриязыковые, этими терминами мы называем минимум четырехчленные структуры параллельного сопоставления омонимов и паронимов русского и немецкого языков.

Под межъязыковой омонимией мы подразумеваем внешне и семантически сходные параллельные оппозиции двух и более синхронически сопоставляемых языков, то есть как минимум (при сравнении двух языков) четырехчленную структуру, когда сходство омонимов (по два в каждом языке) наблюдается в разных языках.

Например:

АККОРД I

АККОРД II

АККОРД I, -а, м:

сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты как звуковое единство: *благозвучный аккорд*.

△ **АККОРД II**, -а, м:

уст. особое трудовое соглашение, договор: *работать по аккорду* – Sonderarbeitsvertrag.

AKKORD I

AKKORD II

Akkord I, m (-e)s, -e):

= аккорд I.

△ **Akkord II**, m

(-e)s, -e): режим работы на предприятии в повышенном темпе: *im Akkord arbeiten*.

Межъязыковая омонимия предполагает сравнение омонимичных (в каждом из сравниваемых языков) полных, неполных и ложных лексических параллелей. Как можно удостовериться из приведенного примера, межъязыковыми омонимами являются: два омонима русского языка **аккорд I / аккорд II** и два омонима немецкого языка **Akkord I / Akkord II**.

При этом лексическими параллелями двух языков являются (в данном случае четыре ЛП – четырехчленная омонимичная структура): рус. **аккорд I / нем. Akkord I** (полная ЛП), рус. **аккорд I / нем. Akkord II** (ложная ЛП), рус. **аккорд II / нем. Akkord I** (ложная ЛП), рус. **аккорд II / нем. Akkord II** (ложная ЛП).

Межъязыковыми паронимами мы называем только такие лексические параллели, которые в каждом из (как минимум) двух сопоставляемых языков могут вызывать ложные ассоциации, т. е. отождествляться друг с другом при несовпадении их значений. Опираясь на теорию лексических параллелей и исходя из того, что паронимия, как и омонимия, – внутриязыковая лексико-семантическая категория, межъязыковые паронимы могут наблюдаться лишь при сопоставлении двух (трех, четырех и более) паронимов с двумя (тремя, четырьмя и более) паронимами другого языка.

Например:

генеральный

генеральский

General-

Generals-

generell

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ/ЫЙ,

-ая, -ое, -ые:

1. главный, основной, ведущий: *генеральный план города, генеральная идея*;

– а также Haupt-;

2. общий, всеобщий:

генеральная ассамблея;

3. главный, руководящий (о должности):

генеральный конструктор, генеральный секретарь.**ГЕНЕРАЛЬСКИЙ,**

-ая, -ое, -ие:

относящийся к генералу:

генеральские погоны.

Как видим из приведенного лексикографического примера, межъязыковая паронимия возникает при сопоставлении двух паронимов русского языка *генеральный // генеральский* с тремя паронимами немецкого языка *General- // Generals- // generell* (пятичленная структура межъязыковых паронимов).

При этом лексическими параллелями являются соответствующие в двух языках пары **генеральный – General-** (полная ЛП), **генеральный – Generals-** (ложная ЛП), **генеральный – generell** (ложная ЛП), **генеральский – General-** (ложная ЛП), **генеральский – Generals-** (полная ЛП), **генеральский – generell** (ложная ЛП).

В лексикографической практике при сопоставлении лексических параллелей наблюдаются также случаи смешения омонимов и паронимов (параллельные оппозиции омонимов и паронимов в двух языках) – межъязыковая омонимо-паронимия.

Например:

граф I**граф II****графа****ГРАФ I**, -а, м:дворянский титул в Западной Европе и дореволюционной России; человек, носящий такой титул: *граф Толстой, имение графа*.**ГРАФ II**, -а, м:*матем.* система точек и линий: *построить граф*.△ **ГРАФ/А**, -ы, ж:1. полоса или столбец между двумя вертикальными линиями в таблицах, рубрика: *заполнить графу расходов* – Spalte, Rubrik;2. пункт текста, анкеты: *графа «национальность», графа в паспорте*

– Punkt.

Вероятно, межъязыковой омонимо-паронимией можно назвать и случаи, когда омонимы одного языка сопоставляются как лексические параллели с паронимами другого языка или наоборот.

General-

(в составе сложного слова):

1. = генеральный 1;

2. = генеральный 2;

3. = генеральный 3.

Generals-

(в составе сложного слова):

= генеральский.

△ **generell**, adj:

общий, без деталей:

einen generale Annahme treffen.

Например:

радикал I**радикал II****(омонимы)****РАДИКАЛ I**, -а, м:1. сторонник крайних, решительных действий, взглядов: *действия радикалов*;

2*. сторонник политического движения, выступающего за проведение реформ:

стать радикалом в политике

– Anhänger(in)

radikaler politischer Reformen.

РАДИКАЛ II, -а, м:1. *матем.* знак, обозначающий извлечение корня из числа или математического выражения, которое стоит под таким знаком √;2. *хим.* устойчивая группа атомов в молекуле, переходящая без изменения из одного химического соединения в другое: *свободный радикал, углеводородный радикал*.

Или, например:

пансион**пенсия****(паронимы)****ПАНСИОН**, -а, м:содержание (питание, уход и т. п.) живущих у кого-л.: *гостиница с полным пансионом*.**ПЕНСИЯ**, -и, ж:

1. денежное обеспечение, получаемое гражданами

в старости, в случае

болезни и потери

трудоспособности: *пенсия по инвалидности, получать пенсию*

– а также Rente.

2. период такого денежного

обеспечения: *быть на пенсии, выйти на пенсию*.

Понятие «лексические параллели» диалектически объединяет в единую терминологическую систему традиционные лингвистические понятия «интернационализм», «ложные друзья переводчика», «межъязыковые омонимы», «межъязыковые паронимы» и т. п.

Именно теория лексических параллелей позволяет по-новому взглянуть на такие лингвокультурные феномены, как «межъязыковые омонимы» и «межъязыковые паронимы», которые в традиционной лингвистике зачастую путают с лексическими параллелями.

Radikal**Radikale****(паронимы)****Radikal**, n (-s, -e):

1. = радикал II, 1;

2. = радикал II, 2.

Radikale, m, f (-n, -n):

= радикал I, 1.

Pension I**Pension II****(омонимы)****Pension I**, f (=, -en):

1. = пансион;

2*. частный дом гостиничного типа с содержанием живущих в нем:

*in einer Pension**Urlaub machen*.**Pension II**, f (=, -en):

1 = пенсия 1;

2. = пенсия 2.

ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

1. РУССКО-НЕМЕЦКИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ОМОНИМЫ

КОМИССИЯ I, -и, жс: группа людей со специальными официальными полномочиями: *комиссия по трудовым спорам*.

Kommission I, f(=, -en): = комиссия I.

КОМИССИЯ II, -и, жс: 1. условленное вознаграждение за посредничество в какой-л. сделке:

выплатить комиссию

– а также Provision;

2. посредническая услуга, оказываемая специальными магазинами частным лицам, желающим продать свои вещи: *отдать ковёр на комиссию*

– а также Kommissionshandel.

◇ ◇

МОТИВ I, -а, м: 1. побудительная причина, повод к какому-л. действию, поступку: *мотив убийства*;

2. довод в пользу чего-л.: *привести свои мотивы*.

Motiv I, n (-s, -e):

1. = мотив I, 1;

2. = мотив I, 2.

МОТИВ II, -а, м: 1. простейшая составная часть сюжета в произведениях искусства: *мотив верности*;

2. мелодия, напев: *напевать мотив из симфонии*.

◇ ◇ ◇

НОТА I, -ы, жс: 1. условный графический знак какого-л. музыкального звука: *нота «соль»*;

2. самый звук в музыке или пении: *взять высокую ноту*;

3. мн. текст музыкального произведения в записи условными графическими знаками: *писать ноты*;

4. тон, интонация: *на приятной ноте*.

Note I, f(=, -n):

1. = нота I, 1;

2. = нота I, 2;

3. = нота I, 3;

4. = нота I, 4;

5*. особый характер чего-л.:

eine besondere

Note haben.

НОТА II, -ы, жс: дипломатическое письменное обращение одного государства к другому: *направить ноту президенту*.

Note II, f(=, -n):

1. оценка, отметка, балл:

eine Note geben;

2. банкнот, банковский билет, (денежная) купюра: *einen Betrag in großen Noten auszahlen*.

Note III, f(=, -n):

= нота II.

◇ ◇ ◇

ROK I, -а, м: судьба, обычно злая, грозящая бедами, несчастиями и т. п.: *его преследует рок* – Schicksal, Los.

Rock I, m (-e)s, Röhcke):

1. юбка: *einen Minirock tragen*;

2. пиджак (мужской): *den Rock an den Haken hängen*;

3. китель, мундир: *den Rock anlegen*.

РОК II, -а, м: вид высоко ритмичной музыки: *слушать джаз и рок*.

Rock II, m (-s):

= рок II.

2. РУССКО-НЕМЕЦКИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПАРОНИМЫ

КОМПЛИМЕНТ, -а, м: лестное для кого-л. замечание, любезный отзыв: *высказать комплимент*.

Kompliment, n (-e)s, -e):

1. = комплимент;

2*. *уст.* форма приветствия, поклона: *Kompliment!*

КОМПЛЕМЕНТ, -а, м: матем. множество В\A.

Komplement, n (-e)s, -e):

1*. *лингв.* дополнение: *direktes (erstes) Komplement*;

2. = комплемент.

◇ ◇ ◇

ЛИРИК, -а, м: автор стихотворных произведений: *тонкий лирик*.

Lyrik, f(=):

= лирика I.

ЛИРИКА, -и, жс: 1. поэзия: *произведение лирики*;

2*. *разг.* рассуждения о переживаниях, настроении в ущерб рассудочному началу: *развести лирику*;

Это всё лирика!

– emotionales leeres Gerede.

◇ ◇ ◇

СТИЛЬ стиля, м: 1. совокупность признаков, характеризующих искусство определённого времени и направления или индивидуальную манеру художника: *стиль Кандинского*;

2. совокупность приёмов использования средств языка; функциональная разновидность литературного языка: *официально-деловой стиль*;

3. характерный вид, особенности, свойственные чему-л.: *вычурный стиль*;

4. манера вести себя, говорить, одеваться и т. п.: *стиль поведения, стиль одежды*;

5. способ осуществления

чего-л., отличающийся совокупностью своеобразных приёмов; метод: *стиль руководства*;

(продолжение см. ниже)

Stil, m (-e)s, -e):

1. = стиль I;

2. = стиль 2;

3. = стиль 3;

4. = стиль 4;

5. = стиль 5;

6. = стиль 6.

Stille, f(=):

1. тишина: *Stille trat ein*;

2. безмолвие, молчание: *in Stille gedenken*;

3. покой, затишье: *die Stille genießen*.

Stiel, m (-e)s, -e):

1. биол. стебель:

Pflanzenstiel;

2. ножка (бокала и т. п.): *der Stiel ist abgebrochen*;

3. рукоятка: *am Stiel halten*;

(начало см. выше)

6. способ летоисчисления: *по старому стилю* – а также *Zeitrechnung*.
4. палка; косовище, топориче, кнотовище: *Besenstiel; Stiel der Sense, des Beils, der Peitsche*.

△ **ШТИЛЬ**, штиля, м: затишье, безветрие (на море, озере): *штиль в океане* – *Windstille (am Meer, an einem See)*.

◇ ◇ ◇

- △ **ШТАТН/ЫЙ**, -ая, -ое, -ые: 1. находящийся в штате: *штатный сотрудник* – *im Dienststand befindlich*; 2. полагающийся по штату: *штатные выплаты* – *der Zahl der Dienstposten entsprechend*.
- △ **staatlich**, adj: государственный: *staatliche Einrichtung*.

- △ **ШТАТСКИЙ**, -ая, -ое, -ие: невоенный, гражданский: *милиционер в штатском* – *zivil*.
- △ **stattlich**, adj: представительный, видный: *stattlicher Herr*.

3. РУССКО-НЕМЕЦКИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ОМОНИМО-ПАРОНИМЫ

- АРТИКЛЬ**, артикля, м: лингв. служебное слово, употребляющееся в сочетании с существительным как показатель определённости/неопределённости, рода, числа и падежа: *определённый артикль*.
- Artikel I**, m (-s, =): = артикль.

- АРТИКУЛ**, -а, м: тип или род изделия, товара из ассортимента; его цифровое или буквенное обозначение: *артикул товара*.
- Artikel II**, m (-s, =): 1. = артикул; 2* статья (в газете, журнале): *einen Zeitungsartikel lesen*; 3* пункт, параграф, статья (закона, договора и т. п.): *gemäß Paragraph 5, Artikel 3 verurteilen*; 4* лингв. словарная статья: *einen Wörterbuchartikel verfassen*.

◇ ◇ ◇

- БАНК**, -а, м: 1. крупное кредитно-финансовое учреждение; здание такого учреждения: *положить деньги в банк, счёт в банке*; 2. место хранения информации, резервных запасов какого-л. вещества и т. п.: *банк данных, банк крови*.
- Bank I**, f (=, -en): 1. = банк 1; 2. = банк 2.
- △ **Bank II**, f (=, Bänke): 1. скамейка: *auf einer Bank sitzen*; 2. скамейка запасных игроков: *auf der Ersatzbank sitzen*; 3. техн. верстак (столярный верстак, токарный станок): *auf der Werkbank bearbeiten*; 4. гимнастический снаряд в форме скамьи: *über die Bank springen*;

(продолжение см. ниже)

(начало см. выше)

- △ **БАНК/А I**, -и, ж: стеклянный, металлический или пластмассовый цилиндрический сосуд, обычно для хранения чего-л.: *огурцы в банке* – *Glas, Konservenglas, Einmachglas; Dose, Konservendose* и т. п.
5. песчаная коса, толстый слой песка; скопление морских живых существ, которые образуют возвышенности на морском дне (устрицы, кораллы): *eine Bank bilden*; 6. прилавок (мясника): *an der Fleischbank stehen*.

- △ **БАНК/А II**, -и, ж: подводная мель: *корабль сел на банку* – *Untiefe*.

◇ ◇ ◇

- БОКС I**, -а, м: вид спортивного кулачного боя: *бокс на ринге*.

Boxen, n (-s): = бокс I.

△ **Box**, f (=, -en):

- △ **БОКС II**, -а, м: короткая мужская стрижка: *подстричься под бокс* – *Kurzhaarschnitt, Boxerhaarschnitt*.

1. отгороженная площадка или навес для лошади, автомобиля и т. п.: *in einer Box einstellen*;

2. отделенная монтажная (сборочная) площадка для гоночных автомобилей на дистанции гонок: *an der Box stoppen*;

3. отсек (в баре); ложа (в театре): *eine gemütliche kleine Box*;

4. ящик, коробка: *in eine Box verpacken*;

5. громкоговоритель; динамик: *die Boxen laut aufdrehen*.

◇ ◇ ◇

- ДИВИЗИОН**, -а, м: 1. воен. войсковое подразделение в ракетных и артиллерийских частях: *артиллерийский дивизион*; 2. воен. содинение военных кораблей одного класса: *дивизион миноносцев*.

△ **Division I**, f (=, -en):

1. = дивизион 1;

2. = дивизион 2;

3. = дивизия.

△ **Division II**, f (=, -en):

- матем. деление: *durch Division berechnen*.

- ДИВИЗИЯ**, -и, ж: крупное войсковое соединение из нескольких полков или бригад: *мотострелковая дивизия*.

△ **Division III**, f (=, -en):

- спорт*. (во Франции, Великобритании и некоторых других странах) лига; класс игры: *in der ersten Division spielen*.

◇ ◇ ◇

- ПАТРОН I**, -а, м: 1. покровитель, защитник: *патрон брата*; 2. руководитель, начальник; разг. босс, шеф: *патрон банка*.

△ **Patron**, m (-s, -e):

1. = патрон I, 1;

2. разг. = патрон I, 2.

- ПАТРОН II**, -а, м: 1. гильза с пулей и порохом: *пояс с патронами*; 2* уст. цилиндрическая коробочка для хранения чего-л.:

△ **Patrone**, f (=, -n):

- = патрон II, 1.

(продолжение см. ниже)

(начало см. выше)

патрон для фотоплёнки

– Hülse;

3*. часть электрического прибора, в который ввинчивается лампочка: *патрон для лампы* – Lampenfassung.

◇ ◇ ◇

ПРЕСС I, -а, м:устройство для обработки материалов давлением: *ставит под пресс*.**Presse I**, f(=, -n):

= пресс I.

△ ПРЕСС II, -а, м:группа мышц живота: *качать пресс* – (vordere) Bauchmuskulatur.**Presse II**, f(=):

= пресса.

ПРЕСС/А, -ы, ж:совокупность массовой периодической печати; представители периодической печати, журналисты: *пресса сообщила, что...*

◇ ◇ ◇

Список литературы

1. Дубичинский, В. В. Русско-немецкий словарь лексических параллелей: ок. 1 750 словарных статей / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер. – М.: ЭЛПИС, 2011. – 304 с.
2. Дубичинский, В. В. Лексикографический проект «Русско-немецкий словарь лексических параллелей» / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов по лексикографии. – Харьков: Підручник НТУ «ХП», 2011. – С. 32–47.
3. Dubichynskyi, V. Typen lexikalischer Parallelen und Beispiele von Wörterbucheinträgen Russisch – Deutsch und Ukrainisch – Russisch / V. Dubichynskyi, T. Reuther // Wiener Slavistischer Almanach 65, München: Sagner, 2010. – S. 267–275.
4. Дубичинский, В. В. Принципы создания русско-англо-немецкого учебного словаря лексических параллелей / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер // Инф. бюллетень «Лексикография». – СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2002. – С. 32–47.
5. Кочерган, М. П. Словник російсько-українських міжмовних омонімів / М. П. Кочерган. – Київ, 1997. – 400 с.
6. Кусал, К. Русско-польский словарь межъязыковых омонимов / К. Кусал. – Вроцлав: Вроцл. ун-т, 2002. – 190 с.
7. Дубичинский, В. В. Лексические параллели / В. В. Дубичинский. – Харьков: Харьк. лексикогр. общ-во, 1993. – 156 с.
8. Dubichynskyi, V. Lexical parallels: definitions, types, examples (Russian, German, English, Spanish) / V. Dubichynskyi, T. Reuther // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты:

△ ШТАТ I, -а, м:1. постоянный кадровый состав сотрудников какого-л. учреждения, организации: *штат института*

– Belegschaft, Personen mit Diestposten;

2. мн. документ, определяющий число кадрового состава организации, учреждения с указанием должностей: *утвердить штаты*

– Belegschaftsliste, Verzeichnis der Dienstposten.

ШТАТ II, -а, м:административно-территориальная единица с внутренним самоуправлением в некоторых федеративных государствах (США, Австралии, Индии и других): *штат Алабама*.

◇ ◇ ◇

Staat I, m (-e)s, -en):1*. государство, держава: *den Staat aufbauen*;

2. = штат II;

3*. колония (пчёл, муравьёв и т. п.): *ein Bienenstaat*.**△ Staat II**, m (-e)s, -en):наряд, парадная одежда: *in vollem Staat erscheinen*.**△ Stadt**, f(=, Städte):город: *die Stadt Wien*.

сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 124–134.

9. Дубичинский, В. Теоретичні та практичні засади лексикографічного опису українсько-німецьких лексичних паралелей / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер. – Київ, 2012 (в печати).

Дубичинский Владимир Владимирович, заведующий кафедрой украинского, русского языков и прикладной лингвистики Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», доктор филологических наук, профессор (Харьков, Украина).

Ройтер Тильманн, доктор филологических наук, профессор Института славистики Клагенфуртского университета (Клагенфурт, Австрия).

The article presents a new type of dictionary which describes the semantics of lexical parallels of the Russian and German languages. This dictionary gives an opportunity to present the national-cultural originality of words of the languages under concern in a systematic way.

The authors define and illustrate three types of lexical parallels – full, partial and false parallels – and give a new, non-traditional explanation of «Interlanguage Homonyms» and «Interlanguage Paronyms».

УДК 8+378

О. Е. Елисеева

ОТКРЫТЫЕ СЕТЕВЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ МУЛЬТИМЕДИА-СЛОВАРИ ПО РУССКОМУ И БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКАМ КАК ИНОСТРАННЫМ: КОНЦЕПЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ РАЗРАБОТКИ

Описывается концепция и технологические аспекты коллективной разработки сетевых электронных мультимедиа-словарей по русскому и белорусскому языкам как иностранным. Словари включены в состав веб-ресурсов по русскому и белорусскому языкам, которые размещены в свободном доступе в сети Интернет. В разработке участвуют студенты филологического факультета БГУ. Благодаря этому, решается две задачи: собственно создание словарей и приобретение студентами соответствующих практических навыков.

При изучении любого иностранного языка основополагающими являются знания лексики.

Однако простое заучивание слов вне контекста их использования в речи является не достаточно

эффективным. В связи с этим актуальной представляется разработка словаря, содержащего дополнительную информацию, способствующую лучшему пониманию и запоминанию слова, а также некоторых правил его изменения. Основываясь на указанной цели, на филологическом факультете БГУ ведется разработка сетевых ресурсов по русскому и белорусскому языкам как иностранным, основу которых составляет гипертекстовый мультимедиа-словарь.

Особенностью предлагаемой разработки является ее экспериментальный учебно-методический характер, так как в основном указанные ресурсы создаются студентами филологического факультета БГУ при выполнении ими курсовых и дипломных работ. Таким образом, в процессе работы преследуются две взаимосвязанные цели: а) собственно создание ресурсов; б) приобретение студентами соответствующих практических навыков. Такой подход обусловлен тем, что на теоретическом уровне многие проблемы создания словарей уже исследованы и достаточно полно представлены в соответствующей литературе (см., например [1; 2]), а в практическом плане в сети Интернет существует достаточно большое многообразие словарей, а также электронных образовательных ресурсов по различным языкам (например, [3–4] и многие другие). Таким образом, у молодых специалистов создается ложное впечатление о том, что все проблемы разрешены и все ресурсы созданы. Однако лишь на практике можно наиболее полно осознать и почувствовать, какие именно существуют проблемы в указанных областях и как их можно решать. Фактически разрабатываемые ресурсы представляют собой некий полигон, на котором студенты могут приобретать необходимые практические навыки, а молодые ученые – проводить исследования и экспериментировать.

Концептуально словари электронных ресурсов по русскому и белорусскому языкам как иностранным представляют собой совокупность веб-страниц, каждая из которых соответствует отдельной словарной статье (рисунок 1). Заголовок веб-страницы соответствует одному слову или термину, в некоторых случаях представленному в виде устойчивого словосочетания. Такой подход избран в связи с тем, что заранее неизвестно, кто именно и с какой целью будет использовать словарь. Например, это может быть иностранный студент медицинского, экономического, технологического или любого другого вуза. Такие студенты наряду с общеупотребительной лексикой изучают и специальные термины. Единый подход к оформлению словарных статей слов и терминов делает создаваемый словарь более разнообразным и универсальным. На рисунке 1 показано также, что каждая словарная статья отнесена к определенному тематическому разделу, наименование которого указывается в виде гиперссылки на соответствующую веб-страницу. Таким образом осуществляется тематическая классификация слов для обеспечения удобства работы со словарем и повышения качества представленной в нем информации.

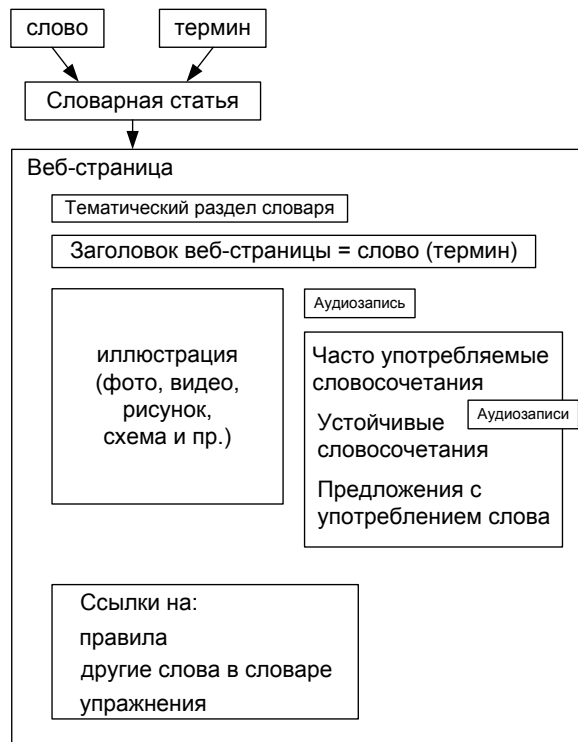

Рисунок 1 – Концептуальная схема словарной статьи

Для слов, относящихся к общеупотребительной лексике, которая изучается на определенном уровне владения языком, в словаре русского языка поддерживается также классификация слов по соответствующим сертификационным уровням (к сожалению, для белорусского языка нам такие уровни неизвестны).

Содержательно словарная статья рассматриваемых мультимедиа-словарей включает следующую основную информацию (зоны):

1) заглавное слово и аудиозапись его произношения;

2) изображение-ассоциация, способствующее пониманию лексического значения слова на интуитивном уровне. Это может быть фото, рисунок, схема и даже анимация либо видео;

3) устойчивые и / или часто употребляемые в речи словосочетания и аудиозаписи их произношения;

4) примеры фраз с употреблением данного слова, сопровождаемые соответствующими аудиозаписями.

Дополнительно словарная статья может содержать гиперссылки на комментарии к грамматической информации о слове, правила словоизменения, слова-синонимы и / или антонимы данного слова, а также тексты, диалоги, упражнения и др. полезную для изучения информацию. Такая информация оформляется в виде аналогичных веб-страниц этого же электронного ресурса, но относящихся к другим его рубрикам. Гиперссылки на указанную дополнительную информацию могут размещаться в любом месте на веб-странице словарной статьи.

Следует отметить, что практически каждая из перечисленных выше зон словарной статьи несет в себе ряд проблем, с которыми пришлось столкнуться в процессе разработки. Некоторые из них приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Проблемы формирования словарной статьи

Содержательный компонент словарной статьи	Проблемы
Заглавное слово и аудиозапись его произношения	<p>а) следует ли отображать постановку ударения для заглавного слова?</p> <p>б) следует ли вводить в состав словарной статьи толкование лексического значения слова? Было замечено, что толкования, которые даются в толковых словарях, могут оказаться слишком сложными для начинающих изучать русский или белорусский язык как иностранный;</p> <p>в) каким образом оформлять омонимы и многозначные слова – в одной словарной статье либо в различных? Если создавать различные веб-страницы для каждого значения слова, как эти страницы различать?</p> <p>г) необходимо ли в словарную статью вводить грамматическую зону, какую информацию в ней размещать и каким образом ее оформлять?</p> <p>д) практика показала, что в некоторых случаях в словарную статью необходимо включать словоформы, которые образуются не по правилам, например, во множественном числе и др. формах. Так, для слова <i>человек</i> в его словарную статью добавлена форма множественного числа <i>люди</i>. Однако при этом возникает вопрос, следует ли вводить в словарь словарные статьи для таких словоформ-исключений, и если да, то каким образом эти словарные статьи должны быть оформлены, чтобы не создавалось впечатление, что это новое слово с иным лексическим значением.</p>
Изображение-ассоциация	<p>а) далеко не всегда легко подобрать удачную иллюстрацию, которая бы однозначно отображала лексическое значение слова. Кроме того, в случае использования ассоциаций существует опасность возникновения межкультурных противоречий;</p> <p>б) дополнительные трудности связаны с проблемой соблюдения авторских прав на фотографии и др. изображения, которые размещаются в сети Интернет.</p>
Устойчивые и / или часто употребляемые в речи словосочетания	<p>а) каким образом и из каких источников отбирать списки устойчивых и часто употребляемых в речи словосочетаний?</p> <p>б) каково оптимальное количество таких словосочетаний на веб-странице, соответствующей одной словарной статье?</p>
Примеры фраз с употреблением данного слова и соответствующие аудиозаписи	<p>а) учитывая цель создания словаря, желательно, чтобы примеры фраз полностью соответствовали тому, как заглавное слово словарной статьи используется в речи. Однако при этом возникает проблема поиска таких «шаблонных», достаточно универсальных фраз;</p> <p>б) процесс создания аудиозаписей требует определенных дикторских навыков от исполнителей, а также дополнительных временных затрат;</p> <p>в) для наглядности в тексте фразы соответствующая словоформа выделяется шрифтом (например, курсивом), но при этом возникает вопрос, каким образом информировать учащихся об особенностях образования соответствующей словоформы.</p>
Дополнительная информация	<p>а) несмотря на простоту добавления дополнительной информации, возникает проблема целесообразности ее наличия непосредственно в словарной статье, так как чрезмерно большое количество дополнительной информации может в значительной степени увеличить объем веб-страницы, что может привести к возникновению дополнительных сложностей в изучении языка;</p> <p>б) если вводить в словарные статьи списки синонимов и др. аналогичных отсылок, следует ли это обязательно делать для каждого слова?</p> <p>в) в случае отображения синонимов возникает дополнительная техническая проблема: желательно предусмотреть автоматическую проверку наличия и создание ссылок на соответствующие синонимические ряды из словарных статей всех необходимых слов;</p> <p>г) следует ли размещать ссылки на упражнения, тексты и т. п. непосредственно в словарных статьях?</p> <p>д) с целью соблюдения авторских прав в качестве дополнительной информации на веб-странице словарной статьи целесообразно размещать ссылки на использованные источники, но это не является основной, предлагаемой к изучению информацией. Такая информация может отвлекать учащихся и вносить дополнительную путаницу.</p>

В дополнение к перечисленным в таблице 1 проблемам особенно хотелось бы выделить проблему использования языка-посредника и использования переводов на другие языки. В качестве эксперимента, в некоторые словарные статьи словаря русского языка были добавлены переводы на английский и немецкий языки, ориентированные на англо- и немецкоговорящих пользователей соответственно. Однако, чтобы эта информация не мешала другим категориям пользователей ресурса, она помещена в специальном образом оформленные, разворачивающиеся по щелчку мыши блоки (см. рисунок 2 на следующей странице).

Так как по объективным причинам размещение на веб-странице перевода на все возможные языки не представляется возможным и целесообразным,

в состав электронного ресурса включен свободно доступный компонент автоматического перевода сервиса Google.translate [6].

Отметим, что в связи с большим разнообразием проблем, с которыми пришлось столкнуться в процессе разработки, в текущей версии словаря некоторые из них пока не решены. Для этого требуются дополнительные исследования и проведение экспериментов. Однако открытость используемой в разработке стандартной технологии создания веб-сайтов на основе системы управления содержанием (CMS – Content Management System) позволяет в любой момент времени внести любые изменения в любую словарную статью, а также структуру самого словаря. При этом все изменения

Рисунок 2 – Пример использования в словарной статье перевода фраз

отображаются практически сразу на веб-сайте. Отметим, что выбор в качестве платформы для разработки стандартной CMS, а не каких-либо специальных инструментов, также является частью эксперимента.

Итак, как указано выше, на технологическом уровне в разработке используется одна из достаточно простых в использовании, но мощных и гибких CMS. Это бесплатная система управления контентом WordPress [7], которая является одной из наиболее популярных, благодаря дружелюбности интерфейса и простоте ее освоения различными категориями пользователей компьютера. В рамках указанной системы для каждого из разработчиков создана своя уникальная учетная запись, с помощью которой он может участвовать в проекте удаленно, находясь за любым компьютером, подключенным к сети Интернет. При этом у него есть доступ ко всем разделам и страницам всего электронного образовательного ресурса, включая словарь. Для каждой создаваемой и редактируемой веб-страницы в системе сохраняется протокол изменений. Таким образом организована коллективная разработка, в которой каждый участник видит, кто и когда создавал либо редактировал ту или иную страницу.

Организация, управление, а также консультационно-обучающая, информационная и техническая поддержка процесса создания словарей осуществляется автором данного сообщения.

В заключение отметим, что в текущей версии словаря русского языка (<http://rus.lang-study.com/category/slovar/>) создано 869 словарных статей, которые разбиты по 89 тематическим рубрикам. Словарь белорусского языка (<http://by.lang-study.com/category/slounik/>) содержит значительно меньшее количество лексических единиц, так как работа над ним только началась.

Список литературы

1. Лексикография // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – 1997–2012. – Режим доступа: <http://krugosvet.ru/enc/>

gumanitarnye_nauki/lingvistika/LEKSIKOGRAFIYA.html. – Дата доступа : 14.10.2012.

2. Словарь // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – 1997–2012. – Режим доступа: http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SLOVAR.html. – Дата доступа: 14.10.2012.

3. Словари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovari.ru>. – Дата доступа: 10.10.2012.

4. Лингва Онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvopro.abbyuonline.com>. – Дата доступа: 15.10.2012.

5. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.inf>. – Дата доступа: 10.10.2012.

6. The free Website Translator plugin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://translate.google.com/manager/?hl=ru>. – Дата доступа: 10.10.2012.

7. WordPress [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wordpress.org>. – Дата доступа: 12.10.2012.

Елисеєва Ольга Евгеньевна, доцент кафедры прикладной лингвистики БГУ, кандидат технических наук, доцент (Минск, Беларусь).

The knowledge of vocabulary is fundamental in studying any foreign language skills. Memorizing the words out of context of their use in speech is not sufficiently effective. In this regard, development of dictionary containing additional information to facilitate better understanding and memorize the words and some of the rules of change is topical. Based on this goal, the Faculty of Philology of BSU online resources for Russian and Belarusian as Foreign languages which are based on hypertext multimedia dictionary are developed. The words in the dictionary are classified according to thematic criteria, as well as the certification levels of language acquisition. Dictionary entry of the dictionary contains the following basic information: the word and audio-recording of its pronunciation, graphic illustration, promoting understanding of the lexical meaning of the word at an intuitive level, examples of phrases and sentences with the use of the word, accompanied by relevant audio recordings. In addition, the dictionary entry may contain hyperlinks to the rules of inflection, synonyms and / or antonyms of the words, texts, dialogues, exercises, and other additional information. Suggested dictionaries can be used both during the classroom and for independent student work. Students Philology of BSU are participating in the development of dictionaries. Resources available on the Internet online 24 hours a day.

УДК 801.316.3

В. С. Истомин

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВАРЯ

Рассматривается проблема смыслового аспекта социального взаимодействия в процессе вербального общения, которое возможно благодаря словам, зафиксированным в словарях. Словарь позволяет сохранить культуру народов. Раскрываются некоторые функции словарей, в частности функции систематизации, хранения и передачи знаний, метаязыковая и дидактическая. Предпринята попытка проследить историю развития лексикографического наследия словарных текстов, которые определенным образом структурируют совокупность знаний.

В век информатизации и коммуникации очевидной становится мысль о том, что «язык возникает из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [1, с. 29]. По своей сущности, таким образом, язык социален, и его основная функция – быть средством общения людей, т. е. коммуникация (от лат. *communis* – делаю общим, связываю, общаюсь), которая является смысловым аспектом социального взаимодействия, является обязанностью языка в человеческом обществе, в разных сферах деятельности. Она обуславливает его основную характеристику – наличие материальной (звуковой) формы и системы правил кодирования и декодирования. Эти свойства обеспечивают и поддерживают единство выражения и восприятия смысла. Данная функция формирует прагматический компонент языковой структуры, адаптирующий речь к участникам и ситуации общения. Кроме того, человеческий язык позволяет передавать разноплановую информацию. С помощью языка люди передают друг другу свои мысли, чувства, тем самым воздействуя друг на друга и формируя общественное сознание.

Язык существует, когда есть группа его понимающих. Слова, составляющие основу языка, фиксируются в словарях, которые служат для вовлечения в эту группу. Словарный состав любого живого языка находится в непрерывном изменении и дополнении. Появляются новые слова, отражающие развитие современной науки, культуры, искусства, устаревшими помечаются неиспользуемые слова. Всё богатство и разнообразие лексического запаса языка собрано в словарях. Трудно представить себе, что было бы в нашей жизни без словарей. Словари являются элементом национальной культуры, ведь в слове запечатлены многие стороны народной жизни. «Словарь – это вся вселенная в алфавитном порядке! Если хорошенько подумать, словарь – это книга книг. Он включает в себя все другие книги, нужно лишь извлечь их из него!» [2]. Каждое слово, помещенное в словарь, связано с жизнью, деятельностью народа – творца языка. Поэтому можно сказать, что словарь – это историческая повесть о жизни людей, их думках, чаяниях, бедах и радостях, следовательно, словари необходимы для сохранения истории человечества, всей его культуры. Словари выполняют множество функций. Общая функция всех словарей – фиксация, систематизация, накопление и хранение знаний о мире и о национальном языке, передача этих знаний от поколения к поколению. Знания хранит и человеческая память, но она ограничена, она не может накапливать и хранить знания на века. Только запись накопленных знаний может сохранить их для потомков. В этом смысле словарь

оказывается самой удобной формой хранения наших знаний. Французский лексикограф Алан Рей назвал современную цивилизацию «цивилизацией словарей». Словари позволили проследить историю слова, определить его значение, установить последовательность развития лексических значений, осмыслить существующую между ними связь.

Словарем принято называть источник, содержащий перечень слов, расположенных в алфавитном порядке, с толкованиями на том же языке или с переводом на другой язык. Составлением словарей, а также работой по собиранию и систематизации слов и фразеологических оборотов занимается одна из прикладных наук, составляющих современную лингвистику, лексикография, которая, используя результаты лексикологической науки, становится, с одной стороны, научной методологией, а с другой стороны, искусством составления словарей. Словарный текст по большей части отражает коллективное когнитивное пространство, понимаемое как «определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум» [3, с. 45]. Для словарного текста характерно диалектическое соотношение общего и частного, при котором коллективное пространство преломляется через индивидуальное когнитивное пространство автора словаря, а оно, в свою очередь, формируется в соответствии с когнитивной базой социума. Словарем словарей справедливо считают толковый словарь. Немецкий философ Фейербах Людвиг Андреас писал: «Чем большим количеством слов я обладаю, тем большее значение я имею для других, тем обширнее объем моих воздействий, моего влияния» [4]. Именно толковый словарь предоставляет в распоряжение пишущего слова, которые могут быть необходимы в той или иной ситуации; именно толковый словарь может внушить уверенность в правильности того или иного речевого действия. Вряд ли найдется человек, которому были бы знакомы все слова, представленные даже в одном толковом словаре, но образованный пользователь всегда сумеет извлечь из словаря необходимую информацию [5].

Словари имеют сравнительно позднее происхождение. Они принадлежат периоду, последовавшему за современным открытием книгопечатания в середине XV столетия. Однако и в предшествующие века люди составляли глоссарии; это были написанные от руки списки иностранных и необычных слов, с которыми приходилось сталкиваться в манускриптах на древних языках, особенно сочинениях греческих и латинских классиков. Ученый или просто переписчик, определив значение не-

знакомого слова, писал его между строками или на полях; отдельная такая помета получила название глосса (от греч. glossa – язык, слово). Самые ранние глоссы известны с глубочайшей древности (например, шумерские глоссы 25 в. до н. э.). С функциональной точки зрения, в глоссах реализовалась так называемая метаязыковая функция языка, т. е. использование языка с целью обсуждения самого языка, а не внешнего мира. Рукописные глоссарии пользовались постоянным спросом. С них делалось много копий, а позднее, когда с появлением книгопечатания книги подешевели, словари оказались в числе первых печатных продуктов. Согласно Де Саси, история лексикографии представляет собой «une sorte d'histoire progressive de dictionnaire, toujours refait et jamais achevé tant que la langue française sera une langue vivante» («историю постепенного создания словарей, бесконечно перерабатываемых, работа над которыми навряд ли закончится, пока жив французский язык») [6]. Интерес к лексикографическому наследию, начиная с первых двуязычных словарей XVI в. *Dictionarium Latino-Gallicum*, *Thesaurus* и *Dictionnaire françois-latin* Роббера Этьена [7–9], словарей XVII в. *Thresor de la langue française* Жана Никои [10], *Tresor des deux langues, françoise et espagnole* Сезара Удена [11], которые хронологически предшествуют первым одноязычным словарям французского языка XVII в. и знаменуют важный этап в предыстории развития одноязычной лексикографии, никогда не ослабевал. Более того, на рубеже XX–XXI вв. возрождается интерес к истории французской лексикографии и к именам всемирно выдающихся лексикографов – Антуана Фюретьера, Сезара-Пьера Ришле, Эмиля Литтре, Пьера Ларусса, Поля Робера, Алена Рея, Поля Имбса.

Словари служат нам для расширения знаний и повышения языковой культуры. Их заслуженно называют спутниками цивилизации. Словари – это поистине неисчерпаемая сокровищница национального языка, а также это и инструмент познания, и интеллектуальный путеводитель. Выступая социально значимым объектом духовной жизни общества, словарь, к какому бы типу он ни принадлежал (нормативному или описывающему), обладает кодифицирующим характером с точки зрения его потребителя, систематизируя наши знания о языке и мире, он содержит аутентичную информацию, а сам лексикограф пользуется уважением и авторитетом, которое общество оказывает ему по умолчанию. В этом смысле любой словарь в первую очередь – дидактическое, обучающее произведение. Анализ словарных формулировок, характер отношения словарных высказываний к описываемому миру, сам тип сообщения, свойственный словарю, показывают, что словарь относится к дидактическому жанру и обладает всеми основными признаками педагогической речи. Дидактическая функция словаря предполагает, прежде всего, семантизацию описываемого слова, т. е. выявление смысла, значения лексической единицы вербальными и невербальными средствами, которое одновременно понимается и как процесс, и как результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы.

В современной лингвистике термин «семантизация» активно используется как в методике преподавания иностранного языка, так и в теоретической семантике – как инструмент выявления и моделирования семантических отношений на уровне текста, а также в теории лексикографии, где обозначает результат процесса объяснения семантики лексической единицы, который может фиксироваться с помощью средств вербальной семантизации – слова (отсылочные, синонимичные, антонимические, перечислительные определения), предложения (семантические дефиниции классификационного типа и описания), текста (описание энциклопедического определения), и невербальной семантизации.

Словарная дефиниция и зона примеров выступают ведущим способом при семантизации лексической единицы на уровне микроструктуры словаря. Именно поэтому термин «семантизация» часто выступает в качестве синонима терминам «толкование» и «дефиниция» как способов фиксации результата представления семантики лексической единицы. Потенциальная информативность этих элементов объясняет их постоянное присутствие в структуре словарной статьи большинства словарей. Даже в тех случаях, когда исходя из теоретических предпосылок авторы отказываются от дефиниции (например, в словаре *Dictionnaire du français vivant* семантика входного слова дана не через традиционное лингвистическое определение, а через фразу-пример, за которой следует объяснение, выступающее, таким образом, как дефиниционная глосса, сохраняется зона примеров [12]). Представляется, что из всех компонентов словарной статьи входное слово и дефиниция несут на себе важнейшую коммуникативную нагрузку и могут рассматриваться как единый интродуктивный блок. В изучении словарной дефиниции наметились два подхода: как к особой текстовой категории с целью выявления специфических текстовых и жанровых характеристик дефиниции и как к объекту семантических исследований, в которых толкование выступает способом определения понятия и фиксации лексического значения слова.

К основным способам представления лексического значения в семантике можно отнести формулирование дефиниций и выделение семантических компонентов, толкование, фреймовое описание, в соответствии с которыми обычно проводится и классификация метаязыков [13, с. 83–134]. Каждый из обозначенных способов имеет свою длительную историю применения, свои плюсы и минусы, отраженные в обширной литературе по каждому методу в отдельности. Однако в основе всех таких способов лежит идея семантического расслоения представляемой лексемы на ряд признаков, процесс выделения и система представления которых в каждом способе происходит по-разному. Применительно к анализу словарных дефиниций наиболее распространен метод компонентного анализа лексического значения, восходящий к работам Э. Бендикса, Ю. Найды, О. Н. Селиверстовой, Б. Потье и других лингвистов и заключающийся в выделении минимальных дифференциальных признаков.

Список литературы

1. Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969. – 179 с.
2. Dictionnaire d'expressions et locutions. – Paris: LeRobert, 2010. – 1120 p.
3. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность / В. В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
4. Фейербах, Л. Сочинения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Наука, 1995. – Т. 2. – 425 с.
5. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. – Paris: Dictionnaires Robert, 1989. – 2172 p.
6. De Sacy, Silvester Antoine Isaac. Principes de grammaire générale / Silvester Antoine Isaac. – Paris, Fuichs, 1799. – 304 p.
7. Estienne, R. Dictionarium Latino-gallicum / R. Estienne. – Paris, 1538. – 757 p.
8. Estienne, R. Thesaurus linguae latinae / R. Estienne. – Paris, 1531. – 680 p.
9. Estienne, R. Dictionnaire François-latin contenant les motz et manieres de parler françois, tournez en Latin / R. Estienne. – Paris, 1539. – 527 p.
10. Nicot, J. Thresor de la langue françoise tant ancienne que

- moderne / J. Nicot. – Paris : David Douceur, 1606. – 969 p.
11. Oudin, C. Tresor des deux langues, françoise et espagnolle / C. Oudin. – Lion, 1675. – 734 p.
 12. Dictionnaire du français vivant. – Paris: Bordas, 1971. – 1344 p.
 13. Кронгауз, М. Семантика / М. Кронгауз. – М.: РГГУ, 2001. – С. 83–134.

Истомин Виктор Серафимович, заведующий кафедрой романских языков ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат филологических наук, доцент (Гродно, Беларусь).

The paper is devoted to the description of the problem of significant aspect of social interaction in verbal communication which is due to the words fixed in dictionaries. They make it possible to preserve national culture. Some functions such as methalinguistic, didactic, function of systematization, keeping and transmission of knowledge are revealed. Attempt of revealing the history of lexicographical heritage of dictionary's texts which structure is the complex of knowledge are undertaken.

УДК [811.111 + 811.161.3]’373 (045)

Ю. М. Кардубан

ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИКАГРАФІЧНАГА АПІСАННЯ Ў «АНГЛІЙСКА-БЕЛАРУСКІМ СЛОЎНІКУ СКАРАЧЭННЯЎ»

Рассматривается авторская концепция лексикографического описания сокращенных единиц в переводном «Английско-беларускім слоўніку скарачэнняў». Корпус Словаря составляют около 8 500 наиболее употребительных сокращений современного английского языка, которые сопровождаются расшифровкой и переводными соответствиями в белорусском языке. Определяются параметры описания лексических аббревиатур и графических сокращений в Словаре, анализируются основные способы передачи аббревиатур языка-источника в языке перевода: транскрипция, транслитерация, калькирование, экспликация. Отдельно затрагивается проблема межязыковой эквивалентности аббревиатур, определяется влияние структурно-derivационной специфики английских аббревиатур на поиск соответствий в белорусском языке.

«Английско-беларускі слоўнік скарачэнняў», падрыхтаваны да друку ў Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце, адносіцца да перакладных спецыяльных слоўнікаў невялікага памеру. Корпус Слоўніка змяшчае каля 8 500 найбольш ужывальных скарачэнняў англійскай мовы, якія суправаджаюцца расшыфроўкай на мове-крыніцы і адпаведнікамі ў беларускай мове. Англійско-беларускі слоўнік такога тыпу падрыхтаваны і выданы ўпершыню.

Запатрабаванасць Слоўніка абумоўлена актыўнасцю абрэвіяцыі ўвогуле і звязана з распаўсюджаннем скарачэных адзінак ва ўсіх сферах маўлення, што стала агульнай тэндэнцыяй для многіх нацыянальных моў у XX – пачатку XXI стст. У сучаснай англійскай мове павелічэнне колькасці абрэвіятур адбываецца з такой хуткасцю, нібыта дзесяткі скарачэнняў розных тыпаў утвараюцца штодня. Словаўтваральная спецыфіка скарачэных слоў, пераход большасці скарачэнняў у склад нематываваных найменняў і ўжыванне абрэвіятур у тэкстах без расшыфроўкі іх поўных пратапыпаў выклікаюць шматлікія цяжкасці ў разуменні, вымаўленні і перакладзе такіх адзінак, магчымы розныя адхіленні і скажэнні. Гэта абумовіла ўкладанне «Англійско-беларускага слоўніка скарачэнняў».

У адпаведнасці з прынцыпам сістэмнасці апісання, Слоўнік характарызуецца ўлікам сістэмных сувязяў, якія існуюць у лексіконе. Ён з’яўляецца апрацаваным асноўным вынікам супастаўляльнага даследавання абрэвіятур англійскай і беларускай моў у аспекце міжмоўнай эквівалентнасці.

Словаспіс «Англійско-беларускага слоўніка скарачэнняў» уключае як лексічныя абрэвіятуры, так і графічныя скарачэнні. Пераклад графічных скарачэнняў звычайна ўскладняецца тым, што такія адзінкі могуць мець некалькі расшыфровак: *coll – collateral; colleague; collect; college; colloquial*. Часам некалькі графічных скарачэнняў маюць адну расшыфроўку: *grd, gtd, gu, guar – guaranteed*.

Шырокае распаўсюджанне аманіміі і полісеміі сярод скарачэных слоў англійскай мовы непазбежна закранае пытанні лексікаграфічнага апісання такіх адзінак. Менавіта прынцыпы падачы мнагазначных і аманімічных абрэвіятур адрозніваюць «Англійско-беларускі слоўнік скарачэнняў» ад аналагічных англійско-рускіх выданняў [1; 2]. У прыватнасці, амонімы прыводзяцца ў асобных слоўнікавых артыкулах згодна з алфавітным прынцыпам размяшчэння расшыфровак такіх адзінак. Такая падача адпавядае традыцыйнай канцэпцыі замежных лексікаграфічных школ і з’яўляецца найбольш зручнай для карыстання.

Адметнай рысай мікраструктуры «Англійско-беларускага слоўніка скарачэнняў» можна назваць суправаджэнне абрэвіятур граматычным каментарыем. Так, лексікалізаванія ў мове скарачэння адзінкі прыводзяцца з паметай часціны мовы (бо ў англійскай мове, у адрозненне ад беларускай, скарачаюцца не толькі назойнікі), пазначаны таксама пэўныя катэгарыяльныя прыкметы, напрыклад: *specs pl n specifications* ‘тэхнічныя ўмовы’; *KO v knock out* ‘накаўтаваць’.

Лексікаграфічнае апісанне абрэвіятур у Слоўніку праводзілася з улікам усіх словаўтваральных тыпаў скарачаных лексічных адзінак. Паслядоўна адлюстраваны ініцыяльныя, складовыя і складанаскладовыя скарачэнні: **DD** *Doctor of Divinity* ‘доктар тэалогіі’; **prof** *n professor* ‘прафесар, выкладчык’; **modem** *n modulator-demodulator* ‘мадэм’.

Па нашых назіраннях, пры ўкладанні перакладных слоўнікаў скарачэнняў аўтары ўключаюць у словаспіс сімвальныя абазначэнні і кантрактуры, што тлумачыцца імкненнем да больш поўнага апісання. Мы лічым, што сімвалы з расшыфроўкай іх абазначэння і перакладам трэба падаваць толькі як няўласна лексікаграфічны матэрыял (напрыклад, змяшчаць у дадатках), таму сімвальныя абазначэнні і кантрактуры ў склад Слоўніка не ўключаліся.

Як вядома, лексікаграфічнае апісанне лексікона ў перакладных слоўніках заснавана на «прэзюмпцыі эквівалентнасці» [3, с. 433] правай і левай частак слоўнікавага артыкула. Зразумела, што эквівалентнасць правай і левай частак слоўнікавага артыкула ў тлумачальным слоўніку з’яўляецца адноснай, бо левая частка слоўнікавага артыкула перадае індывідуальную значэнні ў максімальна згорнутай і кампрэсаванай форме, у той час як дэфініцыі растлумачваюць сэнс абазначэння. Што датычыцца перакладных слоўнікаў, то тут менавіта міжмоўная эквівалентнасць выступае галоўным крытэрыем выбару параметраў для апісання лексікона.

Лексікаграфічная канцэпцыя «Англійска-беларускага слоўніка скарачэнняў» прадугледжвае ўлік наступных параметраў апісання скарачаных адзінак:

- 1) вымаўленне англійскіх абрэвіятур (пазначаецца для ўсіх складовых і складанаскладовых абрэвіятур з ужываннем міжнароднай фанетычнай транскрыпцыі International Phonetic Alphabet);
- 2) часцінамоўная прыналежнасць загаловачных слоў англійскай мовы (пазначаецца для ўсіх складовых і складанаскладовых абрэвіятур, часткова – для ініцыяльных);
- 3) полісемія скарачаных адзінак, якія маюць статус слова;
- 4) аманімія скарачаных лексічных адзінак;
- 5) аманімія расшыфровак загаловачных слоў;
- 6) стылістычная маркіраванасць загаловачных слоў (стылістычныя паметы);
- 7) сферы выкарыстання тэрміналагічнай лексікі;
- 8) тэрытарыяльная прыналежнасць (брытанскі, амерыканскі, аўстралійскі, канадскі, новазеландскі варыянты англійскай мовы);
- 9) мова-крыніца запазычаных скарачаных адзінак;
- 10) часцінамоўная прыналежнасць скарачаных лексічных адзінак (таксама пазначаюцца адпаведныя катэгарыяльныя прыкметы);
- 11) адпаведнікі ў беларускай мове;
- 12) варыятыўнасць і сінанімія перакладных беларускіх адпаведнікаў.

На першы погляд, пошук эквівалентаў пры перадачы іншамовных абрэвіятур не павінен ускладняць працу даследчыка, таму што паміж скарачанымі лексічнымі адзінкамі мовы-крыніцы і адпаведнымі разгорнутымі найменнямі ў мове перакладу можна прасачыць адносіны рознаструктурнай

намінатыўнай адпаведнасці. Тым не менш, падчас пошуку карэлятыўных абрэвіятур у супастаўленых мовах выяўляюцца безэквівалентныя адзінкі. Даследаванне міжмоўнай эквівалентнасці абрэвіятур мы праводзім у напрамку ад англійскай мовы да беларускай, таму выпадкі безэквівалентнасці / лакуарнасці адзначаем для шэрагу англійскіх абрэвіятур у супастаўленні з беларускай мовай.

У залежнасці ад структурна-дэрывацыйнай спецыфікі англійскіх абрэвіятур розных тыпаў, а таксама ад ступені іх асвоенасці ў беларускай мове семантызацыя англійскіх скарачаных лексем у Слоўніку адбываецца шляхам транскрыпцыі, транслітарацыі, калькавання, эксплікацыі.

Транслітарацыя выступае найбольш аптымальным спосабам семантызацыі складанаскладовых абрэвіятур і часткова – ініцыяльных, напрыклад: **laser** *n light amplification by stimulated emission of radiation* ‘лазер’; **UEFA** *Union of European Football Associations* ‘УЕФА’.

Выкарыстанне транскрыпцыі ўласціва пры семантызацыі ініцыяльных скарачаных адзінак накіштал **NBC** *National Broadcasting Company* ‘Эн-бі-сі’; **CNN** *Cable News Network* ‘Сі-эн-эн’.

Сродкі эксплікацыі ўжываюцца для лексікаграфічнага апісання ў Слоўніку скарачаных лексічных адзінак з нацыянальна-культурным кампанентам. Так, паводле Г. Вяжбіцкай, семантыка можа мець экспланаторную сілу толькі пры ўмове, што яна здольна «патлумачыць» або эксплікаваць складаныя і неакрэсленыя значэнні на мове простых і ясных [4, с. 25]. Аўтар звяртаецца да эксплікацыі канцэптаў (explication of concepts) для выяўлення значэння культурна-спецыфічных ключавых слоў розных моў. Паводле нашых назіранняў, зварот да эксплікацыі можа быць абумоўлены не толькі экстралінгвістычнай спецыфікай безэквівалентных абрэвіятур-рэалій, але таксама інтралінгвістычнымі фактарамі, сярод якіх у першую чаргу вылучаюцца пэўныя намінатыўныя тэндэнцыі (напрыклад, актыўнасць складанаскладовай і ініцыяльнай абрэвіяцыі, а таксама імкненне сучаснай англійскай мовы да монасілабізму). У падобных выпадках тлумачальны пераклад становіцца найбольш аптымальным спосабам семантызацыі скарачаных слоў: **BYO** *bring your own australian*, *novazela*. ‘рэстаран, які не мае ліцэнзіі на продаж спіртнога’ (дазваляецца ўжываць прынесеныя напіткі); **HJR** *House joint resolution amer.* ‘супольная рэзалюцыя абедзвюх палат Кангрэса’.

Такі спосаб семантызацыі скарачаных слоў, як калькаванне заключаецца ў замене састаўных частак лексічнай адзінкі з мовы-крыніцы іх адпаведнікамі ў мове перакладу: **UFO** *unidentified flying object* ‘НЛІА’. Заслугоўвае асобнай увагі разгляд адносінаў паміж беларускімі абрэвіятурамі-калькамі і іх утваральнымі асновамі. Існаванне паралельнага калькавання зыходнага намінатыўнага словазлучэння мовы-крыніцы з калькаваннем адпаведнай іншамовнай абрэвіятуры прыводзіць да пераносу матывацыйных адносін паміж імі з мовы-крыніцы (англійскай) у мову-рэцыпіент (беларускую). У выніку ў сістэме беларускага словаўтварэння абрэвіятуры-калькі займаюць тое ж месца, што і ўласнабеларускія абрэвіятуры,

нягледзячы на тое, што матывацыйныя адносіны ў такіх выпадках з'яўляюцца толькі адлюстраваннем матывацыйных адносін мовы-крыніцы.

Нарэшце, даволі распаўсюджаным у Слоўніку з'яўляецца спалучэнне некалькіх спосабаў семантызацыі скарачаных слоў. Так, спалучэннем транслітарацыі і перакладу адпаведнага поўнага наймення перадаюцца назвы ўстаноў і арганізацый: *Euroatom European Atomic Energy Community* 'Еўрапейскае супольніцтва па атамнай энергіі, Еўратам'; *Interpol International Police* 'Міжнародная арганізацыя крымінальнай паліцыі, Інтэрпол'. Часам адбываецца спалучэнне транскрыпцыі і эксплікацыі, напрыклад: *VJ video jockey* 'ві-джэй, вядучы музычных праграм на тэлебачанні'; *yuppie young urban professional* 'япі, малады паспяхова прафесіянал'.

Такім чынам, у «Англійска-беларускім слоўніку скарачэнняў» у лексікаграфічна апрацаваным выглядзе прадстаўлена абрэвіятурная падсістэма сучаснай англійскай мовы ў супастаўленні з беларускай мовай. Слоўнік разлічаны на шырокае кола карыстальнікаў: студэнтаў-філолагаў, выкладчыкаў, перакладчыкаў, навукоўцаў, а таксама адрасуецца ўсім, хто цікавіцца англійскай і беларускай мовамі.

УДК 81.161.1'373.2+81'27

Спіс літаратуры

1. Волкова, Н. О. Англо-русский словарь сокращений / Н. О. Волкова, И. А. Никанорова. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1999. – 464 с.
2. Англо-русский словарь сокращений / сост. Г. К. Левчук. – Минск: БелЭн, 2001. – 528 с.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Ин-т языкознания РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Wierzbicka, A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1997. – 317 p.

Кардубан Юлія Мікалаеўна, выкладчык кафедры тэорыі і практыкі англійскай мовы МДЛУ (Мінск, Беларусь).

The article focuses on the author's conception of lexicographic entry in the translation English-Belarusian Dictionary of Abbreviations. The dictionary body comprises about 8 500 English abbreviations in common use accompanied by their full forms and Belarusian translation equivalents. The article gives an account of the main lexicographic parameters employed to describe both lexical abbreviations and graphic shortenings. The ways of adoption of English abbreviations by the Belarusian language (such as transcription, transliteration, loan translation and explication) are analysed in the paper.

Н. А. Максимчук, Н. В. Бубнова

О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА И ОПИСАНИЯ МАТЕРИАЛА В УЧЕБНОМ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ¹

Излагается возможный подход к определению состава словника регионального ономастического словаря антропоцентрической ориентации и демонстрируются способы представления содержания заголовочных единиц. В основе данного подхода лежит опора на общеобязательные региональные фоновые знания, в качестве основных инструментов выявления которых используются методы анкетирования и ассоциативного эксперимента. Реализация описанных принципов иллюстрируется материалами учебного ономастического словаря Смоленского края.

Лексикография конца XX века, по замечанию Ю. Н. Караулова, характеризуется наличием двух разнонаправленных тенденций – «к созданию системно-ориентированных словарей и антропо-ориентированных словарей» [1, с. 16]. Особенностью системно-ориентированных словарей является то, что «человек, для которого создается словарь, отступает в густую тень, а то и вовсе забывается лексикографом» [2, с. 142]. При составлении же словарей антропоцентрического типа «пользователь как бы заказывает лексикографу изготовление словаря с определенными свойствами точно так же, как, например, клиент заказывает портному костюм определенного качества и фасона» [2, с. 144].

Идеи антропоцентричности по отношению к словарному делу отчетливо прослеживаются в работах В. Г. Гака, Л. А. Новикова, Ю. Н. Караулова, В. П. Беркова, П. Н. Денисова, В. И. Зиминой, Л. П. Крысиной и многих других отечественных лингвистов второй половины XX века; при этом, по замечанию Г. Ф. Богачёвой [3], «концептуальное оформление» антропоцентрический подход к лекси-

кографированию получил в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина и связан, прежде всего, с именем В. В. Морковкина [4–6].

С позиций потребностей практического изучения русского языка и культуры преимущества словарей антропоцентрической ориентации представляются очевидными. В особой степени, на наш взгляд, это касается словарей ономастической лексики.

В современной лингвистике на фоне усиления общего интереса к национальной истории и культуре значительно возрос интерес к исследованию *имени собственного как культурного знака* (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. И. Толстой, Г. Д. Томахин, В. Н. Топоров, Е. Л. Березович, Н. Д. Бурвинова, В. В. Воробьев, М. В. Горбаневский, В. И. Супрун и др.). По замечанию В. Н. Топорова, имя – это та «парадоксальнейшая часть языка, где причина и следствие неразличимы, где «последний» смысл реформирует «первые»; имя – импульс культуры, поскольку оно вводит человека в знаковый космос, но оно и результат ее, поскольку его смыслы возрастают в пространстве культуры, ею держатся и ею же контролируются» [7, с. 382]. Овладение лингвокультурологической информацией, аккумулированной в имени собственном, можно рассматривать как эффективный способ приобретения языковой личностью общеобязатель-

¹ Выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-18014е.

ных *фоновых знаний*, то есть «сведений, изначально присущих членам данного языкового коллектива на определенном этапе его развития» [8, с. 41].

Как известно, продуктивным способом выявления фоновых знаний носителей языка признан ассоциативный эксперимент: выделение в ходе ассоциативных экспериментов достаточно обширной области стереотипного ассоциирования позволяет говорить о типичности для носителей языка и их отдельных групп определенных наборов ассоциаций. Типичность ассоциаций можно рассматривать как на уровне общих направлений ассоциирования, так и в плане совпадения наиболее частотных реакций на конкретные стимулы. Выявление типичных реакций, если иметь в виду не только формально-языковой, но и содержательный их аспект, позволяет определить структуру и содержание *ассоциативно-культурного фона* (АКФ) [9, с. 166] любой языковой единицы. Совокупностью сведений, заключенных в ассоциативно-культурном фоне общезначимых для данного социума языковых единиц, и формируются общеобязательные фоновые знания.

Основные принципы и способы построения антропо-ориентированного ономастического словаря раскроем на примере регионального учебного словаря собственных имен Смоленского края. Реализация антропоцентрического подхода в таком словаре проявляется как в способах представления и организации языкового материала, так и в самом подходе к его отбору.

Целью учебного лингвокраеведческого словаря онимов является «предоставление адресату доступа к заключенной в именах собственных информации, составляющей важный компонент общеобязательных региональных знаний как основы социализации языковой личности в региональном культурно-языковом пространстве» [10, с. 759]. В основу определения состава Словника положены две группы принципов.

Первую группу принципов отбора заголовочных единиц составляют объективные показатели значимости имени собственного: включенность онима в структуру региональных фоновых знаний смолян и индекс частотности ономастической единицы, необходимый для установления ядра и периферии описываемой структуры.

С целью выявления региональных ономастических фоновых знаний смолян были применены методы анкетирования с элементами ассоциативного эксперимента.

В опросе приняли участие 1650 респондентов. В анкете участника указывались следующие социально-биографические характеристики: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства (город Смоленск или один из районов области). Выбором в качестве участников опроса представителей разновозрастных и разносоциальных групп обеспечивалась достоверность получаемых результатов и их релевантность поставленной цели. Респондентам предлагалось в течение одной минуты записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется слово *Смоленщина*. На основе полученного материала была создана электронная База данных, включающая 1212 онимов-реакций (13471 употребление).

Анализ содержания Базы данных показал, что в ономастической составляющей ассоциативно-культурного фона топонима *Смоленщина* достаточно полно и точно отражаются культурные, исторические, географические, общественно-политические, бытовые и другие стороны рассматриваемого социокультурного пространства. В результате обработки материала в составе региональных фоновых знаний смолян было выявлено два типа ономастических единиц:

1) онимы-носители духовной культуры, формирующие по терминологии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «фоновые знания культурного наследия»: в качестве примеров, прежде всего, приведем ядерные смоленские онимы, названные представителями всех групп респондентов независимо от возраста, уровня образования, места жительства и др.: *Днепр, Успенский собор, Крепостная стена, Ю. А. Гагарин, М. И. Глинка, А. Т. Твардовский, Смоленск, М. В. Исаковский, Ф. С. Конь, М. К. Тенишева, Н. И. Рыленков, Василий Тёркин*;

2) онимы-носители материальной культуры, составляющие «актуальные фоновые знания»: названия магазинов, общественных учреждений, производственных предприятий, ресторанов и кафе, домов культуры и клубов и т. п.

На этом основании в предлагаемый нами словарь были включены не только имена культурно-исторического плана (часть которых принадлежит общенациональному уровню фоновых знаний и, следовательно, может быть описана в общих словарях), но и обычно остающиеся за рамками учебных словарей и пособий общей адресации онимы бытовой и узлокальной сферы, выполняющие роль пространственных «ориентиров» при вхождении языковой личности в конкретную языковую среду. Это, как и описанный способ выявления ономастической информации, определяет новизну рассматриваемого словаря.

Вторую группу принципов отбора собственных имен для Словаря составляют экспертная оценка и ассоциативно-тематическое выравнивание. Перед экспертами ставятся задачи установления достаточности / недостаточности списка исходных ономастических единиц и уточнения границ ядра и периферии. Такая процедура дает возможность включить в Словник содержательно значимые онимы, по каким-то причинам не представленные в составе выявленных фоновых знаний смолян или имеющие низкий индекс частотности.

Отличительной чертой словарного описания заголовочных единиц является его комплексный характер, что обусловлено как разнообразием включенных в Словарь типов собственных имен, так и разноплановостью информации, сопровождающей заголовочную единицу и формирующей ее ассоциативно-культурный фон. Тип словарной статьи определяется характером заголовочной единицы, то есть степенью ее информативности и местом в структуре той культурно-исторической сферы, к которой она принадлежит.

Двойственная природа имен собственных обуславливает потребность совмещения понятийно-системной и системно-языковой интерпретации заголовочных единиц, что определяет особенности структуры словарной статьи.

В типовой структуре словарной статьи выделяются две словарные зоны: зона языковых сведений (ЯС) и зона предметных сведений (ПС).

Основными элементами языковой зоны являются: акцентологическая, грамматическая, словообразовательная характеристики и сопутствующие сведения (о переходе имени собственного в разряд нарицательных, о его фразеологической ценности, об этимологии и др.).

Предметная зона строится в соответствии с типом (большую часть единиц словника составляют топонимы и антропонимы) и статусом (ядро – периферия) заголовочной единицы.

Так, в зону ПС о *топонимах*-названиях населенных пунктов входят: сведения о местонахождении, территории, природных особенностях, населении; историческая справка; указание связанных с данным местом событий; названия местных достопримечательностей и известных людей. В зоне ЯС приводятся форма родительного падежа, оттопонимное прилагательное, наименования жителей (этнонимы), устойчивые сочетания, в которые входит название, этимология, указываются особенности функционирования топонима.

В структуру зоны ПС при описании *антропонима* входят следующие позиции: время и место рождения (если оно связано со Смоленщиной), род деятельности носителя имени; основные события биографии; произведения; сопутствующие сведения; связь со Смоленским краем. В зоне ЯС указывается: форма родительного падежа, отантропонимное прилагательное и существительное (если есть), этимология, особенности функционирования. В качестве дополнительных сведений в статье могут приводиться текстовые материалы, названия тематически связанных художественных произведений и др.

В качестве примера приведем вариант словарной статьи о ядерном смоленском имени собственном, называющем первого космонавта планеты, – Ю. А. Гагарин.

ГАГАРИН Юрий Алексеевич (1934–1968)

Лётчик-космонавт, Герой Советского Союза (1961 г.). Родился в селе Клушино Гжатского района Смоленской области. 12 апреля 1961 года впервые в истории человечества совершил *полёт в космос* на космическом корабле «Восток». Участвовал в обучении и подготовке экипажей космонавтов. Трагически погиб во время учебного полёта на самолёте. Именем Гагарина названо научно-исследовательское судно. Имя Гагарина присвоено городу *Гжатску*. На Смоленщине в память о великом земляке установлены *бюст и памятник*, созданы *музей и детская организация*, назван центральный *проспект* и прилегающий к нему бульвар Смоленска, утверждена *областная премия*.

Род. Гагарин|а Юри|я Алексеевич|а, м. || *прил.* гага́ринский; *сущ.* гага́ринцы. ◆ Полёт Гагарина; Улыбка Гагарина; ◆ Гагаринская весна; Гагаринские чтения; Поехали! – фраза, сказанная Гагариным при запуске космического корабля «Восток». *Этим.* Фамилия образована от неканонического имени Гагара: гагара – крупная водяная птица, обычно чёрного цвета. Пословица – *Сколько ни мой гагару, всё чёрная*, поэтому Гагарой иногда называли черноволосого, смуглого человека. По звуку, издаваемому этой птицей, Гагарой могли также прозвать хохотуна, весельчака-зубоскала.

Помимо выделения специализированных зон в микроструктуре словарных статей всех типов,

макроструктура Словаря дает представление о разграничении ядра и периферии фоновых ономастических знаний, что усиливает учебную направленность Словаря.

Построенные таким образом ономастические словари, совмещающие справочные и обучающие функции, могут быть весьма полезны для всех вступающих в новый региональный социум.

Построенный на описанных принципах проект регионального ономастического словаря можно рассматривать как некий инвариант, который при помощи определенных методических усилий может быть конкретизирован для создания серии учебных словарей, отвечающих запросам различных пользователей: от учащихся российских школ до изучающих русский язык иностранцев.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии / Ю. Н. Караулов // Советская лексикография / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Русский язык, 1988. – С. 5–18.
2. Морковкин, В. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина, ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1997. – 414 с.
3. Богачёва, Г. Ф. Абсолютная ценность русского слова в аспекте учебной лексикографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Ф. Богачёва. – М., 2011. – 24 с.
4. Морковкин, В. В. О базовом лексикографическом знании / В. В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: сб. ст. / под ред. В. В. Морковкина, Л. Б. Трушиной. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 102–117.
5. Морковкин, В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию / В. В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Наука, 1988. – С. 131–136.
6. Морковкин, В. В. Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии / В. В. Морковкин, Е. М. Кочнева // EURALEX's Proceedings I – II / Eds.: H. Tommola, K. Varantova, T. Salmi-Tolonen, J. Schoop. – Tampere, 1992. – P. 81–87.
7. Топоров, В. Н. Имя как фактор культуры / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – С. 380–383.
8. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
9. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: в 2 ч. / Н. А. Максимчук. – Смоленск: СГПУ, 2002. – Ч. 1. – 184 с.
10. Максимчук, Н. А. Региональный ономастический компонент в структуре обучения РКИ и в учебной лексикографии / Н. А. Максимчук // XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве»: в 5 т. / под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова. – Шанхай: Изд-во ШУИЯ, 2011. – Т. 1. – С. 757–762.

Максимчук Нина Алексеевна, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания СмолГУ, доктор филологических наук, профессор (Смоленск, Россия).

Бубнова Нина Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков ВА ВПВО ВС Российской Федерации им. маршала Советского Союза А. М. Василевского, кандидат филологических наук (Смоленск, Россия).

The paper presents a possible approach to the delineation of the vocabulary of regional onomastic dictionary anthropocentric orientation and demonstrate how to view the content of the header unit. The basis of this approach is the reliance on generally binding regional background knowledge, the basic tools which are used to identify methods of questioning and the association experiment. Implement this principle is illustrated educational materials onomastic dictionary Smolensk region.

УДК [811.111 + 811.161.3] 373 (045)

Т. М. Суша

АНГЛІЙСКА-БЕЛАРУСКІ СЛОЎНІК = ENGLISH-BELARUSIAN DICTIONARY: ЛЕКСІКАГРАФІЧНАЯ КАНЦЭПЦЫЯ ПРАЕКТА

Излагается лексикографическая концепция проекта «Английско-беларускага слоўніка = English-Belarusian Dictionary», работа над которым завершена коллективом авторов в Минском государственном лингвистическом университете. Анализируются теоретические и практические вопросы переводной лексикографии на материале английского и белорусского языков. Излагаются принципы и параметры лексикографического описания английского и белорусского языков в Словаре. Обосновывается принцип системности описания – один из основных принципов современной лексикографии. К основным параметрам описания английских заголовочных слов отнесены: произношение, частеречная принадлежность, многозначность, омонимия, стилистическая маркированность, территориальная вариативность, фразеологизация и идиоматизация заголовочных слов. В белорусской части проекта Словаря в переводных эквивалентах и аналогах показано ударение, отражены синонимы и варианты.

Беларуская лексікаграфія мае даўнюю традыцыю і багата прадстаўлена слоўнікамі розных тыпаў. Іх пералік і класіфікацыю мы знаходзім у грунтоўнай працы В. Кіпеля, З. Саўкі [1], а таксама ў бібліяграфіі беларускіх слоўнікаў, складзенай В. К. Шчэрбіным [2]. Аналіз вышэйзгаданых прац дазваляе сцвярджаць, што ў гэтай галіне беларускага мовознаўства недастаткова прадстаўлены перакладныя іншамовна-беларускія і беларуска-іншамовныя слоўнікі. Выключэнне складаюць толькі руска-беларускія [3], беларуска-рускія [4], польска-беларускія [5] слоўнікі. Колькасць грунтоўных слоўнікаў, дзе прысутнічае беларуская мова як мова-крыніца, з якой робіцца пераклад, ці, наадварот, як мова-мета, на якую робіцца пераклад, вельмі нязначная (сюды мы адносім і шматомовныя слоўнікі) [6]. Яшчэ больш кароткі спіс англійска-беларускіх і беларуска-англійскіх слоўнікаў агульнага тыпу. Большасць англійска-беларускіх наяўных слоўнікаў – гэта слоўнікі невялікага памеру, як ія ахопліваюць не больш за 10–15 тысяч лексем [7, 8], што не можа задаволіць ні патрэбы выкладання дадзенага тыпу моў, ні патрэбы міжкультурнай камунікацыі. «Ангельска-беларускі слоўнік» (каля 30 000 словаў, аўтар В. Пашкевіч, 2006 г.) [9], у англійскай частцы арыентуецца на амерыканскі варыянт англійскай мовы, а ў беларускай частцы – на «Беларускі класічны правапіс», што абмяжоўвае выкарыстанне вышэйзгаданага слоўніка.

Укладальнікі «Англійска-беларускага слоўніка» імкнуліся адлюстраваць сучасны стан як англійскай, так і беларускай моў. Таму ўкладанне англійска-беларускага слоўніка агульнага тыпу (60 000 слоўнікавых адзінак), які арыентуецца на сучасныя слоўнікі англійскай і беларускай моў XXI ст., можна лічыць актуальным і сучасным. Слоўнік такога тыпу і памеру падрыхтаваны ўпершыню і не мае аналагаў ні ў Рэспубліцы Беларусь, ні за яе межамі.

Моўны слоўнік – гэта заўсёды адбітак той эпохі, таго часу, у які ён укладаецца. Яго рэестр, энцыклапедычная і сацыякультурная інфармацыя аб слоўнікавых адзінках, лінгвістычныя параметры апісання знаходзяцца ў непасрэднай залежнасці ад канкрэтных культурна-гістарычных умоў, ад стану тэарэтычных лінгвістычных даследаванняў.

У слоўніку любога тыпу лексікон мовы прадстаўлены ў лексікаграфічна апрацаваным выглядзе ў

адпаведнасці з пэўнымі прынцыпамі і параметрамі. У нашым выпадку арыентацыя ідзе, у першую чаргу, на ўзровень развіцця тэорыі і практыкі перакладной лексікаграфіі, як айчынай, так і англійскай, а таксама лінгвістыкі ў цэлым, таму што, як неаднаразова адзначалася, слоўнікі выступаюць у якасці асноўнага канала, праз які мовознаўства можа данесці вынікі сваіх даследаванняў да шырокага кола карыстальнікаў. Прынцып сістэмнасці апісання – гэта адзін з асноўных прынцыпаў сучаснай лексікаграфіі [10].

Тэарэтычная праблематыка перакладной двухмоўнай лексікаграфіі надзвычай шырокая. У дадзеным кантэксце сярод праблем і задач, якія разглядаліся і рашаліся пры ўкладанні «Англійска-беларускага слоўніка», неабходна назваць наступныя:

- 1) выявіць рэгулярныя сістэмныя карэляцыі ў лексіка-семантычных сістэмах англійскай і беларускай моў;
- 2) уніфікаваць апісанне слоў, якія належаць да аднаго і таго ж лексікаграфічнага тыпу;
- 3) знайсці міжмоўныя лексікаграфічныя адпаведнікі: эквіваленты і аналагі;
- 4) адлюстраваць нацыянальна-культурную лексіку англійскай мовы;
- 5) выявіць лексічныя і фразеалагічныя лакуны і спосабы іх кампенсацыі (тлумачальны пераклад);
- 6) сістэматызаваць апісанне ўстойлівых і фразеалагічных словазлучэнняў;
- 7) сістэматызаваць і ўніфікаваць падачы акцэнталагічна-арфаграфічных, фанетычна-арфаграфічных і іншых варыянтаў у беларускай частцы праекта Слоўніка.

Перакладны «Англійска-беларускі слоўнік», які падрыхтаваны ў Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце, характарызуецца ўлікам сістэмных сувязяў, якія існуюць у лексіконе, паслядоўнасцю падачы матэрыялу, разнастайнасцю лексікаграфічных параметраў апісання. Калі ўлічваць сучаснае вучэнне аб слове, прыёмы яго семантычнага аналізу і сінтэзу, пытанні мнагазначнасці і семантычнай неадназначнасці (полісеміі, аманіміі і філіяцыі значэнняў), вучэнне аб словазлучэннях, узаемадзеянне лексікі і граматыкі, варыятыўнасць, пытанні нормы, стылістыкі слова, тэрытарыяльнай / рэгіянальнай дыферэнцыяцыі лексікі, пытанні арфаграфіі – становіцца відавочным,

наколькі разнастайныя аспекты лексемы (слова і ўстойлівага словазлучэння, фразеалагізма) павінны быць адлюстраваны ў слоўніку.

У адпаведнасці з лексікаграфічнай канцэпцыяй у праекце «Англійска-беларускага слоўніка» (60 000 слоўнікавых адзінак) улічаны наступныя параметры апісання лексікону.

Англійская частка Слоўніка:

1) вымаўленне англійскіх загаловачных слоў (ужываецца міжнародная фанетычная транскрыпцыя (ІРА);

2) часцінамоўная прыналежнасць загаловачных слоў англійскай мовы;

3) полісемія англійскіх слоў;

4) аманімія англійскіх слоў;

5) стылістычная маркіраванасць англійскіх слоў (стылістычныя паметы);

6) прадметныя сферы (тэрміналагічная лексіка);

7) нацыянальна-культурная, культуралагічная лексіка англійскай мовы;

8) тэрытарыяльная варыятыўнасць англійскай мовы: брытанскі, амерыканскі варыянты (арфаграфічны аспект, часткова семантычны);

9) падача скарочаных лексем у асноўным корпусе Слоўніка;

10) устойлівыя словазлучэнні англійскай мовы;

11) фразеалагізацыя і ідыяматызацыя загаловачных слоў;

12) фразавыя дзеясловы англійскай мовы (give in, give up);

13) ілюстрацыйныя прыклады;

беларуская частка Слоўніка:

14) адпаведнікі (эквіваленты і аналагі) беларускай мовы;

15) сінанімія перакладных эквівалентаў;

16) варыятыўнасць перакладных беларускіх адпаведнікаў;

17) націск у адпаведніках беларускай мовы.

У беларускай частцы праекта «Англійска-беларускага слоўніка» улічаны «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» 2008 г. [11].

Рукапіс «Англійска-беларускага слоўніка» з'яўляецца праектам, у якім упершыню ў беларускай лексікаграфіі ў такім аб'ёме (60 000 слоўнікавых адзінак) даецца дэталёвае лексікаграфічнае апісанне англійскай і беларускай моў у аспекце міжмоўнай эквівалентнасці. У Слоўніку шырока прадстаўлена тэрміналогія, грамадска-палітычная лексіка, лінгвакультурныя рэаліі Вялікабрытаніі і ЗША.

Слоўнік адрасуецца студэнтам вышэйшых навучальных устаноў, каледжаў і ліцэяў, перакладчыкам, выкладчыкам ВНУ, настаўнікам, а таксама разлічаны на шырокае кола карыстальнікаў, якія цікавяцца англійскай і беларускай мовамі.

Публікацыя «Англійска-беларускага слоўніка» будзе садзейнічаць павышэнню прэстыжу беларускай мовы на міжнароднай арэне, пашырэнню міжкультурных контактаў, сфер функцыянавання беларускай мовы.

Спіс літаратуры

1. Кіпель, В. Беларускія слоўнікі й энцыклапедыі: Бібліяграфія / В. Кіпель, Зм. Саўка. – Нью-Ёрк – Менск: Беларускі інстытут навукі і мастацтва, 2001. – 568 с.
2. Шчэрбін, В. К. Гісторыя беларускай лексікаграфіі / В. К. Шчэрбін // Серыя: Лекцыі выкладчыкаў. – Мінск: МДЛУ, 1994. – № 4. – 36 с.
3. Руска-беларускі слоўнік: у 2 т. / рэд. К. К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). – 3-е выд., выпр., дап. – Мінск: БелСЭ, 1991. – 2 т.
4. Беларуская-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь: у 3 т. / НАН Беларусі, І-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы), А. І. Падлузнага. – 3-е выд., папраўл. і дап. – Мінск: БелЭН, 2003. – 3 т.
5. Волкава, Я. В. Польшка-беларускі слоўнік / Я. В. Волкава, В. П. Авілава; пад рэд. Г. А. Цыхуна. – 2-е выд. – Мінск: БелЭН, 2005. – 880 с.
6. Hajczuk, R. English-Polish-Russian-Belarusian Dictionary on Informatics and Computer Technology / R. Hajczuk, A. Zubow. – Bialystok, 2003. – 835 p.
7. Англійска-беларуска-рускі слоўнік / Т. М. Суша [і інш.]; пад агул. рэд. Т. М. Сушы, А. К. Шчукі, П. Дж. Мэё. – 2-е выд., папраўл. і дапрац. – Мінск: БелЭН, 2004. – 400 с.
8. Карповіч, Л. Т. Англа-беларускі слоўнік грамадска-палітычнай лексікі / Л. Т. Карповіч, Л. А. Казыра. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 459 с.
9. Пашкевіч, В. Ангельска-беларускі слоўнік / В. Пашкевіч; пад рэд. Сяргея Шупы. – Мінск: Зміцер Колас, 2006. – 1028 с.
10. Языковая картина мира и системная лексикография / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
11. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. – Мінск: Нац. цэнтр прав. інфарм. Рэсп. Беларусь, 2008. – 144 с.

Суша Тамара Мікалаеўна, прафесар кафедры лексікалогіі англійскай мовы МДЛУ, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (Мінск, Беларусь).

The article gives an account of the lexicographic conception of the English-Belarusian Dictionary = Англійска-беларускі слоўнік. This bilingual translation dictionary has been compiled by a group of linguists at Minsk State Linguistic University. Some theoretical and practical issues of translation lexicography are analysed in the article with the reference to the English and Belarusian languages.

УДК 81'374.3

Н. Н. Щербакова

«ЭКСТРЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ» КАК ДИАЛОГОВОЕ ОКНО «ЛЕКСИКОГРАФ – ПОТРЕБИТЕЛЬ»

Анализируется специфика лексикографических потребностей современного российского региона по результатам работы службы «Экстренной лингвистической помощи» Омского государственного педагогического университета.

Лексикография, занимающаяся теорией и практикой составления словарей, является тем разделом языкознания, для которого характерна наиболее выраженная направленность на широ-

кого потребителя лингвистической информации. Лингвистическая наука XXI в. стремится воплотить в словарной форме все аспекты полученных знаний, поэтому в новейших словарях объектом

описания становятся не только слова, но и иные языковые единицы.

Современная лексикографическая ситуация в Российской Федерации часто характеризуется как словарный бум. Вместе с тем рядовой потребитель лексикографической продукции не всегда в состоянии решить возникающие вопросы при помощи словаря. Об этом свидетельствует практика службы «Экстренной лингвистической помощи» (далее – ЭЛП) при Омском государственном педагогическом университете, созданная в рамках социального информационно-просветительского проекта «Современный русский», который функционирует в ОмГПУ с января 2008 года. Многоаспектная деятельность проекта, получившая признание и поддержку не только на региональном, но и на российском уровне, подчинена цели повышения интереса к русскому языку и культуре речи. ЭЛП – одно из самых востребованных направлений проекта, о чем свидетельствует как количество заданных вопросов (на сегодняшний день более 11 тысяч), так и обширная география (в службу обращаются жители не только Омской области, но и других регионов России, а также граждане, проживающие в Европе, США, Австралии и т. д.). Возможность получить ответ на интересующий вопрос непосредственно в живом контакте (по телефону или ICQ) привлекает самую разнообразную аудиторию и позволяет выявить наиболее существенные проблемы пользователя лексикографической продукции, имеющей ортологическую направленность. Вопросы, поступающие в ЭЛП, носят разнообразный характер, однако пальму первенства прочно удерживают проблемы орфографии. Этот, казалось бы, странный факт объясняется как типовыми представлениями наших граждан о грамотном человеке (по данным проведенных нами опросов, грамотным является, прежде всего, тот, кто пишет без ошибок, причем именно орфографических), так и сложностью некоторых правил русской орфографии. Так, частотными являются вопросы о правописании одной и двух букв «н» в конкретных словах, что неудивительно: детали правила, которое, скорее, следует назвать инструкцией, после окончания школы обычно быстро забываются, а кроме того, обширную группу в этой инструкции составляют слова-исключения, состав которых тоже нелегко удержать в памяти человеку, не занимающемуся орфографией по долгу службы.

Частотными являются также вопросы о значении новых слов, которые активно заимствуются русским языком. Это названия новых профессий, разнообразной промышленной продукции, а также юридическая и экономическая терминология.

Из проблем грамматики самыми востребованными вопросами на протяжении всего периода существования ЭЛП являются проблемы склонения имен и фамилий.

Отметим, что значительная часть тех, кто обращается за лингвистической помощью (примерно 87% от всех обращений), – это взрослые люди, часто связанные с необходимостью оформлять документы различного рода, при этом обращение к профессиональным лингвистам возникает обычно

на фоне либо безуспешной попытки самостоятельно решить проблему, либо на фоне возникших разногласий.

Опыт ЭЛП свидетельствует о несформированности у обращающихся граждан такого компонента лексикографической культуры, как лексикографическая компетенция, которая определяется как умение пользоваться словарями и извлекать из них необходимую информацию. Структура данной компетенции, описанная В. А. Козыревым и В. Д. Черняк, предполагает осознание потребности обращения к словарю для решения познавательных и коммуникативных задач; умение выбрать нужный словарь в зависимости от конкретных познавательных задач; умение воспринимать текст словаря и извлекать из него необходимую информацию о слове [1, с. 8].

Обзор вопросов, поступивших в ЭЛП, демонстрирует наличие у многих из тех, кто обращается за помощью, наличия только первого компонента – осознания потребности обращения к справочному источнику. Стоит, однако, упомянуть и о том, что в роли справочного источника, обладающего непререкаемым авторитетом, для многих является эталонная языковая личность, в качестве которой иногда предлагается родственник (сосед, учитель, коллега по работе и т. д.), который не является филологом, но работал на какой-либо ответственной работе, а потому имеет опыт оформления документов. Степень доверия к такому человеку иногда намного превышает желание самому обратиться к справочному изданию.

Все остальные компоненты, к сожалению, остаются несформированными в должной степени: те, кто звонит, обычно могут выбрать нужный словарь, но, к сожалению, не всегда умеют им воспользоваться. В 2010 году в рамках проекта было организовано новое направление – «Деловой русский», предложившее региональному бизнес-сообществу услуги, связанные с повышением ортологической компетенции. На занятиях, проведенных сотрудниками филологического факультета ОмГПУ на предприятиях и в учреждениях г. Омска, указанная выше проблема обозначилась еще серьезнее: читать словарь многие носители не просто не умеют, но и не пытаются учиться. Хороший лексикографический источник, по их мнению, должен быть кратким и давать однозначный ответ на любой вопрос. Вариативность норм вызывает, как правило, раздражение. Данное обстоятельство обусловлено несколькими факторами. Это не только привычка к однотипности норм, воспитанная многолетней школьной практикой, но и реакция носителя языковой системы, которая в стремлении к идеальному состоянию требует как заполнения всех «клеток» конкретным речевым материалом, так и наличия в этих «клетках» лишь одного элемента.

Среди задаваемых вопросов довольно часто обнаруживается регулярность обращения к одной и той же конкретной проблеме, конкретному слову, форме. Например, неоднократно поступали вопросы о лексическом значении слов *консенсус*, *саммит*, *менеджер*, *инвестиция*; об образовании форм 1-го лица глаголов типа *победить*, *пылесосить*, *убедить*; о произношении слов типа *булочная*, *молочный* и т. д.

Фиксация часто задаваемых вопросов говорит о том, в какой области в большей мере у тех, кто обращается за лингвистической помощью, возникают трудности с употреблением слов и выражений, о наличии у общества определенных лексикографических потребностей и о том, что оно нуждается в особых словарях, в которых были бы отражены ответы на эти вопросы. Служба ЭЛП, будучи средством обратной связи, позволяет увидеть наиболее актуальные проблемы и определить направления работы над малоформатными (карманными) словарями в рамках проекта «Современный русский». По результатам работы ЭЛП в ОмГПУ осуществлено три выпуска таких словарей, объединенных в серию «За словом в карман».

Первый выпуск такого малоформатного издания был своего рода «пробным камнем». Он содержал ответы на множество вопросов по самым разнообразным проблемам орфографии, орфоэпии, грамматики [2]. Однако вскоре шквал звонков от так называемого делового сообщества потребовал издания словаря-справочника «Папка делового человека», в котором, помимо словарной части, представленной экономическими и юридическими терминами, даны образцы оформления наиболее востребованных документов. Давая образцы, авторы словаря ответили и на частотные вопросы, полученные в ходе работы службы ЭЛП: почему в одних случаях слово «заявление» пишут со строчной буквы, а в других – с прописной; где ставить инициалы: до или после фамилии; ставить ли запятую после оборота «с уважением» в конце письма и т. п. Создавая краткий словарь востребованных терминов, авторы учли интерес аудитории к происхождению слов и дали краткую справку по данному поводу для каждого случая [3].

В 2011 году при грантовой поддержке фонда «Русский мир» был осуществлен выпуск малоформатного словаря, посвященного проблемам склонения имен и фамилий [4]. Словарь содержит правила склонения имен и фамилий и обширные списки конкретных антропонимов, к которым эти правила могут быть применены. Кроме того, даются краткие сведения о происхождении некоторых имен и фамилий.

Малоформатные словари были позитивно восприняты пользователями. Беседы с теми, кто приобретал эти издания, позволили выявить, что достоинствами подобного рода изданий называлась не только актуальность предложенной информации, но и объем справочника. Поэтому нельзя отказываться от подобного рода изданий, поскольку малоформатный словарь способен приобщить пользователя к лексикографическому источнику и тем самым содействовать формированию и дальнейшему развитию его лексикографической компетенции.

Список литературы

1. Козырев, В. А. Русская лексикография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 283 с.
2. За словом в карман: карманный словарь делового человека / под ред. Е. П. Елисеевой. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – 62 с.
3. Папка делового человека: словарь-справочник. Сер. «За словом в карман» / под ред. Н. Н. Щербаковой. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. – Вып. 2. – 100 с.
4. Глотова, Е. А. О склонении имен и фамилий: словарь-справочник / Е. А. Глотова [и др.]; под ред. Е. А. Гловой, Н. Н. Щербаковой. – Омск: Стивэс, 2011. – 137 с.

Щербакова Наталья Николаевна, профессор кафедры русского языка и лингводидактики ОмГПУ, доктор филологических наук, доцент (Омск, Россия).

The report analyzes the specific of the modern Lexicography in the modern Russian region as a result of the service «Emergency linguistic assistance».